RUSSKII VIESTNIK
V. 101, 1872

GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
6 FEB 1925

Slav 20.5

МАТЕРІАЛЫ

ДЛЯ ИСТОРІИ

КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ*

I.

Съ поступленіемъ Грузіи, въ концѣ прошедшаго столѣтія, въ подданство Россіи, войска наши двинулись за Кавказъ, чтобы защитить ее отъ вѣчныхъ нашествій окреснаго мусульманскаго населенія. Съ Персіей и Турціей скоро покончили; исходъ войнъ съ этими азіятскими державами, безъ сомнѣнія, всѣмъ извѣстенъ. ** Оставалось оградить наши новыя владѣнія отъ вторженій хищныхъ горцевъ и обезпечить сообщеніе Россіи съ Закавказьемъ.

Племена населяющія ущелья, долины и лѣса Кавказскихъ горъ составляютъ какой-то неразгаданный хаосъ всѣхъ

---

* Статья эта была начата вскорѣ послѣ взятія Гуниба (осенью 1859 года), но по обстоятельствамъ не могла быть въ свое время окончена, и хотя, можетъ-быть, потеряла современный интересъ, но какъ матеріалъ, полагаю, можетъ имѣть нѣкоторое значеніе для историковъ Кавказа. *Прим. автора.*

** Эпоха эта прекрасно очерчена въ почтенномъ трудѣ г. Дубровина: *Закавказье въ 1803—6 годахъ.*

возможныхъ оттѣнковъ рода человѣческаго: что ни шагъ, то особый языкъ, другая одежда, другія вѣрованія, другіе обычаи, иные нравы, словомъ, разнообразіе достойное удивленія и ожидающее изслѣдованія ученыхъ. Въ одномъ только сошлись всѣ эти племена: въ кровожадной наклонности къ войнѣ. Нѣтъ сомнѣнія что подобная страсть родилась вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ и мѣстныхъ условій, среди которыхъ образовались эти общества; не мало содѣйствовала этому и вѣра Магомета — причина застоя всѣхъ ея послѣдователей. Такъ или иначе, кавказскія племена точно такъ же считали необходимымъ элементомъ въ жизни войну, какъ другіе народы— хлѣбопашество, торговлю и пр. Благодаря обычаю превращать женщинъ въ рабочій скотъ, у горцевъ всегда было достаточно времени для занятія оружіемъ; а плодородіе сосѣднихъ плоскостей, богатство и изнѣженность ихъ жителей, сравнительно съ горцами, служили хорошею приманкой воинственнымъ дикарямъ, встрѣчавшимъ здѣсь слабое сопротивленіе.

Мусульманское духовенство, ради собственныхъ выгодъ и легчайшаго эксплуатированія массы, прибѣгло къ фанатизму и подливало масло въ огонь. Страсть къ грабежу нашла поддержку въ идеѣ служенія дѣлу вѣры; надежда на добычу смѣшалась съ надеждой будущихъ райскихъ благъ и съ новою силой возбудила воинственность горцевъ, считавшихъ себя совершенно безопасными въ недоступныхъ трущобахъ Кавказскаго хребта. Впрочемъ не всегда даже грабежъ и добыча вызывали въ горцахъ жажду войны: тутъ не рѣдко была любовь къ искусству ради искусства, была просто страсть; а это чувство вездѣ одинаково; оно безотчетно увлекаетъ человѣка, заставляя его забываться и рисуя въ заманчивой формѣ то отъ чего другой, непричастный этой страсти, отвернулся бы съ отвращеніемъ. Почти всякій Европеецъ возмутится при видѣ отрѣзанной головы или руки человѣческой, хотя бы и на полѣ сраженія; а посмотрѣли бы вы съ какою звѣрскою радостью отсѣкаетъ Лезгинъ правую руку у убитаго или даже тяжело раненаго врага, да еще и не врага, а просто человѣка другаго общества, защищавшаго свое семейство и имущество отъ хищнаго нападенія! И съ какимъ неподдѣльнымъ удовольствіемъ горецъ возвращается домой съ своимъ кровавымъ трофеемъ, возвѣщая свое прибытіе ружейными выстрѣлами и громкими пѣснями! Какъ торжественно онъ прибиваетъ надъ дверью своей

сакли отрѣзанную голову или кисть правой руки! Много ли при этомъ досталось добычи, или вовсе не досталось, это дѣло второстепенное, а главное—весь аулъ сбѣгается смотрѣть, хвалить, завидовать счастливцу, самодовольно взирающему на собравшуюся толпу, которая обступила его каменную саклю и разсматриваетъ только-что привѣшанную на колышкѣ, еще свѣжую, посинѣлую кисть человѣческой руки.... Я не разъ былъ свидѣтелемъ подобныхъ сценъ, и съ теченіемъ времени даже привыкъ къ такимъ зрѣлищамъ.

Однимъ словомъ, всѣмъ этимъ горскимъ племенамъ хотѣлось драться съ кѣмъ бы то ни было и за что бы то ни было,—лишь бы драться. Не было драки между собою изъ-за спорной земли, изъ-за похищенной дѣвушки или украденной коровы—такъ нападали на Грузію; а нѣтъ, такъ вторгались въ сосѣднія мусульманскія провинціи подъ какимъ бы то ни было предлогомъ.

Наше прибытіе за Кавказъ, наше желаніе защитить Грузію дало наклонности горцевъ какъ бы новую пищу: они обрадовались новому врагу, о существованіи котораго и не слыхали до тѣхъ поръ.

Занявъ Грузію, завладѣвъ сосѣдними мусульманскими провинціями (Ширванъ, Куба, Дербентъ и проч.), считая Шамхала Тарковскаго съ давнихъ поръ своимъ вассаломъ, имѣя по низовьямъ Терека древнія казачьи поселенія и открывая чрезъ земли Кабардинцевъ и Осетинъ свое сообщеніе съ Россіей, мы образовали кругъ — внутреннее пространство коего осталось въ рукахъ горцевъ. Имъ не понравился этотъ кругъ, какъ не нравится волку колючій плетень кругомъ овчарни. Они пытались прорывать его мы старались защищать; они увеличивали усиліе; мы въ свою очередь стали прибавлять войска, и такимъ образомъ, исподоволь, почти непредвидѣнно для обѣихъ сторонъ, возникла борьба, та знаменитая борьба которая въ теченіи 59 лѣтъ разрослась до огромныхъ размѣровъ, превратилась въ отчаянное сопротивленіе съ одной и въ энергическое нападеніе съ другой стороны, измѣнивъ совершенно начальныя роли борящихся: нападали мы, а защищались горцы.—Борьба сдѣлалась вопросомъ государственнымъ, и наши друзья на Западѣ не замедлили направить свои взоры на Кавказъ.

Подробное описаніе развитія и хода этой своеобразной войны—

дѣло исторіи; это будетъ интересный томъ (вѣрнѣе много томовъ) въ исторіи войнъ вообще, а въ исторіи Россіи въ особенности. Я ограничусь только краткимъ перечнемъ ея главныхъ эпизодовъ.

Въ первое время нашего вступленія за Кавказъ, горцы хотѣли попрежнему распоряжаться въ Грузіи какъ въ порабощенной странѣ. Разъ спустились они съ горъ къ р. Іорѣ, встрѣтились съ новымъ непріятелемъ и—были разбиты. (Дѣло генер. Гулякова, 1800). Горцы съ изумленіемъ смотрѣли на невѣдомыхъ имъ людей, на ихъ одежду, вооруженіе и образъ войны. Это первое пораженіе внушило имъ убѣжденіе въ непобѣдимости русскихъ войскъ, убѣжденіе удержавшееся почти безъ ослабленія до 40-хъ годовъ. Они съ тѣхъ поръ стали осторожнѣе и старались избѣгать встрѣчи съ нашими войсками, особенно въ мѣстахъ ровныхъ, открытыхъ.

До исхода 20-хъ годовъ дѣйствія противъ горцевъ ограничивались занятіемъ нѣсколькихъ важнѣйшихъ пунктовъ у подножія горъ и отдѣльными, незначительными (въ сравненіи съ послѣдующими) дѣйствіями противъ возмущавшихся, или безпокоившихъ насъ своими набѣгами обществъ. Природа ставила намъ на каждомъ шагу неодолимыя преграды: тутъ дремучія чащи лѣсныя съ топкими шавдонами (болотистые ручьи); тамъ скалы и едва проходимыя пропасти; здѣсь рѣки, водопады, переправы чрезъ которыя не вездѣ и не всегда возможны; въ одномъ мѣстѣ совершенный недостатокъ фуража, въ другомъ топлива, въ третьемъ убійственный климатъ—гнѣздо злокачественныхъ лихорадокъ и цынги. Но, несмотря на все это, преимущество дисциплинированныхъ войскъ надъ безпорядочными, хотя и воинственными ордами, храбрость нашихъ войскъ и энергія большинства тогдашнихъ генераловъ,—давали намъ почти постоянный перевѣсъ, тѣмъ болѣе что непріятель не составлялъ, какъ въ послѣдствіи, одно цѣлое, управляемою одною сильною волей; это были разъединенныя племена и общества, враждовавшія и между собою. Тогда достаточно было небольшой колонны въ 5 — 6 ротъ съ 2-мя пушками, чтобы наказать какой-нибудь аулъ, или даже отдѣльное общество за измѣну клятвѣ и покорности, или за какое-нибудь хищничество на плоскости; тогда громъ пушечнаго выстрѣла, звуки барабановъ и рожковъ — производили сильное дѣйствіе на дикарей! А висѣлицы, бывшія въ большой модѣ, тоже не мало содѣйствовали поддержанію этого страха...

Въ тѣ времена еще никому и въ голову не приходило смотрѣть на кавказскихъ горцевъ какъ на непріятеля, съ которымъ Россія ведетъ войну; утѣшали себя обманчивою мыслью, что это дескать буйныя племена, склонныя къ различнымъ „*шалостямъ*“, что нѣсколько разоренныхъ ауловъ, да нѣсколько ловѣшанныхъ и сосланныхъ въ Сибирь удержатъ остальныхъ отъ *шалостей*. Послѣ, когда эти шалости стали принимать бо́льшіе размѣры, мы прибѣгали къ занятію нѣсколькихъ важнѣйшихъ пунктовъ и къ постройкѣ тамъ крѣпостей. Бурная, Внезапная, Грозная и нѣсколько менѣе значительныхъ укрѣпленій, построенныя по распоряженіямъ А. П. Ермолова, прикрыли Моздокъ, Кизляръ и казачьи поселенія по Тереку. Въ то же время количество войскъ было увеличено, хотя и въ незначительной степени.—Тѣмъ не менѣе, еслибы въ высшихъ правительственныхъ сферахъ успѣлъ тогда установиться правильный взглядъ на кавказскія дѣла и—главное, опредѣлилась бы ясно цѣль къ которой слѣдовало стремиться, мы были въ такомъ положеніи что могли, безъ особенныхъ затрудненій, прочно утвердиться въ плоскихъ и предгорныхъ частяхъ края, прекративъ тѣмъ постоянныя кровавыя стычки и предупредивъ развитіе ожесточенной войны въ послѣдніе 30 лѣтъ. Но такимъ положеніемъ дѣлъ не воспользовались; да и винить въ томъ едва ли кого-нибудь можно: край и его населеніе были мало намъ знакомы; мѣстнымъ такъ-называемымъ почетнымъ людямъ слишкомъ много довѣряли, чѣмъ тѣ и пользовались во вредъ намъ; владычество наше въ Закавказскомъ краѣ, волнуемомъ разсѣявшимися членами царскихъ и ханскихъ домовъ, было не прочно; отношенія къ Персіи и Турціи натянутыя; безпрерывныя войны на Западѣ отвлекали все вниманіе и всѣ матеріальныя средства въ другую сторону. Однако положительно можно сказать что удобное время для прочнаго устройства нашихъ кавказскихъ дѣлъ было упущено, и мюридизмъ — этотъ зародышъ развившагося въ послѣдствіи бѣдственнаго періода — захватилъ насъ въ расплохъ. Мало знакомые съ населеніями Дагестана, мы не могли уразумѣть значенія фанатическихъ проповѣдей, казавшихся тогдашнему начальству пустяками, забавными затѣями муллъ, а тѣмъ болѣе принять соотвѣтствующія мѣры къ прекращенію зла до его развитія. Къ крайнимъ же мѣрамъ не рѣшались вѣроятно прибѣгнуть—по недостатку силъ. Даже свѣдѣнія о появившихся въ Кюринскомъ ханствѣ проповѣдникахъ *казават*

(священная война противъ невѣрныхъ) были приняты довольно равнодушно, судя по сдѣланнымъ по этому поводу распоряженіямъ, которыя носили характеръ болѣе полицейскихъ, чѣмъ военныхъ мѣръ. А что была въ то время полиція въ какомъ-нибудь Кюринскомъ ханствѣ? Какое вліяніе могъ имѣть тамъ кубинскій комендантъ, къ которому адресовались по дѣламъ этого владѣнія? оставалось положиться на самого хана, или другаго вліятельнаго мусульманина, а тѣ, почти безъ исключенія, служили „и нашимъ и вашимъ". Нашимъ отчасти изъ страха, а больше ради денегъ и подарковъ, своимъ — по единству вѣры, понятій, родственнымъ и всякимъ другимъ связямъ, наконецъ по единству затаеннаго, но глубокаго чувства ненависти къ гяурамъ... Судите же, каково могло быть исполненіе полицейскихъ мѣръ при такой обстановкѣ?—Крайне удивительно что А. П. Ермоловъ, извѣстный своимъ вѣрнымъ взглядомъ на всякое дѣло, своею неизмѣнною энергіей, — именно въ этомъ важномъ случаѣ какъ бы измѣнилъ себѣ, прибѣгнувъ къ полумѣрамъ, всегда болѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ, и, не оцѣнивъ вполнѣ значенія и послѣдствій казавата, отнесся къ дѣлу съ нѣкоторымъ равнодушіемъ; возможность уничтожить зло въ корнѣ была упущена.

Вскорѣ послѣ того возгорѣлась Персидская война; генералъ Ермоловъ былъ замѣненъ Паскевичемъ; тамъ началась Турецкая кампанія,—вниманіе наше отъ Дагестана было совсѣмъ отвлечено; мюридизмъ подъ шумокъ все болѣе и болѣе распространялся, пріобрѣтая съ каждымъ днемъ новыя толпы послѣдователей.

Съ 1830 года это новое ученіе стало обнаруживать послѣдствія уже не шуточныя. Подъ предводительствомъ Кази-Муллы, провозгласившаго себя имамомъ (духовнымъ главою) новой секты, большія толпы горцевъ ограбили уѣздный городъ Кизляръ, осаждали крѣпости Бурную, Дербентъ и Внезапную; безпрестанно вторгались на плоскости, возмущая покорныхъ намъ жителей, или разоряя ихъ за нежеланіе возставать. Устремивъ главное вниманіе на владѣніе Шамхала Тарковскаго и желая пріобрѣсти здѣсь побольше вліянія, Кази-Мулла рѣшился не ограничиваться временными нашествіями, а прочно утвердиться въ этомъ владѣніи; для этого онъ выбралъ лѣсное урочище Чумкескентъ, недалеко отъ значительнѣйшаго шамхальскаго аула Казанища, и укрѣпился въ немъ. Такая дерзкая попытка непріятеля, вздумавшаго на глазахъ нашихъ, на плоскости, основывать

себѣ постоянное пребываніе, вызвала наконецъ и отпоръ: былъ посланъ отрядъ для непремѣннаго овладѣнія Чумкескентомъ. Начальникъ этого отряда полковникъ Миклашевскій (горцы звали его „кара-пулковникъ“, т.-е. черный) оправдалъ свою старую репутацію: не взирая на отчаянную защиту лучшихъ мюридовъ, укрѣпленіе было взято штурмомъ; почти весь его гарнизонъ истребленъ; но и Миклашевскій палъ жертвою своей храбрости, пораженный мѣткою пулей въ грудь; отрядъ нашъ потерялъ 8 офицеровъ и 384 нижнихъ чиновъ. Кази-Мулла успѣлъ бѣжать въ аулъ Гимры и тамъ сталъ опять собирать толпы, увлекая легковѣрныхъ горцевъ обѣщаніемъ богатой добычи, изгнанія гяуровъ, блаженствъ въ будущей и совершенной свободы въ настоящей жизни!

Наступило временное спокойствіе, прочности коего, впрочемъ, само кавказское начальство не вѣрило; довольствовались тѣмъ что спокойствіе возстановлено хоть на нѣкоторое время. Опасаясь враждебныхъ дѣйствій Чеченцевъ, не принимали однако никакихъ мѣръ противъ этого; напротивъ, все какъ бы высказывало какую-то робость, какое-то задабриваніе: „не трогайте молъ только насъ“; хотѣли обойтись одними кроткими мѣрами и рады были что Чеченцы продолжали клятвенно увѣрять въ своей преданности.—Между тѣмъ изъ перехваченнаго письма ихъ къ Аварцамъ (тоже недовольнымъ близкимъ сосѣдствомъ нашихъ войскъ), гдѣ въ каждомъ словѣ проглядывала ненависть къ Русскимъ, можно было достаточно убѣдиться какая прочная гарантія для насъ—ихъ клятвы. Что горцы вообще не могли помириться съ присутствіемъ нашихъ войскъ, боясь солдатчины, налоговъ и вмѣшательства въ ихъ дѣла, было вполнѣ извѣстно. Но, какъ уже выше сказано, отсутствіе ясно опредѣленной цѣли къ которой слѣдовало стремиться, представляло широкое поле развитію личныхъ взглядовъ, измѣнявшихся съ каждою перемѣной нетолько главнокомандующихъ, но даже и менѣе значительныхъ частныхъ начальниковъ. Казалось бы вопросъ: стремимся ли мы покорить горцевъ и сдѣлаться полновластными распорядителями Кавказа, или же требуемъ отъ нихъ только пограничнаго спокойствія, долженъ былъ настойчиво требовать разрѣшенія, однако, судя по тогдашнимъ дѣйствіямъ, не соотвѣтствовавшимъ вполнѣ ни той, ни другой цѣли, должно полагать что этотъ насущный вопросъ какъ бы боялись затрогивать. Въ системѣ дѣйствій происходили поразительныя колебанія: то мы ограничивались чисто

лассивною обороной, то нами овладѣвала какая-то наступательная горячка, и отряды, въ разныхъ мѣстахъ, по горамъ и по лѣсамъ, кидались отыскивать непріятеля; то страсть къ дипломатіи брала верхъ, и мы изощрялись въ сочиненіи высокопарныхъ, въ восточномъ вкусѣ прокламацій, въ посылкѣ и пріемѣ „вліятельныхъ“ людей, въ щедрой раздачѣ цѣнныхъ подарковъ, въ составленіи трактатовъ, въ выгадываніи *прочныхъ* ручательствъ будущей покорности—въ видѣ присяги на Коранѣ, въ видѣ аманатовъ изъ „лучшихъ“ фамилій, въ видѣ денежной дани и пр. Но, само собою, при первомъ удобномъ случаѣ, клятвы мусульманъ предъ гяурами оказывались недѣйствительными; аманаты вмѣсто *знатныхъ* — байгушами (оборванцами), а денежныя дани—обманчивыми надеждами!...

Взгляды на положеніе кавказскихъ дѣлъ были самые противорѣчивые. Графъ Паскевичъ, напримѣръ, находилъ что до 30го года горцы ничего серіознаго не предпринимали потому что и мы дѣйствовали только миролюбивою политикой; что наши же наступленія вызвали и ихъ повсемѣстное вооруженіе. Замѣнившій его генералъ баронъ Розенъ гораздо правильнѣе взглянулъ на дѣло. Онъ писалъ что атакуя горцевъ вдругъ на нѣсколькихъ пунктахъ, мы, по крайней ограниченности средствъ, не могли эти пункты удерживать за собою; а временныя экспедиціи, не принося намъ никакой пользы, ослабляли насъ, раздражали горцевъ, которымъ удачные набѣги придавали все болѣе и болѣе дерзости. Если до сихъ поръ (1831), продолжалъ баронъ Розенъ, они ничего важнаго не предпринимали, то потому что *были разрознены*, между ними существовали несогласія и вражда. *Но когда какой-нибудь Кази-Мулла, или другой счастливый предпріимчивый предводитель успѣетъ соединить горцевъ* и произвести общее ихъ вооруженіе, *то это будетъ для насъ гибельно.*—Къ этому генералъ Розенъ прибавлялъ что онъ полагаетъ прежде обезпечить наши линіи, стараться пока мирною *торговою* политикой удерживать горцевъ отъ враждебныхъ дѣйствій; а потомъ уже идти рѣшительно и прочно занимать важнѣйшіе пункты. — Въ этомъ заключеніи нельзя не видѣть вліянія совершенно личныхъ, частныхъ обстоятельствъ. Баронъ Розенъ, безспорно одинъ изъ весьма умныхъ, образованныхъ генераловъ, имѣлъ несчастіе терпѣть во время только-что оконченной Польской кампаніи частыя неудачи и почти потерялъ свой корпусъ (Литовскій), который

частью былъ взятъ въ плѣнъ, частью передался Полякамъ. Особымъ расположеніемъ послѣ такихъ печальныхъ приключеній онъ пользоваться не могъ, хотя назначеніемъ на важный постъ главнаго начальника на Кавказѣ покойный государь вѣроятно хотѣлъ смягчить тягостное положеніе заслуженнаго генерала. Графъ же Паскевичъ, напротивъ, послѣ взятія Варшавы сталъ на такую высоту что — „смѣть предъ нимъ свое сужденіе имѣть“ было бы по меньшей мѣрѣ крайне неблагоразумно. Такимъ образомъ барону Розену, хотя съ нѣкоторыми обмолвками, пришлось поддакивать своему всесильному предмѣстнику на счетъ мирной политики съ горцами, и онъ не посмѣлъ даже заикаться о необходимости утроить средства бывшія въ его распоряженіи, чтобъ имѣть возможность дѣйствовать энергически, систематически и съ успѣхомъ. Графъ Паскевичъ, къ которому тогда считали нужнымъ обращаться за совѣтами по кавказскимъ дѣламъ, не преминулъ бы опровергнуть Розена, сослался бы пожалуй на то что онъ съ тѣмъ же малымъ числомъ войскъ не только Кавказъ *удержалъ*, но еще побѣдилъ Персію и Турцію, и окончилось бы не только отказомъ, но и новымъ для барона Розена неблагорасположеніемъ... А можетъ-быть, еслибы послѣдній пользовался въ Петербургѣ хотя малою долей того авторитета какимъ былъ князь Варшавскій, его представленія бы уважали, и усиленіемъ средствъ втрое въ 1831—2 годахъ избѣгли бы необходимости удесятерить ихъ въ послѣдствіи; можетъ-быть 25—30 годами раньше окончилась бы борьба, стоившая государству десятковъ тысячъ человѣческихъ жизней и сотенъ милліоновъ рублей! Впрочемъ изъ Петербурга тоже писали что мелкія экспедиціи насъ только ослабляютъ, а что нужно дѣйствовать по одному общему плану; но ни плана такого, ни средствъ привести его въ исполненіе не давали.

Между тѣмъ, пока мы, ведя переговоры, слѣдовали мирной политикѣ,—Кази-Мулла, въ союзѣ съ главными кадіями Гимры и Унцукуля, продолжалъ свое дѣло. Черезъ двѣ недѣли по возвращеніи съ Чумкескентскаго разгрома въ Гимры, куда онъ бѣжалъ имѣя при себѣ всего сто человѣкъ, у него собралось уже до трехъ тысячъ. Андійцы и Чеченцы волновались, Аварцы обнадеживали ихъ своею помощью; жители плоскости и милиція отказывались слушать насъ и даже своихъ хановъ; они толпами стали присоединяться къ Кази-Муллѣ; волненіе

охватило южно-дагестанскія, давно намъ покорныя владѣнія и проникло даже въ закавказскія мусульманскія провинціи; со всѣхъ сторонъ стекалась молодежь къ Кази-Муллѣ, становясь подъ его знамя, на которомъ красовалась арабская надпись: „кто подъ нимъ пойдетъ, тому ни пуля, ни пушечное ядро вредить не могутъ“.

Наконецъ Кази-Мулла, окончательно убѣдившись въ нашемъ безсиліи, съ неслыханною до того смѣлостью вышелъ изъ горъ и началъ дѣйствовать наступательно большими массами. Онъ осаждаетъ наши крѣпости, разбиваетъ мелкіе отряды, грабитъ города, прерываетъ наши сообщенія, поднимаетъ противъ насъ все населеніе, собирается взять Владикавказъ, соединиться съ Кабардой и отрѣзать насъ отъ Россіи... Разрозненныя части нашихъ войскъ очутились какъ бы среди бушующаго моря; они съ изумительною отвагой боролись одинъ противъ десяти, кидаясь во всѣ стороны, упрашивая тифлисское начальство о скорѣйшей поддержкѣ...

А въ Тифлисѣ въ это время было междуцарствіе: графъ Паскевичъ уѣхалъ въ Польшу, баронъ Розенъ еще не пріѣзжалъ; временно управлявшій краемъ генералъ Панкратьевъ относился къ этимъ событіямъ повидимому довольно равнодушно, не придавая имъ особаго значенія. Распоряженія дѣлались какъ-то вяло и нерѣшительно; подкрѣпленія посылались сперва къ Шемахѣ, послѣ къ Самуру, медленно, частями. Противникъ же нашъ Кази-Мулла, напротивъ, выказалъ тогда энергію и военныя способности поистинѣ замѣчательныя. Онъ съ едва понятною быстротой появлялся вдругъ на совершенно противоположныхъ окраинахъ; толпы его то таяли до ничтожной цифры въ 200—300 человѣкъ, то возрастали до 5—6 тысячъ.—Подробности происшествій того времени дадутъ обильный источникъ историку Кавказской войны и будутъ, я полагаю, весьма поучительны.

Наконецъ въ 1832 году мы рѣшились на болѣе серіозныя дѣйствія. Отрядъ, собранный въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, подъ личнымъ начальствомъ корпуснаго командира барона Розена, двинулся въ Гимры, разбилъ собравшуюся тамъ толпу горцевъ, а при штурмѣ одной отдѣльной башни палъ и самъ Кази-Мулла. Въ числѣ находившихся при немъ до конца приближенныхъ мюридовъ, былъ Шамиль, избѣжавшій въ числѣ немногихъ смерти, хотя былъ при этомъ раненъ штыкомъ въ плечо. Затѣмъ отрядъ возвратился въ Шуру.

Этотъ ударъ, особенно смерть имама, повергъ горцевъ въ страшное уныніе. Намъ, повидимому, слѣдовало бы воспользоваться плодами такой важной побѣды, двинуться далѣе, прибрать къ рукамъ страну, еще не окрѣпшую въ фанатическомъ ученіи, не сплоченную пока въ одно тѣло; слѣдовало занять нѣсколько главнѣйшихъ пунктовъ, учредить свое управленіе, разработать дороги, чтобъ имѣть свободный доступъ;—но ничего этого мы не сдѣлали: позднее время года (октябрь), недостатокъ продовольствія и другихъ средствъ вѣроятно повліяли на рѣшеніе возвратиться. Не безъ вліянія въ этомъ случаѣ, какъ и прежде, могъ быть ложный взглядъ которымъ смотрѣли на дѣло: никакъ не хотѣли придать ему вполнѣ серіознаго значенія, забывали коренное военное правило: не пренебрегать никакимъ непріятелемъ; всякій частный успѣхъ принимали за окончательный ударъ. Хотя баронъ Розенъ, какъ мы видѣли изъ его отзыва, и правильно судилъ о положеніи дѣлъ, но тутъ онъ, человѣкъ новый, легко могъ поддаться вліянію окружавшихъ генераловъ, могъ придать преувеличенное значеніе временнымъ условіямъ въ которыхъ отрядъ находился, могъ наконецъ и въ самомъ дѣлѣ придти къ убѣжденію что такой ударъ и смерть Кази-Муллы положатъ конецъ попыткамъ горцевъ.

Оставленные нами въ покоѣ горцы вскорѣ опомнились. Кази-Мулла, тѣло коего было найдено будто-бы въ положеніи молящагося, держащаго въ лѣвой рукѣ бороду, а правою указывая на Востокъ, прослылъ за святаго, за мученика... Уныніе смѣнилось озлобленіемъ и желаніемъ мести. Имамомъ на мѣсто убитаго былъ выбранъ житель аула Гоцатль Гамзатъ-Бекъ. Кратковременное правленіе его ознаменовалось истребленіемъ всѣхъ членовъ Аварскаго ханскаго дома. Это кровавое событіе, обнаружившее до какой силы возросъ мюридизмъ, имѣло для насъ весьма дурныя послѣдствія: мы потеряли Аварію и ея владѣтелей, которые, благодаря своему давнему значенію и вліянію на всемъ Кавказѣ, могли быть намъ весьма полезны въ дѣлахъ Дагестана; кромѣ того, оно навело страхъ на всѣ общества, не совсѣмъ еще поддавшіяся мюридамъ, на другихъ, особенно мелкихъ владѣтелей и было причиной признанія ими de facto власти имама.

Вскорѣ послѣ того Гамзатъ-Бекъ былъ убитъ въ мечети, во время молитвы, хунзахскими жителями Османомъ и Гаджи-

Муратомъ (впослѣдствіи извѣстнѣйшій наибъ-наѣздникъ), отмстившими за смерть Аварскихъ хановъ — ихъ эмджековъ— молочныхъ братьевъ, то-есть вскормленныхъ одною кормилицею. Претендентовъ на высокое званіе имама явилось нѣсколько; но выше всѣхъ были Шамиль и нѣкто Ташавъ-Гаджи. Благодаря содѣйствію своего наставника муллы Джемалъ-Эддина, весьма ученаго и уважаемаго въ горахъ человѣка, благодаря своимъ близкимъ отношеніямъ къ Кази-Муллѣ и Гамзатъ-Беку, слѣдовавшимъ во многомъ совѣтамъ Шамиля, онъ восторжествовалъ и былъ провозглашенъ имамомъ аль-Лазамомъ.

Аварія, освободившаяся со смертью Гамзатъ-Бека отъ власти имамовъ, управлялась храбрымъ Гаджи-Муратомъ и неоднократно отражала нападенія Шамиля, который понималъ всю важность владѣнія ею—какъ сердцемъ всего Дагестана—и который употреблялъ внѣ усилія къ ея порабощенію. Такъ прошло время до 1837 года, когда войска наши, подъ начальствомъ генерала Фези, прошли въ Аварію, построили въ Хунзахѣ (резиденціи хановъ) укрѣпленіе и разработали отъ туда дорогу къ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, обезпечивъ ее нѣсколькими промежуточными укрѣпленіями, или, вѣрнѣе сказать, наскоро устроенными редутами. Правителемъ Аварскаго ханства назначили преданнаго намъ полковника Ахметъ-Хана Мехтулинскаго. Затѣмъ войска двинулись къ аулу Тилитль, гдѣ заперся Шамиль съ своими приверженцами, и обложили его. Послѣ нѣсколькодневнаго боя, бо́льшая часть аула была въ нашихъ рукахъ; оставался одинъ кварталъ, въ которомъ сидѣлъ Шамиль. Казалось, смерть или плѣнъ не минуютъ его въ этомъ убѣжищѣ; но видно судьба берегла своего горскаго баловня: въ отрядѣ оказался недостатокъ продовольствія и снарядовъ, получено было извѣстіе о возстаніи въ Кубинскомъ уѣздѣ и волненіяхъ въ другихъ частяхъ Дагестана, на пути отступленія отряда; поэтому, вмѣсто штурма послѣдняго квартала Тилитля, генералъ Фези вступилъ съ Шамилемъ въ переговоры. Счастливый такою неожиданною развязкой, онъ съ поспѣшностью выдалъ требуемыхъ отъ него аманатовъ и принялъ на Коранѣ присягу на подданство Россіи. Эта церемонія вѣроятно произошла не въ присутствіи Русскихъ, что̀ воспрещалось будто бы законами мусульманской вѣры, а при назначенномъ для этого сынѣ Асланъ-хана Казыкумыхскаго,

Магометъ-Мирзѣ, сопровождавшаго отрядъ нашъ. Отрядъ послѣшно возвратился на плоскость, а генералъ Фези донесъ о своей побѣдѣ и ея результатахъ, названныхъ покореніемъ многихъ народовъ Дагестана.

Такой исходъ значительной экспедиціи, начавшейся съ большимъ успѣхомъ, имѣлъ для насъ вредныя послѣдствія; Шамиль, ожидавшій въ Тилитлѣ печальнаго конца своему полрищу, увидѣлъ что съ нимъ боялись дѣйствовать рѣшительно и вступили въ переговоры; это его ободрило и дало смѣлость расширить кругъ своихъ дѣйствій. Присяга само собою тутъ же была забыта. Онъ разослалъ по всему Дагестану слѣдующее воззваніе: „Мусульмане! вы видѣли что я разбилъ Русскихъ подъ Ашильта, * но они не постигли моей силы! Невѣрные вновь появились въ землѣ вашей, хитростію разбили нашихъ и взяли Ахульго; ** такъ было угодно Богу! Но въ то же время я съ горстью храбрыхъ уничтожилъ Русскихъ подъ Тилитлемъ, *** заставивъ тѣмъ ихъ обратить противъ меня всѣ силы. Тогда я двинулъ всѣ дагестанскіе народы, даже живущіе за Самуромъ и далѣе до моря, и когда невѣрные *уже готовы были торжествовать побѣду свою надо мною, невидимая сила заставила ихъ въ слѣпотѣ бѣжать* изъ горъ на спасеніе домовъ своихъ и имущества награбленнаго у васъ! Мусульмане! будьте тверды въ вѣрѣ вашей, строго исполняйте шаріатъ пророкомъ отъ Бога вамъ данный, не унывайте при величайшихъ несчастіяхъ, молитесь, плачьте о грѣхахъ вашихъ и чаще повторяйте: нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога, а Магометъ пророкъ Его!“

Легковѣрные горцы рады были повѣрить торжеству имама и своихъ единовѣрцевъ; они воспламенились заманчивою надеждой разбивать вездѣ Русскихъ, отмстить за своихъ погибшихъ въ бояхъ братьяхъ и за разрушенные аулы, освободиться отъ стѣснительнаго присутствія въ горахъ нашихъ войскъ и опять начать дѣйствовать на плоскости. Слѣдствіемъ такого

---

* Здѣсь не задолго предъ тѣмъ былъ разбитъ нашъ небольшой отрядъ, и начальникъ его остался въ числѣ павшихъ.

** Въ 1837 году. Не надо смѣшивать этого со вторичнымъ взятіемъ „новаго“ Ахульго въ 1839 году, о чемъ будетъ сказано ниже.

*** До прибытія отряда генерала Фези къ Тилитлю, была отправлена впереди колонна полковника Бучіева, которая и потерпѣла пораженіе.

настроенія умовъ было добровольное подчиненіе Шамилю сильнаго соперника его Ташавъ-Гаджи и окончательное признаніе имамомъ всѣми безъ исключенія племенами Дагестана. Разрозненныя общества стали сливаться въ одно тѣло, руководимое одною крѣпкою волею, направляемое къ одной цѣли. Совершалось то что, по словамъ барона Розена, должно было быть для него гибелью. Къ сожалѣнію обстоятельства вскорѣ оправдали эти предсказанія!

Съ этихъ поръ началась новая эпоха въ Кавказской войнѣ, эпоха серіозныхъ дѣйствій съ обѣихъ сторонъ, кровавыхъ драмъ, героемъ которыхъ сдѣлался малоизвѣстный до того горецъ Шамиль—альфа и омега этой эпохи. Онъ въ каждомъ своемъ дѣйствіи началъ выказывать обширный умъ, чрезвычайную проницательность въ пониманіи своего и нашего положенія и большое умѣнье пользоваться всякими обстоятельствами.

Послѣ экспедиціи 1837 года, окончившейся, какъ мы видѣли, совсѣмъ не такъ какъ слѣдовало ожидать, судя по ея успѣшному началу и по значительному составу отряда, Шамиль направилъ всѣ усилія къ соединенію разрозненныхъ обществъ. Между прочимъ онъ рѣшился оставить полукочевой образъ жизни и учредить себѣ резиденцію, и притомъ настолько неприступную чтобы въ случаѣ усиленнаго наступленія нашихъ войскъ и невозможности удержаться въ полѣ, можно было въ ней отсидѣться. Примѣръ Тилитля, въ которомъ одинъ крѣпкій кварталъ спасъ его отъ гибели, послужилъ основаніемъ такой мысли, и Шамиль весь почти 1838 годъ употребилъ на устройство укрѣпленія „Новое Ахульго“, на скалѣ уже отъ природы едва доступной. Съ нашей же стороны въ это время для противодѣйствія Шамилю ничего не предпринималось, хотя, нѣтъ сомнѣній, начальство имѣло свѣдѣніе обо всемъ происходящемъ въ горахъ.

Въ 1839 году рѣшились наконецъ опять дѣйствовать наступательно, рѣшительный — по тогдашнему — отрядъ, предводимый генераломъ Граббе, двинулся въ горы и послѣ нѣсколькихъ серіозныхъ стычекъ съ непріятелемъ достигъ Ахульго. Осада этого крѣпкаго убѣжища Шамиля, въ которомъ онъ съ семействомъ, и тысячи полторы человѣкъ самыхъ отчаянныхъ мюридовъ, тоже большею частью съ женами и дѣтьми, засѣли съ клятвою не сдаваться живыми, тянулась около двухъ мѣсяцевъ. Съ нашей стороны все было пущено въ ходъ,

чтобы предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ; инженеры и артиллеристы примѣняли все что̀ на такой мѣстности наука и изобрѣтательность допускали; пѣхота явила примѣры такой неустрашимости и отваги, какія не во всѣхъ военныхъ лѣтописяхъ встрѣтить можно. Шамилю предложено было сдаться; онъ являлся на переговоры, однако согласія не послѣдовало и пришлось прибѣгнуть къ крайней мѣрѣ: рѣшено было идти на штурмъ. Первый былъ отбитъ съ огромною потерей; повели второй, 24го августа, и Ахульго пало; почти всѣ защитники его истреблены, а Шамиль съ семьей и нѣсколькими мюридами, спустившись на веревкахъ по страшнымъ обрывамъ къ рѣкѣ Андійскому Койсу, на приготовленномъ заранѣе плоту успѣлъ бѣжать *.

Этотъ ударъ потрясъ начавшее было возрастать могущество Шамиля и навелъ паническій страхъ на всѣхъ горцевъ. Казалось насталъ конецъ мюридизма. И дѣйствительно, взятіе Ахульго, подобно взятію въ 1832 году Гимры, было однимъ изъ тѣхъ рѣшительныхъ ударовъ отъ которыхъ слѣдуетъ ожидать самыхъ важныхъ результатовъ. Но воля судебъ непреклонна. Повторилось то же что̀ въ 1832 году, то-есть мы возвратились домой и вполнѣ воспользоваться побѣдой, пріобрѣтенною такими огромными жертвами, не успѣли. Конечно и тутъ были достаточныя для этого основанія: изнуреніе войска, недостатокъ продовольственныхъ и военныхъ запасовъ, большое число больныхъ и раненыхъ, затруднительное сообщеніе и пр. Но нельзя ли было, въ виду самоважнѣйшей цѣли, изслѣдовать и обойти хоть частью всѣ эти препятствія, сообразивъ объ этомъ даже заранѣе?

Почти чудомъ спасшійся изъ Ахульго, Шамиль явился бѣднымъ бѣглецомъ въ Шатай (мелкое общество въ верховьяхъ рѣки Аргуна), гдѣ его приняли по законамъ гостепріимства, но безъ всякой власти и значенія.

Въ Дагестанѣ наступило спокойствіе; многія общества поспѣшили опять изъявить намъ свою покорность. Мы владѣли Аваріей и незначительными пространствами въ обѣ стороны отъ нея, по Аварскому и Андійскому Койсу. Дѣла наши были въ лучшемъ положеніи чѣмъ когда-нибудь.

---

* Дѣйствіе 1839 года и особенно взятіе Ахульго прекрасно описаны Д. А. Милютинымъ въ особой брошюрѣ, изданной, кажется, 1840—41 года.

II.

Прежде чѣмъ продолжать разказъ о дальнѣйшемъ ходѣ событій въ Дагестанѣ, бывшемъ въ тѣ годы главнымъ театромъ войны, считаю полезнымъ познакомить читателей съ тогдашнимъ положеніемъ Чечни и Лезгинской линіи, а также набросать хотя краткій географическій очеркъ всего театра военныхъ дѣйствій на восточномъ Кавказѣ.

Отъ главнаго Кавказскаго хребта у горы Барбала отдѣляется къ востоку довольно значительная вѣтвь подъ именемъ Андійскаго хребта; она замыкаетъ съ сѣвера обширное пространство, лежащее между главнымъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ, извѣстное подъ общимъ названіемъ Дагестана (горной страны, отъ „дагъ“ гора и „станъ“ страна). Всѣ рѣки вытекающія изъ сѣвернаго склона хребта, между горами Барбала и Гудуръ-Даръ, текутъ въ глубокихъ котловинахъ, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ высокими скалами, и извѣстны подъ общимъ именемъ Койсу,—Андійское, Аварское, Казы-Кумухское и Кара. Впадая другъ въ друга, онѣ дальше образуютъ одну рѣку Сулакъ, вливающуюся въ Каспійское море. Такимъ образомъ бо́льшая часть Дагестана, составляющая бассейнъ Сулака, отдѣлена отъ приморской полосы высокими горами. Эту послѣднюю полосу орошаютъ незначительныя рѣчки, вытекающія изъ второстепенныхъ горныхъ отроговъ, за исключеніемъ рѣки Самуръ, берущей свое начало изъ Гудуръ-Дага и считаемой границей между южнымъ Дагестаномъ и мусульманскими провинціями Закавказья.

Вообще Дагестаномъ съ военной точки зрѣнія называлось пространство граничащее съ востока рѣкою Самуромъ, съ запада Сулакомъ, съ сѣвера Каспійскимъ моремъ, а съ юга отрогами главнаго Кавказскаго хребта. Дагестанъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей, весьма различныхъ по характеру мѣстностей: внутренней—горной и прикаспійской—плоской. Первая рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ частей Кавказскаго горнаго пространства; здѣсь нѣтъ ни второстепеннаго хребта, съ лѣсистыми, постоянно понижающимися отрогами, ни расширяющихся постепенно ущелій: напротивъ все это пространство составляетъ какъ бы одну возвышенную массу, изрѣзанную глубокими разселинами, съ пѣнящимися въ нихъ потоками; горы не

тянутся гребнями въ извѣстномъ направленіи, а какъ бы нагромождены, то расходясь, то скрещиваясь между собою и образуя множество обширныхъ плоскихъ возвышенностей: бока ущелій часто образуютъ крутые скалистые, террасообразные уступы и суживаются на подобіе сводовъ. Вся эта масса скалистыхъ горъ обнажена отъ лѣсовъ; растительность встрѣчается въ рѣдкихъ мѣстахъ, за то на глубинѣ ущелій, со всѣхъ сторонъ защищенныхъ отъ вѣтровъ, гдѣ жители съ большимъ трудомъ, на искусственныхъ насыпныхъ террасахъ, устроили сады и виноградники, дающіе въ изобиліи прекрасные плоды, на нѣкоторыхъ возвышенностяхъ есть прекрасныя пастбища, но доступныя только въ лѣтніе мѣсяцы. Нѣтъ горной страны угрюмѣе внутренняго Дагестана; но за естественными его рубежами характеръ мѣстности рѣзко измѣняется. Какъ Андійскій хребетъ, такъ и горы замыкающія съ востока котловину Койсу, представляютъ на двухъ своихъ скатахъ совершенно противоположный видъ: ко внутренней, то-есть вышеописанной сторонѣ, скаты обнажены, скалисты, иногда совершенно отвѣсными обрывами спускаются къ рѣкамъ; напротивъ того отдѣляющіяся отъ Андійскаго хребта къ сѣверу и востоку вѣтви — отлоги и лѣсисты; одинъ изъ такихъ отроговъ упирается въ море у Дербента, вслѣдствіе чего ближайшія окрестности здѣсь довольно гористы, въ большей же части своего протяженія прибрежная полоса Дагестана представляетъ равнину различной ширины; у низовьевъ Сулака есть даже мѣста съ признаками солончаковъ, свойственныхъ только песчанымъ степямъ сѣверо-западнаго берега Каспія; въ южномъ же Дагестанѣ, особенно ближе къ Самуру тянется уже великолѣпная равнина, рѣдкая по своему плодородію и богатству всякихъ произведеній; на ней произрастаетъ марена, которая составляетъ такой важный предметъ торговли на Нижегородской ярмаркѣ.

Вообще въ прибрежной части Дагестана мѣстность совершенно доступная, дороги колесныя, удобныя, но доступы отсюда въ котловину Койсу очень не многочисленны и весьма трудны; во внутренней же части дорогъ вовсе нѣтъ, едва проходимыя тропинки не заслуживали этого названія, даже въ смыслѣ военныхъ путей.

Кромѣ внутренняго, горнаго и прибрежнаго, плоскаго Дагестана, слѣдуетъ считать еще особою частью его то пространство которое тянется по частному хребту горъ, раздѣляющихъ

между собою обѣ сказанныя части съ особымъ населеніемъ. Это пространство играло важную роль во время войны, служа нерѣдко естественнымъ прикрытіемъ плоскости отъ набѣговъ враждебныхъ племенъ и опорными пунктами при нашихъ движеніяхъ внутрь горъ. Все населеніе Дагестана можно тоже раздѣлить на три разряда: жители владѣнія Шамхала Тарховскаго, Карахайтаха* и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ князей у низовьевъ Сулака—на плоскости; жителей ханства Мехтулинскаго, Акуши, Сюрги, Кайтаха, Табасарина по верховьямъ Самура—на промежуточной части; наконецъ на Койсубулинцевъ, Аварцевъ и всѣ лезгинскія общества—во внутренней. Первая группа всегда считалась намъ покорною, никогда явно съ нами не враждовала, занятая больше хлѣбопашествомъ и другими мирными дѣлами; вторая—болѣе воинственная, болѣе не расположенная къ намъ, нерѣдко возмущавшаяся и не чуждая общихъ интересовъ съ нашими явными непріятелями; третья — самая бѣдная, самая дикая и воинственная, ярые послѣдователи мюридизма, вполнѣ покорные имаму, пылающіе полнѣйшею ненавистью и недовѣріемъ къ Русскимъ. Изъ нихъ, впрочемъ, Аварія, какъ долго управляемая ханами, привыкшая къ нѣкоторой подчиненности и порядку, составляла въ этомъ отношеніи нѣкоторое исключеніе между дальними горскими обществами, тѣмъ болѣе что и Шамиль въ первое время ея порабощенія поступалъ съ ними круче за убійство Гамзатъ-Бека и долгое сопротивленіе ему.

Обратимся теперь къ лѣвому крылу Кавказской линіи, или, собственно говоря, къ той его части которая составляла театръ военныхъ дѣйствій и населена преимущественно чеченскимъ племенемъ.

Параллельно сѣверному склону главнаго Кавказскаго хребта тянется довольно высокая, покрытая густымъ лѣсомъ, цѣпь горъ, извѣстныхъ подъ названіемъ Черныхъ. (Лѣсомъ покрытыя, онѣ всегда темны въ сравненіи съ высящимися за ними снѣговыми, скалистыми громадами, оттого и названіе „Чер-

* Еще со временъ Арабовъ въ Дагестанѣ образовалось нѣсколько самостоятельныхъ владѣній, именно: Шамхала (отъ арабскаго шамъ—свѣтъ, халъ—князь) Тарховскаго (отъ главной ихъ резиденціи Тарху на берегу Каспія), хана Аварскаго и Удмія (владѣтеля) Карахайтаха· въ послѣдствіи образовались еще ханства Мехтулинское, Казыкумукское, Кюринское, а при персидскомъ владычествѣ—Дербентское, Кубинское и пр.

ныя".) Отъ ихъ подножія, до другаго незначительнаго гребня, называемаго Сунженскимъ, стелется обширная, плодородная долина, покрытая густыми лѣсами и частымъ орѣшникомъ, омываемая на всемъ протяженіи, отъ юго-запада на сѣверо-востокъ, рѣкою Сунжей и прорѣзанная множествомъ горныхъ рѣчекъ и ручьевъ впадающихъ въ Сунжу. Вся эта долина, равно и сѣверный склонъ Сунженскаго гребня до праваго берега рѣки Терека, заселена Ингушами, Назрановцами, Галашевцами, Карабулаками и Чеченцами, принадлежащими по языку и обычаямъ къ одному чеченскому племени (Начхэ). Восточную часть этой плоскости, окаймленной съ сѣвера Качкалыковскимъ хребтомъ (отрогъ Андійскаго), омываетъ рѣка Мичикъ въ сліяніи съ Гумсомъ; на ней живутъ тѣ же Чеченцы, называемые Мичиковцами. Еще восточнѣе, въ гористой, менѣе плодородной части этого края, по рѣкамъ Яманъ-Су, Ярыкъ-Су и Ахташъ, обитаютъ Ичкеринцы и Ауховцы—того же чеченскаго племени; а отъ сѣвернаго склона Качкальсковскаго хребта до Терека тянется Кумыкская плоскость, заселенная Кумыками, составляющими отрасль тюркскаго племени, говорящими на общемъ татарскомъ языкѣ.

Рѣка Аргунъ, протекая изъ главнаго хребта съ юга на сѣверъ, прорѣзываетъ Черныя Горы и всю чеченскую плоскость на двѣ части и впадаетъ въ Сунжу. Лежащая по правому берегу называется Большою, а по лѣвому Малою Чечнею. Такимъ образомъ чеченское племя занимаетъ бассейны рѣкъ Аргуна и Сунжи и сѣверо-западный склонъ Андійскаго хребта до самыхъ его подошвъ.

Всю эту страну и ея населеніе можно раздѣлить на три полосы: Надтеречная, плоская, безлѣсная, менѣе плодородная, съ населеніемъ менѣе воинственнымъ, покорнымъ и отчасти привыкшимъ къ нашему управленію; Сунженская, покрытая лѣсами, орошаемая множествомъ мелкихъ рѣчекъ, весьма плодородная, съ населеніемъ воинственнымъ, склоннымъ къ хищничеству и не легко подчиняющимся какой-нибудь власти; Горная, покрытая дремучими чинаровыми лѣсами, изрѣзанная трудно проходимыми оврагами и трущобами, съ населеніемъ бѣднымъ, но самымъ воинственнымъ и храбрымъ чуть ли не изъ всѣхъ племенъ Кавказа, самымъ враждебнымъ намъ.

Всѣ свѣдѣнія о происхожденіи и времени пришествія Чеченцевъ въ эту страну ограничиваются нѣсколькими изустными преданіями. Говорятъ, лѣтъ двѣсти тому назадъ, князь

Турло, владѣтель селенія Мехерда въ Гумбетѣ, отправился на охоту, дошелъ до Ханкальскаго ущелья и построилъ себѣ здѣсь балаганъ изъ шкуръ. Кочевавшіе въ окрестностяхъ Калмыки окружили Турло и хотѣли его взять, но онъ съ своими людьми не только отразилъ Калмыковъ, но даже прогналъ ихъ далеко и даже рѣшился поселиться на этомъ мѣстѣ. Къ нему присоединились нѣсколько семействъ изъ Шубута и Нашахоя (общества по рѣкѣ Аргуну) и двѣ значительныя фамиліи: Чермо изъ Дагестана и Агшпатой изъ Галгая (общество на рѣкѣ Ассѣ). Каждой фамиліи назначили особый участокъ земли на протяженіи во всѣ стороны „куда стрѣла донесетъ“.

Другіе разказываютъ иначе преданіе о заселеніи Чечни. Согласно этимъ разказамъ, нѣсколько семействъ общества Нашахой, стѣсненныя на прежнихъ мѣстахъ недостатками земли, а можетъ-быть и гонимыя кровомщеніями, вышли изъ горъ и поселились у подножія Черныхъ Горъ. Занятая имъ земля, не тронутый вѣками черноземъ, безъ сомнѣнія обезпечиваетъ ихъ неприхотливое существованіе, а непроходимыя лѣсныя дебри, множество быстрыхъ рѣчекъ и толкихъ шавдоновъ ограждали ихъ отъ сильныхъ сосѣдей—Лезгинъ, Кумыковъ и Кабардинцевъ. Съ теченіемъ времени, увеличившееся народонаселеніе, обращая чащи лѣсныя въ пахатныя поляны, все болѣе распространялось по плоскости и образовало такимъ образомъ самостоятельное общество, со всѣми средствами для хлѣбопашества и скотоводства, ставшее послѣ грозой своимъ сосѣдямъ. Это второе преданіе, по моему мнѣнію, гораздо болѣе правдоподобно.

Въ первое время Чеченцы составляли, безъ различія, одинъ классъ вольныхъ людей, подчинявшихся нѣкоторымъ освященнымъ временемъ обычаямъ; каждый зависѣлъ отъ себя. Старшій въ родѣ былъ судьею семейныхъ ссоръ и неудовольствій, примирителемъ враждующихъ сторонъ. Если ссора возникала между чужими, то въ судьи выбирались самые уважаемые старики; но какъ они не имѣли никакой исполнительной власти, то рѣшенія ихъ, основанныя на совѣсти и на здравомъ умѣ, хотя и справедливыя, рѣдко приводились въ исполненіе, и дѣла кончались большею частію самоуправно: кровь за кровь, обида за обиду. Дѣла касавшіяся цѣлыхъ ауловъ рѣшались на общественныхъ сходкахъ, куда сбѣгались старъ и малъ. Крикъ, шумъ, споры часто превращались въ ожесточенную драку съ кинжальными ранами, и побѣдившая сторона остава-

лась правою, а побѣжденная бывала иногда даже вынуждена совсѣмъ оставить аулъ и выселиться на другое, пустынное мѣсто. Вообще по наклонности къ праздности, Чеченцы еще болѣе другихъ горцевъ любители всякихъ новостей и сборищъ. Тутъ можно, лежа или сидя на камнѣ, кинжальнымъ ножикомъ стругать палочку, послушать разказовъ о разныхъ удалыхъ набѣгахъ и воровствахъ, о чьихъ-нибудь семейныхъ ссорахъ и пр. Для разсужденія о дѣлахъ общественныхъ, важныхъ, сзывались всѣ громкими возгласами съ крыши мечети, объявлявшими и сущность предстоящихъ преній; гамъ, шумъ и споры были неизбѣжны, но большею частію одерживали верхъ мнѣнія опытныхъ, уважаемыхъ стариковъ, хотя и въ этихъ случаяхъ нерѣдко доходило до дракъ и оружія.

Такъ жили Чеченцы, каждый аулъ самъ по себѣ, не имѣя съ другими почти ничего общаго и даже рѣдко помогая другимъ ауламъ при вторженіи непріятелей. Одно время Кабардинцы и Кумыки, пользуясь разрозненностію Чеченцевъ, подчинили ихъ себѣ и собирали съ нихъ дань,—первые въ Малой Чечнѣ, вторые на Мичикѣ; но это тяжкое время убѣдило Чеченцевъ въ необходимости единства и они стали соединяться въ большія толпы, подчиняясь временно избираемымъ предводителямъ. Постоянно возрастая и усиливась, они наконецъ не только свергли всякую зависимость отъ Кабардинцевъ и Кумыковъ, но и сами уже начали налегать на сосѣдей. Благодаря своей необычайной ловкости, умѣнью переносить голодъ, холодъ и всякія лишенія, благодаря неутомимости своихъ быстроногихъ коней, Чеченцы совершали набѣги, изумительные по смѣлости, хитрости замысла и неутомимости исполненія. Увлекаясь удачей и легко достающеюся добычей, они исподволь пристрастились до такой степени къ хищничеству, что не могли представить себѣ жизни безъ разбоевъ и набѣговъ.

У всѣхъ вообще кавказскихъ горцевъ было одно безпредѣльное стремленіе къ необузданной, дикой волѣ, а отнюдь не къ политической свободѣ, какъ понимаютъ ее цивилизованные народы и какъ старались объяснять наши западные друзья причины Кавказской борьбы. Горцы хотѣли бы безъ особаго труда, силою или хитростію пріобрѣтать чужую собственность. Безъ религіи (мусульманство введено не такъ давно и у Чеченцевъ привилось плоховато), безъ всякихъ нравственныхъ

правилъ, безъ понятій о долгѣ, о правѣ собственности, каждый горецъ, для котораго не существуетъ общаго отечества, а только привязанность къ своему аулу или даже саклѣ, думаетъ болѣе всего объ одномъ: какъ бы тѣмъ или другимъ способомъ поживиться чужимъ добромъ. Не понимая значенія истинной свободы, онъ, само собою, не можетъ уважать ее въ другомъ; отъ этого такая распространенная страсть къ захвату плѣнныхъ, которыхъ предавали самымъ мучительнымъ истязаніямъ чтобы только вынудить большій выкупъ. Все чесло любіе молодежи заключалось въ желаніи пріобрѣсти извѣстность ловкаго наѣздника, грабителя или вора, подвиги коихъ воспѣвались женщинами на празднествахъ и давали голосъ въ народныхъ собраніяхъ. Конечно, нѣтъ правилъ безъ исключенія, и между горцами можно было встрѣтить тогда болѣе или менѣе достойныхъ людей; а еслибы нравственное вліяніе наше современемъ укрѣпилось настолько чтобы вызвать племена эти къ мирной, трудолюбивой дѣятельности, если мы успѣемъ развить систему хорошаго народнаго образованія и привлечь болѣе состоятельную молодежь къ поступленію въ высшія учебныя заведенія (а не въ кадетскіе корпуса, какъ это до сихъ поръ, къ сожалѣнію, дѣлается), то смѣло можно ручаться что изъ среды кавказскихъ горцевъ, богато одаренныхъ отъ природы умственными способности, выйдутъ люди могущіе принести несомнѣнную пользу Россіи вообще, а родному краю въ особенности. Плохіе результаты кадетскаго воспитанія оказались въ большинствѣ на всѣхъ лично мнѣ извѣстныхъ горцахъ; они не выходили даже удовлетворительными фронтовыми офицерами: малограмотные, дурно знающіе русскій языкъ, не сживавшіеся съ требованіями строевой службы, они выучивались ловко лолькировать, играть въ карты, дѣлать долги, выливать изрядное количество запретнаго по Корану вина, свободно обращаться съ дамами на маскарадахъ Большаго Театра; это все что они выносили изъ своего воспитанія. И Русскіе, и туземцы относились къ нимъ съ пренебреженіемъ.... Многіе вдобавокъ убивали въ петербургскомъ климатѣ свое здоровье и возвращались чахлыми физически, чахлыми нравственно. Съ прибытіемъ на Кавказъ, они, даже до оставленія службы въ войскахъ, большею частію опять подпадали вліянію своихъ единоплеменниковъ, подчиняясь понятіямъ вполнѣ намъ враждебнымъ; и такимъ образомъ цѣль воспитанія горцевъ въ кадетскихъ корпусахъ, сопряженная съ

значительными расходами для казны, достигала совершенно обратныхъ результатовъ....

Частые набѣги Чеченцевъ въ Кабарду, особенно на Терекъ, въ наши казачьи поселенія, заставили насъ обратить свое оружіе для ихъ усмиренія и обузданія. Въ началѣ здѣсь, какъ и въ Дагестанѣ, мы имѣли дѣло съ отдѣльными аулами, которые легко было наказывать посредствомъ небольшихъ колоннъ. Нѣсколько разъ Чеченцы пытались собираться въ большія массы противъ нашихъ войскъ, но, встрѣтивъ неудачу,—а главное, не любя подчиненія, предоставили другъ друга собственной защитѣ. Колонны наши расхаживали по Чечнѣ, наказывали непокорявшіеся аулы или измѣнявшіе своей клятвѣ—жить смирно. Нравственное превосходство нашихъ войскъ было такъ сильно что непріятель большею частью бѣгалъ при первой встрѣчѣ. Читая тогдашнія реляціи о дѣйствіяхъ противъ Чеченцевъ, сравнивая боевыя силы тѣхъ отрядовъ и потери ихъ съ послѣдующими (послѣ 40го года), невольно удивляешься прогрессу съ одной и застою съ другой стороны. Въ началѣ 20хъ годовъ, перейдя съ маленькою колонной за Аргунъ, генералъ-майоръ Грековъ * велѣлъ разложить въ колны сѣна нѣсколько гранатъ и зажечь ихъ, съ тѣмъ чтобы взрывомъ ихъ обмануть Чеченцевъ и заставить подумать что при отрядѣ есть артиллерія.... При первомъ гулѣ лопнувшей гранаты, толпа побѣжала къ аулу, а войска безпрепятственно истребили всѣ посѣвы. Въ 40хъ — 50хъ годахъ вывозили уже десятки орудій, но Чеченцы, не обращая на нихъ вниманія, не прекращали въ самомъ близкомъ разстояніи убійственнаго винтовочнаго огня, врывались съ шашками въ батареи, отрѣзывали лошадей, захватывали орудія или подвозили свои пушки, обмѣниваясь съ нами ядрами.

Для ближайшаго вліянія на Чечню, какъ уже выше уломянуто, по распоряженію А. П. Ермолова, въ 1818 году была построена на рѣкѣ Сунжѣ крѣпость Грозная. Все было тихо; война ограничивалась тѣсными предѣлами; мюридизмъ не выходилъ изъ Дагестана. Чечня, по своей относительной доступности нашимъ войскамъ, особенно съ постройкой крѣпостей Грозной и Внезапной, съ увеличеніемъ казачьихъ

---

* Въ послѣдствіи измѣнически убитъ вмѣстѣ съ генералъ лейтенантомъ Лисаневичемъ въ Герзель Аульскомъ укрѣпленіи.

поселеній и подвижныхъ резервовъ на Терекѣ, приняла видъ почти совершенно мирной, покорной страны, исполняла всѣ наши требованія, слушалась всякихъ приказовъ. Очевидно что тогда мы имѣли возможность безъ большихъ затрудненій прочно утвердиться въ Чечнѣ, занять впереди густо заселенной плоскости крѣпкіе стратегическіе пункты, проложить свободные пути сообщенія, устроить правильную администрацію,—однимъ словомъ, сдѣлать все то что, кажется, благоразуміе диктуетъ въ такихъ случаяхъ. Но и здѣсь, какъ въ Дагестанѣ, мы смотрѣли на народъ съ высоты своего величія; мы считали его безпорядочною ордой, ничтожною предъ строемъ штыковъ; мы не вѣрили въ возможность его соединенія въ одну массу для сопротивленія намъ; мы заснули подъ тихій шелестъ листьевъ въ дремучихъ лѣсахъ Чечни и забыли о буряхъ, превращающихъ шелестъ въ неистовый шумъ.... Ко всему этому, управленіе Чечней было поручено нѣкоему генералу П., употребившему власть свою далеко не въ видахъ блага Чеченцевъ, а слѣдовательно и не въ пользу нашу. Полицейское самоуправіе, крупныя, ничѣмъ не оправдываемыя мѣры, распоряженія отнять у всего населенія оружіе (съ которымъ горцу постыдно разстаться), вкравшіяся при этомъ злоупотребленія со стороны мелкихъ исполнителей, наконецъ третированіе привыкшаго къ свободѣ населенія en canaille,—все это не могло успокоить и расположить къ намъ Чечню. Между тѣмъ, самоувѣренность наша еще усилилась послѣ взятія Ахульго и бѣгства Шамиля; мы, кажется, сочли дѣло мюридизма оконченнымъ. И дѣйствительно, первые мѣсяцы послѣ ахульгинской катастрофы племена кавказскія были повергнуты въ паническій страхъ: на всемъ враждебномъ намъ пространствѣ горъ настала всеобщая тишина. Но такъ бываетъ предъ бурей....

Обратимся теперь на югъ, къ Лезгинской кордонной линіи. Она тянется на разстояніи до 300 верстъ, по подножію южнаго склона Кавказскаго хребта. Оконечность лѣваго ея склона упирается верховьями рѣкъ Аргуна и Ассы въ лѣвое крыло Кавказской линіи (Чечня), а оконечность праваго фланга—въ крайніе предѣлы Нухинскаго уѣзда (Бакинской губерніи). Вся долина въ тылу линіи лежащая омывается рѣкой Алазанью почти до впаденія ея въ рѣку Куру. Протяженіе хребта представляетъ чуть ли не самую высшую его часть и дѣлится на четыре полосы рѣзко различающіяся другъ отъ друга: высшая, доступная лишь турамъ да горнымъ индѣйкамъ,

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ посѣщаемая смѣлыми горскими охотниками, состоитъ изъ острыхъ скалъ, почти сплошь покрытыхъ снѣгами, принимающими къ концу августа темно-грязный цвѣтъ; вторая полоса совершенно скалистая, составляющая высшія точки переваловъ, угрюмая, рѣдко не покрытая густыми, сырыми туманами; третья, начиная щебенистыми осыпями, кое-гдѣ представляя слѣды тощей растительности (мохъ, смолистое вьющееся растеніе, корявые дубки и березки), постепенно превращается въ крутые скаты известково-глинистой породы, покрытые густою сочною травой; наконецъ нижняя полоса покрыта дремучими вѣковыми лѣсами, большею частью чинаровъ, изрѣзана глубокими оврагами и ущельями горныхъ водопадовъ и крутыми спусками упирается въ плоскость, усѣянную виноградниками, шелковичными садами и прочими произведеніями жаркой полосы.

Доступы на хребетъ и перевалы черезъ него на сѣверный склонъ чрезвычайно трудны и возможны только въ четыре-пять лѣтнихъ мѣсяцевъ. Дорогъ почти не существуетъ, а тропинки по которымъ пробираются горцы со своими вьюками нельзя считать дорогами даже въ смыслѣ военныхъ путей, хотя наши войска и проходили по нимъ, испытывая трудности и лишенія, описаніе коихъ показалось бы болѣзненною фантазіей. Въ 50мъ году отрядъ къ Маалъ-Расу въ двое сутокъ сдѣлалъ шесть верстъ, потерявъ 49 лошадей. Я былъ въ авангардѣ и эти двое сутокъ провелъ подъ проливнымъ дождемъ со снѣгомъ, въ одномъ сюртукѣ, потому что до оставшихся позади вьюковъ не было возможности добраться...

Долина рѣки Алазани (Кахетія и Джарская область), закрытая съ двухъ сторонъ хребтами, главнымъ и раздѣляющими бассейны Алазани и Іоры, весьма плодородна и представляетъ одинъ изъ роскошнѣйшихъ цвѣтущихъ уголковъ не только Русской имперіи, но и всей Европы; она населена въ верхней части Грузинами, а далѣе Лезгинами, спустившимися въ XVI столѣтіи изъ горъ Дагестана на плоскость. На лѣвой оконечности линіи, въ ущельяхъ главнаго хребта, по верховьямъ Аргуна, Арагвы, Іоры, Алазани, Андійскаго Койсу, живутъ Хевсуры, Пшавы и Тушины, три искони покорныя намъ племени, считающія себя христіанами, хотя давностью времени и силой обстоятельствъ обратившіяся въ полуязычниковъ;

воинственныя племена эти извѣстны своею храбростью и ненавистью къ своимъ мусульманскимъ сосѣдямъ. На правой оконечности линіи лежитъ Эстсуйское владѣніе, султаны коего (до измѣны въ 44мъ году генералъ-майора Даніель-Бека) были покорны Россіи и служили ей весьма усердно. Впереди этого владѣнія, за хребтомъ, въ верховьяхъ Самура расположены аулы такъ-называемыхъ горныхъ магаловъ (то-есть округовъ), съ населеніемъ полукочевымъ, занимающимся въ большихъ размѣрахъ овцеводствомъ, для котораго должны были зимой спускаться на плоскость и поэтому были въ зависимости отъ султановъ, подчиняясь имъ въ дѣлахъ даже внутренняго управленія.

Промежутокъ между двумя описанными оконечностями главнаго хребта, по южному склону, не заселенъ, а на сѣверномъ склонѣ, въ верховьяхъ рѣкъ Андійскаго, Аварскаго Койсу и нѣсколькихъ ихъ притоковъ обитаютъ: Дидойцы, Анцуховцы, Калучинцы и другія лезгинскія общества извѣстныя подъ общими именами Анкратль, Ункратль, Ташъ-Ахвахъ и пр. Эти общества, по своему образу жизни и внутреннему быту, напоминаютъ народъ временъ библейскихъ, съ тою разницей что дикость и грубость ихъ нравовъ приняла формы звѣрскія, свирѣпыя. Угрюмая, почти безплодная природа, вѣчные снѣга и туманы, отсутствіе путей сообщенія почти въ теченіи 7 — 8 мѣсяцевъ въ году, нищета, а вмѣстѣ съ тѣмъ много свободнаго времени, совершенная независимость въ поступкахъ, безъ контроля человѣческихъ и даже религіозныхъ законовъ,—все это превратило нѣсколько десятковъ тысячъ населенія въ звѣрей гораздо болѣе опасныхъ чѣмъ хищные звѣри.... Разбои сопровождаемые возмутельными жестокостями сдѣлались ихъ стихіей. Въ прежнія времена несчастная Грузія стонала отъ ихъ частыхъ набѣговъ, сопровождавшихся неслыханными неистовствами. Съ появленіемъ нашимъ за Кавказомъ, послѣ нѣсколькихъ пораженій лезгинскихъ полчищъ нашими отрядами и занятія у подножья горъ нѣсколькихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, эти нашествія случались уже весьма рѣдко; но они замѣнились мелкими хищничествами, не дававшими покоя мирному, трудолюбивому населенію Кахетіи. Въ послѣдствіи постройка крѣпости Закаталы и еще цѣлаго ряда мелкихъ редутовъ и нѣсколько движеній нашихъ отрядовъ въ горы—причемъ разорялись ближайшіе лезгинскіе аулы и истреб-

лялись скудные посѣвы ячменя, а также учрежденія разныхъ постоянныхъ военныхъ командъ и заведеній имѣвшихъ главною обязанностью предупреждать и наказывать хищничества—обезпечили спокойствіе въ этомъ краѣ если и не вполнѣ,—чего по мѣстнымъ условіямъ и не было возможности достигнуть,—то по крайней мѣрѣ настолько чтобы села Грузинъ не дрожали каждую ночь за свою участь.... Въ такомъ положеніи оставались дѣла на Лезгинской кордонной линіи до 1844 года, пока измѣна и бѣгство къ Шамилю элисуйскаго султана Даніеля-Бека не вызвали и въ эту сторону болѣе сильныхъ нападеній непріятеля.

Итакъ, непокорное населеніе Кавказа, сосредоточенное въ ущельяхъ становаго хребта и главныхъ его отроговъ, имѣло въ своемъ пользованіи только одну часть плоскости (Чечня). Въ Дагестанѣ, опираясь на Темиръ-Ханъ-Шуру (центральный пунктъ нашего управленія и резервовъ), мы врѣзались въ сердце горъ, занимая Хунзахъ; для сообщенія съ нимъ и наблюденія за ущельемъ Аварскаго Койсу мы имѣли рядъ мелкихъ редутовъ, съ незначительными гарнизонами. Но фланги наши были обнажены, особенно съ запада: все теченіе Андійскаго Койсу, на которомъ преимущественно сосредоточивалось преданное мюридизму населеніе, примыкало къ наименѣе прикрытымъ частямъ нашихъ владѣній. Съ восточной стороны, хотя мы опирались на покорныя общества и ханства, но полагаться на нихъ было опасно. Затѣмъ впереди занятой нами Аваріи и по обѣ стороны ея, до самаго главнаго хребта, оставались сплошь непокорныя общества: ближайшія—фанатическіе мюриды, готовые драться съ нами, христіанами, дальнія—языческія, не менѣе готовыя драться противъ насъ, людей мѣшающихъ имъ грабить Грузію.

Управленіе въ покорныхъ обществахъ хотя было учреждено, но безъ всякой системы, безъ опредѣленныхъ основаній и цѣли, безъ всякихъ средствъ и значенія. Единственными мѣрами къ упроченію покорности и спокойствія въ покоренныхъ мѣстностяхъ считались средства военныя: постройки редутовъ и башней, расположеніе въ нѣкоторыхъ пунктахъ подвижныхъ резервовъ, взятіе аманатовъ и т. п.; но и это все въ незначительныхъ размѣрахъ, тоже безъ опредѣленной системы, временно и вообще какъ-то ощупью; администраціи, гдѣ она и была учреждена, предоставлялась самая жалкая роль; офицеры, назначавшіеся на административныя должности, были, за

рѣдкими исключеніями, весьма посредственныхъ достоинствъ; это и не удивительно: только во фронтѣ, а еще болѣе при главныхъ начальствующихъ лицахъ и ихъ штабахъ, можно было разчитывать на награды за военныя отличія; довольно было для этого хоть бы самаго пассивнаго участія въ какой-нибудь пустой перестрѣлкѣ; а на должности какого-нибудь пристава туземныхъ населеній, безъ случайнаго участія съ своими милиціонерами въ военномъ движеніи, можно было нѣсколько лѣтъ просидѣть безъ всякой награды, рискуя напротивъ навсегда заградить себѣ путь къ карьерѣ, ибо большинство военныхъ властей относилось съ нескрываемымъ пренебреженіемъ къ офицерамъ оставлявшимъ фронтъ для административной службы. Такимъ образомъ учрежденіе важнѣйшее для главной цѣли къ которой правительство должно было бы стремиться наполнялось людьми не только по своимъ спеціальнымъ познаніямъ, но и по общему образованію не приготовленными къ какой бы то ни было дѣятельности требующей побольше соображенія и собственной инициативы, чѣмъ обязанности субалтерновъ во фронтѣ; напротивъ большинство своею тулостью, отсутствіемъ всякаго такта въ обращеніи съ такимъ своеобразнымъ населеніемъ, нерѣдко желаніемъ вознаградить себя косвенными путями за незначительность казеннаго содержанія и т. п. поступками деморализовало въ глазахъ горцевъ идею русскаго управленія и не только отталкивало ихъ отъ сближенія съ нами, но даже зачастую бывало прямымъ поводомъ возмущеній, приводившихъ къ ожесточенной, продолжительной борьбѣ.

Изъ этого краткаго очерка положенія нашего на трехъ военныхъ театрахъ восточнаго Кавказа, мы видимъ что первый періодъ дѣйствій нашихъ противъ мюридизма (1830—1840 года), несмотря на явное отсутствіе системаческихъ дѣйствій, на ошибки, незнаніе края и непріятеля, недостатокъ войскъ и другихъ средствъ, все-таки привелъ къ важному результату: всѣ почти племена были покорны, или такъ налуганы что готовы были покориться; спокойствіе по возможности возстановлено, нравственный перевѣсъ на нашей сторонѣ. Оставалось воспользоваться такимъ положеніемъ, упрочить его и тѣмъ подготовить себѣ вѣрный путь къ дальнѣйшему окончательному успѣху. Случилось противное....

III.

Мы уже знаемъ что Шамиль, спасшись почти чудомъ изъ Ахульго, бѣжалъ съ нѣсколькими приверженцами на Аргунъ, гдѣ и былъ принятъ въ Шатоѣ по законамъ гостепріимства, но безъ всякой власти и значенія. Тѣмъ не менѣе пребываніе его въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ Чечнею было чрезвычайно опасно. Одаренный большимъ природнымъ умомъ, самостоятельнымъ характеромъ и твердою волей, отлично зная горцевъ, Шамиль умѣлъ пользоваться этими качествами, пріобрѣтать вліяніе и подчинять себѣ населеніе, все-таки видѣвшее въ немъ человѣка не совсѣмъ обыкновеннаго, могущаго бороться противъ ненавистной имъ власти христіанской. И хотя мюридизмъ, въ теченіи 15ти лѣтъ до Ахульгинской катастрофы, не успѣлъ пріобрѣсти въ Чечнѣ столькихъ приверженцевъ какъ въ Дагестанѣ, хотя Чеченцы оставались все это время покорными, но фанатизмъ, поддерживаемый хитрымъ духовенствомъ и нѣсколькими значительными лицами, видѣвшими въ этомъ собственныя выгоды, настолько уже проникъ сюда чтобъ усилить и поддержать таившееся противъ насъ неудовольствіе за лишеніе буйной молодежи возможности безнаказанно заниматься любимымъ, привычнымъ ремесломъ—хищническими набѣгами, а быть-можетъ еще болѣе за не совсѣмъ хорошее управленіе.

Легко было предвидѣть что Шамиль, живя въ сосѣдствѣ съ Чечнею, въ критическомъ положеніи низверженнаго властителя Дагестана, схватится, какъ утопающій за соломенку, за мало-мальски удобный случай опять выйти на сцену политической дѣятельности. Отъ зоркаго взгляда такого человѣка не могло укрыться дѣйствительное положеніе дѣлъ въ Чечнѣ, возможность безъ особыхъ усилій возбудить въ ней волненіе. Исполнить замыселъ было ему тѣмъ легче что мы какъ будто забыли объ немъ, оставили его совершенно въ покоѣ, не придавая ему повидимому никакого значенія.

Черезъ полгода послѣ бѣгства изъ Ахульго, Шамиль уже успѣлъ не только обезпечить свою личную безопасность въ Шатоѣ, гдѣ жители, опасаясь наказанія Русскихъ, одно время разсуждали о выдачѣ его намъ; но увеличивъ свою свиту

прежними приверженцами и разными пришельцами изъ Дагестана до 300 человѣкъ, разославъ по Чечнѣ агентовъ, вошелъ въ сношенія со всѣми окрестными обществами, прежде ему почти неизвѣстными, пріобрѣлъ надъ ними сильное вліяніе и ловко воспользовался первою вспышкой громко проявившагося противъ насъ неудовольствія, чтобы выйти изъ пассивной роли и стать во главѣ готовящихся событій.

Подстрекаемые его агентами и наиболѣе недовольными на насъ старшинами, Чеченцы рѣшились возстать поголовно, и зная по прежнимъ опытамъ что безъ власти, могущей дать единство дѣйствіямъ буйной толпы, имъ успѣха ожидать нельзя, они послали къ Шамилю депутацію, приглашая его имамомъ и правителемъ. Но онъ понималъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло и не тотчасъ рѣшился прибыть въ Чечню. Онъ потребовалъ общей клятвы въ совершенной покорности его волѣ и заложниковъ изъ лучшихъ семействъ, по его указанію. Когда это было исполнено, когда Чеченцамъ было показано что только для ихъ блага Шамиль рѣшается прервать свое спокойствіе, онъ наконецъ прибылъ въ Урусъ Мартанъ (аулъ въ Малой Чечнѣ). Это было въ мартѣ 1840 года.

Тогда во всей Чечнѣ мы имѣли единственный укрѣпленный пунктъ—крѣпость Грозную, въ которой кромѣ необходимаго гарнизона другихъ войскъ не было; всѣ резервы были расположены по Тереку, въ станицахъ Гребенскаго и Моздокскаго казачьихъ полковъ, не ближе 35 — 80 верстъ разстоянія отъ Грозной. Отдѣленные Терекомъ, на которомъ не было ни одного моста, резервы, при сильныхъ мартовскихъ вѣтрахъ и ненастьи, препятствовавшихъ переправѣ, не могли скоро сосредоточиться въ Грозной и собирались туда самыми незначительными частями.

Между тѣмъ вспыхнувшее въ Чечнѣ возстаніе распространялось болѣе и болѣе; даже многіе изъ жителей желавшіе остаться намъ покорными, видя что мы не принимаемъ никакихъ мѣръ противъ возмутителей, были наконецъ увлечены разливавшимся потокомъ. Наше вынужденное бездѣйствіе придало непріятелю смѣлости, и онъ рѣшился, оставивъ дремучіе лѣса Малой Чечни, переправиться черезъ рѣку Сунжу и выйти на открытыя мѣста въ 10 верстахъ отъ крѣпости Грозной. Шамиль надѣялся раздавить наскоро составленный небольшой отрядъ, и получивъ такимъ образомъ рѣшительный перевѣсъ, осо-

венно нравственный, присоединить къ себѣ все туземное населеніе въ тылу Грозной и съ ними вмѣстѣ нахлынуть на казачьи станицы по Тереку. Но превосходное качество регулярныхъ войскъ еще разъ взяло верхъ надъ количествомъ хоть и храбрыхъ, но нестройныхъ полчищъ: у кургана „Трехъ братьевъ“ Чеченцы были встрѣчены нашимъ отрядомъ, опрокинуты и со значительнымъ урономъ прогнаны за Сунжу. Этотъ первый успѣхъ могъ бы принести намъ неисчислимыя выгоды, еслибъ у насъ тогда были подъ рукой достаточныя силы чтобы преслѣдовать разбитаго непріятеля, нанести ему еще нѣсколько рѣшительныхъ ударовъ и разстроить едва возникающій, не окрѣпшій союзъ; это было бы тѣмъ болѣе удобоисполнимо что въ мартѣ мѣсяцѣ лѣса не вполнѣ одѣты еще листомъ и движенія по нимъ были бы гораздо легче, — хотя дѣйствія въ лѣсахъ, наполненныхъ непріятелемъ, умѣющимъ чрезвычайно ловко пользоваться всякимъ препятствіемъ, безспорно сопряжены съ значительными потерями и требуютъ самостоятельныхъ отрядовъ. Но мы были вынуждены ограничиться наблюдательнымъ положеніемъ, и Шамиль, не давая распространиться дурному впечатлѣнію первой неудачи, разъѣзжалъ по Чечнѣ, проповѣдывалъ ученіе о казаватѣ (священной войнѣ противъ гяуровъ), возбуждалъ въ легковѣрномъ населеніи самыя заманчивыя надежды, поддерживалъ фанатизмъ и ненависть къ намъ, а молодежь малыми партіями разсылалъ за нашу линію для набѣговъ, что̀ при нашей слабости и въ особенности при недостаткѣ въ кавалеріи, давало имъ возможность возвратиться безнаказанно съ добычей.

Наконецъ только въ іюнѣ мѣсяцѣ успѣлъ собраться значительный отрядъ, подъ командою генерала Галафѣева, который и двинулся въ Малую Чечню, съ цѣлью раззорить возмутившіеся аулы и вообще нанести Чеченцамъ такой ударъ который заставилъ бы ихъ просить пощады. Но удобное время было упущено, и разчетамъ нашимъ не суждено было увѣнчаться успѣхомъ. Непріятель успѣлъ принять всѣ мѣры къ упорной оборонѣ и подъ предводительствомъ назначенныхъ Шамилемъ наибовъ приготовился встрѣтить наши войска.

Мы вступили въ страну изрѣзанную топкими канавами и рѣчками, глубокими оврагами, покрытую сплошнымъ дремучимъ лѣсомъ, превратившимся при сильной растительности въ едва проходимую чащу. Окруженные со всѣхъ сторонъ,

какъ пчелинымъ роемъ, Чеченцами, поражавшими нашихъ людей изъ-за всякаго дерева, мы должны были шагъ за шагомъ пробивать себѣ дорогу и уже съ большою потерей достигли рѣки Валфина, гдѣ разыгралась та печальная драма которая воспѣта въ прекрасномъ стихотвореніи Лермонтова.... Мы понесли здѣсь огромную потерю и вынуждены были отступить, оставивъ Чеченцевъ торжествующими.... Еще хуже: мы въ этомъ несчастномъ походѣ, сопровождавшемся печальными эпизодами, вслѣдствіе малодушія и паническаго страха нѣкоторыхъ командъ, разсѣяли въ глазахъ горцевъ ореолъ своей непобѣдимости и подорвали нравственную силу, замѣнявшую намъ такъ долго недостатокъ матеріальной.

Между тѣмъ Шамиль дѣятельно занимался устройствомъ своихъ дѣлъ, принявшихъ для него такой неожиданно блестящій оборотъ. Въ Чечнѣ онъ началъ вербовать въ мюриды къ себѣ и къ своимъ помощникамъ лучшее юношество, и этою мѣрой привязалъ къ себѣ первыя чеченскія семейства. Каждый вступившій въ мюриды къ имаму или къ близкимъ ему лицамъ приносилъ на Коранѣ присягу слѣпо и строго исполнять всѣ приказанія, какого бы рода они не были; онъ обязывался поднять руку даже на роднаго брата, еслибы начальникъ того потребовалъ; онъ становился членомъ особаго ордена, слѣпо повиновавшагося волѣ своего главы, забывая узы родства и вообще всякіе другіе интересы. Столь строгій уставъ въ рукахъ такого умнаго человѣка какъ Шамиль служилъ ему вѣрнѣйшимъ орудіемъ къ упроченію своей власти; онъ употреблялъ мюридовъ для истребленія опасныхъ ему вліятельныхъ людей и такимъ образомъ, подвергая ихъ опасности кровомщенія, ставилъ не только самихъ мюридовъ, исполнителей казни, но и всю ихъ родню въ зависимое отъ себя положеніе,—залогъ вѣрности, хотя бы и вынужденной. Кромѣ того убійцы, оправдывая свои поступки строгими постановленіями мюридизма, не могли уже потомъ отказываться отъ этого званія и не только оставались постоянными членами ордена, но еще всѣми мѣрами старались привлекать къ нему новыхъ прозелитовъ.

Пріобрѣтая все болѣе и болѣе вліянія въ Чечнѣ, Шамиль уничтожилъ судъ по адату (обычаю), слишкомъ потворствовавшій слабостію своихъ постановленій буйнымъ наклонностямъ Чеченцевъ, и приказалъ судить всѣ дѣла по шаріату (постановленія Корана), что̀ усиливало власть духовенства, вполнѣ ему

преданнаго. Затѣмъ онъ раздѣлилъ всю Чечню на три округа: Мичиковскій, Большой и Малой Чечни; назначилъ въ каждый изъ нихъ особаго начальника (наиба), соединявшаго въ лицѣ своемъ военскую и гражданскую власти; а для разбирательства гражданскихъ споровъ при наибѣ состоялъ особый кадій. Наибства дѣлились еще на участки, которые управлялись своими мѣстными начальниками; при нихъ находились муллы, для словеснаго разбора маловажныхъ дѣлъ. Вообще обращено было особое вниманіе на то чтобъ усилить значеніе духовенства, и для распространенія познаній, необходимыхъ въ этомъ званіи, Шамиль въ разныхъ мѣстахъ при мечетяхъ учредилъ школы, назначивъ наставниками извѣстныхъ ему людей, дававшихъ, само-собою, умамъ юношества благопріятное для имама и его видовъ направленіе.

Вѣсти о чеченскихъ событіяхъ, достигнувъ Дагестана и какъ водится въ достаточно преувеличенныхъ и раскрашенныхъ формахъ, разбудили тамошнее населеніе отъ усыпленія, наступившаго послѣ Ахульгинскаго разгрома. Имя Шамиля, воспоминаніе о недавнихъ подвигахъ и заманчивыя надежды восторжествовать когда-нибудь надъ Русскими вновь стали носиться по ауламъ, возбуждая различные толки праздной толпы, собиравшейся у мечетей. Къ Шамилю стали прибывать толпы дагестанскихъ приверженцевъ. — Онъ не замедлилъ воспользоваться такими счастливыми обстоятельствами и отправился въ Дагестанъ, чтобъ энергически взяться за возстановленіе тамъ своей власти.

Между тѣмъ съ нашей стороны, послѣ взятія Ахульго, наступило въ Дагестанѣ совершенное бездѣйствіе, убѣдивши горцевъ что съ паденіемъ одного укрѣпленнаго пункта еще нельзя считать павшимъ все зданіе мюридизма. А Шамиль, сообразивъ что полагаться на неприступныя мѣста безполезно, предпринялъ совершенно другую систему войны противъ насъ, съ цѣлью вѣрнѣе и продолжительнѣе вести борьбу. Онъ рѣшилъ безпокоить насъ набѣгами на покорныя намъ населенія и волновать ихъ, хотя бы и не съ прямыми цѣлями присоединять ихъ къ себѣ, но по крайней мѣрѣ для развлеченія нашихъ силъ, чрезъ что̀ отклонялась возможность усиленныхъ дѣйствій съ нашей стороны внутри горъ.

1840 годъ былъ однимъ изъ блистательнѣйшихъ для Шамиля. Изъ бѣглеца, скрывающагося въ бѣдномъ, полудикомъ обществѣ, окруженнаго нѣсколькими преданными служителями,

безъ надежды возвратиться когда-нибудь въ Дагестанъ, онъ вдругъ сталъ властителемъ бо́льшаго пространства Кавказа, чѣмъ былъ до Ахульинскаго пораженія! Онъ пріобрѣлъ Чечню, обширную плодородную плоскость, могущую снабжать бѣдныя растительностію горы хлѣбомъ; Чечню — новый театръ упорной, кровавой войны, потребовавшей отъ насъ вдругъ огромнаго числа (противъ тогдашняго состава) войскъ и матеріальныхъ средствъ, — войны лишившей насъ спокойствія и свободныхъ сообщеній съ Россіей, угрожая постоянно военно-грузинской дорогѣ,—войны охватившей отъ Аргуна въ обѣ стороны всѣ горы!

Въ концѣ этого года, противъ всякаго ожиданія, произошло еще одно весьма счастливое для Шамиля событіе: Гаджи-Муратъ — убійца имама Гамзатъ-Бека, мститель мюридамъ за истребленіе Аварскихъ хановъ, кровный врагъ Шамиля, всегда вѣрный слуга Русскихъ, первый наѣздникъ и джигитъ (удалецъ) въ Дагестанѣ, любимецъ Аваріи, управлявшій ею семь лѣтъ,—вдругъ измѣнилъ намъ и перешелъ на сторону Шамиля! Онъ былъ своими завистниками и недоброжелателями оклеветанъ предъ Ахметъ-ханомъ Мехтулинскимъ (тогдашнимъ правителемъ Аваріи). По донесенію Ахметъ-Хана, Гаджи-Мурата арестовали и *связаннаго* отправили въ Темиръ-Ханъ-Шуру. Эта неумѣстная строгость къ человѣку оказавшему намъ столько заслугъ, наконецъ къ офицеру милиціи и, кажется, кавалеру, была причиной его измѣны и перехода къ Шамилю, у котораго онъ встрѣтилъ великодушный пріемъ, не взирая на долголѣтнюю озлобленную вражду. Каковъ молодецъ былъ Гаджи-Муратъ достаточно показываетъ уже самое бѣгство его. Его вели изъ Хунзаха зимою, подъ прикрытіемъ лѣхотной команды около 40 человѣкъ, со связанными руками; концы веревки были привязаны къ переднему и заднему изъ конвоировавшихъ солдатъ. Въ одномъ мѣстѣ, близъ аула Моксохъ, на узенькой тропинкѣ, Гаджи-Муратъ вдругъ рванулся въ пропасть и увлекъ съ собою обоихъ солдатъ.... Это ужасное паденіе стоило одному изъ нихъ жизни, другой былъ изувѣченъ, а самъ Гаджи со сломанною ногой успѣлъ доползти по ущелью до кутановъ (зимніе овечьи загоны), гдѣ и былъ скрытъ пастухами.

Вскорѣ обнаружились послѣдствія измѣны Гаджи-Мурата: часть Аваріи отложилась отъ насъ, а въ остальной начались признаки волненій. Вслѣдъ затѣмъ Кибитъ-Магома Тилитльскій, увѣрявшій постоянно въ своей неизмѣнной покорности,

явно отложился отъ насъ и съ нимъ бо́льшая часть обществъ вверхъ по Аварскому Койсу. Прежде Кибитъ-Магома былъ отдѣленъ отъ непокорной части Дагестана Аваріей, которая подъ управленіемъ Гаджи-Мурата стояла на пути ихъ соединенія, съ переходомъ же послѣдняго къ Шамилю и отложеніемъ отъ насъ части Аваріи, ничто уже болѣе не удерживало Кибитъ-Магому — этого дагестанскаго Талейрана, привести въ исполненіе давно задуманный планъ. Такимъ образомъ измѣна Мурата была поводомъ весьма опаснаго для насъ соединенія населеній живущихъ на сѣверъ отъ Андійскаго Койсу, съ занимающими пространство на югъ отъ Аварскаго. Съ подчиненіемъ ихъ Шамилю районъ его владычества увеличился втрое противъ 1839 года; вліяніе его распространилось на сѣверо-западъ по всему теченію Терека до большой почтовой дороги между Ставрополемъ, Владикавказомъ и Кизляромъ, гдѣ Чеченцы производили опустошительные набѣги, а на югъ далѣе рѣки Самура, гдѣ коренное мусульманское населеніе окончательно стало увлекаться фанатическими идеями мюридизма и ненавидѣть насъ чуть ли не болѣе самихъ горцевъ.

Пріобрѣтя вдругъ такую власть и силу, Шамиль весьма основательно разсудилъ что теперь только можетъ онъ начать борьбу противъ Россіи съ надеждой затянуть дѣло покоренія Кавказа на неопредѣленное время, а при счастіи, которое такъ стало его баловать, быть-можетъ и совсѣмъ отклонить насъ отъ этого предпріятія, затѣмъ образовать самостоятельное обширное владѣніе и сдѣлаться главою новой азіятской династіи.... И нужно отдать ему полную справедливость: онъ выказалъ столько ума, столько проницательности, столько административныхъ способностей, столько силы воли что невольно приходится удивляться — откуда все это взялось у простаго горца, все образованіе котораго ограничивалось чтеніемъ Корана!...

IV.

Прежде чѣмъ перейдемъ къ разказу о послѣдовавшихъ затѣмъ съ обѣихъ сторонъ дѣйствіяхъ, не лишнимъ считаемъ хотя вкратцѣ изложить главныя административныя распоряженія приведенныя Шамилемъ въ исполненіе въ подвластныхъ ему обществахъ, не признававшихъ до него почти никакой власти, исключая суда своихъ старшинъ по адату (обычаю). Изъ

учрежденій Шамиля болѣе замѣчательныя суть: раздѣленіе подвластныхъ ему земель на наибства и округи, основаніе наибской конной милиціи и общаго вооруженія, муртизагаторы (охранная стража), летучія почты, знаки отличія и нѣчто въ родѣ чиновъ, положеніе о наказаніяхъ за различныя преступленія, образованіе общественной казны, школъ при мечетяхъ и усиленіе правъ духовенства.

Обязанности наибовъ состояли въ томъ чтобы строго управлять ввѣренными имъ аулами, наблюдать за точнымъ исполненіемъ постановленій шаріата, уничтожать междуусобные раздоры, соглашать выгоды различныхъ обществъ между собою и искоренять по возможности кровомщенія, требовавшія не мало жертвъ, большею частію молодыми людьми. Нѣкоторымъ изъ наибовъ Шамиль предоставлялъ больше власти, даже право смертной казни, нѣкоторымъ меньше, смотря по заслугамъ и степени личнаго къ нимъ довѣрія. У каждаго наиба былъ помощникъ (маазумъ), а въ каждомъ аулѣ былъ старшина; оба они были въ полной зависимости отъ наиба. Всякій наибъ долженъ былъ имѣть опредѣленное число конныхъ, не менѣе кажется 300, которые набирались по одному съ каждыхъ десяти дворовъ, обязанныхъ содержать его на свой счетъ. Съ этимъ опредѣленнымъ числомъ конницы, наибы должны были являться по первому приказанію Шамиля на указанный пунктъ. Такимъ образомъ въ 40хъ годахъ могло собираться отъ 5ти до 6ти тысячъ конницы.

Если къ какому-нибудь наибству приближались русскія войска, то каждый всадникъ становился начальникомъ десяти дворовъ, и подъ его команду поступали всѣ могущіе носить оружіе; дѣйствовали или по указанію наибовъ, или смотря по обстоятельствамъ, — защищаясь въ аулахъ и завалахъ. Не принявшіе участіе въ бою безъ какихъ-либо видимо побудительныхъ, основательныхъ причинъ подвергались штрафамъ и разнымъ другимъ наказаніямъ.

Самъ Шамиль имѣлъ при себѣ муртазагаторовъ, или какъ ихъ называли, муртазаковъ, составлявшихъ его орханную стражу (гвардію). Они избирались изъ людей извѣстныхъ своею преданностью мюридизму и лично имаму, большею частью холостые, отрекавшіеся при вступленіи въ это званіе отъ своихъ семействъ. Они обязывались слѣдовать ученію мюридизма, строго исполнять всѣ постановленія шаріата и слѣпо повиноваться имаму. Число этихъ избранныхъ

людей не было опредѣленное и простиралось иногда до тысячи человѣкъ; они раздѣлялись на десятки, сотни, имѣя сотенныхъ, трехъ- и пяти-сотенныхъ командировъ, такъ же какъ и наибская конница. Всѣ эти командиры избирались изъ людей пользующихся вліяніемъ въ своихъ обществахъ, какъ по происхожденію и состоянію, такъ и по храбрости. Они пользовались разными преимуществами и знаками отличій. Муртазагаторы получали отъ Шамиля содержаніе и извѣстную часть добычи. При посылкѣ ихъ въ аулы для исполненія приказаній, жители обязаны были ихъ довольствовать. Вообще эти люди наводили страхъ на жителей и усиливали въ глазахъ горцевъ власть Шамиля, достигавшаго этимъ учрежденіемъ двухъ цѣлей: съ одной стороны, онъ имѣлъ при себѣ людей испытанной вѣрности и храбрости, готовыхъ жертвовать жизнью его дѣлу и составлявшихъ въ бою самый надежный резервъ; съ другой стороны, тѣ же люди были исполнителями его распоряженій по распространенію мюридизма между населеніями подвластныхъ Шамилю обществъ, не успѣвшихъ еще вполнѣ проникнуться этимъ фанатическимъ ученіемъ. Для этого употреблялись мѣры строгія и жестокія; истреблялись цѣлыя семейства и роды людей, не только тѣхъ которые дерзали возвышать голосъ возраженія, но даже только подозрѣваемыхъ въ неискренности.... Силою заставляли исполнять всѣ обряды мусульманства, всѣ утонченности введенныя въ него мюридизмомъ, какъ напримѣръ: запрещеніе курить табакъ, носить шелковую и вообще богатую одежду обшитую позументами, плясать, пѣть другія пѣсни кромѣ священныхъ и т. п., требовалось непремѣнно пять разъ въ день творить намазъ (молитву) съ омовеніями и проч. За неисполненіе подвергали жестокимъ наказаніямъ, даже смертной казни, грабили имущества, сжигали дома. Эта система терроризма, главными исполнителями коей были муртазагаторы, такъ долго тяготѣла надъ горцами что изъ буйной, необузданной вольницы, они обратились наконецъ въ безмолвныхъ, раболѣпныхъ, запуганно-отупѣвшихъ исполнителей малѣйшей прихоти имама и его клевретовъ. Страхъ возбуждалъ всеобщую подозрительность: братъ боялся брата, мужъ жены, родители дѣтей. При малѣйшей сходкѣ даже нѣсколькихъ человѣкъ, являлся муртазагаторъ или какой-нибудь родственникъ этихъ Шамилевскихъ опричниковъ; по малѣйшему подозрѣнію производились аресты и наказанія. Особенно если заподозрѣнный былъ человѣкъ вліятельный или

богатый, тогда малѣйшаго предлога было достаточно чтобы голова его слетѣла съ плечъ, домъ былъ разрушенъ, а имущество перешло въ общественную казну. Понятно что въ подобномъ положеніи постепенно исчезала даже самая мысль о возможности свергнуть тяжелое иго. А между тѣмъ, несмотря на такое бѣдственное состояніе, на столько тягостныхъ испытаній, народъ не хотѣлъ видѣть разницы въ бытѣ своемъ и бытѣ покорныхъ намъ горцевъ, относительно благоденствовавшихъ, и упорно продолжалъ насъ ненавидѣть. Даже покорные намъ большею частью въ душѣ были враждебно къ намъ расположены и подчинялись только по необходимости. Всѣ они благоговѣли предъ именемъ Шамиля и произносили его съ особеннымъ уваженіемъ. Явленіе замѣчательное, объяснимое только религіознымъ увлеченіемъ.

Одно время Шамиль имѣлъ намѣреніе завести что-то въ родѣ регулярнаго войска—пѣхоту и конницу; но опасеніе ли дать поводъ своимъ противникамъ выставить мѣру эту какъ нарушеніе законовъ шаріата, недостатокъ ли денежныхъ средствъ—намѣреніе это осталось безъ исполненія, и къ лучшему для Шамиля: Азіятцы вообще, а горцы въ особенности, едва ли созданы для регулярнаго войска, а въ мѣстностяхъ пересѣченныхъ они превосходятъ насъ въ одиночномъ бою. Самая вѣра мусульманъ, при строгомъ исполненіи ея обрядовъ, не допускаетъ образованія хорошаго дисциплинированнаго войска. Я убѣжденъ что заведи Шамиль регулярное войско, оно прославилось бы способностью быть битымъ при каждой встрѣчѣ съ нами.

Вначалѣ доходы Шамиля состояли изъ пятой части всякой добычи, изъ разныхъ штрафовъ, взыскиваемыхъ за несоблюденіе постановленій шаріата, за неявку при общемъ вооруженіи, за мелкіе проступки, и т. п. Въ послѣдствіи, съ бо́льшимъ утвержденіемъ и расширеніемъ своей власти, Шамиль положилъ основаніе *общественной* казнѣ, — хотя въ сущности это была его личная казна, которою онъ распоряжался совершенно безотчетно, употребляя впрочемъ почти всѣ деньги на военные расходы. Въ личныхъ корыстныхъ наклонностяхъ никто никогда Шамиля упрекнуть не могъ. Онъ былъ бережливъ до крайности и не любилъ дѣлать щедрыя траты денегъ, хотя и выдавалъ иногда денежныя награды, даже назначалъ небольшія пенсіи. Скупость его впрочемъ весьма понятна: какъ было не дорожить Шамилю деньгами, ведя

безпрерывную войну, всегда и вездѣ требующую много денегъ; тѣмъ болѣе ему, не имѣвшему постоянныхъ, вѣрныхъ денежныхъ источниковъ и находившемуся въ безпрестанной неувѣренности за свое ближайшее будущее.—Къ числу доходовъ общественной казны, кромѣ вышеуказанныхъ, были причислены: логоловная подать съ нѣкоторыхъ болѣе зажиточныхъ обществъ, десятая часть урожая съ хлѣбныхъ произведеній (закятъ), доходы съ мечетскихъ земель, имѣнія умершихъ безъ прямыхъ наслѣдниковъ и разные косвенные временные сборы. Многіе изъ наибовъ, кромѣ того, доставляли Шамилю въ видѣ подарковъ довольно значительныя суммы, особенно Даніель-Бекъ, бывшій султанъ Элисуйскій, продолжавшій и послѣ бѣгства своего въ 1844 году собирать большія суммы съ жителей своего бывшаго владѣнія и съ другихъ богатыхъ сосѣднихъ мусульманскихъ населеній, въ которыхъ еще долго, послѣ измѣны его, сохранялось его вліяніе, поддерживаемое шайками бѣглецовъ и разбойниковъ (качали), наводнявшихъ этотъ уголъ Закавказья и извлекавшихъ сотни тысячъ рублей за выкупъ плѣнныхъ изъ богатыхъ торговцевъ.

Для завѣдыванія общественными суммами былъ у Шамиля особый казначей (назырь), весьма преданный ему, честный человѣкъ, дорожившій своимъ положеніемъ приближеннаго къ имаму.

Съ учрежденіемъ правильной администраціи во всѣхъ подвластныхъ обществахъ, кругъ дѣятельности Шамиля значительно увеличился, сношенія его съ наибами и другими лицами сдѣлались болѣе частыми и требовали поспѣшности, ибо относились въ большинствѣ случаевъ къ военнымъ обстоятельствамъ. Для этой цѣли онъ въ 1842 году учредилъ летучія почты. Посланный предъявлялъ въ каждомъ ауле открытый приказъ Шамиля, или одного изъ наибовъ, и немедленно получалъ лошадь съ проводникомъ, а на ночлегахъ квартиру и пищу; за малѣйшую задержку старшины ауловъ подвергались строжайшимъ взысканіямъ.

Шамиль обратилъ особенное вниманіе на поощреніе за заслуги, оказываемыя дѣлу шаріата. Въ началѣ своего возвышенія, онъ выдавалъ подарки—оружіемъ, лошадьми, баранами, деньгами (отъ 3 до 30 рублей). Получить такой подарокъ отъ имама считалось большимъ счастьемъ. Съ 1841 года, съ образованіемъ наибской милиціи и муртазагаторовъ, съ увеличеніемъ круга военныхъ операцій, Шамиль учредилъ разные знаки

отличій, коими сначала награждалъ только наибовъ и лучшихъ мюридовъ, но послѣ давалъ уже многимъ за отличіе въ дѣлахъ съ непріятелемъ или за особыя заслуги. Знаки были круглые, овальные и трехугольные, изъ тонкихъ серебряныхъ пластинокъ, съ украшеніями подъ чернью и съ арабскими надписями въ родѣ такихъ: „такому-то сотенному командиру за храбрость“, или: „такому-то, не знающему страха при встрѣчѣ съ врагомъ“, а извѣстный наибъ Ахверды-Магома (убитый въ 1843 году при штурмѣ хевсурскаго селенія Шатиль) имѣлъ бляху съ надписью: „нѣтъ другаго молодца какъ Ахверды-Магома и лучшей шашки какъ его шашка“. Знаки отличій раздѣлялись на степени; первую степень могли получать только сотенные командиры, которые назначались изъ лучшихъ, храбрѣйшихъ людей; вторую степень — только трехсотенные командиры, еще болѣе извѣстные своимъ мужествомъ и распорядительностью; третью степень — нѣчто въ родѣ серебряныхъ эполетъ, могли получить только пятисотенные командиры, которыхъ вообще было очень мало, ибо въ это званіе назначались люди пользовавшіеся особенною извѣстностью во всѣхъ горахъ. Лицамъ которыхъ Шамиль возводилъ на высшую степень значенія, въ качествѣ генераловъ, какъ-то: Ахверды-Магома, Шуаибъ-Мулла, Уллубей-Мулла, Гаджи-Муратъ и др., жаловались полузвѣзды, носимыя на обѣихъ сторонахъ груди по одной, зубцами наружу, такъ что сложенныя вмѣстѣ составляли подобіе нашей орденской звѣзды. Самою высшею наградой считался военный знакъ отличія, который, подобно нашему Георгіевскому кресту, можно было получить только за особый военный подвигъ; онъ имѣлъ видъ овальной медали съ вырѣзками. Получавшіе этотъ знакъ пользовались постоянными пенсіями отъ 3 руб. и выше въ мѣсяцъ. Нѣкоторымъ храбрецамъ изъ обыкновенныхъ всадниковъ въ видѣ награды нашивали на лапахъ кусочки золотой матеріи. Если отличалось въ бою цѣлое общество, то ему жаловался отъ Шамиля значокъ (знамя) съ приличною надписью. Всѣ наибы, ихъ помощники и даже сельскіе старшины носили серебряныя пластинки, какъ знакъ ихъ званій. Каждый наибъ, ляти- и трехсотенный начальникъ имѣли свой значокъ изъ разноцвѣтной матеріи съ арабскими надписями, возимый всегда за нимъ. (Этотъ обычай перешелъ и въ наши войска; у насъ всѣ казачьи сотни имѣли свои значки; всякой отрядный начальникъ тоже обзаводился значкомъ; въ послѣдствіи дошло до какой-то

значко-маніи и всякій, такъ-сказать, калифъ на часъ, вѣдавшій на три дня нѣсколькими десятками казаковъ или солдатъ, считалъ долгомъ сдѣлать себѣ значокъ и возить его за собою, а на мѣстѣ втыкать у входа въ палатку. Значки не подчинялись никакой формѣ или образцу, тутъ было полное раздолье фантазіи: и родовые гербы, и кресты надъ луной, и звѣзды, и мертвыя головы съ надписью: „чаю воскресенія мертвыхъ“, и просто цвѣтное полотно).

При общемъ устройствѣ администраціи, Шамиль обратилъ особое вниманіе на уложеніе о наказаніяхъ за разные роды преступленія. За малыя преступленія взыскивались штрафы деньгами или разными другими хозяйственными предметами, которые и постулали въ общественную казну; во второй разъ за такой же проступокъ штрафъ увеличивался, а въ третій удвоивался. За трусость оказанную въ сраженіи нашивали на спину или на правый рукавъ кусокъ бѣлаго войлока, который не иначе могъ быть снятъ пока виновный не оказывалъ такого отличія за которое бы ему слѣдовало получить военный знакъ отличія. Болѣе виновныхъ, кромѣ штрафовъ, сажали въ ямы, замѣняющія тюрьмы, гдѣ въ темнотѣ и отвратительной атмосферѣ держали иногда по нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ. (Тамъ же содержались и наши плѣнные.) Этимъ арестантамъ отпускалась самая скудная пища, едва достаточная для поддержанія жизненныхъ силъ; только въ видѣ особаго снисхожденія дозволялось иногда выпускать заключенныхъ на свѣжій воздухъ. Если замѣчалось покушеніе къ побѣгу или успѣвшій бѣжать былъ послѣ пойманъ, то подвергался разнымъ мученіямъ, что особенно доставалось плѣннымъ. Ихъ заковывали въ самыя тяжелыя кандалы, никогда не выпускали на воздухъ, давали еще менѣе пищи, а нѣкоторымъ плѣннымъ, какъ разказывали, всѣкали въ голыя подошвы мелко рубленный конскій волосъ. Не рѣдко освобожденные арестанты выходили изъ ямъ едва живые, владали въ тяжкія болѣзни и часто умирали въ сильныхъ страданіяхъ.

За важныя преступленія, какъ измѣна, шліонство, убійство своего человѣка съ цѣлью грабежа или явное сопротивленіе властямъ съ оружіемъ въ рукахъ, полагалась смертная казнь; она состояла въ отсѣченіи головы и дѣлилась на почетную и постыдную. Въ первомъ случаѣ осужденный садился на землю, поворотясь на востокъ, разстегивалъ у шеи рубаху и послѣ молитвы наклонялъ голову, которую палачъ отсѣкалъ сѣкирой

(она имѣетъ форму древней алебарды). * Во второмъ случаѣ, преступника клали на плаху. Для исполненія казней палачъ съ сѣкирой безотлучно находился при Шамилѣ и сопровождалъ его во всѣхъ поѣздкахъ. Въ послѣдствіи нѣкоторымъ изъ наибовъ тоже предоставлено было право смертной казни и они имѣли при себѣ палачей съ сѣкирами. Бывали иногда случаи что имамъ приказывалъ разстрѣливать или закалывать кинжалами, что̀ исполнялось муртазагаторами.

Такимъ образомъ все болѣе и болѣе затягивая узду, накинутую на селенія Дагестана и Чечни, Шамиль становился неограниченнымъ, деспотическимъ владыкою горскихъ племенъ восточнаго Кавказа и достигалъ своей главнѣйшей цѣли: связать ихъ въ одно цѣлое, одной волѣ послушное. Не рѣдко прибѣгалъ онъ и ко взаимнымъ возбужденіямъ подвластныхъ ему племенъ однихъ противъ другихъ (divide et impera проникло даже и въ дикія горы Кавказа), и наконецъ покорилъ себѣ вполнѣ народъ для котораго не существовало слова „покорность“, который никогда не зналъ другаго управленія кромѣ старинныхъ обычаевъ и собственнаго произвола, народъ считавшій священною обязанностью мстить за кровь кѣмъ бы она ни была пролита, между тѣмъ какъ Шамиль казнилъ у нихъ десятки самыхъ вліятельныхъ, уважаемыхъ людей и не рѣдко почти ни въ чемъ не виновныхъ. Кавказскіе горцы, эти воинственные, буйные люди, въ желѣзныхъ рукахъ имама, превращались въ стадо барановъ, молча дающее себя стричь. Они слѣпо повиновались не только ему, но и всякому поставленному отъ него лицу, хотя бы самому малоизвѣстному и ничтожному; они съ гордостью принимали отъ него назначеніе въ какую-нибудь общественную должность и безпрекословно оставляли ее, подчиняясь вновь назначенному; они собирались и двигались куда имъ приказывали, оставляя безъ защиты свои аулы, безъ уборки свои поля, безъ присмотра свои стада; они безъ ропота отдавали послѣдній хлѣбъ, лошадей,ословъ; дрались въ чужихъ, незнакомыхъ мѣстностяхъ, гдѣ сотнями гибли безъ погребенія на родовыхъ кладбищахъ, — что̀ въ понятіяхъ горца считается великимъ несчастіемъ, — и все-таки

* Въ неудачномъ для Шамиля дѣлѣ при аулѣ Кутиши, осенью 1846 года, нашимъ войскамъ въ числѣ трофеевъ досталась и сѣкира его палача, отправленная въ Петербургъ, гдѣ она, кажется, хранится въ арсеналѣ.

трепетали предъ однимъ именемъ Шамиля, а не исполнить какое-нибудь приказаніе его считалось чѣмъ-то невозможнымъ, немыслимымъ.

Были многія племена покорявшіяся ему (особенно на первыхъ порахъ) съ искреннею преданностью и удовольствіемъ, видя въ немъ главу чистой вѣры Магомета и человѣка могущаго бороться съ Русскими. Были и такія которыя покорялись изъ различныхъ политическихъ разчетовъ, играя постоянно двусмысленную роль, обманывая иногда Шамиля и еще чаще насъ; наконецъ были и такія которыя подчинялись ему по принужденію, подъ вліяніемъ страха предъ силою, ежечасно грозившею имъ разореніемъ; это большинство. Въ послѣдніе годы владычества Шамиля всѣ покорялись безусловно, но уже не по преданности ему и дѣлу мюридизма, а по какой-то тупой, безсмысленной апатіи, обуявшей ихъ подъ давленіемъ желѣзныхъ рукъ властолюбиваго имама.

Да, нельзя не удивляться искусству и силѣ воли Шамиля, сумѣвшаго въ короткое время достигнуть такой абсолютной власти надъ разными племенами, никогда не признававшими ея надъ собою, и соединить въ одно цѣлое разнородныя общества, искони враждовавшія между собою, устремивъ ихъ всецѣло къ выполненію своихъ личныхъ замысловъ. Безъ всякихъ почти матеріальныхъ средствъ, безъ союзниковъ, окруженный людьми не внушающими къ себѣ никакого довѣрія, Шамиль былъ вынужденъ пускать въ ходъ всяческія пружины для удержанія въ повиновеніи буйной, вооруженной массы; фанатизмъ, страхъ, надежды на добычу поперемѣнно пускались въ ходъ, видоизмѣняясь по времени и обстоятельствамъ. Для приданія себѣ большей важности, Шамиль не рѣдко, особенно въ 40хъ годахъ, прибѣгалъ къ разнымъ выдумкамъ и хитростямъ, сильно дѣйствовавшимъ на суевѣрную, легковѣрную толпу. Онъ увѣрялъ что находится въ постоянныхъ сношеніяхъ съ хонтояромъ (султанъ Турецкій) и хедивомъ (вице-король Египетскій), а для доказательства показывались письма будто бы отъ нихъ полученныя; разсылались копіи къ кадіямъ и муллямъ для прочтенія при собраніи народа въ мечетяхъ. Въ письмахъ этихъ обыкновенно говорилось что султанъ и хедивъ принимаютъ живѣйшее участіе въ дѣлѣ мюридизма, что они намѣрены послать войска и денегъ на помощь горцамъ и т. п. Иногда присовокуплялось что войска уже въ пути, что самъ хедивъ ихъ ведетъ. Впрочемъ нѣсколько разъ Шамиль

дѣйствительно получалъ письма и подарки изъ Константинополя, подстрекавшія его на борьбу; особенно въ послѣднюю Восточную войну, кажется, Омеръ-паша раза два-три обращался къ Шамилю, вызывая его на движеніе къ Тифлису, для диверсіи въ пользу его собственныхъ операцій со стороны Имеретіи и прислалъ ему въ подарокъ генеральскіе эполеты, жалуемые султаномъ; но чуть ли эти эполеты не оскорбили Шамиля, считавшаго для себя унизительнымъ званіе турецкаго генерала.

Разъ, иногда раза два въ годъ Шамиль прибѣгалъ къ халвату, имѣвшему весьма большое вліяніе на горцевъ, особенно наиболѣе преданныхъ мусульманской религіи. Халватъ состоялъ въ слѣдующемъ: имамъ въ извѣстное время запирался въ своемъ домѣ, прекращалъ всякія занятія дѣлами, никого рѣшительно не принималъ, увѣряя что наступило время устремлять всѣ помыслы къ религіи и удостоиться бесѣдъ съ пророкомъ. Двѣ-три недѣли проводилъ одинъ такимъ образомъ, при строжайшемъ воздержаніи отъ пищи, а послѣдніе два-три дня онъ уже совсѣмъ ничего не ѣлъ. Къ этимъ днямъ собирались къ Шамилю всѣ кадіи и муллы, окружали его домъ и не допускали толпу приближаться. Вечеромъ послѣдняго дня этой уединенной жизни, Шамиль требовалъ къ себѣ главныхъ лицъ, и съ видомъ слабаго, изнуреннаго человѣка говорилъ что самъ пророкъ Магометъ сходилъ къ нему въ видѣ голубя, сдѣлалъ ему важныя открытія и увѣщевалъ поддерживать и распространять шаріатъ. Послѣ бесѣды съ этими нѣсколькими избранными представителями духовенства, изъ которыхъ, безъ сомнѣнія, многіе понимали суть дѣла, вполнѣ соотвѣтствовавшаго ихъ собственнымъ выгодамъ, имамъ выходилъ къ собравшемуся народу, излагалъ имъ правила ученія, слышанныя изъ устъ пророка и вычитанныя въ Коранѣ, заставлялъ всѣхъ повторять извѣстный стихъ: „нѣтъ Бога кромѣ Бога, а Магометъ пророкъ Его“, съ прибавленіемъ и великаго имама Шамиля. Своимъ экзальтированнымъ видомъ, дико торжественною обстановкой, фанатическими рѣчами и возгласами—онъ наводилъ какой-то ужасъ на безсмысленную толпу.... Присутствовавшіе при этомъ кадіи и муллы, возвращаясь въ свои аулы, разказывали о видѣнномъ, украшали событія своими вымыслами и заставляли народъ при радостныхъ кликахъ и ружейныхъ выстрѣлахъ повторять: „нѣтъ Бога кромѣ Бога“ и пр. Легко себѣ представить какъ ло-

добныя средства воспламеняли фанатизмъ и ненависть къ намъ, гяурамъ, всего горскаго враждебнаго населенія!

Несмотря на достиженіе такого самовластнаго положенія, Шамиль все же не считалъ себя лично вполнѣ внѣ опасности. Самъ горецъ—онъ очень хорошо зналъ характеръ горцевъ, въ основаніи котораго лежатъ всѣ черты азіятскаго характера, принявшія болѣе грубыя формы: мстительность, коварство, лукавая скрытность, жестокость, корыстолюбіе и всѣ подобныя качества сплошь и рядомъ преобладаютъ въ кавказскихъ горцахъ; да это не должно и удивлять насъ, если принять во вниманіе условія среди которыхъ столько вѣковъ продолжается существованіе этихъ племенъ, гдѣ не только всякій человѣкъ лично, но и цѣлыя общества (роды) ежечасно подвергали опасности свое существованіе, гдѣ только сила и ловкость владѣнія оружіемъ замѣняли всякія другія права. Среди такого народа, слѣдовательно, Шамиль не безъ основанія долженъ былъ считать себя не безопаснымъ, тѣмъ болѣе что месть за казненныхъ отцовъ и братьевъ, изъ коихъ многіе погибли даже не по правильному суду шаріата, а часто по самому слабому сомнѣнію или прихоти имама, да наконецъ и соблазнительный подкупъ—легко могли направить пулю или кинжалъ изъ своей же мусульманской руки противъ грознаго владыки. И онъ принималъ самыя строгія мѣры предосторожности: никто не смѣлъ приблизиться къ нему безъ предварительнаго разрѣшенія; затѣмъ получившій таковое снималъ съ себя все оружіе; подойдя къ имаму, цѣловалъ полу его кафтана. Это должны были исполнять даже самыя значительныя лица. Нѣкоторымъ онъ давалъ цѣловать свою руку. При домѣ его находился постоянный сильный караулъ изъ муртазагаторовъ; часовые съ винтовками и обнаженными шашками стояли у всѣхъ внѣшнихъ дверей *. При выходѣ изъ дому—имама сопровождали

* Въ 1847 или 48 году, одинъ молодой горецъ рѣшился отомстить Шамилю за казнь отца. Два мѣсяца онъ ежедневно упражнялся въ стрѣльбѣ изъ пистолета и довелъ это до совершенства, затѣмъ снарядивъ наилучшимъ образомъ свой пистолетъ, онъ отправился въ Ведень (резиденція Шамиля въ 1846 году). Подъ предлогомъ открытія имаму весьма важнаго дѣла, онъ получилъ разрѣшеніе войти къ нему въ комнату. Оружіе было все съ него снято, но завѣтный пистолетъ остался спрятаннымъ въ рукавѣ бешмета. Поцѣловавъ у Шамиля полу платья, горецъ началъ ему длинный разказъ о какомъ-то дѣлѣ, досталъ въ это время незамѣтно пистолетъ, во мгновеніе ока взвелъ

нѣсколько десятковъ самыхъ отчаянныхъ преданныхъ ему мюридовъ, шедшихъ въ установленномъ порядкѣ,—нѣсколько человѣкъ впереди, по бокамъ и назади, всѣ съ обнаженнымъ оружіемъ,—тутъ же и палачъ съ сѣкирой. При поѣздкахъ по обществамъ Лезгинскимъ, болѣе приверженнымъ мюридизму, слѣдовательно и имаму, онъ ограничивался конвоемъ отъ трехъ, пяти и до восьми сотъ человѣкъ; но по Чечнѣ, особенно въ 40хъ годахъ, вскорѣ послѣ отпаденія ея отъ насъ, онъ разъѣзжалъ неиначе какъ съ двумя-тремя тысячами человѣкъ, большею частью горцевъ изъ Дагестана. Чтобы подобныя мѣры предосторожности не считались народомъ за признакъ страха и недовѣрія къ нимъ, Шамиль выставлялъ это какъ необходимыя условія высокаго его сана, а для бо́льшаго убѣжденія горцевъ приказалъ чтобъ и наибы, по своимъ степенямъ и значенію, имѣли кромѣ охранной стражи еще и извѣстное число конвоя, отъ двухъ-трехъ до восьми сотъ человѣкъ.

Изъ выше набросаннаго краткаго очерка развитія Кавказской войны, читатель можетъ видѣть что до исхода двадцатыхъ годовъ война не выходила изъ предѣловъ незначительной борьбы малыми частями нашихъ войскъ противъ отдѣльныхъ горскихъ обществъ и даже ауловъ, рѣшавшихся съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свою независимость и право грабежа и хищничества у своихъ враждебныхъ сосѣдей; война эта носила болѣе характеръ строгаго военнаго надзора за поведеніемъ племенъ считавшихся намъ подвластными, и не желавшихъ исполнять нашихъ требованій.—Мы имѣли дѣло съ безпорядочными толпами горцевъ, не хотѣвшихъ въ бою никому подчиниться и,—не наученныхъ еще опытомъ въ превосходствѣ регулярныхъ войскъ,—рѣшавшихся выходить на открытыя, плоскія мѣста; потому мы тогда съ маленькими отрядами оставались всегда побѣдителями и, подъ первымъ впечатлѣніемъ

и опустилъ въ 3хъ шагахъ курокъ.... осѣчка! Онъ тутъ же былъ изрубленъ въ куски. Судьба хранила имама, а народъ въ этомъ случаѣ увидѣлъ явно покровительство Бога и еще болѣе повѣрилъ въ святость своего владыки.—(За вѣрность этого происшествія ручаться не могу, хотя мнѣ разказывалъ о немъ одинъ изъ почетныхъ горцевъ въ верховьяхъ Аргуна, въ 48 году.)

страха, побѣжденные подчинялись всякимъ условіямъ, выдавали заложниковъ, клялись въ покорности и т. д. Всѣ наши военныя распоряженія ограничивались содержаніемъ въ извѣстныхъ пунктахъ нѣсколькихъ подвижныхъ резервовъ изъ двухъ, или даже одной роты, постройкою мелкихъ постовъ съ гарнизономъ въ 15—20 человѣкъ и возведеніемъ нѣсколькихъ болѣе значительныхъ крѣпостей, служившихъ тогда дѣйствительною опорою нашею въ краѣ. Однимъ словомъ, горцы какъ бы сами не знали чего они хотятъ, къ какой цѣли стремятся, а такъ дѣйствовали безъ толку, по минутнымъ увлеченіямъ, по внушеніемъ какихъ-нибудь безпокойныхъ головъ, буйныхъ удальцовъ, охотниковъ до стрѣльбы и драки. Спокойствіе то водворялось повсемѣстно, то нарушалось кое-гдѣ, происшествіями не слишкомъ кровавыми и грозными. Мы поэтому смотрѣли на дѣло не весьма серіозно и, въ свою очередь не имѣя твердо опредѣленной цѣли, думали что наказаніемъ нарушителей спокойствія отучимъ горцевъ отъ такихъ попытокъ и исподоволь обратимъ ихъ въ послушныхъ, мирныхъ подданныхъ. Очень быть можетъ что не вмѣшайся въ дѣло религіозный вопросъ, не возникни ученія о мюридизмѣ, раздувшаго фанатическое пламя между многочисленнымъ и безъ того враждебнымъ намъ населеніемъ,—Кавказская война продолжалась бы еще нѣсколько лѣтъ въ такихъ же незначительныхъ размѣрахъ, и постепенно потухая, наконецъ совсѣмъ бы потухла. Но вышло иное, — ничтожная искра произвела огромный пожаръ!

Ученіе мюридизма, принесенное въ началѣ нынѣшняго столѣтія изъ Бухары на Кавказъ извѣстнымъ Шихъ-Мансуромъ, сосланнымъ въ послѣдствіи въ Соловецкій монастырь, и совершенно было умолкнувшее, опять появилось въ двадцатыхъ годахъ. Оно въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ развивалось безъ шума, пріобрѣтало послѣдователей, проникло во всѣ дагестанскія общества и даже въ закавказскія мусульманскія провинціи, наконецъ въ 1830 году вспыхнуло въ небывалыхъ размѣрахъ. Тогда-то и Кавказская война начала измѣнять свой характеръ; пришлось уже дѣйствовать противъ большихъ непріятельскихъ массъ, руководимыхъ одною волею. На первыхъ порахъ преимущество—если не численное, то нравственное—все-таки было на нашей сторонѣ, и мы продолжали побѣждать горцевъ почти при всякой встрѣчѣ. Осады ими Дербента, Бурной, Внезапной и другихъ укрѣпленій хотя были безуспѣшны, но уже

достаточно показывали размѣры до которыхъ достигла война *. Потомъ, несмотря на взятіе Гимры и пораженіе перваго имама Кази-Муллы, тутъ же убитаго, явился другой имамъ Гамзатъ-Бекъ, продолжавшій дѣло мюридизма съ большою настойчивостью и совершившій важное для него дѣло истребленія Аварскихъ хановъ, не только пользовавшихся искони благоговѣйнымъ почетомъ у всѣхъ кавказскихъ горцевъ, но и извѣстныхъ и весьма уважаемыхъ въ Персіи, Турціи и другихъ азіятскихъ странахъ. Убійство Гамзатъ-Бека, разныя стычки нашихъ войскъ съ горцами, большею частью для нихъ неудачныя, все-таки не имѣли почти никакого результата: мюриды не унывали, фанатизмъ ихъ усиливался и прививался постепенно ко всѣмъ племенамъ Кавказа; явился третій имамъ—Шамиль, который, какъ мы видѣли, на мюридизмѣ основалъ нѣчто въ родѣ цѣлаго отдѣльнаго государства, поставившаго себѣ исходною цѣлью вражду противъ Россіи, вражду вызвавшую съ нашей стороны громадныя средства для ея подавленія!

До 1840 года, то-есть до присоединенія къ мюридизму Чечни, война ограничивалась почти однимъ Дагестаномъ, гдѣ мы все стремились однимъ рѣшительнымъ ударомъ покончить съ непріятелемъ; а въ остальныхъ частяхъ восточнаго Кавказа, гдѣ мюригизмъ еще слабо привился, горцы попрежнему только „пошаливали“, вызывая наши отряды, проникавшіе по временамъ въ ихъ аулы для наказаній. О главнѣйшихъ дѣйствіяхъ въ Дагестанѣ уже разказано выше. Занятіе въ 1837 году Аваріи и осада Тилитва, гдѣ заперся Шамиль, могли принести блистательные результаты, еслибы мы такъ не вò-время не отступили, ограничившись присягой имама на подданство Россіи. Еще болѣе выгодный оборотъ могли принять наши дѣла послѣ похода 1839 года и взятія Ахульго. Но бѣжавшій оттуда Шамиль, потерявъ неприступный зáмокъ съ 10—15ю сотнями приверженцевъ, пріобрѣлъ взамѣнъ Чечню, съ 80тысячнымъ воинственнымъ, богатымъ населеніемъ, и оказался втрое сильнѣе прежняго! Тогда война уже приняла окончательно серіозный характеръ; это оказывалось уже не борьбой съ непослушными аулами, не военно-полицейскимъ надзоромъ за мелкими горскими обществами, позволяющими себѣ хищническія

---

* Подробный разказъ объ этихъ событіяхъ напечатанъ мною въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, декабрь, 1864 года.

нападенія на сосѣдей,—это приняло видъ войны противъ сильнаго многочисленнаго населенія, руководимаго одною же вѣрною волей умнаго, энергическаго, властолюбиваго человѣка! Прошли времена отрядовъ изъ двухъ ротъ, сотни Донцевъ, при одной пушкѣ.... Пришлось выставлять самостоятельные отряды, считая баталіонами, полками, батареями, чтобы дѣйствовать въ странѣ, ощетинившейся противъ насъ природнымъ и искусственнымъ оружіемъ. И вотъ съ 1840 года начинаются усиленныя дѣйствія, съ постоянно увеличивающимися средствами, съ часто измѣняющимися системами; посылаются уже цѣлыя дивизіи, наконецъ двигается корпусъ; начальство надъ войсками принимаетъ лично главнокомандующій, съ успѣхомъ выдерживавшій нѣкогда бой противъ Наполеона, * но все напрасно: непріятель, какъ сказочный герой, вдругъ выросъ до громадныхъ размѣровъ, внушая къ себѣ ужъ не презрѣніе, а едва скрываемый страхъ....

До 1850 года мы не были избалованы успѣхами; непріятель часто торжествовалъ; онъ даже овладѣвалъ нашими укрѣпленіями, истребляя цѣлые гарнизоны, блокируя важнѣйшіе центральные пункты и прерывая наши сообщенія; цѣлые отряды, и даже весьма значительные, едва отсиживались окруженные со всѣхъ сторонъ толпами горцевъ, питаясь кониной, кореньями, или едва успѣвали пробивать себѣ путь отступленія, теряя сотни, тысячи людей; на штурмахъ укрѣпленныхъ ауловъ, нерѣдко безплодныхъ, гибли цѣлыя роты, и всѣ усилія инженернаго искусства и артиллерійскихъ орудій оставались безплодными!... Шамиль достигъ небывалаго вліянія и силы; о немъ заговорилъ свѣтъ, и многіе изъ нашихъ доброжелателей стали потирать себѣ руки отъ удовольствія.

Съ 1850 по 1856 годъ обстоятельства стали измѣняться: непріятель сталъ встрѣчать неудачи, а мы, напротивъ, постепенно начали усиливаться, привыкать къ систематическимъ дѣйствіямъ и, несмотря на Восточную войну, продолжали понемногу подвигаться къ достиженію ясно уже обозначившейся цѣли. Наконецъ съ 1856 по 1859 годъ раціональная система, съ искуснымъ и энергическимъ исполненіемъ, при щедрыхъ матеріальныхъ средствахъ, положили блистательный конецъ 60лѣтней борьбѣ, приведя насъ на Гунибъ, а грознаго противника нашего въ Калугу!...

---

* Князь М. С. Воронцовъ.

Такимъ образомъ всю Кавказскую войну мы можемъ раздѣлить на четыре главные періода: 1й отъ занятія нами Закавказскаго края до распространенія въ Дагестанѣ мюридизма, то-есть когда война, какъ мы уже сказали, не выходила изъ предѣловъ незначительной военной ферулы надъ непослушными населеніями. 2й—съ 1830 года, то-есть съ появленія Кази-Муллы и его наступательныхъ противу насъ дѣйствій, до 1840 года, до всеобщаго возстанія Чечни и Дагестана, когда война принимала все бо́льшіе и бо́льшіе размѣры, сопровождалась часто кровавыми эпизодами, но не слѣдовала еще опредѣленной системѣ; 3й съ 1840 года до 1850 года, когда наши неудачи и сила непріятеля достигли одинаково небывалыхъ размѣровъ; наконецъ 4й съ 1850 по 1859 годъ, въ теченіи котораго установилась прочная система дѣйствій, стали обнаруживаться уже ея результаты, пріобрѣтались надежды на благопріятный исходъ и наконецъ произошли послѣднія событія рѣшившія судьбу восточнаго Кавказа.

(*Продолж. будетъ*).

А. ЗИССЕРМАНЪ.

ИЗЪ-ЗА БЛАГЪ ЗЕМНЫХЪ

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I. Старый знакомый среди новыхъ лицъ.

За городомъ N—скомъ, по проселку, медленно тянулись три совершенно различные экипажа. Впереди ѣхала старая, но очень хорошая четвероместная карета, съ высоко нагроможденными сверху и сзади вализами и съ гербами на дверцахъ; шестерня цугомъ едва тащила ее по ухабамъ и зажорамъ. За нею слѣдовалъ уже извѣстный намъ возокъ Степана Андреевича Соловцова, на этотъ разъ тоже значительно нагроможденный всякаго рода кладью; наконецъ, поѣздъ замыкала простая крытая кибитка парой. Верстъ на пять позади тащились еще двѣ подводы съ вещами, но онѣ давно уже отстали отъ поѣзда и могли поспѣть въ городъ развѣ только къ вечеру. Въ каретѣ сидѣли четверо: на заднихъ подушкахъ княгиня Озерецкая съ дочерью, а визави пятнадцатилѣтній князь Борисъ и пожилая дѣвица изъ дворянокъ, Клеопатра Ивановна Шершина, жившая въ домѣ въ качествѣ компаньёнки княжны. Княгиня, женщина лѣтъ пятидесяти, нѣсколько опухшая въ сложеніи, съ тѣмъ отпечаткомъ мѣщанской простоватости въ лицѣ и во

* См. № 9 *Русскаго Вѣстника.*

всей фигурѣ, который почему-то усваиваютъ къ этимъ годамъ многія аристократическія дамы—безпокойно дремала въ углу, поминутно просыпаясь, причемъ широко раскрывала глаза и спрашивала: „а? что? такое? про что это вы говорите?“ На красивомъ лицѣ княжны лежала какая-то не то лѣнивая, не то скучающая тѣнь: монотонность переѣзда, тянувшагося уже болѣе трехъ часовъ, дѣйствовала ей на нервы. Впрочемъ, это лицо никогда не отличалось подвижностью: на немъ словно застыло полу-невинное, полу-равнодушное выраженіе. „Ну, и что жъ такое?“ какъ будто говорило оно, когда темные, не быстрые, лѣнивые глаза останавливались на комъ-нибудь. N—ское общество, встрѣчавшееся съ ней въ два или три зимніе мѣсяца, которые княгиня въ послѣдніе годы неизмѣнно проводила со всѣмъ семействомъ въ городѣ, находило ее обыкновенно несообщительною и скучною. „Развѣ это женщина?“ говорили о ней, пожимая плечами. Но къ спокойному личику княжны шли этотъ равнодушно-невинный взглядъ лѣнивыхъ глазъ, эта ровная, непрозрачная, отливавшая желтизной слоновой кости бѣлизна кожи, и эти не тонкія брови, вопросительно шевелившіяся, когда она слушала что-нибудь. Всего замѣчательнѣе въ наружности княжны были ея губы: правильныя какъ у статуи и почти такъ же блѣдныя, онѣ рѣдко улыбались, и отъ ихъ строгой красоты вѣяло мраморомъ. И однакожь на этомъ мраморномъ лицѣ постоянно лежало отраженіе какой-то внутренней жизни, и что-то уходило въ темную глубину глазъ, возбуждая въ постороннемъ взглядѣ неудовлетворенное любопытство. Княжна была высока ростомъ и замѣчательно хорошо сложена: въ ея неторопливыхъ движеніяхъ и тонкой, круглой таліи чувствовалось то же холодное и строгое вѣяніе мрамора.

Сидѣвшая противъ нея дѣвица Шершина всю дорогу безъумолку и вполголоса говорила. Она преслѣдовала двѣ цѣли: не помѣшать дремотѣ княгини и развлечь княжну; но обѣ цѣли достигались плохо, потомъ что княгиня поминутно просыпалась, а княжнѣ было скучно. По правдѣ, у дѣвицы Шершиной былъ органическій недостатокъ — она не умѣла молчать. Какъ только кто-нибудь переставалъ говорить, она тотчасъ начинала, и продолжала до тѣхъ поръ пока ее не перебивали. Предметъ разговора никогда не затруднялъ ее: она дѣлала самые невѣроятные переходы и могла говорить о томъ о чемъ навѣрное еще никто никогда не говорилъ. Одинъ разъ, въ минуту внезапной паузы, она вдругъ сказала: „сегодня вторникъ,

вчера понедѣльникъ былъ"; всѣ засмѣялись, а она рѣшительно не могла понять, надъ чѣмъ тутъ смѣются? Княгиня ее ужасно любила, хотя считала дурой; княжна... трудно сказать какъ именно относилась къ ней княжна; кажется, она просто старалась не замѣчать ее.

— Другъ мой, Борисъ, посмотрите, какъ смѣшно галки по снѣгу скачутъ, вдругъ обратилась она къ молодому князю; по своему давнему пребыванію въ домѣ, она его всегда называла по имени и „другъ мой".

Князекъ, не питавшій къ ней ни малѣйшей почтительности, взглянулъ въ окно и отвѣтилъ:

— Вонъ та, что ближе къ намъ, ужасно какъ на васъ похожа.

Шершина подобными выходками никогда не обижалась, хотя съ постороннимi, и особенно съ мущинами, была до крайности щепетильна.

— Ахъ, ужь вы.... надсмѣшникъ какой! воскликнула она только.

— Надсмѣшникъ! надсмѣшникъ! передразнилъ ее, обрадовавшись этому развлеченію, князь. — Отчего вы такъ говорите, какъ Филатъ?

Въ эту минуту карета, попавъ по ступицы въ зажору, вдругъ остановилась. Княгиня проснулась, мигая широко-раскрытыми глазами.—Филатъ, Филатъ что такое? кричала она лакею, соскочившему съ задка и пробѣжавшему мимо кареты къ лошадямъ.

— Въ зажору провалились, ваше сіятельство! отвѣчалъ тотъ, снимая шапку.

— Провалились? О, mon Dieu, этого только не доставало! простонала княгиня, на которую слово „провалились" произвело усиленное впечатлѣніе.—Гдѣ жь мы провалились? что этотъ дуракъ выдумываетъ? повторила она, высунувшись въ окно и озираясь.

— Да ничего, maman; просто лошадямъ трудно везти, проговорила княжна. — Не надо было совать въ карету столько поклажи.

— И безъ того, мой другъ, двѣ подводы идутъ, да кибитка! возразила княгиня.

Князь Борисъ отворилъ дверцу и, прыгнувъ на подножку, обернулся къ матери.

— Я, maman, пересяду къ дядѣ, сказалъ онъ, больше заявляя о своемъ намѣреніи, чѣмъ просясь.

— Но какъ же, мой другъ, дядя и безъ того взялъ къ себѣ Генриха Яковлевича? возразила княгиня.

— А Генрихъ Яковлевичъ къ вамъ въ карету сядетъ, рѣшилъ молодой князь и спрыгнулъ на дорогу.

— Дядя, дядя, я къ вамъ! кричалъ онъ, подбѣгая къ возку, изъ окна котораго выглядывала огромная голова Степана Андреевича Соловцова. — Герръ Кнаусъ, папап проситъ васъ къ себѣ въ карету, добавилъ онъ по-нѣмецки, обращаясь къ рыжеватой, впрочемъ весьма благообразной личности, выглядывавшей изъ глубины возка черезъ плечо Соловцова.

— So? удивился гувернеръ, но тотчасъ же потушилъ окурокъ сигары и, спрятавъ его въ карманъ, выбрался изъ возка.

Соединеннымъ усиліемъ кучера, форрейтора и Филата удалось наконецъ вытянуть лошадей изъ зажоры, и экипажи тронулись.

— Дядя, я вѣдь зачѣмъ къ вамъ пересѣлъ—мнѣ что-то сказать вамъ надо! заговорилъ быстро Борисъ, вскакивая въ возокъ.—Нѣчто интересное!

— Ну говори, рѣзрѣшилъ ему Соловцовъ, добродушно сторонясь, чтобы дать ему мѣсто. Онъ съ своимъ двоюроднымъ племянникомъ былъ въ самыхъ пріятельскихъ отношеніяхъ, и тотъ очень любилъ его за простоту и снисходительность.

— Я про Генриха Яковлевича кое-что узналъ, продолжалъ Борисъ, раскачиваясь подлѣ дяди на эластической подушкѣ.— Замѣтили вы у сестры горничную, Настю?

— Это высоконькая-то, черноглазая? припомнилъ Соловцовъ.

— Ну да; вертлявая она ужасъ какая, и я за ней давно замѣчалъ что какъ только встрѣтится она съ Генрихомъ Яковлевичемъ, сейчасъ у нихъ шушуканье какое-то, продолжалъ молодой князь.—Вотъ вчера лежу я въ постели, и долго что-то заснуть не могу: все мнѣ представлялось, какъ мы въ городъ переѣдемъ и весело какъ будетъ! Только вдругъ слышу, кто-то по корридору идетъ, и потомъ дверь въ Генрихъ-Яковлевичевой комнатѣ тихонько такъ стукъ! Мнѣ ужасно любопытно стало: что это такое? Генрихъ Яковлевичъ давно уже спать бы долженъ! Вотъ я надѣлъ ботинки, да на цыпочкахъ подхожу къ его двери и приставилъ глазъ къ замочной скважинѣ. И вообразите кого я тутъ видѣлъ: Настю! заключилъ князекъ, даже взвизгнувъ отъ удовольствія, которое доставляло ему подсмотрѣнное приключеніе.

Соловцовъ какъ-то нерѣшительно захохоталъ: для него не

ясно было, не слѣдовало ли сдѣлать племяннику выговоръ за такой поступокъ. Но разказъ во всякомъ случаѣ былъ для него крайне любопытенъ.

— Генрихъ-то Яковлевичъ смѣшной какой долженъ быть! сообразилъ онъ громко.

Они нѣсколько минутъ не разговаривали, подъ впечатлѣніемъ разказа. Генералъ продолжалъ хохотать, вздрагивая животомъ и плечами, а князекъ изрѣдка взвизгивалъ. Наконецъ онъ обратился къ Соловцову съ нѣкоторою задумчивостью:

— Дядя, вѣдь она хорошенькая?

— Кто? переспросилъ генералъ.

— Да Настя....

— Ну да; тебѣ-то что?

— Я тоже нахожу что хорошенькая....

— Рано тебѣ находить-то! возразилъ дядя.

— Ну да! протянулъ съ нѣкоторымъ неудовольствіемъ князекъ.

Въ каретѣ, въ это время, дѣвица Шершина безъ умолку болтала, обращаясь къ княжнѣ, которая, дѣлая видъ что слушаетъ ее, думала о чемъ-то своемъ.

— Въ городѣ-то, воображаю, развалъ теперь какой! говорила она, слегка потрясая своею узкою, маловолосою головой и наклоняясь къ княжнѣ, къ которой сидѣла на-искосокъ.—Въ самый развалъ ѣдемъ. Въ прошедшемъ году тоже въ это самое время переѣхали.... или нѣтъ, соврала я матушка! Къ Николѣ зимнему дѣло было, а нынче у насъ ноябрь идетъ; такъ-то сразу скажешь, соврешь. И почему сказала—сонъ видѣла. Всю ночь этта снилось—ѣдемъ мы, ѣдемъ, словно вотъ сегодня. И я еще во снѣ думаю: что это, дорога какая длинная? не заблудились ли ужь? Право, сплю, а сама думаю. И чего только въ этомъ во снѣ не увидишь! Въ другой разъ такъ похоже, такъ похоже бываетъ, удовольствіе просто!

Герръ Кнаусъ, которому было очень не ловко сидѣть, потому что, боясь задѣть княгиню своими длинными ногами, онъ долженъ былъ чрезвычайно неудобно поджать ихъ подъ скамейку—вслушался въ послѣдній разказъ Шершиной и вдругъ, подумавъ, произнесъ:

— Я тоже имѣлъ сонъ видѣть.

Княжна, посмотрѣвъ на него, молча улыбнулась.

— Что же вы видѣли, Генрихъ Яковлевичъ? полюбопытствовала компаньйонка.

— А, это надо разказать! произнесъ гувернеръ и, собираясь повѣствовать, повернулся на подушкѣ такъ чтобы ему удобно было обращаться разомъ и къ княжнѣ, и къ компаньйонкѣ.

— Видѣлъ я, началъ онъ съ явнымъ удовольствіемъ, отставляя предъ собой большой и указательный пальцы, какъ дѣлаютъ, когда хотятъ опредѣлить небольшую величину, — видѣлъ я такой, маленькій монетку; можетъ-быть это былъ двугривенникъ, а можетъ-быть четвертакъ; но я думаю, это былъ двугривенникъ. Какъ я имѣлъ эту монетка, я не знаю; я ее нашелъ въ мой жилетка. Я хотѣлъ купить отличный мундштюкъ для моей сигары; я ее искалъ въ жилеткѣ и я ее нашелъ. Тогда я ее заплатилъ, и я купилъ отличный мундштюкъ для моей сигары. Но продавецъ, такой миленькій старый человѣкъ, продавецъ говорилъ мнѣ: „Gnädiger Herr, я имѣю для васъ еще одна отличная вещица“. И онъ показалъ мнѣ одна спишечницъ — такая какъ я давно желалъ себѣ имѣть. Очень хорошій спишечницъ, и на крышкѣ написанъ золотой буквомъ: Feuer. Я такой спишечницъ давно желалъ себѣ имѣть. Но я сказалъ: „господинъ Kaufmann, я не имѣю больше такой маленькой монетка“.—„Ахъ, gnädiger Herr, говорилъ мнѣ Kaufmann, вы поищить съ два пальца въ вашей жилетка, вы очень можете найти такой маленькій монетка“. Я очень зналъ что у меня нѣтъ другой монетка, но я поискалъ и вытащилъ такой самый монетка! Тогда я хотѣлъ заплатить ее и купить себѣ отличный вещица, но продавецъ говорилъ мнѣ: „Gnädiger Herr, этотъ вещица стоитъ двѣ монетковъ, поищить въ вашей жилетка, вы очень можете найти еще такой монетка!“ Я очень этому удивлялся, но я поискалъ въ моей жилетка, и опять вытащилъ такой самый монетка! Тогда я догадался что это со мной есть Wunder, и я все покупалъ разный отличный вещица, и все тащилъ изъ жилетка такой маленькій монетъ! И это былъ сонъ, добавилъ вдругъ герръ Кнаусъ, неожиданно умолкнувъ.

— Вы чудесный сонъ видѣли, сказала по-нѣмецки княжна, стараясь не разсмѣяться.

— Ja es war sehr wunderbar und schön! подтвердилъ герръ Кнаусъ, и неизвѣстно почему добавилъ по-русски:—Только я это очень дурно разказалъ.

Шершина во всемъ этомъ не нашла ничего удивительнаго.

— Это все одно какъ фармазонскія деньги, объяснила она.— Вотъ про этого Нѣмца, что у насъ глину обжигаетъ, разказы-

вають то же: есть у него фармазонскій цѣлковый, дастъ кому-нибудь, а на другой день пойдетъ въ карманъ, онъ ужь тамъ и лежитъ. Рабочіе ни за что этого цѣлковаго не берутъ: заплати, говорятъ, бумажкой. Бумажекъ-то, должо-быть, фармазонскихъ не бываетъ. Усомнилась Шершина и уставилась на гувернера своими безпокойными глазами.

— Nein, es war ein Wunder, это было тшюдо, подтвердилъ съ убѣжденіемъ герръ Кнаусъ.

Карета между тѣмъ двигалась уже по городской мостовой и наконецъ остановилась предъ домомъ довольно большихъ размѣровъ и безхарактерной архитектуры. За нѣсколько минутъ предъ тѣмъ генералъ Соловцовъ нарочно обогналъ ее съ своимъ возкомъ и теперь уже стоялъ на крыльцѣ, впереди сбѣжавшихся слугъ, готовясь встрѣтить княгиню и ввести подъруку въ домъ. Борисъ, охорашиваясь въ своемъ дорожномъ костюмѣ, подалъ руку сестрѣ; ему очень нравилось что онъ можетъ въ свою очередь исполнить тутъ обязанность кавалера.

Спустя часъ, всѣ уже сидѣли за чаемъ, который княгиня очень любила послѣ дороги и пила всегда съ нѣсколькими сортами варенья, пастилы и всякихъ сластей. Степанъ Андреевичъ, скушавъ поданную собственно для него яичницу, любопытствовалъ узнать, какъ именно княгиня устроится въ городѣ и чѣмъ начнетъ свой сезонъ: онъ давно уже не жилъ собственнымъ хозяйствомъ и потому принималъ во всѣхъ затѣяхъ княгини самое близкое участіе.

— Ну что же, княгинюшка, опять баломъ начнемъ? спрашивалъ онъ, благодушно поглядывая на весь собравшійся у стола семейный кружокъ.

— Ахъ, ужь и не знаю право! воскликнула княгиня, съ выраженіемъ безпокойства на измятомъ съ дороги лицѣ. — Стоитъ ли давать эти балы, ужь и не знаю!

— Ну, отчего жь не стоитъ? заведено, и общество привыкло, возразилъ Соловцовъ.

— И, батюшка, какое еще общество! воскликнула княгиня. Ей, по ея простотѣ, губернское общество нравилось гораздо больше столичнаго, но она никогда не рѣшалась въ томъ сознаться. — Вотъ развѣ если княжнѣ нашей очень хочется, добавила она, кивнувъ на дочь.

Княжна подняла немножко наклоненную надъ чашкой голову и проговорила совершенно спокойно:

— Да, maman, пусть у насъ будетъ балъ.

— Да, ужь пусть будетъ, подтвердила княгиня какъ-то печально, хотя на самомъ дѣлѣ безъ этого бала рѣшительно не знала бы какъ начать сезонъ, и даже самые хлопоты предстоявшія ей по этому случаю обѣщали ей положительное удовольствіе.

Слѣдующіе затѣмъ дни ея карета безпрерывно мелькала по городскимъ улицамъ: княгиня съ дочерью дѣлали пригласительные визиты. Суетился еще больше и Степанъ Андреевичъ: онъ взялся вербовать молодежь, да кромѣ того на немъ по обыкновенію лежала вся распорядительная часть бала. Даже къ Шелопатовой онъ заѣзжалъ въ эти дни только урывками, за что Катерина Петровна сначала сдѣлала ему сценку, а затѣмъ приготовила довольно искусно нѣкоторый несовсѣмъ маловажный сюрпризецъ.

II. Легкомысліе Степана Андреевича.

Въ самый день пріѣзда княжескаго семейства, Шелопатова получила изъ Петербурга письмо, которое давно уже тревожно ждала. Распечатавъ его нѣсколько дрожащею рукой, она прочла слѣдующее:

„Я думалъ совсѣмъ не отвѣчать на твое дрянное и жалкое письмо, потому что какого же отвѣта оно заслуживало? Но подлая безхарактерность натуры, составляющая мученіе всей моей жизни и истинную причину всѣхъ преслѣдующимъ меня золъ, заставляетъ меня и на этотъ разъ, какъ заставляла тысячекратно прежде, лгать надъ твоими лживыми словами, лозорно волноваться и просить.... ну, да, просить опять этихъ лживыхъ словъ, которымъ я не буду вѣрить и за которыя перенесу еще тысячи страданій и униженій, потому что безъ нихъ я ни жить, ни дышать, ни думать не въ состояніи! Ты такъ постыдно овладѣла мною и такъ постыдно я уничтожился что уже не чувствую своего лозора и.... да что, ты сама все это знаешь!

„Я понялъ и умомъ, и сердцемъ, и всѣмъ существомъ своимъ ложь твоего письма; о, какъ я все хорошо понялъ! Какъ ты ясно и окончательно высказалась сквозь всѣ твои извороты! Ты великодушно вспоминаешь что беря тебя замужъ, я ничего не обѣщалъ тебѣ и поэтому ты ничего отъ меня не требовала. Да, я не могъ обѣщать тебѣ того безъ чего твоя дрянная природа не способна ужиться и за чѣмъ ты погналась теперь, бросивъ меня такъ мерзко; я не сулилъ тебѣ золота, тряпокъ, тунеядаго блистанья подозрительною роскошью въ

дрянной и подлой толпѣ. Ты отъ меня не требовала этого, ха, ха, ха! Да какъ же бы ты требовала? Развѣ у меня золото зарыто подъ половицей? Развѣ каждая моя колѣйка не проходила чрезъ твои руки? О, какъ я понимаю теперь все наше прошлое, какимъ яркимъ свѣтомъ озарилъ его твой поступокъ! Какъ ясна для меня теперь великодушная твердость, съ какою ты переносила лишенія нашей проклятой жизни! И зачѣмъ, зачѣмъ ты упомянула о нихъ въ твоемъ письмѣ? Какъ ты не догадалась что я не могу повѣрить ни одному твоему слову, ни одной буквѣ!

„Ты говоришь что я ничего не обѣщалъ тебѣ. И однакожь я принесъ тебѣ всего себя, мою душу, мой мозгъ, мою кровь; я уничтожился въ твоемъ приближеніи. Такой страсти, какъ моя страсть, никогда не было, потому что она граничитъ съ подлостью, съ низостью, съ неизмѣримостью уничиженія и позора! Я малодушный, я распутникъ, я льяница, но я не ничтожество! Ты сама чувствовала это, у тебя у самой волосы подымались дыбомъ, когда на жалкихъ подмосткахъ провинціальной сцены, среди плоской игры бродячихъ трагиковъ, я внезапно высѣкалъ искру того огня за который боги приковали Прометея.... А, ты помнишь это? Ты помнишь трепетъ толпы, внезапно подъятой изъ ямы на озаренную блескомъ высоту? И ничего нѣтъ! Ты прошла по мнѣ какъ смерть, и подъ слѣдами твоими осталась только мерзость запустѣнія. О, какое горькое и оскорбленное чувство накипаетъ во мнѣ въ эти тяжкія минуты отрезвленія, и какая мстительная ненависть наполняетъ мою душу!

„А между тѣмъ у меня нѣтъ силы ненавидѣть.... Даже теперь, когда злоба напрягаетъ все существо мое, я чувствую какъ безвозвратно ты владѣешь мною. Милая моя, прости мнѣ мои упреки, я униженно ползаю у ногъ твоихъ и простираю къ тебѣ руки. Милая, не брось меня такъ безжалостно, дай мнѣ ложить хотя тою презрѣнною страстью, которую я не въ силахъ вырвать изъ себя. Я не говорю: вернись ко мнѣ; но не отнимай у меня надежды, не разрывай со мной окончательно и безвозвратно. Я все прощу тебѣ, все, только не бросай меня! О, какъ я молодушенъ и гадокъ!“

Пока Шелолатова читала это письмо, ея хорошенькое личико отуманилось. Она была успокоена въ главномъ: она убѣдилась что со стороны мужа ей не грозитъ никакая серіозная опасность. Онъ въ самомъ дѣлѣ такъ рабски принадлежалъ ей что у него не осталось ничего, даже силы ненавидѣть. Но его безпорядочныя, жалкія строки шевельнули въ ней что-то похожее на состраданіе: четыре года замужества,—цѣлая чужая жизнь испепелившаяся въ эти короткіе четыре года,—слишкомъ ясно и ярко возстали въ ея воспоминаніи. Ея мужъ былъ совсѣмъ другой человѣкъ когда она выходила за него. Она

встрѣтилась съ нимъ въ провинціальной труппѣ, къ которой принадлежала. Онъ былъ безпорядоченъ какъ всегда, но отъ этой безпорядочности вѣяло молодостью и даровитостью; талантъ его не подлежалъ никакому сомнѣнію и обѣщалъ будущность. Шелопатова, выходя за него, была увѣрена что это бракъ по любви. Теперь ей какъ-то странно было объ этомъ вспомнить. Любовь.... къ Гришѣ Шелопатову!

Но на самомъ дѣлѣ это не было такъ странно, какъ казалось Катеринѣ Петровнѣ. Гришу Шелопатова погубило то что онъ слишкомъ страстно и слишкомъ по-своему любилъ жену. Безпорядочный въ жизни, онъ конечно былъ еще безпорядочнѣе въ чувствѣ. Для него были невозможны тѣ полу-дружескія, полу-равнодушныя отношенія въ которыхъ находятъ счастливый исходъ такъ много влюбленныхъ супруговъ. Онъ былъ жаденъ и подозрителенъ; подозрѣвать можно было многое. Онъ тотчасъ догадался что былъ несчастливъ, но не кончилъ съ этимъ, а продолжалъ страдать день за днемъ и годъ за годомъ. Сценическому таланту это, конечно, нисколько не помогало; онъ пытался преодолѣть себя,—ему это не удалось; тогда онъ съ какою-то даже радостью махнулъ на себя рукой: пусть, думалъ онъ съ малодушнымъ раздраженіемъ, пусть знаетъ что она во мнѣ загубила. Но Катерина Петровна, когда подозрѣвала въ немъ эту трагическую идею, только пожимала плечомъ.

Въ одинъ изъ своихъ короткихъ визитовъ, Соловцовъ засталъ Шелопатову съ заплаканнымъ лицомъ и разстроенными нервами. Степанъ Андреевичъ тотчасъ струсилъ и растерялся: онъ рѣшительно не могъ переносить женскихъ слезъ, а къ тому же наканунѣ Шелопатова сдѣлала ему сцену за то что онъ со своею княгиней совсѣмъ отъ рукъ отбился, и онъ чувствовалъ себя до нѣкоторой степени виноватымъ предъ нею. По обыкновенію онъ бросился цѣловать ей пальчики и повторять жалкимъ голосомъ:

— Ну, голубчикъ, ну, милая моя, ну, о чемъ?

И тутъ же глаза его устремились на скомканный почтовый листокъ, лежавшій у нея на колѣняхъ.

— Письмо непріятное получила? Да? Ну, скажи же, душончикъ! приставалъ онъ къ ней.

Катерина Петровна обмахнула лицо платкомъ и отбросила письмо на столъ.

— Да, письмо, проговорила она.

— Отъ кого?

— Отъ мужа.... онъ требуетъ меня къ себѣ, грозитъ.... отвѣтила Шелопатова, принимаясь потихоньку всхлипывать.

Соловцова необычайно поразило это извѣстіе; ему рѣшительно даже въ голову не приходилъ очень простой вопросъ: есть ли у Катерины Петровны мужъ? Почему-то онъ съ перваго раза рѣшилъ что она вдова и такъ и остался при этомъ убѣжденіи. Могло, впрочемъ, случиться что Шелопатова и сама назвалась ему вдовой: она на счетъ своего общественнаго и гражданскаго положенія высказывалась не всегда согласно, и ему смутно припоминалось что она именно называла себя вдовой.

— Но какъ же мужъ? Какой мужъ? воскликнулъ онъ въ недоумѣніи расширяя глаза.

— Очень просто, какіе бываютъ мужья, объяснила Шелопатова.

Но Соловцову это рѣшительно ничего не объяснило.

— Да развѣ жь у тебя есть мужъ? продолжалъ онъ съ тѣмъ же изумленіемъ.

Катерина Петровна въ свою очередь обратила на него широко раскрытые и сердитые глаза.

— А ты вѣрно въ первый разъ слышишь? спросила она.

— Да, я дѣйствительно.... въ первый разъ слышу, неувѣренно проговорилъ онъ.—Я тебя вдовой считалъ....

Катерина Петровна сквозь слезы слабо разсмѣялась.

— Съ чего жь ты это взялъ? И не говорила ли я тебѣ сто разъ что я для тебя и честью, и семейнымъ счастіемъ пожертвовала? Какъ ты много обращаешь, значитъ, на все это вниманія! упрекнула она.

Соловцовъ припомнилъ что нѣчто подобное въ самомъ дѣлѣ было говорено, и что пожалуй съ его стороны было очень дурно обратить на это такъ мало вниманія. Но его занимала гораздо болѣе близкая и важная сторона дѣла.

— Такъ что жь, онъ.... требуетъ тебя къ себѣ? спросилъ онъ неспокойнымъ голосомъ.

— Да, грозитъ ужаснѣйшимъ скандаломъ, полиціей.... Вотъ, прочти, проговорила Шелопатова, указывая глазами на отброшенный въ сторону листокъ.

Она очень хорошо знала что Соловцовъ счелъ бы величайшею неделикатностью воспользоваться ея позволеніемъ. Онъ, дѣйствительно, только ловелъ глазами по направленію ея взгляда и продолжалъ все болѣе и болѣе неспокойнымъ голосомъ:

— Ну, и ты.... что жь? Какъ же ты думаешь поступить?

Катерина Петровна молча, съ выраженіемъ страданія, пожала плечами.

— Что жь ты.... думаешь ему отвѣтить? спросилъ совсѣмъ въ смятеніи Соловцовъ.

— Въ настоящее время я только плакать могу! отвѣтила, вздрагивая всѣмъ тѣломъ, Шелопатова.

И закрывъ опять лицо платкомъ, она продолжала сквозь частыя всхлипыванія:

— Я женщина, я беззащитная, что я могу сдѣлать? Почему я знаю про какіе онъ мнѣ законы толкуетъ? Онъ вотъ пишетъ что по какому-то этапу меня вытребуетъ.... можетъ-быть онъ вовсе не смѣетъ этого сдѣлать....

— Ну, вотъ еще, по этапу! усомнился больше для успокоенія ея Соловцовъ.

Въ сущности онъ хорошенько не зналъ, насколько вытребованіе жены этимъ способомъ входило въ права мужа.

— Я ни о чемъ такомъ до сихъ поръ не думала, я беззавѣтно отдалась тебѣ! продолжала Шелопатова, поднявъ на него мокрые глаза и положивъ свою хорошенькую руку ему на плечо.—Я глупо, непростительно поступила!

— Ну, да вѣдь это онъ можетъ-быть такъ, стращаетъ.... Онъ не сдѣлаетъ этого.... успокоивалъ ее Соловцовъ.

— Ахъ, нѣтъ, очень сдѣлаетъ! Онъ никогда, никогда не проститъ мнѣ моего поступка! возразила Шелопатова.

Соловцовъ безпомощно потеръ свои густыя брови. Ему рѣдко приходилось быть въ такомъ неудачномъ положеніи. „И какъ все это вышло, чортъ знаетъ откуда этотъ мужъ вдругъ явился“, думалъ онъ съ раздраженіемъ. Онъ не въ первый разъ замѣтилъ что во всей его жизни, на каждомъ шагу, вдругъ, именно „чортъ знаетъ откуда“, выскакивали болѣе или менѣе непріятныя затрудненія, и все отъ какой-то проклятой неосмотрительности, которую онъ начиналъ, наконецъ, замѣчать въ себѣ. Но на этотъ разъ затрудненіе выходило особенно непріятнаго и раздражающаго свойства. Привязанность его къ Шелопатовой была конечно не самаго глубокаго характера, но разлучиться съ ней именно теперь, когда онъ ее такъ удобно устроилъ и когда самъ онъ предполагалъ цѣлую зиму не выѣзжать изъ города, представлялось ему просто какою-то невозможною нелѣпостью.

— Да что, можно же какъ-нибудь это устроить! Есть же къ

тому какіе-нибудь способы! воскликнулъ онъ наконецъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчаливаго раздумья.

— Какіе-нибудь и какъ-нибудь—очень остроумно! возразила почти сердито Шелопатова.

— Ну, да, то-есть тамъ вознаградить его что ли.... поправился Соловцовъ.

— Я его ничѣмъ не могу вознаградить, продолжала тѣмъ же тономъ Шелопатова.

— Нѣтъ, я къ тому говорю что можетъ-быть онъ тамъ въ деньгахъ что ли нуждается....

— У меня и денегъ такихъ нѣтъ, какихъ онъ требуетъ, опять возразила Шелопатова.—Онъ вотъ лишетъ чтобъ я ему возвратила все что стоило мое содержаніе—пять тысячъ!

Она опять закрыла лицо платкомъ и вздрогнула плечами. А Соловцовъ вдругъ почувствовалъ что почва подъ нимъ отвердѣла и мракъ прояснился. Пять тысячъ, конечно, сумма не совсѣмъ маленькая, но по крайней мѣрѣ тутъ все дѣло выводится на чистоту, ясно и вѣрно, и не надъ чѣмъ ломать голову; къ тому же ему случалось бросать куши и побольше этого.

— Такъ и лишетъ—пять тысячъ? полюболытствовалъ онъ.

Катерина Петровна прошептала изъ-подъ платка:

— Да. „А если, говоритъ, хочешь со мной развязаться, такъ возврати мнѣ тотчасъ все что я издержалъ на тебя, именно пять тысячъ.“

Соловцовъ съ неопредѣленнымъ выраженіемъ опять потеръ себѣ брови.

— Въ настоящую минуту у меня такихъ денегъ нѣтъ, но это вздоръ, сейчасъ же достать можно, произнесъ онъ.—Достану, вотъ и конецъ всему, добавилъ онъ и потянувшись къ Катеринѣ Петровнѣ обнялъ ее за талію.

Молодая женщина крѣпче прижалась къ его плечу, но съ минуту молчала.

— Я не хочу въ этомъ дѣлѣ ничего тебѣ совѣтовать; пусть это будетъ вопросомъ твоего сердца, проговорила она наконецъ, съ нѣкоторою торжественностью.

— А для меня это совсѣмъ и не вопросъ, отвѣтилъ повеселѣвшій Соловцовъ и схватился за шапку чтобы тотчасъ же бѣжать доставать денегъ.

Катерина Петровна быстро встала и обвилась обѣими руками вокругъ его шеи.

— Нѣтъ, не уходи, останься у меня.... прошептала она.—

Деньги завтра успѣешь принесть; я хочу съ тобой быть. Этотъ твой поступокъ.... Ты совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ являешься мнѣ! объяснила она, прижимаясь къ нему и цѣлуя его огромную, кудрявую, легкомысленную голову.

На другой день Соловцовъ явился къ Шелопатовой поздно вечеромъ и съ нѣкоторымъ смущеніемъ объявилъ что нигдѣ не могъ достать пяти тысячъ, но что завтра станетъ хлопотать съ утра и надѣется непремѣнно успѣть. Шелопатова на это ничего ему не возразила, но была весь вечеръ очень грустна и задумчива. Степану Андреевичу, однако, не повезло и на завтра: кредитъ его въ городѣ былъ уже подорванъ гораздо въ большей степени чѣмъ онъ самъ догадывался. Онъ въ этотъ день рѣшился не показываться на глаза Катеринѣ Петровнѣ, разчитывая опять на завтра, которое однакожь началось и кончилось такъ же безуспѣшно. Онъ пріѣхалъ къ Шелопатовой измученный, но съ пустыми руками, и въ смятеніи долженъ былъ признаться ей въ своей неудачѣ. Молодая женщина опять ни словомъ не упрекнула его, даже была съ нимъ ласковѣе обыкновеннаго, но подъ конецъ вечера съ ней сдѣлался легкій истерическій припадокъ. Прощаясь въ этотъ разъ со своимъ обожателемъ, Шелопатова сказала слабымъ голосомъ:

— Послушай, Этьенъ, мнѣ досадно что тебѣ приходится столько хлопотать съ этими деньгами. Ты вѣрно совсѣмъ не умѣешь взяться за это дѣло; дай я за тебя все сдѣлаю....

— То-есть какъ же это ты сдѣлаешь? спросилъ удивившись Соловцовъ.

— Да очень просто: ты напиши мнѣ вексель, а ужь я подъ него найду денегъ, объяснила Шелопатова.

Степану Андреевичу эта мысль чрезвычайно понравилась: написать вексель для него рѣшительно ничего не стоило, тогда какъ отыскиваніе денегъ его совершенно измучило.

— Но кому жь ты продашь вексель? спросилъ онъ однакожь съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ.

— Да ужь я знаю кому, и не будетъ ни толковъ, ни слуховъ. Только, разумѣется, на векселѣ надо написать гораздо бо́льшую сумму, потому что продать придется вѣроятно за половину.

Поутру вексель на десять тысячъ былъ уже въ рукахъ Шелопатовой. Выпроводивъ Соловцова, Катерина Петровна поспѣшно одѣлась и, сунувъ документъ въ карманъ, вышла изъ дому. Маленькими шажками миновала она нѣсколько улицъ и

повернувъ въ довольно глухой переулокъ, по низенькому крылечку поднялась въ незапертыя сѣни, изъ которыхъ вступила въ комнату, походившую не то на кабинетъ, не то на контору. Тамъ ее встрѣтилъ уже извѣстный намъ Полячекъ Менчицкій.

— Прошу пожалуста садиться, пригласилъ онъ ее.—Чѣмъ могу вамъ служить?

Катерина Петровна сѣла, поправляя шелковыя складки своего платья и объяснила что желала бы получить свѣдѣніе о надежности векселя, выданнаго ей однимъ изъ здѣшнихъ ломѣщиковъ.

— Надо знать кѣмъ, замѣтилъ Менчицкій.

— Соловцовымъ, отвѣтила слегка покраснѣвъ Шелопатова.

Менчицкій какъ-то неопредѣленно пошевелилъ губами.

— Вы желаете продать его? спросилъ онъ.

— Да, пожалуй, еслибы дали выгодную цѣну... проговорила Шелопатова.

Губы ростовщика опять сложились въ неопредѣленныя и неодобрительныя складки.

— Это вамъ будетъ очень трудно сдѣлать, отвѣтилъ онъ.

— Отчего же? Развѣ его кредитъ такъ разстроенъ? спросила нѣсколько взволнованно Шелопатова.

— Очень трудно чтобы кто-нибудь купилъ вексель, повторилъ Менчицкій.

— Да вѣдь я понимаю что надо сдѣлать большую уступку, возразила молодая дама.—Вексель на десять тысячъ; сколько бы за него дали?

Ростовщикъ пожалъ плечами.

— Это очень трудно сказать, отвѣтилъ онъ.

— Но вы сами сколько бы дали? обратилась прямо Шелопатова.

— Нѣтъ, я совсѣмъ ничего не могу дать! отказалъ какъ бы даже съ сожалѣніемъ Менчицкій.

— Но отчего же? спросила нѣсколько уже теряясь Катерина Петровна.

Ростовщикъ повторилъ движеніе плечами и молчалъ. Молодая женщина повела кругомъ глазами въ какой-то нерѣшительности.

— Послушайте, я здѣсь пріѣзжая и рѣшительно никого не знаю, заговорила она, подвигаясь со стуломъ къ столу, за которымъ стоялъ Менчицкій.—Мнѣ васъ рекомендовали какъ самаго надежнаго агента, и потому я къ вамъ обращаюсь. Мнѣ

вѣроятно придется и еще имѣть дѣла, въ которыхъ ваше содѣйствіе было бы полезно для насъ обоихъ. Пожалуста, присядьте, мнѣ съ вами переговорить надо—если только я васъ не задерживаю?

Менчицкій поклонился и сѣлъ.—Я имѣю удовольствіе говорить съ Mme Шелопатовой? догадался онъ съ какою-то неопредѣленною улыбкой.

— Да... подтвердила молодая женщина и опять слегка покраснѣла.—Видите ли, я не особенно нуждаюсь въ томъ чтобы сейчасъ продать вексель. Мнѣ было бы гораздо важнѣе получить нѣкоторыя точныя свѣдѣнія о дѣлахъ генерала Соловцова...

Менчицкій опять пожалъ плечами.

— Я, признаться, мало знаю о его дѣлахъ, сказалъ онъ. — Притомъ, вы понимаете, я потерялъ бы довѣріе, еслибъ...

— Ахъ, полноте, перебила его Шелопатова.—Я васъ спрашиваю вовсе не изъ любопытства. Я вамъ скажу откровенно что въ какомъ бы положеніи ни находились дѣла Соловцова, я принуждена въ нихъ вмѣшаться... такъ или иначе... и я ищу вашего содѣйствія.

— То-есть въ какомъ смыслѣ? спросилъ ростовщикъ.

— Да въ какомъ понадобится; и конечно въ такомъ, гдѣ вы можете что-нибудь выиграть.

— Выиграть въ денежномъ отношеніи? переспросилъ съ двусмысленною улыбкой осторожный агентъ.

— Разумѣется въ денежномъ! воскликнула, слегка вспыхнувъ отъ этого намека, Шелопатова.—Я вѣдь никогда не ошибаюсь съ кѣмъ я имѣю дѣло! прибавила она язвительно.

Менчицкій только наклонилъ голову.

— Сколько я знаю, дѣла генерала Соловцова очень разстроены. Очень разстроены, подтвердилъ онъ.

— Объясните точнѣе: имѣнье заложено? спрашивала Шелопатова.

— Нѣтъ, но долговъ по векселямъ очень много.

— Такъ что превышаютъ имѣніе?

— Я думаю что превышаютъ.

— Отчего же имѣніе не заложено? Вѣдь проще было бы заложить!

— Они не раздѣлились еще съ княгиней Озерецкой, оттого и не заложено! объяснилъ Менчицкій.

— А у княгини хорошее состояніе? продолжала быстро спрашивать Шелопатова.

— У княгини очень хорошее.

— Точнѣе, точнѣе, Mr Менчицкій.

— На полмилліона будетъ.

— И безъ долговъ?

— Да. То-есть, есть долги, но совсѣмъ пустые.

— И у нихъ взаимные счеты вѣроятно очень залутаны! высказала въ видѣ догадки Шелопатова.

— Я думаю что очень залутаны, подтвердилъ Менчицкій.

Шелопатова подалась со стула.

— На первый разъ mercі, Mr Менчицкій, проговорила она, протянувъ коммиссіонеру руку, которую тотъ осторожно пожалъ.—Мнѣ надо обдумать то что̀ я узнала отъ васъ. На-дняхъ я заѣду къ вамъ, или попрошу васъ къ себѣ.

Менчицкій поклонился.

— Да. Что-нибудь можно придумать, сказалъ онъ, провожая ее въ корридоръ.

— Да; что-нибудь можно придумать, подтвердила и Шелопатова.—Еще одно слово, Mr Менчицкій: не знаете ли вы здѣсь нѣкоего Ильяшева?

— Какъ же, знаю, отвѣтилъ ростовщикъ.—У отца его есть состояніе.

— Большое?

— Деньгами будетъ тысячъ пятьдесятъ; еще домъ здѣсь и небольшое имѣніе.

— Отецъ скупой?

— Очень скупой! подтвердилъ какъ бы съ грустью Менчицкій.

Молодая женщина еще разъ поблагодарила его, и поправивъ свою густую вуалетку, вышла изъ конторы. Она направилась прямо домой; умная головка ея работала надъ полученными свѣдѣніями и создавала нѣкоторыя соображенія долженствовавшія развиться въ планъ, который выяснится съ дальнѣйшимъ ходомъ этого повѣствованія.

III. Ильяшевъ не теряетъ времени.

Мы оставили нашего героя въ минуту которую онъ издавна предвидѣлъ и считалъ въ извѣстной степени исходною точкой дальнѣйшихъ дѣйствій. Разрывъ съ отцомъ и водвореніе на собственномъ жительствѣ хотя и представляли нѣкоторыя немаловажныя затрудненія, но Ильяшевъ во всякомъ случаѣ

разсматривалъ ихъ какъ шагъ съ котораго должна начаться самостоятельная и дѣятельная работа. Съ самаго пріѣзда въ N—скъ онъ не покидалъ мысли устроиться особнякомъ, и съ этимъ у него были соединены весьма практическіе разчеты: на отдѣльной квартирѣ можно было и принять какъ слѣдуетъ нужнаго человѣка, и блеснуть нѣкоторымъ, хотя и не дорогимъ комфортомъ, показать что онъ живетъ не какъ свинья какая-нибудь, которую въ порядочный домъ и пустить пожалуй нельзя: герой нашъ очень хорошо понималъ какъ много значитъ поставить себя сразу на солидную и независимую ногу. Да наконецъ... наконецъ мало ли что можетъ представиться въ жизни такого для чего отдѣльная квартира просто необходимою окажется! Было, конечно, обстоятельство—и именно разрывъ съ отцомъ—которое безпокойнымъ пятномъ лежало на его дорогѣ. Но сколько онъ ни взвѣшивалъ и ни перебиралъ въ умѣ весь ходъ отношеній къ отцу, онъ ни въ чемъ не могъ упрекнуть себя. Будь у Дмитрія Кузьмича другой, немножко другой характеръ, онъ зналъ бы какъ поставить себя къ нему. Онъ умѣлъ бы исподволь, мирно и ловко утвердить надъ нимъ свое вліяніе, кое-на-что подѣйствовать, кое-съ-чѣмъ примириться. Но Димитрій Кузьмичъ представлялъ какъ бы какое-то физическое препятствіе; на него нельзя было имѣть постепеннаго и естественнаго давленія. Подогнуться же подъ его понятія, подчиниться домашнимъ порядкамъ, значило отодвинуть на неопредѣленный срокъ будущее—то самое будущее уцѣпиться за которое руки у Ильяшева чесались! „И надо же чтобъ у меня, именно у меня былъ такой отецъ!“ не одинъ разъ съ искреннимъ ропотомъ повторилъ молодой человѣкъ.

И чѣмъ ближе сознавалъ Ильяшевъ рискованность сдѣланнаго шага и шаткость положенія, тѣмъ сильнѣе возбуждалась въ немъ потребность дѣятельности и борьбы. Отыскавъ какъ можно скорѣе весьма приличную и даже щеголеватую холостую квартирку, онъ поспѣшно перебрался туда отъ Подобаева, со всѣми своими пожитками, и немедленно послалъ только-что нанятаго благообразнаго и расторопнаго лакея къ Пашѣ, съ увѣдомленіемъ о новомъ мѣстѣ жительства и убѣдительнѣйшею просьбой забѣжать къ нему какъ-нибудь потихоньку отъ отца, такъ какъ ему крайне нужно видѣть ее и переговорить.

Въ домѣ у Дмитрія Кузьмича, послѣ разыгравшейся тамъ въ день спектакля сцены, настала напряженная и томительная тишина. Старикъ, сохраняя наружное равнодушіе, былъ одна-

кожь глубоко потрясенъ. Не придавая самъ никакого значенія произнесеннымъ имъ сгоряча словамъ, онъ не ожидалъ чтобы сынъ ушелъ отъ него. Ему это казалось воліющею несообразностію. „Изъ-за чего?“ не могъ онъ понять. Какъ не стерпѣть отцовскаго гнѣва? Какъ идти на отца?

Освѣдомившись поутру что сынъ не возвращался, онъ тяжело задумался. Ему ни въ какомъ случаѣ не вѣрилось чтобы молодой человѣкъ рѣшился серіозно отречься отъ родительскаго дома: „Заартачился, лофрантить хочетъ“, думалъ онъ и ждалъ что вотъ-вотъ стукнетъ калитка и послышатся знакомые скорые шаги. И странно, чѣмъ болѣе удивлялся онъ поступку сына, его нетерпимости и высокомѣрію, тѣмъ строже становился къ самому себѣ. Ему пришла мысль, чуть ли не въ первый разъ въ жизни, что онъ не достаточно снисходителенъ къ молодому человѣку, слишкомъ требователенъ и сухъ; ему припомнилось что съ пріѣзда сына онъ ни разу ничѣмъ не побаловалъ его. „Не оглядѣлся я, не оглядѣлся“, повторялъ онъ мысленно, прислушиваясь къ каждому шороху въ сѣняхъ.

Но когда Подобаевскій слуга явился отъ имени Льва Дмитріевича за вещами, и намѣреніе молодаго человѣка отречься отъ семьи выразилось окончательно, старикъ почувствовалъ что въ его существованіи насталъ кризисъ. Страшно жестокимъ показался ему поступокъ сына, и понялъ онъ внезапно что гдѣ-то глубоко гнѣздилась въ немъ такая сильная, органическая любовь къ нему, которой онъ и подозрѣвать въ себѣ не могъ! Эта любовь стала теперь поперекъ всему отвердѣвшему складу въ который сложилась его жизнь; внутреннее, мучительно шевельнувшееся чувство чуть не гнуло его предъ высокомѣріемъ сына, а во вскипяченной старческимъ гнѣвомъ крови бушевала уязвленная злоба. „Молокососъ... отъ отца не стерпѣлъ!“ повторялъ онъ, мысленно грозясь и чувствуя что эту накипавшую грозу прорѣзываетъ съ болью какая-то до слезъ щемящая нѣжность.

Въ первыя минуты внутренней борьбы ему показалось что поступокъ неблагодарнаго сына открылъ его сердце для дочери. „Я къ ней несправедливъ былъ; а она добрая, признательная“, повторялъ онъ мысленно съ какою-то настойчивостью. Онъ даже что-то сказалъ ей въ родѣ того что у него теперь одно дитя—дочь и вздумалъ приласкать ее, но тотчасъ же внутри сказалась фальшь этого движенія. „Дѣвчонка... *тотъ* ушелъ, а она уйти не можетъ“, возразилъ онъ мысленно. Въ

этомъ семейномъ кризисѣ Дмитрію Кузьмичу невольно пришлось стать много выше пошловатаго и мелкаго уровня на которомъ онъ держался всю жизнь!

Нахмуренно ходилъ онъ по дому, и не умѣя лодъ спокойною наружною силой скрыть томившую его тоску, ворчливо бранилъ сына и повторялъ что его домъ навѣки запертъ для неблагодарнаго. Но когда Марья Кузьминишна, дня черезъ два послѣ семейнаго разрыва, заикнулась что хорошо было бы *его* комнату опять жильцу отдать, старикъ въ первый разъ въ жизни раскричался на нее и ушелъ, сильно хлопнувъ дверью. Паша очень подмѣтила это обстоятельство и догадалась что для брата еще не все потеряно.

Получивъ его записку, она дождалась пока Дмитрій Кузьмичъ прилегъ послѣ обѣда соснуть, и сказавъ теткѣ что идетъ къ Скворешниковымъ, сѣла на перваго попавшагося извощика и поѣхала къ брату. Левъ Дмитричъ былъ дома, и завидѣвъ ее изъ окна, выбѣжалъ на крыльцо.

— Дорогая моя, какъ ты добра! вскричалъ онъ, сжимая ей руки.

Паша вбѣжала въ комнату и бросилась ему на шею.

— Ахъ, Лёва, какое горе что все это такъ пошло! проговорила она, мигая длинными рѣсницами, на которыя набѣгала и пряталась слеза.

Братъ помогъ ей снять пальто и усадилъ на диванчикъ. Дѣвушка съ любопытствомъ оглянулась кругомъ.

— Какъ у тебя хорошо здѣсь, сказала она. Ей въ первый разъ случилось видѣть порядочно убранную комнату.

— Немножко лучше, чѣмъ у отца было, отвѣтилъ съ нѣкоторою горечью братъ. У Паши при этихъ словахъ на лицо набѣжала тѣнь.

— Лёва, и ты думаешь такъ совсѣмъ и разойтись съ отцомъ? спросила она.

— То-есть жить туда не переѣду, а помириться и бывать у него я пожалуй готовъ! отвѣтилъ братъ.—А что, на меня тамъ, я думаю, горы валятъ? прибавилъ онъ съ нѣкоторымъ волненіемъ.

— И не думаютъ, Лёва! воскликнула Паша. — Я напротивъ вполнѣ убѣждена что еслибы ты вернулся, тебя приняли бы съ распростертыми объятіями. — Папа очень убитъ, добавила она, понижая голосъ.

— Вернуться я не могу, повторилъ братъ,—а примириться и быть въ дружескихъ отношеніяхъ готовъ!

— Но на это папа никогда не согласится; это будетъ оскорбительно для него! воскликнула дѣвушка.

— Надо умѣть приготовить его къ этому, вотъ и все, возразилъ молодой человѣкъ.

Паша недовѣрчиво покачала головой.

— Ахъ, Лёва, и отчего ты... такой? проговорила она.

— Гадкій? спросилъ, улыбнувшись, братъ.

— Нѣтъ, не гадкій, а только... не добрый ты какой-то!

Ильяшевъ слегка сдвинулъ брови.

— Ну, объ этомъ послѣ, сказалъ онъ;—а разскажи мнѣ лучше подробно, совершенно подробно, какъ и что у васъ тамъ происходило со времени моего ухода.

Паша разсказала все что сумѣла подмѣтить и что считала интереснымъ для брата; послѣдній вывелъ изо всего этого довольно удовлетворительное заключеніе.

— Ты слѣди сегодня и завтра за отцомъ, обратился онъ къ сестрѣ,—и когда замѣтишь удобную минуту, скажи что я потихоньку присылалъ узнавать о его здоровьи. И скажи такъ, чтобъ онъ догадался что ты не все говоришь, и что отъ тебя можно узнать кое-что больше—понимаешь?

Паша нерѣшительно кивнула головой.

— И когда онъ станетъ тебя разспрашивать, скажи что я не присылалъ, а самъ подходилъ подъ окно, и что мнѣ повидимому очень хотѣлось зайти въ домъ, но я побоялся...

— Какъ это ты все придумываешь, Лёва! воскликнула съ удивленіемъ Паша.

— И если увидишь что отца это трогаетъ, продолжалъ молодой человѣкъ, не обративъ вниманія на замѣчаніе сестры,— то признайся что я очень безпокоился о его здоровьи и говорилъ что мнѣ очень тяжело... Ты сдѣлаешь для меня это, Паша?

Дѣвушка опять какъ-то нерѣшительно кивнула головой. Ей во всемъ этомъ чувствовалось что-то такое чего она не могла вполнѣ себѣ объяснить, но что ей не нравилось.

— Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ здоровье отца? обратился къ ней братъ.—Вретищевъ не былъ?

— Нѣтъ, не былъ.

— Надо будетъ заѣхать къ нему, попросить навѣстить, сказалъ Ильяшевъ, и тутъ же подумалъ что дѣлать проницатель-

наго доктора свидѣтелемъ семейнаго разрыва не совсѣмъ удобно. „Придется наврать ему чего-нибудь“, сообразилъ онъ.

— Ты пригласи его, сказала, почему-то покраснѣвъ, Паша.

— Приглашу, отвѣтилъ братъ и пристально взглянулъ ей въ лицо. Онъ еще въ первый визитъ замѣтилъ что докторъ какъ будто произвелъ на нее впечатлѣніе.

Паша поднялась со стула и принялась наляливать свой люстриновый бурнусишко.

— Ты не посидишь со мною? спросилъ братъ.

— Я боюсь, какъ бы дома меня не хватились, возразила та. Она въ самомъ дѣлѣ боялась чтобы не узнали о ея тайномъ посѣщеніи, да и кромѣ того она какъ-то не находила о чемъ говорить съ братомъ, хотя все еще очень любила его.

— Ну, я не беру на себя тебя удерживать, сказалъ братъ, помогая ей одѣться.—Вотъ, скоро можетъ-быть и не тайкомъ будемъ видѣться...

— Дай-то Богъ! проговорила Паша и стала прощаться.

Проводивъ сестру, Ильяшевъ дождался пока совершенно стемнѣло, и переодѣвшись въ свою лучшую пару, пошелъ къ Нельгуновой. Онъ со времени спектакля два раза уже заходилъ къ ней, но не былъ принятъ, и это нѣсколько даже безпокоило его.

На этотъ разъ человѣкъ безъ доклада предложилъ ему пройти въ будуаръ. Нельгунова, въ какомъ-то темненькомъ домашнемъ платьицѣ, съ полотняннымъ воротничкомъ, туго охватывавшемъ ея круглую шейку, сидѣла предъ столикомъ, на который только-что поставили чайный приборъ, и прикусывала съ значительнымъ аппетитомъ сахарные сухарики. При входѣ Ильяшева она сильно сконфузилась, отчасти оттого что хорошенькій ротикъ ея былъ полонъ, отчасти и по другой причинѣ: ей помнилась нѣсколько неумѣренная предпріимчивость молодаго человѣка въ уборной въ день спектакля.

— Хотите чаю? нашлась она на первый разъ, и хотя сонетка качалась на стѣнѣ подлѣ нея, она вышла распорядиться въ другую комнату, и тамъ минуты двѣ предъ зеркаломъ тщательно оправляла безъ того гладкіе волосы и обмахивала платкомъ лицо.

„Чего бы такъ конфузиться?“ съ нѣсколько самонадѣянною подозрительностью подумалъ Ильяшевъ.

— Ну, какое же впечатлѣніе вы вынесли изъ нашего спек-

такля? заговорила возвращаясь Нельгунова, и сѣла рядомъ съ гостемъ на диванчикѣ.

— Ахъ, этотъ спектакль будетъ мнѣ очень памятенъ, и не въ одномъ только отношеніи! проговорилъ почти съ грустью молодой человѣкъ.

— Въ какихъ же, нельзя ли полюбопытствовать? спросила Нельгунова.

Ильяшевъ посмотрѣлъ на нее, потомъ куда-то мимо и потупился.

— Я это сказалъ не такъ себѣ, а очень серіозно, проговорилъ онъ.

— Такъ тѣмъ интереснѣе узнать, любопытствовала Нельгунова.

Ильяшевъ осторожно вздохнулъ.

— Но удобно ли это объяснять, когда я не увѣренъ не только въ вашемъ сочувствіи, но даже въ малѣйшемъ вниманіи.

Нельгунова взглянула на него съ наивнымъ удивленіемъ.

— Почему же? спросила она.

— Я вообще очень недовѣрчивъ и мнителенъ, отвѣтилъ Ильяшевъ.

— Но чѣмъ же я могу васъ увѣрить что я... дѣйствительно вполнѣ вамъ сочувствую? спросила нѣсколько потупившись молодая женщина. Ильяшевъ на это промолчалъ и продолжалъ все въ томъ же полупечальномъ тонѣ.

— Во-первыхъ, я вынесъ изъ этого спектакля чувство отъ котораго мнѣ навряд ли придется легко отдѣлаться....

— Зачѣмъ же отдѣлаться? спросила, какъ-то бокомъ взглянувъ на него Нельгунова.

— Затѣмъ что я сомнѣваюсь, раздѣляютъ ли его? отвѣтилъ Ильяшевъ.

Нельгунова наклонила лицо надъ чашкой и промолчала.

— А во-вторыхъ? спросила она, хотя перемѣнить разговоръ ей вовсе не хотѣлось.

— А во-вторыхъ, продолжалъ такъ же грустно Ильяшевъ, — этотъ спектакль разссорилъ меня съ отцомъ, и я потерялъ послѣднюю опору въ жизни!

Ильяшевъ вовсе не имѣлъ привычки выражаться такимъ образомъ, но онъ думалъ что съ Нельгуновой нѣкоторая доза пошловатости ни въ чемъ не повредитъ ему. Молодая женщина въ самомъ дѣлѣ съ участіемъ подняла на него глаза.

— Это изъ-за вашей сестры? спросила она.

— Да, изъ-за сестры. Такъ что я даже не живу больше у отца, объяснилъ Ильяшевъ.

— Ахъ, Боже мой, какъ это непріятно! воскликнула Нельгунова, сложивъ на колѣняхъ руки.—Въ этомъ отчасти и я вѣдь виновата!

— Я васъ ни въ чемъ рѣшительно не обвиняю, возразилъ Ильяшевъ.—Для меня, напротивъ, единственнымъ утѣшеніемъ служитъ мысль что все это произошло вслѣдствіе моего желанія услужить вамъ!

Нельгунова еще ниже наклонила лицо и искоса бросила на молодаго человѣка смущенный и благодарный взглядъ.

— Я это очень, очень понимаю и цѣню, сказала она. — Но гдѣ же вы теперь устроились?

— На квартирѣ, отвѣтилъ Ильяшевъ.—Нечего дѣлать, приходится одному, безъ помощи и сочувствія, прокладывать себѣ дорогу въ жизни: не на кого разчитывать, кромѣ самого себя! прибавилъ онъ съ грустнымъ чувствомъ.

Нельгунова какъ-то задумчиво посмотрѣла на него.

— Вы вѣдь служите? спросила она.

— Служу, отвѣтилъ Ильяшевъ;—но вѣдь вы знаете, служба безъ связей, безъ протекціи даетъ очень мало!

— Нашъ губернаторъ очень цѣнитъ способныхъ молодыхъ людей, проговорила Нельгунова, какъ будто соображая что-то. Она дѣйствительно обдумывала, нельзя ли выхлопотать Ильяшеву очень не дурное мѣстечко, на которое только-что открылась вакансія.

— Я бы очень желала чтобы мое искреннее сочувствіе могло вамъ помочь въ чемъ-нибудь, продолжала она и протянула Ильяшеву руку. Тотъ припалъ къ ней губами и, какъ бы подъ вліяніемъ обуревавшихъ его чувствъ, молчалъ.

— Ахъ, это сочувствіе замѣнило бы мнѣ больше того что я потерялъ! высказался онъ наконецъ и, подвинувшись къ Нельгуновой, осторожно протянулъ руку кругомъ ея таліи.

Въ эту минуну послышались шаги, и мужъ Нельгуновой, предварительно крякнувъ у двери (онъ всегда такимъ образомъ предупреждалъ о себѣ жену), вошелъ въ комнату. Ильяшевъ едва успѣлъ отскочить въ кресло, а на лицѣ Нельгуновой уже лежало невинное и спокойное выраженіе.

Нельгуновъ поздоровался съ Ильяшевымъ, какъ старымъ знакомымъ, и повертѣвшись нѣсколько минутъ, объявилъ что ѣдетъ съ докладомъ къ губернатору, а оттуда въ клубъ. За-

тѣмъ онъ почтительно поцѣловалъ супругу въ ручку, извинился предъ Ильяшевымъ что не можетъ провести съ нимъ вечеръ и уѣхалъ. Лакей убралъ чашки и, остановившись въ дверяхъ, спросилъ какъ-то значительно:

— Принимать не прикажете?

— Да никого и не будетъ.... отвѣтила Нельгунова, и когда встрѣтилась глазами съ Ильяшевымъ, оба почему-то сконфузились.

Черезъ недѣлю въ городѣ узнали что Ильяшевъ совершилъ весьма значительный въ служебной карьерѣ скачокъ, заставившій его сослуживцевъ, неожиданно попавшихъ къ нему въ подчиненные, съ завистливою двусмысленностію покачать головами.

IV. Ильяшевъ отдаетъ себѣ справедливость.

Паша, воротясь отъ брата, усердно соображала, какимъ бы образомъ выполнить его порученіе, и не находила въ себѣ достаточной рѣшимости. Ей очень хотѣлось услужить брату, но какое-то внутреннее чувство возставало въ ней противъ указаннаго имъ способа, и вообще отъ послѣдняго ихъ свиданія нея остался какой-то непріятный и еще неясный осадокъ. Она была рада что братъ хотѣлъ примириться съ отцомъ; но въ его торопливомъ желаніи сказывалась ей какая-то ложь, оскорблявшая ее; она чувствовала что сама не сдѣлала бы такъ.

Однакоже поутру, когда отецъ заговорилъ съ ней о сынѣ, она рѣшилась исполнить порученіе. Она нѣсколько отступила отъ плана брата и сказала прямо что онъ заходилъ подъ окно и она говорила съ нимъ. Дмитрій Кузьмичъ внутренно встрепенулся весь, но не подалъ виду и даже нахмурилъ грознѣе обыкновеннаго свои сѣдыя брови.

— Что́ тамъ еще ему понадобилось? проговорилъ онъ съ наружнымъ гнѣвомъ.

— Онъ хотѣлъ узнать о вашемъ здоровьи, отвѣтила Паша, помня наставленье брата.

— Здоровьи, гм! очень его безпокоитъ мое здоровье! проворчалъ тѣмъ же тономъ старикъ, но несмотря на этотъ тонъ и сурово насупленныя брови, Паша видѣла что извѣстіе доставило ему большую радость.

— Лучше бы не доводилъ себя до того чтобы какъ бродягѣ подъ окнами отцовскаго дома шататься! добавилъ онъ.

— Ему, кажется, очень хотѣлось войти въ комнаты, но онъ не смѣлъ, послѣшно докончила Паша. Ей эта роль рѣшительно не нравилась.

Дмитрій Кузьмичъ бросилъ на нее подозрительный взглядъ.

— Ну, ты тоже.... Дѣвичьи твои догадки! проворчалъ онъ.

— Я не догадки передаю, а онъ самъ это говорилъ, сказала Паша.

— Что жь онъ говорилъ? съ поддѣльнымъ равнодушіемъ спросилъ отецъ.

— Говорилъ какъ ему тяжело, и что вы строго очень поступили съ нимъ, отвѣтила Паша и невольно сконфузилась: ей въ первый разъ приходилось самой выдумывать ложь.

Старикъ какъ-то неопредѣленно крякнулъ.

— Гм, строго! Не такъ бы еще слѣдовало! проговорилъ онъ и, повернувшись, принялся быстро ходить по комнатѣ.

— Я вѣдь не говорилъ ему что навѣки не пущу его въ домъ! воскликнулъ онъ вдругъ гнѣвно, поворачиваясь на низенькихъ каблукахъ къ дочери. — Я не извергъ какой-нибудь, я отецъ! добавилъ онъ и послѣшно удалился, хлопнувъ дверью.

Паша въ тотъ же день въ запискѣ, пересланной чрезъ Мавру, передала брату весь этотъ разговоръ Ильяшевъ улыбнулся, далъ Маврѣ двугривенный и велѣлъ кланяться сестрѣ.

Предъ обѣдомъ на другой день онъ отправился къ отцу. Дмитрій Кузьмичъ находился въ залѣ, и выйдя на стукъ въ переднюю, неожиданно столкнулся съ сыномъ. Въ темнотѣ онъ вдругъ покраснѣлъ и, растерявшись, не умѣлъ ничего сказать. Ильяшевъ сдѣлалъ видъ какъ будто неожиданная встрѣча съ отцомъ тоже смутила его и нерѣшительно разстегивалъ пальто.

— Вы позволите зайти, папа? произнесъ онъ скромно.

— Заходи.... отвѣтилъ отецъ, отступая къ порогу.

Ильяшевъ быстро скинулъ верхнее платье и вошелъ въ залу; сконфуженный румянецъ еще лежалъ на его лицѣ.

— Ну, куда же ты? Ко мнѣ что ли? произнесъ Дмитрій Кузьмичъ, какъ-то напряженно хмурясь и нерѣшительно шурша своими мягкими сапогами отъ одной двери къ другой.

— Пойдемте ужь къ вамъ, сказалъ сынъ тоже скромно.

Оба вошли въ спаленку и старикъ притворилъ дверь.

— Садись, ты вѣдь гость у меня, пригласилъ онъ съ усмѣшкой и даже взялся за стулъ чтобы подвинуть его.

Молодой человѣкъ послѣшно предупредилъ его.

— Что̀ это, папа? воскликнулъ онъ съ смущеніемъ.—Мнѣ и того довольно что вы позволили навѣстить васъ? добавилъ онъ.

— Не чужіе вѣдь, кажется! возразилъ отецъ, уклоняясь отъ взглядовъ сына.

— Но я думалъ что вы очень, очень сердитесь на меня? возразилъ въ свою очередь сынъ.

Дмитрій Кузьмичъ помолчалъ: онъ чувствовалъ что почти конфузится предъ сыномъ.

— Что̀ же ты, у пріятелей какихъ что ли живешь? спросилъ онъ съ нѣкоторымъ усиліемъ.

— Нѣтъ, я нанялъ себѣ комнатку, отвѣтилъ грустно Ильяшевъ.

Онъ нарочно употребилъ это уменьшительное имя чтобы придать своему положенію нѣсколько жалостливый колоритъ. Дмитрій Кузьмичъ почувствовалъ этотъ колоритъ и проговорилъ наставительно:

— Опрометчивость и необузданность до всего доводятъ! Съ ними начинаютъ широко, а кончаютъ узко!

Молодой человѣкъ полуотвернулся чтобы скрыть улыбку и проговорилъ нѣсколько растроганнымъ голосомъ:

— Ахъ, ни одно поученіе не бываетъ такъ спасительно какъ то которое извлекается собственнымъ опытомъ; и мнѣ рано приходится отвѣдывать этого опыта?

Старику эта фраза очень понравилась; онъ нѣсколько успокоенный сталъ ходить по комнатѣ.

— А почему отроки и юноши доводятъ себя до того что подвергаются испытаніямъ собственнаго опыта? заговорилъ онъ тѣмъ же наставительнымъ тономъ.—Потому что пренебрегаютъ внушеніями и предостереженіями старшихъ. Для того и семья существуетъ чтобъ умудренные опытомъ предостерегали отроковъ. Самому чрезъ жизненный опытъ тяжело пройти!

Паша въ эту минуту пришла сказать что обѣдать подано. Братъ скромно и даже съ какою-то почтительностью поздоровался съ ней.

— Что̀ жь, отобѣдаешь съ нами, или наша стряпня послѣ ресторановъ-то претитъ тебѣ? обратился къ нему Дмитрій Кузьмичъ.

— Если позволите, почтительно отвѣтилъ молодой человѣкъ.

Въ залѣ онъ все такъ же скромно и примирительно, но на этотъ разъ не безъ нѣкотораго достоинства, поклонился теткѣ и за обѣдомъ старался ѣсть все, а щей, которыя въ этотъ день удались, попросилъ даже вторую тарелку. Дмитрію

Кузьмичу это чрезвычайно понравилось: ему казалось что блудный сынъ, умудренный опытомъ и проголодавшійся, вернулся въ домъ его, и онъ, проникнутый духомъ евангельскимъ, накормилъ его.

— Такъ-то, чужой хлѣбъ можетъ-быть и слаще, а отцовскій питательнѣе! замѣтилъ онъ съ нескрываемымъ удовольствіемъ.

Молодой человѣкъ рѣшился воспользоваться этимъ замѣчаніемъ для нѣкотораго, хотя и маловажнаго, но не лишняго маневра, который онъ уже обдумывалъ съ тѣхъ поръ какъ пришелъ къ отцу. Дѣло въ томъ что всходя на крылечко, онъ увидѣлъ что въ стеклянной галереѣ, выходившей на дворъ, Марья Кузьминишна разговаривала съ полковникомъ Скворешниковымъ, и нѣсколько разслышанныхъ словъ тотчасъ объяснили ему что разговоръ шелъ о немъ. Остановившись за скрывшею его половинкой двери, Ильяшевъ сталъ слушать.

— Гдѣ покоряться — и ухомъ не ведетъ! говорила Марья Кузьминишна, чрезвычайно довольная что было съ кѣмъ потолковать о занимавшемъ ее предметѣ: она племянника сразу не взлюбила, и потому ссора его съ отцомъ очень ее интересовала. — Нешто этакіе-то придутъ съ повинною? Онъ теперь сюртучишко свой петербургскій напялилъ, да и знай рыскаетъ по трактирамъ; всѣ они такіе, нонѣшные-то петербургскіе! И непремѣнно какую-нибудь полюбовницу сыскалъ себѣ; безъ этого у нихъ никакъ не обойдется. Присылалъ онъ это-то отъ пріятеля своего лакея за вещами, такъ тотъ Маврѣ сказывалъ даже что изъ Петербурга любовницу съ собой привезъ. Изъ-за того все и дѣло вышло: она въ театрѣ-то плясала, а онъ думалъ ей угодить, сестру дѣвушку на это самое подбить; онѣ-то любятъ, зазорницы эти, съ честными дѣвушками компанію водить: надѣются тоже надуть кого-нибудь этимъ самымъ. А пріятель его, къ которому онъ перешелъ, сказываютъ, съ губернаторшей въ интригѣ, и та ему денегъ что̀ за это самое платитъ! Подика-сь, нашъ-то небось тоже на это дѣло мѣтитъ!

Ильяшевъ былъ очень благодаренъ случаю доставившему ему возможность подслушать этотъ разговоръ; онъ все обдумывалъ, какъ бы воспользоваться имъ, и когда отецъ сдѣлалъ приведенное выше замѣчаніе о чужомъ хлѣбѣ, онъ счелъ минуту вполнѣ удобною.

— Я вѣроятно и не отвѣдалъ бы никогда чужаго хлѣба, если-бы между мною и вами не стояли злоба и клевета, исходящія

отъ особы пользующейся вашимъ довѣріемъ! сказалъ онъ нѣсколько торжественно, но сохраняя полное спокойствіе.

Присутствующіе переглянулись.

— Что ты хочешь сказать? спросилъ нахмуриваясь старикъ.

— Я хочу сказать что у насъ въ семьѣ живетъ лицо позволяющее себѣ относительно меня самую гнусную клевету и тѣмъ естественно поселяющее раздоръ, подтвердилъ Ильяшевъ такъ же спокойно, хотя краска слегка бросилась ему въ лицо; онъ очень уже отъ сердца не терпѣлъ тетку.

Буроватое лицо Маріи Кузьминишны тоже вспыхнуло; она хотя и не подозрѣвала что племянникъ подслушалъ разговоръ съ полковникомъ, но догадывалась что рѣчь идетъ о ней.

— Чтой-то за особа такая, интересно бы знать? проговорила она не безъ мужества.

Дмитрій Кузьмичъ тоже догадался что сынъ намекаетъ на тетку, и зная его нерасположеніе къ ней, продолжалъ хмуриться. Паша со стѣсненнымъ дыханіемъ смотрѣла на брата.

— Объяснись, про кого ты говоришь? спросилъ Дмитрій Кузьмичъ.

— Про вашу сестру, отвѣтилъ спокойно Ильяшевъ.

— Не болѣе часу назадъ, я случайно слышалъ какъ она говорила обо мнѣ постороннему лицу, полковнику Скворешникову, вещи которыхъ вы вѣроятно никогда и никому не позволите впередъ говорить о вашемъ сынѣ!

Марья Кузьминишна при этихъ словахъ совсѣмъ растерялась и побагровѣла.

— Ничего я такого не говорила, окромя того что отъ людей же слышала! воскликнула она, и хотя Мавра внесла въ эту минуту ея любимый молочный кисель, не выдержала и выскочила изъ-за стола.

— Что жь однако за разговоръ былъ? спросилъ Дмитрій Кузьмичъ, сдвигая брови. Онъ по быстрому бѣгству сестры догадался что сынъ не выдумываетъ.

Ильяшевъ, смягчая въ присутствіи Паши нѣкоторыя выраженія, но за то тѣмъ рельефнѣе оттѣняя смыслъ, передалъ все слышанное. Лицо Дмитрія Кузьмича сдѣлалось совершенно мрачно.

— Это мерзость! проговорилъ онъ. — Этого... этого я не ожидалъ!

Ему вспомнилось что сестра постоянно выражала скрытое недоброжелательство къ племяннику, и то съ чѣмъ онъ прежде

внутренно соглашался теперь возмущало его. Бранить сына ему же въ глаза или между своими онъ считалъ не лишеннымъ нѣкотораго воспитательнаго значенія, но поносить его предъ чужими и притомъ прибѣгать къ очевидной клеветѣ находилъ совершенно безнравственнымъ и враждебнымъ ему самому.

— Я, я очень радъ что случай помогъ всему этому выясниться, замѣтилъ сынъ, когда встали изъ-за стола.—По крайней мѣрѣ теперь для васъ ясно какъ надо понимать все что вашей сестрѣ угодно будетъ сказать обо мнѣ, и кто здѣсь заботится чтобъ испортить наши отношенія.

И эти слова тоже попали въ токъ мыслей работавшій въ головѣ Дмитрія Кузьмича. У него возобновились въ памяти неопредѣленные, но ядовитые намеки, какіе сестра по временамъ позволяла себѣ насчетъ Лёвы; припомнилось и ея недавнее внушеніе касательно сдачи жильцу Лёвиной комнаты, за что онъ еще тогда же раскричался на нее; и по свойственной ему подозрительности онъ не прочь былъ думать что все это не чуждо нѣкоторыхъ корыстныхъ разчетовъ. Органическое нерасположеніе къ женщинамъ и къ ихъ ехидству зашевелилось въ немъ. Онъ былъ вдвойнѣ оскорбленъ — и за сына, и за родственныя отношенія къ сестрѣ, которымъ онъ придавалъ большое значеніе и сознавалъ что благодѣтельствуетъ ей.

— Бабьи мерзости, повторилъ онъ съ какимъ-то даже брезгливымъ чувствомъ.

Паша принесла къ нему въ спаленку чашку кофе, которую онъ ежедневно выпивалъ послѣ обѣда, предъ тѣмъ какъ соснуть.

— Позвольте мнѣ проститься съ вами на сегодня, сказалъ Левъ Дмитричъ.

— На сегодня.... гм! Ты къ себѣ на квартиру пойдешь? проговорилъ въ какомъ-то будто бы затрудненіи старикъ. — Онъ было забылъ что съ сыномъ у нихъ не до чего не договорено и что примиреніе совершилось только на половину.

— Да, на квартиру, поспѣшно подтвердилъ молодой человѣкъ: онъ опасался чтобъ отецъ не сталъ теперь же звать его совсѣмъ къ себѣ.

Старикъ все съ тѣмъ же видомъ затрудненія протянулъ ему руку.

— А насчетъ этого.... Этихъ тамъ мерзостей.... ты не безпокойся: *имъ* провести меня не легко будетъ! проговорилъ

онъ. Мысленно, по какому-то странному сближенію идей, онъ и Пашу считалъ участницей въ сплетнѣ.

Ильяшевъ, не простившись ни съ кѣмъ больше, ушелъ.

„А надо мнѣ однако отдать себѣ справедливость что я.... очень удачно дѣйствую!“ думалъ онъ дорогой.

Но на этой мысли вниманіе его было отвлечено совершенно постороннимъ и довольно страннымъ предметомъ.

V. Нити еще не сложились въ узелъ.

Улица по которой Ильяшевъ шелъ опиривала полукруглый спускъ около песчаной горы, на которой возвышалось красивое зданіе городскаго собора, построенное въ прошломъ вѣкѣ по плану одного изъ извѣстнѣйшихъ художниковъ того времени. Массивныя ступени храма спускались къ самому тротуару, и сквозь легкія бѣлыя колонки открывался видъ на бѣлѣвшую незаѣзженнымъ снѣгомъ рѣку и низкій противоположный берегъ, на далекой окраинѣ котораго выпукло синѣли на блѣдномъ небѣ очертанія сосноваго бора. Прозрачныя, раннія сумерки только-что начали ладать, и даль еще шире лась и какъ будто дымилась въ опрятной красотѣ лушистаго бѣлаго снѣга.

У самыхъ ступеней собора, загораживая тротуаръ своею огромною фигурой, неподвижно стоялъ человѣкъ довольно странной наружности. Вытертая енотовая шуба, которая развѣ только тогда приходилась впору своему владѣльцу, когда онъ еще учился грамотѣ, туго натянутая на плечи, болталась на бокахъ, потому что въ нее очевидно никакъ нельзя было запахнуться, и хватала только до колѣнъ. На воротникѣ мѣхъ былъ нѣсколько новѣе и длиннѣе, и въ него путалась желтовато-сѣрая, очень похожая на дешевый еноть, щетина самого незнакомца, закрывавшая бо́льшую половину его лица. Лицо это было огромное, рыхлое и точно чѣмъ-то источенное; носъ тупой и короткій; глаза узкіе, зеленоватые, съ красными жилками.

Ильяшевъ невольно замедлилъ шаги, заинтересовавшись не совсѣмъ обыкновенною наружностью незнакомца, когда послѣдній вдругъ обратился къ нему съ словами:

— А вѣдь вотъ весной немножечко тутъ песочекъ размоетъ, храмъ-то Господень и того.... поколебаться можетъ.

И чудакъ указалъ одѣтою въ шерстяныя перчатки рукой на вертикальный откосъ, на которомъ лежалъ уголъ собора.

— Вы объ этомъ-то, тутъ стоя, и раздумываете? спросилъ весело Ильяшевъ.

Незнакомецъ тоже весело и какъ бы съ заигрываньемъ усмѣхнулся.

— Да какъ же, вѣдь поразительно это! Начальству слѣдовало бы позаботиться—задаромъ что ли оно приставлено? Обвалится, сколько честнаго народа передавитъ!

— Да вы-то почему думаете что обвалится? Можетъ-быть по архитектурѣ выходитъ что совсѣмъ не обвалится! возразилъ Ильяшевъ.

— По архитектурѣ? переспросилъ, зашевеливъ клочковатыми бровями, незнакомецъ.—Знаю я эту архитектуру-то! Коли ремонтныя деньги есть, такъ они какой угодно домъ каждый годъ два раза по всѣмъ правиламъ перестроютъ: грозитъ-дескать опасность что весной будетъ водой подмывать, а зимой вѣтромъ продувать. Знаю-съ! А тутъ должно-быть по неимѣнію источника....

— Да вы либералъ, какъ я посмотрю! поощрилъ его Ильяшевъ. При хорошемъ расположеніи духа, въ которомъ онъ находился, ему эта встрѣча начинала казаться интересною.

— Человѣкъ независимый, подтвердилъ скромно незнакомецъ.—Кстати, позвольте рекомендоваться: Ермолай Матвѣичъ Ижемскій—добавилъ онъ тутъ же, поправляя за козырекъ ваточную фуражку.

— Очень пріятно. А дальше? спросилъ Ильяшевъ.

— А дальше, если угодно, коллежскій ассессоръ.

— Въ отставкѣ?

— По безвыгодности коронной службы, ибо ищу частныхъ занятій, и въ здѣшнихъ мѣстахъ заѣзжій—пояснилъ Ижемскій.

— По какой же части? полюбопытствовалъ Ильяшевъ.

— По адвокатурѣ. Да вы извольте идти своею дорогой, а я съ вами рядышкомъ, добавилъ Ижемскій, и опять пошевеливъ козырекъ, пошелъ подлѣ троттуара.—Но признаться, въ чужомъ городѣ пріисканіе занятій крайне затруднительно....

Ильяшевъ ожидалъ что новый знакомый его тотчасъ попроситъ „рублишко взаймы“, но тотъ, точно угадавъ его мысль, вдругъ заговорилъ.

— Вы можетъ-быть думаете что я тутъ попрошайствомъ занимаюсь? Нѣтъ-съ, Ермолай Матвѣичъ этого никогда не дѣлаетъ: у Ермолая Матвѣича есть чѣмъ перебиться. А объясняю я вамъ мои обстоятельства собственно для того чтобы

вы не удивлялись что я по улицамъ ротозѣйничаю. Это я на досугѣ достопримѣчательности города осматриваю. Кстати позвольте спросить: у васъ тяжебныхъ или исковыхъ дѣлъ никакихъ не имѣется?

— Никакихъ.

— Ниже казенныхъ взысканій?

— И тѣхъ нѣтъ.

— Такъ-съ. — А еслибы были, я бы съ большимъ удовольствіемъ. Чрезвычайно трудно пріискать занятія въ чужомъ городѣ. Кстати, позвольте полюбопытствовать: вы вотъ, проходя мимо меня, обратили явное вниманіе на мою наружность; какъ вы нашли?

— То-есть наружность-то вашу? переспросилъ, нѣсколько затрудняясь отвѣтомъ, Ильяшевъ.

— Да-съ, её самую-съ?

— Н-да.... она мнѣ показалась замѣчательною, отвѣтилъ Ильяшевъ.

Ижемскій подтянулъ на плечи сползавшую шубу и подозрительно посмотрѣлъ на молодаго человѣка.

— Вы вотъ говорите: замѣчательная; а другой ничего не скажетъ, а подумаетъ: экая паскудная рожа! произнесъ онъ совершенно спокойно. — Я это къ тому говорю что пустое кажется обстоятельство, а большое предрасположеніе внушаетъ. Иной дрянь человѣкъ, а лицо имѣетъ искательное, и выгодное впечатлѣніе производитъ.

— Это правда, замѣтилъ чтобы что-нибудь сказать Ильяшевъ.

— Ужь я не совру, подтвердилъ Ижемскій. —А другимъ тоже фамилія не нравится: полагаютъ что отъ ижицы происходитъ. А совсѣмъ не отъ ижицы, ибо въ такомъ случаѣ писалась бы чрезъ сію самую букву,—а отъ рѣки Ижмы, протекающей въ сѣверныхъ странахъ и обильной рыбою. Это тоже знать надо!

При этомъ Ижемскій сталъ тереть двумя пальцами бороду, а такъ какъ волосы его отличались необыкновенною жесткостію, то и производили довольно замѣтный и непріятный скрипъ.

— Вы здѣсь, смѣю спросить, служите? полюбопытствовалъ Ижемскій.

— Служу.

— А фамилія ваша, если позволите?

Ильяшевъ назвалъ себя. Ижемскій нѣсколько церемонно приподнялъ шапку.

— Очень обяжете, если позволите современемъ зайти къ вамъ. Потому что въ чужомъ городѣ чрезвычайно пріятно имѣть знакомаго человѣка.

— Вотъ здѣсь я и живу, сказалъ Ильяшевъ, показывая на крыльцо къ которому они подошли.

Ижемскій повторилъ свой церемонный поклонъ и поблагодарилъ за вниманіе.

— Человѣкъ я, объяснилъ онъ,—покладистый; знакомствомъ не обременю, и на всякое дѣло пригоденъ.

И шаркнувъ неуклюжею ногой на троттуарѣ, онъ пошелъ дальше, внезапно насупивъ клочковатыя брови и придавъ всей своей наружности внушительный и нѣсколько воинственный видъ. Предъ спѣшившею на встрѣчу дѣвушкой въ платкѣ онъ вдругъ съ явнымъ заигрываньемъ загородилъ дорогу и распустилъ по всему лицу нѣсколько плотоядную улыбку; но когда дѣвушка съ разбѣга ткнулась ему въ животъ головой, онъ ощетинился и, тщетно стараясь запахнуться въ узкую шубу, выругался на всю улицу:

— Чего толкаешься, дрянь этакая?

Ильяшевъ дома нашелъ записку отъ Степана Андреевича Соловцова слѣдующаго содержанія:

„Два раза былъ у васъ и не засталъ дома; кузина моя княгиня Озерецкая поручила мнѣ просить васъ къ ней сегодня на балъ. Пріѣзжайте прямо туда, тамъ при входѣ я васъ встрѣчу и представлю. Вашъ С. С.“

Такое приглашеніе очень обрадовало Ильяшева; онъ уже слышалъ о пріѣздѣ Озерецкихъ и о готовящемся у нихъ балѣ, и вопросъ, попадетъ ли онъ туда, нѣсколько волновалъ его: читатель уже знаетъ какъ герой нашъ цѣнилъ знакомства въ хорошемъ обществѣ.

Онъ тотчасъ же началъ серіозно приготовляться: сходилъ самъ за перчатками и по дорогѣ купилъ еще стклянку духовъ съ какимъ-то очень модньмъ и труднымъ названіемъ; да еще захватилъ въ магазинѣ черныя запонки, которыя считалъ болѣе comme il faut для фрака; выбралъ лучшую и отлично вымытую рубашку, тщательно осмотрѣлъ фрачную пару и приказалъ лакею вычистить и даже слегка прогладить ее, подъ своимъ наблюденіемъ; затѣмъ, возжегши всѣ свѣчи, сколько ихъ было въ домѣ, и помѣстивъ ихъ между составленными

одно противъ другаго зеркалами, принялся облекаться. Окончивъ туалетъ и осмотрѣвшись, онъ остался очень доволенъ собою: платье лежало на немъ отлично, и самая наружность его много выигрывала отъ тщательно обдуманнаго и безукоризненнаго наряда.

Въ началѣ одиннадцатаго онъ поѣхалъ.

Въ домѣ княгини—большомъ, старинномъ, съ балкономъ на колонкахъ и крытымъ подъѣздомъ—цѣлый этажъ сіялъ огнями. Гости только-что начали съѣзжаться; по убранной коврами и растеніями лѣстницѣ Ильяшевъ поднялся въ небольшую, всю уставленную зеркалами, аванзалу, гдѣ его тотчасъ встрѣтилъ Соловцовъ, необыкновенно торжественный и чуть ли даже не съ букетикомъ въ петличкѣ. Странное, завистливое, но не лишенное пріятности чувство овладѣло Ильяшевымъ: точно все что̀ онъ видѣлъ и дразнило, и нѣжило его; подобное впечатлѣніе на него всегда производили роскошь и блестящій розмахъ свѣтской жизни.

Княгиня, окруженная еще немногочисленнымъ обществомъ, приняла его въ большой гостиной. Богатый туалетъ мало шелъ къ ея простоватой наружности; но Ильяшевъ умѣлъ цѣнить дорогой нарядъ независимо отъ какой бы то ни было наружности, и тотчасъ замѣтилъ что на плечахъ княгини лежали настоящія брюссели, а бриллианты ея стоили нѣсколько тысячъ.

Старушка привѣтствовала его протянувъ руку съ короткими и пухлыми пальцами и посмотрѣла ему прямо въ глаза, тѣмъ какъ будто собирающимся что-то сказать взглядомъ какимъ обыкновенно смотрятъ немолодыя женщины. Ильяшевъ оглядѣлся: небольшая еще группа гостей въ какомъ-то ожидательномъ положеніи размѣстилась около княгини и осматривала входящихъ; въ сторонѣ, у камина, опустивъ на спинку кресла красивыя руки, стояла княжна. Молодой человѣкъ щеголеватой наружности что-то говорилъ ей; она слушала равнодушно, поводя бровями и скользя взглядомъ и по немъ, и по лицамъ гостей, и по своимъ тонкимъ пальцамъ, отливавшимъ молочною бѣлизной слоновой кости на темномъ орѣхѣ кресла. Соловцовъ представилъ ей гостя.

— Вы вѣдь танцуете? прибавилъ онъ тотчасъ же, обращаясь къ Ильяшеву.

Тотъ подтвердилъ и пригласилъ княжну на кадриль.

— На вторую, потому что первую я уже обѣщала, отвѣтила княжна.

Ильяшевъ поклонился и хотѣлъ отойти, но оглянувшись, не увидѣлъ ни одного знакомаго лица: даже Степанъ Андреевичъ успѣлъ куда-то исчезнуть. Поэтому онъ положилъ шляпу на стулъ и остался подлѣ княжны.

— Вы въ этихъ мѣстахъ недавно? обратилась къ нему дѣвушка, неспѣшно повернувъ голову и скользнувъ по немъ взглядомъ своихъ лѣнивыхъ, темныхъ, никогда не свѣтившихся глазъ.

— Да, я жилъ въ Петербургѣ; и я еще ни съ кѣмъ почти не знакомъ въ здѣшнемъ обществѣ, отвѣтилъ Ильяшевъ.

Онъ нарочно сказалъ это, чтобы дать княжнѣ почувствовать затруднительность своего положенія; но княжна только спокойно возразила:

— Вамъ будетъ очень не трудно со всѣми познакомиться.

Ильяшевъ не нашелся что̀ отвѣтить; ему показалось что въ словахъ княжны звучала ничѣмъ незаслуженная холодность. „Не думайте чтобъ я озаботилась васъ знакомить“, какъ будто говорила вся ея спокойная поза. Однакожь, замѣтивъ нѣсколько затрудненное положеніе молодаго человѣка, она тихонько толкнула стулъ, на спинкѣ котораго лежали ея руки, и проговорила:

— Садитесь пожалуста.

Ильяшевъ сѣлъ. Щеголеватый гость, разговаривавшій съ княжной до его прихода, посторонился слегка, оглядѣлъ его нѣсколько двусмысленно, съ какимъ-то даже будто желаніемъ ободрить его, но тотчасъ же лишилъ его своего вниманія, и обернувшись къ княжнѣ, продолжалъ прерванный разговоръ. Рѣчь шла о какихъ-то общихъ знакомыхъ, съ которыми что-то случилось—какой-то семейный скандалъ. Разкащикъ старался быть остроумнымъ и даже язвительнымъ; княжна слушала, спокойно поводя своимъ темнымъ взглядомъ—и очевидно нисколько не интересовалась разговоромъ. Ильяшевъ съ какимъ-то страннымъ удовольствіемъ замѣтилъ это; ему было бы непріятно еслибъ княжна только съ нимъ однимъ обнаружила равнодушную холодность. „Ей, кажется, ни до чего нѣтъ дѣла“, думалъ онъ, внутренно себя утѣшая.

Гости, между тѣмъ, продолжали съѣзжаться; пріѣхала Полина Матвѣевна, сопровождаемая Подобаевымъ; оркестръ заигралъ вальсъ; Соловцовъ предложилъ губернаторшѣ тотчасъ открыть балъ, но получивъ самый любезный отказъ—такъ какъ губернаторъ запретилъ своей супругѣ танцовать легкіе танцы—

повернулся на каблукахъ, и замѣтивъ только-что пріѣхавшую весьма зрѣлую дочку губернскаго предводителя, подхватилъ ее и молодцовато прокружился съ нею по залѣ. Пары завертѣлись.

Ильяшевъ слышалъ какъ Подобаевъ подошелъ къ княжнѣ просить ее на вторую кадриль и получилъ отказъ.

— Съ кѣмъ же вы танцуете? спросилъ онъ, съ недовольнымъ видомъ вздернувъ плечи.

— Съ Мг Ильяшевымъ, отвѣтила княжна и взглянула на своего новаго знакомаго.

— А! произнесъ, словно удивившись, Подобаевъ, и вслѣдъ за нею тоже взглянулъ на Ильяшева.—Здравствуй, обратился онъ къ нему, отступаясь отъ княжны и какъ-то прищурившись на него.—Такъ ты вотъ какъ.... не теряешь времени?

— Мы люди маленькіе, пріѣзжаемъ пораньше, оттого и поспѣваемъ, возразилъ Ильяшевъ.

— Меня Полина Матвѣевна задержала, небрежно объяснилъ Подобаевъ, становясь у стѣнки рядомъ съ Ильяшевымъ. — Однако, все общество тутъ налицо! продолжалъ онъ съ нѣкоторою значительностію, обводя глазами залу.—Эту княгиню Озерецкую чрезвычайно уважаютъ. А какъ интересна сегодня княжна, и какой туалетъ! посмотри ты на ея плечи—вѣдь это классическія плечи!

Ильяшевъ охотно повернулъ глаза въ ту сторону, гдѣ посреди какихъ-то бурѣвшихъ сквозь лудру дѣвицъ стояла княжна. Она была чуть не головой выше ихъ, и отъ ея изящно-спокойной фигуры вѣяло красотой и породой.

— Самая блестящая невѣста въ городѣ, конечно? спросилъ Ильяшевъ.

— Н-да, какъ-то задумчиво протянулъ Подобаевъ.—Приданое за ней у-ухъ какое отвалятъ!

Ильяшева все это чрезвычайно интересовало.

— И что жь, до сихъ поръ никого на примѣтѣ не имѣется? спросилъ онъ.

— Кто ихъ знаетъ! отвѣтилъ уклончиво Подобаевъ. — Тутъ этотъ старый болванъ Соловцовъ интригуетъ....

— Какимъ образомъ? спросилъ, очень этимъ удивленный, Ильяшевъ.

— А такимъ что ему очень не хочется выдавать княжну замужъ. У него съ княгиней главное имѣніе нераздѣленное, и счеты у нихъ лѣтъ двадцать уже путались-перепутывались, а

какъ станутъ выдавать княжну, придется раздѣлиться, а Соловцову-то этой ликвидаціи очень не хочется!

Подобаевъ дѣйствительно думалъ такъ какъ сейчасъ объяснилъ, хотя въ этомъ далеко не все было вѣрно. У Соловцова счеты съ княгиней въ самомъ дѣлѣ были очень запутаны, и въ случаѣ ликвидаціи ему едва ли не предстояло остаться ни съ чѣмъ, но простодушному генералу никогда даже въ голову не приходило интриговать какъ-нибудь, и вообще объ этомъ дѣлѣ онъ старался вовсе не думать. Но Подобаеву, имѣвшему нѣсколько разъ случай быть недовольнымъ княжной, пріятно было объяснять ея холодность интригами „стараго болвана", какъ онъ называлъ добрѣйшаго Степана Андреевича.

Ильяшевъ послѣднимъ словамъ пріятеля повѣрилъ только вполовину, но все слышанное о княжнѣ очень его заняло. „Бываютъ же этакія невѣсты — думалъ онъ нѣсколько раздраженно—да поди-ка, сунься, возьми ее!"

Изъ-за зелени, маскировавшей оркестръ, раздались звуки ритурнеля. Ильяшевъ отыскалъ vis-à-vis, усадилъ княжну и сталъ подлѣ ея стула.

— Васъ не тяготитъ этотъ внезапный переходъ отъ деревенской тишины къ городскому шуму? обратился онъ къ ней, чувствуя необходимость какъ-нибудь завязать разговоръ.

— Это вѣдь каждый годъ повторяется; я привыкла, отвѣтила княжна.

— Я никогда не жилъ въ деревнѣ, но еслибъ испыталъ ту жизнь, мнѣ кажется, я не захотѣлъ бы промѣнять ее на городскую, продолжалъ Ильяшевъ, не совсѣмъ увѣренный, удалось ли ему попасть на надлежащій тонъ.

— Почему? спросила княжна.

— Тамъ больше простоты, дѣльности, больше возможности приносить пользу, дѣлать добро.

Княжна съ нѣкоторымъ любопытствомъ подняла на него глаза.

— Что вы называете „дѣлать добро"? спросила она.

— Ахъ, случаевъ къ нему такъ много въ деревнѣ, отвѣтилъ Ильяшевъ. — Знать близко горе простыхъ людей, помогать имъ....

— А! протянула княжна такимъ тономъ который ясно показывалъ что слова „дѣлать добро" она понимала не совсѣмъ одинаково съ Ильяшевымъ. Тотъ съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на нее.

— Намъ начинать, прервала княжна, вставая.

Ильяшевъ повиновался; но выраженіе недоумѣнія все еще лежало на его лицѣ.

— Вы, кажется, не совсѣмъ согласны съ моимъ опредѣленіемъ „добра“? возобновилъ онъ разговоръ, возвращаясь съ ней на мѣсто.

— Не совсѣмъ, отвѣтила княжна.

— Вы находите его слишкомъ ограниченнымъ?

— Слишкомъ ограниченнымъ, подтвердила княжна.

Ильяшевъ опять съ недоумѣніемъ опустилъ на нее глаза.

— Вы честолюбивы, сказалъ онъ.

— Не думаю, возразила дѣвушка.

— Но судя потому что вы пренебрегаете маленькими задачами....

— И все-таки не честолюбива, подтвердила княжна, вставая чтобы продолжать кадриль.

„Кто бы ожидалъ отъ нея?“ подумалъ, съ тѣмъ же выраженіемъ недоумѣнія въ лицѣ, Ильяшевъ.

Когда, по окончаніи фигуры, онъ вернулся на мѣсто, за стуломъ княжны стоялъ Вретищевъ.

— Я такъ и думала что вы, хотя поздно, а все-таки заѣдете, говорила ему княжна, и Ильяшеву показалось что на отливавшемъ матовою смуглотой лицѣ ея проступило оживленіе.

— Вы могли быть въ этомъ совершенно увѣрены, поклонился докторъ.

— Слѣдующій контрдансъ я вѣдь съ вами танцую?

Докторъ опять поклонился.

— Mercі, Mr Ильяшевъ, поблагодарила княжна по окончаніи кадрили своего кавалера, и какъ бы опасаясь чтобъ онъ не вздумалъ опять ангажировать ее, поспѣшно ушла въ гостиную, волнуя безчисленныя складки своего платья. Вретищевъ, раскланиваясь со встрѣчавшимися ему знакомыми, пробирался подъ стѣнкой за нею.

Въ этотъ вечеръ Ильяшеву не удалось больше говорить съ княжной: танцы у нея были разобраны, а въ антрактахъ онъ постоянно видѣлъ подлѣ нея Вретищева и не рѣшался подойти къ ней.

VI. Шагъ въ темноту.

На другой день послѣ бала, Соловцовъ обѣдалъ у Шелопатовой. Катерина Петровна очень любила такіе обѣды, потому что они заказывались клубному повару, считавшемуся лучшимъ въ городѣ, и сопровождались нѣсколькими бутылками шампанскаго, до котораго Шелопатова была большая охотница. Выпить она могла очень много, и никогда не пьянѣла.

Степанъ Андреевичъ долженъ былъ обстоятельно разсказать ей о всѣхъ подробностяхъ бала. По наслышкѣ Катерина Петровна была уже знакома со всѣмъ городскимъ обществомъ и очень интересовалась узнать на комъ былъ какой туалетъ кто съ кѣмъ танцовалъ, какія передавались сплетни,—дамы, какъ извѣстно, должны знать это даже о такихъ лицахъ самаго существованія которыхъ не подозрѣвали до тѣхъ поръ. Больше всего, впрочемъ, интересовала Катерину Петровну княжна: у Соловцова даже голова заболѣла пока его заставляли припоминать всѣ мельчайшія подробности ея туалета, и все-таки его отчетливостью не были довольны.

— Да ты объясни, какая она вообще—лицомъ, голосомъ, манерами—приставала къ нему Шелопатова.

Соловцовъ старался объяснить, а Катерина Петровна продолжала разспрашивать. Но любопытство ея приняло нѣсколько иное направленіе.

— Отчего она не выходитъ замужъ? вдругъ спросила она.

— Не случилось еще, отвѣтилъ Соловцовъ.

— Вѣдь за ней, конечно, дадутъ хорошее приданое? продолжала Шелопатова, припоминая сообщенныя Менчицкимъ свѣдѣнія о состояніи Озерецкихъ.

— Да, разумѣется, подтвердилъ генералъ.

Катерина Петровна допила стаканъ и подобрала ножки на диванчикъ.

— Старая княгиня должно-быть ужасно тебя любитъ, продолжала она, какъ-то пытливо взглянувъ на своего друга: у нея едва ли не формировалось подозрѣніе что если не теперь, то когда-нибудь прежде, отношенія Соловцова къ княгинѣ не ограничивались одною родственною привязанностью. Катерина Петровна вообще склонна была подозрѣвать кого угодно и чемъ угодно.

— Да, мы съ ней большіе друзья, подтвердилъ Соловцовъ.— И княжна и князекъ, всѣ меня очень любятъ, добавилъ онъ съ удовольствіемъ.

— Я, знаешь ли, не въ шутку ревную тебя и къ княгинѣ, и къ княжнѣ! сказала полусеріозно Шелопатова, опять лытливо взглянувъ на генерала.

Тотъ разсмѣялся.

— И пожалуй, ты имѣешь право, пошутилъ онъ.

— Я думаю, ты тамъ такимъ вліяніемъ пользуешься, какъ въ своемъ семействѣ, замѣтила Шелопатова.

Соловцовъ нашелъ это предположеніе очень вѣрнымъ.

— Ну, разумѣется, совѣтуются со мной обо всемъ, подтвердилъ онъ.—Знаютъ вѣдь что я ихъ единственный другъ послѣ смерти стараго князя, женщины вѣдь.

— Княгиня безъ тебя и дочку выдать замужъ не посмѣетъ! выразилась Шелопатова.

Соловцову такое предположеніе тоже очень понравилось, и онъ, усмѣхаясь, погладилъ усы.

— Ужь конечно, въ такомъ семейномъ дѣлѣ безъ моего голоса не обойдутся, подтвердилъ онъ.

Скоро послѣ обѣда онъ ушелъ, а Катерина Петровна, очень довольная тѣмъ что ея предположенія о значеніи Степана Андреевича въ княжескомъ семействѣ подтвердились, собралась писать къ мужу, съ которымъ находила нужнымъ поддерживать изрѣдка отдаленныя сношенія, когда ей доложили объ Ильяшевѣ.

Всѣ послѣдніе дни герой нашъ, занятый болѣе важными заботами о своемъ устройствѣ, сколько ни собирался къ Шелопатовой, не могъ урвать свободной минуты. А между тѣмъ Катерина Петровна занимала въ его мысляхъ вовсе не ничтожное мѣсто: Ильяшеву нравились преимущественно пикантныя женщины, а хорошенькая авантюристка была очень пикантна. Нѣкоторая строгость съ которою она встрѣчала его любезности только интриговала его: онъ принималъ ее, какъ игру въ препятствія съ обезпеченнымъ впереди успѣхомъ.

— Ахъ, наконецъ-то я васъ вижу! воскликнула съ нѣкоторою даже порывистостью Катерина Петровна, привставая навстрѣчу молодому человѣчу. Эта порывистость обнаружилась въ ней впрочемъ не потому чтобы приходъ Ильяшева очень обрадовалъ ее, а скорѣе по неожиданному совпаденію его съ нѣкоторыми тайными соображеніями, занимавшими ее съ тѣхъ

самыхъ поръ какъ она получила близкія свѣдѣнія о денежныхъ и семейныхъ дѣлахъ Соловцова.

Что Ильяшевъ былъ очень заинтересованъ ею, она знала не хуже его самого, и въ виду все тѣхъ же тайныхъ соображеній нисколько не жалѣла что его внезапный приходъ засталъ ее въ совершенно домашнемъ нарядѣ, въ которомъ она рѣшалась принимать одного только Степана Андреевича. Она схватила брошенный на кресло платокъ и неторопливо натянула его на плечи.

— Я думала что вы окончательно забыли меня, продолжала она, усадивъ подлѣ себя гостя.

— Я давно уже былъ бы у васъ, еслибы вы не обошлись со мной такъ строго въ послѣдній разъ.... возразилъ Ильяшевъ.

Катерина Петровна взглянула на него съ нѣсколько лукавымъ видомъ.

— Ахъ, Mr Ильяшевъ, не вамъ бы это говорить! произнесла она.—Мы вѣдь кое-что знаемъ о вашихъ побѣдахъ.

Молодой человѣкъ при этомъ намекѣ скромно потупился. Онъ думалъ было сохранить благоразуміе и рѣшительно опровергнуть слухи о сближеніи съ Нельгуновой, но не устоялъ противъ искушенія порисоваться немного предъ Шелопатовой,— переносить отъ хорошенькой женщины упреки въ вѣтренности такъ пріятно!

— Съ какою готовностью помѣнялся бы я этими успѣхами съ однимъ нашимъ общимъ знакомымъ! произнесъ онъ значительно.

Шелопатова кокетливо пожала плечами.

— Вы ужасный вѣтренникъ, Mr Ильяшевъ! сказала она.

— Скажите лучше что я несчастнѣйшій человѣкъ, надъ которымъ смѣется судьба, возразилъ гость. — Счастье за которымъ я гонюсь ускользаетъ отъ меня, а то которое не имѣетъ въ моихъ глазахъ никакой цѣны само дается въ руки....

— Ускользающее счастье — это княжна Озерецкая, если не ошибаюсь? лукаво спросила Шелопатова.

Ильяшевъ съ удивленіемъ раскрылъ на нее глаза.

— Вы, конечно, шутите? сказалъ онъ.

— Нисколько; почему вы думаете? спросила Шелопатова.

— Да потому что княжна меня столько же интересуетъ, какъ васъ, и вы очень хорошо понимаете кого я называю моимъ ускользающимъ счастьемъ!

Шелопатова, не глядя на него и чуть примѣтно усмѣхаясь покачала ножкой.

— Развѣ княжна вамъ не нравится? спросила она.

— Не могутъ же мнѣ всѣ женщины разомъ нравиться! отвѣтилъ съ нѣкоторою даже досадой Ильяшевъ. Ему начинало казаться что Шелопатова, заводя ни къ чему не идущій разговоръ о княжнѣ, просто смѣется надъ нимъ.

— Она невѣста, настойчиво наводила его Катерина Петровна.

— А я не женихъ, отвѣтилъ Ильяшевъ.—Вы поступаете со мной уже слишкомъ враждебно, Катерина Петровна, продолжалъ онъ; — вы не только сами не обращаете на меня ни малѣйшаго вниманія, но даже не даете мнѣ высказать какъ вы дороги для меня!

— Ахъ, подите вы! воскликнула Шелопатова, завертываясь въ соскользнувшій съ плеча платокъ.

— Покорно благодарю, сказалъ, закусывая губу, Ильяшевъ. Шелопатова начинала злить его.

— Какъ вамъ не стыдно такъ вѣтренничать! бѣдная Мme Нельгунова! произнесла Катерина Петровна, замѣтившая неудовольствіе Ильяшева.

Молодой человѣкъ взялъ шляпу.

— Куда вы? остановила его Шелопатова.

— Пойду просить прощенья у Мme Нельгуновой, отвѣтилъ Ильяшевъ.

— Ну, вздоръ! возразила Катерина Петровна, и ударивъ его по рукѣ, отняла шляпу. — Я только-что расположилась потолковать съ вами....

— Если опять о томъ же, такъ извините, я лучше уйду....

— Скажите пожалуста! чего это вы такой злой сегодня? побранила его Шелопатова, и потянувъ за руку, усадила подлѣ себя. — Шутки въ сторону, я хочу потолковать съ вами о княжнѣ....

— Ильяшевъ потянулся къ шляпѣ; Шелопатова отодвинула ее подальше и положила свою маленькую ладонь на его руку.

— Будьте же терпѣливы; я хочу потолковать съ вами, какъ съ практическимъ человѣкомъ, остановила она его.—Въ самомъ дѣлѣ, отчего бы вамъ не попытать счастья у княжны? Самая блестящая партія во всемъ городѣ!

— Потому-то и глупо было думать о ней, возразилъ Ильяшевъ, котораго начинала интересовать настойчивость Катерины Петровны.

— Ну вотъ, откуда такая скромность? я на вашемъ мѣстѣ никому не уступила бы безъ бою такой невѣсты....

Ильяшевъ, не возражая, съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Шелопатову.

— Я даже могла бы вамъ помочь немножко въ этомъ дѣлѣ.... продолжала она.

— Вы меня мистифируете, сказалъ Ильяшевъ.

— Нисколько, возразила Шелопатова. — Я предлагаю вамъ свою помощь, и въ доказательство что говорю не шутя, спѣшу предупредить васъ что эта помощь вовсе не безкорыстная.

— Право? спросилъ полусеріозно Ильяшевъ.

Шелопатова утвердительно кивнула головой.

— Если вы подумаете о томъ что между мною и Озерецкими стоитъ мой другъ Соловцовъ, то вы сами сообразите насколько мое предложеніе основательно, пояснила она.

Ильяшевъ въ раздумьи не отвѣчалъ. Изъ-за шутки, за какую онъ продолжалъ принимать весь этотъ разговоръ, въ его соображеніяхъ промелькнули нѣкоторыя вѣроятности, которыми ни въ какомъ случаѣ нельзя было пренебрегать. Княжна, безъ сомнѣнія, представляла самую блестящую партію, о какой онъ смѣлъ мечтать; шансовъ покамѣсть очень мало, но вѣдь имѣетъ же что-нибудь въ виду Шелопатова, если такъ настойчиво наводитъ его на эту мысль?

Катерина Петровна тоже молчала и спокойно глядѣла на него, перебирая пальчиками бахрому платка, покрывавшаго ея плечи. Потомъ она взяла со стола папироску, раскурила ее и придвинулась къ Ильяшеву.

— Помните нашъ разговоръ, когда вы провожали меня изъ театра, въ день нашего спектакля? спросила она, разбивая рукою голубой дымокъ папироски, и какъ-то задумчиво и близко взглянувъ на молодаго человѣка.

— Разговоръ этотъ для меня очень памятенъ, отвѣтилъ Ильяшевъ.

— И для меня тоже, продолжала Шелопатова.—Мнѣ кажется что мы тогда, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ исключительныхъ впечатлѣній, поняли другъ друга....

— Очень можетъ быть, подтвердилъ Ильяшевъ.

Шелопатова опять близко и съ задумчивою серіозностью взглянула на него.

— Мы оба очень практическіе люди, и можемъ пригодиться

другъ другу.... помните, вы тогда даже выразились въ этомъ родѣ? сказала она.

Ильяшевъ молча наклонилъ голову.

— Мнѣ тотъ разговоръ памятенъ больше въ другомъ отношеніи, сказалъ онъ. — Вы почти съ презрѣніемъ отнеслись тогда и ко мнѣ, и къ чувству котораго я не умѣлъ скрыть....

Катерина Петровна затянулась папироской и какъ-то неопредѣленно пошевелила плечами.

— Какъ вы хотите чтобъ я вѣрила первому вашему слову? вы сами же потомъ смѣялись бы надо мной съ Mme Нельгуновой! возразила она.

— Вы и теперь пользуетесь тою же отговоркой, сказалъ почти съ раздраженіемъ Ильяшевъ;—и она вамъ можетъ очень долго служить!

— Вы нетерпѣливы, замѣтила ему Шелопатова.

— А вы даже надежды не оставляете мнѣ, возразилъ Ильяшевъ.

Катерина Петровна медленно ствела отъ него глаза.

— Вы знаете, мое сердце теперь занято, сказала она серіозно.

— Ну, вотъ еще! усомнился Ильяшевъ, подвигаясь къ ней. Шелопатова тихонько отстранила его руку.

— Я никогда не соглашусь раздѣлить себя между двумя привязанностями, сказала она.

— То-есть, вы рекомендуете мнѣ сначала спихнуть Соловцова и тогда занять его мѣсто? спросилъ Ильяшевъ.

— Если сумѣете, отвѣтила, улыбаясь одною стороной лица, Шелопатова, и Ильяшевъ очень хорошо долженъ былъ понять, какимъ образомъ можно сумѣть это сдѣлать.

— Вы очень опытная женщина, произнесъ онъ съ невольнымъ оттѣнкомъ полу-презрительнаго чувства.—И на несчастье вы все-таки очаровательны!

VII. На рубежѣ.

Въ ту минуту какъ Ильяшевъ подходилъ къ своей квартирѣ, къ крыльцу подъѣхала на извощикѣ закутанная женская фигура, въ которой онъ, несмотря на темноту, тотчасъ узналъ Пашу.

— Паша, что такое? быстро остановилъ онъ ее, столкнувшись съ ней на троттуарѣ и предчувствуя какую-нибудь катастрофу.

Дѣвушка схватила его за руку.

— Я къ тебѣ.... отцу очень дурно; ѣдемъ сейчасъ, мы всѣ тамъ головы потеряли... проговорила она быстро.—Поѣдемъ ради-Бога.

Ильяшевъ сѣлъ съ ней на извощичьи дрожки.

— Что же собственно такое? спросилъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Ахъ, совсѣмъ плохо, забываться даже сталъ... страшно какъ, Лёва! отвѣтила дѣвушка, и изъ наплаканныхъ глазъ ея полились слезы.

— А какихъ лѣтъ будетъ? неожиданно полюбопытствовалъ извощикъ, поворачивая къ нимъ темное лицо.

Ни братъ, ни сестра ничего ему не отвѣтили.

— Докторъ есть? спросилъ Ильяшевъ.

— Какже, Вретищевъ уже съ часъ у насъ.

Братъ хотѣлъ узнать: „что же онъ говоритъ?“ и ничего не спросилъ. Какое-то смутное, сложное и какъ будто торжественное чувство наполняло его и слегка нажимало сердце. Страннымъ чѣмъ-то представлялась ему эта поѣздка, и странно было ему сознавать что онъ въ эти минуты чувствуетъ влажный холодъ ночнаго воздуха, слышитъ не гулкій грохотъ колесъ, стукъ оторвавшейся и бряцавшей подковы, и слѣдитъ тусклыя пятна, медленно скользившія отъ фонарей по стѣнамъ домовъ; что-то близкое и темное проступало сквозь холодноватую темноту ночи... Онъ нѣсколько разъ оглянулся на сестру, и опять ему какъ-то странно было чувствовать подлѣ себя ея опечаленный профиль и вздрагивавшее плечико.

Въ домѣ больнаго казалось тихо—некому было суетиться. Мавра ушла за священникомъ и еще не возвращалась; Вретищевъ ходилъ по залѣ, чуть освѣщенной единственною свѣчкой, и поджидалъ Пашу.

— Вотъ при какихъ обстоятельствахъ мы встрѣчаемся, сказалъ Ильяшевъ, пожимая ему руку.

Докторъ ничего не отвѣтилъ и пошевелилъ плечами.

— Очень плохо? рѣшился спросить молодой человѣкъ.

— Да, водянка разыгралась, объяснилъ докторъ.

— Я пройду къ нему? какъ-то вопросительно сказалъ Ильяшевъ.

— Пойдемъ, Лёва, сказала и Паша.

Больной лежалъ навзничь, согнувъ колѣнки, острые углы которыхъ странно выдавались изъ-подъ нѣсколькихъ одѣялъ,

наброшенныхъ на распухшія голени. Свѣтъ низенькой свѣчки косо ложился на его небритое лицо и усиливалъ густоту тѣней, наполнявшихъ глазныя впадины и морщины. Онъ, кажется, ничего уже не видѣлъ своими полуоткрытыми глазами и хрипло дышалъ. Эти быстрыя измѣненія въ наружности отца поразили сына.

— Да когда же это началось? спросилъ онъ, оглядываясь на Пашу и на темный уголъ, въ которомъ только-что замѣтилъ присутствіе тетки.

— Еще вчера онъ легъ, отвѣтила Паша шепотомъ, хотя больной очевидно ничего уже не могъ слышать.

Ильяшевъ машинально подвинулъ стулъ и сѣлъ у ногъ отца. Докторъ подошелъ къ Пашѣ и пощупалъ у нея пульсъ.

— Накиньте-ка что-нибудь на себя, а то у васъ лихорадка начинается, сказалъ онъ ей.

Паша нехотя натянула на плечи теткинъ платокъ и отошла въ сторону.

— Вы уѣзжаете? обратилась она почти съ испугомъ къ Вретищеву, замѣтивъ что тотъ искалъ глазами шляпу.

— Больному нельзя помочь, отвѣтилъ онъ, пожавъ плечами.

Въ темномъ углу, гдѣ сидѣла тетка, послышалось прерывистое всхлипываніе; Паша тоже залилась слезами.

— Нѣтъ, ради Бога! остановила она доктора, схвативъ его за руку.—Я съ ума сойду, я отъ одного страха умру!

— Если у васъ нѣтъ трудныхъ больныхъ, посидите съ нами, попросилъ его и Ильяшевъ.—Все-таки она спокойнѣе будетъ, добавилъ онъ, указавъ глазами на сестру.

Вретищевъ ничего не возразилъ и остался. Умирающій лежалъ все въ одномъ и томъ же положеніи и повременамъ слабо и хрипло стоналъ. Явившійся священникъ хотя и былъ недоволенъ что его потревожили въ такое позднее время, но тотчасъ кротко и неспѣшно приступилъ къ совершенію печальнаго обряда: онъ со старикомъ былъ знакомъ и чрезвычайно уважалъ его за нѣкоторое сходство характеровъ.

— Сынокъ Дмитрія Кузьмича должны быть? обратился онъ, выгребая изъ-подъ рясы сѣдые волосы, къ молодому человѣку.

Ильяшевъ машинально подтвердилъ.

— Рѣдкой души человѣкъ вашъ батюшка, замѣтилъ какъ бы въ назиданіе ему священникъ. — Поистинѣ можно сказать не нынѣшняго вѣка христіанинъ!

Молодой человѣкъ ничего не отвѣтилъ и только инстинктивно подумалъ что это все очень естественно, и что сѣдоголовый священникъ непремѣнно долженъ былъ выразиться этими словами.

Тетка, очень усгавшая за весь день и за прошлую ночь и стѣсняемая присутствіемъ племянника, ушла къ себѣ въ комнату прилечь. Вретищевъ настоялъ чтобы Паша тоже легла, но не иначе добился ея согласія, какъ обѣщавъ расположиться въ комнатѣ больнаго на всю ночь; ему принесли подушку и кое-какъ устроили его на диванѣ. Ильяшевъ, какъ наименѣе утомленный, вызвался дежурить и разбудить всѣхъ, какъ только больному сдѣлается „хуже“.

Онъ взялъ со стола полавшуюся подъ руку книгу, придвинулъ къ себѣ столикъ со свѣчкой и перевернулъ двѣ-три страницы; но онъ даже не узналъ что̀ это была за книга. Его слишкомъ переполнили другія мысли, соображенія и впечатлѣнія. Близость неизбѣжно-готовившагося захватывала его̀ томящимъ чувствомъ. Лицо отца, по которому, точно сквозь паутину, скользилъ заколтѣлый свѣтъ нагорѣвшей свѣчи, нагоняло на него страхъ; онъ въ первыя минуты радъ былъ что Вретищевъ остался тутъ и даже обратился къ нему съ двумя-тремя фразами, чтобы не дать ему тотчасъ задремать.

— Такъ вы думаете, *это* должно скоро кончиться? рѣшился онъ еще разъ спросить, между прочимъ.

— Во всякомъ случаѣ до утра кончится, отвѣтилъ докторъ, не раскрывая глазъ.

Ильяшеву показалось что съ этимъ отвѣтомъ все какъ-то вдругъ разомъ и ясно кончилось. Онъ почувствовалъ то странное, болѣзненное спокойствіе которое испытываютъ даже очень любящіе люди, когда убѣждаются окончательно что положеніе близкаго-больнаго безнадежно. Есть неуловимая сила, заставляющая живыхъ сознавать что имъ чуждо то чего коснулось вѣяніе смерти. Ильяшевъ почти осязалъ какъ покидало его подстроенное и разнѣженное чувство жалости, которому онъ невольно подчинялся нѣсколько минутъ назадъ. Онъ инстинктивно усиливался поймать эти убѣгающія ощущенія, и не могъ. Неподвижная, полуживая фигура отца выступала въ колеблющемся свѣтѣ, какъ что-то чужое и далекое; ни жалости, ни укоризны—одно только томительное и почти брезгливое чувство смерти.

Въ головѣ его начали толпиться другія, болѣе житейскія

мысли. Онъ соображалъ что отецъ до самой смерти вѣроятно не придетъ въ память, и что ему, сыну и главному наслѣднику, до сихъ поръ неизвѣстно есть ли у старика завѣщаніе. Это обстоятельство нѣсколько смущало его; ему представилось что тотчасъ послѣ того какъ все кончится, надо будетъ произвесть поиски во всемъ домѣ, и что все-таки можетъ случиться что завѣщаніе хранится не на дому, а у какого-нибудь довѣреннаго лица, у душеприкащика, или въ судебномъ мѣстѣ. Ему представлялось обиднымъ изъ чужихъ рукъ получить свою судьбу. Но нѣтъ, успокоивалъ онъ себя мысленно,— отецъ недовѣрчивъ, и никому не поручилъ бы такого документа. Легкая лихорадочная зыбь пробѣжала по его тѣлу. Онъ вѣдь ничего не зналъ; даже приблизительной цифры состоянія которымъ будетъ обладать черезъ нѣсколько часовъ! Менчицкій говорилъ что тысячъ тридцать билетами у старика было; но эти тридцать тысячъ могли составлять все, или только малую часть всего. Ильяшевъ чувствовалъ въ глазахъ и на лицѣ непріятный сухой жаръ; положеніе его опять представилось ему обиднымъ и глупымъ. Больной все продолжалъ лежать въ томъ же положеніи; только ротъ его раскрылся, и онъ дышалъ свободнѣе. Въ спальной было жутко-тихо; слышалось только замирательное чиканье часовъ въ сосѣдней комнатѣ, да что-то чуть-чуть бульбулькало въ груди умирающаго, какъ будто вливалась вода въ узкое горлышко бутылки. Ильяшевъ посмотрѣлъ на Вретищева—тотъ спалъ, заложивъ обѣ руки подъ голову.

На письменномъ столѣ, приткнутомъ одною стороной къ широкому простѣнку, лежали разныя записныя и хозяйственныя книги, а изъ-подъ нихъ высовывались неровные, пожелтѣлые края какихъ-то залежалыхъ бумагъ. Нѣкоторыя связки этихъ бумагъ имѣли дѣловую наружность и возбуждали еще прежде любопытство Ильяшева. Но весь этотъ уголъ оставался почти неосвѣщеннымъ, и еслибы молодой человѣкъ захотѣлъ пересмотрѣть бумаги, ему необходимо было бы перенесть свѣчу на письменный столъ. Онъ подумалъ съ минуту, тихонько всталъ и заслоняя свѣчу рукою, чтобы свѣтъ ея не разбудилъ доктора, перешелъ съ ней на другой конецъ комнаты. Онъ сѣлъ такимъ образомъ чтобы спина его заслоняла свѣтъ отъ дивана, на которомъ дремалъ Вретищевъ, и опять развернулъ предъ собой книгу.

— Вы спите, докторъ? окликнулъ онъ тихо, желая удосто-

вѣриться дѣйствительно ли Вретищевъ дремалъ. Отвѣта не было; Ильяшевъ повторилъ вопросъ немного громче, потомъ еще громче—докторъ не откликнулся. Тогда онъ быстро приподнялъ книги и вытащилъ изъ-подъ нихъ интересовавшую его кипу бумагъ.

Несмотря на желтоватый и запыленный видъ, эти бумаги оказались исписанными въ недавнее время. Верхніе листы заключали въ себѣ счеты и хозяйственныя замѣтки; Ильяшевъ нетерпѣливо отбросилъ ихъ, торопясь перебрать всю связку. Онъ былъ почти увѣренъ что если духовное завѣщаніе существуетъ, то должно находиться именно въ этой пачкѣ. Чѣмъ дальше перебиралъ онъ листы, тѣмъ болѣе убѣждался въ своемъ предположеніи самымъ характеромъ бумагъ. Содержаніе ихъ къ концу кипы становилось все серіознѣе: появились счеты Менчицкаго о продажѣ банковыхъ билетовъ, потомъ стали попадаться документы относившіеся къ покупкѣ дома и Вахновки. Старикъ, несмотря на привычку держать свои денежныя дѣла втайнѣ, былъ такъ увѣренъ что никому изъ домашнихъ не достанетъ смѣлости рыться въ его бумагахъ, что не считалъ нужнымъ прятать ихъ подъ замокъ. Пальцы Ильяшева слегка дрожали, перебирая листы; онъ охотно прочелъ бы тутъ же каждый изъ нихъ отъ начала до конца, но нельзя было терять ни минуты, пока не отыщется главное. Вдругъ глаза его упали на крупный, четкій заголовокъ: „дарственная запись“—и прежде чѣмъ онъ успѣлъ почувствовать ударъ нервически дрогнувшаго сердца, слуха его явственно коснулись чьи-то шаги. Онъ вскинулъ глазами — его возбужденному чувству представилась чья-то большая, темная голова, неясно обрисовавшаяся за дверьми, въ совершенно темной гостиной.

— Кто тамъ? окликнулъ онъ во внезапномъ, болѣзненномъ страхѣ, весь блѣдный, выпрямляясь надъ столомъ.

Это была Мавра; она пришла узнать „что́ баринъ“ и не надо ли чего-нибудь. „Ахъ, дьяволъ бы тебя взялъ“, мысленно пожелалъ Ильяшевъ, прислушиваясь къ судорожно бившемуся въ груди сердцу.

— Паша спитъ? спросилъ онъ громко.

— Спитъ.

— А тетка?

— И онѣ спятъ.

— Ну, и ты можешь ложиться, мнѣ ничего не надо, отпустилъ ее Ильяшевъ.

Онъ отчасти былъ даже доволенъ что Мавра явилась: по крайней мѣрѣ онъ зналъ теперь что всѣ въ домѣ спятъ.

Онъ осторожно вернулся къ столу, отыскалъ „дарственную запись“ и быстро, воспаленными глазами прочелъ ее. Этою записью Вахновка передавалась въ полное владѣніе Марьи Кузьминишны; документъ былъ составленъ окончательно и снабженъ всѣми формальностями. Ильяшевъ быстро перебросилъ нѣсколько верхнихъ листовъ той же кипы, отыскалъ замѣченные еще прежде счеты по Вахновкѣ и погрузился въ нихъ на минуту. Оказалось что имѣньице сдано на очень выгодныхъ условіяхъ въ аренду и приноситъ безъ всякихъ хлопотъ порядочный доходъ. Молодой человѣкъ отдѣлилъ отъ связки дарственный документъ, поглядѣлъ на него какимъ-то неспокойнымъ взглядомъ, сложилъ и осторожно сунулъ въ карманъ.

Еслибъ онъ оглянулся въ эту минуту, онъ замѣтилъ бы что голова Вретищева приподнялась надъ подушкой и повернулась къ нему. Но онъ, не оглядываясь, поспѣшно привелъ бумаги въ прежній порядокъ и подсунулъ подъ закрывавшія ихъ книги. Потомъ онъ перенесъ свѣчу къ постели умирающаго, составилъ два кресла и расположился на нихъ, зажмуривъ глаза и вытянувъ ноги. Чувство утомленія овладѣло имъ; ему хотѣлось спать; неясныя, болѣзненно-возбужденныя грезы тянулись, какъ паутина, предъ его зажмуренными глазами; было немножко страшно и какъ будто угарно въ этой низенькой комнатѣ, полуосвѣщенной расплывающимся свѣтомъ огарка и насыщенной присутствіемъ смерти. Ильяшеву стало думаться о томъ, что еслибъ его отецъ былъ другой — вся жизнь пошла бы иначе; онъ на эту тему часто размышлялъ самъ съ собой. Онъ находилъ что можно было бы извинить отца, еслибы причиной его сколидомной жизни была бѣдность; но зная его средства, онъ не находилъ ему оправданія. Правда, теперь ему предстояло воспользоваться плодами экономіи; но онъ находилъ что капиталъ слишкомъ долго лежалъ безъ употребленія, и что едвали не упущено время. Онъ уже потерялъ изъ виду позолоченныя рельсы, которыя жизнь приготовляетъ для избранныхъ счастливцевъ, и ему трудно попасть на нихъ. Будь у отца другой характеръ, другія понятія—возвращался онъ все къ той же мысли — его съ дѣтства окружили бы тѣ мелочныя, но ничѣмъ не замѣнимыя условія,

которыми такъ легко достигаются земныя блага. Онъ нашелъ бы въ семьѣ подготовленныя формы изящной свѣтской жизни, неоцѣнимыя, давнія связи съ обществомъ, постоянную, невидимую помощь своимъ цѣлямъ; сестра, съ ея наружностью, при другой обстановкѣ и другомъ воспитаніи, вышла бы блестящею свѣтскою барыней, которою онъ гордился бы въ избранномъ кружкѣ, и которая тоже невидимо и несознательно помогала бы всѣмъ его планамъ; наконецъ и самъ онъ могъ бы кончить курсъ не въ университетѣ, а въ одномъ изъ тѣхъ привилегированныхъ заведеній дипломъ изъ которыхъ уже составляетъ карьеру. Все это, тысячу разъ обдуманное прежде, грустно наплывало на него и выводило изъ забывчивости, нагоняемой физическимъ утомленіемъ. Въ комнатѣ становилось все темнѣе; нагорѣвшая свѣча мерцала какимъ-то пыльнымъ свѣтомъ; въ застоявшемся воздухѣ чувствовался чадъ. Глаза у Ильяшева непріятно слипались, точно засыпанные пескомъ; онъ повернулся въ своемъ неудобномъ креслѣ и старался ни о чемъ не думать. Но безпокойно настроенное воображеніе упрямо продолжало работать. Полураскрытые глаза умирающаго съ нѣмымъ укоромъ глядѣли на него сквозь коноть, застилавшую комнату; ему становилось жутко въ его креслахъ; онъ хотѣлъ пересѣсть въ другой уголъ, но утомленные члены не повиновались ему. Часы съ однообразнымъ, шуршащимъ стукомъ чикали въ гостиной, и этотъ монотонный шумъ раздражалъ его; онъ какъ будто слышалъ его все ближе, ближе; ему начало наконецъ казаться что маятникъ перемѣстился въ его собственную голову и стукнетъ то въ одинъ високъ, то въ другой. Онъ силился раскрыть глаза и чувствовалъ что какая-то паутина залѣпляетъ ихъ. Темная тѣнь наклонилась надъ нимъ изъ-за плеча, и чья-то рука коснулась его. „Кто это можетъ быть“? мысленно спрашивалъ онъ себя, безсвязно соображая подробности томительной ночи. Онъ съ усиліемъ приподнялъ рѣсницы и узналъ тетку; ея иронически-прищуренные глаза злобно глядѣли на него. Холодная дрожь пробѣжала по его тѣлу. „Что вамъ надо отъ меня?“ вскричалъ онъ, стараясь приподняться; но тяжелая, свинцовая рука лежала на его плечѣ, и онъ не могъ пошевелиться. Обрюзглое, желтое лицо тетки продолжало все такъ же злобно и насмѣшливо смотрѣть на него, а проклятый маятникъ громче и громче стучалъ въ виски. Вотъ и другая рука опустилась на него и полѣзла къ нему въ карманъ; онъ чувствовалъ какъ на его

груди разжимались какіе-то крѣпкіе пальцы и шуршала засунутая въ карманъ бумага. Онъ хотѣлъ опять вскочить и не могъ. „Да кто жь это держитъ меня?“ спросилъ онъ въ испугѣ, и оглянувшись, замѣтилъ что Вретищевъ крѣпко обхватилъ его сзади, и нагнувшись надъ нимъ, съ непріятнымъ смѣхомъ заглядывалъ ему въ лицо. — „А, да не удастся же вамъ!“ хрипло вскричалъ Ильяшевъ, и рванувшись съ нечеловѣческимъ усиліемъ, проснулся.

Нѣсколько мгновеній онъ не могъ опомниться. Въ вискахъ у него страшно стучало, глаза не ясно различали окружающіе предметы. Тяжелый сонъ его, повидимому, продожался нѣсколько часовъ: въ окно, сквозь опущенную стору, пробивался утренній свѣтъ, и огарокъ, который забыли потушить, мерцалъ въ шандалѣ, ничего не освѣщая. Комната была наполнена тихосуетившимися лицами: старикъ былъ мертвъ, и его осторожно подымали съ постели. Тетка стояла подлѣ Ильяшева, разбудить котораго ей стоило большихъ усилій. Вретищевъ уже уѣхалъ; у окна Паша, согнувшись, сидѣла на стулѣ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и окруженная дѣвицами Скворешниковыми, прибѣжавшими среди ночи успокоить ее, а главнымъ образомъ удовлетворить любопытству, которое въ нѣкоторыхъ слояхъ общества неодолимо возбуждается зрѣлищемъ смерти. Были въ комнатѣ и еще какія-то лица, кланявшіяся Ильяшеву и слезливо моргавшія на него глазами; ему все это отвратительнымъ показалось.

— Неужели я такъ крѣпко спалъ? спросилъ онъ тетку, не договаривая и указывая глазами на похолодѣвшее тѣло отца.

— Да, я едва могла разбудить, отвѣтила та разбитымъ голосомъ.

Ильяшевъ отошелъ въ сторону и осторожно опустилъ руку въ боковой карманъ: онъ еще не былъ вполнѣ увѣренъ что все случившееся было простою галлюцинаціей. Рука тотчасъ нащупала документъ; это значительно успокоило его. Онъ чувствовалъ только нѣкоторую неловкость оттого что такъ странно проспалъ послѣднія минуты отца, и нерѣшительно подошелъ къ Пашѣ.

— Хорошо по крайней мѣрѣ что отецъ не мучился много, сказалъ онъ, не находя чѣмъ начать.

Паша только молча посмотрѣла на него воспаленными глазами.

— Знаешь что, тебѣ не слѣдовало бы здѣсь оставаться, по

крайней мѣрѣ первые дни, продолжалъ онъ, въ самомъ дѣлѣ опасаясь за сестру и разчитывая что еслибъ она переѣхала тотчасъ къ нему, ему удобнѣе было бы сблизиться съ нею.

Но Паша не захотѣла объ этомъ и слышать: ей казалось неблагодарностью бросить едва остывшее тѣло отца и не помочь теткѣ въ ея печальныхъ хлопотахъ. Это напомнило Ильяшеву что и ему предстояло еще много дѣла; онъ отозвалъ тетку и вышелъ съ нею въ гостиную.

— Похороны потребуютъ расходовъ; я не знаю, есть ли въ домѣ какія-нибудь деньги? спросилъ онъ.

Тетка почему-то вдругъ покраснѣла.

— Да, у покойнаго братца (она всхлипнула при этихъ словахъ) были при себѣ деньги; я спрятала.... отвѣтила она.

— Хватитъ ли? спросилъ Ильяшевъ нѣсколько подозрительно.

— Да, хватитъ.... подтвердила тетка.—Особенный парадъ зачѣмъ же дѣлать? добавила она тотчасъ же, очень обрадованная что разговоръ такимъ образомъ естественно переходилъ на другіе предметы.

Ильяшевъ помолчалъ. Ему хотѣлось отложить объясненія, которыя считалъ щекотливыми, до конца похоронъ, но тетка казалась ему подозрительною. Онъ невольно подумалъ что хорошо сдѣлалъ, припрятавъ документъ на Вахновку.

— Я теперь поѣду къ себѣ, но до обѣда вернусь, сказалъ онъ.—При отцѣ должны быть, кромѣ денегъ, разные документы, банковые билеты.

— Я ничего этого не знаю, рѣшительно ничего не знаю! громко вскричала тетка, опять вспыхнувъ и замахавъ руками.

Ильяшевъ поблѣднѣлъ.

— Какъ вы ничего не знаете? Вы сами сейчасъ сказали что спрятали деньги! воскликнулъ онъ, сдѣлавъ шагъ къ двери, потому что боялся чтобы тетка не ускользнула въ другую комнату, гдѣ были чужіе люди.

— Денегъ всего двѣсти рублей было! отвѣтила какимъ-то испуганнымъ голосомъ тетка.

На самомъ дѣлѣ ихъ было нѣсколькими сотнями больше, но Марья Кузьминишна, зная что племянникъ терпѣть не можетъ ея, сочла благоразумнымъ нѣсколько обезпечить себя на первое время и про всякій случай. По своей необразованности она едва ли сознавала вполнѣ неблаговидность такого поступка.

— А билеты? спросилъ нетерпѣливо молодой человѣкъ.

— Билетовъ я никакихъ не видала! отвѣчала такъ же испуганно тетка.

— Такъ надо ихъ сейчасъ же сыскать! сказалъ съ рѣшительнымъ жестомъ Ильяшевъ.

— Не знаю, развѣ въ шкатулкѣ спрятаны, проговорила тетка. — Ищи пожалуста самъ, а я боюсь, боюсь! Вотъ и ключи всѣ возьми отъ меня.

И она подала племяннику тяжелую связку ключей.

Нельзя ли шкатулку, о которой вы говорите, сюда подать, да позвать Пашу? распорядился Ильяшевъ.

Черезъ минуту тетка вернулась, не безъ усилія таща обѣими руками казнохранилище покойнаго Дмитрія Кузьмича. Паша, недоумѣвая зачѣмъ ее позвали, тихо вошла вслѣдъ за нею и притворила за собою дверь.

— Надо пересмотрѣть вмѣстѣ что̀ намъ покойный отецъ оставилъ, объяснилъ ей братъ.

— Что̀ же мнѣ тутъ смотрѣть? мнѣ все равно, сказала Паша.

— Тебѣ непремѣнно надо быть при этомъ, отвѣтилъ Ильяшевъ.

Онъ неспокойною рукой отворилъ шкатулку. Сверху лежало нѣсколько полуимперіаловъ и старыхъ серебряныхъ монетъ 84 пробы; Анненскій крестъ, полученный покойникомъ при выходѣ въ отставку, какія-то медали и кусочки сломанныхъ золотыхъ вещицъ. Ильяшевъ все это отстранилъ и вытащилъ изъ-подъ верхняго ящика пачку банковыхъ билетовъ. Руки его сильно дрожали, когда онъ принялся считать ихъ. Билетовъ оказалось на сорокъ пять тысячъ.

— Сорокъ пять тысячъ.... повторилъ онъ глухимъ отъ волненія голосомъ. На секунду какое-то великодушное и порывистое чувство вспыхнуло въ немъ; онъ чуть ли не былъ готовъ тутъ же отдать теткѣ припрятанную имъ дарственную запись, но тотчасъ же одумался, и бережно сложивъ билеты, засунулъ ихъ въ боковой карманъ и застегнулся на всѣ луговицы.

— Вы обѣ свидѣтельницы что въ шкатулкѣ больше ничего нѣтъ, объявилъ онъ нѣсколько успокоившимся голосомъ. — Я теперь уѣду, а черезъ нѣсколько часовъ вернусь, и тогда переговоримъ, какъ это все устроить.

Тетка хотѣла что-то сказать, но замѣтивъ торопливость племянника, сочла за лучшее отложить свои интересы до болѣе удобнаго времени. Она только проводила его безпокойнымъ и растереннымъ взглядомъ.

VIII. Узелъ.

Старый домъ князей Озерецкихъ стоялъ на одной изъ лучшихъ улицъ города, напоминая своею величаво-неуклюжею наружностью то отдаленное время, когда въ нашихъ губернскихъ и даже уѣздныхъ городишкахъ, въ воздвигнутыхъ крѣпостнымъ трудомъ хоромахъ, лилась черезъ край неряшливо-размашистая и просвѣщенно-грубоватая барская жизнь. Родъ Озерецкихъ былъ не изъ древнихъ; богатства ихъ скопились брачными связями и служебными успѣхами. Въ N—ской губерніи Озерецкіе водворились лѣтъ пятьдесятъ назадъ, и съ того времени стали замѣтно падать, благодаря какой-то точно наслѣдственной недоразвитости и неспособности мужскихъ отпрысковъ этого рода. Многіе изъ князей Озерецкихъ въ послѣднюю четверть вѣка умерли въ молодыхъ лѣтахъ, другіе какъ-то затерялись на Кавказѣ и въ Польшѣ, такъ что покойный мужъ княгини Дарьи Илатовны не безъ основанія считалъ себя почти единственнымъ представителемъ рода. Ему, не въ примѣръ прочимъ, довелось дожить до старости—обстоятельство которое злые языки объясняли счастливою созерцательною неподвижностью характера и замѣтною умственною тупостью князя. Представитель рода, въ самомъ дѣлѣ, имѣлъ натуру невозмутимую и крайне ограниченную; любилъ удить рыбу, умѣлъ отлично плесть лапти (это искусство, не безъ примѣси невинной тенденціозности, было вообще распространено въ родѣ князей Озерецкихъ даже при прежнихъ поколѣніяхъ, и между фамильными драгоцѣнностями въ Лысомъ Вражкѣ хранилась цѣлая коллекція такихъ лаптей). Крестьянская реформа, застигшая послѣдніе годы жизни стараго князя, совсѣмъ ошеломила его; подозрѣвали даже что онъ помѣшался, такъ какъ въ немъ обнаружились нѣкоторыя подозрительныя странности: онъ все собирался куда-то въ дорогу, осматривалъ свой тридцать лѣтъ не употреблявшійся мундиръ и толковалъ что ему надо ѣхать „благодарить“; — кого и за что благодарить — не могли отъ него добиться.

Городской домъ, въ которомъ въ послѣдніе годы княгиня Дарья Илатовна неизмѣнно проводила зиму, былъ такъ великъ что половина его оставалась пустою. Давно не подновляемый, онъ пріобрѣлъ нѣсколько одичалую и неуютную наружность;

но внутри недостатки зданія скрашивались обильными драпировками и богатствомъ отдѣлки. Княгиня была того мнѣнія, что ужь если жить въ провинціи, то жить лучше всѣхъ, вознаграждая отсутствіе столичныхъ развлеченій удовольствіемъ первенствовать въ губернскомъ обществѣ.

Соловцовъ занималъ отдѣльный флигель, примыкавшій стѣной къ главному корпусу и выходившій окнами на улицу и въ садъ. Но легкомысленный Степанъ Андреевичъ очень мало пользовался своимъ роскошнымъ помѣщеніемъ, проводя утро въ визитахъ, а вечера на раутахъ, въ театрѣ и у Шелопатовой. Знакомые, зная его привычки, обыкновенно бросали карточки княжескому швейцару, заранѣе увѣренные что „генерала“ нѣтъ дома. Поэтому Степанъ Андреевичъ очень удивился, когда въ одно утро, предъ самымъ его выѣздомъ, камердинеръ доложилъ ему что нѣкто господинъ Менчицкій очень желаетъ его видѣть.

Соловцовъ такой фамиліи никогда не слыхалъ.

— Проси, сказалъ онъ съ крайнимъ неудовольствіемъ, предчувствуя что подобный визитъ можетъ быть только по денежному и во всякомъ случаѣ непріятному дѣлу.

— Чему я обязанъ вашему посѣщенію? обратился онъ къ ростовщику, какъ только тотъ, окинувъ дѣловымъ взглядомъ комнату, скромно присѣлъ на кончикъ указаннаго ему стула.

— Причина моего посѣщенія, къ сожалѣнію, очень для меня самая непріятная и щекотливая.... началъ Менчицкій, — какъ, знаете, всегда, когда есть денежное дѣло.

Соловцовъ, при столь скоромъ осуществленіи своего предчувствія, только наморщилъ лобъ.

— Я, кажется, не имѣлъ съ вами никакихъ денежныхъ дѣлъ? спросилъ онъ холодно.

— Да-съ, это правда, я не пользовался удовольствіемъ.... отвѣтилъ, непріятно улыбаясь, Менчицкій; — но тутъ одна дама.

— Дама? переспросилъ, продолжая хмуриться, генералъ.

— Да, Mme Шелопатова.

— Ну? встревожился Соловцовъ.

— Такъ, имъ нужны были деньги, и я могъ услужить имъ.... Теперь векселю срокъ кончился.... десять тысячъ.

Соловцовъ этого никакъ не ожидалъ; въ первую минуту онъ даже не повѣрилъ Менчицкому.

— Вексель при васъ? спросилъ онъ.

Коммиссіонеръ вынулъ бумажникъ, отыскалъ тамъ требуемый

документъ и подалъ генералу. Подпись Шелопатовой не допускала никакого сомнѣнія.

— Да когда же это она брала у васъ деньги? спросилъ Соловцовъ, непріятно теряясь.

— А вотъ, тутъ сказано, указалъ Менчицкій, деликатно водя ногтемъ по строкамъ документа.—Отъ 16го ноября—ровно мѣсяцъ назадъ.

Степанъ Андреевичъ, отдуваясь, сѣлъ въ кресло и сильно поскребъ пальцами по головѣ. „Это.... это однакожь много!“ могъ только мысленно воскликнуть онъ, не безъ раскаянія припоминая все то чего ему стоила Катерина Петровна въ весьма непродолжительное время. Онъ почувствовалъ такую досаду что даже прикрикнулъ на Менчицкаго:

— Однакожь почему вы съ этимъ векселемъ ко мнѣ обращаетесь? это право забавно!

Менчицкій скромно пожалъ плечами, и на губахъ его опять появилась услужливая улыбка.

— Я, конечно, не смѣлъ не предупредить ваше превосходительство, такъ какъ срокъ кончился.... объяснилъ онъ.

— То-есть, вы хотите подать ко взысканію?

— Что жь я могу больше сдѣлать? Mme Шелопатова не желаетъ платить.

— Да вѣдь вы знали и прежде что ей нечѣмъ будетъ заплатить! воскликнулъ Соловцовъ.

Менчицкій повторилъ свой любимый жестъ плечами.

— Что будете дѣлать! иногда хочешь оказать услугу.

Степанъ Андреевичъ всталъ и началъ грузно ходить по комнатѣ.

— Вы вѣдь можете отсрочить платежъ? обратился онъ къ ростовщику.

— Что жь отсрочить? ваше превосходительство сами сейчасъ сказали что Mme Шелопатова не можетъ заплатить, возразилъ тотъ.

— А у меня теперь нѣтъ денегъ, сказалъ наотрѣзъ Соловцовъ.

— О, какъ это можно, чтобъ у вашего превосходительства не было денегъ! засмѣялся Менчицкій.

— Да нѣту же, нѣту! подтвердилъ Соловцовъ, растопыривая руки, какъ будто деньги, еслибъ были, вылетѣли бы у него изъ-подъ-мышекъ.

Менчицкій грустно потупился.

— Мнѣ совершенно необходимо получить по этому векселю, сказалъ онъ.

— Да и получите, только дайте отсрочку.

— Нѣтъ, что жь отсрочку! возразилъ, понемногу омрачаясь, ростовщикъ.

Генералъ продолжалъ тяжелыми шагами мѣрить комнату.

— Сколько же вы требуете наличными деньгами? обратился онъ почти съ отчаяніемъ къ Менчицкому.

— А вотъ, тутъ написано.... объяснилъ тотъ, опять проведя ногтемъ по документу.

— Какъ, десять тысячъ? да кто жь вамъ заплатитъ сполна по этакому векселю! воскликнулъ генералъ.—Вы Mme Шелопатовой едва ли третью часть выдали!

— Нѣтъ, какъ это можно! это даже оскорбительно слышать, сказалъ съ грустнымъ достоинствомъ ростовщикъ. — Всѣ десять тысячъ сполна Mme Шелопатова получили, можно ихъ самихъ спросить.

— Ну, такъ и взыскивайте же ихъ съ нея! отвѣтилъ окончательно раздосадованный генералъ.

Менчицкій взялъ шляпу.

— Я только не смѣлъ, не предупредивъ ваше превосходительство... сказалъ онъ, кланяясь.

— Да послушайте—вѣдь вы все вздоръ говорите! остановилъ его Соловцовъ.—Ну, какого чорта вы взыщите съ нея? Я вамъ пожалуй дамъ три тысячи.

Ростовщикъ не громко засмѣялся.

— Какъ можно такъ говорить? сказалъ онъ.

— Будете съ нее взыскивать, и того не получите, убѣждалъ Соловцовъ.

— Отчего не получу? По векселю всегда можно получить, возразилъ съ увѣренностью Менчицкій.—Я знаю, Mme Шелопатова не могутъ заплатить, но другіе за нее заплатятъ.

— Что? вскричалъ Соловцовъ.

— Я говорю, что когда пойдетъ взысканіе, надо будетъ такъ сдѣлать, чтобы кто-нибудь заплатилъ.... объяснилъ Менчицкій.

Соловцову ужасно хотѣлось стукнуть своимъ большимъ кулакомъ по его головѣ; однакожь, вмѣсто того онъ опять поскребъ у себя въ затылкѣ, и послѣ минутнаго размышленія, круто повернулся на каблукахъ и спросилъ:

— Угодно вамъ обождать здѣсь нѣсколько минутъ? мнѣ надо увидѣться съ управляющимъ.

Менчицкій почтительно выразилъ готовность обождать. Генералъ сердито распахнулъ дверь и направился корридорами въ ту часть зданія которую занималъ управляющій, наканунѣ только пріѣхавшій изъ деревни.

— Ираклій Степанычъ дома? освѣдомился онъ у знакомой горничной.

— Дома-съ, отвѣтила та, улыбаясь и не торопясь дать генералу дорогу въ узенькомъ проходѣ. Но Степанъ Андреевичъ на этотъ разъ равнодушно отстранилъ ее и вошелъ въ комнату.

Ираклій Степановичъ происходилъ изъ духовнаго званія, былъ человѣкъ пожилой, черномазый, жилистый, и имѣлъ вообще внѣшность довольно грубоватую и даже неопрятную. Онъ управлялъ имѣніями Озерецкихъ съ незапамятныхъ временъ и пользовался безграничнымъ довѣріемъ княгини. Его считали человѣкомъ честнымъ, и до нѣкоторой степени онъ оправдывалъ такое мнѣніе: наживался умѣренно, будучи по природѣ нѣсколько философскаго и нелюбостяжательнаго направленія, о княжескихъ интересахъ радѣлъ, и ни на какую прямо мошенническую сдѣлку не былъ способенъ; но если купцы, постоянно забиравшіе хлѣбъ въ Лысомъ Вражкѣ, благодарили его за довѣріе—онъ благодарность принималъ, и то только въ томъ случаѣ, если благодарившій ему лично нравился.

Соловцовъ, ложимая ему руку, прямо объявилъ что пришелъ за деньгами.

— Только-что самъ хотѣлъ отнести ихъ къ вамъ; вчера только привезъ, сказалъ управляющій.

— Сколько? нетерпѣливо спросилъ Соловцовъ.

— Тысячу шестьсотъ рублей.

Генералъ раздраженно толкнулъ ногой стоявшій предъ нимъ стулъ.

— Э, что вы такое разказываете, Ираклій Степановичъ! мнѣ гораздо больше нужно, и сейчасъ.

Управляющій спокойно отставилъ стулъ и взглянулъ на Соловцова.

— Фабрика еще не дѣйствуетъ, ваше превосходительство! сказалъ онъ.—Не открыта еще.

— Какая фабрика?

— А что ассигнаціи печатаетъ.

— Эхъ, любезнѣйшій Ираклій Степановичъ, мнѣ ей-Богу не до шутокъ! вскричалъ Соловцовъ.—У меня въ кабинетѣ госпо-

динъ одинъ съ векселемъ ждетъ, какъ съ ножомъ къ горлу лѣзетъ...

Управляющій пожалъ плечами. „Что это у нихъ у всѣхъ такая мерзкая привычка пожимать плечами?“ подумалъ Степанъ Андреевичъ.

— Ужь вы мнѣ, Ираклій Степанычъ, ухитритесь десять тысячъ впередъ достать, заговорилъ онъ вслухъ, нѣсколько даже просительнымъ голосомъ.

— Экое вы слово какое сказали! возразилъ только управляющій.

Онъ вообще и съ Соловцовымъ, и даже съ княгиней держалъ себя очень фамиліарно и подъ видомъ добродушія иногда говорилъ имъ почти дерзости.

— Я вамъ докладываю, фабрика еще не готова.

— Вѣдь вы денегъ кучу привезли, я думаю? продолжалъ Соловцовъ.

— Вашихъ тысячу шестьсотъ рублей, овѣтилъ управляющій.

— Нѣтъ, вообще?...

— То-есть, какъ это вообще?

— Ну, да вы знаете что я хочу сказать, Ираклій Степанычъ, вѣдь не въ первый разъ. Вы мнѣ теперь десять тысячъ дайте и запишите на мой счетъ, а тамъ изъ моей части удержите....

— Какъ я могу изъ княжескихъ денегъ дать? возразилъ управляющій.—И то вотъ я вамъ тысячу шестьсотъ рублей даю, а на васъ въ полицейское управленіе взысканіе постулило; того и гляди вздумаютъ хлѣбъ заарестовать—этакого сраму отроду не было!

— Ну, вотъ вы всегда этакое начнете говорить.... прервалъ съ неудовольствіемъ Соловцовъ.

— Да что жь, Степанъ Андреичъ, я вѣдь сколько разъ говорилъ что надо вамъ непремѣнно съ княгиней раздѣлиться. У меня силъ больше не хватаетъ биться; изъ-за васъ отвѣтствовать могу. Хочу непремѣнно этими днями княгинѣ доложить чтобы раздѣлиться; а нѣтъ, такъ какъ хотятъ, а я брошу все. Невозможно совсѣмъ такъ продолжать!

— Да вы все свое, Ираклій Степанычъ! упрекнулъ генералъ.

— Да какъ же мнѣ иначе быть-то, ваше превосходительство? Сами посудите: имѣнье не раздѣлено, счеты запутаны, долговъ у васъ пропасть, а за княжескіе интересы я одинъ отвѣтствую. Какъ ни смотрите, а не раздѣлившись порядку никогда не

будетъ. Мнѣ и такъ чтобы вашъ доходъ вывести, за счетами цѣлыя ночи сидѣть приходится: лутаница невозможная.

— Мнѣ бы десять тысячъ теперь получить, тамъ дѣлите насъ или что хотите себѣ дѣлайте.... произнесъ почти умоляющимъ голосомъ Соловцовъ.

Управляющій рѣшительно покрутилъ головой.

— И говорить объ этомъ не стоитъ, сказалъ онъ.—Попросите княгиню—прикажутъ, въ ту же минуту отсчитаю.

Эту дорогу Соловцовъ и самъ зналъ, и зналъ также очень хорошо что ни за что не пойдетъ просить княгиню: съ людьми своего общества въ денежныхъ дѣлахъ онъ былъ до крайности щекотливъ Онъ мрачно простился съ Иракліемъ Степановичемъ и вернулся на свою половину.

— У меня положительно нѣтъ десяти тысячъ, объяснилъ онъ ожидавшему его Менчицкому.

— Что дѣлать, сказалъ тотъ, пожимая плечами и вѣжливо улыбаясь.

— Единственное что я могу предложить вамъ, продолжалъ Соловцовъ,—это переписать вексель на свое имя.

— Мнѣ это очень пріятно, отвѣтилъ ростовщикъ,—но только вексель это не деньги. На какой срокъ вы бы желали переписать?

— Да... по крайней мѣрѣ на три мѣсяца.

— Это очень долго, ваше превосходительство, съ выраженіемъ сожалѣнія отвѣтилъ Менчицкій.—Развѣ, еслибы вамъ угодно было записать вдвое....

— Какъ, двадцать тысячъ? вскричалъ Соловцовъ.

— Да, вдвое.... подтвердилъ ростовщикъ, осторожно улыбнувшись.

— Да это разбой, это.... это я не знаю что такое! вскричалъ безпомощно генералъ.—Что это за день такой проклятый мнѣ выдался!

— Это очень немного, ваше превосходительство, убѣждалъ его Менчицкій.—Извольте сами разсудить: съ Mme Шелопатовой я легко могу получить свои десять тысячъ, потому что это не такая дама чтобъ ей невозможно было это устроить; а отъ вашего превосходительства я долженъ три мѣсяца ждать, и у вашего превосходительства столько долговъ что при разчетѣ трудно будетъ даже полтину за рубль получить; какая же послѣ этого моя выгода?

У Соловцова даже дрожь прошла по тѣлу: такъ ему основателенъ показался разчетъ Менчицкаго.

— У васъ съ собой, конечно, есть вексельная бумага? спросилъ онъ.

— Да, это есть, отвѣтилъ предусмотрительный коммиссіонеръ и вынулъ изъ бумажника бланкъ хорошо знакомаго генералу рисунка.

Соловцовъ подвинулъ бланкъ къ себѣ, помакнулъ перо въ чернила и однимъ духомъ написалъ требуемую формулу, затѣмъ размашисто расчеркнулся и присыпалъ листокъ золотымъ пескомъ.

— Вексель Шелопатовой? потребовалъ онъ сердито, и размѣнявшись съ Менчицкимъ листками, отвѣтилъ сухимъ кивкомъ на его почтительные поклоны.

„Деньгъ, чортъ возьми!“ проговорилъ онъ громко, оставшись одинъ.

Денежныя затрудненія были единственнымъ острымъ угломъ, которымъ жизнь чувствительно задѣвала Степана Андреевича.

IX. Предъ выходомъ въ широ.

Зайдя за уголъ княжескаго дома, Менчицкій на минуту пріостановился, усмѣхнулся, погладилъ усы, поцулалъ зачѣмъ-то боковой карманъ, въ которомъ пріятно отдувался обогащенный новымъ документомъ бумажникъ, и повернулъ въ улицу гдѣ жила Шелопатова. Катерина Петровна уже съ часъ нетерпѣливо ожидала его и сама встрѣтила его въ прихожей.

— Ну? односложно освѣдомилась она, оглядывая его съ ногъ до головы бѣгающимъ взглядомъ.

— Все какъ нельзя лучше, поспѣшно успокоилъ ее Менчицкій и прошелъ вслѣдъ за нею въ гостиную.

— Покажите, сказала взволнованно Шелопатова, близко садясь подлѣ него.

Менчицкій досталъ только-что подписанный Соловцовымъ вексель и развернулъ его предъ Шелопатовой. Та быстро прочла его.

— А передаточная надпись? спросила она.

— А вексель отъ васъ на мое имя? отвѣтилъ тотъ въ свою очередь вопросомъ.

— Ахъ, какой вы педантъ! сказала съ небольшою гримаской молодая женщина.—Ну, давайте бланкъ.

Менчицкій тѣмъ же порядкомъ извлекъ изъ своего обширнаго бумажника новый бланкъ.

— На тысячу? проговорила Шелопатова, берясь за перо.

— На двѣ, кратко и твердо поправилъ ее коммиссіонеръ.

Шелопатова поморщившись подписала бланкъ и размѣнялась векселями съ Менчицкимъ.

Читателю, быть-можетъ не вполнѣ выяснившему себѣ скрытую въ этихъ маленькихъ происшествіяхъ интригу, авторъ находитъ необходимымъ объяснить что все разказанное на послѣднихъ страницахъ было счастливымъ продуктомъ взаимной изобрѣтательности Шелопатовой и Менчицкаго. Послѣднему принадлежала основная идея, а первой—развитіе ея и разработка во всѣхъ подробностяхъ и извилинахъ. Никакихъ десяти тысячъ, само собою разумѣется, Шелопатова у Менчицкаго не брала. Задавшись цѣлію пріобрѣсть на Соловцова значительныя обязательства, она написала своему достойному союзнику вексель на упомянутую сумму, обезпечивъ его предварительно соотвѣтствующимъ документомъ отъ Менчицкаго, и мы видѣли къ какимъ удачнымъ результатамъ послужилъ этотъ клочокъ бумаги въ ловкихъ рукахъ коммиссіонера. Какою окончательною цѣлью руководилась во всемъ этомъ Mme Шелопатова и какими средствами она разчитывала учесть свои векселя, объяснится съ дальнѣйшимъ ходомъ этого повѣствованія, а покамѣсть достаточно замѣтить что заручившись новымъ документомъ, который вмѣстѣ съ прежнимъ, выданнымъ ей Соловцовымъ будто бы для разчета съ мужемъ, представлялъ сумму въ тридцать тысячъ; заручившись этими документами, Катерина Петровна нашла что половина дѣла уже сдѣлана и что остальное будетъ зависѣть отъ ея личной опытности и искусства.

— Такъ мы съ вами кончили? обратилась она къ Менчицкому, находя что дальнѣйшее пребываніе его въ ея гостиной не представляетъ для нея никакого интереса.

Но Менчицкій, напротивъ, думалъ что можетъ передать ей еще нѣчто весьма интересное.

— Въ эту ночь Ильяшева отецъ умеръ, сообщилъ онъ значительнымъ тономъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? переспросила Катерина Петровна, дѣйствительно заинтересованная этимъ извѣстіемъ.

— Да, и это очень большая перемѣна въ судьбѣ Ильяшева, подтвердилъ Менчицкій.—Очень хорошее состояніе сынъ получаетъ, добавилъ онъ для ясности.

— Очень хорошее, вы говорите?

— Тысячъ на семьдесятъ или восемьдесятъ всего будетъ, съ увѣренностью опредѣлилъ коммиссіонеръ.—И для молодаго человѣка, вы понимаете, есть изъ чего бросить туда и сюда, досказалъ онъ свою мысль.

Но Катерина Петровна, полагавшая что она лучше знаетъ Ильяшева, не выразила этой мысли никакого сочувствія. Она понимала что Ильяшевъ не изъ тѣхъ которые, получивъ внезапно относительное богатство, не знаютъ что̀ съ нимъ сдѣлать и рады первому случаю протереть глаза наслѣдственнымъ делозиткамъ. Перемѣна въ судьбѣ Ильяшева вызывала въ ней другія, болѣе серіозныя соображенія—но ими она вовсе не располагала дѣлиться съ Менчицкимъ.

Вечеромъ въ этотъ день она выдержала продолжительное и нѣсколько даже страстное объясненіе съ Соловцовымъ. Достойнѣйшій генералъ былъ настолько деликатенъ что въ какихъ бы отношеніяхъ ни стоялъ къ женщинѣ никогда не позволилъ бы себѣ ни малѣйшаго упрека въ дѣлѣ имѣющемъ финансовую сторону; и еслибы заглянуть глубже въ его несовременную и во многихъ отношеніяхъ романтическую душу, то едва ли не пришлось бы убѣдиться что мнимая растрата десяти тысячъ Катериной Петровной втайнѣ даже плѣняла его, какъ нѣчто имѣющее своего рода блескъ и шикъ, къ которымъ Степанъ Андреевичъ всегда былъ неравнодушенъ. Но непріятное, слишкомъ свѣжее столкновеніе съ Менчицкимъ и неизгладившееся еще сознаніе шаткости своихъ денежныхъ средствъ производили на него раздражающее дѣйствіе, подъ вліяніемъ котораго объясненіе съ Катериной Петровной приняло болѣе оживленный характеръ, чѣмъ слѣдовало ожидать, зная натуру Степана Андреевича. Молодая женщина плакала, хрустѣла блѣдными пальчиками, изливалась въ упрекахъ, имѣвшихъ до крайности спутанный и непонятный для генерала смыслъ; произнесены были нѣкоторыя слова болѣзненно прозвучавшія въ ушахъ Степана Андреевича и затронувшія его наиболѣе чувствительныя и щекотливыя струны. Къ концу все это прояснилось, впрочемъ лишь настолько насколько проясняется послѣ грозы вечернее небо, оставляя неразгаданною сокрытую силу

электричества; но во всякомъ случаѣ этотъ вечеръ въ послѣдствіи Со ловцовъ относилъ всегда къ своимъ лучшимъ воспоминаніямъ.

Для Ильяшева этотъ день былъ не менѣе полонъ заботъ и впечатлѣній. Вернувшись утромъ домой, онъ вынулъ изъ кармана банковые билеты и пересчиталъ ихъ еще разъ, и поставивъ локти на столъ, опустилъ голову на разжатыя ладони. Мысли у него кружились отъ наплыва сильныхъ, новыхъ, тревожныхъ ощущеній. Какъ въ тотъ день когда онъ въ первый разъ узналъ отъ Менчицкаго приблизительную цифру своего будущаго состоянія, такъ и теперь, далекая ширь развертывалась предъ его возбужденными мечтами и лихорадочно раздражала его. Жизнь еще разъ подвинула его сильнымъ толчкомъ; онъ перешагнулъ черезъ бѣдность, зависимость, черезъ отца.... Что-то еще стояло однакожь предъ нимъ на дорогѣ, и требовалось еще новое, большое, трудное усиліе чтобы перешагнуть черезъ послѣднее прелятствіе. Онъ нащупалъ въ карманѣ сложенный листъ бумаги, медленно развернулъ его и прочелъ съ начала до конца. Мысли опять тревожно забились въ его головѣ, но по мѣрѣ того какъ онъ читалъ, нѣкоторыя весьма опредѣленныя соображенія логически сложились въ его умѣ. Конечно, еслибъ онъ хотѣлъ руководствоваться обыкновенною, формальною правдой, ему слѣдовало бы отдать теткѣ этотъ документъ, вмѣстѣ съ Вахновкой. Но эта формальная, узкая правда должна ли управлять его дѣйствіями? Общество построенное на этой самой правдѣ не представляетъ ли множества обветшалыхъ насильственно-навязанныхъ формъ, стѣсняющихъ разумное развитіе? Цѣнность капитала зависитъ отъ количества потребностей; а какія потребности у тетки? Не будетъ ли она совершенно счастлива, получая опредѣленное, ежегодное содержаніе, которое онъ ей назначитъ? И насколько еще правъ былъ отецъ, отдавая ей Вахновку? Развѣ деньги на которыя она куплена не украдены у дѣтей, не накоплены на счетъ ихъ собственнаго благосостоянія.

Эта мысль даже разгорячила Ильяшева; онъ припомнилъ лишенія въ которыхъ протекла его молодость, и ѣдкое, злобное чувство зашевелилось въ немъ Не слишкомъ ли уже достаточно тѣхъ вынужденныхъ жертвъ которыя принесены имъ? Тупая, неоправданная злоба тетки не была ли въ значительной степени причиной холодныхъ отношеній къ нему отца? И вотъ послѣдняя, быть-можетъ извнѣ нашептанная, воля отца отнимаетъ у него почти половину состоянія, накопленнаго цѣною

лавшихъ на него лишеній—и зачѣмъ же? Чтобы бросить этотъ вымученный кусокъ безтолково-злой старухѣ, которой онъ едва ли не обязанъ своею горькою молодостью.

Чѣмъ болѣе думалъ онъ, сидя съ упавшею на руки головой предъ листомъ дарственной записи, тѣмъ болѣе разгорался злобнымъ и мстительнымъ чувствомъ. Онъ уже рѣшилъ что не уступитъ теткѣ ни одного клочка Вахновки; ему даже казалось необходимымъ поставить ее въ такое положеніе, чтобъ она испытывала до конца жизни полную зависимость отъ его милостей. А на всякій случай, еслибы рано или поздно притупилась наполнявшаяся его злоба и уступила мѣсто другому чувству—Вахновка оставалась въ его рукахъ, а онъ во всякое время могъ поправить шагъ на который въ настоящую минуту твердо рѣшился.

Онъ черкнулъ спичкой, зажегъ свѣчу и поднесъ къ ней уголокъ дарственной записи. Листокъ мгновенно и ярко вспыхнулъ; молодой человѣкъ отворилъ печную дверку и спокойно бросилъ туда лылавшую бумагу. Потомъ, съ ощущеніемъ неодолимой усталости онъ бросился не раздѣваясь на диванъ, и послѣ безсонной ночи, наполненной тревожными впечатлѣніями, заснулъ какъ убитый на нѣсколько часовъ.

Проснувшись уже далеко послѣ полудня, онъ почувствовалъ себя освѣженнымъ и бодрымъ, спросилъ себѣ завтракъ и, переодѣвшись, поѣхалъ къ сестрѣ. Тѣло отца, уродливо наряженное въ мундиръ, лежало въ залѣ на столѣ; пономарь гнусливымъ голосомъ читалъ надъ нимъ, безпрестанно подкрѣпляясь около столика, приставленнаго тутъ же въ углу. Паша сидѣла въ другой комнатѣ у закрытаго шторой окна, прислушиваясь къ однообразному голосу пономаря и не замѣчая какъ слезы мѣрно, одна за другою, текли по ея щекамъ и капали на упавшій на колѣни платокъ. Ильяшевъ подсѣлъ къ ней и тихонько взялъ ее за руку.

— Паша, какъ же ты думаешь теперь устроиться? спросилъ онъ.

Сестра подняла на него глаза, какъ бы не совсѣмъ понимая что онъ хотѣлъ сказать.

— Я не знаю, согласишься ли ты жить со мною? пояснилъ братъ.

Паша не находилась что отвѣтить. Она еще не задавала себѣ этого вопроса; она вообще ни разу не подумала еще о томъ что необходимо было рѣшить теперь.

— А ты не переѣдешь опять сюда? мнѣ не хотѣлось бы выходить изъ этого дома, сказала она.

— Нѣтъ, мнѣ здѣсь неудобно было бы жить; и я даже не знаю долго ли останусь вообще въ N*, отвѣтилъ Ильяшевъ

— Куда же ты думаешь ѣхать? спросила Паша.

— Въ Петербургъ, объяснилъ братъ.

Паша молча смотрѣла въ окно, сквозь узкую щель, оставленную шторой. Она начала догадываться что со смертью отца рушилась вся та жизнь, или по крайней мѣрѣ всѣ тѣ формы жизни къ которымъ она привыкла и внѣ которыхъ ничего не знала. Что-то черствое почувствовала она на сердцѣ, точно его сжимала чья-то рука.

— Я бы не хотѣла уѣзжать изъ этого дома, повторила она.

— А я далъ себѣ слово ни въ чемъ не противорѣчить тебѣ, сказалъ Ильяшевъ.—И кстати что зашелъ разговоръ объ этомъ дѣлѣ: отецъ не оставилъ намъ завѣщанія, и намъ надо самимъ раздѣлиться между собою.

Тетка, носившая всегда черныя платья, и потому не нашедшая нужнымъ перемѣнить на этотъ разъ свой ежедневный костюмъ, при послѣднихъ словахъ вошла въ комнату и присѣла нѣсколько поодоль отъ брата и сестры.

— Я еще и не думала объ этомъ, сказала Паша.

— А между тѣмъ, это надо рѣшить теперь же, настаивалъ Ильяшевъ.—Какъ тебѣ извѣстно, продолжалъ онъ, подавляя нѣкоторое внутреннее волненіе,—наше общее наслѣдство состоитъ изъ сорока тысячъ банковыми билетами, дома и Вахновки....

Тетка при этомъ имени сдѣлала безпокойное движеніе; Ильяшевъ, не обращая на это вниманія, продолжалъ:

— По закону, тебѣ принадлежитъ четырнадцатая часть недвижимаго имущества и восьмая движимаго; но такъ какъ ты выразила сейчасъ желаніе не разставаться съ этимъ домомъ, то я согласился бы предоставить его тебѣ вполнѣ, на твою часть. Это во всякомъ случаѣ гораздо болѣе, чѣмъ сколько ты получила бы по судебному раздѣлу....

— Ахъ, мнѣ все равно, проговорила Паша, отворачиваясь къ окну.

Тетка вдругъ поднялась въ своемъ углу и подошла къ Ильяшеву.

— А я-то какъ же буду? воскликнула она, глядя на него съ застывшимъ выраженіемъ испуга.

— Мы покамѣстъ толкуемъ о наслѣдствѣ, а вы вѣдь не на-

слѣдница, возразилъ спокойно Ильяшевъ. — Но мы, конечно, позаботимся васъ устроить.

— Вахновку-то покойный братецъ мнѣ подарилъ! воскликнула съ тѣмъ же потерянным выраженіемъ тетка.

Ильяшевъ сдѣлалъ удивленные глаза.

— Мнѣ это неизвѣстно, сказалъ онъ. — У васъ есть документъ?

— Какой документъ, когда съ самаго начала онъ и покупалъ-то ее для меня, старость мою обезпечить хотѣлъ! продолжала тетка, всплеснувъ руками.

— Я этого рѣшительно ничего не знаю, повторилъ Ильяшевъ, играя уголками губъ, какъ будто хотѣлъ скрыть насмѣшливую улыбку. У тетки губы тоже начало слегка подергивать.

— Нѣту у меня документа, нѣту! вскричала она, и вдругъ скрививъ лицо, опустилась на стулъ.—Осталась я на старости какъ птица небесная—ни кола, ни двора, ни пристанища! доѣхали меня люди добрые!

— Я вѣдь не отказываюсь обезпечить васъ такъ чтобы вы ни въ чемъ не нуждались, сказалъ Ильяшевъ. Ему неловко было что вся эта сцена происходила предъ Пашей.

Тетка только всхлипывала и махала руками.

— Не надо мнѣ твоихъ милостей, по-міру лучше пойду на старости лѣтъ. Ѣшь мой хлѣбъ, ѣшь, подавишься! кричала она въ отчаяніи. — Думалъ покойникъ лучше устроить — вотъ оно какъ хорошо вышло. Денежки-то тамъ мои кровныя лежатъ, въ Вахновкѣ; самъ покойникъ-то присовѣтовалъ, говорилъ:—купимъ вмѣстѣ имѣньице, послѣ моей смерти уголъ у тебя свой будетъ, никому кланяться не будешь.

— У васъ есть доказательства что вы давали покойному отцу свои деньги? спросилъ спокойно Ильяшевъ.

— Росписки я съ него брала, какъ же! Не такъ мы съ нимъ жили, не по-нонѣшному; нонѣ сынъ съ отца векселъ возьметъ.

Молодой человѣкъ пожалъ плечами.

— Какъ же вы хотите чтобъ я основывался на однихъ словахъ! сказалъ онъ.

У Паши во время этого разговора то вспыхивали, то пропадали на лицѣ красныя пятна. При послѣднихъ словахъ она быстро повернулась къ брату.

— Лёва, ты говоришь, этотъ домъ мой будетъ?

— Да, если ты согласна на мой планъ раздѣла....

— Ну, такъ о чемъ же вы, тётя? быстро обратилась Паша

къ старухѣ.—Есть у насъ, значитъ, свой уголъ, и будетъ чѣмъ прожить....

„Такъ я и думалъ съ самаго начала“, мысленно заключилъ Ильяшевъ и оставилъ женщинъ однихъ.

Но въ слѣдующей комнатѣ сестра вдругъ нагнала его.

— Лёва, ты вѣдь отдашь тётѣ эти деньги? спросила она тихо, и нерѣшительно положила руку ему на плечо.

— Какія деньги? переспросилъ, нахмурившись, братъ.

— Да о которыхъ она говорила....

— Ахъ, Паша, какія наивности! возразилъ Ильяшевъ, пожимая плечами.

— Нѣтъ, Лёва, серіозно; вѣдь нечестно будетъ не возвратить ихъ ей.... продолжала дѣвушка.

— Но чѣмъ же я могу убѣдиться что она дѣйствительно давала отцу деньги?

— Ты думаешь, она неправду говоритъ?

— Я ничего не думаю, я просто жду доказательствъ, возразилъ Ильяшевъ.

— Но мнѣ кажется что и безъ доказательствъ, если есть хотя малѣйшее вѣроятіе....

— Паша, ты жизни совсѣмъ не знаешь и въ подобныхъ дѣлахъ ничего не можешь смыслить; и вообще — этотъ разговоръ мнѣ крайне непріятенъ, сказалъ съ нѣкоторою рѣзкостію Ильяшевъ и отстранилъ руку сестры, все еще лежавшую на его плечѣ.

Паша сдвинула свои тонкія бровки, и какое-то темное облако пробѣжало въ ея глазахъ.

— Какъ знаешь, Лёва.... проговорила она, пряча подъ шерстянымъ платкомъ руки.

Ильяшеву почувствовалось что-то строгое въ ея голосѣ и взглядѣ; онъ догадался что съ этой минуты сестра будетъ отъ него далеко.... очень далеко....

„Но что жъ? она мнѣ почти что и не нужна болѣе“, успокоилъ онъ себя мысленно.

X. Кошкѣ смѣхъ, а мышкѣ слёзы.

Прошло двѣ или три недѣли со времени разказанныхъ нами сценъ и происшествій. Ильяшевъ по случаю траура не показывался въ обществѣ и пропустилъ нѣсколько раутовъ у княгини Озерецкой, не безъ большаго однакожь сожалѣнія, потому

что эти рауты въ началѣ сезона отличались всегда большимъ оживленіемъ и многолюдствомъ. Онъ отказался также наотрѣзъ отъ участія въ любительскомъ спектаклѣ, который вновь затѣвала Mme Нельгунова—и по этому случаю между ними произошла даже размолвка, такъ какъ Нельгуновой вдругъ вздумалось посентиментальничать и требовать отъ своего обожателя жертвы. Ильяшевъ, впрочемъ, не придалъ этой размолвкѣ никакого значенія: онъ въ послѣднее время очень охладѣлъ къ губернской львицѣ. Но Нельгунова приняла размолвку нѣсколько иначе: она успѣла привыкнуть къ Ильяшеву, и теперь вдругъ, при удобномъ случаѣ, пожелала почувствовать все значеніе принесенной ему жертвы. Явились слезы, упреки; была сдѣлана даже попытка на легкую истерику. Ильяшевъ, которому трауръ оставлялъ много свободнаго времени, находилъ что немножко драматизму ничему не мѣшало, и безъ особеннаго принужденія принялъ предложенную Нельгуновой игру.

— Вотъ, я скоро совсѣмъ избавлю васъ отъ всѣхъ непріятностей и слезъ, пугнулъ онъ ее, намекая на предполагаемый отъѣздъ изъ N.

Нельгунова покосилась на него изъ-подъ батистоваго платка, подъ которымъ прятала свои заплаканные глаза.

— Что это значитъ? проговорила она, въ недобромъ предчувствіи.

— Это значитъ что меня скоро не будетъ здѣсь, объяснилъ съ нѣкоторымъ даже чувствомъ Ильяшевъ.

— Вы уѣзжаете? спросила уже совсѣмъ упавшимъ голосомъ Нельгунова.

— Что дѣлать! возразилъ молодой человѣкъ, и зачѣмъ-то даже пожалъ плечами.

Въ уютной комнаткѣ, гдѣ они сидѣли, вдругъ стало совсѣмъ тихо. Батистовый платокъ вмѣстѣ со сжимавшею его пухленькою ручкой упалъ на колѣни; Нельгунова не плакала, а только некрасиво раздвинула свои полненькія губки и смотрѣла куда-то мимо Ильяшева тусклыми, красными глазами. Молодому человѣку какъ будто даже неловко стало: некрасивое горе ея казалось неподдѣльнымъ.

— Что же дѣлать? повторилъ онъ, придвинувшись къ ней.— Ты понимаешь что оставаясь въ губернскомъ городѣ, я ничего не достигну; надо же когда-нибудь позаботиться о своей участи!

Нельгунова слегка отстранилась отъ него плечомъ и продолжала щипать кружевную отдѣлку платка.

— Но тебя здѣсь всѣ такъ любятъ, и Илья Александровичъ такъ расположенъ къ тебѣ.... проговорила она.

Намекъ на губернаторское покровительство показался Ильяшеву въ настоящемъ случаѣ непріятнымъ; однакожь онъ счелъ за лучшее пропустить его безъ вниманія.

— Да еслибъ я слѣдовалъ лишь своему личному влеченію, я ничего лучше не желалъ бы, какъ остаться здѣсь, съ тобою, заговорилъ онъ съ чувствомъ; — но надо же подумать о будущемъ! Что у меня здѣсь впереди? вѣдь даже чтобъ въ вицъ-губернаторы выйти, надо непремѣнно завязать сношенія въ Петербургѣ.

Нельгунова ничему этому не повѣрила, тѣмъ болѣе что и не совсѣмъ понимала Ильяшева; у нея явилась даже довольно странная мысль.

— Да, я знаю что все это значитъ, я знаю! У тебя прежняя любовь есть въ Петербургѣ, и.... и ты вѣрно узналъ что Ильѣ Александровичу какая-нибудь непріятность предстоитъ! воскликнула она, опять некрасиво раздвинувъ свои пухленькія губки.

„Чортъ знаетъ что это такое!“ мысленно возропталъ Ильяшевъ, и ему даже обидно стало за себя, когда припомнилъ что одно время не на шутку увлекался Нельгуновой.

— Вы даже не понимаете какъ оскорбительно такое предположеніе! возразилъ онъ, ложавъ плечами.

— А мнѣ не оскорбительно что ты вдругъ бросаешь меня? Я не понимаю, я дура! воскликнула Нельгунова, хрустя своими бѣленькими пальчиками. — Я только то понимаю что для этихъ твоихъ цѣлей вовсе не надо переѣзжать въ Петербургъ, а только съѣздить на время, похлопотать тамъ какъ-то, и сейчасъ все сдѣлаютъ.

— Да я вовсе и не говорю что совсѣмъ уѣзжаю, и даже отчасти отъ тебя будетъ зависѣть продолжительность моей поѣздки, возразилъ Ильяшевъ.

Нельгунова недовѣрчиво взглянула на него заплаканными глазами.

— Какъ это еще отъ меня будетъ зависѣть? спросила она нѣсколько будирующимъ тономъ.

— Приструнь хорошенько Илью Александровича чтобы похлопоталъ за меня, вотъ и все, объяснилъ Ильяшевъ.—У него

тамъ связи—пусть хорошенько напишетъ обо мнѣ пріятелямъ, которые повліятельнѣе — да не офиціально, не на губернаторскомъ бланкѣ, а совершенно интимно, чтобы помогли мнѣ не въ службу, а въ дружбу! Тогда мнѣ тамъ только повертѣться стóитъ, и все сдѣлается, и я назадъ прикачу.

— Что жь, если Илью Александровича попросить, онъ это непремѣнно сдѣлаетъ, разсудила Нельгунова. Она чтобъ услужить теперь Ильяшову, готова была бы даже губернаторскую подпись поддѣлать. — Я, кажется, никогда не отказывала тебѣ ни въ какихъ услугахъ, добавила она и на этотъ разъ поднесла къ глазамъ носовой платокъ.

На другой день губернаторъ призвалъ къ себѣ Ильяшева и, выразивъ соболѣзнованіе по поводу постигшей его утраты, самъ первый распространился о невыгодѣ провинціальной службы и заманчивости министерской карьеры.

— У васъ, я слышалъ, и средства теперь собственныя есть? освѣдомился онъ между прочимъ.

Ильяшевъ подтвердилъ.

— Въ Петербургѣ это важная вещь, разсудительно замѣтилъ губернаторъ.—Показываться въ обществѣ, пригласить иногда къ Донану, сдѣлать хорошенькій подарокъ женщинѣ.... Это очень важно, подтвердилъ онъ и даже причмокнулъ губами, что всегда дѣлалъ, когда распространялся о пріятностяхъ петербургской жизни.

Ильяшевъ заикнулся о рекомендаціяхъ.

— Я ужь обдумалъ кому и какъ написать; предъ отъѣздомъ зайдите ко мнѣ, и я увѣренъ что мои письма будутъ вамъ очень полезны, обнадежилъ его губернаторъ.

„Принципалъ мой, кажется, самъ очень радъ сбыть меня съ рукъ“, подумалъ Ильяшевъ, возвращаясь отъ него домой.

Едва онъ поднялся на свое крылечко, какъ за спиной его вдругъ выросла огромная фигура Ижемскаго, чуть ли не поджидавшаго его около дома. Искатель „занятій“ былъ облеченъ все въ ту же рыжую шубу, на этотъ разъ до того промерзшую что отъ нея въ передней повалилъ густой паръ, соединенный съ какимъ-то непріятнымъ и чрезвычайно крѣпкимъ запахомъ.

— Освѣдомился о перемѣнѣ, позволилъ себѣ зайти. Имѣю честь поздравить, проговорилъ онъ, неуклюже влѣзая въ дверь и такъ стукнувшись плечомъ о притворенную половинку что она затрещала.

— Садитесь, пригласилъ не безъ нѣкотораго недоумѣнія Ильяшевъ, не особенно обрадованный посѣщеніемъ.

Гость сѣлъ и спокойно оглядѣлъ комнату.

— Хорошенькая квартирка, произнесъ онъ какъ-то странно подымая и понижая брови.—Сколько платите?

Ильяшевъ удовлетворилъ его любопытству.

— Дорого чертовски стали драть эти канальи домовладѣльцы; перепороть бы ихъ всѣхъ березовыми вѣниками, замѣтилъ Ижемскій.

Вы думаете? спросилъ улыбаясь Ильяшевъ.

— Что тутъ думать? Ясное дѣло—перепороть! подтвердилъ спокойно гость.

— А у меня у самого тутъ домъ есть, поддразнилъ его Ильяшевъ.

Ижемскій вдругъ громко захохоталъ и даже слегка скользнулъ ладонью по колѣну молодаго человѣка.

— Ха-ха, поддѣли, вотъ такъ поддѣли! веселился онъ. — Ну, да я такой человѣкъ что отъ слова не отступлю; я и васъ готовъ выпороть, чтобъ отъ слова не отступить!

„Этому скоту надо мѣсто указать", подумалъ Ильяшевъ и сдѣлалъ серіозное лицо.

— Подайте мнѣ пожалуста стаканъ воды, вонъ тамъ въ углу графинъ стоитъ, отнесся онъ къ нему самымъ обыкновеннымъ тономъ.

Ижемскій посмотрѣлъ на него, какъ-то неопредѣленно крякнулъ, вытеръ носъ обшлагомъ, однакожь налилъ воды и подалъ. Ильшевъ отхлебнулъ одинъ глотокъ и поставилъ стаканъ на столъ.

— Вы занятій себѣ не пріискали еще? спросилъ онъ адвоката.

— Какого чорта ихъ сыщешь! отвѣтилъ тотъ внезапно омрачаясь.—Я вотъ именно имѣлъ въ виду что какъ у васъ лаваша скончались....

— Ну?

— Такъ въ уѣздный судъ прошеньице надо приготовить о признаніи яко бы наслѣдниками къ движимому и недвижимому.

— Это у меня безъ васъ сдѣлается, возразилъ Ильяшевъ.

— Что же вамъ самимъ изъ-за такой мелочи лачкаться! приставалъ Ижемскій.

Ильяшевъ, не отвѣчая, всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Да вы скажите мнѣ ясно, что вы за птица такая? обра-

тился онъ вдругъ къ Ижемскому. Тотъ даже оторопѣлъ нѣсколько.

— Гдѣ вы служили? за что васъ выгнали? что вы смыслите? холостой? женатый? закидалъ его вопросами Ильяшевъ.

Ижемскій все это тотчасъ и съ видимымъ удовольствіемъ объяснилъ. Выходило что несчастіе его жизни заключалось въ строптивости, изъ-за которой много терпѣлъ, потому что всегда шелъ на контры съ начальствомъ; женой не обзаводился, потому что насчетъ женскаго пола очень переборчивъ.

— Ну а въ дѣлахъ какихъ вы собственно правилъ придерживаетесь? продолжалъ допрашивать Ильяшевъ.

— То-есть, въ какомъ отношеніи? не понялъ Ижемскій.

— То-есть въ такомъ что если я вамъ поручу двадцать-лять рублей на почту отправить, вы ихъ отправите?

— Отправлю, отвѣтилъ нѣсколько обидѣвшись Ижемскій.

— А если я вручу вамъ пятьдесятъ рублей, чтобы сунуть ихъ съ глазу на глазъ чиновнику, вы сколько сунете?

Ижемскій нахмурился и не отвѣтилъ.

— Вы не обижайтесь, успокоилъ его Ильяшевъ,—я вѣдь не для шутки допрашиваю: я можетъ-быть васъ съ собой въ Петербургъ возьму.

— Въ Петербургъ? встрепенулся съ какимъ-то даже испугомъ Ижемскій.

— Ну да. А вамъ можетъ-быть въѣздъ въ столицу запрещенъ?

Ижемскій, у котораго отъ приглашенія Ильяшева начиналъ въ головѣ словно хмѣль похаживать, на послѣдній вопросъ только весело разсмѣялся.

— Ну, а теперь прощайте, оборвалъ вдругъ Ильяшевъ, быстро повернувъ на коблукахъ и, поколебавшись съ секунду, протянулъ своему будущему chargé d'affaires руку.

Вечеромъ въ этотъ день онъ собрался было поѣхать къ Шелопатовой, у которой частенько бывалъ въ послѣднее время, какъ вдругъ за нимъ пришли отъ Нельгуновой. Посланный столкнулся съ нимъ въ передней, такъ что отговориться было неудобно; нечего дѣлать, пришлось поѣхать.

Нельгунова встрѣтила его раздраженная, въ слезахъ, и тотчасъ на него накинулась.

— Ты меня обманулъ, ты совсѣмъ уѣзжаешь отсюда! Илья Александровичъ сейчасъ былъ у меня и все разказалъ мнѣ, кричала она, не замѣчая даже что лакей, докладывавшій объ Ильяшевѣ, не успѣлъ выйти изъ комнаты.

Молодой человѣкъ пожалъ плечами и не выпускалъ изъ рукъ шляпы.

— Что же вы ничего не говорите? Вамъ сказать нечего! воскликнула, вспыхнувъ, Нельгунова.

— Вы этимъ шумомъ только компрометтируете себя, напомнилъ ей Ильяшевъ.

— Очень я стану объ этомъ заботиться! Я нарочно буду на весь городъ кричать, чтобъ всѣ знали какой вы низкій человѣкъ! продолжала Нельгунова, добираясь до самыхъ высокихъ нотъ.

— Не вамъ же отъ этого будетъ лучше, возразилъ Ильяшевъ.

— И не вамъ тоже, и не вамъ! кричала Нельгунова.—Ужь Илья Александровичъ не напишетъ за васъ, не я буду если напишетъ!

Молодой человѣкъ вторично пожалъ плечами, поставилъ шляпу на столъ и сѣлъ подлѣ Нельгуновой.

— Душа моя, выслушай меня спокойно, началъ онъ.

И Нельгунова, какъ ни мало была расположена къ тому, не только выслушала его, но и повѣрила почти всему что онъ сказалъ ей. Она повѣрила даже что вся цѣль поѣздки въ Петербургъ заключается въ томъ чтобъ устроиться прочно и независимо, и такимъ образомъ самого Илью Александровича спустить ло боку. Къ концу вечера она уже почти считала своего вѣроломнаго друга губернаторомъ.

„Возня съ этими бабами“, думалъ Ильяшевъ, пробираясь темными улицами домой.

XI. Отпрыскъ княжескаго рода.

Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, щегольскія двумѣстныя сани, запряженныя парою дорогихъ лошадей, подкатили къ подъѣзду дома въ которомъ жилъ Ильяшевъ. Въ саняхъ сидѣли двое: хорошенькій мальчикъ лѣтъ семнадцати, съ бойкимъ, хотя не чуждымъ нѣкоторой глуповатости, лицомъ, и пожилой человѣкъ несомнѣнно нѣмецкой наружности. Оба они вмѣстѣ сошли на троттуаръ, причемъ пожилой господинъ, вылѣзая изъ саней, благоразумно придержался и за полость, и за складку кучерскаго кафтана.

— Дома? обратился юноша къ отворившему дверь лакею.— Принимаетъ?

Лакей пригласилъ войти. Юноша вынулъ изъ кармана щегольской портфейльчикъ, досталъ оттуда карточку и вручилъ ее лакею.

— Это что же-съ? спросилъ озадаченный лакей.

— Доложи! объяснилъ юный визитёръ, презрительно усмѣхнувшись лакейской необразованности.

Ильяшевъ тоже съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ взглянулъ на карточку, на которой прочелъ: Prince Boris Ozérétzky. Въ первую минуту онъ даже понять не могъ кто это такой и насилу уже вспомнилъ о молодомъ князькѣ.

— Bonjour; comment allez vous? развязно привѣтствовалъ его prince Boris, входя въ залъ и ломахивая изящнымъ хлыстикомъ; его кто-то увѣрилъ что входить въ холостую квартиру съ хлыстикомъ—très chic. Генрихъ Яковлевичъ, котораго читатель вѣроятно узналъ въ княжескомъ спутникѣ, вошелъ тоже развязно и тоже сказалъ: bonjour, смягчая на нѣмецкій ладъ согласныя. Ильяшевъ усадилъ обоихъ и съ первой же минуты рѣшительно не зналъ чѣмъ занять неожиданныхъ гостей; къ счастью, князекъ былъ не изъ робкихъ, и завалившись въ креслѣ, тотчасъ принялся болтать, покачивая носкомъ лакированной ботинки.

— Меня maman къ вамъ присаала выразить соболѣзнованіе по поводу вашей потери; я очень обрадовался этому случаю, потому что давно желалъ съ вами ближе познакомиться. Притомъ я одинъ муцина въ нашемъ семействѣ, и за мной былъ вашъ визитъ. Но вы очень давно не были у насъ, очень давно, и наши даже вспоминали о васъ.

Ильяшевъ объяснилъ что носитъ трауръ и потому до сихъ поръ нигдѣ не показывался.

— Ахъ да, сообразилъ князекъ.—Впрочемъ, на вашемъ мѣстѣ я не соблюдалъ бы этихъ глупостей, quoique c'est très reçu dans notre société. Но вѣдь послушайте, dites-moi de grâce, какое теперь наше société? Entre nous soit dit, его въ послѣднее время узнать нельзя: настоящей noblesse, des stolbovoï, стало какъ-то ужасно мало, а des parvenus, напротивъ, такъ много что поневодѣ ихъ вездѣ стали принимать.

Ильяшевъ на весь этотъ потокъ отроческаго краснорѣчія рѣшительно не нашелся что сказать и только машинально взглянулъ на Генриха Яковлевича; но Генрихъ Яковлевичъ тоже ничего не сказалъ, а напротивъ глядѣлъ на Ильяшева такимъ образомъ, какъ будто готовился поймать обѣими руками слово долженствовавшее слетѣть съ его устъ. Князь Борисъ вынулъ изъ кармана портсигаръ и раскурилъ папироску.

— Вы курите? удивился Ильяшевъ.

— Да, я давно сдѣлалъ эту привычку, отвѣтилъ небрежно юноша, и вдругъ высунувшись въ форточку, закричалъ кучеру: „Алексѣй, проѣзжай шагомъ; вѣдь знаешь, *Боецъ* не любитъ стоять“.—Ecoutez, обратился онъ затѣмъ къ Ильяшеву, заваливаясь попрежнему въ кресло, — êtes vous vraiment chagriné de votre perte? Въ городѣ говорятъ будто вы получили огромное наслѣдство — est-ce possible? Въ такомъ случаѣ, ma foi, я ни минуты не оплакивалъ бы достойнаго родителя. Вотъ мнѣ такъ почти что нечего ждать наслѣдства, развѣ со стороны.

— Какъ такъ? полюбопытствовалъ Ильяшевъ.

Молодой князь пожалъ плечами и затянулся папироской.

— По смерти maman почти все достается сестрѣ, такъ чудесно распорядился мой достойный батюшка! объяснилъ онъ, сопровождая послѣднія слова восхитительною гримасой.

Въ эту минуту Генрихъ Яковлевичъ счелъ умѣстнымъ вмѣшаться въ разговоръ.

— Этотъ сезонъ въ городѣ очень весело, произнесъ онъ, необыкновенно внимательно глядя въ глаза Ильяшеву.

— Пха! ужасно весело! Прежде мы зимой за границей жили, такъ вотъ это называется веселиться, возразилъ съ тою же гримасой Борисъ.

— За границомъ тоже очень весело, охотно согласился Генрихъ Яковлевичъ.

— Я не понимаю, отчего это maman вздумалось киснуть въ этомъ несчастномъ городишкѣ, продолжалъ жаловаться молодой князекъ.—И безъ того въ перспективѣ не очень-то много пріятнаго, а тутъ еще и при жизни матери Богъ знаетъ въ какой трущобѣ прозябать приходится. Вотъ вы, вы счастливый человѣкъ.

— Почему? спросилъ Ильяшевъ.

— Вы свободны, можете распоряжаться большими деньгами, а мнѣ пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ карманныхъ денегъ даютъ. Извольте тутъ кутнуть какъ слѣдуетъ! Но я — о! я не такъ глупъ, я проживаю гораздо больше.

— Какимъ же образомъ? полюбопытствовалъ Ильяшевъ.

— Mais je fais les dettes, comme tout le monde, comme mon très cher oncle Соловцовъ, par exemple! радостно объяснилъ N—ckій petit crêvé.—Вы не знаете какъ дѣлаетъ мой достойный дядюшка? Онъ занимаетъ тысячу рублей и даетъ вексель въ двѣ, а когда срокъ наступаетъ, переписываетъ его на четыре, и такъ далѣе....

— А вамъ даже и это все извѣстно? удивился Ильяшевъ.

— О, я всѣ эти штуки до тонкости знаю! воскликнулъ Борисъ. — Но мнѣ, увы, гораздо труднѣе даются: я несовершенолѣтній, мнѣ подъ векселя не вѣрятъ.

Генрихъ Яковлевичъ, сохранившій еще въ своихъ мысляхъ связь съ предыдущимъ разговоромъ, вдругъ сказалъ въ эту минуту:

— Однажды я былъ за границомъ въ Римѣ....

Князекъ радостно взвизгнулъ и захлопалъ въ ладоши.

— Ну и что же я сказалъ? спросилъ удивленный и нѣсколько обиженный такимъ взрывомъ педагогъ.

— Ничего, Генрихъ Яковлевичъ, ничего! Voltrefflich, weiter! воскликнулъ Борисъ.

Генрихъ Яковлевичъ нахмурился, но однакожъ, желая сохранить достоинство, продолжалъ:

— И я видѣлъ тамъ бани Діоклеціана....

— Und weiter? любопытствовалъ князекъ.

— И тамъ глубоко погружался, спокойно закончилъ Генрихъ Яковлевичъ.

Борисъ опять пронзительно взвизгнулъ и даже затопалъ ногами; и самъ Ильяшевъ, какъ ни старался, не могъ удержать улыбки.

— Das ist большой impertinance! проворчалъ ужъ Богъ-знаетъ на какомъ языкѣ Генрихъ Яковлевичъ и больше не вступалъ въ разговоръ. А князекъ еще минуты двѣ слабо взвизгивалъ, хихикалъ, подмигивалъ и даже подталкивалъ Ильяшева.

— Ecoutez, обратился онъ къ нему наконецъ, успокоившись отъ чрезмѣрной веселости; — вы вѣдь знаете телерешнюю дядюшкину содержанку, Шелопатову?

— Ну, знаю, отвѣтилъ, нѣсколько озадаченный такимъ вопросомъ, Ильяшевъ.

— У меня къ вамъ большая просьба: познакомьте меня съ ней, объяснилъ князь.

— Да зачѣмъ же это вамъ? все-таки удивился Ильяшевъ.

— Voilà une drôle question! возразилъ petit-crêvé, раскуривая новую сигаретку.—Послушайте, нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, сдѣлайте это для меня, я васъ очень прошу. Мнѣ ужасно хочется съ ней познакомиться! приставалъ Борисъ. –И послушайте, заговорилъ онъ необыкновенно ласково и вкрадчиво,—поѣдемте сейчасъ ко мнѣ, я васъ на своихъ лошадяхъ довезу. У меня своя совершенно отдѣльная половина, а вы еще ни разу у

меня не были. Вы и сестру увидите, она вѣдь такая хорошенькая.

Ильяшевъ, хотя и почувствовалъ въ послѣдней фразѣ что-то весьма шокирующее, подумалъ однакожь что почему же и не поѣхать къ юному княжескому отпрыску. Предлогъ увидѣть княжну и понемногу возобновить сношенія съ обществомъ представлялся самый удобный.

— Извольте, поѣдемъ, согласился онъ.

Предъ тѣмъ какъ сѣсть въ сани, вышелъ маленькій споръ: Борису ужасно хотѣлось вздернуть Генриха Яковлевича на козлы, на что̀ педагогъ никакъ не соглашался.

— Нѣтъ ужь садитесь сами на козлы, а то надъ нами смѣяться будутъ, рѣшительно предложилъ Ильяшевъ Борису.

Всѣ трое понеслись по скрипучему снѣгу.

— Очень холодно, сказалъ только во всю дорогу Генрихъ Яковлевичъ, продолжавшій сохранять смутное неудовольствіе.

Дома Борисъ провелъ Ильяшева прямо въ свой кабинетъ, уставленный красивою, новою мебелью и множествомъ бездѣлушекъ, дѣлавшихъ его похожимъ на дамскую уборную. На стѣнахъ висѣли картины, и между прочимъ одна, задернутая тафтою, такого нескромнаго содержанія что Ильяшевъ только плечами пожалъ, когда молодой хозяинъ пригласилъ его взглянуть на нее.

— Княгиня или княжна бываютъ у васъ здѣсь? спросилъ онъ.

— Да, бываютъ; оттого я и задернулъ эту картинку тафтой. Я ее у дяди на пари выигралъ.

Усадивъ гостя, Борисъ бросился съ ногами на диванъ, заложивъ одну руку подъ голову, а другою продолжая играть хлыстикомъ.

— У меня здѣсь не дурно, не правда ли? сказалъ онъ, самъ съ видимымъ удовольствіемъ обводя глазами кокетливое убранство комнаты.

— Очень не дурно, согласился Ильяшевъ.

— Я люблю хорошенькія комнаты, также какъ и хорошенькія лица; это одно къ другому идетъ, не правда ли? продолжалъ князь.—Да не хотители чего-нибудь? продолжалъ онъ,—позавтракать, или просто вина?

Ильяшевъ отказался отъ того и отъ другаго; общество юнаго князя не слишкомъ ему нравилось; онъ и заѣхать къ нему рѣшился только потому что надѣялся увидѣть княжну.

— Княгиня дома? спросилъ онъ.

— Должно-быть дома; мы послѣ пойдемъ *къ ней* на половину, отвѣтилъ князь, вовсе не располагавшій такъ скоро разстаться съ гостемъ; напротивъ, онъ чувствовалъ потребность въ нѣкоторомъ откровенномъ разговорѣ.

— Скажите, вы любите женщинъ? спросилъ онъ, потягиваясь на мягкомъ диванчикѣ и поправляя рукой свои чудесные свѣтлые волосы, ладавшіе ему на рѣсницы.

— Нѣкоторыхъ—да, отвѣтилъ Ильяшевъ.

— И вы находите ихъ здѣсь? продолжалъ любопытствовать князекъ.—Здѣсь на этотъ счетъ вѣдь ужасная мизерность: рѣшительно никакого demi-monde. Одинъ дядя Степанъ Андреичъ какъ-то ухитряется, да вѣдь онъ ничѣмъ не пренебрегаетъ. Но впрочемъ, теперешняя его содержанка чудо что̀ такое; я ее видѣлъ въ театрѣ. Это дѣйствительно женщина du grand chic.

— Съ вашею наружностью, вамъ предстоитъ имѣть большой успѣхъ между женщинами, сказалъ Ильяшевъ.

— Вы думаете? улыбнулся князь.—Признаться, я уже испыталъ это, но только у насъ не заходило далеко, потому что я былъ еще очень глупъ! добавилъ онъ и, несмотря на свою бойкость, немного покраснѣлъ въ лицѣ.

— Вотъ я васъ съ Шелопатовой познакомлю, сказалъ Ильяшевъ, и подумалъ: „Этимъ князькомъ пренебрегать тоже не слѣдуетъ, тѣмъ болѣе что ничего не стоитъ прибрать его къ рукамъ; милѣйшая Катерина Петровна мнѣ даже благодарна будетъ“.

При обѣщаніи познакомить его съ Шалопатовой, Борисъ даже привскочилъ на диванѣ и поцѣловалъ своего новаго друга.

— Навѣрное? честное слово? когда? присталъ онъ.

— Да хоть сегодня же вечеромъ; заѣзжайте ко мнѣ часовъ въ восемь, вмѣстѣ и поѣдемъ.

XII. Въ ожиданіи своего часа.

Въ эту минуту кто-то тихонько пошевелилъ ручкой двери.

— Можно! крикнулъ восхищенный князь.

Дверь отворилась, и на порогѣ появилась княжна. Она не ожидала встрѣтить у брата постороннаго и нерѣшительно ступила нѣсколько шаговъ по ковру; но узнавъ Ильяшева, спокойно подошла къ нему и протянула руку.

— Я очень рада васъ видѣть; мы слышали о вашей утратѣ.... сказала она, и повернувъ стулъ, опустилась на него. Складки ея мягкаго шерстянаго платья безъ шороха упали на коверъ.— Братъ былъ у васъ?

Ильяшевъ поклонился.

— Позвольте выразить вамъ признательность за ваше любезное вниманіе, отвѣтилъ онъ.

— Мы не встрѣчались съ нашего перваго вечера; это было кажется болѣе мѣсяца назадъ, сказала княжна.

— Вы знаете причину по которой я долженъ былъ отказать себѣ въ удовольствіи посѣщать васъ? объяснилъ Ильяшевъ.

По лицу княжны чуть-чуть скользнула улыбка.

— Мы разговариваемъ точно на офиціальной аудіенціи, замѣтила она.—И безъ сомнѣнія, съ обѣихъ сторонъ это вышло совсѣмъ не преднамѣренно.

— Разумѣется, совсѣмъ не преднамѣренно, подтвердилъ Ильяшевъ.

Онъ и самъ чувствовалъ какое-то стѣсненіе въ присутствіи княжны; „конечно, оттого что я мало знакомъ съ нею“, объяснилъ онъ себѣ. Но можетъ-быть это происходило и отъ неяснаго сознанія глубокаго различія лежавшаго въ ихъ натурахъ....

Онъ во всякомъ случаѣ не могъ не любоваться ея красивымъ личикомъ и этими большими глазами, такъ равнодушно глядѣвшими на него. Ему какъ будто даже досадно было, зачѣмъ онъ такъ ясно понимаетъ красоту этого спокойнаго лица, не замѣчаемую сотнями другихъ людей.

Княжна дѣйствительно принадлежала къ тому типу хорошенькихъ женщинъ который у насъ и въ наше время недостаточно цѣнится. На красоту, какъ и на все остальное, мода налагаетъ свою могущественную длань; идеалы ея мѣняются если не съ каждымъ поколѣніемъ, то съ каждою историческою эпохой. Въ наше время красота, как и все остальное, демократизировалась; мы любимъ вульгарныя, свѣжія лица, съ блестящими глазами и отраженіемъ страсти. Сами все болѣе и болѣе утрачивая страстность человѣческой природы, мы ищемъ и цѣнимъ ее въ женщинѣ, и этимъ выдаемъ собственную вялость и дряблость: пусть-молъ насъ подогрѣетъ огонекъ сохранившійся въ женщинахъ — можетъ-быть задымимся и мы сами. Мы не любимъ глубины и страстности скрывающихся

подъ наружнымъ спокойствіемъ; мы хотимъ идти на огонекъ, и потому требуемъ чтобъ онъ свѣтился издали.

— Хотите пройти къ maman? Она будетъ очень рада васъ видѣть, пригласила княжна.

Ильяшевъ съ удовольствіемъ согласился.

— Хотя, по случаю траура, я еще не показываюсь въ обществѣ... промолвилъ онъ въ видѣ извиненія.

— Ну, что это, у насъ вѣдь не балъ, возразила радушно княжна.

— Такъ въ восемь часовъ? шепнулъ князекъ на ухо Ильяшеву, провожая его по корридору.

— Непремѣнно, пообѣщалъ Ильяшевъ.

Княжна прошла мимо пріемныхъ комнатъ, пустѣвшихъ въ своемъ парадномъ великолѣпіи, и ввела гостя въ небольшой и не очень свѣтлый кабинетъ княгини. Старушка, совсѣмъ не приготовленная къ этому визиту и потому позволившая себѣ въ своемъ костюмѣ нѣкоторыя совершенно мѣщанскія вольности, только ахнула, увидя Ильяшева, и скрылась за драпировкой, чтобы накинуть шаль.

— Я потревожилъ княгиню... смутился гость, останавливаясь въ дверяхъ.

— Нѣтъ, ничего; она сейчасъ явится, спокойно отвѣтила княжна и присѣла на стулъ у окна.

Княгиня дѣйствительно тотчасъ явилась, на ходу поправляя чепчикъ, выразила Ильяшеву свое соболѣзнованіе, причемъ глаза ея посмотрѣли на него совсѣмъ слезливо, и вздохнувъ раза два, удалилась: она съ молодыми людьми держала себя вообще нѣсколько отдаленно, справедливо сознавая что имъ съ нею скучно.

— Потолкуемте, пригласила княжна, указывая Ильяшеву на стулъ подлѣ себя.—Я слышала, вы теперь имѣете независимое положеніе; что вы намѣрены съ собой сдѣлать?

— Что удастся, отвѣтилъ уклончиво Ильяшевъ. Ему нѣсколько страннымъ показалось что княжна, при ихъ маломъ знакомствѣ, обратилась къ нему съ такимъ прямымъ вопросомъ.

— Но вѣдь чтобы что-нибудь удалось, надо какую-нибудь цѣль преслѣдовать, возразила княжна.

— Мои цѣли самыя обыкновенныя: служить и пріобрѣтать, отвѣтилъ Ильяшевъ.

— Для чего? спросила опять княжна.

Ильяшевъ улыбнулся.

— Для того чтобы сдѣлаться русскимъ бариномъ — генераломъ и богатымъ человѣкомъ, отвѣтилъ онъ.

Княжна посмотрѣла на него своими неулыбавшимися глазами.

— Хотите плыть по теченію? сказала она.

— Какъ требуетъ благоразуміе, подтвердилъ Ильяшевъ. — Сотни тысячъ людей идутъ тою же дорогой, и вся разница между умными и глупыми, сильными и слабыми, заключается въ томъ что первые упорно идутъ къ своей цѣли, тогда какъ послѣдніе отвлекаются отъ нея разными, болѣе или менѣе вздорными, приманками.

— Но есть умные и сильные люди которые совсѣмъ не идутъ этою дорогой... замѣтила княжна.

— И вы видали такихъ? спросилъ съ улыбкой Ильяшевъ.

— Я знаю одного такого... серіозно отвѣтила княжна и замолчала.

Ильяшевъ тоже ничего не сказалъ. „Кто этотъ счастливый избранникъ на котораго намекала она? ужь не Вретищевъ ли?“—подумалъ онъ. Ему припомнился разговоръ доктора съ княжной на раутѣ, и онъ подозрительно поглядѣлъ на нее.

— И вы относитесь съ полнымъ презрѣніемъ къ намъ, обыкновеннымъ смертнымъ, занятымъ погоней за земными благами? возвратился онъ къ разговору.

— Я не имѣю къ тому никакой причины, возразила княжна:—всякій идетъ своею дорогой.

— Но дорога одна—именно та по которой идемъ всѣ мы.

— Вы думаете? переспросила княжна, и въ ея равнодушныхъ глазахъ какъ будто появилась насмѣшливая улыбка.

— Я другой не знаю; укажите, сказалъ Ильяшевъ.

— Вы согласились что ваше намѣреніе—плыть по теченію; но можно идти и противъ теченія?... объяснила княжна.

„Старая пѣсня...“ подумалъ Ильяшевъ.

— Когда я объяснилъ вамъ свои цѣли, продолжалъ онъ громко,—вы спросили меня: зачѣмъ? Теперь и я въ свою очередь позволю себѣ предложить вамъ тотъ же вопросъ: зачѣмъ? зачѣмъ тянуться противъ теченія?

— Затѣмъ чтобъ не расходиться съ своими внутренними требованіями, объяснила княжна.

— Слѣдовательно ваши внутреннія требованія стоятъ противъ общаго теченія?

— Во многомъ.

Оба опять помолчали. Ильяшевъ былъ недоволенъ что поз-

волилъ увлечь себя въ этотъ разговоръ. Почва подъ нимъ становилась скользкою: онъ допустилъ княжну высказаться, и то что̀ онъ слышалъ отъ нея было ему глубоко чуждо и даже смѣшно; онъ незамѣтно увлекся до противорѣчія ея взглядамъ, тогда какъ пришелъ искать сближенія.

— Вы заставляете глубоко интересоваться вами, княжна, сказалъ онъ.—Хочется узнать подробности, а вы ихъ не высказываете.

Княжна сдержанно улыбнулась.

— Говоря проще, вы полагаете что этихъ подробностей не существуетъ, потому что все ограничивается отвлеченною общею фразой, и мой разговоръ—общее мѣсто? сказала она.

— Я не сомнѣваюсь въ искренности того что̀ вы говорили; но тѣмъ болѣе хочется узнать, какъ это выражается въ дѣйствіи, въ жизни; потому что...

— Потому что вы не можете себѣ представить какимъ образомъ дѣвушка въ моей обстановкѣ можетъ бороться съ теченіемъ? перебила княжна.

— Почти такъ, подтвердилъ Ильяшевъ.

На губахъ княжны появилась та же сдержанная, строгая улыбка.

— И вы пожалуй правы, согласилась она. — Но вѣдь еще жизнь не прожита, не правда ли?

— Можетъ-быть еще и не начата?...

— Можетъ-быть; кто знаетъ?... Но придетъ время, и я буду готова дѣйствовать не какъ ребенокъ. Развѣ жизнь, дѣйствительная жизнь, требующая воли, личности, рѣшенія, никогда не толкнется въ эти самыя двери?

И она указала рукой на тяжелую портьеру отдѣлявшую ея комнаты отъ половины старой княгини.

Ильяшевъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на нее.

— И вы встрѣтите эту дѣйствительность, готовыя отклониться отъ намѣченнаго прежде васъ пути? сказалъ онъ.

— Безъ сомнѣнія, подтвердила княжна.

„Еще одна экзальтированная натура“, подумалъ Ильяшевъ; „а можетъ-быть и ничего больше какъ фраза“.

Оставшись одна, княжна задумчиво прошла по пустымъ комнатамъ, заглянула на минуту къ матери, посмотрѣла который часъ, и опустивъ за собой портьеру, сѣла у окна въ своемъ маленькомъ кабинетѣ. Ожидающее и слегка грустное выраженіе лежало на ея красивомъ лицѣ. Недавній разговоръ

совершенно изгладился изъ ея памяти; она уже была одна сама съ собою и съ своими привычными, лѣниво двигавшимися думами.

Эти думы давно уже сжились съ ней и обратились не въ мысль, а въ ощущеніе. Ей пріятно и немножко грустно было ощущать медленное теченіе жизни, порою какъ будто пріостанавливавшейся въ смутномъ ожиданіи чего-то близкаго. Ей нравилось это балованное, ничѣмъ не тревожимое существованіе, раздѣленное между самой собою и немногими родственными, любящими лицами — и смутная возможность выхода. Быть-можетъ безъ этого мелькавшаго впереди выхода ею овладѣло бы недовольство; но она и не спѣшила къ выходу, не торопила его. Сдѣлается само собой, въ свое время, а теперь— развѣ не хорошо?

Она невольно повела плечами, и ея темные, закрытые рѣсницами глаза прищурились въ замедленномъ ощущеніи тихо проплывавшаго счастія. Она стала прислушиваться—за портьерой раздавались чьи-то приближающіеся негромкіе шаги. Она улыбнулась, не шевелясь, въ какой-то капризной борьбѣ съ нетерпѣніемъ. Мужская рука осторожно отдернула край драпировки.

— Къ вамъ можно, княжна? спросилъ знакомый голосъ, и Вретищевъ показался на порогѣ.

Княжна была рада, очень рада. Но эти визиты въ послѣднее время повторялись такъ часто, она такъ привыкла къ нимъ... она не была экспансивна. Безъ обманутыхъ ожиданій, безъ препятствій, безъ борьбы, самое дорогое счастье даетъ только ощущеніе мягкаго, ласковаго прикосновенія.

Вретищевъ сѣлъ подлѣ нея, и между ними завязался одинъ изъ ежедневныхъ, незначащихъ разговоровъ. Но княжна сегодня была немножко капризна.

— Вы становитесь однообразны, Mr Вретищевъ, сказала она.—Вамъ надо какъ-нибудь освѣжиться.

Докторъ посмотрѣлъ на нее съ боку и усмѣхнулся.

— Мы слишкомъ часто видимся, отвѣтилъ онъ.

— Вы находите?

— Я становлюсь на вашу точку зрѣнія...

— Такъ оставайтесь лучше на своей... Серіозно, докторъ, я боюсь что вы начинаете скучать въ моемъ присутствіи, и противъ этого надо принять мѣры.

— Видитесь ли вы съ кѣмъ-нибудь кромѣ меня?

— У меня много больныхъ...

Княжна улыбнулась.

— Опасныхъ?

— Съ медицинской точки зрѣнія.

— Этого недостаточно; я бы хотѣла чтобы вы въ кого-нибудь влюбились.

— Я не прочь, но только тутъ есть затрудненіе: я хотѣлъ бы влюбиться на условіяхъ взаимности.

— А! вы не хотите помучиться немножко?

— Что̀ за удовольствіе!

— Вы ищете только удовольствій?

— Вы довольно близко знаете чего я ищу... Вамъ угодно капризничать сегодня, княжна, добавилъ Вретищевъ и снисходительно улыбнулся, хотя на лбу у него очертилась тонкая морщинка.

Лицо княжны вдругъ стало доброе и какъ будто виноватое.

— А, вы даже и разсердиться удостоили! И вы не правы, потому я вовсе не капризничаю, а мнѣ въ самомъ дѣлѣ кажется... проговорила она и пріостановилась, не находя сразу какъ выразить свою мысль.

— Что̀? спросилъ Вретищевъ.

— Мнѣ кажется что мы начинаемъ какъ-то закисать другъ подлѣ друга...

Морщинка рѣзче обозначилась надъ бровями Вретищева.

— Вы не добры, княжна, сказалъ онъ.—Вамъ не нравится что ваше счастіе слишкомъ невозмутимо, и чтобы поразнообразить свои ощущенія, вы готовы причинить мнѣ боль...

Княжна подняла на него ласковый и словно раскаивающійся взглядъ.

— Боль? повторила она и немного придвинулась къ нему.— Это правда, я сегодня очень, очень зла и капризна; меня слѣдовало бы хорошенько промучить...

И ея лицо освѣтилось смѣшаннымъ чувствомъ стыда, недовольства и тихаго, возвратившагося счастія...

Вретищевъ въ это утро долѣе обыкновеннаго сидѣлъ у нея. А когда онъ ушелъ, она долго стояла у окна, задумчиво сблизивъ брови и не умѣя отвѣтить на шевелившійся въ головѣ вопросъ: „Чувство? капризъ? или просто лѣнивое подчиненіе механически складывающейся судьбѣ?“

XIII. Съ поднятыми парусами.

Шелопатова, какъ предполагалъ Ильяшевъ, очень обрадовалась молодому князю: она впрочемъ была рада всякому молодому человѣку хорошаго общества. Князекъ, съ своей стороны, былъ въ восхищеніи: онъ выкуривалъ папироску за папироской, плеснулъ себѣ въ чай полстакана рому, ерошилъ кудри и разказывалъ такія вещи что даже Катерина Петровна смущалась и ложимала плечами. Больше всего восхищало его что хозяйка обходилась съ нимъ какъ со взрослымъ и не позволяла поцѣловать себя, на что онъ многократно покушался. Послѣ всякой такой попытки онъ бросался къ Ильяшеву и шепталъ ему: „Mais elle est magnifique! Irresistible! mais dites lui donc...“

Ильяшевъ только подсмѣивался и переглядывался съ Катериной Петровной, продолжавшею безбожно кокетничать съ княжескимъ отрокомъ.

— Онъ презабавный... и хорошенькій... шепнула она.

Князекъ наконецъ вспомнилъ что давно пора домой и хотѣлъ увезти Ильяшева.

— Нѣтъ, я еще посижу, отказался тотъ.

— Prenez garde, je dirai á mon oncle, погрозился Борисъ, прощаясь.

Проводивъ его, Шелопагова вопросительно посмотрѣла на Ильяшева.

— Вы хотите что-то сообщить мнѣ? сказала она.

— И даже очень многое, отвѣтилъ Ильяшевъ, и сѣлъ подлѣ нея.

Онъ испытывалъ замѣтное волненіе. Минута была одна изъ рѣшительныхъ въ его жизни. Въ этотъ вечеръ должны были опредѣлиться подробности пути къ которому онъ такъ дѣятельно готовился и который наконецъ открывался ему. Пойдетъ онъ по этому пути одинъ, или съ союзникомъ, становившимся для него все дороже съ каждою новою встрѣчей?

— Помните нашъ разговоръ въ тотъ вечеръ когда я васъ провожалъ съ любительскаго спектакля? началъ онъ.

Шелопатова кивнула головой.

— Съ тѣхъ поръ много воды утекло, продолжалъ Ильяшевъ.—Я тогда былъ простою пѣшкой, которую вы лишь изъ снисхожденія удостоивали нѣкотораго вниманія...

Шелопатова, не прерывая, внимательно слушала его.

— Теперь эта лѣшка превратилась въ дамки и готовится дать шахъ и матъ королю....

— А этотъ король называется?... спросила Катерина Петровна.

— Соловцовъ, отвѣтилъ Ильяшевъ.

Шелопатова откинулась на спинку дивана и запахнула платокъ покрывавшій ей плечи. Ильяшевъ машинально подвинулся къ ней.

— Вы меня совершенно понимаете, Катерина Петровна? спросилъ онъ.

— Кажется, подтвердила молодая женщина.

— Итакъ?...

Шелопатова посмотрѣла на него съ боку играющимъ и скользящимъ взглядомъ.

— Вы все о томъ же, Mr Ильяшевъ? проговорила она.

По лицу молодаго человѣка пробѣжало нетерпѣніе.

— Я вамъ предлагаю только то чего вы сами требовали; и наконецъ.... наконецъ я люблю васъ!

— Это „наконецъ“ мнѣ очень лестно, проговорила Катерина Петровна.

Ильяшевъ всталъ, и сдѣлавъ шагъ по комнатѣ, быстро обернулся.

— Оставимте эту комедію, Катерина Петровна, заговорилъ онъ взволнованнымъ и рѣшительнымъ голосомъ. — Мы другъ друга очень хорошо понимаемъ, въ этомъ не можетъ быть никогда сомнѣнія. Вы свободны вѣрить или не вѣрить моей любви, но теперь—понимаете ли, теперь—я не вижу надобности ни скрывать ее, ни бороться съ ней.

Онъ быстро приблизился къ ней и схватилъ ея руки. Она не отнимала ихъ.

— Вы вѣдь уѣзжаете въ Петербургъ? сказала она.

— И очень скоро, и съ вами! подтвердилъ Ильяшевъ.

Катерина Петровна молча улыбалась и смотрѣла ему въ глаза интригующимъ взглядомъ. Она давно предвидѣла это рѣшеніе: она почти подготовила его. И у нея самой тоже все было рѣшено и обдумано.

— И вы въ самомъ дѣлѣ любите меня? проговорила она, тихо сжимая его руку.

Ильяшевъ только крѣпко привлекъ ее къ себѣ. Онъ чувствовалъ что это была первая серіозная страсть въ его жизни.

Онъ даже недоумѣвалъ предъ нею: похоже ли это на него, такъ неглубоко относившагося къ женщинамъ?

Онъ прикоснулся губами къ ея щекѣ: щека горѣла подъ смуглымъ пушкомъ, и большіе сѣрые глаза искрились въ полусвѣтѣ.

— Счастіе мое! жизнь моя! проговорилъ онъ упавшимъ и неровнымъ голосомъ.—Такъ ты ѣдешь со мною?

— Когда? спросила Шелопатова.

— Завтра, послѣ завтра, когда только можешь собраться. Для меня чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Съ какою цѣлью ты ѣдешь? объясни мнѣ твои планы, твои надежды.... чтобы между нами ужъ все было общее! сказала Шелопатова.

Ильяшевъ, сколько могъ, удовлетворилъ ея любопытству. Онъ самъ не имѣлъ еще въ виду ничего опредѣленнаго, никакихъ подробностей; выходъ въ ширь, на поиски за удачей и счастьемъ—вотъ все для чего онъ уѣзжалъ изъ провинціальной глуши. Шелопатова понимала его и по-своему сочувствовала.

— Ты—искуситель! сказала она и прижалась щекой къ его лицу. Эти минуты были однѣ изъ счастливѣйшихъ въ жизни нашего героя.

— А Соловцовъ? вдругъ спросилъ онъ, пораженный непріятною мыслью о препятствіи о которомъ старался не думать до тѣхъ поръ.

Шелопатова сдѣлала легкую гримаску.

— Съ Соловцовымъ я ужъ устрою, объ этомъ не безпокойся! сказала она.

И въ самомъ дѣлѣ, Ильяшевъ могъ быть на этотъ счетъ совершенно спокоенъ. Степанъ Андреевичъ явился къ Шелопатовой на другой день, и между ними произошла одна изъ тѣхъ сценъ къ которымъ почтенному генералу слѣдовало бы уже привыкнуть. Было немножко слезъ, много увѣреній въ беззавѣтной, искренней страсти, еще болѣе извилистыхъ, хитрыхъ словъ, предъ которыми была безсильна безоружная простота Степана Андреевича. Явился опять на сцену таинственный призракъ гна Шелопатова, съ его грубыми требованіями и угрозами; и все это драпировалось неопредѣленными, ползучими фразами, подъ которыми Степанъ Андреевичъ чувствовалъ даже порхавшее близко счастье, и въ концѣ концовъ рѣшительно не зналъ теряетъ ли онъ Катерину Петровну или, напротивъ, становится къ ней еще ближе и дружественнѣе.

Въ этотъ день произошла и другая подобная же сцена: Ильяшевъ простился съ Нельгуновой. Были и здѣсь слезы, и даже гораздо больше; но не было того неподражаемаго лукавства которое въ подобныхъ случаяхъ умѣла обнаружить одна Шелопатова. Все шло какъ-то рѣзче и суше. Ильяшевъ казался нетерпѣливымъ и въ сущности мало заботился о томъ какъ все кончится: онъ за Нельгуновой не признавалъ уже никакого значенія. Впрочемъ, когда отъ него потребовали нѣжности, онъ безъ особеннаго принужденія выказалъ требуемое. Это нѣсколько поддержало Нельгунову, напомнивъ ей недавніе счастливые дни. Затѣмъ опять полились слезы, и все кончилось появленіемъ господина Нельгунова, весьма кстати нарушившаго тягостный tête-à-tête.

Отдѣлавшись отъ Нельгуновой, герой нашъ почувствовалъ точно гора свалилась у него съ плечъ. Онъ началъ дѣятельно готовиться къ отъѣзду: сходилъ къ губернатору и получилъ отъ него рекомендательныя письма, съ такими громкими адресами что при взглядѣ на нихъ у него даже захолонуло въ груди; послалъ за Ижемскимъ и велѣлъ ему быть непремѣнно готовымъ къ завтрашнему дню; завернулъ въ магазины и купилъ тамъ между прочимъ особенный заграничный портфейльчикъ, въ который тотчасъ бережно уложилъ билеты, въ сотый разъ пересчитавъ ихъ и отмѣтивъ изъ предосторожности нумера въ записной книжкѣ. Онъ былъ неспокоенъ и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ ждалъ отъѣзда.

Послѣдній вечеръ въ N—скѣ онъ рѣшился провести съ сестрой. Странное чувство стѣснило ему грудь, когда онъ вступилъ въ темненькія сѣни отцовскаго дома. Что-то родное—и ужасно далекое, чуждое. Это какая-то оболочка, въ которой онъ родился и потомъ сбросилъ почти съ брезгливымъ чувствомъ. Теперь неопредѣленный страхъ пронималъ его. Правъ ли онъ? найдетъ ли на широкой дорогѣ ту спокойную, густую тѣнь подъ которой узилась и дѣлала мѣрные круги отцовская тропинка? И онъ старался себя увѣрить что бѣжитъ именно отъ этой густой, спокойной тѣни, отъ этихъ мѣрныхъ круговъ которыми жизнь вращается здѣсь, замыкаясь, около оси. Онъ весь наполнялся полувраждебнымъ, полупрезрительнымъ чувствомъ къ этой замкнувшейся въ себѣ самой жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ какой-то неопредѣленный и жуткій страхъ распространялъ въ немъ мысль что глубокій порѣзъ навсегда

отдѣлялъ его отъ этихъ стѣнъ, отъ этихъ родственныхъ лицъ, отъ этой почвы, отъ этой жизни.

Паша не столько обрадовалась, сколько испугалась его приходу: она тоже чувствовала этотъ глубокій порѣзъ, и нѣсколько короткихъ дней такъ далеко, далеко отодвинули ее отъ брата, что какое-то смутное чтвство страха овладѣло ею при его приближеніи. Она смущенно внесла въ гостиную лампу, и оба усѣлись на неудобномъ диванѣ. Тетка только заглянула въ дверь, и увидавъ племянника, поспѣшно спряталась.

Ильяшевъ объяснилъ что пришелъ проститься. На лицѣ Паши не отразилось никакого движенія.

— Надолго? только спросила она.

— Думаю что нѣтъ; а впрочемъ какъ все пойдетъ, отъ этого будетъ зависѣть.

— Желаю тебѣ успѣха, промолвила сестра.

Братъ взглянулъ на нее: въ этомъ коротком, полушепотомъ сказанномъ пожеланіи звучала сухость. Но лицо Паши опять ничего не объяснило ему. Онъ подвинулся къ ней и тихонько взялъ ее за руку.

— Паша, ты словно сердишься на меня? проговорилъ онъ.

— Ахъ, нѣтъ! встрепенулась дѣвушка и подняла на него спокойные, немного грустные глаза.

— Предъ отъѣздомъ, предъ разлукой, я желалъ бы встрѣтить въ тебѣ болѣе чувства, упрекнулъ братъ. Паша слабо улыбнулась.

— На что это тебѣ? возразила она.—Знаешь, у меня теперь ни къ кому никакого чувства нѣтъ; я точно застыла совсѣмъ, объяснила она, и поправляя волосы, украдкой смахнула съ рѣсницы округлившуюся слезу.

Молодой человѣкъ ничего не сказалъ. Онъ опять оглянулъ полутемную комнату, низенькій заколтѣлый потолокъ, на которомъ лампа разводила блѣдные круги, и ему вновь на мгновенье стало какъ-то неопредѣленно жаль всего заключеннаго въ этой комнаткѣ.

— Какъ ты тутъ одна устроишься, вотъ что меня безпокоитъ, произнесъ онъ.

— Одна? а тётя? возразила Паша.

— Тетка немного сумѣетъ. Да и я не про то говорю, какъ вы тутъ у себя матеріальные порядки заведете, а вообще.... пояснилъ братъ.

— Что такое вообще? равнодушно спросила сестра.

— Вообще.... жизнь, это дѣло не шуточное. Я муцина, я людей видѣлъ, а какъ подумаю, сколько разъ можно ошибиться, пока придешь къ цѣли.

— Ты многаго хочешь; а намъ съ тетей лишь бы прожить въ своемъ углѣ.

— Прожить, ни для кого и ни для чего?

Паша мелькомъ взмахнула на брата своими длинными черными рѣсницами.

— У меня религія есть, сказала она.

Молодой человѣкъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на нее и ничего не возразилъ.

— Надо бы и замужъ выйти, какъ-то нерѣшительно сказалъ онъ послѣ продолжительнаго молчанія.

Паша на этотъ разъ даже не покраснѣла.

— Ты все свое, Лёва, только сказала она.

Внесли самоваръ; Паша заварила чай и принялась не торопливо раскладывать сахаръ. Ильяшевъ узналъ ту самую разнокалиберную сервировку, съ отбитыми ручками и носиками, которая такъ возмущала его при отцѣ: онъ и теперь внутренно возмутился.

— Марья Кузьминишна просятъ имъ въ спальню прислать, доложила служанка.

— Не желаютъ меня видѣть, пояснилъ Ильяшевъ.

Паша промолчала.

Чай прошелъ скучно; братъ и сестра больше помалчивали, не находя предметовъ для разговора.

— Будешь писать ко мнѣ, Паша? сказалъ Ильяшевъ, взявшись за шляпу. Дѣвушка помолчала и отвѣтила односложно:

— Да.

— Пожалуста, подтвердилъ братъ. — Ну, прощай, душа моя, желаю тебѣ всякаго благополучія, прибавилъ онъ, и нерѣшительно приблизившись къ ней, не зналъ поцѣловаться съ сестрой, или нѣтъ. Паша первая потянулась къ нему и поцѣловала его въ лобъ.

— Прощай, сказала она.

Ильяшевъ тоже быстро поцѣловалъ ее и вышелъ.

На улицѣ онъ взглянулъ на часы; было еще не поздно. Онъ пошелъ къ Шелопатовой.

Онъ отчасти боялся за нее, за ея рѣшимость, въ правду ли она ѣдетъ. Эта мысль мучительно уколола его.

Онъ впрочемъ скоро успокоился: Шелопатова встрѣтила его

среди уложенныхъ чемодановъ, загромоздившихъ полъ комнаты. Ея гардеробъ, сильно разросшійся въ N—скѣ, требовалъ не малыхъ хлопотъ.

— Въ дорогу?! радостно воскликнулъ Ильяшевъ и почувствовалъ какъ застучало у него сердце: Шелопатова не на шутку становилась для него необходимостью.

Молодая женщина только весело кивнула головой.

— А Соловцовъ? безпокойно спросилъ Ильяшевъ.

— Пущенъ въ трубу, отвѣтила Катерина Петровна.

Ильяшевъ притянулъ ее къ себѣ и усадилъ рядомъ на диванъ.

— Катя.... я вѣдь не такъ тебя люблю какъ Соловцовъ! сказалъ онъ нѣсколько дрогнувшимъ голосомъ.—Я тебя первую полюбилъ, и если....

— Если?... повторила молодая женщина, бросивъ на него снизу вызывающій и пристальный взглядъ.

— Если ты меня пустишь въ трубу....

Катерина Петровна быстро подняла голову и прижалась губами къ его губамъ.

— Милый мой, какія тебѣ глупости приходятъ въ голову? сказала она.

Ильяшевъ почувствовалъ внезапный приливъ молодаго, веселаго счастья. Онъ былъ дѣйствительно молодъ въ тѣ минуты, молодъ по-своему: честолюбіемъ, успѣхомъ, разросшимися надеждами и порывистымъ волненіемъ страсти. Еслибы поѣздъ не ушелъ уже, онъ убѣдилъ бы Шелопатову уѣхать сегодня же, сейчасъ.

На другой день въ вокзалѣ онъ засталъ Катерину Петровну, къ которой съ утра прикомандировалъ Ижемскаго, съ тайною цѣлью наблюдать, не раздумаетъ ли она или не опоздаетъ ли какъ-нибудь на поѣздъ: ему казалось что пока онъ не услышитъ рука объ руку съ ней послѣдній свистъ локомотива, онъ не въ состояніи будетъ успокоиться. Ижемскій, вмѣсто того чтобы подбѣжать къ нему, издали манилъ рукой и дѣлалъ какіе-то знаки.

— Не могу отойти: чемоданы.... объяснилъ онъ, когда Ильяшевъ подошелъ къ нему, и указалъ на груду чемодановъ, саковъ и картонокъ, сваленныхъ на скамьѣ и на полу. Самъ Ижемскій никакого чемодана не имѣлъ, предпочитая завернуть всѣ свои пожитки въ одѣяло, которое потомъ и зашилъ собственноручно со всѣхъ сторонъ. — Вонъ она, вонъ тамъ

добавилъ онъ почему-то шопотомъ, указывая въ сторону гдѣ помѣстилась Шелопатова. Ему чуть ли не казалось что ее у кого-нибудь похищаютъ, и что вообще въ этомъ отъѣздѣ заключается тайна.

Ильяшевъ пошелъ къ ней и вдругъ замѣтилъ подлѣ нея огромную фигуру Соловцова. Это заставило его поморщиться. „Чего еще этотъ болванъ притащился?“ подумалъ онъ. Вдругъ кто-то дернулъ его сзади за рукавъ. Онъ оглянулся—Нельгунова.

„Этого только недоставало!“ проворчалъ онъ мысленно и обернулъ къ ней сердитое лицо.

— Зачѣмъ это вы пришли? Вамъ хочется чтобъ на васъ пальцами указывали? сказалъ онъ ей безъ церемонія.

Нельгунова какъ схватила рукавъ его пальто, такъ и не выпускала.

— Я хотѣла проститься съ тобой.... проговорила она, и вдругъ увидя сердитое лицо Ильяшева какъ-то оборвалась —А ты... ты сердишься....

Ильяшевъ оглянулся по сторонамъ—народу было много. Онъ наклонился къ Нельгуновой и проговорилъ ей тихо:

— На насъ смотрятъ.... Я не сержусь, но ты ужасно неосторожно поступила; это можетъ создать намъ затрудненія, когда я вернусь... Прощай, душка, жди меня....

— Я буду ждать.... проговорила нѣсколько успокоенная Нельгунова.—Послушай.... пройдемъ на минуту въ эту комнату.... прибавила она неувѣренно, указывая на боковую дверь.

— Туда нельзя, душа моя, та дамская уборная, возразилъ Ильяшевъ. — Еслибъ мы были теперь одни, я бы крѣпко, крѣпко поцѣловалъ тебя.

Нельгунова опять грустно взглянула на боковую дверь и ничего не умѣла сказать. Ильяшевъ отыскалъ подъ шубой ея руку и крѣпко сжалъ ее.

— Прощай.... на какой-нибудь мѣсяцъ; а тамъ опять вмѣстѣ, опять счастье! Душка моя, иди лучше, я трепещу что придетъ кто-нибудь изъ знакомыхъ.

Ильяшевъ больше всего боялся чтобъ Нельгунова не увидала Шелопатовой, и не сдѣлала бы сцены. — Я тебя провожу на улицу, добавилъ онъ и взялъ ее подъ руку. Въ сѣняхъ Нельгунова выбрала-таки минуту и поцѣловала своего невѣрнаго обожателя.

Вернувшись поспѣшно въ вокзалъ, Ильяшевъ взялъ два

билета въ первомъ классѣ и одинъ для Ижемскаго во второмъ и велѣлъ послѣднему поскорѣе сдавать багажъ. Но Ижемскій, не желая платить артельщику, занялся этимъ лично и провозился до звонка.

— Идите, усаживайте Шелопатову, скомандовалъ Ильяшевъ, да займите подлѣ нея лишнее мѣсто.

Ему не хотѣлось встрѣтиться съ Соловцовымъ; онъ дождался пока тотъ простился съ ней, со вторымъ звонкомъ, и тогда быстро вбѣжалъ въ вагонъ и опустился подлѣ Катерины Петровны.

— Наконецъ-то! могъ онъ только сказать, и пользуясь что покамѣсть въ отдѣленіи кромѣ нихъ никого не было, припалъ губами къ ея похолодѣвшимъ на морозѣ рукамъ.

Звонокъ близко и громко простучалъ въ третій разъ; кондукторъ захлопнулъ дверцу; локомотивъ пронзительно свистнулъ, и поѣздъ медленно и тяжело колыхнулся на рельсахъ.

— Паруса подняты! проговорилъ Ильяшевъ съ какимъ-то возбужденнымъ чувствомъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

В. АВСѢЕНКО.

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ ЭПИЗОДАХЪ

ИЗЪ МОЕЙ

ЧАСТНОЙ И СЛУЖЕБНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ*

(1834—1850).

XXII.

Постепенныя и даже довольно быстрыя усовершенствованія въ бытѣ Матвѣя Андреевича шли crescendo. Бывая иногда у моей доброй и гостепріимной знакомой Марьи Алексѣевны Крыжановской и обѣдая разъ или два въ недѣлю у ея beau frère'a, Михаила Николаевича Жемчужникова, жившаго тогда около Николы Морскаго, въ казенномъ губернаторскомъ домѣ, я нерѣдко слыхалъ на этотъ счетъ болѣе или менѣе сатирическія выходки. Разъ даже, помню, Михаилъ Николаевичъ Жемчужниковъ, находя что я, какъ ему казалось, ѣмъ не съ тѣмъ аппетитомъ, съ какимъ онъ, какъ хлѣбосолъ, любилъ чтобъ ѣли его застольные гости, смѣясь своимъ особеннымъ смѣшкомъ, въ звукахъ котораго замѣтна была всегда какая-то задняя мысль, сказалъ мнѣ:

---

* См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 5, 6, 7, 8 и 9й.

— Ну, видно, любезнѣйшій В. П., вы страхъ какъ избаловались на обѣдахъ Бутурлина и Байкова. Но что же дѣлать? Я не имѣю и конечно никогда имѣть не буду тѣхъ милліоновъ какими владѣетъ Николай Александровичъ и той способности какую имѣетъ Матвѣй Андреевичъ брать къ себѣ на кухню превосходнѣйшаго ученика Нессельродовской кухни для обращенія его въ христіанскую вѣру.

Не понявъ этого намека, я хотѣлъ было спросить у его превосходительства объясненія этого ребуса, какъ вдругъ докладъ камердинера Сергѣя о визитѣ Леонтія Васильевича Дубельта, тогдашняго начальника штаба корпуса жандармовъ, помѣшалъ какъ выраженію, такъ и удовлетворенію моего любопытства. Обѣдъ былъ въ это время совершенно конченъ, и мы пили кофе, хозяинъ же курилъ изъ своей трубки на саженномъ чубукѣ. Генералъ знаменитый своею дѣятельностію въ родѣ Фуше, а съ тѣмъ вмѣстѣ и свѣтскою любезностію, просилъ Михаила Николаевича не стѣсняться, самъ закурилъ сигару и завелъ какой-то общій разговоръ, ни мало не касавшійся того дѣла для котораго онъ заѣхалъ перекинуть нѣсколько словъ съ губернаторомъ. Но губернаторъ, среди болтовни болѣе или менѣе о новостяхъ дня, успѣлъ ввернуть свое замѣчаніе о томъ какъ много хлопотъ и заботъ даетъ ему новосозданное тогда „исправительное заведеніе“ или смирительный домъ въ новомъ родѣ, помѣщенное въ громадномъ строеніи на Невѣ и Высочайше порученное исключительному его завѣдыванію, по рекомендаціи графа Александра Христофоровича Бенкендорфа. И при этомъ, косясь слегка въ мою сторону, что, впрочемъ, ему было не трудно, такъ какъ онъ былъ отъ рожденія сильно косъ на лѣвый глазъ, сказалъ, посмѣиваясь:

— Очень мнѣ желательно чтобы какой-нибудь баринъ, въ гнѣвѣ на своего повара, кончившаго курсъ кулинарной науки въ какомъ-либо кухонномъ университетѣ, прислалъ бы этого молодца къ намъ на исправленіе. Я бы тогда воспользовался талантами проштрафовавшагося Карема и заказалъ бы ему такой обѣдъ что одинъ мой знакомый, сдѣлавшійся, повидимому, большимъ гастрономомъ, покушалъ бы этихъ фрикассе въ охотку, не такъ какъ теперь онъ изволитъ кушать du bout des lévres мои солдатскія блюда, прежде однако удостоивавшіяся его вниманія.

Понявъ что камешекъ брошенъ въ мой огородъ, я, смѣясь, увѣрялъ любезнаго хозяина что въ слѣдующій разъ произведу жестокую атаку на кашу и на битки; а сегодня чувствую себя не совсѣмъ въ ударѣ по части ѣды, тѣмъ болѣе что часа за два или за три предъ тѣмъ какъ обѣдать у его превосходительства, истребилъ съ товарищами по военному министерству у Смурова на свою долю полсотни устрицъ.

Докуривъ свою трубку и отдавъ чубукъ камердинеру, Михаилъ Николаевичъ всталъ изъ-за стола и принялся, по-Суворовски, вслухъ молиться, осѣняя себя огромными крестами. Потомъ онъ распрощался со мною, шутя грозя мнѣ пальцемъ за объядѣніе устрицами, офиціальнаго своего гостя повелъ въ свой огромный кабинетъ, гдѣ почти во всякую пору года пылалъ каминъ.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого моего посѣщенія губернатора Жемчужникова, былъ я у Матвѣя Андреевича, пригласившаго меня для принятія участія въ водвореніи воспитанниковъ въ новой „образцовой избѣ“, какихъ, такимъ образомъ, тогда уже были двѣ: другая была отстроена въ 1836 году; но на водвореніе въ ней въ октябрѣ мѣсяцѣ хозяевъ я какъ-то не попалъ. Ниже я разкажу объ этихъ „образцовыхъ избахъ“, а теперь передамъ тотъ разговоръ какой былъ у меня съ Байковымъ въ вечеръ моего пріѣзда въ училище наканунѣ торжества, впрочемъ довольно скромнаго, совершенно домашняго, водворенія воспитанниковъ на очередное житье по недѣлѣ въ новоотстроенной избѣ съ другаго фланга училищныхъ строеній

— Вчера, говорилъ Байковъ, усаживаясь въ саду на деревянномъ диванчикѣ,—повстрѣчался я съ вашимъ благопріятелемъ Михайломъ Николаевичемъ Жемчужниковымъ у Льва Алексѣевича Перовскаго, и его превосходительство, кося, кажется, больше обыкновеннаго (Байковъ инстинктивно терпѣть не могъ Жемчужникова, какъ vice versa Жемчужниковъ терпѣть не могъ Байкова), жаловался мнѣ на васъ, дорогой В. П., за то что вы у него за обѣдомъ плохо кушать изволите. Михаилъ Николаевичъ даже укорялъ, изволите видѣть, меня за то что я избаловалъ вашъ простой будто бы вкусъ моими гастрономическими обѣдами.

— Любезнѣйшій Матвѣй Андреевичъ, замѣтилъ я полусмѣясь, — позвольте мнѣ вамъ пояснить что гораздо прежде

вольствія вкушать ваши, въ настоящее время дѣйствительно сдѣлавшіеся Брилья-Саваренковскими, обѣды, я былъ хорошо знакомъ съ изящною кухней, какъ почти съ дѣтства въ родительскомъ домѣ, такъ и въ послѣдствіи въ томъ кругу въ которомъ вращался донынѣ постоянно, почему ни обѣды Льва Алексѣевича, ни даже обѣды Николая Александровича Бутурлина, ни наконецъ ваши, представляющіе смѣсь спартанской простоты съ лукулловскими утонченностями, поразить и восхитить меня не могутъ. Предоставляю эти восхищенія мелкимъ чиновничкамъ канцеляріи его превосходительства Михаила Николаевича, выразившаго намедни желаніе угостить меня изящнымъ обѣдомъ, который онъ намѣревается заказать первому отличному крѣпостному повару какой поладется въ его руки, какъ главнаго полечителя того смирительнаго дома что у Бердова завода на Невѣ устроенъ его попеченіями.

— Ха! ха! ха! засмѣялся Байковъ.—Это, я понимаю, говорилъ достопочтеннѣйшій его превосходительство въ намѣреніи бросить камень въ мой огородъ и въ досадѣ на меня за то что ему не удалось имѣть на своемъ „божественномъ лонѣ“, въ видахъ исправленія, разбойника Ѳому, котораго не ему, а мнѣ съ этою цѣлью отдалъ Левъ Алексѣевичъ.

— Объясните, сказалъ я,—Матвѣй Андреевичъ, эту загадку съ этимъ Ѳомою, о которомъ я въ первый разъ слышу, ежели только это удобообъяснимо и не есть секретъ.

— Какой секретъ! воскликнулъ Байковъ.—Дѣло самое простое и самое обыкновенное. Изволите видѣть, у Льва Алексѣевича былъ молодой поваръ Ѳома, обучившійся превосходно на Нессельродовской кухнѣ подъ вѣдѣніемъ тамошняго главнаго повара, знаменитаго Долгоруковскаго Алексѣя. * Этотъ

---

* Это куріозная исторія, рисующая довольно типично характеристику нашихъ баръ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. У графа К. В. Нессельроде сдѣлался первымъ поваромъ, замѣнившимъ Французовъ, бывшій ученикъ его кухни Алексѣй, крѣпостной человѣкъ князя Алексѣя Васильевича Долгорукова, который, большой гурманъ, имѣлъ всегда Француза повара; но разъ, обѣдая у графа Нессельроде, такъ восхитился гурьевскою кашей что непремѣнно захотѣлъ чтобы поваръ графа выучилъ его Француза и просилъ объ откомандированіи къ нему на завтра этого артиста. Каково же было удивленіе князя, когда въ артистѣ, призванномъ имъ для обученія страшно дорога-

Ѳома навострился такъ что становился опаснымъ соперникомъ самому пресловутому Алексѣю, преобразившемуся уже въ мусье Алекси, подъ какою басурманскою кличкой и слылъ у всѣхъ знатныхъ баръ, знавшихъ его. Льву Алексѣевичу, по причинѣ его здоровья, не до изысканныхъ жирныхъ блюдъ, такъ весь обѣдъ его превосходительства, когда онъ одинъ—а онъ вѣдь почти всегда одинехонекъ обѣдаетъ—состоитъ изъ чашки бульйона, котлетки и компота. Ну, на этомъ меню, само собою разумѣется, адъюнктъ-профессору поварской науки далеко не уйти, и вотъ Ѳома сталъ побаиваться что онъ забудетъ свое искусство, а отъ искусства-то этого онъ надѣялся получать такое же тысячное жалованье, какое получаютъ другіе. Вотъ и пришла ему блажь проситься у барина на оброкъ, съ обѣщаніемъ платить за себя триста рублей оброка въ годъ. Но баринъ, въ отвѣтъ на эту глупую просьбу своего крѣпостнаго, велѣлъ департаментскому экзекутору майору Адамову дать Ѳомушкѣ приличное наставленіе. Видитъ Ѳома что ему изъ кухни барина не вырваться, и тогда, по совѣтамъ, да по навѣтамъ дурныхъ друзей, парень выкинулъ другую штуку, думая: „семь бѣдъ, одинъ отвѣтъ; а такой поваръ какъ я и въ Сибири не пропадетъ: генералъ де губернаторъ возьметъ меня къ себѣ на кухню, какъ это уже тамъ и бывало“. И что же? Разъ онъ нарочно напился льянъ, и въ льяномъ-то состояніи бросился съ ножомъ на генералова-то камердинера Нѣмца Густава Богдановича, и даже поранилъ его. Ѳомку тотчасъ засадили въ кутузку, а на ту пору къ Льву-то Алексѣевичу шасть вашъ благопріятель губернаторъ Михаилъ Николаевичъ, съ разказами о своемъ новомъ исправительномъ заведеніи, гдѣ его

го Француза приготовленію гурьевской кашц, онъ узналъ своего „Алешку“, забытаго имъ въ ученьи на Нессельродовской кухнѣ. Оказалось что уже два года какъ „Алешка“ не „Алешка“, а monsieur Alexis, premier officier de bouche de son Excellence Mr le Comte Nesselrodé, какъ объ немъ докладывалъ камердинеръ Французъ же Жозефъ. Узнавъ что этотъ ужь не Алешка, а все-таки его крѣпостной, получаетъ какое-то хорошее, но все-таки не такое какъ Французы жалованье, князь далъ ему такое же жалованье и содержаніе какое получалъ у него Француз, котораго прогналъ. Но съ тѣхъ поръ графъ Нессельроде и князь Долгоруковъ уже не жили въ прежней дружбѣ: между ними прошла черная кошка въ лицѣ этого Алешки.

превосходительство намѣренъ мерзавцевъ на божественномъ, видите, лонѣ исправлять. Левъ Алексѣевичъ въ полицію и въ судъ Ѳому предавать не хотѣлъ, такъ предложеніе милаго роденьки ему было и по вкусу пришлось, да такъ по вкусу что его превосходительство ужь было и подался на то чтобъ Ѳому-разбойника поручить божественнымъ исправленіямъ своего шурина (Жемчужниковъ, вѣдь вы знаете, женатъ былъ на его сестрѣ Ольгѣ Алексѣевнѣ), да на ту пору изъ другой двери кабинета вошелъ я и слышу всю эту исторію. Какъ уѣхалъ-то божественный губернаторъ, увозя въ душѣ надежду имѣть „дешево и мило“ превосходнѣйшаго повара, съ зачисленіемъ его въ исправительные пансіонеры свои,—я и сталъ Льву Алексѣевичу доказывать что ежели его превосходительство отдастъ Ѳому мнѣ, я его въ годичный срокъ въ христіанскую вѣру, какъ слѣдуетъ быть крѣпостному человѣку, обращу и потомъ возвращу ему его шелковенькаго; а между тѣмъ онъ у меня будетъ практиковаться на хорошей провизіи и угощать хорошими обѣдами нѣкоторыхъ необходимыхъ людей, въ родѣ, напримѣръ, такого гурмана, какъ Сенковскій-Брамбеусъ, обѣщающійся намъ статьи распребезподобныя. Левъ Алексѣевичъ не долго думалъ, зная мою способность „изъ язычниковъ добрыхъ христіанъ дѣлать“, отдалъ тотчасъ Ѳому мнѣ, а не господину губернатору, который мнѣ этого пассажа ужь никакъ простить съ тѣхъ поръ и не можетъ. И вотъ-съ, съ этого-то времени, драгоцѣннѣйшій В. П., вы и изволите кушать у меня всѣ эти лети-лате, да сосъ-велюте, да воль-о-ваны, да биски, да бешамелей, да всю эту французскую дребедень, въ которую и я, правду сказать, начинаю вѣдаться, а то прежде терпѣть не могъ. Теперь Ѳома ни на кого не только что съ ножомъ, съ иголкой-съ не кидается и съ большимъ усердіемъ обучаетъ моего крѣпостнаго парня Прокошку, моего кучера Константина сынишку.—Вотъ вамъ и весь сказъ.

Байковъ кончилъ свой разсказъ, разстроившій мнѣ нервы своимъ содержаніемъ. Я инстинктивно понималъ слова „обратить въ христіанскую вѣру“ и сознавалъ что не красиво должно-быть живется несчастному артисту кулинарнаго искусства.

Возвращаюсь къ „образцовымъ избамъ“, этой, повидимому, главной цѣли практико-хозяйственнаго воспитанія въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ.

Въ отчетѣ департамента удѣловъ 1837 года года читаемъ:

„Для практическаго частнаго домоводства, предположено заве-„сти при училищѣ двѣ образцовыя усадьбы, соотвѣтственныя „хозяйству средней и южной частей удѣльныхъ имѣній. Одна „изъ такихъ усадьбъ (саратовская или южная) устроена была „въ 1836 году, и тамъ воспитанники, въ очередь по пяти че-„ловѣкъ, распоряжаются какъ хозяева".—Въ отчетѣ же 1838 года за 1837 годъ мы встрѣчаемъ такія строки: „Въ 1837 году „построена и пущена въ ходъ образцовая изба, сѣверная или „владимірская, точно на тѣхъ же основаніяхъ какъ и южная, „но нѣсколько пространнѣе, въ совершенное подражаніе избамъ „достаточнаго крестьянства на поволжьѣ."

Обѣ эти избы строились при мнѣ, и всѣ ихъ подробности, начиная съ каменныхъ фундаментовъ до послѣднихъ вѣнцовъ крышъ, были мнѣ извѣстны совершенно. Въ 15й день іюля мѣсяца 1837 года, открыта была вышеупомянутая сѣверная или изба № 2. Открытіе это совершилось, какъ я уже и сказалъ, чисто домашнимъ торжествомъ, состоявшимъ изъ заказной обѣдни съ молебномъ и водосвятіемъ. Не только священникъ съ причтомъ, директоръ со штатомъ, семействомъ и гостями (я былъ въ числѣ этихъ весьма немногихъ, вмѣстѣ, помнится мнѣ, съ свѣтиломъ математическихъ наукъ въ Россіи, академикомъ Остроградскимъ, и съ двумя, тремя пріятелями Байкова, преимущественно Харьковцами); но всѣ свободные отъ должностей воспитанники, по окончаніи молебствія въ церкви заведенія,—отправились къ избѣ, гдѣ служился снова молебенъ съ водоокропленіемъ и гдѣ священникъ съ крестомъ и всѣ мы были приняты новыми хозяевами, а именно, Владимірцами: Григоріемъ Полянскимъ (тѣмъ самымъ котораго такъ роскошно за три года предъ симъ одарилъ Иванъ Никитичъ Скобелевъ, въ ту пору находившійся въ Нижнемъ-Новгородѣ, гдѣ начальствовалъ корпусомъ резервной лѣхоты *), Василіемъ Кислинымъ, Василіемъ Замятинымъ и

* Объ открытіи этой избы и о водвореніи въ ней Григорія Полянскаго я тогда же писалъ къ Ивану Никитичу въ Нижній, завѣряя добраго старика, желая невинною этою выдумкой доставить ему сердечное удовольствіе,—что будто бы на обѣдѣ въ день открытія избы Полянскій предложилъ, какъ хозяинъ, тостъ за здоровье отсутствующаго его превосходительства Ивана Никитича. Генералъ былъ очень доволенъ, отвѣчалъ мнѣ письмомъ залихватскимъ, съ посыломъ

Иваномъ Кононымъ. Они были въ жалованныхъ красныхъ, розовыхъ и голубыхъ рубахахъ, а на Васильѣ Замятинѣ, бѣлокуромъ нѣжнолицомъ юношѣ, надѣтъ былъ бѣлый фартукъ съ нагрудникомъ, такъ какъ въ этотъ день его очередь была *представлять изъ себя* хозяйку, обязанную наблюдать за стряпнею, хлѣбопеченіемъ, внутреннею чистотою, курятникомъ, коровникомъ и проч. Послѣ молебна, хозяева пригласили батюшку и директора съ семьею и гостями „хлѣба соли откушать". И мы, сервируемые хозяевами-молодцами, угостились ботвиньей съ рыбой (будто собственнаго улова, тогда какъ въ училищѣ кромѣ пруда съ карпами и окуньками другой воды не было), жаренымъ поросенкомъ, сладкимъ пирогомъ съ брусничнымъ вареньемъ и тѣмъ превосходнымъ квасомъ, какой такъ восхищалъ почтеннѣйшаго Ивана Никитича. Независимо отъ этого всего, Байковъ, чрезъ своего Никифора, доставилъ въ избу, въ видѣ презента своего хозяевамъ, нѣсколько бутылочекъ шипучей водянки, вмѣсто шампанскаго, и цѣлый боченокъ литнаго меда, чтобы „сладко пилось, да ѣлось, да блажь въ голову не шла и злая кручина не кручинила бы молодыхъ хозяевъ".

— Помилуйте, ваше высокородіе, ловко и мягко проговорилъ бывшій богомазъ Григорій Полянскій, —какая же въ свѣтѣ кручина можетъ коснуться до насъ, находящихся подъ начальственнымъ покровомъ его свѣтлости князя Петра Михайловича, его превосходительства Льва Алексѣевича и нашего отца-наставника его высокородія Матвѣя Андреевича, которымъ отъ глубины русскаго сердца все училище, словно одинъ человѣкъ, провозглашаетъ: „Многая лѣта!"

Слова эти имѣли эхомъ хоръ лѣвчихъ грянувшій великолѣпно „Многая лѣта! Многая лѣта!" изъ сѣней избы.

Матвѣй Андреевичъ съ видомъ своего напускнаго восторга восклицалъ: „Браво! какой сюрпризъ!" гости апплодировали и кричали: „Ура!" а Катерина Андреевна разчувствовалась, плакала отъ радости и, вмѣсто прежняго клѣтчатаго бумажнаго

поклона Полянскому и училищнымъ Владимірцамъ, а кромѣ того, по тяжелой почтѣ, выслалъ на его имя въ училище изрядный образъ въ серебряной ризѣ. Отвѣты были ему отъ Полянскаго и отъ М. А. Байкова.

платка, отирала слезы изящнѣйшимъ батистовымъ съ кружевною обшивкой платкомъ.

Сцена конечно была хоть куда, да только та бѣда что девять лѣтъ спустя послѣ этого, уже не служа даже въ училищѣ, я имѣлъ случай узнать что и этотъ „сюрпризъ“ не былъ сюрпризомъ для Байкова, сочинявшаго всю его программу и весь репертуаръ, поручивъ приведеніе въ исполненіе обыкновенному тогдашнему своему, въ этихъ случаяхъ, подручнику старшему учителю Ивану Максимовичу Максимову, который былъ примѣромъ благочинія и нравственной чистоты, отличаясь притомъ замѣчательно красивою и благородною наружностью.

XXIII.

Не задолго до открытія избы № 2, училище, 7 іюня 1837 года, было посѣщено знаменитымъ Сперанскимъ, тогда еще не графомъ, а членомъ государственнаго совѣта и начальникомъ II отд. собств. государя императора канцеляріи. Съ Михаиломъ Михайловичемъ Сперанскимъ былъ столь извѣстный всей Россіи вообще и Москвѣ въ особенности человѣкъ, которому наше сельское хозяйство вообще, а свеклосахарное производство и шелководство въ особенности, обязаны, Степанъ Алексѣевичъ Масловъ, который помѣстилъ въ редактируемомъ имъ тогда *Земледѣльческомъ Журналѣ* Московскаго Общества сельскаго хозяйства статью. Вотъ нѣсколько словъ этой статьи:„ Михаилъ Михайловичъ Сперанскій былъ всѣмъ вообще весьма „доволенъ, благодарилъ учениковъ, разцѣловалъ директора и „сказалъ ему: Не я васъ благодарю, вамъ вся Россія будетъ „благодарна! — Этихъ чувствъ и словъ я былъ свидѣтелемъ, и „для меня пріятно подкрѣпить мое донесеніе Обществу (сельскаго хозяйства) объ Удѣльномъ Училищѣ, отзывомъ мужа „заслужившаго трудами своими на пользу отечества всеобщее „уваженіе къ его государственному уму и прозорливости, отъ „которой не могло бы укрыться шарлатанство и не заслужило „бы такой искренней благодарности.“—Видно что не одинъ я ловился на эту удочку, сдѣлавшуюся мнѣ видимой лишь по прочтеніи въ 1846 году „Поденныхъ Записокъ Ивана Максимова“.—Относительно образцовыхъ избъ, достопочтенный С. А.

Масловъ тогда же говорилъ такъ: „Вотъ въ полной мѣрѣ рус„ская ферма русскаго образованнаго крестьянина, который „умѣетъ читать, писать, знаетъ законъ Божій, умѣетъ практи„чески снять планъ своей земли, умѣетъ пахать плугомъ, ко„сулей и скоропашкой, и знаетъ ихъ относительныя достоин„ства, умѣетъ самъ сдѣлать и колеса и телѣгу и всѣ земле„дѣльческія орудія, даже инструменты, каковы долото и то„поръ, можетъ самъ подковать лошадь и оковать свою телѣгу, „доить корову и вязать сноны и пр., а между тѣмъ онъ въ „крестьянскомъ кафтанѣ, ѣстъ изъ деревянной чашки и дере„вянною ложкою; онъ не выведенъ изъ своего быта, не бѣло„ручка, а самъ себѣ и господинъ и работникъ. Онъ пріученъ „жить опрятно, привыкъ къ повиновенію и порядку, и 250 че„ловѣкъ понесутъ эти прекрасныя качества въ удѣльныя имѣ„нія, сдѣлаются семьянинами и, конечно, передадутъ дѣтямъ „и свое образованіе и свою дѣятельность. Можно сказать что „въ Удѣльномъ Училищѣ практически рѣшенъ весьма важный „въ государственномъ отношеніи вопросъ, именно: какъ дать „крестьянину приличное образованіе, не раздружая его съ „роднымъ бытомъ и съ его крестьянскою избою.“ Такъ то всѣ безъ исключенія поддавались Байковскому обаянію!

Однако все это еще далеко не знакомитъ читателя съ тѣмъ что̀ такое были „*образцовыя избы*“ въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ, гдѣ впослѣдствіи было выстроено довольно много, кажется, до десяти такихъ избъ, особенно когда въ 1843 году, по оставленіи уже мною училищной слржбы, къ училищному участку присоединялся такъ-называемый „Ланской лѣсъ“, пріобрѣтенный удѣльнымъ вѣдомствомъ отъ г. Ланскаго, котораго имя тѣсно связано съ великимъ дѣломъ освобожденія крестьянъ 19 февраля 1861 года и который тогда, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, награжденъ былъ графскимъ титуломъ. Стараніями М. А. Байкова этотъ запущенный и дикій лѣсъ превратился въ прелестный паркъ, съ вполнѣ практическимъ направленіемъ.—Дворъ съ избою № I построены были на 6 саженяхъ ширины съ фасада, который ничего не имѣетъ въ себѣ не-русскаго, и на 14 длины, всего на 84 квадратныхъ саженяхъ. Очевидно что изба эта, съ дворомъ, хлѣвомъ, конюшнею, погребомъ, навѣсомъ и всѣми принадлежностями хозяйства, занимала менѣе чѣмъ обыкновенная наша владимірская, ярославская, костромская или вологодская изба доволь-

но зажиточнаго крестьянина. Сначала обѣ эти избы были крыты тесомъ; но въ послѣдствіи крыши не только жилаго строенія, но всего двора были сдѣланы соломенныя, такъ-называемыя „подъ щетку“, на шведскій манеръ, и залиты сначала зеленою глиной, а по глинѣ горячею смолой съ лескомъ и кожевеннымъ корьемъ, что̀ образовало нѣчто въ родѣ асфальта, не подлежащаго дѣйствію дождя, сыраго тумана, снѣга и мороза. Продолжаю описывать избу, ведя туда моего терпѣливаго читателя. Итакъ, вы входите по чистой лѣстницѣ въ сѣнцы, гдѣ съ лѣвой стороны черная или мастерская изба, въ которой находится крестьянскій гардеробъ, небольшая печь, столярный и токарный станки и вообще разныя принадлежности сельской технологіи, необходимой въ крестьянскомъ быту; направо чистая изба съ довольно большою, но уютно устроенною русскою печью, которая по справедливости такъ примѣчательна что нельзя не поговорить о ней подробнѣе. Печь эта имѣетъ двѣ отдѣльныя топки: одну для стряпни, другую для тепла въ комнатѣ. Извѣстно, чтобы зимою русскою печью нагрѣть комнату надобно сжечь полвоза хорошихъ дровъ. Въ этой же печи не нужно употреблять дровъ во всю зиму и можно топить ее щепой, стружкой, бурьяномъ, камышомъ, соломой и всякимъ хламомъ, и вотъ какъ: утромъ, когда надобно готовить обѣдъ, квасъ или печь хлѣбы, затопляютъ въ *стряпучей*; дымъ не идетъ прямо въ трубу, а проходитъ четыре оборотка щитка, отчего щитокъ разогрѣвается, и когда выше его закроютъ трубу, то онъ достаточно согрѣваетъ комнату. Если морозъ великъ, то къ вечеру, не открывая щитка, затопляютъ въ другой топкѣ, что̀ значитъ затопить *теплянку*. Теплянка эта не что̀ иное какъ стѣнка той же самой русской печки, но въ этой стѣнкѣ шесть оборотовъ: нѣсколько щитовъ разгорячаютъ теплянку, не выпуская тепла изъ щитка, и отъ этого комната нагрѣвается до 18 грас. въ морозъ отъ ничтожнаго топлива. Лѣтомъ теплянка не толится и щитокъ не закутывается, чрезъ что въ комнатѣ не бываетъ душно. Въ безлѣсныхъ мѣстахъ этого рода печи истинное благодѣяніе: онѣ просты и легче для работы чѣмъ обыкновенныя *битыя*, но только требуютъ смысла или, какъ говорится, „смѣтки“. Здѣшніе воспитанники устраивали эти печи дѣйствительно сами, безъ посторонней помощи, но сначала по указаніямъ опытнаго печника. Обращаюсь, однако, опять къ избѣ, гдѣ стѣны, очень бѣло

выштукатуренныя и въ приличныхъ мѣстахъ размалеванныя на крестьянскій ладъ, окаймлены скамейками, выкрашенными просто горячимъ конопляннымъ масломъ, отчего и кажутся хорошаго палеваго цвѣта, какъ лакированныя, и не всасываютъ грязи, а поэтому ихъ легко держать чисто; здѣсь шкафъ. столъ (такой же какъ въ молочнѣ и въ сельскомъ домикѣ), на трехъ окнахъ горшки съ шалочками, бархатцами, бальзаминами и душистымъ горошкомъ; въ красномъ углу киотъ съ образами, украшенными пасхальными яйцами и вербами, дареннными хозяевамъ избы начальствомъ; въ простѣнкахъ портреты царя и царицы; на стѣнкахъ, съ одной стороны, въ рамкахъ собственной работы, лубочное изображеніе открытія и несенія мощей Святителя Митрофана; противоположная стѣна украшается похвальными листами, полученными за экзаменъ здѣшними хозяевами. Въ чистой, свѣтлой, однооконной комнатѣ подлѣ этой горницы, стояли шкафы; отворите ихъ, являются кровати съ постелями. Этого рода спальные шкафы очень нравились воспитанникамъ, заявлявшимъ при мнѣ не разъ непремѣнное намѣреніе ввести ихъ у себя въ деревняхъ. Конюшня, коровня и птичникъ очень уютно и ловко устроены. Нѣкоторые изъ посѣтителей училища находили только что птичникъ слишкомъ близко къ хлѣву: птица, говорили они, не терпитъ испареній. Но Матвѣй Андреевичъ, врагъ всякихъ постороннихъ замѣчаній, находилъ что это мнѣніе—вздоръ, хотя оно основано на орнитологической физіологіи и научно вѣрно. Изъ конюшни и коровни можно выкладывать навозъ въ окно въ особое мѣсто, къ заднимъ воротамъ, для вывозки въ поле; подъ избою подвалъ для храненія картофеля и близь сѣней погребъ. При избѣ съ одной стороны отгорожено тыномъ мѣсто для огорода, и тутъ посаженъ хмѣль, капуста и другія овощи, самыя обыкновенныя и нужныя въ крестьянскомъ быту, а при воздѣлываніи огорода показывались ученику лучшій уходъ за овощами и польза употребленія улучшенныхъ орудій. На дворѣ, подъ навѣсомъ, телѣги и разныя земледѣльческія орудія: плуги, бороны, скоропатки, косы и замѣчательный *удѣльный плужокъ*, придуманный и устроенный тремя здѣшними воспитанниками, о которыхъ мы уже говорили выше (см. № 7й *Рус. Вѣст.*). Къ этой избѣ принадлежали три десятины земли, обрабатываемыя тремя жильцами ея. Произведеніями этихъ трехъ де-

сятинъ должны они прокормиться сами, четыре раза въ годъ угостить товарищей, человѣкъ по пяти, содержать двухъ коровъ, пару лошадей, десять овецъ, три свиньи и птицу, устроить для себя одежду, обувь и все для избы. Эта изба саратовская, оренбургская и симбирская; хозяйство и въ ней и на поляхъ должно соотвѣтствовать этимъ губерніямъ, почему жильцы или хозяева ея не могутъ доставать навоза, не только стороннаго, но не смѣютъ взять и съ училищной фермы.

Изба № 2й совершенно одного размѣра съ № 1мъ, но изба № 2й для сѣверной полосы, а потому она должна быть теплѣе, для этого внизу битая печь, тогда какъ въ № 1мъ просто свѣтлый подвалъ. Южная изба не имѣетъ надобности въ особомъ мѣстѣ для сушки лѣса и пр., потому что въ южныхъ губерніяхъ лѣто жаркое и продолжительное, все хорошо высохнетъ и подъ навѣсомъ. Въ сѣверной полосѣ, напротивъ, если припасете доску для стола, да не высушите ее и не будете держать въ жаркой избѣ, то доска зимой отсырѣетъ и лѣтомъ покосится или лопнетъ. Южному жителю можно производить много картофеля, свеклы и другихъ овощей, почему ему необходимы подвалы, а сѣверный на подвалахъ замерзнетъ самъ и овощи свои поморозитъ. На югѣ снѣгъ скоро таетъ и земля высыхаетъ; на сѣверѣ, если снѣгъ заляжетъ въ застѣнкѣ, то и до іюля не растаетъ, а чрезъ это строеніе мокнетъ, гніетъ, на дворѣ грязь, вотъ поэтому-то въ южной избѣ дворъ открытый, а въ сѣверной закрытый. Подъ образцовую избу № 1й назначено поля шесть десятинъ, и здѣсь система сѣвооборота *выгонная*, а подъ образцовою избой № 2й было три десятины, и тутъ система *шестипольная*. Порядокъ содержанія этихъ избъ въ постоянной опрятности и аккуратности доведенъ былъ педантизмомъ Байкова до того что избы эти перещеголяли собою жилья новгородскихъ поселянъ. Разъ какъ-то одна знакомая мнѣ дама, при посѣщеніи ею училища и при осмотрѣ избъ этихъ, приподняла горшечки съ цвѣтами на окнахъ и разсматривала ихъ, кажется съ цѣлью убѣдиться не искусственныя ли эти растенія. Убѣдясь въ томъ что ссмнѣніе ея не оправдалось, она поставила горшки на подоконники, не обративъ вниманія на то какъ они стояли. И тотчасъ дежурный избяникъ, показывавшій радушно свою избу, заботливо разставилъ горшки въ прежнемъ ихъ порядкѣ; а

когда я спросилъ его о причинѣ этой разстановки, онъ показалъ мнѣ на темныхъ подоконникахъ буквы: *б* (бальзаминъ), *г* (горошекъ), *м. у* (медв. ушко) и такъ далѣе.

Итакъ, вотъ въ чемъ была суть двухъ первоначально устроенныхъ здѣшнихъ „образцовыхъ избъ“, поражавшихъ своимъ истинно милымъ и привлекательнымъ видомъ. Байковъ увѣрялъ всѣхъ и каждаго что въ избахъ этихъ, живущіе поочередно, воспитанники содержатся буквально своимъ собственнымъ хозяйствомъ, т.-е. будто все то что̀ они тутъ льютъ и ѣдятъ—произведенія ихъ полей и ихъ огородовъ, при избахъ находящихся. Дѣйствительно, я видѣлъ въ каждомъ огородѣ, принадлежащемъ къ той или другой избѣ, разныя овощи, а въ подвалѣ съ осени всякій посѣтитель встрѣчалъ огромные чаны съ квашеною капустой и сусѣки съ картофелемъ, морковью, рѣпой, брюквой и пр. Въ молочной кладовой избѣ хранились молоко и масло отъ тѣхъ двухъ коровъ какія стояли въ коровникѣ. Иллюзія была полная! Воспитанники на житье въ избахъ чередовались еженедѣльно, кромѣ хозяевъ, т.-е. по одному старшему на избу, которые тутъ жили во все время своего практическаго курса и имѣли обязанностью пріучить прочихъ къ этому семейно-правильному и хозяйственному быту. Это устройство мнѣ казалось, при моей тогдашней совершенной неопытности въ дѣлѣ хозяйства, дѣломъ величайшей домоводственной важности и я не подозрѣвалъ здѣсь никакихъ обмановъ, ни шарлатанствъ. Чрезвычайно только удивлялся я тому что когда я входилъ въ подробности житья - бытья воспитанниковъ въ избахъ, при составленіи по этому предмету статей для энциклопедико-хозяйственныхъ журналовъ, требовавшихъ не фразъ, а фактовъ, и фактовъ основательныхъ, опирающихся на точныхъ и вѣрныхъ разчетахъ, Байковъ, всегда готовый сообщать разнаго рода свѣдѣнія, уклонялся отъ передачи мнѣ точныхъ матеріаловъ для описанія съ точки зрѣнія не идиллической, а чисто практической, хозяйственнаго быта воспитанниковъ въ избахъ, такъ что никогда я не могъ добиться отъ него правильныхъ свѣдѣній и цифровыхъ данныхъ. Въ послѣдствіи, служа уже въ заведеніи, узналъ я что воспитанники живущіе въ избахъ питаются изъ общей кухни и что кушанья къ нимъ въ избы приносятся ими самими изъ главнаго корпуса, откуда все это отпускается имъ, съ хлѣбомъ и съ квасомъ, общими кухарями и квасниками подъ надзоромъ экономa; а выдоивъ своихъ коровъ, которыя отъ времени до времени

перемѣняются изъ главной фермы, воспитанники-избяники относятъ новоподоенное молоко въ главную молочню, къ тому главному смотрителю за молочными скопами, Лебедеву, красотою котораго такъ изумлялись и восхищались всѣ посѣщавшіе училище и ферму его. Лебедевъ же выдавалъ счетомъ избяникамъ различные скопы, какими они обязаны были угощать благодушныхъ посѣтителей, воображавшихъ въ простотѣ сердечной что все это приготовляется руками самихъ хозяевъ-избяниковъ, по правдѣ сказать, умѣвшихъ дѣлать и варенцы, и сыръ бри очень хорошо, но не иначе какъ подъ наблюденіемъ спеціалиста приготовленія этихъ сливочныхъ лакомствъ—Лебедева; безъ него же они не то чтобы шага ступить не умѣли въ дѣлѣ приготовленія скоповъ, а все-таки никакъ не могли придать этимъ издѣліямъ извѣстную степень вкуса и ту щеголеватую внѣшность какими все это отличалось, проходя чрезъ руки этого даровитаго спеціалиста.

Всѣ эти, да и безчисленныя другія шарлатанства заведенія дѣлались мнѣ мало-по-малу извѣстны съ теченіемъ времени и преимущественно съ апрѣля мѣсяца 1839 года, когда я поступилъ туда на службу и когда, волей - неволей, многое должно было открываться во всей своей наготѣ, безъ фокусовъ и прикрасъ, проявлявшихся далеко не тѣмъ чѣмъ все это представлялось чрезъ розовую призму того миража, какимъ почтеннѣйшій Матвѣй Андреевичъ умѣлъ напускать туманъ даже на глаза людей несравненно болѣе меня опытныхъ и свѣдущихъ. Послѣ всего этого обвиненія меня въ непослѣдовательности моихъ мнѣній высказанныя рецензентомъ *Голоса* (№ 66, іюля 5го 1872 года) падаютъ сами собою, свидѣтельствуя только о томъ что этотъ рецензентъ увлекается желаніемъ, во что бы то ни стало, находить превосходною всю дѣятельность покойнаго г. Байкова, имѣя на то, вѣроятно, какія-либо свои соображенія, до которыхъ мнѣ дѣла нѣтъ. Но при этомъ нельзя не пожалѣть о томъ что г. рецензентъ пишетъ свои обвиненія очевидно не по убѣжденію, ибо всякій кто мало-мальски со вниманіемъ читалъ мою настоящую статью не можетъ не убѣдиться въ томъ что все Удѣльное Земледѣльческое Училище было не что иное какъ плодъ геніальнаго, въ своемъ родѣ, шарлатанства. Впрочемъ, объ этомъ я за симъ уже не скажу ни единаго слова, въ полной увѣренности что ни одинъ изъ моихъ читателей не увлечется наружною прелестью всѣхъ тѣхъ предметовъ какіе я уже описывалъ съ самою педантическою

точностію и какіе еще придется описать, предоставляя, впрочемъ, большею частію самому читателю видѣть то что̀ Французы называютъ l'anguille sous rache во всемъ этомъ изящномъ снаружи, но далеко не такомъ за кулисами,—представленіи на сценѣ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, которое такъ много лѣтъ, при управленіи Байкова, отуманивало всѣхъ, а потомъ постепенно падало, падало, а по смерти графа Л. А. Перовскаго и совсѣмъ упало, потому что, какъ сказалъ въ своей превосходной одѣ *Вельможа* нашъ знаменитый лирикъ Державинъ:

Не можно вѣкъ носить личинъ,
И истина должна открыться!

И эта истина открылась, и въ шестидесятыхъ годахъ, послѣ тридцатилѣтняго существованія этой *Аракчеевщины подъ стѣнами Петербурга*, твердая рука графа Михаила Николаевича Муравьева сокрушила это учебное учрежденіе, стоившее удѣлу громадныхъ, неисчислимыхъ суммъ и въ результатѣ никакихъ истинно добрыхъ плодовъ не принесшее.

XXIV.

Но обратимся снова къ галереѣ увлекательныхъ картинъ, которыми такъ богато было Удѣльное Земледѣльческое Училище, гдѣ, какъ уже я разказывалъ и описывалъ, всѣ празднества и въ особенности празднества съ водосвятіемъ совершались отмѣнно хорошо. Не буду говорить обо всѣхъ годъ въ годъ, потому что всѣ они были почти безъ всякихъ видоизмѣненій, какъ бы вылитыя въ одну форму, почему изображу здѣсь то что̀ я видѣлъ 1го августа 1837 года, а потомъ уломяну о другихъ праздникахъ, какія училищу были свойственны и обычны. Въ первыхъ числахъ августа всегда начиналась здѣсь уборка хлѣба и въ то же время производился первый, ранній, посѣвъ озимаго хлѣба. На этотъ разъ оба хозяйственныхъ дѣла совпали въ одинъ день Перваго Спаса. По окончаніи божественной литургіи, заключенной, какъ всегда, проповѣдью, на этомъ разъ посвященною „сѣву“ и „жатвѣ“, — нѣсколько избранныхъ воспитанниковъ приняли изъ рукъ священника церковныя книги, святые образа, крестъ, свѣчи, и двое отличнѣйшихъ, занимающихъ должности церковныхъ старостъ, всюду сущій Ѳедосей

Кузьминъ и смиренномудрый Григорій Полянскій, этотъ разбогатѣвшій благодаря И. Н. Скобелеву молодой крестьянинъ, вынули хоругви изъ ихъ гнѣздъ. Священникъ въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, вышелъ изъ церкви, сопутствуемый всѣми воспитанниками и пестрою толпой посторонникъ посѣтителей и посѣтительницъ, преимущественно прибывшихъ съ дачъ. Въ числѣ этихъ посѣтителей этотъ разъ, между прочими, былъ извѣстный авторъ нѣсколькихъ, пользовавшихся въ свое время громкою славою, комедій въ стихахъ и водевилей, Николай Ивановичъ Хмѣльницкій, мущина рослый, плотный, широкоплечій, нѣсколько рыхлый и обрюзглый. На его довольно усталомъ и какъ бы отекшемъ, тщательно выбритомъ, лицѣ не выражалось ничего особеннаго, кромѣ какой-то сонливости и вялости. Довольно безжизненные его глаза были вооружены продолговатыми модными очками въ золотой оправѣ. Непремѣнный, въ тѣ времена, его спутникъ, извѣстный фабрикантъ сборниковъ и альманаховъ, г. Аладьинъ, подробно описанный мною въ статьѣ *Знакомство съ Воейковымъ* (*Русск. Вѣст.* 1871), увивался около Хмѣльницкаго и ломинутно величалъ его превосходительствомъ, что̀ какъ бы минутно воскрешало въ памяти послѣдняго его недавнее губернаторство въ Смоленскѣ, имъ только-что оставленное, какъ говорится, „по домашнимъ обстоятельствамъ“, то-есть не по его волѣ. Егоръ Васильевичъ Аладьинъ, видя и зная что въ Удѣльномъ Земледѣльческомъ Училищѣ я свой человѣкъ и имѣю честь пользоваться благорасположеніемъ Л. А. Перовскаго, вмѣнилъ себѣ въ священнѣйшую обязанность познакомить меня съ его превосходительствомъ Николаемъ Ивановичемъ Хмѣльницкимъ, который, съ своей стороны, идя со мною рядомъ въ толпѣ, двигавшейся за священникомъ, нашелъ не излишнимъ сказать мнѣ:

— Ваша статья о здѣшнемъ заведеніи надѣлала много шума въ той губерніи которою я управлялъ. Смоленская губернія, вы знаете, конечно, губернія полпреимуществу земледѣльческая и дворянская. Не даромъ государь императоръ изволитъ называть эту губернію „губерніей отставныхъ поручиковъ гвардіи“, потому что между нашими помѣщиками рѣдко который дослуживается до штабъ-офицерства и всѣ стремятся подъ сѣнь своихъ родныхъ пенатовъ, принимаясь усердно за соху и рало. Эти господа, прочитавъ вашу статью, вереницами потянулись въ Петербургъ, взглянуть на чудеса агрономіи въ

окрестностяхъ столицы. Я едва успѣвалъ подписывать подорожныя по частной надобности. Правду сказать, однако, многіе возвращались разочарованными.

— Что же, спросилъ я, тогда восхищавшійся всѣмъ что творилось въ здѣшнемъ заведеніи,—развѣ эти господа нашли что мое описаніе обмануло ихъ ожиданія?

— Напротивъ, отвѣчалъ эксъ-губернаторъ,—они нашли что вы еще были слишкомъ скромны и не все высказали; но ихъ печалило, главное, то что ихъ матеріальныя средства никогда не дозволятъ имъ и сотой доли всего того что здѣсь дѣлается такъ легко, при громадности удѣльнаго капитала.

Я не любилъ толковать объ этомъ, потому что тогда не понималъ шарлатанства Байкова и не принималъ ничьихъ доводовъ contra всего того что здѣсь дѣлалось, почему спѣшилъ свести моего собесѣдника съ этой темы, для меня неловкой и непріятной, и сказалъ ему:

— Я очень признателенъ Егору Васильевичу Аладьину, доставившему мнѣ случай лично узнать автора очаровательныхъ *Воздушныхъ Замковъ*, въ которыхъ самъ за десять лѣтъ предъ симъ, въ селѣ Городищѣ, близь Орла, принадлежащемъ графу Евграфу Ѳедотовичу Комаровскому, игралъ, будучи пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, роль Виктора, и до сихъ поръ всегда съ наслажденіемъ объ этомъ вспоминаю, особенно когда Викторъ выводитъ изъ мечтаній Альнаскара словами: „Великій государь! Васъ просятъ кушать чай!“, а потомъ самъ пускается въ постройку уже своихъ собственныхъ воздушныхъ замковъ. Прелесть какъ это хорошо и останется вѣчно свѣжо и пріятно!

— Все это, замѣтилъ Хмѣльницкій,—„дѣла давно минувшихъ дней“, а вотъ заботы и занятія по управленію губерніей другая статья и уже лахнетъ не литературною шаловливостью, а чисто государственнымъ дѣломъ.

„Которое однако, видно, господину Аристофану пришлось не по плечу“, подумалъ я про себя и оставилъ эксъ-губернатора пояснять кому-то другому важность и значеніе губернаторской дѣятельности, а самъ занялся наблюденіемъ за ансамблемъ церковнаго хода. Пѣвчіе несли церковныя книги и разныя принадлежности церковнаго богослуженія, а прочіе воспитанники всѣ стройно, по одному въ рядъ шпалеромъ, шли по обѣимъ сторонамъ, какъ бы фланкируя насъ. Пришедши на поле назначенное подъ посѣвъ, воспитанники должны были

занять каждый свое мѣсто у своего участка, для того чтобы начать сѣвъ озимаго хлѣба по освященной землѣ, которую священникъ кропилъ кропиломъ, обмакиваемымъ въ святую воду въ огромной металлической чашѣ, несомой съ правой его руки двумя воспитанниками изъ старшихъ, въ темно-зеленыхъ, кафтанахъ, опоясанныхъ алыми кушаками. Съ развѣвающимися хоругвями, плавно впереди колебавшимися, при громкомъ пѣснопѣніи: „Тебе Бога хвалимъ!“, мы пришли на рыхлую пашню, гдѣ приготовленъ былъ столъ, покрытый ярко-бѣлою салфеткой и украшенный вѣнками изъ колосьевъ и цвѣтовъ. На столѣ стояла чаша съ святою водою, а по краямъ чаши прилѣплено было множество восковыхъ свѣчей, эффектно отливавшихъ своимъ красноватымъ свѣтомъ, боровшимся съ яркими лучами лѣтняго солнца. Около стола стояли огромные мѣшки съ сѣменами ржи-вазы собственнаго урожая. Я осмотрѣлся: на всемъ пространствѣ пашни стояли молодые парни, однообразно и опрятно одѣтые, въ педантично ровномъ разстояніи одинъ отъ другаго. Начался молебенъ. По окончаніи молебна и по допущеніи предстоящихъ къ цѣлованію святаго креста, священникъ окропилъ святою водой сѣмена въ мѣшкахъ. Въ это время нѣсколько воспитанниковъ, испросивъ пастырское благословеніе, ознаменовавъ себя крестнымъ знаменіемъ съ полнымъ благочестіемъ, и положивъ три земныхъ поклона, сняли съ себя кафтаны и засучивъ рукава кто цвѣтныхъ, голубыхъ, розовыхъ, красныхъ, а кто простыхъ бѣлыхъ рубахахъ, взяли сѣвницы съ сѣменами и поднесли ихъ прежде всего двумъ звѣздоносцамъ, членамъ департамента удѣловъ, тутъ присутствовавшимъ, директору, помощнику директора и нѣкоторымъ изъ посѣтителей, въ числѣ которыхъ и мнѣ, само-собою разумѣется, какъ „другу училища“, даже ко мнѣ подошло съ сѣвницами заразъ человѣкъ десять, что, правду сказать, немножко меня, вообще не охотника до проявленія своей личности въ какомъ бы то ни было церемоніалѣ, нѣсколько смутило и сконфузило. Въ этотъ моментъ Матвѣй Андреевичъ Байковъ быстро схватилъ сѣвницу изъ рукъ одного изъ воспитанниковъ, остановилъ однимъ взглядомъ молодыхъ земледѣльцевъ, подававшихъ съ видомъ казеннаго благоговѣнія сѣвницы генералитету, а потомъ, обратясь къ воспитанникамъ собственно, продолжалъ:

— Помните, ребята, что первая горсть должна быть непре-

мѣнно брошена не кѣмъ инымъ, какъ батюшкой. Зерна изшедшія изъ руки святой крестъ державшей сейчасъ и освященнымъ кропиломъ окропившей эти сѣмена—святы будутъ. Благоволите, отецъ Игнатій, метнуть первую горсть, а вслѣдъ за вами насъ удостоятъ то же сдѣлать ихъ превосходительства господа члены; но вы, непремѣнно вы начните.

Священникъ, нѣсколько покраснѣвъ, перекрестился и сказавъ: „Господи благослови плодомъ обильнымъ зерна сіи!“, ловко пустилъ нѣсколько горстей во всѣ четыре стороны вокругъ себя и передалъ сѣвницу Ѳедосею Кузьмину!

— О! да какъ же батюшка ловко сѣетъ! воскликнулъ хихикая Байковъ,—вотъ мы его, ребята, упросимъ намъ помогать.

Всѣ начали сѣвъ, при движеніи крестнаго хода по пашнѣ, которую священникъ кропилъ святою водою. Въ это время юные земледѣльцы наперерывъ просили батюшку, каждый за свой участокъ, чтобъ онъ побольше окропилъ его и при этомъ каждый изъ нихъ набожно крестился, прося Бога о награжденіи ихъ хорошимъ урожаемъ, отъ котораго отчасти зависитъ одобрительная аттестація ихъ въ успѣхахъ практическаго земледѣлія.

Когда церемонія сѣва по освященной землѣ и освященными сѣменами была кончена, директоръ объявилъ что теперь надо приступить къ жатвѣ того хлѣба который оказывается совершенно созрѣвшимъ и пойти на смежную съ этимъ полемъ ниву, покрытую моремъ золотистыхъ колосьевъ, высоты необычайной. Опять воспитанники, въ пристойномъ разстояніи, стройными рядами окружили или окаймили тѣхъ которые несли иконы, фонарь и хоругви. Священникъ несъ на головѣ крестъ. Публика замыкала шествіе. Такъ какъ оказалось что въ чашѣ не было уже болѣе ни единой капли воды, то шествіе, по нѣмому распоряженію директора, направилось къ пруду. Хоругвеносцы стали на плотинѣ, а на противоположной сторонѣ сталъ священникъ, у особо приготовленнаго столика съ сосудомъ, полнымъ воды. По берегамъ пруда ровнымъ, рѣдкимъ фронтомъ стояли воспитанники и усердно молились; около мѣста гдѣ совершалось водосвятіе, стояла пестрая толпа посѣтителей, безпрестанно возраставшая отъ вновь прибывшихъ изъ города и съ дачъ. По прочтеніи эктиньи и молитвъ, воспитанники очень хорошо пѣли: „Тебе Бога хвалимъ!“—Послѣ этого шествіе двинулось къ полю, покрытому

превосходною озимою рожью. Здѣсь остановился крестный ходъ возлѣ орудій жатвы, размѣщенныхъ въ симметріи на особо приготовленномъ столѣ и состоящихъ, преимущественно, изъ тѣхъ малыхъ косъ, присаженныхъ на короткую рукоять съ крюкомъ и грабелькою, которыя между агрономами извѣстны подъ названіемъ „бельгійской жатвенной косы“. Тутъ, по отпѣтіи эктиньи, человѣкъ двадцать молодцовъ воспитанниковъ, въ жалованныхъ алыхъ, розовыхъ и голубыхъ рубахахъ, взялись за косы, подавъ ихъ превосходительнымъ посѣтителямъ и директору. Господа звѣздоносцы, управлявшіеся ловко въ своихъ засѣданіяхъ съ веромъ, жали очень не ловко, тогда какъ Матвѣй Андреевичъ, какъ бы показывая имъ и вообще публикѣ превосходное дѣйствіе этой жатвенной косы, по справедливости долженствующей замѣнить собою повсемѣстно серпъ,—жалъ мастерски, какъ заправскій жнецъ. Когда онъ отдалъ свою косу одному изъ воспитанниковъ, отъ котораго и взялъ ее, кажется, Матвѣю Бровкину,—уборка закипѣла съ удивительною отчетливостію и быстротою; воспитанники дѣйствовали косою съ видимою къ ней любовію и какъ бы съ наслажденіемъ. Можно было считать удары, производимые какъ бы по темпамъ. Быстро обнажалось поле отъ хлѣбныхъ волнъ, его покрывавшихъ, и столь же быстро ставились снопы въ видѣ красивыхъ и граціозныхъ букетовъ, тщательно и искусно перевязанныхъ жгутами изъ соломы. При этомъ Байковъ объяснялъ членамъ и всей публикѣ всю важность искусной вязки сноповъ и теорію уборки зернового хлѣба этою косой съ короткою рукоятью и грабелькою въ сравненіи съ длиннорядочною, при огромныхъ зубцахъ, „курляндскою“ косою и, наконецъ, съ нашимъ серпомъ. Недостатки послѣдняго Байковъ указывалъ съ величайшими натяжками и былъ очень недоволенъ однимъ, никому неизвѣстнымъ посѣтителемъ, который упорно доказывалъ что никакою косой въ свѣтѣ нельзя снять хлѣба высокаго качества и вполнѣ спѣлаго, какъ хорошо наточеннымъ и правильно сработаннымъ серпомъ, главное достоинство котораго, по его мнѣнію, состоитъ въ томъ что онъ рѣжетъ весь пукъ соломы, крѣпко захваченный лѣвою рукой, причемъ нѣтъ сотрясенія и удара, производящихъ просыпь въ значительномъ количествѣ. Объ этомъ господинѣ, скептически относившемся къ косьбѣ хлѣба, годной, по его мнѣнію, лишь для овсовъ, да

и то для плохихъ, Байковъ далъ особое наставленіе воспитанникамъ.

— Ребята, сказалъ онъ,—ежели когда-нибудь этотъ посѣтитель пріѣдетъ въ училищѣ, то не пускать его, сказавъ ему: — Царь Петръ Алексѣевичъ вводилъ хлѣбокошеніе и гналъ серпъ; а вы, сударь, смѣете хаить косу и хвалить серпъ. Значитъ, вы супротивникъ воли царя Петра Алексѣевича, а супротивниковъ такихъ училище у себя принимать не желаетъ. Идите отъ насъ. — Слышите?

— Слушаемъ ваше высокородіе! орала молодая толпа.

Господа члены департамента удѣловъ и нѣсколько гостей, бывшихъ при этихъ сельскихъ торжествахъ, въ томъ числѣ, разумѣется, и я, приняли приглашеніе Матвѣя Андреевича остаться у него обѣдать. Къ обѣду были приглашены священникъ и помощникъ директора Ѳ. И. Сухомлиновъ. Послѣ кофе всѣ разошлись и разъѣхались. Мы съ Байковымъ остались двоемъ, и тогда онъ мнѣ сказалъ:

— Знаете ли, В. П., устроимъ-ка маленькую, какъ вы тамъ по-городски, да по-французски называете, „парти де плезиръ“, и при этомъ захихикалъ, по своему обыкновенію, съёживъ въ морщины лицо и закрывъ глаза.

— Я къ вашимъ услугамъ, Матвѣй Андреевичъ, сказалъ я,— да только та бѣда что ежели вы хотите ѣхать на минеральныя воды въ Новую Деревню (тамъ тогда еще И. И. Излера и въ поминѣ не было и гулянье было въ высшей степени приличное и комильфотное, безъ всякихъ кабачностей и каскадностей),—то мнѣ, одѣтому совершенно запросто, съ фуражкою вмѣсто шляпы и въ сюртукѣ далеко не гуляльномъ, тамъ будетъ не совсѣмъ ловко, потому что вы знаете пословицу: „по платью встрѣчаютъ“, а между моими знакомыми, правду сказать, не мало такихъ, и всѣ они непремѣнные члены этого блестящаго и свѣтскаго гульбища, куда я иногда ѣзжу, платя дань обязанности сопровождать молоденькую сестренку мою повсюду, гдѣ ей можетъ быть весело.

— Ха! ха! ха! захохоталъ Байковъ,—Христосъ съ вами! Вотъ что̀ выдумали, чтобъ я потащился отсюда въ этотъ дурацкій бомондъ въ моемъ форменномъ костюмѣ и съ моимъ чувствомъ глубокаго нерасположенія къ этого рода прохаживаніямъ для слушанія какого-то нѣмецкаго оркестра Германа или Гунгля, чортъ ихъ знаетъ. Вотъ нашли любителя! Жена, сестра—другое дѣло, тѣ пусть туда шляются. Да и имъ тамъ,

правду сказать, смерть какъ не весело бываетъ.—Нѣтъ-съ мы нашенскую, собственную парти де плезиръ, соединенную съ пользою дѣла, соорудимъ, не удаляясь далеко изъ училища и однако взявъ съ собою добрую часть воспитанниковъ на эту прогулку. Догадываетесь ли въ чемъ дѣло?

— Теряюсь въ догадкахъ и недоумѣваю, отозвался я.

— А вотъ, изволите видѣть, В. П., „мальчикамъ“ полезно, отъ времени до времени, хорошенько покупаться. Я иногда, когда для этого нарочно спроважу все мое бабьё со двора, предоставляю нашъ прудъ. Но плохое купанье въ нашемъ пруду, а для лошадокъ его и совсѣмъ употреблять нельзя: перепортимъ всю рыбу. Поливанья водою лошадямъ мало, непремѣнно надобно ихъ купать и кулать не на шутку, такъ мы иногда цѣлою гурьбою, человѣкъ въ полторасто, оставивъ дома только дежурный людъ, подъ началомъ моего помощника, да экономa, отправляемся къ озеру Поклонной горы, что̀ въ Первомъ Парголовѣ, версты три, четыре отъ насъ, и тутъ ужь вдоволь натѣшимся. Вы умѣете плавать?

— Къ горю моему, отвѣчалъ я,—не умѣю.

— Какъ же, замѣтилъ Байковъ,—это вашъ родитель маху далъ? Училъ васъ верховой ѣздѣ, фехтованію, гимнастикѣ и танцованію, а не выучилъ плавать.

— То-то и бѣда, объяснялъ я,—что мое воспитаніе было больше въ зависимости отъ матери, чѣмъ отъ отца. Боясь чтобъ я не утонулъ какъ-нибудь, она съ самыхъ малыхъ лѣтъ такъ устраняла меня отъ воды что я, наконецъ, получилъ къ водѣ что-то въ родѣ отвращенія и, повѣрите ли? всякій разъ что̀ въ яликѣ приходится мнѣ переѣзжать Неву,—я ощущаю нѣчто крайне непріятное.

— Эге! да вы, захихикалъ Байковъ,—въ родѣ гидрофоба, я вижу. Ну, въ такомъ разѣ, вы погуляете по берегу, пока мы будемъ купаться и плавать всею компаніей, не забывъ главной нашей цѣли похода, то-есть знатно выкупать лошадушекъ нашихъ. На сушѣ останутся дядьки—унтеръ-офицеры, беречь казенную одёжу и обувь, и на этотъ разъ вы будете ихъ комендантомъ. Я поѣду въ моемъ крохотномъ кабріолетѣ и возьму съ собою Ондрю моего, который пусть также покулается, да отъ „мальчиковъ“ поучится искусству плавать. Шестьдесятъ или семьдесятъ почти человѣкъ воспитанниковъ поѣдутъ верхомъ безъ сѣделъ, на всѣхъ шестидесяти трехъ нашихъ фермерскихъ коняхъ, да еще и моя вся конюшня

пойдетъ съ нами, и кони священника, и пара клячъ моего помощника. Видите, эскадронъ хоть куда, до семидесяти штукъ. Человѣкъ же девяносто съ дядьками унтерами пойдутъ по два въ рядъ пѣшкомъ. Не поѣхали бы, В. П., съ эскадрономъ-то верхомъ? А, идетъ?

— Идетъ-то, идетъ, сказалъ я,—да, волервыхъ, безъ сѣдла я не поѣду, а вовторыхъ, изъ вашихъ всѣхъ лошадей трудно выбрать такую на которой для меня ѣзда была бы пріятна и удобна: я ѣзжу на лошадяхъ мундштученныхъ и могу ѣздить только на вполнѣ хорошо выѣзженной лошади; донцы же вашихъ сотскихъ пріѣзжены исключительно на уздечкѣ, и сколько я могъ замѣтить, страхъ какъ молодцами вашими строго задерганы, даже то того что что у иныхъ коней рты чуть не до ушей разорваны. Съ такого крѣпкоуздаго легаса я какъ разъ слечу. Рабочія же ваши обвенки превосходны для всякаго дѣла кромѣ верховой ѣзды, по причинѣ ихъ черезчуръ развитыхъ хребтовъ, необъятно широкихъ. Нѣкоторыя снабжены и кадыками. Сидѣть на такихъ коняхъ пренесловко должно-быть; да къ тому же эти обвенки у васъ всѣ какія-то упорныя, и ежели хорошо ходятъ при маневрѣ пожара, то лишь благодаря нагайкамъ-тройчаткамъ, да кнутамъ изъ воловьей сыромяги. Нѣтъ, на всемъ этомъ я не ѣздокъ, и лучше пойду съ ребятами пѣшкомъ, предпочитая, на этотъ разъ, инфантерію кавалеріи.

— Вотъ еще выдумали что̀—пѣшкомъ! говорилъ Байковъ,—я васъ пѣшаго не пущу, а лучше ужь, коли такъ, велю запречь для васъ крохотную карфашку, которую его превосходительство Левъ Алексѣевичъ для себя намъ сюда намедни прислалъ. А впрочемъ, что̀ жь я одурѣлъ и забываю что у насъ отъ его же превосходительства присланъ англійскій пони, ростомъ не великонекъ, но выѣзженный такъ, говорятъ, что на шелковинкѣ ходитъ и даже голосъ понимаетъ: съ словомъ „гопъ, гопъ“, шельма, съ мѣста принимаетъ. Кличка ему *Ральфъ*. Пробовалъ я на этого шотландскаго клепера садиться. Я вѣдь въ жизнь мою никогда ни на одну лошадь не садился и, какъ вы воды, такъ я верховой ѣзды не жалую, хотя и изъ казацкаго рода начало свое веду. Для меня этотъ *Ральфъ*, прости Господи, чортъ знаетъ что̀ такое! Распреканалья, пренепокорная, и ничего по-моему не дѣлаетъ. А вотъ, намедни, на него садился генералъ баронъ Шлиппенбахъ, такъ въ восхи-

щеніе пришелъ и говоритъ: „Эка прелесть! Ну хоть бы на полтора вершочка повыше ему быть! Тысячный конь былъ бы“. Итакъ, дѣло рѣшеное, вы поѣдете на *Ральфѣ*. Разсыльный! Найди дежурнаго сотскаго, я отдамъ ему приказанія.

XXV.

У Байкова между отдачею имъ приказанія и исполненіемъ этого приказанія обыкновенно проходило немного времени, и вслѣдствіе этихъ, отданныхъ имъ приказаній, черезъ нѣсколько минутъ на дворѣ, на томъ огромнѣйшемъ дворѣ который знакомъ читателю еще съ начала этой статьи, стояла, въ стройномъ порядкѣ, не толпа, а правильная колонна молодцовъ—воспитанниковъ, въ желтоватыхъ кафтанахъ изъ верблюжины съ свѣтло-зелеными кушаками, и около нихъ нѣсколько старшихъ въ темно-зеленыхъ крашенинныхъ кафтанахъ, при красныхъ кушакахъ; на флангахъ же были унтеръ-офицеры, между которыми въ такихъ же галунныхъ сюртукахъ вертѣлись два фельдшерка, Александровъ и Павловъ, оба съ выразительными черномазыми еврейскими физіономіями. Впереди этой колонны были учителя, въ ихъ, уже знакомыхъ читателю, длинныхъ іезуитскихъ однорядкахъ съ цилиндрическими шляпами въ рукахъ. Старшій изъ учителей, Иванъ Максимовичъ Максимовъ, красивый и весьма симпатичной наружности юноша, съ нѣсколько жеманнымъ видомъ и изысканными манерами, выдѣлялся рельефнѣе другихъ.

— Пѣшій конному не товарищъ, сказалъ Байковъ.—Мы всѣ ѣдемъ, а вы идете по образу пѣшаго хожденія, такъ вамъ даю четверть часа впередъ. Веди ихъ, Максимовъ. Чтобы шли поларно и благоразумно. Боже упаси, ежели узнаю о какой-нибудь шалости или непотребствѣ.

— Ваше высокородіе, сказалъ слабогрудый Григорій Полянскій, вышеупомянутый уже какъ протеже генерала Скобелева,— не извольте сомнѣваться: мы бы не были достойны названія учениковъ и воспитанниковъ Матвѣя Андреевича Байкова, даннаго намъ Богомъ и благотворительнымъ начальствомъ, ежели бы не сумѣли оправдать вашего милостиваго къ намъ довѣрія.

Для всякаго, кромѣ меня, очевидно было что это была одна изъ сотни выдолбленныхъ фразъ, пускаемая при свидѣтеляхъ

какъ заученный урокъ; но я тогда мнѣлъ отъ восторга при каждомъ словѣ произносимомъ воспитанниками, и, ничего не подозрѣвая, все считалъ за чистѣйшую и вѣрнѣйшую монету.

— Ладно, сказалъ Байковъ,—но вѣдь не всѣ у насъ Григорьи Полянскіе. Есть и Азаровы и Шапошниковы, за которыхъ ручаться трудно.

— Мы за себя ручаемся предъ вашимъ высокородіемъ, сказали два парня, въ послѣдствіи вышедшіе изъ заведенія съ самыми меньшими наградами. Оба они смотрѣли, впрочемъ, какими-то непорочными агнцами, по пословицѣ: „въ тихомъ омутѣ черти водятся“.

Байковъ засмѣялся и сказалъ: „Ну, маршъ!“ а огромный усачъ унтеръ-офицеръ Надиденко скомандовалъ съ оттѣнкомъ малороссійскаго акцента: „По два въ рядъ, заходи слѣва, маршъ!“

Между тѣмъ у воротъ за рѣшеткой выстроился мой оригинальный эскадронъ, состоявшій изъ семидесяти почти коней, преимущественно рабочихъ и ѣзжалыхъ мохнатыхъ рыжихъ, половыхъ, буланыхъ, саврасыхъ и карихъ обвенокъ, на которыхъ сидѣли молодцы парни въ верблюжьихъ кафтанахъ и въ своихъ низенькихъ поярковыхъ шляпахъ. Эта колонна стояла по шести въ рядъ, рядовъ въ десять или одиннадцать. На одномъ флангѣ подъ однимъ изъ фермерскихъ конюховъ, Силантовѣ, ржалъ мышастой масти чистой шведской крови разжирѣвшій жеребецъ съ огромною гривой ниже колѣна. Байковъ мнѣ пояснилъ что этотъ чортъ силы необъятной и возитъ тяжести такія, какія подъ-стать хоть тройкѣ. Дѣйствительно, великолѣпное было животное *Шведъ*, какъ именовался этотъ конь, краса всей конюшни. На поджарыхъ, острокостыхъ пяти или шести донцахъ, живыхъ и поворотливыхъ, съ огненными глазами и вздернутыми рылами, сидѣли сотскіе; но подъ лихимъ Бровкинымъ былъ вороно-лѣгій конь съ бараньею мордой, по которой шла лысина вершка въ три ширины. Этотъ конь, по кличкѣ *Башкиръ*, чистой татарской крови, рвалъ поводья, мотая волосистою головой и взмахивая хвостомъ; но молодецъ сѣдокъ покорялъ его своей волѣ, и животное, понимая съ кѣмъ имѣетъ дѣло, только копытомъ правой передней ноги энергично толало по шоссированному полотну площадки. *Башкиръ* былъ приведенъ изъ Оренбурга въ подарокъ Льву Алексѣевичу и отличался качествами не дюженными.

Байкову подали его кабріолетъ, запряженный, вѣчно танцу-

ющимъ, но смирнымъ какъ теленокъ мохнатымъ *Козыремъ*. Матвѣй Андреевичъ усѣлся вмѣстѣ съ сынкомъ своимъ и сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— А! вотъ отставной гусаръ Димченко, ведетъ и вашего на сегодня *Ральфа*, В. П. — Нутка, извольте намъ показать ваше берейторское искусство.

Въ этотъ моментъ дѣйствительно подъ узцы подводилъ отставной малорослый гусаръ, въ своей какой-то персиковаго цвѣта куртке съ серебряными полинялыми шнурочками, прекрасиваго вишнево-гнѣдаго съ красными подпалинами пони чистой шотландской породы, одареннаго, повидимому, преспокойною иноходью, но неспособнаго на рысь. Конекъ точно не великъ, не больше обвенокъ, но съ бархатистою кожей, съ черною какъ смоль, почти до земли, густою гривой и съ хвостомъ разстилавшимся трубою. Глаза смотрѣли весело и словно смѣялись,—знакъ добрый, значитъ нрава добраго.—Я подошелъ съ лѣваго плеча лошади, охолилъ ее рукою и голосомъ, она внимательно на меня посмотрѣла, я ласково погладилъ ей морду, и тогда гусаръ, откидывая стремена, заброшенныя на прелестное замшевое англійское сѣдло, сказалъ, обращаясь ко мнѣ:

— Не извольте сомнѣваться, ваше благородіе! Лошадка первый сортъ. То-есть что ни на есть благочестивая. Иноходь у ней лучше всякой люльки; а въ карьеръ ходитъ такъ, что ей же Богу у насъ въ Ольвіопольскомъ гусарскомъ, четвертой дивизіи, изволите знать, былъ жеребецъ *Визапуръ*, вороной безъ отмѣтинъ, подъ вахмистромъ-съ ходилъ. Ну-съ этотъ пострѣлъ *Ральфъ* развѣ *Визапуру* уступитъ въ карьерѣ. А ужь иноходь такая, ну, просто, съ сѣдла не сойдешь!

Димченко все это мнѣ повѣствовалъ когда уже я былъ въ сѣдлѣ и пробовалъ стремена; оказалось что стремена на одну дырку надо было подать внизъ.

— Онъ-съ у насъ на „гопъ, гопъ“-съ ходитъ, продолжалъ Димченко, когда я сначала осторожно и трусливо, какъ нѣкогда учившійся, будучи мальчикъ 12—13 лѣтъ, на механическихъ деревянныхъ лошадяхъ шарлатана Эйзендекера, двинулъ мою лошадь шагомъ по двору, шепча ей тихонько, протяжно и нѣжно: „гопъ, гопъ, гопъ“!—Лошадь пошла препріятною иноходью. Я вполнѣ успокоился, видя по всему складу и движеніямъ шотландскаго конька что это почти механическій снарядъ Эйзендекера, но во всей конской плоти и съ иноходью очаровательною; Димченко же рекомендовалъ въ немъ и маршъ-маршъ великолѣпный.

— Ну что? спросилъ Байковъ, пустивъ своего *Козыря*, — не празднуете трусу, дорогой В. П.?

— А вотъ какъ! отвѣчалъ я, и, принявъ какъ слѣдуетъ мундштукъ для поднятія въ ускоренный галопъ, далъ энергическій лѣвый шенкель, и, дѣйствительно, едва удержался въ сѣдлѣ, потому что конекъ поднялся съ мѣста въ такой ускоренный маршъ-маршъ, что Байковъ, вообразивъ что лошадь понесла меня, велѣлъ Бровкину пуститься на *Башкирѣ* чтобы подать мнѣ помощь. Чувствуя погоню, *Ральфъ* несся стрѣлою; а Байковъ между тѣмъ, обращаясь къ Димченко, улыбавшемуся во всю свою скуластую рожу, сказалъ:

— Э-эхъ, служивый, еще увѣрялъ что лошадь благочестивая; а она, шельма, носитъ. Ну какъ чего добраго его превосходительство Льва Алексѣевича-то она, треклятая, понесетъ.

— Она, ваше высокородіе, и есть что ни на есть точно благочестивая животина, объяснялъ Димченко, — да и по-англійски обучена, всяки языки понимаетъ. Я ее, впрочемъ, больше россійскому вразумляю. Ихъ благородіе ей изволили очень ясно и больно скоро сказать: „гопъ, *Ральфъ*!“, и тогда *Ральфъ* полетитъ хоть черезъ весь участокъ нашъ.—Да вонъ ихъ благородіе-то отъ Выборгской дороги назадъ ѣхать изволятъ курцъ-галопцомъ съ лѣвой ноги. О, го, го, го!—Охъ! хорошо, хорошо! Благочестивая лошадка, просто душа, а не лошадь-съ! И добрый кавалеристъ бросился цѣловать коня въ его лышущую морду, а я его ласкалъ, гладя и хлопая по шеѣ и обзывая самымъ любезнымъ образомъ.

— Такъ, такъ-съ, поддакивалъ мнѣ Димченко, — *Ральфъ* по-англійскому разумѣютъ, всякія языки они-съ разумѣютъ.

— О! my dear horse, сказалъ я, — вспоминая давно забытыя вокабулы, и точно, доброе животное ласково скосило на меня лѣвый глазъ.

— Такъ, благодареніе Богу, лошадка добрая и ѣздить на ней можно? спросилъ Байковъ.

— Не только добрая, сказалъ я, смѣясь,—но очаровательная!—Какъ же мы ѣдемъ? Вы или мы впередъ?

— Я вашей пыли глотать аппетита не имѣю, засмѣялся Байковъ и быстро пустилъ своего *Козыря* по училищной аллеѣ до Выборгской дороги, но на скаку громко крикнулъ:

— Пожалуста, не залруживайте всей дороги, а гдѣ чуть

ѣдутъ экипажи, поѣзжайте гуськомъ, гдѣ не ѣдетъ никого, можно и по три врядъ.

— Мы всю дорогу поѣдемъ по два въ рядъ, какъ пошли пѣшіе, отвѣчалъ я, сдѣлавъ изъ ладоней трубу и опустивъ вольно поводья-*Ральфу*.

Смѣшно сказать, а нельзя не сознаться что въ 1837 году, когда мнѣ было всего 25 лѣтъ, но когда я уже на службѣ занималъ осьмиклассное мѣсто и былъ далеко не ребенкомъ,— вся эта кавалькадная процедура мнѣ была очень по сердцу и забавляла меня. Это въ особенности страннымъ можетъ казаться сегодняшнимъ такимъ же, какимъ я тогда былъ, молодымъ людямъ, которыхъ, конечно, ничто въ этомъ дѣтскомъ родѣ потѣшить не можетъ,—ихъ, наслаждающихся сильными впечатлѣніями игры на биржѣ, или въ освѣщенныхъ ярко залахъ записныхъ столичныхъ шулеровъ, или находящихъ усладу въ ловкихъ передвиженіяхъ по службѣ, мѣтя уже чуть ли не въ министры, по пословицѣ „худъ тотъ солдатъ который не надѣется быть фельдмаршаломъ“. Дѣло въ томъ что теперь нѣтъ ни дѣтей, ни молодежи; мы же, люди тридцатыхъ, сороковыхъ годовъ, оставались какъ-то дольше молодыми и находили искреннее удовольствіе въ томъ что̀ въ нынѣшнемъ, впрочемъ, передовомъ, можетъ-быть, поколѣніи считается страннымъ и ребяческимъ. Ну, однако, какъ бы тамъ ужь ни было, а повторяю,—смѣйся надо мною читатель какъ ему угодно,—фактъ тотъ что за 35 лѣтъ предъ симъ я грѣшный человѣкъ къ предложенной мнѣ тогда М. А. Байковымъ кавалькадѣ отнесся такъ какъ бы тогда мнѣ было не 25, а 15—17 что ли лѣтъ.

Кабріолетикъ Байкова мелькалъ вдалекѣ, когда я, оставшись на площадкѣ у воротъ чугунной рѣшетки предъ аллеей, обсаженною тогда еще очень рѣдко, березами,—уже смѣло и свободно сидя въ сѣдлѣ на *Ральфѣ*, сказалъ сотскому Бровкину:

— Ты, Бровкинъ, на твоемъ лѣгомъ *Башкирѣ*, ѣдемъ рядомъ со мною, вторая лара кто-нибудь изъ ребятъ, по вашему порядку, и такъ дальше, а въ замкѣ пусть ѣдетъ одинъ на своемъ *Шведѣ* конюхъ Силантовъ.

Въ этомъ порядкѣ всѣ двинулись. Я сталъ съ боку, пустивъ впередъ Бровкина и пропустивъ за нимъ поларно остальныя 32 или 33 пары, замыкаемыя великолѣпнымъ въ своемъ родѣ *Шведомъ* съ конюхомъ Силантовымъ на немъ. Удостовѣрясь въ правильности всего строя, я поравнялся съ Бровкинымъ,

который однако на долголовы все-таки держался отъ меня, движимый, присущимъ воспитанникамъ Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, субординативнымъ чувствомъ, не дозволявшимъ ему. слишкомъ равняться со мною. *Ральфъ* мой шелъ иноходью упоительною, а всѣ прочіе всадники вели своихъ коней на рысяхъ и довольно лихо равняли пары, не заскакивая впередъ, не скучиваясь и не откидываясь по сторонамъ. Проѣхавъ такъ версты двѣ, мы увидѣли кабріолетъ Матвѣя Андреевича, подвигавшійся медленно подлѣ стройной толпы воспитанниковъ, тянувшихся длинною лентой. Я слѣва подъѣхалъ къ Байкову, лаская *Ральфа* по правому его плечу.

— Ну что̀, господинъ отрядный командиръ, хихикая, по обыкновенію, спросилъ Матвѣй Андреевичъ, какъ довольны вы конемъ?

— Я отъ этого коня въ восхищеніи, отвѣчалъ я,—онъ такъ покойно ходитъ и такъ дрессированъ что будь я человѣкъ съ маломальскимъ независимымъ состояніемъ, я откупилъ бы *Ральфа* у его владѣльца, чтобъ имѣть удовольствіе дѣлать на немъ загородные рейсы.

— Безъ всякаго откупа, заявилъ Байковъ,—*Ральфъ* будетъ въ полномъ вашемъ распоряженіи въ каждый вашъ пріѣздъ къ намъ. Льву Алексѣевичу это будетъ даже пріятно, потому-что ваша проѣздка, такая повидимому деликатная, принесетъ этому пони больше пользы, чѣмъ немножко залихватская ѣзда нашего гусарка, который имѣетъ слабость къ маршъ-маршу.

— Да и то сказать, Матвѣй Андреевичъ, у *Ральфа* такой легко-размашистый скокъ во весь карьеръ что его маршъ-маршъ едва ли не спокойнѣе его иноходи. Я не могъ себѣ представить ничего, въ этомъ родѣ, мягче и пріятнѣе.

— Ну, ежели это вамъ, В. П., доставляетъ такое удовольствіе, молвилъ Байковъ, улыбаясь немножко иронически и пуская шибче своего *Козыря*,—такъ понеситесь стрѣлой къ озеру, которое предъ нами. А мы съ Андрей полюбуемся вами.

Я, не заставляя себя просить, тотчасъ сжалъ бока коня шенкелями, принялъ на пальцахъ ремешки мундштука по всѣмъ правиламъ искусства и произнесъ сократительное: „гопъ“, „гопъ“, „гопъ!“, такъ громко, и такъ быстро, чтобъ умное животное поняло сущность требованія, вслѣдствіе чего оно съ легкой лансады понеслось плавно и быстро впередъ. Я только слышалъ долетавшія до меня слова Матвѣя Андреевича:

„*Башкиръ* и *Шведъ* маршъ за *Ральфомъ*!“ и раздавшійся за мною стукъ осьми подкованныхъ копытъ, отчего мой *Ральфъ*, ощущая погоню, старался еще сильнѣе, и я уже его охоливалъ рукою и словами: „My dear horse!“, стоя въ упоръ на самомъ берегу, когда Бровкинъ и Силантовъ лодскакали ко мнѣ на своихъ коняхъ, изъ которыхъ *Шведъ*, довольно жирный, запыхался такъ что едва могъ переводить дыханіе, между тѣмъ какъ *Башкиръ* рвался у сѣдока на новую скачку.

Появленіе наше на берегу озера Поклонной горы тотчасъ произвело впечатлѣніе на гулявшую тутъ парголовскую публику, состоявшую, впрочемъ, преимущественно изъ мущинъ, такъ какъ женскій полъ, зная что въ эту пору озеро бываетъ ареною купающихся и плавающихъ любителей, на время полетучился, хотя мѣстами по опушкѣ лѣся мелькали разноцвѣтныя платья и ленты соломенныхъ шляпъ. Да и пора, правда, было этимъ дамочкамъ удалиться, потому что въ водѣ озера уже колошилось нѣсколько человѣкъ, громко перекликавшихся по-нѣмецки съ другими товарищами, игравшими въ лапту на берегу. То были ученики многолюднаго пансіона пастора Рейнбота, котораго благотворительное заведеніе для сиротъ - иностранцевъ находилось обыкновенно лѣтомъ въ Коломягахъ. Бо́льшая часть этихъ Нѣмчиковъ входила въ воду, ныряла, садилась на лесочкѣ, мылась, выходила и въ костюмѣ Адама бѣгали по травѣ подъ надзоромъ гувернера, важно покуривавшаго копѣечную сигару и объяснявшаго мальчикамъ всю важность и пользу умѣнья плавать, хотя самъ, повидимому, о плаваніи въ практическомъ смыслѣ никакого понятія не имѣлъ; но для Нѣмца всего важнѣе теорія, и онъ ее развивалъ сильно на тему: „умѣнье плавать очень полезно“, причемъ ставилъ въ примѣръ всѣмъ ученикамъ ихъ товарища, довольно красиваго юношу лѣтъ 16, съ темными натурально вившимися кудрями, который изъ всего заведенія одинъ умѣлъ плавать, и правду сказать, плавалъ какъ рыба. То былъ племянникъ того въ тѣ дни громко извѣстнаго уѣзднаго врача Цвернера, который имѣлъ случай въ Чембарахъ, во время паденія государя императора Николая Павловича изъ коляски и вывихнутія имъ плечевой ключицы,—сдѣлать Его Величеству чрезвычайно удачную перевязку, доставившую ему вниманіе монарха и знаменитость на нѣсколько недѣль. Юный Цвернеръ, племянникъ оператора, раздѣвшись, бросился въ воду съ пригорка и сталъ дѣлать на поверхности воды разныя штуки.

Вдругъ этотъ пловецъ отдалился отъ берега къ срединѣ озера, гдѣ было нѣчто въ родѣ островка, съ рощею на немъ березой. Въ моихъ глазахъ онъ нырнулъ и затѣмъ уже не возвращался болѣе. Товарищи и наставникъ думали что онъ шутитъ, и кричали: „Bravo Zverner! Brawo!“, но когда онъ все-таки не появлялся, гувернеръ, вооружась жестянымъ рупоромъ, заоралъ во всю мочь! „Zurük Zverner! Zurük!“ Но отвѣта не было, и тотчасъ всѣмъ ясно представилось что мальчикъ захлебнулся.

— Ваше благородіе, позвольте! вскричалъ Бровкинъ, обращаясь ко мнѣ и двигая въ воду свою лошадь, привычную плавать, но *Башкиръ* на этотъ разъ что-то заупрямился и взвился на дыбы. — Въ это мгновеніе показался изъ лѣска экипажъ Байкова, окруженный со всѣхъ сторонъ воспитанниками конными и пѣшими, весело лѣвшими, по приказанію начальства: „Какъ у нашихъ у воротъ“ и проч. — Я подъѣхалъ къ Матвѣю Андреевичу и объяснилъ ему въ чемъ дѣло. Онъ, взглянулъ на островокъ, быстро сказалъ какъ бы говоря съ самимъ собою:

— Тамъ что-то въ родѣ водоворота, толкуютъ здѣшніе жители; да все равно, надо сдѣлать доброе дѣло, да къ тому же вѣдь тонетъ то не кто-нибудь, а носящій фамилію Цвернера, которая теперь на всѣхъ языкахъ послѣ случая въ Чембарахъ.

И Байковъ мгновенно отдалъ свои приказанія, вслѣдствіе которыхъ весемь отличнѣйшихъ пловцовъ изъ воспитанниковъ, въ рубашкахъ безъ обуви, бросились въ воду на помощь утопающему и понеслись съ быстротою рѣчныхъ птицъ къ островку, гдѣ еще бульбухала вода и кружились пузыри. Всѣ они молодецки нырнули, и двое изъ нихъ, Козьма Нечесинъ (воронежскій) и Никифоръ Петровъ (костромской) имѣли счастіе вытащить и принести на берегъ бѣднаго мальчика. Громкое *ура* огласило воздухъ, но увы! радость наша была непродолжительна; всѣ возможныя медицинскія пособія, оказанныя, какъ нашими фельдшерами, такъ сбѣжавшимися съ дачъ, жившими на нихъ, врачами остались тщетны: мертвые не воскресаютъ. Нѣмецъ-гувернеръ былъ въ отчаяніи, мальчики горько плакали, и, устроивъ при помощи удѣльныхъ же воспитанниковъ носилки изъ древесныхъ сучьевъ, отнесли въ Колымягу тѣло юноши, который, какъ говорили его товарищи, за часъ времени предъ тѣмъ выходилъ изъ дома такой счастливый и довольный.

Происшествіе это произвело на всѣхъ насъ грустное впечатлѣніе, и общая веселость нѣсколько помрачилась. Однако и изъ этого случая Байковъ умѣлъ извлечь ту пользу, что принялся объяснять воспитанникамъ необходимость осторожности и отдалъ строгое приказаніе, при плаваніи въ озерѣ, не доходить до срединнаго островка, гдѣ, повидимому, есть водоворотъ. Затѣмъ онъ самъ раздѣлся и пошелъ въ воду, а за нимъ и всѣ воспитанники, изъ которыхъ нѣкоторые плавали съ удивительнымъ искусствомъ, особенно костромитяне и саратовцы, родившіеся на берегахъ большихъ рѣкъ и привыкшіе къ этимъ упражненіямъ съ дѣтства. Всадники усердно купали и мыли своихъ коней; но моего *Ральфа*, по моему желанію, не разсѣдлывали, а только вытирали мокрыми вѣниками и потомъ до суха сѣномъ, что, казалось, ему очень нравилось и онъ послѣ этого сдѣлался еще бодрѣе и веселѣе. Когда воспитанники одѣлись, директоръ позволилъ имъ малыми кучками разойтись по лѣску для сбора ягодъ и грибовъ. Они чередовались съ тѣми которые оставались при стреноженныхъ лошадяхъ. Такъ провели мы съ часъ, гуляя около озера, бесѣдуя со встрѣчавшимися тутъ знакомыми посѣтителями училища, сидя на травѣ и заставляя ребятъ играть въ горѣлки съ разною дачною молодежью и отчасти съ высылавшими изъ деревни Колымяги, часть полей которой граничила съ задами Удѣльнаго Училища, тамошними парнями. Взглянувъ на часы, директоръ велѣлъ дать сигналъ сбора, и сотскій Бровкинъ, у котораго въ роговой рукояти его нагайки былъ пресильный свистокъ, раза три свистнулъ, и на этотъ свистокъ изъ разныхъ мѣстъ лѣска вскорѣ собрались воспитанники, съ коробами и лукошками ягодъ и грибовъ. Плохія болотныя ягоды предоставлены были директоромъ воспитанникамъ, которые и истребили ихъ очень скоро, какъ бы самое превосходное лакомство; а грибы, собранные во множествѣ, велѣно было отнести домой, и часть отдать на директорской кухнѣ извѣстному ловору Ѳомѣ, остальные, составлявшіе девять десятыхъ всего количества сбора, передать Якову Маркеловичу, то-есть эконому, для приготовленія изъ нихъ на завтра пироговъ для воспитанниковъ. Распоряженія эти были приняты всѣми съ признательностью и удовольствіемъ. Учителя и унтеръ-офицеры принялись за повѣрку наличнаго числа воспитанниковъ, причемъ замѣтили что еще не прибылъ унтеръ-офицеръ Синельниковъ съ пятью воспитанниками, изъ числа

которыхъ не былъ налицо скромный, кроткій, но необыкновенно женоподобный парень, тогда еще не болѣе какъ лѣтъ 18ти, Андрей Задонскій, изъ Московской конторы, о которомъ разсказывали его земляки что онъ родился на какой-то ситцевой фабрикѣ въ Москвѣ отъ одной дѣвушки-сиротки и былъ потомъ принятъ въ домъ и усыновленъ отцомъ другаго Москвича—воспитанника Григорія Садовникова, бывшаго постарше Задонскаго и очень его любившаго, словно младшаго брата. Андрей Задонскій былъ необыкновенно милой наружности, но весь станъ его небольшаго роста, всѣ формы тѣла, поразительная бѣлизна и нѣжная свѣжесть лица, тонкость и деликатность чертъ, мягкость голоса, свѣтлорусые волосы, очень густые и всегда въ натуральныхъ завиткахъ, синіе томные глаза, чуть-чуть приподнятый носъ, поразительной бѣлизны зубы и розовыя губы, при ласково-веселомъ выраженіи всего лица, съ ямочками на персиковыхъ щекахъ — давали этому молодому земледѣльцу внѣшность дѣвушки, переодѣтой въ костюмъ воспитанника Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища, удостоеннаго за хорошіе успѣхи розовой ситцевой рубахи. Байковъ его чаще другихъ незначалъ дежурить въ молочной, въ помощь красавцу брюнету Лебедеву, — который былъ очень друженъ съ этимъ юношей, какъ съ своимъ почти постояннымъ помощникомъ. На Святкахъ здѣшніе воспитанники обыкновенно любили рядиться, и тогда женскій костюмъ ни къ кому такъ ни шелъ, какъ къ нѣжнолицему Андрюшѣ Задонскому, который въ сарафанѣ и кокошникѣ, съ пышными рукавами полотняной рубашки, былъ лучше многихъ красивыхъ даже женщинъ и дѣвушекъ и лучше самого себя въ любомъ мужскомъ нарядѣ. Всѣ это было поводомъ къ тому что Задонскому присвоенъ былъ товарищами собрике „дѣвицы“, и воспитанники почти иначе Андрея Задонскаго не называли, какъ „Задонскій-дѣвица“, хотя директоръ строго преслѣдовалъ это прозвище и уже многіе воспитанники, по случаю несдержанности ихъ языка, поиспытали за это директорскую строгость, хотя и самъ-то Матвѣй Андреевичъ любилъ подтруниватъ надъ женоподобною красотой Задонскаго.

— Свистни-тка еще, сотскій, сказалъ Матвѣй Андреевичъ, а потомъ засмѣялся, весь по обыкновенію сморщась и какъ бы говоря самъ съ собою, но впрочемъ для всей честной компаніи.—Говорятъ въ Колымягахъ пропала какая-то тамошняя

дѣвчонка. Вѣрно ушла въ какія-нибудь, мерзавка, казармы; а Нѣмчурка-управитель помѣщика графа Орлова-Денисова, флигель-адъютанта и гвардіи казацкаго полка полковника, имѣлъ глупость ударить такую тревогу что бѣда, и чрезъ всѣ на свѣтѣ полиціи ее разыскиваетъ. Охота луще неволи, хлопотать такъ объ этой дряни!... Да, сказываютъ, Нѣмецъ-то втюрился въ эту дѣвчонку и хочетъ чтобъ ее возвратили ему живую или мертвую. Онъ даже вздумалъ себѣ вообразить будто наши „мальчики“ похитили, изволите видѣть, сію „Сабинку“ и переодѣвъ въ мужское платье въ училищѣ держатъ. Вотъ дуракъ-то! А еще говорятъ что Нѣмецъ обезьяну выдумалъ. Ежели какой изъ нихъ и изобрѣлъ что, такъ этого осла графскаго управителя, который постоянно намъ всякія пакости строитъ. Вотъ теперь выдумалъ будто мои „мальчики“ его Аксютку Свистѣлкину держатъ въ училищѣ, и что будто я этому покровительствую. Я докладывалъ объ этомъ Льву Алексѣевичу, и его превосходительство хохотать изволилъ и мнѣ плюнуть на этотъ вздоръ совѣтовалъ. Я, конечно, по генеральскому совѣту и плюнулъ, а все-таки чрезъ нѣкоторыхъ людцовъ далъ знать Нѣмцу что де насъ, Нѣмчура, не замай: ѣдемъ, ѣдемъ не свистимъ, а наѣдемъ не спустимъ!... Добрые люди, въ лицѣ здѣшняго становаго и сотскаго, пояснили геніальному Нѣмцу, ученику Тэра, въ чемъ суть, и вотъ онъ прикусилъ языкъ и сконфузился; но все-таки дворнѣ графской, состоящей изъ отлѣтой барской опричины, обѣщалъ сто рублей за отысканіе вышеупомянутой Аксютки Свистѣлкиной. Нашъ Задонскій, говорили мнѣ, удивительно смахиваетъ на эту пропавшую красавицу, словно братъ ея родной, онъ же безъ рода, безъ племени, такъ что, чего добраго, алгвазилы Нѣмца-сосѣда распорядятся схватить его за нее. Но въ такомъ разѣ и алгвазиламъ и ихъ атаману будетъ разчетъ плоховатый. А и впрямь свистни-тка еще, Бровкинъ!

Вскорѣ послѣ этого третьяго свистка появился красно-багровый унтеръ-офицеръ Синельниковъ, на этотъ разъ еще болѣе чѣмъ когда лурлуровый и съ видомъ яраго гнѣва; съ нимъ шло пять воспитанниковъ и въ числѣ ихъ Григорій Садовниковъ, всѣ въ изорванныхъ кафтанахъ, Андрей же Задонскій въ слезахъ, горько плачущій и весь въ лохмотьяхъ.

— Что у васъ тамъ вышло? спросилъ Байковъ со строгимъ видомъ, вперивъ свои бѣлесоватые глаза въ Синельникова, который, вытянувшись въ струнку по-гвардейски, говорилъ:

— Мы, ваше высокородіе, собирали ягоды и грибы въ одномъ дальнемъ мѣстечкѣ.

Байковъ. Очень нужно было такъ отдаляться что трехъ свистковъ тебѣ слышно не было.

Синельниковъ. Свистки-то, ваше высокородіе, мы слышали, да у самихъ свистка не было чтобы дать сигналъ о неблагополучіи.

Б. Впередъ надо распорядиться чтобы свистокъ былъ у каждаго надзирателя. Скажи объ этомъ Маркелычу. Ну?

С. Мѣстечко-то мы нашли больно злачное, неподалече отъ барской усадьбы, все въ малинникѣ и тутъ нѣсколько десятковъ яблонь, на полверсты почитай.

Б. И вы, черти, тамъ мародёрничали?

С. Былъ грѣшокъ, ваше высокородіе, виноваты. Малина ужь слишкомъ хороша, шпалеры выше моего гренадерскаго роста и всѣ какъ стѣной покрыты позднею ягодой; а ранніе яблоки такіе наливные....

Б. Мало ли что можно видѣть, да гадить нельзя чужаго добра.

С. Мы и не гадили, ваше высокородіе, а только маненько полакомились. Мнѣ тутъ кстати такъ и припомнился одинъ панскій садъ, когда мы съ Полякомъ тягались въ тридцать первомъ, я еще тогда съ армейскою метелкой на луговицахъ ходилъ, то-есть не въ гвардіи былъ.

Б. А въ гвардію перевели вѣрно дурня за ростъ. Велика Ѳедора, да дура, малъ золотникъ, да дорогъ.

С. Сіе справедливо есть, ваше высокородіе; примѣромъ будучи сказать, я росл, да простъ, а ваше высокородіе малы, да разумны. Виноваты мы всѣ, виноваты, ваше высокородіе, ломародерничали въ графскомъ малинникѣ и по яблочкамъ прошлись.

Б. Виноватъ ты одинъ, какъ старшой и служивый. А еще съ Георгіемъ да съ Анной, а ума ни на волосъ. Штрафую тебя синенькою. Дежурный сотскій, когда воротишься, скажи письмоводителю Сафонову что Синельниковъ оштрафованъ пятью рублями.

— Слушаю, ваше высокородіе, отвѣчалъ сотскій и тотчасъ записалъ въ свою записную книжку, а Байковъ продолжалъ допросъ:

— Ну, значитъ, васъ поймали въ воровствѣ и вздули? Честь и слава училищу!

Синельниковъ. Никакъ нѣтъ-съ, ваше высокородіе, никакъ

нѣтъ-съ. Этого ничего не было, и на счетъ яблокъ то-есть и малинника не было ни слова сказано, потому что ужь когда мы изъ малинника-то совсѣмъ вышли и по первому свистку путь держали сюда, какъ вдругъ откуда ни возьмись намъ въ перерѣзъ по тропкѣ цѣлый какъ бы баталіонъ бабья здѣшняго, штукъ этакъ тридцать, настоящія, извѣстное дѣло, колымяжскія озорницы. Я глянулъ на ребятъ, а они всѣ какъ красныя дѣвицы, ни однимъ глазкомъ, да и то правда смотрѣть-то нечего: все пожилыя ужь тетки, да растрепанныя такія, мерзавки, откуда-то, изъ Втораго, кажись, Парголова, съ праздника престольнаго идутъ. Какъ поравнялись, то-есть эти-то шельмы, съ нами, такъ одна лузатая вѣдьма крикнула. „Бабы, вонъ она бѣглянка-то Аксютка-то! Срамница къ удѣльнымъ забралась, да ихъ нарядъ надѣла. Держи ее!“

Байковъ не утерпѣлъ, захохоталъ и воскликнулъ:

— Ну, такъ, я не ошибался что выйдетъ кутерьма изъ-за пригожей рожицы Андрея Задонскаго. Но отчего же ты такъ плачешь, Задонскій, весь въ крови и весь оборванъ? Полно рюмить: всѣ и вправмь дѣвкой, а не парнемъ считать будутъ.

— Да ужь больно, ваше высокородіе, совѣстно, отвѣчалъ Задонскій, весь багровый отъ слезъ и всхлипывая. — Ей-же-ей, ваше высокородіе, буду молить Бога чтобы Господь въ милосердіи Своемъ наслалъ на мою несчастную рожу самую что ни есть злую оспу.

— Не болтай пустяковъ, замѣтилъ строго Байковъ,—и Бога не гнѣви такими грѣшными желаніями, за которыя тебѣ батюшка завтра, по моему желанію, назначитъ эпитемію въ тысячу поклоновъ. Ну, Синельниковъ, продолжай.

— Вотъ, продолжалъ Синельниковъ,—вдругъ мы и оглянуться не успѣли, какъ ужь бабъ этихъ штукъ восемь бросились на Андрея Задонскаго, да ну его, сердечнаго, таскать за волосы, бить по щекамъ, рвать на немъ жалованную розовую рубаху. Увидѣвъ этотъ дебошъ, я, ваше высокородіе, началъ потасовку первый сортъ-съ и кулачищи пустилъ въ ходъ, крикнувъ парнямъ чтобы помогали мнѣ лущить эту бабью сволочь. Ну, ужь и переколѣчили жь ихъ, треклятыхъ! Почитай что ни одна безъ синяковъ не осталась, и поотскочили онѣ отъ насъ и отъ бѣднаго Задонскаго, который какъ ни кротокъ, а самъ одной чертовкѣ, что Аксюткиной теткой называлась, прокусилъ зубами щеку въ кровь до самой кости, почитай. И за это молодецъ! Мало еще ей поганой досталось!

Я взглянулъ мелькомъ на бѣдняжку женоподобнаго Задонскаго и замѣтилъ при этомъ что дѣйствительно у него запеклась кровь въ изрядномъ количествѣ на губахъ, на подбородкѣ и на груди. Замѣтивъ мой внимательный взглядъ, этотъ парень, всегда такой кроткій, съ остервенѣніемъ и забывая строгость Байковской дисциплины, сказалъ:

— Жалѣю ужь только о томъ что я эту разбойницу до смерти не загрызъ. Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ! Она сказалась теткой какой-то тамъ Аксютки изъ Колымягъ и доказывала что я эта переодѣтая Аксютка, только подстриженная въ скобку. Когда дядюшка Синельниковъ ей доказывалъ что она вретъ, она, указывая на эту у меня родинку подъ лѣвымъ глазомъ, заорала: „Да вонъ и родинка подъ лѣвымъ Аксюткинымъ глазомъ! Да я по-твоему, пьяное рыло, вру! А развѣ, заорала, ваши ребята серьги носятъ? Вишь отъ серегъ дырочки въ ушныхъ мочкахъ!“ И вцѣпилась мнѣ въ оба уха, такъ что ее едва оторвали. Руки-то у меня были свободны, я ея голову прижалъ къ себѣ и зубами прокусилъ ей щеку. „Подлая ты душа! сказалъ ей: мнѣ въ Москвѣ на фабрикѣ еще мочки для серегъ продѣли: тамъ всѣ парни серьги, почитай, носятъ!“ А она, шельма, все моихъ ушей не выпускала, пока ей Садовниковъ здоровымъ сукомъ чуть всѣ руки не обшибъ. Вотъ отъ этого-то я весь въ крови!

— Экой звѣрь плотоядный, засмѣялся Байковъ,—сталъ нашъ тихоня Задонскій. Но теперь, однако, прежде чѣмъ идти домой, раздѣнься, Задонскій, хоть, правда, бабы тебя почти-что раздѣли, и выкупайся и умойся въ озерѣ, чтобы слѣдовъ этой всей гадкой крови и этого всего безпорядка на тебѣ не было.

Обратное наше шествіе совершалось въ другомъ порядкѣ: конные двинуты были впередъ, за ними пошли лѣхотинцы, съ которыми легкою рысцой ѣхалъ Матвѣй Андреевичъ, а я на временномъ моемъ иноходцѣ ѣхалъ подлѣ его кабріолетика, и въ продолженіи дороги нашъ разговоръ сначала вертѣлся на томъ что происшествіе съ бѣднымъ Задонскимъ даромъ колымяжскимъ обывательницамъ и ихъ управителю пройти не должно; а потомъ бесѣда наша перешла на воспоминаніе о несчастномъ утопленникѣ. Подъѣзжая уже къ училищу, Байковъ сказалъ мнѣ:

— Прибудь мы минутами десятью раньше, племянникъ чембарскаго врача Цвернера, безвѣстное имя котораго сдѣлалось такъ громко эту пору и находится на устахъ всего Петер-

бурга, чего Петербурга, всей Россіи,—не былъ бы мертвъ: мои молодцы спасли бы его, и завтра въ Петербургѣ это было бы предметомъ всѣхъ и повсюду разговоровъ. Вотъ ужь точно что не знаешь гдѣ потеряешь, гдѣ найдешь! Нѣмецъ-гувернеръ говорилъ мнѣ что этотъ мальчикъ предназначался къ блестящей карьерѣ: Государь обѣщалъ его дядѣ опредѣлить его въ Царскосельскій лицей на свой счетъ, собственнымъ пансіонеромъ, а потомъ вести его по службѣ во II отдѣленіи собственной же канцеляріи. Но одинъ хлебокъ воды въ этомъ Парголовскомъ озерѣ всему положилъ конецъ. А успѣй мы, удѣльные земледѣльцы, его спасти, Боже мой, Боже мой, какъ бы много намъ удалось выиграть. Видно ужь такъ угодно было Господу Богу!

Противъ обыкновенія, вечеръ нашъ кончился не только чаемъ, а также и ужиномъ, состоявшимъ изъ превосходно приготовленныхъ знаменитымъ Ѳомой грибовъ, собранныхъ воспитанниками, и запитыхъ нами съ Матвѣемъ Андреевичемъ одною изъ его великолѣпнѣйшихъ ратафій. За 35 лѣтъ предъ симъ, владѣя какимъ-то страусовымъ желудкомъ, я безнаказанно могъ дозволить своему свѣжему, молодому аппетиту такія вольности, немыслимыя нынѣ, когда не только яства въ родѣ грибовъ въ сметанѣ, да и чашку бульйона я себѣ не дозволяю на ночь. Такъ-то съ годами все, все, все перемѣняется.

Послѣ ужина, какъ обыкновенно, въ кабинетѣ Матвѣя Андреевича, возлежа на нашихъ ложахъ, мы предъ сномъ грядущимъ вели бесѣду. Матвѣй Андреевичъ сказалъ мнѣ что онъ не заснетъ до Богъ вѣсть какого часа, потому что взволнованъ событіями дня и сказалъ:

— Нѣтъ ли у васъ, В. П., чего новенькаго разказать намъ провинціаламъ?

— Среди всѣхъ сегодняшнихъ различныхъ съ самаго утра впечатлѣній и занятій, сказалъ я,—я забылъ разказать вамъ, почтеннѣйшій Матвѣй Андреевичъ, какъ на этихъ дняхъ что мы съ вами не видѣлись, мнѣ удалось если не вытащить изъ воды утопленника, то спасти молодаго человѣка отъ смерти навѣрное, по крайней мѣрѣ начальникъ военно-сухопутнаго госпиталя, что на Выборгской сторонѣ, у васъ въ нѣкоторомъ сосѣдствѣ, главный докторъ г. Флоріо, объявляетъ объ этомъ направо и налѣво.

— Это любопытно, хихикнулъ Байковъ,—какъ это вы въ медики записались?

— Нѣтъ, возразилъ я,—медициной я не практиковалъ, а заставилъ только другихъ такъ заняться однимъ, протежируемымъ мною больнымъ субъектомъ, что безъ меня этотъ субъектъ, находясь въ обыкновенныхъ условіяхъ пользованія въ нашихъ госпиталяхъ нижнихъ чиновъ, теперь бы покоился на кладбищѣ, а онъ вмѣсто этого быстро поправляется, и вполнѣ выздоровѣетъ, ежели только удастся освободить его изъ лисарьства, которое его сгубитъ въ нашихъ душныхъ залахъ, освѣщаемыхъ газомъ, и предоставить ему постоянную жизнь на чистомъ воздухѣ. Дѣло, изволите видѣть, въ томъ что въ числѣ лисарей нашей немногочисленной канцеляріи общаго присутствія провіантскаго департамента есть одинъ очень молодой, 22 лѣтъ, парень Степанъ Ивановъ Сергѣевъ, одаренный поразительными способностями и очень честный и даже съ благородными чувствами малый, но совершенно щедушный, съ багровыми пятнами на срединѣ полумертвыхъ щекъ. Нашъ съ нимъ общій начальникъ, правитель дѣлъ, добрѣйшій и превосходнѣйшій человѣкъ, который кажется и мухѣ вреда не причинитъ, трактуетъ однако лисарей изъ кантонистовъ съ самымъ отчаяннымъ жестокосердіемъ, считая ихъ какъ бы не людьми, подобно тому какъ плантаторы считаютъ своихъ негровъ презрѣннымъ быдломъ. Замѣтивъ необыкновенныя способности Сергѣева, Иванъ Степановичъ Круглый истомилъ парня работой и довелъ до того что на дняхъ онъ найденъ былъ полумертвымъ на койкѣ, въ общей лисарьской спальнѣ, откуда отвезенъ въ военно-сухолутный госпиталь. Узнавъ объ этомъ, я бросился къ правителю канцеляріи коммиссаріатскаго департамента Василію Евграфовичу Вердеревскому, который имѣлъ огромное значеніе въ нашемъ министерствѣ, съ убѣдительнѣйшею просьбой снабдить меня нѣсколькими рекомендательными словами къ главному доктору г. Флоріо, который Василью Евграфовичу за немного времени до этого обязанъ былъ, при производствѣ ревизіи хозяйственной части военно-медицинскаго управленія, чуть ли не сохраненіемъ не только службы и состоянія, но честнаго имени и всей карьеры. Можно представить степень преданности этого Италіянца къ Василью Евграфовичу. *

Съ цыдулочкой въ дюжину словъ явился я рано утромъ въ

* Это тотъ самый В. Е. Вердеревскій который въ послѣдствіи стяжалъ себѣ такую печальную знаменитость въ такъ-называемомъ „соляномъ Нижегородскомъ дѣлѣ“.

сухолутный госпиталь, гдѣ въ это время шла визитація господина главнаго доктора по палатамъ. Не безъ труда, при содѣйствіи гривенниковъ и пятиалтынныхъ раздаваемыхъ направо и налѣво разнымъ сторожамъ, прислужникамъ и фельдшерамъ, добился я до того чтобы войти въ корридоръ той палаты гдѣ помѣщенъ былъ мой бѣдный протеже. Изъ разспросовъ моихъ фельдшерамъ я узналъ что привезенный вчера писарь Степанъ Ивановъ Сергѣевъ сегодня же, вѣроятно, будетъ вынесенъ въ мертвецкую, потому что и зеркало дыханія не принимаетъ. Извѣстіе это обдало меня холодомъ, потому что я понялъ что послѣ этого нечего уже передавать напрасно г. Флоріо записочку, бывшую въ моемъ карманѣ, и что мнѣ придется возвратить ее по принадлежности тому кто писалъ ее, то-есть Василью Евграфовичу Вердеревскому. Многознаменательное въ тѣ времена по хозяйственно-медицинской части военнаго министерства, это имя и званіе правителя канцеляріи коммиссаріатскаго департамента произвело на одного изъ главныхъ фельдшеровъ, лузатаго Голіафа, тотъ эффектъ что онъ подвелъ меня къ сухопарому ординатору этой палаты изъ Поляковъ, судя по его произношенію. Мы вошли въ огромную комнату, наполненную койками, на которыхъ лежало человѣкъ тридцать больныхъ въ различныхъ позахъ и бо́льшая часть которыхъ жалобно стенала, что̀ раздирало душу, не привыкшую къ этому зрѣлищу. Ординаторъ, въ мундирѣ, съ орденами и при шпагѣ, указалъ мнѣ на одну койку, сверху до низу покрытую простыней, обнаруживавшею сухія человѣческія формы, сказавъ мнѣ: „Вотъ вашъ протеже; часа черезъ два, много три, онъ превратится въ трупъ и вынесется въ мертвецкую, гдѣ для него готово мѣсто. Тогда я вамъ или тому кто отъ васъ явится дамъ его нумеръ, и по этому нумеру въ мертвецкой легче будетъ найти покойника его родственникамъ, ежели у него есть родственники“. — У него изъ родственниковъ только мать, сказалъ я.—Это убьетъ бѣдную женщину, которая и теперь горько плачетъ тамъ внизу въ пріемной. — „Ну, и прекрасно, продолжалъ военный экскулапъ съ невозмутимымъ спокойствіемъ и равнодушіемъ,—я велю выдать ей нумерокъ. А почему, позвольте полюбопытствовать, вы принимаете въ этомъ изнеможенномъ полумертвецѣ такое участіе, милостивый государь?“ — Онъ одинъ изъ моихъ подчиненныхъ, отвѣчалъ я. — „Такъ вы служите въ провіантскомъ департаментѣ, продолжалъ ординаторъ.—Я объ этомъ не догадался по вашему

партикулярному платью. Есть какая-то у „васъ Русскихъ“ пословица, что снявши голову, по волосамъ не плачутъ: вы сударь извели его сверхсильною работой и довели до состоянія безнадежности, а теперь хотите чтобъ медицина сдѣлала невозможное и возвратила жизнь мертвецу.“

Неповинный въ изнеможеніи бѣднаго Сергѣева, я однако не счелъ нужнымъ оправдываться предъ незнакомымъ мнѣ, довольно дерзкимъ ординаторомъ и спросилъ его: могу ли я видѣть его превосходительство г. главнаго доктора Флоріо? „Господинъ главный докторъ, отвѣчалъ Полякъ съ язвительною улыбкой,—конечно не невидимка, за деньги не показывается и можетъ быть видимъ легко, но предупреждаю васъ что онъ также и не Іисусъ Христосъ и мертвыхъ изъ гроба не воздвигаетъ. Да вотъ и онъ самъ идетъ сюда съ своею свитой изъ тѣхъ палатъ. Выйдите пожалуста отсюда, потому что его превосходительство терпѣть не можетъ чтобы во время его визитаціи здѣсь толкались посторонніе“.—Выйти, я не выйду, сказалъ я рѣшительно и твердо,—а только отойду въ сторону, что̀ я и исполнилъ, ставъ къ окну.

Довольно быстро шелъ приземистый толстякъ, желто-черный, съ длиннымъ крючковатымъ носомъ и съ огненными глазами Италіянецъ докторъ Флоріо, человѣкъ лѣтъ подъ шестьдесятъ, съ черными коротко остриженными волосами, слегка блестѣвшими просѣдью, и со всѣми движеніями и гримасами обличавшими южное происхожденіе. Онъ былъ въ своемъ мундирѣ со звѣздой и орденами и его окружала свита ординаторовъ, чиновниковъ и фельдшеровъ. Разговаривавшій сейчасъ со мной ординаторъ-Полякъ тотчасъ подошелъ къ нему и наскоро показывалъ ему своихъ паціентовъ, причемъ фельдшера отдергивали съ нѣкоторыхъ изъ визитируемыхъ одѣяла. Краткія изреченія Флоріо и объясненія ординатора, очень правда быстролетныя, были по-латыни, почему я ни слова не понималъ. Подойдя къ койкѣ Степана Сергѣева и взглянувъ на скорбный листъ у изголовья больнаго, покрытаго простыней и недвижимо подъ нею лежавшаго навзничь, Флоріо что-то пробормоталъ, слегка махнувъ рукой, но сколько я могъ понять, слово имъ произнесенное означало безнадежность, къ чему онъ прибавилъ извѣстную даже такимъ какъ я не-латинистамъ поговорку: De mortuis, aut bene, aut nihil. Койка Сергѣева стояла у выхода, куда шествіе должно было направиться, почему я скорыми шагами перебѣжалъ къ корридору, чтобы

тутъ остановить Флоріо, который, замѣтивъ меня, очень нецеремонно обратился къ дежурному фельдшеру съ словами обличавшими обрусѣлаго иностранца, который мастерски владѣлъ репертуаромъ русскихъ ругательствъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ никакъ не сумѣлъ въ теченіи всей своей жизни въ Россіи усвоить чистоту русскаго произношенія, причемъ господинъ начальникъ госпиталя упрекалъ своего трепещущаго подчиненнаго въ галунахъ за допущеніе въ палаты посторонних, и сердитый взоръ его впился въ меня. Но я, слышавъ отъ Вердеревскаго о томъ что французскій языкъ дѣйствовалъ на Флоріо обаятельно, да и имѣя у себя цидулочку на его имя, писанную по-французски, мгновенно подалъ ему эту заклеенную вензеловою облаткой записочку и пробормоталъ извиненіе и привѣтствіе по-французски, пересыпая безъ мѣры мои слова сладостнымъ для нѣкоторыхъ личностей словомъ excellence (превосходительство). Когда Флоріо пробѣжалъ глазами записочку Вас. Евг. Вердеревскаго, въ которой тотъ меня блистательно рекомендовалъ, какъ „одного изъ любимыхъ субальтерновъ статсъ-секретаря Позена“ (съ чего онъ это взялъ, я не знаю), физіономія моего Италіянца, живая и подвижная, мигомъ перемѣнилась, осклабилась, и выраженіе величайшаго благодушія замѣнило гнѣвъ и досаду. Посыпались самыя ласковыя привѣтствія, при горячихъ руколожатіяхъ и увѣреніяхъ въ готовности сдѣлать изъ невозможнаго возможное. Но, чтобъ не утомлять вашего вниманія, Матвѣй Андреевичъ, и не задерживать вашего сна, скажу что результатомъ всего этого было то что господинъ главный докторъ возвратился къ койкѣ Сергѣева, открылъ его и самъ сталъ ощупывать, дѣйствительно, какъ казалось, почти бездыханнаго юношу, который однако открывъ глаза узналъ меня, улыбнулся и какимъ-то надорваннымъ голосомъ сказалъ: „Благодарю, благодарю, Владиміръ Петровичъ!“—Тогда Флоріо набросился на ординатора и распекъ его за то что онъ не умѣетъ, несмотря на то что имѣетъ Станислава на шеѣ, отличить временное изнеможеніе и упадокъ силъ отъ смертнаго казуса и пожаловалъ въ кандидаты въ мертвецы человѣка который черезъ недѣлю будетъ бѣгать повсюду, какъ это свойственно его возрасту.—„Я самъ, безъ васъ, господа мои помощники, хочу непремѣнно заняться этимъ интереснымъ субъектомъ. Сію минуту подайте мнѣ кровопускательный приборъ, фельдшера несите тазы, кипятокъ, я ему сдѣлаю великолѣпное кровопусканіе.

Оно будетъ первымъ этапомъ на пути къ выздоровленію. А затѣмъ, перенести его съ койкой въ ту офицерскую палату что̀ внизу въ павильйонѣ и окнами въ садъ; тамъ всего три кровати, да и тѣ теперь свободны. Я буду посѣщать его трижды въ день, а вы, г. ординаторъ, ходите къ нему шесть разъ въ сутки. Фельдшеру находиться безъ отлучки въ двѣ смѣны. Говорятъ, у этого малаго здѣсь его мать; коли хочетъ, то предоставимъ ей уходъ за сыномъ. Никакой фельдшеръ, никакая сидѣлка не сравняются въ попеченіяхъ съ попеченіями матери. Онъ будетъ жить, будетъ жить непремѣнно!“ Все это живой толстякъ Флоріо говорилъ скороговоркой ломанымъ русскимъ языкомъ съ перемѣшкою словъ: corpo di bacco, Jesus, Santa Maria, и пр., снимая мундиръ, отстегивая портупею шпаги, засучивая рукава рубашки и приготовляя инструментъ, т.-е. разные ланцеты. Начавъ и окончивъ при мнѣ свое, какъ онъ выражался, „великолѣпное“ кровопусканіе, хотя, какъ онъ передавалъ, онъ уже много лѣтъ не брался за ланцетъ, Флоріо, при себѣ и при мнѣ, котораго уже онъ не только не гналъ, но не отпускалъ ни на шагъ отъ себя, распорядился перемѣщеніемъ больнаго въ прехорошенькій павильйонъ, съ огромнымъ, открытымъ окномъ въ садъ, и устроилъ, при своемъ паціентѣ, дежурство двухъ перемѣнныхъ фельдшеровъ, предоставляя помогать имъ матери Сергѣева, доброй Нѣмкѣ, бросившейся въ ноги его превосходительству, нашедшему затѣмъ необходимымъ пригласить меня къ себѣ, въ свою, роскошно убранную и богатую произведеніями италіянской живописи и скульптуры, квартиру, гдѣ, пользуясь сею вѣрною оказіей, былъ поданъ изящный завтракъ à l'italiène, съ макаронами, кускомъ стуфато и душистымъ шоколадомъ, но вино было не италіянское, а чистый шамбертенъ наивысочайшаго качества. Само собою разумѣется что я предъ синьйоромъ Флоріо разсыпался въ благодарностяхъ самыхъ горячихъ и конечно вполнѣ искреннихъ, какъ нельзя лучше заслуженныхъ на этотъ разъ добрякомъ Флоріо, чрезъ старанія котораго Сергѣевъ мой, назначенный въ мертвецкую за недѣлю предъ симъ, теперь весело гуляетъ въ госпитальномъ саду, гдѣ потѣшается копаніемъ грядокъ и куртинъ и посадкою какихъ-то деревцовъ, доставленныхъ ему его старухой матерью. Въ комнатѣ же Сергѣевъ развиваетъ свою страстишку къ токарному станку, нарочно поставленному у него по распоряженію Флоріо. Сверхъ того онъ кропаетъ модель какой-то водокачальни, находя ве-

личайшую усладу въ механикѣ, къ которой у него дивныя способности, неразвитыя однако нелѣпымъ кантонистскимъ воспитаніемъ. Только докторъ положительно объявилъ что этотъ молодой человѣкъ проживетъ еще лѣтъ двадцать и больше, можетъ-быть, * ежели онъ не будетъ заниматься убійственнымъ писарствомъ и перестанетъ вести сидячую жизнь. Теперь вся моя забота о томъ чтобы парень этотъ былъ освобожденъ изъ военнаго вѣдомства, гдѣ ему, по закону, остается служить лѣтъ десять до вожделѣннаго чина коллежскаго регистратора. Но это увольненіе ужасно трудно; мѣсто же для Сергѣева у меня хоть сейчасъ есть, именно, по рекомендаціи добраго моего пріятеля, биржеваго купца Д. П. Хлѣбникова, на одномъ канатномъ заводѣ, куда его возьмутъ помощникомъ смотрителя за работами и рабочими.

— Вамъ бы, В. П., сказалъ, на этотъ разъ уже позевывая, Байковъ,—похлопотать чтобъ этотъ Италіянецъ Моріо, Флоріо что ли тамъ, снабдилъ Сергѣева энергично-категорическимъ свидѣтельствомъ о томъ что де ему сидячая жизнь по писарству—смерть и что продолжать писарской службы ему невозможно.

— Свидѣтельство это имѣется, отвѣчалъ я,—да у насъ въ военномъ министерствѣ на него смотрятъ очень равнодушно, говоря что всѣ эти докторскія свидѣтельства ноль предъ закономъ.

— Ну, объяснилъ Байковъ,—постараемся къ этому нолю съ лѣвой стороны поставить единицу. Мнѣ вашъ Сергѣевъ полюбился, я прослушалъ васъ со вниманіемъ и нашелъ вашему протеже мѣсто,—но утро вечера мудренѣе. Теперь будемъ спать, а завтра я окончательно объ этомъ съ вами перетолкую, ѣдучи съ вами поутру въ каляскѣ въ городъ, куда меня призываетъ, въ особенности, сегодняшній казусъ въ Колымяжскомъ лѣсу съ этими подлыми бабами. Это оставлено быть не можетъ: насъ не замай!.... Доброй ночи, и онъ погасилъ свѣчу у себя за ширмами.

XXVI.

На слѣдующій день утромъ, напившись чаю, мы съ Матвѣемъ Андреевичемъ собрались въ городъ и готовились уже сѣсть въ поданную къ крыльцу его коляску, запряженную

* Онъ прожилъ не 20, а 12 лѣтъ и умеръ въ 1851 году не отъ изнеможенія силъ, а отъ простуды, обратившейся въ тифъ.

четверкой его гривастыхъ коньковъ,—а сами въ это время выходили изъ больницы, куда помѣщенъ былъ пригоженькій Задонскій, по причинѣ, какъ нѣсколькихъ ранокъ, произведенныхъ на его лицѣ царапаньемъ разъяренныхъ бабъ, такъ и нервическаго разстройства имъ ощущеннаго и грозившаго чѣмъ-то какъ бы въ родѣ воспаленія въ мозгу или даже настоящаго помѣшательства. Матвѣй Андреевичъ былъ нѣсколько мраченъ и мурлыкалъ себѣ подъ носъ какую-то хохлацкую лѣсню, что всегда служило доказательствомъ его озабоченности и безпокойства. Мы шли по деревянному тротуару, храня молчаніе, какъ вдругъ къ намъ подбѣжалъ дежурный сотскій, объявляя что изъ Колымягъ на бѣговыхъ дрожкахъ пріѣхалъ тамошній управляющій, который упорствуетъ идти съ зажженною сигарой въ зубахъ, хотя сотскій и часовой у воротъ унтеръ-офицеръ настоятельно доказывали ему что это не дозволяется постановленіями заведенія и что всякое твбакокуреніе запрещено здѣсь его свѣтлостью господиномъ министромъ до того строго что даже самъ его превосходительство господинъ вице-президентъ свои сигары и трубки куритъ не иначе какъ въ своихъ комнатахъ, а никогда въ зданіяхъ собственно училищныхъ. На это управляющій сказалъ что „вашъ вице-президентъ вѣрно не куритъ такихъ славныхъ сигаръ, какія я всегда, да и теперь курю, и не оставлю мою сигару ни за что."

— Ну и что же? спросилъ Байковъ, глядя сотскому въ упоръ своими бѣлесовыми глазами и слегка блѣднѣя.

— Мы, ваше высокородіе, отвѣчалъ сотскій,—заперли ворота и не пустили этого Нѣмца съ его огневой соской на училищный дворъ.

— Ладно! Почему же, продолжалъ спрашивать Байковъ,—ты думаешь что онъ Нѣмецъ, этотъ управляющій.

— Потому, ваше высокородіе, что онъ говоритъ такъ же смѣшно по-русски и такъ же выговариваетъ слова, какъ тотъ министръ генералъ Канкринъ, что иногда ѣздитъ къ намъ сюда изъ Лѣснаго.

Байковъ ухмыльнулся, и мы подошли къ крыльцу, у котораго, головами къ запертой рѣшеткѣ, стояла четверка, запряженная въ легкую каляску, долженствовавшую везти насъ въ городъ. За рѣшеткой стояли бѣговыя дрожки, и на нихъ сидѣлъ довольно еще молодой человѣкъ, щеголевато одѣтый, въ широкополой соломенной плантаторской шляпѣ, громко воскликнувшій, своимъ ломанымъ русскимъ языкомъ, увидѣвши директора, садившагося въ каляску:

— Помилуйте, геръ директоръ, фашъ прислугъ не пускайтъ меня къ вамъ, а у меня есть фажное дѣло.

— Моя прислуга, заявилъ громко Байковъ, свирѣпо глядя на Нѣмца, не снимавшаго шляпы,—исправно исполняетъ свою обязанность не пускать за рѣшетку дерзкихъ курильщиковъ.

Вслѣдъ за симъ онъ велѣлъ отворить ворота; каляска выдвинулась за чугунную рѣшетку и стала у бѣговыхъ дрожекъ.

— Мнѣ къ фамъ конфидансіонное дѣло есть, говорилъ Нѣмецъ, пуская клубы дыма изъ своей, повидимому, дѣйствительно хорошей сигары, можетъ-быть, изъ графскаго запаса.

— У меня съ вами, сказалъ Байковъ,—никакихъ конфиденціальностей быть не можетъ, и безъ всякой конфиденціальности объявляю вамъ что по случаю вчерашней отвратительной исторіи, надѣланной вашими бабами,—я теперь ѣду въ Петербургъ съ донесеніемъ моему высшему начальству, которое, увѣряю васъ, такъ дѣла этого не оставитъ.

— Та помилуйтъ, каспоминъ директоръ, продолжалъ Нѣмецъ,—фашъ унтеръ-офицеръ такъ пилъ нашъ бабъ, што телерь пять изъ нихъ ошенъ польны. Крафъ пудетъ трепофать утовлетфореніе.

— Удовлетворенія? крикнулъ Байковъ, сдѣлавшійся блѣдно-свинцоваго цвѣта,—самъ допускаешь и возбуждаешь озорничество и разбои, а потомъ толкуешь объ удовлетвореніи. Дамъ я тебѣ удовлетвореніе! А прежде всего скажи-тка, другъ любезный,—какъ смѣлъ ты нарушать порядки заведенія, коптя наше небо твоею поганою сигарой? Брось сигару!

— Сикаръ мой карошъ, а не поканъ, самъ поканъ, атаманъ удѣльныхъ разбойникъ. Я сикаръ не бросайтъ, и при этомъ, сжимая сигару зубами, Нѣмецъ подбиралъ возжи, чтобъ улепетнуть; но быстрый взглядъ Байкова на сотскаго и сдѣланный имъ жестъ были мгновенно поняты послѣднимъ, и сигара вылетѣла изо рта колымяжскаго управителя и лежала на площадкѣ, а лошадь его, вслѣдствіе вытянутаго по ея хребту рукою сотскаго страшнаго удара кнутомъ, уносила бѣговыя дрожки и сидящаго на нихъ Нѣмца во всѣ лопатки по проспекту.

— Ха! ха! ха!, захохоталъ Байковъ,—знай нашихъ! Туда же,—удовлетвореніе, болванъ! *

Путемъ-дорогою до города, Матвѣй Андреевичъ велъ со

* Сколько мнѣ было извѣстно, удовлетвореніе было въ пользу Байкова; Нѣмецъ былъ уволенъ отъ должности управителя и высланъ изъ столицы, а драчуньи бабы были довольно строго наказаны въ становой квартирѣ.

мною разговоръ о Сергѣевѣ, и результатомъ этого нашего разговора было то что мать писаря военнаго министерства, вдова отставнаго фейерверкера гвардейской артиллеріи, подала прошеніе, съ приложеніемъ свидѣтельства доктора Флоріо, министру двора и удѣловъ о принятіи сына ея на службу удѣльнаго вѣдомства, съ увольненіемъ изъ военнаго управленія, какъ не могущаго продолжать писарской службы. Вслѣдствіе этого послѣдовало отношеніе, очень настоятельное, князя П. М. Волконскаго къ графу А. И. Чернышеву, распорядившагося увольненіемъ писаря Сергѣева въ штатъ писарей удѣльнаго департамента, откуда онъ былъ откомандированъ вице-президентомъ департамента удѣловъ въ распоряженіе директора Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. Все это сдѣлалось въ теченіи какихъ-нибудь 10—12 дней.

Въ то время когда шло увольненіе Сергѣева изъ военнаго вѣдомства, мнѣ случилось имѣть разговоръ по поводу этого обстоятельства съ тогдашнимъ генералъ-провіантмейстеромъ тайнымъ совѣтникомъ Иваномъ Григорьевичемъ Желѣзновымъ, человѣкомъ ума весьма обширнаго и добрымъ; но плативщимъ дань понятіямъ того времени, на основаніи которыхъ, благодаря Аракчеевской нравственной военщинѣ, привитой имъ всему нашему общественному строю, писарь изъ кантонистовъ былъ созданіе какъ бы среднее между человѣкомъ и безсловеснымъ животнымъ. Разъ какъ-то, когда за небытностью правителя дѣлъ Ивана Степановича Круглаго, ѣздившаго за городъ по какому-то порученію своего довѣрителя князя Алексѣя Яковлевича Лобанова-Ростовскаго, я одинъ велъ докладъ общему присутствію, Иванъ Григорьевичъ Желѣзновъ, обратясь къ вице-директору генералъ-майору Николаю Александровичу Бутурлину, сказалъ:

— Нашъ В. П. (то есть я) намъ изрядную подножку подставилъ, способствовавъ, какъ мнѣ извѣстно, переходу отъ насъ лучшаго нашего писаря въ удѣльное вѣдомство. Мало того что Сергѣевъ былъ каллиграфъ на чудо, онъ за поясъ заткнуть могъ многихъ чиновниковъ знаніемъ нашихъ законоположеній и всѣхъ нашихъ административныхъ порядковъ. Его сіятельство графъ Александръ Ивановичъ, конечно, не могъ отказать свѣтлѣйшему князю Петру Михайловичу; а затѣй то же самое кто другой, такъ грибъ бы съѣлъ у насъ. Да и нельзя: такимъ образомъ, посредствомъ медицинскихъ свидѣтельствъ, всѣхъ лучшихъ нашихъ писарей у насъ повытаскаютъ.

— Позволю себѣ доложить вашему пр—ву, сказалъ я, — что писарь Сергѣевъ, по роду своей болѣзни, ежели бы изъ госпиталя возвратился на нашу службу, то прослужилъ бы у насъ не долго,—много-много что мѣсяцевъ десять, по истеченіи которыхъ ему послѣдовала бы смерть, можетъ-быть, при отправленіи своихъ обязанностей въ канцеляріи общаго присутствія.

— Ну что жъ, улыбнулся Иванъ Григорьевичъ своимъ мертвенно-блѣднымъ и всегда спокойнымъ лицомъ,—онъ умеръ бы подобно древнему Римлянину—на щитѣ. Вы шутите,—десять мѣсяцевъ трудовъ писаря изъ кантонистовъ и писаря дѣльнаго изъ дѣльныхъ. Это, право, не бездѣлица для службы.

Скоро мой Сергѣевъ былъ назначенъ смотрителемъ работъ въ училищѣ и, по особенному ко мнѣ расположенію директора, сталъ получать прекрасное жалованье, при готовой очень порядочной въ двѣ съ половиною комнаты квартирѣ, отопляемой и освѣщаемой на казенный счетъ. Независимо отъ этого Байковъ Сергѣеву предоставилъ получать: хлѣбъ, крупы, мясо, рыбу, овощи изъ училищной кладовой ежедневно въ опредѣленномъ на семью въ пять душъ количествѣ, хотя Сергѣевъ, не будучи еще женатъ, жилъ самъ-другъ съ матерью. Изъ него вышелъ прекрасный, весьма толковый и разумный смотритель работъ, пріобрѣвшій полное расположеніе и довѣренность М. А. Байкова, справедливо считавшаго его своею правою рукой. Конечно, все это Сергѣеву не давалось даромъ, потому что онъ былъ сильно занятъ; но для него труды эти были игрушкой, потому что исполнялись на чистомъ воздухѣ, а не въ душныхъ и освѣщаемыхъ удушливымъ газомъ залахъ. Здоровье Сергѣева значительно поправилось, и онъ даже такъ пополнѣлъ что его узнать нельзя было. Бывая въ городѣ, онъ всегда ко мнѣ являлся хоть на четверть часа, а разъ въ мѣсяцъ непремѣнно ѣздилъ къ доктору Флоріо, къ которому возилъ на поклонъ, покупаемый имъ на фермѣ у Лебедева, сыръ бри и италіянскую рикотту, страстно любимыя Италіянцемъ-докторомъ.

Девятаго августа, въ день Св. Матвѣя апостола, праздновался день ангела или, по просту, именинъ Матвѣя Андреевича Байкова. Съ 1835 года я постоянно этотъ день проводилъ у него. Это былъ какъ бы *семейный праздникъ училища*, имѣвшій совершенно патріархальный типъ. Въ этотъ день воспитанники обыкновенно дѣлали *сюрпризы* своему „отцу-начальнику“, какъ они

называли его въ своихъ привѣтственныхъ спичахъ „якобы ими самими сочиненныхъ“. До 9го августа 1839 года, когда уже я официально по службѣ, въ качествѣ помощника директора, принадлежалъ къ училищу, я оставался подъ вліяніемъ того миража, который заставлялъ меня быть здѣсь совершенно слѣпотствующимъ оптимистомъ; но 9го августа 1839 года, прослуживъ уже тамъ болѣе трехъ мѣсяцевъ, я очень хорошо вѣдалъ à quoi m'en tenir, относительно всѣхъ этихъ „сюрпризовъ“, изготовляемыхъ подъ наблюденіемъ учителя Максимова и тогдашняго смотрителя Сергѣева, по распоряженіямъ директора, равно какъ этихъ „привѣтствій“, проходившихъ чрезъ цензуру Матвѣя Андреевича, любившаго похвалы, но такъ чтобъ онѣ шли рука объ руку съ оміамомъ высшему начальству, которому представляемы были всѣ эти „сюрпризы“ и сопровождавшіе ихъ „спичи“. Начальство оставалось всегда какъ нельзя болѣе довольно „умѣньемъ“ воспитанниковъ, этихъ natures simples et primitives, воздавать должное изъ глубины своихъ признательныхъ сердецъ своимъ начальникамъ. Въ 1837 году сюрпризы эти были особенно милы: они состояли изъ прекрасныхъ разновидныхъ большихъ корзинъ и вазъ (рисунки которыхъ благовременно проектированы были Максимовымъ по видѣннымъ имъ образцамъ въ петербургскихъ магазинахъ у Тура и Гамбса), сплетенныхъ изъ разныхъ полевыхъ растеній послѣдняго урожая, съ хлѣбомъ, солью, масломъ, сырами, молочными сколами, овощами, ягодами и фруктами. Комнаты директора были усыпаны цвѣтами, а на зеркалахъ и картинахъ развѣшаны были гирлянды и вѣнки. Кромѣ того во всѣхъ комнатахъ и въ кабинетѣ въ особенности наставлено было много столовъ, креселъ, стульевъ, диванчиковъ, изготовленныхъ воспитанниками изъ древесныхъ вѣтвей и корней, искусно гнутыхъ посредствомъ выпарки, словомъ, такихъ точно какими, какъ я въ началѣ этой статьи говорилъ, были убраны „сельскія комнаты“ на фермѣ или „Лѣтній дворецъ Л. А. Перовскаго“. Не лишнее замѣтить что все это изготовлялось quasi помимо вѣдома директора, хотя то особое помѣщеніе которое обращено было на заднемъ дворѣ въ особую временную мастерскую, имъ же было назначено, по особенно отданному словесному приказанію смотрителю работъ, и называлось „временною сюрпризною мастерскою“ въ такъ-называемомъ „скотскомъ лазаретѣ“, куда, однако, больной скотъ помѣщаемъ никогда, кромѣ какъ только во время описанной мною эпидеміи, не былъ. Итакъ,

9го августа 1837 года, съ ранняго утра къ директору явились депутаціи, изъ которыхъ депутація воспитанниковъ предназначенныхъ къ выпуску находилась въ пріемной залѣ; тѣхъ которые еще должны были остаться въ заведеніи, за неизготовленіемъ ихъ усадьбъ, была въ кабинетѣ, а тѣхъ которые жили тогда въ образцовыхъ избахъ была въ гостиной. Это подраздѣленіе имѣло нѣкоторое аллегорическое значеніе: оставляющіе заведеніе были ближе къ дверямъ, остающіеся были въ той комнатѣ изъ которой дѣлаются всѣ распоряженія по училищу, а живущіе въ избахъ, какъ люди живущіе своимъ домомъ, своимъ хозяйствомъ (мы знаемъ какъ хорошо было это хозяйство!) — въ гостиной, то-есть комнатѣ общежительства. Двери отъ спальни гжи Байковой, отъ дѣтскихъ и отъ столовой были заперты на время. Послѣ ранней обѣдни, директоръ, возвратившійся изъ церкви заднимъ ходомъ чрезъ садъ, въ столовой пилъ чай съ священникомъ и своимъ помощникомъ, доложившимъ ему что воспитанники явились поздравить его Байковъ отворивъ дверь въ гостиную, принялъ депутацію избянковъ, обнимая „мальчиковъ“ и выслушивая „ихъ“ привѣтствія. Такъ прошелъ онъ по всѣмъ комнатамъ, съ миною счастья и радости. Въ статьѣ моей, явившейся послѣ одного изъ такихъ семейныхъ торжествъ, сказано было: „Директоръ былъ тронутъ до слезъ выраженіемъ любви и привѣтливости своихъ учениковъ. Предъ обѣдомъ они очень порядочно спѣли кантъ, положенный на музыку учителемъ пѣнія г. Лабецкимъ, изъ придворныхъ пѣвчихъ, и написанный, въ угожденіе имъ, однимъ изъ частыхъ посѣтителей заведенія *. За обѣдомъ воспитанники были угощаемы отъ директора пирогами и сбитнемъ съ разными лакомствами. Это истинно семейный праздникъ.“

Задержанный службою и докладомъ въ общемъ присутствіи провіантскаго департамента, какъ я ни спѣшилъ, пріѣхалъ однако не ранѣе трехъ часовъ, когда въ залѣ дома Матвѣя Андреевича, убранной съ потолка до половицъ цвѣтами и хлѣбами, за столъ въ тридцать кувертовъ собирались сѣсть многочисленные, противъ обыкновенія, гости, въ числѣ которыхъ, кромѣ нѣсколькихъ уже мнѣ извѣстныхъ знакомыхъ Байкова, былъ одинъ громадный и толстый, краснолицый и косой господинъ, оказавшійся ни болѣе, ни менѣе какъ нашимъ знаменитымъ математикомъ Остроградскимъ, съ которымъ

* Вирши эти, очень энергично риемованныя, были написаны однимъ изъ моихъ короткихъ знакомыхъ, по моей просьбѣ.

Байковъ, какъ съ гимназическимъ и университетскимъ своимъ однокашникомъ и другомъ, былъ на ты, и пріязнь ихъ до того была велика что изъ имѣнія г. Остроградскаго, какого-то дрянненькаго хуторка изъ Харьковской губерніи, исходатайствовано было Байковымъ трудное разрѣшеніе министра двора принять двухъ парубковъ въ ученики Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища.

Во время всего обѣда разговоръ поддерживалъ, преимущественно, самъ хозяинъ-именинникъ; гости же и въ томъ числѣ и я, изрядно проголодавшійся, ѣли съ величайшимъ аппетитомъ и съ полнымъ смакомъ превосходныя блюда, изготовленныя чародѣемъ Ѳомою, умѣвшимъ дать всему, чему бы то ни было, даже столь простому плоду, какъ напримѣръ, картофель, вкусъ восхитительный, что̀ заставляло Николая Александровича Бутурлина лакомо облизываться, выражая сожалѣніе о томъ что Ѳомушка не его кухнею заправляетъ. Байковъ повѣствовалъ очень амплификаціонно обо всѣхъ тѣхъ „сюрпризахъ“ какіе и какъ были ему сегодня сдѣланы его „мальчиками“.

— А вотъ, воскликнулъ онъ, — сюрпризъ изъ сюрпризовъ устроилъ мнѣ и училищу вчера его превосходительство Левъ Алексѣевичъ, ложаловавъ къ намъ самъ, да съ кѣмъ, какъ бы вы думали? Онъ привезъ съ собою въ нѣсколькихъ экипажахъ: очаровательнаго пѣвца *Свѣтланы*, безпримѣрнаго русскаго Федра и Лафонтена, милаго энциклопедичнаго автора *Пестрыхъ сказокъ* и того Орфея на віолончели, котораго звуки, кажется, и камни плясать заставляютъ. Вы догадываетесь: Левъ Алексѣевичъ былъ съ Василіемъ Андреевичемъ Жуковскимъ, воспитателемъ его высочества цесаревича съ Иваномъ Андреевичемъ Крыловымъ, имя одно котораго замѣняетъ ему съ избыткомъ всѣ почетнѣйшія званія, съ княземъ Владиміромъ Ѳедоровичемъ Одоевскимъ и съ графомъ Михаиломъ Юрьевичемъ Віельгорскимъ. Знаменитымъ гостямъ этимъ мы показали наше заведеніе во всѣхъ его подробностяхъ и сдѣлали имъ разныя любезности. Такъ „мальчики“ прочли Жуковскому изъ его стихотвореній, особенно изъ *Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ*, князю Одоевскому они прочли нѣсколько его прозаическихъ разсказцовъ наизустъ, а „дѣдушкѣ“ Крылову, который вопреки нашимъ училищнымъ правиламъ, получилъ разрѣшеніе курить свои громадныя сигиры, которыхъ онъ ни на единую секунду не покидаетъ, „мальчики“ прочитали съ десятокъ его басень, разказавъ значеніе и

содержаніе каждой. Онъ до того былъ восхищенъ тою осмысленностью съ какою „молодые мужички", какъ онъ выразился, читали его басни что въ награду за это, самъ прочелъ, окруженный всѣми нами и двумя стами нашими парнями, свою только-что написанную имъ и нигдѣ еще не напечатанную басню: *Кукушка.* * „Только смотрите, замѣтилъ насмѣшливый фабулистъ, у васъ, я слышалъ, бываетъ здѣсь Гречъ; такъ ему не разказывайте этой басни: онъ спасибо не скажетъ за это вамъ, ребятушки". Дѣло въ томъ что басня эта мѣтитъ на дружбу Греча съ Булгаринымъ, упражняющихся въ постоянномъ восхваленіи одинъ другаго въ *Сѣверной Пчелѣ*. Но всего болѣе восхитило старика то что послѣ того какъ онъ прочелъ эту басню, черезъ полчаса времени трое изъ воспитанниковъ, одаренныхъ особенно счастливою памятью: Егоръ Панкратовъ, Филимонъ Ляпустинъ и Яковъ Булдановъ, раздѣливъ басню по частямъ между собою, затѣмъ прочли ее всю и поднесли автору на память списокъ ея, сдѣланный какъ бы подъ его диктантъ. Иванъ Андреевичъ плакалъ отъ радости, расцѣловалъ „мальчиковъ" и сказалъ: „Ну, друзья, ужь коли вы хотите всѣхъ насъ, вашихъ гостей, потѣшить, спойте намъ нѣсколько настоящихъ вашихъ забубенныхъ русскихъ пѣсней съ колокольцами и балалайкой". Желаніе это было тогомъ исполнено и до того воодушевило гостей что молодецъ графъ Михаилъ Юрьевичъ Вielьгорскій, въ своемъ рыжемъ паричкѣ, со шляпой на бекрень, съ сигарою въ зубахъ и съ букетомъ розановъ въ петлицѣ рейтъ-фрака, самъ пошелъ въ плясъ. Ребята такъ расходились что гаркнули: „Нѣтъ такого молодца какъ сіятельный нашъ графъ Михаилъ Юрьевичъ" и вскидывали и подбрасывали его словно мячикъ, несмотря на то что онъ, какъ знаете, преизрядный толстякъ. Гости пропировали у насъ до 10 часовъ вечера, и уѣзжая, его превосходительство Левъ Алексѣевичъ сказалъ: „Завтра вы именинникъ, Матвѣй Андреевичъ, поздравляю васъ впередъ и очень радуюсь что сдѣланный мною вамъ подарокъ вамъ и всему училищу по сердцу пришелся." — „Съ чѣмъ же кромѣ дня ангела поздравить еще Матвѣя Андреевича?" спросилъ В. А. Жуковскій. „Съ чѣмъ же больше, сказалъ любезно Левъ

* Г. Кипевичъ, въ своей ученой книгѣ о басняхъ Крылова, говоритъ объ этой баснѣ что первая ея редакція была сдѣлана въ 1837 году, напечатана же она была въ первый разъ въ 1839 году.

Алексѣевичъ какъ съ тѣмъ что я ему и его любезному училищу подарилъ посѣщеніе Жуковскаго, Крылова, Одоевскаго и Вільгорскаго, долженствующее остаться въ памяти цѣлаго поколѣнія теперешняго Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища." Этотъ подарокъ однако на этомъ не остановился: сегодня, тотчасъ послѣ поздней обѣдни, Левъ Алексѣевичъ пріѣхалъ сюда прямо ко мнѣ на квартиру и за завтракомъ удостоилъ откушать именинnаго пирога, привезя мнѣ визитныя карточки всѣхъ вчерашнихъ нашихъ незабвенныхъ гостей.

Послѣ обѣда, какъ кофе, такъ десертъ поданы были въ саду, куда потомъ явились и самовары для чаепитія, во время котораго на дворѣ воспитанники неумолчно распѣвали разныя пѣсни. Именинные гости Байкова разъѣхались, когда уже стало почти совершенно темно, почему какъ на дворѣ, такъ вдоль аллеи зажжена была средней руки иллюминація, впрочемъ, изрядно освѣщавшая путь гостей до Выборгской дороги.

Когда мы съ Матвѣемъ Андреевичемъ остались вдвоемъ, онъ, быстро покончивъ распоряженія на слѣдующій день, гулялъ со мною по двору, и тутъ-то сказалъ что онъ бесѣдовалъ обо мнѣ сегодня со Львомъ Алексѣевичемъ, который какъ всегда относится о моей личности наилучшимъ образомъ.

— Но вотъ странность какая, разказывалъ Байковъ,—когда я вчера объяснялъ знаменитымъ гостямъ, между прочимъ, о томъ что вы, дражайшій Владиміръ Петровичъ, читали въ теченіи двухъ лѣтъ воспитанникамъ нашимъ вашу книгу *Деревенскій Староста Миронъ Ивановъ*, изданную подъ псевдонимомъ Бориса Волжина, что̀ принесло воспитанникамъ такъ много пользы, и что вообщее вы очень любите заведеніе наше и сильно его славите, — графъ Вільгорскій, услышавъ вашу фамилію, сказалъ:—Неужели это тотъ молоденькій человѣкъ котораго я встрѣчаю иногда у Петра Никифоровича Беклемишева, гдѣ однако теперь, конечно, не до веселья, потому что Петръ Никифоровичъ, бѣдный, послѣ чембарскаго событія въ такомъ горѣ.* Я подтвердилъ что это именно вы. Затѣмъ Крыловъ сказалъ что лѣтъ 9—10 предъ симъ, когда его другъ Михаилъ Сергѣевичъ Щулепниковъ былъ начальникомъ отдѣленія въ департаментѣ внѣшней торговли и у него по средамъ вечеромъ, когда мы съ хозяиномъ играли въ шахматы, собби-

* За чембарское происшествіе съ царскою каляской шталмейстеръ П. Н. Беклемишевъ былъ уволенъ отъ должности вице-президента придворной конюшенной конторы.

рались чиновники, въ числѣ ихъ былъ очень молоденькій блондинчикъ съ этою же фамиліей. Я подтвердилъ что это были вы, такъ какъ я слышалъ отъ васъ что, поступивъ въ 1828 году подъ главное начальство къ Бибикову, вы служили въ отдѣленіи Щулепникова. — Но въ это время Жуковскій взялъ подъ руку Льва Алексѣевича и что-то ему сказалъ смѣясь, а Левъ Алексѣевичъ поинтересовался узнать отъ меня: не бывали ли вы въ чужихъ краяхъ? Я и на это отвѣчалъ утвердительно-отрицательно. Тогда Жуковскій замѣтилъ:—Ну, вѣрно, это какой-нибудь его однофамилецъ.—Когда сегодня въ первомъ часу Левъ Алексѣевичъ у меня завтракалъ, я обратился къ нему съ вопросомъ, почему вчера его превосходительство Василій Андреевичъ интересовался знать о васъ были ли вы за границей и, при этомъ, такъ значительно усмѣхался? — Левъ Алексѣевичъ мнѣ объяснилъ что Жуковскій, какъ творецъ баллады *Шильйонскій узникъ*, будучи однажды въ Шильйонскомъ замкѣ въ Швейцаріи, на одной изъ развалинъ начерталъ свое имя, вырѣзавъ его остріемъ ножа, а теперь къ нему изъ-за границы насмѣшникъ Гоголь пишетъ что онъ самъ былъ въ Шильйонѣ, но своего имени подлѣ имени знаменитаго творца *Шильйонскаго узника* онъ начертать не посмѣлъ, да и къ тому же негдѣ уже писать, потому что подъ самымъ именемъ Жуковскаго, подписана очень рѣзко безвѣстная фамилія „Бурнашевъ“. Вотъ это-то и показалось смѣшнымъ Жуковскому.

— Вотъ это презабавно, сказалъ я.—Знаменитый нашъ прозаикъ-юмористъ, Николай Васильевичъ Гоголь-Яновскій доискался, ѣздя по Швецаріи, въ Шильйонѣ до нашей весьма негромкой фамиліи въ нашемъ отечествѣ, прославляющейся, такимъ образомъ, благодаря фантазіи моего добраго отца, объѣхавшаго въ предпрошломъ году, прямо съ Карлсбадскихъ водъ, гдѣ онъ лѣчился, часть Германіи и почти всю Швейцарію, въ обществѣ знаменитаго музыкальнаго писателя Рейссигера.—Да, да, правда, отецъ мой, бывшій здѣсь въ Петербургѣ на возвратномъ пути въ свою орловскую глушь, самъ мнѣ разказывалъ въ ту пору что онъ, находясь въ Шильйонѣ и увидѣвъ имя Жуковскаго, вырѣзанное на одной изъ развалинъ, нашелъ очень приличнымъ рядкомъ чуть-чуть пониже вырѣзать и свою фамилію. Признаюсь, когда онъ мнѣ это разказывалъ, я не утерпѣлъ и сказалъ: — Напрасно, какъ мнѣ кажется, вы это дѣлали: помяните мое слово что не сегодня,

завтра найдется какой-нибудь туристъ-зубоскалъ, который, желая польстить Василью Андреевичу Жуковскому, гдѣ-нибудь припечатаетъ что де нашелся одинъ русскій человѣкъ, такой-то, вовсе неизвѣстный, который возымѣлъ маленькое желаньице себя обезсмертить, вырѣзавъ свое скромное имя подъ именемъ поэта, находящагося въ апогеѣ славы. — „И глупъ же будетъ этотъ туристъ-зубоскалъ или скалозубъ, что ли, ежели онъ не пойметъ что я вырѣзалъ тутъ мое честное русское дворянское имя не себя прославленія ради, а для того что подлѣ имени Жуковскаго пусть лучше будетъ мое имя, чѣмъ имя какого-нибудь Джаксона Плумпуддинга, или Готлиба Швейнтрюхера, или Шарля Кюрдана что ли тамъ, какихъ многое множество таскается по этимъ горамъ и посѣщаютъ эти развалины.“ Вотъ что̀ мнѣ заявилъ тогда мой отецъ, недовольный моимъ замѣчаніемъ, найденнымъ имъ невѣрнымъ пониманіемъ настоящаго уваженія къ литературнымъ славамъ своей родины.*

— И на мой взглядъ, замѣтилъ Байковъ,—вашъ родитель былъ правъ, глумленіе же Гоголя, какъ мнѣ сдается, сколько я знаю моего знаменитаго Паньку Рудаго, береть начало въ желаніи подслужиться Василію Андреевичу Жуковскому, протекція котораго ему необходима для того огромнаго и монументальнаго произведенія какое онъ затѣваетъ, какъ слышалъ я отъ Баковскаго, подъ названіемъ *Мертвыя души*.

— Мертвыя души, удивлялся я, какое странное и оригинальное названіе; но талантъ Гоголя до того силенъ что онъ какъ что̀ ни назови, все выйдетъ превосходнымъ изъ его блестящаго, могущественнаго пера, соединяющаго въ себѣ всѣ достоинства кисти первокласснаго живописца—природы.

XXVII.

Время шло своею чередой и до 5го февраля 1838 года не проявило никакого особенно рельефнаго факта, который я могъ бы занести на эти страницы, посвященныя изображенію особенно выпуклыхъ случаевъ, достойныхъ спеціальнаго описанія. Но въ этотъ день въ жизни Удѣльнаго Земледѣльческаго

* Отцу моему, умершему въ 1861 году въ Тамбовѣ, не привелось читать въ печати этого письма Н. В. Гоголя къ В. А. Жуковскому, напечатаннаго, въ числѣ прочихъ писемъ автора *Мертвыхъ душъ*, въ 1871 году въ ежемѣсячномъ прекрасномъ сборникѣ П. И. Бартенева *Русскій Архивъ*.

Училища совершился, послѣ его учрежденія, важнѣйшій фактъ, а именно, выпускной экзаменъ. Когда-нибудь, по имѣющимся у меня матеріаламъ, я разкажу всѣ фазисы и подробности этого экзамена, результатомъ котораго было первоначальное водвореніе въ усадьбахъ многихъ удѣльныхъ имѣній первыхъ, такъ-сказать, *русскихъ фермеровъ*, начавшихъ свое новое поприще подъ самымъ свѣтлымъ и блестящимъ ореоломъ, превратившемся, къ прискорбію, въ послѣдствіи въ мыльный пузырь, какимъ оказалось и все это радужноцвѣтное учрежденіе, стоявшее, къ сожалѣнію, на шаткой и невѣрной почвѣ.

Вотъ что̀ мною было въ февралѣ мѣсяцѣ 1838 года напечатано объ этомъ экзаменѣ въ газетахъ: „Въ 10 часовъ утра „экзаменуемые 150 воспитанниковъ собрались въ рекреаці„онный залъ, подлѣ церкви заведенія. Въ 11мъ часу при„былъ г. вице-президентъ департамента удѣловъ, гофмейстеръ „и сенаторъ Л. А. Перовскій. Вслѣдъ затѣмъ удостоили „экзаменъ своимъ присутствіемъ гости, не многочислен„ные, но преимущественно состоявшіе изъ государственныхъ „сановниковъ и нѣсколькихъ молодыхъ отчизнолюбцевъ, ко„торые всѣ видятъ въ этомъ заведеніи залогъ отечественно„государственнаго дѣла, не чуждаго сердцу всякаго добраго „Русскаго. Всѣ воспитанники пропѣли чрезвычайно согласно. „Царю Небесный“, и начался экзаменъ. Директоръ вызывалъ „по 2, по 3 и по 4 воспитанника, то-есть въ такомъ числѣ „какъ они предназначены для водворенія въ образцовыхъ у„садьбахъ по удѣльнымъ имѣніямъ. Они подходили къ столу, „стоявшему предъ вице-президентомъ, кланялись по-крестьянски въ поясъ, выбирали лежавшіе на столѣ въ кучкѣ биле„тики съ вопросами изъ Закона Божія, Священной исторіи, „правилъ нравственности и ариѳметики, приспособленной къ „крестьянскому быту; отвѣчали законоучителю, О. Игнатію „Спасскому; ариѳметическія задачи рѣшали, написавъ ихъ на „доскѣ, подъ диктовку старшаго здѣшняго учителя Максимо„ва, которому нельзя не отдать справедливости въ отличной „ревности, знаніи своего дѣла, добросовѣстности и пламенной „любви своего предмета, что̀ весьма важно. По окончаніи соб„ственно научнаго экзамена, директоръ дѣлалъ экзаменующим„ся вопросы изъ сельскаго хозяйства и многихъ заставлялъ „начерчивать на доскѣ и рѣшать межевыя задачи, основанныя „на геометріи, о названіи даже которой, впрочемъ, эти парни „и понятія не имѣютъ. Рѣшеніе этихъ задачъ доказывало ясно

„что употребленіе мензулы слишкомъ хорошо знакомо этимъ „земледѣльцамъ, и что никакой землемѣръ никогда ихъ не об„манетъ. Задачи изъ сельскаго хозяйства рѣшаемы были легко, „отчетисто, скоро, безъ запинки. Воспитанники говорили о „почвахъ, о средствахъ удобренія безплодныхъ почвъ, о полераздѣленіи, о разведеніи полевыхъ растеній, о скотоводствѣ „и пр. По окончаніи экзамена, посѣтители разсматривали ме„жевые чертежи, снятые воспитанниками съ натуры, примѣры „ихъ четкаго и пріятнаго письма и, такъ здѣсь называемую „*нѣмецкую грамоту*“, которая состоитъ изъ диктанта цѣлыхъ „предложеній въ кахологическомъ безпорядкѣ. Эту кахологію „должно привести въ порядокъ, и воспитанники тутъ же, при „посѣтителяхъ, мастерски исполняли это и возстановляли вполнѣ смыслъ и правильность строенія фразъ. Такимъ образомъ, „здѣсь эти парни выучиваются практически правиламъ грам„матики, не имѣя о ней понятія. — По совершенномъ окон„чаніи экзамена розданы были самимъ г. вице-президентомъ „награды, состоявшія изъ похвальныхъ листовъ, изъ числа ко„торыхъ 20, розданныхъ отличнѣйшимъ, написаны золотомъ; „шелковыхъ кушаковъ, алыхъ, розовыхъ и голубыхъ рубахъ. „Распредѣленіе наградъ произведено со строжайшимъ разбо„ромъ; и при всемъ этомъ изъ 150 воспитанниковъ только 14 „человѣкъ ихъ не получили. На этихъ 150 воспитанникахъ воз„лежитъ большая надежда, въ важномъ дѣлѣ сельскаго хозяй„ства не только для удѣльнаго вѣдомства, но даже для крестьянъ казенныхъ и помѣщичьихъ, тѣмъ болѣе что уже теперь „многіе помѣщики, какъ слышно, изъявляютъ желаніе чтобъ „ихъ крестьяне учились у этихъ образованныхъ хозяевъ, крестьянскому быту и сельскому училищному хозяйству. По раздачѣ наградъ, воспитанники стройнымъ хоромъ пропѣли на„родный гимнъ „*Боже Царя храни*“ и еще особенный кантъ: „*На жатву*“, положенный на музыку придворнымъ пѣвчимъ „г. Лабецкимъ, здѣшнимъ учителемъ пѣнія. Г. вице-президентъ „изъявилъ свою признательность всѣмъ участвовавшимъ въ „успѣхахъ воспитанниковъ своими стараніями и ревностью. „Онъ, въ особенности благодаренъ былъ, и по справедливости, „директору заведенія г. Байкову за превосходный экзаменъ, „за этотъ счастливый результатъ годичнаго труда, годичной „дѣятельности. Сладостно было видѣть, когда его превосходи„тельство Л. А. Перовскій, который занимается этимъ заве„деніемъ, какъ однимъ изъ самыхъ утѣшительныхъ предме-

„товъ своей жизни, обнялъ и цѣловалъ дружески директора, „благодаря его за успѣхи воспитанниковъ: казалось, отецъ „благодарилъ воспитателя за доброе воспитаніе родныхъ сы„новъ своихъ.“

Ежели кто хочетъ имѣть самое полное понятіе о всѣхъ подробностяхъ учебной и чисто технико-земледѣльческой части этого заведенія, тотъ всѣ эти подробности найдетъ въ моей книгѣ: *Описаніе Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища.* С.-П.-Б. въ 8ю д. л. XIII—228 стр. Книга эта, процензурованная А. И. Фрейгангомъ 27 сентября 1838 года, напечатана была въ количествѣ 3.600 экземп. въ типографіи С.-П—скаго губернскаго правленія. Она составлена мною, при содѣйствіи М. А. Байкова, изъ множества моихъ статей, помѣщенныхъ до того времени въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ, съ 1834 по 1838 годъ включительно, съ нѣкоторыми пополненіями. Продажная цѣна ея въ книжной торговлѣ была 5 руб. ассиг.—Три тысячи экземпляровъ были пріобрѣтены отъ меня до выпуска книги въ продажу департаментомъ удѣловъ за 10.000 р. асиг. и разосланы были по всѣмъ конторамъ и по всѣмъ удѣльнымъ имѣніямъ въ подарокъ отъ департамента. Изъ остальныхъ 600 экз., за исключеніемъ 100 экз. розданныхъ даромъ, 500 проданы мною не дешевле 4 и 3 р. 50 к. книгопродавцамъ. Нынѣ книга эта составляетъ рѣдкость въ книжной торговлѣ, и я самъ въ концѣ прошлаго года за экземпляръ ея заплатилъ 3 р. сер. За экземпляры поднесенные чрезъ министра двора государю императору и государынѣ императрицѣ, я удостоился получить по драгоцѣнному перстню. Оба эти перстня приняты были отъ меня кабинетомъ за 1.500 р. асс.

Этимъ оканчивается мое повѣствованіе до 1839 года, то-есть до поступленія моего на службу удѣльнаго вѣдомства съ апрѣля 1839 года, когда получивъ, къ Свѣтлому празднику, въ военномъ министерствѣ, за отличіе ло службѣ, чинъ коллежскаго ассесора, — я, чрезъ сношеніе министра двора и удѣловъ съ военнымъ министромъ — перешелъ въ вѣдѣніе департамента удѣловъ. Эпизодами изъ моей училищной службы заключится вся эта обширная статья.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ СТАРОЖИЛЪ.

(*До слѣд.* №.)

Я видалъ иногда, ранней лѣтней порой,
Распускаясь въ лѣсу когда все зеленѣетъ,
Одна вѣтка лишь только, средь зелени той,
Ужь завядшимъ листомъ шелеститъ и желтѣетъ.

Ее можетъ морозъ невзначай захватилъ,
Не ко времени видно она распустилась,
Или солнце прижгло, или вихрь надломилъ,
Но должно-быть она навсегда опустилась.

И напрасно ее будетъ дождь освѣжать,
И лучами веселыми солнце пригрѣетъ,
Ея листья все будутъ уныло дрожать,
Опадая, пока все кругомъ зеленѣетъ.

Ц—ВЪ.

1871.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ

I.

Вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ какъ я перервалъ мои корреспонденціи или точнѣе бесѣды объ экономическомъ движеніи, о вопросахъ и изданіяхъ къ нему относящихся и, говоря откровенно, никогда еще перерывъ не былъ своевременнѣе. Политической экономіи не было мѣста въ прискорбныхъ событіяхъ совершавшихся въ продолженіи двухъ лѣтъ или, лучше сказать, ей слѣдовало бы облечься въ трауръ! Ея любимые *коньки*, какъ говаривалъ авторъ *Тристрама Шанди*,—миръ, экономія въ общественныхъ расходахъ, свобода труда и торговли, гармонія въ отношеніяхъ между агентами производства — капиталистами и рабочими. Безъ сомнѣнія, даже и теперь она отъ нихъ не отказывается, и хотя бы насъ ославили неисправимыми утопистами, мы все-таки льстимъ себя надеждой что для міра настунятъ лучшіе дни, что сила перестанетъ наконецъ господствовать надъ правомъ и сдѣлается покорною его служительницей, наконецъ, что рано или поздно водворится царство *прочнаго* мира и свободы, потому что громадное большинство рода человѣческаго всего болѣе заинтересовано тѣмъ чтобы наслаждаться миромъ и свободой. Но намъ безполезно было бы высказывать то что̀ мы думаемъ. Что до меня касается, то я отъ души удивляюсь этимъ превосходнымъ глашатаямъ *Лиги Мира*, гг. Фредерику Пасси, пастору Мартену Пашо и

другимъ, которые попрежнему издаютъ, какъ будто ничего не случилось новаго съ 1870 года, „бюллетень Лиги Мира“, въ которомъ они продолжаютъ неуклонно требовать *третейскаго разбирательства* и выражать надежду что впредь все на свѣтѣ можетъ разрѣшиться мирно, и что даже Альзасъ и Лотарингія возвратятся современемъ къ Франціи на основаніи полюбовной сдѣлки. Но признаюсь вамъ, мой оптимизмъ не заходитъ такъ далеко и мнѣ кажется „друзья мира“ проповѣдуютъ въ пустынѣ. Можетъ-быть лучше было бы еслибъ они и сторонники „экономической политики“ „собрались съ силами“, какъ то дѣлаетъ сама Франція, и тщательнѣе изучили соціальныя проблемы, воздерживаясь притомъ отъ несвоевременной пропаганды.

Этотъ періодъ далеко не былъ благопріятенъ для политической экономіи, да и для всей вообще умственной дѣятельности. Дѣятельность эта, подобно всѣмъ прочимъ отраслямъ общаго производства, была поражена военнымъ кризисомъ, но между тѣмъ какъ матеріальная работа быстро приходила въ движеніе, по минованіи этого кризиса, литература и искусства пребывали въ полнѣйшемъ застоѣ. Это не значитъ чтобы не производились книги, брошюры, рѣчи, журнальныя статьи, картины и статуи. Онѣ производятся, и даже въ большомъ количествѣ, но какъ рѣдко попадаются произведенія имѣющія какую-либо цѣну! *Салонъ* нынѣшняго года былъ замѣчателенъ однообразною посредственностью: едва-едва нѣсколько пейзажей и портретовъ выдѣлялись изъ этой монотонной массы. Вниманіе публики привлекала только выставка картинъ Анри Реньйо, того замѣчательнаго колориста и превосходнаго юноши которому прусская пуля помѣшала сдѣлаться великимъ живописцемъ. Ибо достаточно—увы!—какъ говорилъ, помнится, Фонтенелль, дряннаго куска свинцу чтобы сокрушить самую прекрасную голову на свѣтѣ.

Литература воображенія умерла или по крайней мѣрѣ погружена въ летаргію. Бальзаки, Сулье, Дюма и многіе другіе сошли въ могилу, не оставивъ преемниковъ. Теофиль Готье боленъ и давно ничего не пишетъ, Жюль Жаненъ угасаетъ въ своей Отёльской виллѣ; одна Жоржъ Сандъ не перестаетъ утѣшать остатками своихъ вдохновеній,—но остатками только,—читателей *Revue des Deux Mondes*. Что касается Виктора Гюго, то его недостатки, превозносимые его поклонниками и его колоссальнымъ самолюбіемъ, уничтожили наконецъ всѣ его

качества, и послѣднія произведенія, каково напримѣръ *L'Année terrible*, есть не что иное какъ дикая и исполненная претензій галиматья. Эдмонъ Абу бросилъ романъ и повѣсть, въ которыхъ блисталъ такимъ остроуміемъ, для политической журналистики, въ которой его легкій и непостоянный умъ никогда не допустилъ его пріобрѣсти какой-либо авторитетъ, что не мѣшаетъ ему—увы!—мечтать о какомъ-нибудь дипломатическомъ назначеніи, подобно его несчастному товарищу по Нормальной Школѣ Прево-Парадолю. Новые таланты не появляются, и я не могу указать въ области воображенія ни одного произведенія названіе котораго сохранилось бы въ публикѣ. Война не создала ни одного поэта; можно уломянуть о нѣсколькихъ недурныхъ стихотвореніяхъ одного молодаго человѣка г. Дерумеда, которыя нѣсколько выдѣляются изъ числа множества одъ, балладъ и военныхъ разказовъ съ болѣе или менѣе удачными риѳмами, но лишенныхъ истинной поэзіи. Тотъ же застой и въ театрѣ. Водевиль и оперетка процвѣтаютъ попрежнему. На театрѣ Пале-Рояля появилось этою зимой нѣсколько площадныхъ фарсовъ, каковы *Trecoche et Cacolet*, *Les deux noces de Boisjoli* и пр.; театръ *Bouffes* привлекалъ и привлекаетъ толпу своею *Timbale d'argent*, самою смѣлою изъ піесъ которыя когда-либо давались на этомъ театрѣ смѣлыхъ піесъ; театръ *Vaudeville* имѣетъ подобный же успѣхъ, благодаря піесѣ *de circonstances*, которую пустили въ ходъ современныя страсти, — я разумѣю *Рабагаса*, гдѣ не болѣе двухъ, трехъ сценъ заслуживающихъ аплодисментовъ. *Théatre Français* произвелъ только одну, хотя посредственную, но пріятную піесу *Christiane* и претенціозную комедію *Nany* г. Мейлака, человѣка впрочемъ остроумнаго и искуснаго водевилиста. Словомъ, не говоря о низшихъ родахъ, драматическая литература обнаруживаетъ отчаянное безплодіе. То же самое можно сказать и о музыкѣ. Оперы и Большая и Комическая принуждены существовать возобновленіемъ старыхъ піесъ. А между тѣмъ нельзя обвинить потребителей въ холодности къ производству. Никогда еще театры не были такъ ревностно посѣщаемы какъ послѣднею зимой, и прибавьте въ похвалу публики, что если она по обыкновенію своему усердно посѣщала легкія сцены, то противъ обыкновенія стекалась также и въ классическіе театры. *Théatre Français*, оставшійся на высотѣ своихъ прекрасныхъ преданій, былъ постоянно полонъ, и — замѣчательно — съ его старымъ репертуаромъ! съ *Etourdi* Мольера, съ

Andromaque Расина, и въ то же время *Ruyblas* привлекалъ толпу въ отдаленный край города, гдѣ красуется Одеонъ. Нѣтъ! намъ недостаетъ писателей, то-есть писателей серіозныхъ и преданныхъ искусству. Тѣ что̀ еще остаются у насъ посвящаютъ себя тому роду произведеній который доставляетъ болѣе денегъ. Такимъ образомъ г. Сарду далъ *Рабагаса* театру *Vaudeville*, и потомъ еще нелѣпую волшебную піесу *Roi Carotte* театру *Gaîté*, а г. Мейлакъ сдѣлался однимъ изъ обязательныхъ поставщиковъ Пале-Рояля. Одинъ г. Дюма-сынъ повидимому желаетъ оставаться вѣрнымъ драматической литературѣ, но у него закружилась голова. Онъ вообразилъ себя моралистомъ, и вотъ появилось его *Homme-femme*, произведеніе почти столь же „нравственное“, какъ и *Нравственныя Повѣсти* (Contes moraux) покойнаго Мармонтеля. И какое болѣе поразительное доказательство можно было бы представить нашей отчаянной литературной нищеты, какъ поразительный успѣхъ этой претенціозной и парадоксальной защитительной рѣчи? *L'Homme-femme* вызвалъ болѣе дюжины брошюръ того же пошиба, и это было въ продолженіе цѣлаго мѣсяца событіемъ дня. Пожалѣйте о насъ!

Не бо̀льшимъ обиліемъ отличалась и серіозная литература. Въ прошедшемъ году она доставила намъ только сочиненія вызванныя обстоятельствами (des ouvrages de circonstances), защитительныя рѣчи политическихъ и военныхъ людей, участвовавшихъ въ послѣднихъ событіяхъ, каковы книги генераловъ Шанзи, Винуа, Базена и проч., а также гг. де-Грамона, Бенедетти, Жюля Фавра, или же разсказы очевидцевъ военныхъ дѣйствій или прискорбнаго эпизода коммуны. Безъ сомнѣнія, въ этой массѣ случайныхъ сочиненій, найдется нѣсколько интересныхъ вещей, но, — обстоятельство заслуживающее вниманія, — публика, поглощавшая ихъ съ необыкновенною жадностью въ первое время, вдругъ утомилась ими, и продажа ихъ совершенно прекратилась, къ великому отчаянію издателей, у которыхъ магазины ими завалены. Кромѣ этой случайной литературы, оригинальныхъ книгъ появилось мало: нѣсколько путешествій, между которыми первое мѣсто занимаютъ *Les Notes sur l' Angleterre* г. Тена, и много переводовъ: переводъ исторіи г. Момсена, несмотря на весьма малую симпатію нашу къ этому ученому, который во время послѣдней войны явился отчаяннымъ франкофобомъ, переводы Дарвина, Люббока и вообще сочиненій о происхожденіи человѣка,

такъ какъ занятія антропологіей начинаютъ входить въ большую моду. У насъ даже основанъ г. Полемъ Брока спеціальный антропологическій журналъ, первый нумеръ котораго у меня предъ глазами. Необходимо также упомянуть о нѣсколькихъ сочиненіяхъ по части воспитанія, изъ коихъ наиболѣе вниманія обратило на себя сочиненіе г. Бреаля, профессора *Collège de France*. Упомяну также о подробномъ отчетѣ о воспитаніи въ Соединенныхъ Штатахъ, сочиненіи г. Гилло; но это предметъ лучше извѣстный въ Россіи чѣмъ во Франціи, а потому мы и не можемъ сказать вамъ о немъ ничего новаго. Безъ сомнѣнія, я пропускаю нѣсколько интересныхъ изданій, выходящихъ изъ сферы моихъ обычныхъ занятій, но увѣряю васъ что пропускаю ихъ немного, потому что,—повторяю снова,—кризисъ для умственнаго производства еще не прекратился. Можно ли сказать что періодическая печать пріобрѣла то что потеряла книжная литература? Конечно, если бросить взглядъ на громадное количество новыхъ журналовъ, возникшихъ вслѣдствіе революціи 4го сентября, то можно сказать что эта отрасль литературы пріобрѣла необыкновенное развитіе; но если она отличается количествомъ, то какъ много еще остается желать въ ней относительно качества! За исключеніемъ *Patrie en danger*, которую издавалъ г. Бланки во время коммуны и которая по временамъ отличалась здравою оцѣнкой событій и излагалась правильнымъ языкомъ, революціонныя газеты представляли только наборъ декламацій плохо написанныхъ. Романтическій стиль примѣненный къ политикѣ господствовалъ въ *Rappel*, существующемъ еще и теперь органѣ Виктора Гюго, и еще болѣе въ газетѣ *Vengeur* гражданина Піа. Во всякомъ случаѣ *Mot d'Ordre* Рошфора отличалась и энергіей и остроуміемъ, особенно во время коммуны, когда авторъ пытался, но безъ инаго результата, кромѣ риска потерять всякое вліяніе или быть разстрѣляннымъ обѣими партіями, стать между ними въ видѣ безпристрастнаго судьи и одинаково осудить ихъ излишнія увлеченія. Всѣ эти газеты исчезли теперь, и радикальная партія имѣетъ только одинъ видный органъ *République française* г. Гамбетты, издаваемый съ большимъ искусствомъ его друзьями гг. Раномъ, Спюллеромъ и Шаллемель-Лакуромъ. Консервативная печать осталась почти тѣмъ же чѣмъ она была при концѣ имперіи. Къ сожалѣнію то же надо сказать и о легкой печати, типомъ которой служитъ *Figaro*, и

которая своими преувеличеніями и выдумками имѣла такое гибельное вліяніе на общественный духъ. Бельгійскій писатель г. Леклеркъ вздумалъ напечатать извлеченія изъ ея *reportages* и различныхъ извѣстій во время войны, и трудно себѣ представить что-нибудь грустнѣе и унизительнѣе чтенія этой книги. Я знаю что эти газеты приводили въ свое оправданіе,—то же оправданіе въ свою пользу приводили и люди руководившіе тогда общественными дѣлами,—что толпа желаетъ чтобъ ее обманывали, и что она стала бы рвать и жечь на бульварахъ газеты которыя осмѣлились бы ей дать что-нибудь кромѣ хорошихъ извѣстій, но поистинѣ онѣ употребили во зло поговорку *mundus vult decipi*, и необыкновенное развитіе этой печати съ подозрительными вѣстями, съ гривуазными сплетнями и всяческими нелѣпостями есть одна изъ нашихъ позорныхъ язвъ. И теперь еще она имѣетъ преимущество предъ всѣми другими изданіями, по крайней мѣрѣ, относительно цифры ея продажи. Можетъ-быть и дѣйствительно виновата въ этомъ отчасти серіозная печать, которая не довольно заботится чтобъ разнообразить свои сообщенія и дѣлать ихъ интересными. Какъ мы отстали въ этомъ отношеніи не только отъ англійской или американской печати, но даже отъ печати нѣмецкой и русской! Наши газеты всѣ выкроены по старинной мѣркѣ: когда онѣ сообщили одну или двѣ политическія статьи, воспроизвели иностранныя извѣстія изъ *Корреспонденціи Гаваса*, пользующейся ихъ монополіей, позаимствовали тамъ и сямъ *Faits divers* и напечатали романъ-фельетонъ или статью *Variétés*, то считаютъ уже что щедро надѣлили публику ея ежедневною пищей. Иностранныя корреспонденціи занимаютъ въ ней второстепенное мѣсто: такъ какъ платится за нихъ мало, то онѣ вообще не интересны и содѣйствуютъ поддержанію и увеличенію того недостатка французскаго ума, который считаетъ важнымъ только то что происходитъ во Франціи. Вслѣдствіе этого такъ какъ серіозная печать недостаточно интересуетъ публику, особенно въ такія минуты какъ теперь, когда политика въ застоѣ, то она и принимается за легкую журналистику. Было бы можетъ-быть иначе, еслибы серіозныя газеты вошли въ состязаніе съ прочими относительно интереса, предоставляя болѣе значенія извѣстіямъ всякаго рода и дѣлая для полученія ихъ необходимыя пожертвованія. Это придетъ современемъ, и мы наконецъ будемъ издавать газеты по примѣру англійскихъ, но до сихъ поръ наша печать не осу-

ществила успѣховъ которыхъ отъ нея ожидали, когда исчезли преграды стѣснявшія ее во время имперіи. Можно сдѣлать исключеніе въ пользу нѣсколькихъ спеціальныхъ изданій, каковы *Revue scientifique* и *Revue politique et littéraire* г. Юнга, *Revue maritime et coloniale*, издаваемое морскимъ министерствомъ и значительно улучшившееся въ послѣднее время, *Journal de la réunion des officiers*, въ которомъ переводится все что̀ печатается интереснаго за границей о военномъ дѣлѣ. Но ни въ этихъ спеціальныхъ сборникахъ, ни въ печати вообще нельзя указать появленія какихъ-либо новыхъ и замѣчательныхъ талантовъ.

Та же скудость замѣтна и въ ораторскомъ искусствѣ. Клубы произвели однихъ только бѣснующихся, изъ коихъ нѣкоторые, конечно, не лишены были краснорѣчія, но что̀ значитъ краснорѣчіе безъ здраваго смысла? Съ своей стороны, и парламентская трибуна не произвела ораторовъ, которые могли бы сравняться съ Берье, Гизо, Тьерами и Ламартинами. Производящія эффектъ рѣчи г. Гамбетты нерѣдко состоятъ изъ однихъ звучныхъ фразъ! Тѣмъ не менѣе въ послѣднія пятнадцать или двадцать лѣтъ парламентское краснорѣчіе пріобрѣло характеръ если не литературный, то по крайней мѣрѣ положительный и практическій. Теперь уже не говорятъ, какъ бывало прежде, — исключенія, конечно, бываютъ,— для того только чтобы говорить; не слагаютъ уже рѣчей на старый ладъ, съ одними ораторскими украшеніями. Вопросы изучаютъ и излагаютъ съ наивозможно большею ясностью. Словомъ, произносятъ дѣловыя рѣчи, и онѣ-то и снискиваютъ наиболѣе успѣха. Сравните въ этомъ отношеніи парламентскія пренія нынѣшняго собранія (за исключеніемъ засѣданій гдѣ политическія страсти выходятъ изъ всѣхъ границъ), не говорю съ рѣчами Конвента, гдѣ господствовала самая пустая и напыщенная декламація, но съ собраніями реставраціи и іюльской монархіи, и васъ поразитъ совершившійся прогрессъ. Прогрессъ этотъ очевидно произошелъ отъ размноженія всевозможныхъ обществъ: желѣзнодорожныхъ, горныхъ, мануфактурныхъ и пр., въ которыхъ дѣла излагаются и обсуждаются безъ всякой претензіи на краснорѣчіе людьми практическими, которые потомъ перенесли на политическія собранія этотъ простой и ясный дѣловой языкъ. Такое вліяніе развившейся промышленности на пренія нашихъ политическихъ собраній несомнѣнно, хотя оно далеко не такъ полно, какъ бы того можно пожелать, и во всякомъ случаѣ заслуживаетъ чтобъ на него обратили вниманіе.

II.

Подобно всѣмъ отраслямъ умственнаго труда, экономическая литература находилась въ эти послѣдніе годы въ самомъ неблестящемъ положеніи, и я не могу указать вамъ въ ней ни одного замѣчательнаго и оригинальнаго произведенія. Страшно много говорили въ клубахъ, говорили также, но гораздо скромнѣе и гораздо болѣе умѣреннымъ тономъ, въ Академіи Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ и въ Политико-Экономическомъ Обществѣ. Я имѣлъ уже случай бесѣдовать съ вами о публичныхъ собраніяхъ и клубахъ, нынѣ закрытыхъ и вѣроятно надолго, и указывалъ вамъ что темы, обыкновенно неопредѣленныя и растяжимыя до безконечности, объ отношеніяхъ капитала къ труду, о процентѣ и капиталѣ, объ ассоціаціи, о воспитаніи, о бракѣ и пр. служили предметами ихъ преній. Отъ этихъ преній не осталось ровно ничего: единственная польза которую могли принести клубы заключалась въ томъ, чтобы дать правительству и публикѣ точное понятіе о положеніи умовъ и страстей одушевляющихъ низшіе классы, въ которыхъ революціонная партія набираетъ себѣ рекрутъ. Въ этомъ отношеніи они имѣли дѣйствительное практическое значеніе; къ несчастію, у насъ недостаточно пользовались драгоцѣнными указаніями, которыя они могли дать. Напрасно представляли они все большее и большее скопленіе горючихъ веществъ, никто какъ будто и не подозрѣвалъ что они могутъ воспламениться. Они воспламенились однако, и у насъ до сихъ поръ предъ глазами слѣды пожара. Теперь полнѣйшее безмолвіе послѣдовало за этими шумными преніями: уже повсюду перестали обсуждаться „соціальные вопросы“, за исключеніемъ можетъ-быть какихъ-нибудь собраній рабочихъ синдикальныхъ палатъ, которыя продолжаютъ существовать и даже размножаются, хотя медленно, въ подражаніе организаціи англійскихъ *trade unions*, но гораздо въ меньшихъ размѣрахъ и несравненно съ меньшими средствами. Должно замѣтить что революціонныя излишества и безумства совершенно отвратили массу публики отъ этихъ преній, и какъ всегда случается, реакція въ этомъ отношеніи пошла слишкомъ далеко: прежде бывало всѣ наперерывъ ста-

рались заниматься слишкомъ дѣйствительными бѣдствіями рабочихъ классовъ и средствами пособить имъ; теперь совершенно наоборотъ! Теперь съ недовѣріемъ уже читаютъ, если только еще читаютъ, сочиненія трактующія объ этихъ вопросахъ, и всякій признакъ нѣсколько живой симпатіи къ бѣдствіямъ или страданіямъ массъ подаетъ поводъ къ обвиненію въ соціализмѣ. А кто виноватъ? Очевидно отвѣтственность должна падать на революціонеровъ и соціалистовъ. Они переполошили всѣ интересы, а страхъ безпощаденъ! Графъ Парижскій сталъ подозрителенъ буржуазіи за обнародованіе своей книги *О рабочихъ ассоціаціяхъ въ Англіи*, и сторонники его стараются оправдать эту книгу тѣмъ что она грѣхъ юности. О вопросахъ соціальныхъ или рабочихъ и слушать никто не хочетъ, и повидимому всѣ готовы вѣрить что истинная панацея по этимъ предметамъ есть Шассло. Національное собраніе постановило, однако, произвести слѣдствіе о положеніи рабочихъ классовъ. Слѣдствіе это производится дѣятельно, и я не премину сообщить вамъ объ его результатахъ; никто, однако, имъ не интересуется, и меня нисколько не удивитъ, если оно придетъ къ заключенію что все прекрасно идетъ въ мірѣ труда, или по крайней мѣрѣ что ему недостаетъ весьма немногаго, и что нечего дѣлать по этой части, развѣ только возстановить нѣкоторые законы о стачкахъ.

Изъ ученыхъ обществъ наиболѣе жизни замѣтно было въ свободномъ Политико-Экономическомъ Обществѣ, но и въ немъ оказываются пробѣлы, которые не пополняются: Бастіа, Дюнойе, Орасъ Сэ не замѣнены въ немъ никѣмъ, и его ежемѣсячные обѣды, хотя и болѣе многочисленные, не представляютъ научнаго интереса, которымъ они отличались лѣтъ двадцать тому назадъ. Сверхъ того въ продолженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ означенныя собранія подверглись вліянію событій: тезисы чисто научные были оставлены, что̀ и естественно было, для вопросовъ дня. Во время осады Парижа, когда перестали обѣдать, чтобы не скандализовать людей которые не преминули бы обвинить экономистовъ въ томъ что они пожираютъ продовольствіе народа,—занимались лишь вопросами о пропитаніи, такъ страшно стоявшими тогда на очереди. Очевидно что вліяніе экономистовъ въ ту эпоху было самое благотворное. Они не помѣшали совершенію множества частныхъ нелѣпостей, они не добились чтобы мясо,

хлѣбъ и топливо раздавались такимъ образомъ чтобы не было давки, но они помѣшали правительству забрать въ свои руки всѣ запасы, подъ предлогомъ болѣе правильной ихъ раздачи, и тѣмъ избавили насъ отъ страшныхъ безпорядковъ и хищеній. Въ послѣдствіи, когда миръ былъ заключенъ и коммуна побѣждена, необходимо было пріискать средства къ покрытію громадныхъ расходовъ, вызванныхъ этими бѣдственными событіями, а также воспрепятствовать возстановленію протекціонной системы, корифеи которой стали во главѣ правленія. Таковы были предметы занятій съ прошедшаго года; толковали о налогахъ, о займахъ, объ отмѣнѣ торговыхъ трактатовъ, и нѣкоторые изъ этихъ преній не были лишены интереса; но необходимо прибавить что они не помѣшали экономическимъ и финансовымъ идеямъ г. Тьера восторжествовать, хотя и временно. Политико-Экономическое Общество обсуждало также вопросъ о стачкахъ и высказалось,—надо отдать ему честь,—противъ возстановленія закона ихъ воспрещающаго. Оно обсуждало также вопросъ о возстановленіи „игорныхъ домовъ“, который одно время серіозно былъ выставленъ на очередь. Рѣчь шла о томъ чтобы предоставить привилегію игорныхъ домовъ нѣкоторымъ городамъ съ минеральными источниками, посредствомъ отдачи на откупъ, и въ пользу этой мѣры приводилось не мало аргументовъ. Указывали что, несмотря на запрещеніе игорныхъ домовъ, играть все-таки продолжаютъ, только игра укрылась въ тайные кружки и заведенія, гдѣ она не платитъ ничего въ государственное казначейство. Не лучше ли дозволить ее публично въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ, служащихъ сборными пунктами увеселеній достаточнаго класса: и извлечь изъ нихъ нѣкоторыя дополнительныя средства въ пользу казначейства. Можетъ-быть, прежде чѣмъ отвѣчать на этотъ щекотливый вопросъ слѣдовало бы произвести слѣдствіе о „болѣзни игры“, о времени и деньгахъ которыя она поглощаетъ, о наилучшихъ средствахъ къ ея излѣченію и пр. Слѣдствіе это имѣло бы живѣйшій интересъ, и меня нисколько не удивитъ, если какое-нибудь правительство предприметъ его. Какъ бы то ни было, Политико-Экономическое Общество высказалось противъ возстановленія игорныхъ домовъ, да и агитація по этому вопросу прекратилась.

Но послѣднія событія возбудили много другихъ вопросовъ, на которыхъ я попрошу позволенія остановиться. Какъ вели-

ки были размѣры потерь которыя понесла Франція отъ минувшей войны? Какого свойства были эти потери? Въ какихъ размѣрахъ онѣ удручили государство, различныя части территоріи и частныхъ людей? Въ какомъ отношеніи онѣ находятся съ достояніемъ Франціи? Затѣмъ какимъ образомъ слѣдуетъ производить займы суммъ необходимыхъ для ихъ покрытія? Слѣдуетъ ли прямо обращаться къ публикѣ въ дѣлѣ займа или прибѣгать къ посредникамъ? Наконецъ, для покрытія увеличившагося бюджета расходовъ, вслѣдствіе увеличенія государственнаго долга, къ какимъ налогамъ слѣдуетъ прибѣгать? Слѣдуетъ ли облагать производство, потребленіе или доходъ? Слѣдуетъ ли устанавливать ежегодное погашеніе, и въ какихъ размѣрахъ? Къ какой части долга прежде всего слѣдуетъ примѣнять средства погашенія? Слѣдуетъ ли прежде всего заняться прекращеніемъ системы бумажныхъ денегъ, уплачивая займы сдѣланные въ Банкѣ, чтобы немедленно возвратиться къ металлическому обращенію, или лучше установить менѣе налоговъ, хотя бы тѣмъ и отсрочилось погашеніе, или же слѣдуетъ озаботиться погашеніемъ долговъ за которые уплачиваются наибольшіе проценты, оставляя въ обращеніи бумажныя деньги? Вотъ цѣлый рядъ вопросовъ которые представлялись обсужденію французскихъ экономистовъ и которые были затронуты ими, по крайней мѣрѣ частію, въ Политико-Экономическомъ Обществѣ. О нѣкоторыхъ изъ этихъ вопросовъ можно получить полезныя свѣдѣнія изъ сочиненій или спеціальныхъ сборниковъ, каковы *Journal des Economistes* и *Annuaire de l'Economie politique*, выпускъ котораго на 1871 и 1872 (заключающій въ себѣ въ видѣ исключенія два года) только-что появился. Укажу также на послѣднее изданіе *Traité des Finances* г. Жозефа Гарнье, вышедшее въ свѣтъ въ началѣ нынѣшняго года.

Для отвѣта на вышеизложенные вопросы прежде всего слѣдуетъ прибѣгнуть къ статистикѣ, но къ несчастію статистика, несмотря на ея несомнѣнные успѣхи, далеко еще не въ состояніи дать положительныхъ и вѣрныхъ отвѣтовъ на вопросы которые мы ей предлагаемъ, даже на важнѣйшіе изъ нихъ. Попытаемся, однако, прибѣгнуть къ ней.

III.

Нѣтъ предмета который бы подвергался такой разнообразной оцѣнкѣ, какъ значеніе дохода націи, а вслѣдствіе того и капитала доставляющаго оный. Очевидно, однако, что доходъ какой-либо націи совершенно равенъ ея валовому производству, ибо цѣнность-то этого производства и распредѣляется подъ формой рентъ, барышей, процентовъ или заработной платы между всѣми членами націи и доставляетъ имъ средства существованія и суммы необходимыя на расходы по ея управленію. Каково же валовое производство Франціи? Въ 1856 году, въ одномъ изъ послѣднихъ изданій *Statistique de l' Industrie de France* (статистика французской промышленности), старѣйшій изъ французскихъ статистиковъ, г. Моро де-Жоннесъ исчислилъ его въ $16^1/_2$ милліардовъ, распредѣляемыхъ слѣдующимъ образомъ: земледѣльческое производство—8 милліардовъ, мануфактурное—4 милліарда, искусства и ремесла $4^1/_2$ милліарда. Подъ рубрикой: „Искусства и ремесла“, онъ ставилъ торговлю и либеральныя профессіи. Эти цифры, если мы и допустимъ что онѣ были вѣрны въ то время, очевидно, измѣнились съ тѣхъ поръ, и вѣроятно безъ преувеличенія можно опредѣлить въ 20 милліардовъ валовое производство Франціи, со включеніемъ всѣхъ отраслей ея промышленной и иной дѣятельности. Нѣкоторые находятъ цифру эту еще слишкомъ недостаточною и возвышаютъ ее до 24 милліардовъ и болѣе. Будемъ держаться 20 милліардовъ, хотя и съ сожалѣніемъ что статистика, несмотря на ея успѣхи и конгрессы, не доставляетъ намъ въ этомъ отношеніи хотя бы сколько-нибудь положительныхъ свѣдѣній. Какой капиталъ представляется этимъ доходомъ? Капитализуя его изъ 5%, мы получимъ капиталъ въ 400 милліардовъ, а если изъ 6%, то въ 333 милліарда. Но необходимо прибавить что такъ какъ производство есть плодъ естественно соединенныхъ агентовъ, собственно такъ-называемаго капитала и труда, то въ этомъ случаѣ необходимо слову „капиталъ“ придать самое обширное значеніе и включить въ него не только землю, зданія, машины, орудія, запасы, но также и самихъ людей или по крайней мѣрѣ ихъ производительныя способности. Итакъ 400 милліардовъ или 333 милліарда были бы, смотря по капитализаціи, стоимостью

Франціи, безъ включенія въ это число цѣнностей не производительныхъ, что̀ возвысило бы эту стоимость до 500 милліардовъ. Очевидно, цифры эти невозможно выдать даже за приблизительно точныя, но когда вычисляютъ, напримѣръ, потери понесенныя какою-либо страной отъ войны, онѣ могутъ имѣть свою пользу для сравненія, хотя и мало подходятъ къ истинѣ. Постараемся же составить себѣ понятіе объ этихъ потеряхъ по отношенію къ послѣдней войнѣ. Очевидно что и тутъ мы получимъ лишь приблизительныя цифры, но во всякомъ случаѣ эти цифры будутъ нѣсколько ближе къ истинѣ, чѣмъ въ предшествовавшемъ вычисленіи. Намъ приблизительно извѣстны расходы которыхъ стоила эта война, суммы военныхъ контрибуцій и реквизицій, собранныхъ непріятелемъ, и наконецъ громадная цифра военнаго вознагражденія. Мы знаемъ что послѣдняя простирается до пяти милліардовъ и что можно положить въ одинъ милліардъ сумму военныхъ контрибуцій, реквизицій и проч. Расчисленіе ихъ было сдѣлано спеціальными коммиссіями, труды коихъ резюмированы въ докладѣ представленномъ министромъ внутреннихъ дѣлъ г. Казиміромъ Перье президенту реслубликѝ, 26го октября 1871 года. Въ томъ же докладѣ находимъ что военныя издержки сдѣланныя Франціей во время этой бѣдственной войны могутъ быть исчислены въ три милліарда. Итого девять милліардовъ. Тѣмъ не менѣе ясно что въ этой суммѣ заключаются еще не всѣ расходы. Есть еще и потеря людьми, которая также должна быть принята въ разчетъ. На основаніи документа обнародованнаго въ прошедшемъ году національною типографіей, 89.000 офицеровъ и солдатъ были убиты или умерли отъ ранъ; присоединивъ къ этому почти такое же число умершихъ отъ болѣзней или изувѣченныхъ и неспособныхъ содержать себя, получимъ цифру въ 150.000, и присоединивъ еще 50.000 человѣкъ умершихъ или сосланныхъ во время или вслѣдствіе мятежа коммуны, дойдемъ до цифры 200.000 человѣкъ, большею частію въ цвѣтѣ лѣтъ, и оцѣнивая каждаго изъ нихъ въ 10.000 фр. (цифра эта не можетъ показаться преувеличенною, если приломнимъ цѣну негровъ-работниковъ въ Соединенныхъ Штатахъ во время невольничества), дойдемъ до двухъ милліардовъ. Значитъ, мы дошли до одиннадцати милліардовъ. Если положить въ цѣну работу національгардовъ и мобилей, частный перерывъ торговыхъ сношеній и прочіе косвенные убытки, то мы непремѣнно дойдемъ до цифры въ двѣнадцать милліардовъ и болѣе.

Но какъ ни велика эта потеря, она составляетъ не болѣе 41ой части валоваго богатства Франціи, если оцѣнить его, какъ мы сказали выше, въ 500 милліардовъ, и если мы примемъ въ соображеніе какъ быстро возрастаетъ богатство націи въ нашъ вѣкъ, благодаря безпрерывнымъ успѣхамъ земледѣлія, промышленности и торговли, то потеря окажется весьма поправимою; кажется даже что она можетъ исправиться въ непродолжительное время. Такъ дѣйствительно и бываетъ во всѣхъ странахъ доступныхъ прогрессу. Съ изумленіемъ видишь съ какою легкостью и быстротой онѣ исправляютъ бѣдствія войны, какъ бы разорительна она ни была. Приломнимъ, однако, что къ исчисленнымъ выше потерямъ слѣдуетъ присоединить потерю территоріи и населенія. Потери эти состоятъ изъ 1.689 общинъ, изъ 1.447.466 гектаровъ земли и изъ 1.597.228 жителей (по переписи 1866 года), на общее число 37.548 общинъ, 54.305.141 гектаровъ и 38.067.064 жителй, или около $^1/_{23}$ числа жителей. Принимая эту цифру основаніемъ оцѣнки и придерживаясь той же валовой суммы въ 500 милліардовъ цѣнности Франціи, и по этой статьѣ окажется потеря около 21 милліарда, что̀ составитъ съ 12 милліардами всѣхъ расходовъ на войну—33 милліарда. Но если принять въ соображеніе что экономическая стоимость Альзаса и его населенія была гораздо выше средней и что безспорно ее можно было оцѣнить вдвое сравнительно съ такимъ же числомъ людей и такимъ же пространствомъ земли на югѣ или на западѣ, то можно будетъ, не опасаясь ошибки, возвысить на добрую треть эту цифру 21го милліарда, и такимъ образомъ получится валовая и окончательная цифра 40 милліардовъ потерь понесенныхъ Франціей въ послѣднюю войну. Это составитъ $^2/_{25}$ ея общей цѣнности, а такая цифра что-нибудь да значитъ.

Увеличиваетъ эту потерю то обстоятельство что бо́льшая часть расходовъ и утратъ причиненныхъ войной должна быть покрыта путемъ займовъ, заключенныхъ, конечно, на тяжелыхъ условіяхъ и проценты которыхъ присоединяются къ бюджету расходовъ. А чтобы справиться съ этимъ увеличеніемъ бюджета расходовъ, необходимо умножить и возвысить налоги, а всякому извѣстно что налогъ причиняетъ не одинъ прямой расходъ націи, суммою которую онъ взимаетъ, но еще косвенный, стѣсненіями и преградами которыя онъ поставляетъ созданію богатства. Эти косвенные убытки могутъ быть болѣе или менѣе значительны, смотря по тому правильно или

неправильно назначенъ налогъ, но они во всякомъ случаѣ существуютъ и должны быть принимаемы въ разчетъ. Каковы были въ этомъ отношеніи результаты послѣдней войны? Каковы были бюджеты и налоги Франціи до войны, каковы они стали послѣ?

IV.

Я пытался исчислить приблизительно, насколько дозволяютъ наши недостаточные и сомнительные статистическіе документы, ущербъ нанесенный богатству Франціи послѣднею войной и дошелъ до цифры 40 милліардовъ изъ 500 или 12½%. Но въ эту цифру расходы государства входятъ только въ числѣ 10 милліардовъ, каковы издержки на войну, вознагражденіе уплаченное непріятелю, вознагражденіе за ущербъ причиненный частнымъ лицамъ. Эти десять милліардовъ приходилось или придется занять (теперь они и заняты почти сполна), и проценты съ погашеніемъ этого займа увеличили ежегодныя тягости бюджета государственныхъ расходовъ. Въ какой пропорціи? Почти на цѣлую четверть, какъ увидимъ ниже.

До войны, расходы предусмотрѣнные на 1870 годъ простирались до цифры 1.811 милліоновъ, и на 1871 до 1.852 милліоновъ. Война возвысила первые до 3.375 милліоновъ, вторые до 3.201 милліона. Разность была покрыта займами сдѣланными или у публики или у Французскаго Банка. Оба слѣдующіе бюджета, еще не уплаченные, но представляющіе на будущее время нормальные расходы послѣ войны, — допуская что военный бюджетъ (мы говоримъ только объ одномъ этомъ бюджетѣ) не прибавитъ къ нему новыхъ издержекъ, а ожидать такихъ мы должны непремѣнно при томъ состояніи въ которомъ находится наши крѣпости и нашъ военный матеріалъ, — назначены: бюджетъ 1872 года въ 2.334 милліона, а бюджетъ 1873 года въ 2.388. Ясно что цифры эти не окончательныя и что необходимо прибавить къ нимъ еще нѣсколько десятковъ милліоновъ, если не болѣе. Во всякомъ случаѣ, мы должны считать себя довольными, если нормальный бюджетъ государственныхъ расходовъ, простиравшійся до войны до 1.800 милліоновъ, не перейдетъ послѣ войны за 2.400 милліоновъ, что̀ и составляетъ, какъ я замѣтилъ выше, увеличеніе на одну четверть. Оставляю внѣ этой цифры расходы департаментскіе и общинные, которые могутъ быть также

исчислены въ 600 милліоновъ и возвышаютъ итогъ нашихъ общественныхъ повинностей, — не считая повинности военной,—*minimum* до трехъ милліардовъ, или, считая въ 20 милліардовъ сумму производства (или что̀ одно и то же, сумму чистыхъ доходовъ), до цифры нѣсколько болѣе седьмой части доходовъ всей массы Французовъ; что̀ значило бы, другими словами (допуская что налогъ распредѣленъ равномѣрно), что каждый Французъ долженъ бы уплачивать государству, департаменту и общинѣ сумму нѣсколько болѣе седьмой или нѣсколько менѣе шестой части своего дохода. Эта цифра значительная, но тѣмъ не менѣе не чрезмѣрная: она представляетъ два мѣсяца ежегоднаго дохода. Тѣмъ не менѣе послѣдняя война значительно увеличила эту повинность; если даже предположить что новые налоги, необходимые для покрытія новыхъ повинностей, не поставятъ никакой преграды производству, то все-таки придется платить ежегодно государству 600ми милліонами болѣе, или пятую часть валоваго бюджета въ три милліарда, или изъ двухъ мѣсяцевъ (60 дней) дохода — 12 дней. Итакъ въ окончательномъ результатѣ въ 12 дней дохода обойдется послѣдняя война каждому Французу, не считая потери Альзасъ-Лотарингіи, которая невознаградима.

Повинность эта, какъ видите, довольно тяжелая, но она становится еще тяжеле вслѣдствіе того что возвышеніе бюджета расходовъ, требуя соотвѣтствующаго возвышенія налоговъ, создаетъ новыя преграды производству. Въ этомъ случаѣ искусный и просвѣщенный финансистъ, которому хорошо были бы извѣстны фискальные опыты совершенные въ теченіи полувѣка въ Англіи и другихъ мѣстахъ, былъ бы намъ очень полезенъ и можетъ-быть, преобразованіемъ нашего устарѣлаго фискальнаго механизма, доставилъ бы намъ возможность уплачивать болѣе налоговъ, не чувствуя ихъ возвышенія. Для этого достаточно было бы освободить отъ налоговъ производство, обративъ ихъ, какъ то сдѣлано въ Англіи, на доходъ. Къ несчастію г. Тьеръ финансистъ стараго закала, и вслѣдствіе этого держится противоположнаго пути. Онъ упорно отказывался коснуться дохода и обращался исключительно къ производству, истощая этимъ доходы въ самомъ ихъ источникѣ. Онъ сдѣлалъ еще хуже. Онъ воспользовался случаемъ, который ему представляли потребности минуты, чтобы попытаться возстановить во Франціи протекціонную систему, добился отъ собранія утвержденія закона возстановляющаго диференціаль-

ныя пошлины на иностранный флагъ и закона о сырьѣ. Къ чему же ведутъ оба эти закона? Ко множеству преградъ производству, которому они имѣютъ претензію покровительствовать. Въ такой странѣ какъ Франція, гдѣ внѣшняя торговля играетъ столь значительную роль, сказанное нами не требуетъ подробныхъ доказательствъ. И дѣйствительно, слишкомъ очевидно что если всѣ матеріалы нужные для производства: шерсть, хлопокъ, шелкъ, ленъ, масло, лѣсъ и пр. и пр. (ихъ считаютъ, какъ вамъ извѣстно, сотнями) привозятся обложенные сначала таможенною пошлиной, потомъ добавочнымъ фрахтомъ, происходящимъ отъ необходимости пользоваться французскимъ флагомъ или уплачивать добавочный налогъ, если они привезены подъ иностраннымъ флагомъ, то расходы по производству всѣхъ статей выдѣланныхъ изъ означенныхъ матеріаловъ будутъ на столько же увеличены. Къ чему же это поведетъ? Къ тому что продажная цѣна ихъ должна пропорціонально возвыситься. На внутреннемъ рынкѣ легко можетъ быть что эта возвышенная продажная цѣна немного сократитъ ихъ потребленіе,—сокращеніе его во всякомъ случаѣ послѣдуетъ неизбѣжно, но на иностранныхъ рынкахъ, гдѣ французская промышленность встрѣтитъ конкурренцію промышленностей перерабатывающихъ не обложенные налогомъ матеріалы, она будетъ не въ состояніи бороться съ ними и потеряетъ часть своихъ покупщиковъ. Окончательный выводъ: сокращеніе производства и вслѣдствіе этого частныхъ доходовъ, въ странѣ, гдѣ общественныя повинности покрываемыя частными доходами вдругъ и значительно возвысились; отсюда послѣднее слѣдствіе: увеличеніе богатства и общихъ средствъ націи пойдетъ медленнѣе, если только она не преобразуетъ своей финансовой экономіи. Можетъ-быть самая сила вещей заставитъ правительство прибѣгнуть къ этому средству. И дѣйствительно, наши новые налоги, вступившіе въ силу въ нынѣшнемъ году (20го минувшаго іюня они простирались до 495 милліоновъ, а съ тѣхъ поръ дошли до 600), далеко не доставили того чего отъ нихъ ожидали. Если второе полугодіе не вознаградитъ хотя частію за дефицитъ перваго, то недоборъ дойдетъ до 270 милліоновъ, то-есть до половины всей суммы. Безъ сомнѣнія, можно отчасти объяснить этотъ дефицитъ, такъ какъ это сдѣлала администрація, заблаговременными запасами торговли въ виду возвышенія налоговъ. Но этимъ еще не все объясняется, тѣмъ болѣе что на нѣкоторыя статьи, какъ напримѣръ

на сахаръ, недоборъ налога все возрастаетъ, а не уменьшается. Итакъ повидимому доказано,—и опытъ, безъ сомнѣнія, подтвердитъ это доказательство,—что на нѣкоторыя статьи перейдена граница *фискальнаго налога*, то-есть, налога выше котораго уменьшеніе потребленія имѣетъ результатомъ уменьшеніе суммы налога, такъ что единственное средство въ этомъ случаѣ сдѣлать налогъ производительнѣе заключается въ уменьшеніи его. Поневолѣ придется наконецъ прибѣгнуть къ этому средству во Франціи, какъ то было въ Англіи, но до тѣхъ поръ дѣйствіе недальновидной фискальной рутины все-таки задержитъ общее производство, и вслѣдствіе этого уменьшитъ средства для покрытія увеличившихся общественныхъ повинностей.

Нужно ли прибавлять къ этимъ пагубнымъ послѣдствіямъ войны учрежденіе бумажныхъ денегъ? Да, безъ всякаго сомнѣнія. Неудобства и вредъ происходившіе отъ измѣнчивости монетной единицы хорошо извѣстны, и до сихъ поръ нѣтъ страны, за исключеніемъ развѣ Пруссіи, которая успѣла бы ихъ избѣжать. Должно однако сознаться что въ настоящемъ случаѣ и до той минуты въ которую я пишу вамъ эти строки, бумажныя деньги были для Франціи пособіемъ, не сопряженнымъ ни съ какимъ стѣсненіемъ и ни съ какимъ ощутительнымъ неудобствомъ. Припомнимъ въ этомъ отношеніи общее положеніе дѣлъ. До войны Французскій Банкъ имѣлъ въ обращеніи 1.450 милліоновъ билетами всегда подлежавшими размѣну на звонкую монету. Наступили наши первыя бѣдствія: заемъ въ 750 милліоновъ, утвержденный палатой въ августѣ 1870 года, только-что начиналъ реализоваться; деньги требовались безъ замедленія. Что̀ дѣлать? Банку разрѣшаютъ пріостановить его платежи звонкою монетой и съ тѣмъ вмѣстѣ увеличить его обращеніе сначала до 2.400 милліоновъ, потомъ до 2.800 и наконецъ до 3.200 милліоновъ, и посредствомъ этого у него занимаютъ по мѣрѣ потребностей казначейства сумму въ 1.550 милліоновъ. Благодаря опытности и искусству директоровъ Банка, выпускъ всегда оставался ниже потребностей обращенія, которое, по свидѣтельству людей компетентныхъ, могло бы поглотить до 3 милліардовъ бумажной монеты; но оно не превышало 2.400 милліоновъ и даже постоянно оставалось ниже этой цифры. Итакъ нѣтъ колебаній въ монетной единицѣ или по крайней мѣрѣ колебанія ничтожны, о чемъ свидѣтельствуетъ курсъ, а равно и цѣна на золото, лажъ котораго никогда не превышалъ десяти франковъ на 1.000 и обыкновенно стоитъ

ниже этой цифры, отъ 2хъ до 3хъ на тысячу. Оттого и въ размѣнной монетѣ недостатка не было, серебро и даже золото продолжали участвовать въ обращеніи, и публика едва замѣтила новый порядокъ вещей. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ бумага еще болѣе ей нравится чѣмъ металлъ, и она очень часто охотнѣе беретъ пяти-франковый билетъ, чѣмъ пяти-франковую серебряную или золотую монету. Измѣнится ли это положеніе? Наша монетная единица потерпитъ ли колебанія подобныя тѣмъ которыя она потерпѣла во время первой революціи и послѣ того во всѣхъ странахъ? Съ удовольствіемъ могу замѣтить что до сихъ поръ этого предположить ни почему нельзя, а опытъ совершающійся въ настоящую минуту есть возстановленіе репутаціи бумажныхъ денегъ въ странѣ, гдѣ, конечно, ее слѣдовало возстановить по преимуществу.

Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію что бумажныя деньги доставили странѣ средства для нея необходимыя и которыя она могла бы добыть себѣ инымъ путемъ только цѣной громадныхъ издержекъ. Какъ мы видѣли, онѣ доставили ей въ самыя критическія минуты непріятельскаго нашествія 1.550 милліоновъ. Еслибы въ ту минуту пришлось занимать эти 1.550 милліоновъ и обращаться къ общественному кредиту, то можетъ-быть пришлось бы платить за нихъ по 10%, да и то нельзя было бы ихъ добыть тотчасъ же, ибо нужно время для реализаціи займа, тогда какъ доска печатающая билеты доставляетъ милліоны въ одну минуту. Съ другой стороны, представляется вопросъ, не выгодно ли было для Франціи имѣть въ обращеніи бумагу не подлежащую размѣну въ ту минуту когда ей приходилось доставлять въ Германію милліарды военной контрибуціи? Еслибъ она сохранила свое металлическое обращеніе, то естественно, ей пришлось бы сократить его въ значительной степени, у него бы заняли часть звонкой монеты, необходимой для уплаты контрибуціи, и изъ этого пробѣла произошелъ бы монетный кризисъ, отвратить который намъ дала возможность бумажная монета. Все это слѣдуетъ отнести къ *активу* бумажной монеты. Что касается *пассива*, то мы не видали еще его появленія; *рискъ депреціаціи*, неразлучный съ этимъ видомъ монеты, миновалъ насъ, да его и всегда можно избѣжать принятіемъ благоразумныхъ мѣръ.

Если бумажная монета оказала услугу государству, то съ

другой стороны, она доставила огромныя выгоды Банку. Посудите сами. До войны онъ велъ свои дѣла по ссудамъ и учетамъ съ монетнымъ инструментомъ (банковые билеты подлежащіе размѣну по предъявленію) средней цѣнности въ 1.200 милліоновъ, уплату коихъ онъ обязанъ былъ гарантировать, сохраняя треть и даже болѣе этой суммы непроизводительными цѣнностями въ своихъ кладовыхъ. Но вотъ наступаетъ война и появляется декретъ превращающій банковый билетъ въ бумажную монету не подлежащую размѣну и пользующуюся законнымъ и даже принудительнымъ курсомъ, а это значитъ что никто не можетъ отказываться отъ принятія его въ уплату. Что же изъ этого выходитъ? То что Банкъ можетъ довести и постепенно доводитъ свое обращеніе до монетнаго обращенія въ 2.400 милліоновъ, то-есть вдвое болѣе первоначальной цифры, и что съ другой стороны, онъ не обязанъ сохранять непроизводительно въ своихъ кассахъ гарантирующій капиталъ звонкою монетой, равный почти трети монетнаго обращенія Банка. Это доставляетъ ему двойные барыши. Правда, въ замѣнъ этихъ существенныхъ привилегій доставляемыхъ ему государствомъ, онъ обязанъ открывать ему свои кассы, и оно черпаетъ изъ нихъ билетами или звонкою монетой сумму до 1.550 милліоновъ, уплачивая Банку низшій сравнительно съ биржевымъ процентъ, то-есть сначала по 3%, а съ 1го января нынѣшняго года по 1%. Эта сдѣлка, какъ я уже замѣтилъ выше, была несомнѣнно выгодна для государства, но огромные барыши добытые въ послѣдніе два года Банкомъ, барыши доказываемые постоянно возрастающею цѣнностію его акцій (съ 2.900 франковъ предъ войной они возросли теперь до 4.200 фр.), свидѣтельствуютъ что для Банка она была, можетъ-быть, еще выгоднѣе. Я не хочу сказать этимъ что государство должно было бы обойтись безъ его посредничества. Я не думаю чтобы въ этой странѣ, гдѣ еще памятны асигнаціи, бумажная монета прямо выпускаемая государствомъ могла бы пользоваться такимъ же кредитомъ какимъ пользуется бумажная монета выпущенная Банкомъ; я не думаю также чтобъ она могла представить такія же гарантіи противъ риска депреціаціи, ибо государство, предоставленное самому себѣ, очевидно могло бы соблазниться выпускомъ бумажныхъ денегъ до безконечности, тогда какъ Банкъ, ревнивый къ своему кредиту, старался не переходить роковой границы, за которою, вслѣдствіе избытка бумажной монеты въ обращеніи, начинается депреціація. Итакъ, я убѣжденъ что посредничество Банка

было въ высшей степени полезно для выпуска бумажныхъ денегъ, но я убѣжденъ также что за это посредничество онъ взялъ нѣсколько дорого, и если его нельзя обвинить въ томъ что онъ воспользовался бѣдствіями страны, какъ воспользовались ими нѣкоторые поставщики ружей, пушекъ, сѣделъ и сбруи, тѣмъ не менѣе онъ получилъ огромные барыши. Несомнѣнно, съ нимъ можно было бы заключить условія болѣе выгодныя для государства, еслибы представителями послѣдняго были финансисты болѣе опытные и болѣе свѣдущіе въ этомъ дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, еслибы Банкъ не получилъ даже никакихъ процентовъ за 1.550 милліоновъ, которые онъ ссудилъ государству, то и тогда онъ пріобрѣлъ бы значительныя выгоды. Теперь предстоитъ вопросъ, должно или нѣтъ государство спѣшить уплатой 1.550 милліоновъ для возстановленія обращенія звонкою монетой или же оно должно заключить съ Банкомъ какую-нибудь сдѣлку, въ родѣ той которая была заключена въ Англіи на основаніи знаменитаго билля представленнаго сэръ-Робертомъ Пилемъ, что̀ дало бы возможность возстановить тотчасъ же металлическое обращеніе, или же настоящій порядокъ вещей можетъ быть сохраненъ до безконечности безъ серіозныхъ неудобствъ? Эти вопросы, важность которыхъ бросается въ глаза, не были еще изслѣдованы въ подробности, потому ли что опасаются ихъ затронуть вслѣдствіе подозрительности интересовъ принимающихъ въ нихъ участіе и вліянія коимъ они располагаютъ, или же просто потому что нѣтъ людей способныхъ обсуждать ихъ съ знаніемъ дѣла, за исключеніемъ высшихъ административныхъ и финансовыхъ сферъ, гдѣ за обсужденія принимаются вообще неохотно. При томъ какъ идутъ дѣла и думать нечего чтобъ эти вопросы были скоро рѣшены. Правда, правительство внесло въ бюджетъ ежегодную сумму въ 200 милліоновъ на погашеніе долга сдѣланнаго у Банка, что̀ дало бы возможность погасить этотъ долгъ въ семь или восемь лѣтъ, но и теперь уже очевидно что сумма эта въ нынѣшнемъ году, а можетъ-быть и въ послѣдующіе, должна быть отклонена отъ своего назначенія, какъ для покрытія непредвидѣнныхъ расходовъ, такъ и для пополненія дефицита происходящаго отъ недобора новыхъ налоговъ. Такимъ образомъ рѣшеніе вопроса будетъ отодвинуто на неопредѣленный срокъ, если только не прибѣгнутъ къ какой-нибудь комбинаціи въ родѣ билля сэръ-Роберта Пиля, и система бумажныхъ денегъ получитъ право гражданства во Франціи.

Другой интересный вопросъ былъ возбужденъ системой принятою для займовъ. Бывало займы не заключались прямо; обращались обыкновенно къ посреднику, или къ банкиру или къ синдикату банкировъ, который принималъ на себя займы по таксѣ условленной между нимъ и занимающимъ государствомъ, и который брался потомъ перепродавать ихъ на свой рискъ. Эта система была оставлена со времени имперіи, и теперь всѣ займы дѣлаются прямо путемъ публичной подписки. Которая изъ двухъ системъ предпочтительнѣе? Политико-Экономическое Общество имѣло по этому вопросу интересныя пренія (августовское собраніе), вызванныя статьей одного изъ своихъ младшихъ, но не менѣе достойныхъ членовъ, г. Поля Леруа-Больё, высказавшагося въ пользу прежней системы. Г. Леруа-Больё замѣтилъ не безъ основанія что совершенно напрасно вздумали публичною подпиской упразднить посредниковъ; что *de facto* посредники,—банкиры или синдикаты банкировъ,—подписались на бо́льшую часть послѣдняго трехмилліарднаго займа, какъ и на всѣ прежніе, и будутъ держать его до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ распредѣленъ, то-есть не будетъ розданъ ими какъ они найдутъ удобнымъ и съ барышами въ средѣ капиталистовъ большихъ и малыхъ. Не лучше ли было бы, спрашиваетъ г. Леруа-Больё прямо и передать имъ весь заемъ? „Ошибочно думать, говоритъ онъ, чтобы займы по публичной подпискѣ обходились дешевле государственному казначейству, чѣмъ прежніе займы; напротивъ того, они достаются страшно дорого, вслѣдствіе громадныхъ расходовъ операціи и вслѣдствіе уплаты корреспондентамъ государства за коммиссію. Сверхъ того министръ финансовъ не пользуется уже болѣе выгодами конкурренціи ассоціацій и капиталистовъ, которые прибѣгали бывало къ публичнымъ торгамъ для полученія концессіи займа; онъ принужденъ назначать почти на удачу, безъ всякаго руководства, таксу выпуска, и чаще всего по трусости и неувѣренности онъ назначаетъ ее ниже того что̀ могъ бы дать ему рынокъ капиталовъ. Что касается увѣреній, которыя дѣлались нѣкогда, будто способъ публичной подписки выгоднѣе для серіозныхъ заимодавцевъ, что онъ доставляетъ имъ ренты изъ первыхъ рукъ и безъ преміи, что онъ дѣлаетъ ненужными посредниковъ, и устраняетъ спекуляціи, то ужели эти предположенія рѣшится поддерживать нынѣ кто-либо, не лишенный практическаго смысла?“ Эта критика, очевидно, основательна во многихъ отношеніяхъ, и г. Курте, защищавшій противъ г. Леруа-Больё систему публичной

подписки, не скрывалъ слабыхъ сторонъ этой системы. Увѣряютъ, напримѣръ, что расходы по займу въ два милліарда достигли 300 милліоновъ, и что расходы по займу въ три милліарда обойдутся не болѣе 500 милліоновъ. А это свидѣтельствуетъ до очевидности что въ дѣлѣ займовъ, какъ и во всякомъ другомъ, невозможно обойтись безъ посредниковъ, и что они можетъ-быть обходятся дороже, когда полагаютъ обойтись безъ нихъ, чѣмъ если заключаютъ условія прямо съ ними. Что касается спекуляціи, то она не менѣе дѣятельна и можетъ-быть безпорядочнѣе при системѣ публичной подписки, чѣмъ была при системѣ займовъ чрезъ посредниковъ. Правда что тогда не достигали результатовъ столь блестящихъ, но блескъ займовъ покрываемыхъ въ пять, въ десять или въ двадцать разъ не чисто ли искусственный, и довѣряетъ ли ему публика? Съ этой точки зрѣнія интересно изучить опытъ предпринимаемый Франціей, и исторія займовъ войны 1870 года можетъ доставить, когда будутъ извѣстны всѣ подробности этихъ колоссальныхъ предпріятій, элементы весьма важные, если даже не окончательные для рѣшенія вопроса наиболѣе экономической системы займовъ. Съ своей стороны, я охотно вѣрю, согласно съ г. Леруа-Больё, что мы возвратимся къ прежней системѣ займовъ при посредникахъ, или передачей оныхъ на коммиссію или на основаніи предварительно заключеннаго контракта. Но еще желательнѣе было бы чтобъ этотъ вопросъ не представлялся болѣе, и чтобъ государства, соблюдая впредь миръ между собою, не имѣли нужды пользоваться до излишества общественнымъ кредитомъ. Останавливаюсь, ибо замѣчаю—увы!—что начинаю пускаться въ утопіи.

V.

Помимо этихъ вопросовъ, возбужденныхъ событіями и служившихъ почти исключительнымъ предметомъ преній Политико-Экономическаго Общества и спеціальныхъ изданій, я могу указать вамъ весьма немногое въ нашемъ экономическомъ мірѣ. Книжная торговля Гильйомена, пользовавшаяся нѣкоторымъ образомъ монополіей политико-экономическихъ сочиненій, издала весьма малое число книгъ со времени войны. Что прикажете дѣлать? Времена волненія весьма неблагопріятны для науки. Замѣчу однако нѣкоторыя сочиненія, которыя по различнымъ причинамъ заслуживаютъ вниманія серіозной публики.

Вопервыхъ укажу на нѣкоторые переводы. Самый важный изъ нихъ переводъ знаменитаго сочиненія Эдварда Ливингстона: *Изложеніе системы уголовнаго законодательства для штата Луизіаны и Соединенныхъ Штатовъ*, съ предисловіемъ г. Шарля Люкà и историческою замѣткой г. Миньe, который слѣдующимъ образомъ резюмируетъ произведеніе американскаго юрисконсульта:

„Продолжая труды своихъ предшественниковъ, г. Ливингстонъ обнялъ мыслью и включилъ въ свое сочиненіе все уголовное законодательство, начиная съ первыхъ распоряженій, которыя оно должно заключать въ себѣ для обезпеченія общества, до окончательныхъ результатовъ, которыхъ оно должно достигнуть исправляя виновныхъ. Онъ раздѣлилъ его на четыре кодекса: 1) кодексъ преступленій и наказаній, 2) кодексъ процедуры; 3) кодексъ уликъ; 4) кодексъ реформы и дисциплины для тюремъ. Кодексъ преступленій и наказаній ясно излагаетъ и опредѣляетъ съ точностію всѣ публичныя посягательства противъ государства, его верховенства, его различныхъ властей, его спокойствія, доходовъ, торговли внутренней и внѣшней, законной монеты, свободы печати, общественнаго здравія и нравственности, общественной собственности, большихъ дорогъ, отправленія религіи, и всѣ частныя посягательства противъ отдѣльныхъ людей, противъ ихъ личности, репутаціи, политическихъ и гражданскихъ правъ, ихъ профессій и имуществъ. Онъ опредѣляетъ затѣмъ, по свойству ущерба ими наносимаго и степени злоумышленности ихъ сопровождающей, наказанія примѣнимыя за каждое изъ означенныхъ посягательствъ.“

Извѣстно что Ливингстонъ исключилъ смертную казнь изъ своего кодекса, и причины приводимыя имъ для ея исключенія имѣютъ конечно большой вѣсъ, какъ исходящія отъ человѣка практическаго и равно далекаго отъ всякой ложной филантроліи. Но сочиненіе это слишкомъ важно, да къ тому же такъ извѣстно и оцѣнено спеціалистами что я не рѣшаюсь разбирать его въ бѣгломъ очеркѣ. Укажу переводъ другаго американскаго сочиненія, конечно далеко уступающаго первому, но заключающее въ себѣ соображенія любопытныя и оригинальныя о борьбѣ партій въ Соединенныхъ Штатахъ и о постепенныхъ перемѣнахъ которыя ихъ вмѣшательство произвело въ конституціи Соединенныхъ Штатовъ; рѣчь идетъ о *Системѣ американскаго правительства*, его характерѣ и дѣйствіяхъ, о его недостаткахъ, организаціи партій, ихъ вліяніи и пр., сочиненіе Эдуды Симона. Въ этой книгѣ содержится так-

же множество экономическихъ свѣдѣній, и въ особенности относительно бумажныхъ денегъ.

Изъ переводовъ съ нѣмецкаго я могу только указать на *Изслѣдованія о различныхъ предметахъ политической экономіи* г. Рошера, сочиненіе слишкомъ извѣстное у васъ, и потому излишне было бы его рекомендовать вамъ, и *Обозрѣніе англійскихъ желѣзныхъ дорогъ*, г. Швабе, главнаго инженера и члена дирекціи нижне-силезскихъ желѣзныхъ дорогъ. Это весьма дѣльное сочиненіе, наполненное практическими и техническими свѣдѣніями; строители и администраторы вашихъ желѣзныхъ дорогъ могутъ съ пользой изучать его. Другое спеціальное сочиненіе, достоинство котораго всѣми признано, есть *Трактатъ о поземельномъ кредитѣ (Traité du credit foncier)*, г. Жоссо, который весь разошелся и появился въ новомъ изданіи съ многочисленными прибавленіями и улучшеніями. Что касается новыхъ и оригинальныхъ сочиненій, то они, какъ я замѣтилъ выше, очень рѣдки. Самое замѣчательное сочиненіе изданное Гильйоменомъ въ послѣдніе два года и которому, къ несчастію, сильно повредила буря событій, есть сочиненіе г. Анри Пасси: *Les formes de gouvernement et les lois qui les régissent (Формы правительства и законы ихъ опредѣляющіе)*. Представивъ политическое и историческое изложеніе различныхъ формъ правительства съ древности, авторъ высказывается въ пользу конституціонной монархіи, которая кажется ему самымъ совершеннымъ или, если угодно, наименѣе несовершеннымъ изъ правительствъ. Къ этому же заключенію приходитъ и другой даровитый писатель г. Эмиль де-Лаведе въ своемъ *Essai sur les formes de gouvernement dans les sociétés modernes* (*Опытъ о формахъ правительства въ современныхъ обществахъ*). Напротивъ того г. Курсель-Сенёль склоняется къ республикѣ, хотя и возстаетъ противъ республиканцевъ въ книгѣ своей подъ заглавіемъ: *Héritage de la révolution; Questions constitutionnelles* (*Наслѣдіе республики; конституціонные вопросы*), въ который онъ сверхъ того старается главнымъ образомъ опредѣлить кругъ дѣйствій правительства, ограничивая оный самымъ необходимымъ, вмѣсто того чтобы придавать ему крайнюю растяжимость, къ чему слишкомъ склонны французскіе республиканцы. Другой экономистъ, самый блестящій изъ новобранцевъ, которыхъ успѣлъ завербовать себѣ въ продолженіи многихъ лѣтъ г. Поль Леруа-Больё, зять г. Мишеля Шевалье, напечаталъ сочиненіе, увѣнчанное Институтомъ: *Administration*

locale en France et en Angleterre (*Мѣстная администрація во Франціи и въ Англіи*). Это полное политическое изложеніе системъ мѣстной администраціи обѣихъ странъ и ихъ результатовъ. Г. Леруа Больё безпощадно выставляетъ на видъ недостатки французской системы, чрезмѣрную централизацію, злоупотребленія административной опеки; рѣдко случалось мнѣ читать книгу болѣе дѣльную и вмѣстѣ съ тѣмъ столь ясно изложенную. Тотъ же авторъ издалъ подъ заглавіемъ: *La Question ouvrière au XIX siècle* (*Рабочій вопросъ въ XIX вѣкѣ*), дѣльное сочиненіе, въ которомъ онъ совершенно справедливо возстаетъ противъ иллюзій соціалистовъ, хотя при этомъ можетъ-быть съ излишнею суровостью осуждаетъ trade unions, въ которыхъ замѣчаетъ лишь однѣ дурныя стороны. Можно также рекомендовать элементарное сочиненіе г. Даметта, профессора политической экономіи въ Женевѣ, подъ заглавіемъ: *Les bases naturelles de l'Economie sociale* (*Естественныя основанія соціальной экономіи*). Это искусно составленный и сдѣланный доступнымъ для общаго употребленія конспектъ курса политической экономіи, изданнаго въ Ліонѣ подъ руководствомъ торговой палаты. Считаю притомъ долгомъ предупредить васъ чтобы вы не довѣряли двумъ толстымъ томамъ появившимся подъ заглавіемъ: *Les lois relatives à la guerre selon le droit des gens moderne, le droit public et le droit criminel des pays civilisés* (*Законы относительно войны по современному международному праву, по праву публичному и по праву уголовному цивилизованныхъ странъ*) г. Ашилля Морена, члена кассаціоннаго суда. Это сочиненіе могло бы, однако, возбудить живѣйшій интересъ, потому что значительная часть его посвящена дѣйствіямъ Пруссаковъ въ послѣднюю войну, разсматриваемымъ съ точки зрѣнія международнаго права. Къ сожалѣнію, авторъ, увлекаясь своею ненавистью къ хищникамъ національной почвы, собралъ обвиненія изо всѣхъ источниковъ, не повѣривъ ихъ и не разобравъ, и въ числѣ авторитетовъ цитуетъ *Figaro* и *Petite Presse*. Это кажется черезчуръ легкимъ въ такомъ тяжеловѣсномъ сочиненіи, которое и не отличается притомъ ни новостью, ни оригинальностью взглядовъ. Вотъ книга заслуживающая гораздо болѣе вниманія, *Précis du Droit administratif* (*Очеркъ административнаго права*) г. Прадье Фодере, которую можно смѣло назвать полнымъ трактатомъ объ этомъ предметѣ. Сочиненіе это написано нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но оно передѣлано и приведено въ связь съ

нынѣшнимъ законодательствомъ. Другое сочиненіе которое съ пользой могутъ употреблять писатели и спеціалисты, занимающіеся нашими финансами, есть *Traité des impots en France* (*Трактатъ о налогахъ во Франціи*) г. Эдуарда Виня. Тамъ вы найдете историческое изложеніе каждаго налога, изображеніе финансовыхъ администрацій, тарифы различныхъ пошлинъ и проч. Словомъ, авторъ собралъ множество данныхъ, которыя требуютъ много времени, когда ихъ приходится отыскивать въ различныхъ *Annuaires* или оффиціальныхъ изданіяхъ.

Я приберегъ къ концу сочиненіе, изданіе котораго было дѣломъ благоговѣйнаго воспоминанія о молодомъ писателѣ высокаго достоинства, умершемъ десять лѣтъ тому назадъ, 28ми лѣтъ отъ роду, бывшемъ однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ сотрудниковъ журнала *Economiste belge*. Я говорю о книгѣ *Oeuvres diverses sur l'éducation, la morale, la politique, la littérature* (*Различныя статьи о воспитаніи, нравственности, политикѣ и литературѣ*) г. Шарль Клавеля, напечатанныя съ замѣткой г. Фредерика Пасси.

Шарль Клавель родился въ Женевѣ въ 1834 году, и тамъ кончилъ свое ученіе, которое усовершенствовалъ въ университетѣ Геттингенскомъ и Берлинскомъ, потомъ отправился въ Парижъ и окончательно поселился въ Англіи у своей тетки, женщины высокаго ума и горячо къ нему привязанной. Онъ съ большимъ усердіемъ посвятилъ себя спеціальнымъ занятіямъ по воспитанію, доставлялъ статьи о различныхъ предметахъ въ *Economiste belge* и готовилъ сочиненіе о политическихъ учрежденіяхъ Европы въ сравненіи ихъ между собою, какъ вдругъ чахотка, къ которой онъ былъ склоненъ давно, быстро развилась; онъ поѣхалъ въ Монтонъ, гдѣ и умеръ въ 1862 году, едва достигнувъ 28ми-лѣтняго возраста. Это сборникъ его опытовъ и статей, напечатанный его семействомъ, и нѣкоторыя изъ этихъ произведеній, какъ напримѣръ то которое носитъ названіе *l'Avenir de la démocratie* (*будущность демократіи*) обличаютъ въ немъ первокласснаго мыслителя и критика. Это писатель принадлежавшій къ школѣ Бастіа, но можетъ-быть нѣсколько съ болѣе возвышеннымъ взглядомъ и болѣе точнымъ пониманіемъ историческихъ фактовъ. Шарль Клавель въ своей *Avenir de la Démocratie*, которую поистинѣ можно назвать образцовымъ произведеніемъ, обнаруживалъ необыкновенную нѣжность къ демократіи, увлекающую общества западной Европы, но — и въ этомъ заключается его

оригинальность,—не закрывалъ нисколько глазъ на недостатки демократіи, нисколько не скрывая золъ которыя влечетъ за собою этотъ необходимый или неизбѣжный фазисъ развитія современныхъ обществъ.

„Демократическая революція, совершающаяся въ наши дни, говоритъ онъ, находится въ періодѣ насилія, самомъ прискорбномъ, какой когда-либо встрѣчался въ исторіи человѣчества. Это именно такая минута, когда правящіе классы, поставленные подъ контроль дѣйствительнаго общественнаго мнѣнія, болѣе совѣтуются съ народными потребностями и совершаютъ въ немногіе годы болѣе успѣховъ, чѣмъ совершали ихъ прежде въ теченіи цѣлыхъ поколѣній; именно тогда когда аристократическое господство становится менѣе тягостнымъ и какъ-будто желаетъ сосредоточить въ себѣ и примирить качества обѣихъ противоположныхъ системъ, поднимается демократическій потокъ и истребляетъ его. Ненависть, къ которой повидимому поводовъ стало менѣе чѣмъ когда-либо, разгорается между сословіями, жившими нѣкогда въ согласіи. Мѣсто довѣрія и можетъ-быть слѣпаго послушанія заступаетъ не менѣе слѣпая недовѣрчивость. Оказанныя услуги, безкорыстіе, всѣ отличныя качества не признаются, если только они связаны съ властью; уваженіе къ превосходству какъ-будто угасаетъ; люди невѣжественные, неопытные, не ознаменовавшіе себя никакою заслугой, считаютъ себя въ правѣ равняться съ тѣми которыхъ привычка къ дѣламъ, умъ, признанная преданность дѣлаютъ наиболѣе достойными стоять во главѣ правительства. Честолюбцы, пользуясь народными страстями, подстрекаютъ ихъ, чтобы вызвать насильственные перевороты, которые одни могутъ дать власть имъ въ руки.

Такимъ образомъ народъ готовится къ пользованію новыми правами путемъ беззаконія и злоупотребленія силой, и безумныя желанія, питаемыя въ его средѣ, которыя никогда не могутъ быть удовлетворены, полагаютъ сѣмена новыхъ безпорядковъ. Съ другой стороны, классы низвергнутые, раздраженные несправедливостью, коей они становятся жертвами, съ бо́льшимъ ожесточеніемъ противятся преобразованію, ставшему неизбѣжнымъ: на насиліе они отвѣчаютъ насиліемъ; они считаютъ себя,—и не рѣдко самая образованная часть націи смотритъ на нихъ такъ же,—представителями просвѣщенія, ратующими противъ невѣжества и преступленія, защитниками порядка противъ анархіи. Такія-то бѣдствія влечетъ за собою очень часто даже въ странахъ наиболѣе цивилизованныхъ подобная эволюція.“

Не правда ли что анализъ этотъ какъ-будто вчера составленъ? Тѣмъ не менѣе авторъ считаетъ демократическую эволюцію необходимою; онъ только смотритъ на нее какъ переходъ въ системѣ свободы и *self government*, въ которомъ наи-

менѣе чувствовалось бы вмѣшательство правительства или соціальная опека. Въ этихъ двухъ томахъ, находящихся теперь у меня предъ глазами, есть отрывки изъ корреспонденцій заключающихъ въ себѣ впечатлѣнія въ Берлинѣ и Парижѣ этого юнаго ума, жаждавшаго знаній. Въ этомъ послѣднемъ городѣ, гдѣ онъ продолжалъ свои педагогическія занятія, онъ просилъ позволенія присутствовать въ качествѣ простаго слушателя при нѣкоторыхъ урокахъ въ лицеяхъ. Послушаемъ что онъ разказываетъ о выпесенныхъ имъ мытарствахъ.

„Дѣла мои по лицею идутъ очень плохо. Въ прошедшій четвергъ я отправился съ письмомъ отъ министра къ проректору академіи. Это ложилой человѣкъ, который сначала какъ будто не понялъ меня, потомъ вслѣлъ объяснить себѣ своему секретарю въ чемъ было дѣло. Наконецъ онъ далъ мнѣ письма къ провизорамъ лицеевъ Бонапартовскаго и Наполеоновскаго, лучшихъ въ Парижѣ, но предупредилъ меня что можетъ-быть трудно будетъ попасть на уроки. А именно это только мнѣ и было нужно.“

Клавель является къ провизору Бонапартовскаго лицея.

„Онъ спалъ въ саду; пробужденіе было для него непріятно, и какими глазами онъ посмотрѣлъ на меня! Тѣмъ не менѣе онъ объявилъ что готовъ къ моимъ услугамъ и покажетъ мнѣ все чего я желаю. Но что касается присутствія въ классахъ, прибавилъ онъ, то мы не можемъ дозволить его безъ спеціальнаго разрѣшенія министра. Я замѣтилъ ему что въ письмѣ министра говорится о педагогическихъ занятіяхъ которыя я могу продолжать въ лицеяхъ, что педагогическія занятія не могутъ имѣть смысла безъ присутствія на урокахъ, что они не могутъ состоять въ осмотрѣ четырехъ стѣнъ заведенія. „Я „ничего не знаю, отвѣчалъ онъ, но мы не имѣемъ права удовле„творить вашему требованію“. Тогда я выразилъ желаніе посмотрѣть по крайней мѣрѣ какія-нибудь работы воспитанниковъ; такой же отказъ.“

Но Клавель не унываетъ и отправляется попытать счастія въ Наполеоновскомъ лицеѣ.

„Провизоръ, г. Жюльенъ, принялъ меня довольно хорошо; но когда я заговорилъ о присутствіи на урокахъ, то онъ сначала уклонился отъ отвѣта, потомъ сказалъ мнѣ что всѣ уроки даются въ точности по инструкціи министра, и что если я читалъ эти инструкціи, то мнѣ уже все извѣстно. Я отвѣчалъ ему что чтеніе инструкцій не даетъ понятія о практическомъ обученіи. Онъ согласился со мною, но возразилъ что опасается оскорбить господъ преподавателей, вводя посторонныхъ въ ихъ классы. Наконецъ, я настаивалъ такъ сильно что онъ далъ мнѣ обѣщаніе ввести меня на нѣкоторые уроки. Я пришелъ потомъ воспользоваться его обѣщаніемъ.

„Я думалъ много о вашемъ желаніи, сказалъ онъ, и убѣдился „что не могу его исполнить; господа преподаватели не потерпѣ„ли бы этого.“

Въ *Collège de France* этотъ юный и слишкомъ любознательный Женевецъ испытываетъ разочарованіе другаго рода. За нѣкоторыми почтенными исключеніями,—г. Лабуле напримѣръ,—профессора *рисуются* и хлопочутъ только о томъ чтобы снискать рукоплесканія эффектными фразами.

„Вмѣсто нашихъ г. О. или г. Г., которые являются на каѳедру въ дурно завязанныхъ галстукахъ и плохо застегнутыхъ сюртукахъ, вы видите здѣсь элегантныхъ профессоровъ въ черныхъ фракахъ, въ снѣжно-бѣлыхъ манжетахъ, съ безукоризненною прической, какъ будто приготовившихся снимать съ себя портреты. Они усаживаются послокойнѣе въ кресло, проводятъ рукой по усамъ и начинаютъ читать медленно и съ достоинствомъ. Мало-по-малу они воодушевляются, возвышаютъ тонъ, изготовляютъ стрѣлы. Наконецъ наступаютъ сильные удары,—и все рукоплещетъ. Впрочемъ это бываетъ только съ *лучшими*; прочіе просты, ровны и такими остаются до конца.“

Между *лучшими* одно изъ первыхъ мѣстъ занималъ тогда г. Сенъ-Маркъ Жирарденъ, котораго нашъ серіозный и добросовѣстный Швейцарецъ судитъ очень строго, какъ профессора.

„Г. Сенъ-Маркъ Жирарденъ, пишетъ онъ, говоритъ очень пріятно, иногда краснорѣчиво, но всегда безъ послѣдовательности. Порядка, прочной связи между идеями, составляющихъ величайшее достоинство хорошо излагаемаго курса, у него нѣтъ рѣшительно. Г. Сенъ-Маркъ Жирарденъ *бесѣдуетъ*, но не *поучаетъ*, и я не могъ составить себѣ понятія чтобы человѣкъ *могъ вести бесѣду одинъ съ 300 слушателей, которые ему рукоплещутъ*. Онъ, подобно соловью, перепрыгиваетъ съ вѣтки на вѣтку, и на каждой вѣткѣ поетъ маленькую арію, и за каждую арію, исправно исполненную,—ему апплодируютъ.... И тутъ я узналъ что можетъ быть на свѣтѣ профессоръ соловьинаго пѣнія, потому что профессоромъ науки его никакъ назвать нельзя.“

Не правда ли какъ взыскателенъ этотъ серіозный Женевецъ? А у насъ во Франціи соловьиное пѣніе цѣнится очень высоко, и къ несчастію особенно въ преподаваніи. Но прекращаю мои выписки, ихъ уже достаточно чтобы дать понятіе о рѣдкомъ и превосходномъ человѣкѣ, который стремился только къ тому, какъ онъ самъ говорилъ, „чтобы быть честнымъ человѣкомъ и сдѣлать что-нибудь полезное“.

ГУСТАВЪ ДЕ-МОЛИНАРИ.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНІЕ

НАРОДНАГО БЫТА И ПОЭЗІИ.

Общее обозрѣніе главныхъ направленій въ литературѣ этого предмета.—Школа лингвистическая.—Вѣдисты.—Миѳологія природы.—Школа этнографическая.—Бенфеисты и теорія исторической передачи преданія.—Теорія общихъ мѣстъ въ миѳѣ и сказаніи.

Какъ ни пристрастны сужденія современниковъ о самихъ себѣ, кажется, безъ всякаго предубѣжденія, можно выключить изъ этого правила все болѣе и болѣе оправдываемое очевидными фактами мнѣніе о томъ что никогда прежде наука не умѣла такъ основательно относиться къ изученію прошедшаго, какъ она относится къ нему теперь. Ограничиваюсь литературой, потому что объ этомъ предметѣ веду рѣчь. Въ прежнее время останавливали на себѣ взглядъ только высшіе пункты человѣческаго развитія, окруженные сіяніемъ вѣковой славы, которое своимъ ослѣпляющимъ блескомъ только сильнѣе заставляло сгущаться окружающій эти свѣтлые пункты мракъ. Гомеръ, Дантъ, Шекспиръ, съ причисленіемъ къ нимъ немногихъ другихъ геніальныхъ личностей и крупныхъ талантовъ—таковъ былъ исключительный предметъ достойный вниманія науки, поставленной на высокій пьедесталъ, въ уровень съ аристократическимъ блескомъ литературныхъ свѣтилъ, въ уровень и съ аристократическимъ вкусомъ изящныхъ умовъ избраннаго общества. Это была исторія цивилизаціи, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова,то-есть, исторія великихъ цивилизаторовъ

вождей и представителей цѣлаго народа и всего человѣчества. Историческое изложеніе состояло не въ естественномъ шествіи, шагъ за шагомъ, по медленному лути развитія народныхъ массъ, а въ смѣломъ перелетѣ отъ одного верстоваго знака къ другому, съ ихъ громкими надписями. Историкъ литературы столько же не хотѣлъ знать какими духовными интересами пробавлялась темная толпа, влача свое скромное существованіе въ промежуткахъ, иногда довольно долгихъ, между этими бросающимися въ глаза гранями, сколько не хотѣлъ знать обитатель пышныхъ палатъ какъ въ потѣ лица ѣстъ свой хлѣбъ окружающая его палаты нищая братія.

Признаніе за народными массами законнаго права на нравственное бытіе, не снисхожденіе только, а серіозное вниманіе къ ихъ духовнымъ интересамъ, къ ихъ самородной безыменной поэзіи, къ ихъ играмъ и забавамъ, къ народнымъ обычаямъ и вѣрованіямъ, къ народнымъ книгамъ, однимъ словомъ, все это множество вопросовъ по народной жизни и словесности, теперь понятныхъ всякому и оцѣненныхъ по достоинству, возникло въ сознаніи далеко не вдругъ, развивалось по частямъ и постепенно, и созрѣвало въ теченіе послѣдняго полустолѣтія въ борьбѣ съ враждебными этимъ вопросамъ принципами и преданіями. Перевѣсъ въ пользу народныхъ массъ совершился не по разчетамъ теоріи, не въ досужествѣ ученыхъ изслѣдованій и поэтическихъ мечтаній. Историки литературы принялись за изслѣдованіе всевозможныхъ мелочей въ хламѣ старинныхъ рукописей, за тысячи безыменныхъ писателей сомнительнаго достоинства, за народныя пѣсни, сказки и былины, за площадные фарсы и другія произведенія наивнаго народнаго слова, осуждавшіяся реторикою приличій на вѣчное забвеніе; за все это, говорю, принялись историки литературы не потому что, окончивъ съ главнымъ и лучшимъ, то-есть, съ геніальностями и талантами, ради процесса своей ученой работы, спускались все ниже и ниже, и, отъ нечего дѣлать, накинулись наконецъ на посредственность и всякую пошлость.

То же самое замѣчается и вообще въ искусствѣ, которое въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, раздѣляетъ судьбу литературы. Старинныя галлереи, составившіяся во времена теоріи изысканнаго вкуса, какъ Дрезденская, Луврская, въ ея прежнемъ составѣ, нашъ Эрмитажъ въ Петербургѣ, допустили на свои стѣны только великое, громкое или, по крайней мѣ-

рѣ, изысканное и изящное, по мнѣнію тогдашняго избраннаго общества. XVI и XVII столѣтія господствуютъ въ своихъ лучшихъ представителяхъ, и все предшествующее этимъ представителямъ, все ихъ окружающее и сопровождающее предано полнѣйшему забвенію, до такой степени что только въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія немногимъ смѣлымъ умамъ удалось, къ общему удивленію, спасти изъ рѣки забвенія такія, ставшія теперь общеизвѣстными, имена, какъ Джіотто, Франческо Франчіа, Беато Анджелико или Бернардино Луини. Въ наше время коллекціи возникаютъ совершенно на другомъ основаніи и при другихъ взглядахъ, противоположныхъ прежнимъ. Такова, напримѣръ, коллекція такъ-называемыхъ чудскихъ древностей, въ нашемъ Эрмитажѣ, состоящая изъ металлическихъ издѣлій грубой работы съ чудовищными рисунками, отъ которыхъ съ презрѣніемъ отвернулся бы старинный чтитель болонской школы живописи, тогда какъ, на нашъ взглядъ, эти древности открываютъ для исторіи человѣчества цѣлый періодъ въ его развитіи, столько же любопытный для изслѣдованія раннихъ источниковъ, какъ и позднѣйшихъ вліяній. Точно такъ же не по внѣшнему изяществу, не по красотѣ линій или гармоніи колорита интересуютъ современную публику возникающіе въ разныхъ мѣстахъ музеи христіанскихъ древностей, составляемые изъ грубыхъ издѣлій средневѣковой иконографіи, въ которыхъ изъ-подъ безобразія внѣшней формы выступаетъ такое неисчерпаемое богатство содержанія, о какомъ и понятія не имѣли изящные щеголи XVIII столѣтія, украшавшіе свои дворцы Пуссенами и Лебрюнами. И какъ бы стали издѣваться они въ своемъ легкомъ остроуміи, еслибы взглянули до какой жалкой тривіальности дошли ихъ потомки второй половины XIX столѣтія, что вздумали воздавать почести даже мужицкому костюму, и рядомъ съ галлереями италіянской живописи, стали заводить коллекціи изъ мужицкихъ кушаковъ, полотенецъ, ширинокъ и тому подобной рухляди, которой во время оно чопорный вкусъ не терпѣлъ даже въ лейзажахъ, замаскировывая все мужицкое въ классическіе костюмы пасторальнаго стиля.

Громаднымъ переворотамъ надобно было совершиться и въ жизни и въ умахъ, надобно было перетряхнуться вверхъ дномъ всѣмъ политическимъ, религіознымъ и общественнымъ учрежденіямъ, перетасоваться всѣмъ сословіямъ; надобно было пройти

чрезъ цѣлый періодъ смѣшенія умовъ, направленій, вкусовъ и убѣжденій чтобы перенести свои эстетическіе интересы отъ Виргилія и Вольтера къ простонародной лѣснѣ, отъ Лаокоона къ романской капители съ чудовищнымъ рельефомъ и отъ Рафаэля къ безсмысленному узору бабьяго полотенца. Не пресыщеніе изысканною цивилизаціей руководило вкусы въ этомъ переходѣ, и тѣмъ болѣе не посягательство на великія знаменитости въ пользу дюжинной посредственности. Напротивъ того, никогда прежде не были изучаемы великіе писатели и знаменитые художники такъ основательно, какъ они изучаются теперь, и въ особенное достоинство нашему времени надобно приписать тотъ глубокій, всеобъемлющій взглядъ, которымъ современный человѣкъ умѣлъ окинуть въ своемъ прошедшемъ все великое и малое, и высоты геніальныхъ личностей и низменные уровни сплошныхъ массъ населенія, и въ томъ и другомъ открылъ незримую до сихъ поръ гармонію, въ силу которой уравновѣшиваются достоинства и личностей и массъ.

Въ прежнее время не только безпрекословно относились къ авторитету геніальной личности, но и воздавали ей какое-то мистическое чествованіе. Это былъ идолъ, предъ которымъ должны были всѣ преклоняться, оракулъ, который давалъ всѣмъ мудрые отвѣты. Тогда-то составилось внушительное для скромныхъ умовъ убѣжденіе что геній именно на то и призванъ чтобы давать отвѣты на предложенные ему современностью вопросы, которыхъ сама она, безъ этого сверхъестественнаго пособія, не рѣшитъ. Усердно подслушивали тогда эти геніальные отвѣты оракула и излагали ихъ въ наставительной формѣ статей эстетическаго уложенія, которое тѣмъ больше выигрывало въ округленности своей системы, чѣмъ дальше уходило отъ исторической истины. Потому что, не только понять эти отвѣты какъ слѣдуетъ, но даже только открыть ихъ и на нихъ остановиться можно лишь тогда, когда чуткимъ ухомъ вслушаешься во всю массу относящихся къ нимъ вопросовъ, а для этого надобно сполна погрузиться въ ту низменную, бытовую среду, сложенную изъ тысячи жизненныхъ мелочей, на которыхъ возникла геніальная личность, и чѣмъ популярнѣе такая личность, чѣмъ глубже и шире захватываетъ она въ своей дѣятельности интересы массъ, тѣмъ необходимѣе для уразумѣнія ея это всестороннее изученіе окружающей ея среды. Какимъ множествомъ болѣе или менѣе замѣтныхъ нитей

связывается Шекспиръ не только съ его ближайшими предшественниками и съ эпохой Возрожденія, но и съ массой раннихъ средневѣковыхъ памятниковъ народной жизни и литературы! * Произведенія Рафаэля, ранняго наивно-благочестиваго стиля, почти сливаются съ массой предшествующихъ и современныхъ ему произведеній школы Умбрійской, которую не только оцѣнили, но и открыли только въ наше время. ** Невниманіе къ скромнымъ дѣятелямъ, окружавшимъ знаменитую личность, доводили до вопіющей несправедливости, когда громкимъ именемъ этой личности покрывали ихъ собственныя произведенія, какъ напримѣръ многія картины Бернардино Луини до сихъ поръ шли въ разныхъ галлереяхъ подъ ярлыкомъ Леонардо да-Винчи. Микроскопическія наблюденія библіографовъ надъ массой самыхъ дюжинныхъ, казалось бы незначительныхъ по своему литературному достоинству, памятниковъ рукописныхъ и печатныхъ, усвоила себѣ и новѣйшая исторія искусства, напримѣръ въ сочиненіяхъ Ваагена, Кроу Кавалькаселле и др. Въ параллель съ безыменною литературой народныхъ книгъ возникла такая же безыменная исторія искусства въ разработкѣ древне-христіанской археологіи и другихъ областей искусства, въ которыхъ выражается не личное вдохновеніе мастера, а совокупность убѣжденій и понятій всѣхъ и каждаго. Старинная рукопись съ неискусными передѣлками какихъ-нибудь восточныхъ сказокъ даетъ въ наше время такую же богатую поживу для историка литературы, какую извлекаетъ для себя и историкъ искусства изъ грубыхъ миніатюръ, которыми украшена рукопись. И какъ благодаря этой кропотливой библіографической работѣ наука открыла разные средневѣковые источники Шекспира и Данта, *** а также

---

* См. диссертацію профессора Стороженки *Предшественники Шекспира*, Спб. 1872. „Шекспиръ и его предшественники, говоритъ авторъ въ одномъ изъ своихъ тезисовъ, принадлежатъ къ одной и той же школѣ драматурговъ: въ способѣ пользованія источниками, развитіи дѣйствія, группировки сценъ, даже до нѣкоторой степени въ обрисовкѣ характеровъ и т. д., они слѣдуютъ однимъ и тѣмъ же пріемамъ, такъ что различіе между ними по отношенію къ художественной техникѣ состоитъ не въ самомъ пріемѣ, а только въ большей или меньшей степени его совершенства."

** Rio, *De l'ars chrétien.* 1861, во 2мъ томѣ.

*** Simrock, *Die Quellen des Shakspeare*, 2е изд. 1870. Villari, *Antiche legende e tradizioni che illustrano la Divina Commedia*, Pisa. 1865.

подражанія *Божественной Комедіи* въ современной Данту европейской поэзіи, * такъ и для исторіи искусства безыменная, дюжинная миніатюра ** открыла новыя точки зрѣнія и новые источники для объясненія многихъ крупныхъ явленій которыя доселѣ стояли особнякомъ и не опирались на основѣ послѣдовательнаго развитія. Разительный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ натурализмъ Джіотто и его школы. Этотъ рѣшительный поворотъ отъ прежней такъ-называемой византійской рутины обыкновенно объясняли только личнымъ геніемъ великаго мастера. Знакомство съ миніатюрами въ рукописяхъ современныхъ и предшествующихъ этому живописцу не оставляетъ сомнѣнія что наклонность къ натурализму замѣтно обнаруживалась въ самой средѣ читающей публики, особенно во Франціи, въ связи съ легкимъ и забавнымъ содержаніемъ рукописей, въ которыхъ миніатюристъ пробовалъ свои силы передать сцены изъ дѣйствительной жизни, описываемыя въ текстѣ. По самому ходу вещей, болѣе и болѣе предъявляли право на уважительное вниманіе къ себѣ такія явленія въ искусствѣ, литературѣ и жизни которыя прежде, кромѣ свидѣтельства грубости и варварства, не имѣли никакого значенія. Сколько вѣковъ оставался безсмысленнымъ загадочный барельефъ надъ вратами Пармскаго баптистерія, изображающій человѣка взлѣзающаго на дерево, корень котораго подгрызаютъ два звѣря! И только въ наше время, когда съ должнымъ вниманіемъ отнеслись къ народнымъ книгамъ, стало всѣмъ ясно что это не что̀ иное какъ скульптурное воспроизведеніе общеизвѣстнаго въ средніе вѣка эпизода изъ исторіи о Варлаамѣ и Іоасафѣ царевичѣ, притомъ эпизода восточнаго, буддійскаго происхожденія, о древѣ жизни и человѣкѣ стремящемся по этому древу за сластями міра сего. Эпизодъ этотъ часто попадается между неуклюжими миніатюрами и въ русскихъ рукописяхъ даже XVIII столѣтія. *** Ходившая у насъ на Руси забавная сказка о Соломонѣ и Китоврасѣ не только дала содержаніе одному изъ изображеній на

---

* *Сборникъ* на 1866, издан. Обществомъ Древне-Русск. Иск. при Моск. музеѣ, во 2мъ отд. стр. 80.

** См. статью Паура *Immanuel und Dante*, *Jahrbuch der deutschen Dante-Gesellsch.* Томъ 3й 1871.

*** Особенно много для этого сдѣлано у Ваагена въ его *Kunstwerke und Künstler in England und Paris*, 3 тома 1837—1839.

вратахъ Новгородскаго Софійскаго собора, * но, по своимъ источникамъ, состоитъ въ ближайшемъ сродствѣ съ повѣствованіями о Мерлинѣ въ эпическомъ циклѣ о Сангралѣ и Кругломъ Столѣ. ** Г. Стасовъ усматриваетъ слѣды буддійскихъ рисунковъ въ незатѣйливыхъ узорахъ русскихъ крестьянскихъ полотенецъ. ***

Итакъ, нашему времени принадлежитъ великая заслуга оцѣнить по достоинству скромную дѣятельность народныхъ массъ, вызвать изъ прошедшаго цѣлые періоды духовнаго развитія, не отмѣченные ни однимъ замѣтнымъ именемъ выдающейся изъ сплошной среды личности. Наука и нравственное чувство слились вмѣстѣ въ этомъ подвигѣ высокой гуманности. Человѣколюбіе низошло къ меньшей братіи, погрязшей въ варварствѣ и невѣжествѣ, и усмотрѣло въ ней нравственные задатки человѣческаго развитія, а наука въ этихъ задаткахъ открыла прочную основу, на которой сооружается зданіе многовѣковой цивилизаціи. Признаніе высокихъ поэтическихъ достоинствъ за простонародными пѣснями и сказками было столько же подвигомъ великодушнаго самоотверженія со стороны цивилизованнаго общества, сколько и знакомъ зрѣлости эстетическаго вкуса, сказавшагося въ пользу простоты и естественности; потому что, какъ замѣтилъ Яковъ Гриммъ,**** въ поэзіи лирической и драматической, то-есть въ искусственной, книжной, при произведеніяхъ отличныхъ бываютъ и плохія; въ поэзіи эпической могутъ быть только произведенія или истинныя, настоящія, то-есть безъискусственныя, или же ложныя, то-есть искусственныя. При такомъ взглядѣ уравниваются въ своихъ достоинствахъ всѣ народности, къ какой бы породѣ онѣ ни принадлежали, и на какой бы степени цивилизаціи ни стояли: на самой ли высшей, какъ Евреи, Египтяне, народы классическіе, или на низшей, какъ Финны, Литва, Татары и вообще дикари Стараго и Новаго Свѣта.

---

* См. мою *Русскую Христоматію* 1870, стр. 156, 159.

** Профес. Веселовскаго, *Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ* Спб. 1872.

*** См. въ его введеніи къ изданнымъ въ Спб. въ 1872 *Памятникамъ русскаго народнаго орнамента.*

**** Въ монографіи о финскомъ эпосѣ, въ журналѣ Гофера *Zeitschrift für die Wissenschaft der Sprache.* 1я тетрадь 1го тома. 1845.

Если, какъ замѣчено выше, современная наука признала нисколько не оскорбительнымъ для чествованія геніальной личности изученіе ея дѣятельности въ тѣснѣйшей связи съ окружающею ее низменною средой, то еще настоятельнѣе оказалась потребность въ сравнительномъ изученіи народнаго быта, религіи и поэзіи разныхъ народностей, не взирая на различіе ихъ по степенямъ историческаго развитія, до которыхъ онѣ достигали. Въ эпоху поклоненія классическому идеалу въ пластическихъ типахъ Аполлона, Діаны и другихъ прекрасныхъ созданій античной фантазіи, почли бы неприличною насмѣшкой, дерзкимъ кощунствомъ надъ цивилизаціей, еслибы кто вздумалъ для объясненія этихъ миѳологическихъ личностей сблизить съ ними уродливыя представленія миѳологіи литовской, финской или краснокожихъ Американцевъ. Въ какой мѣрѣ такая классическая брезгливость была въ порядкѣ вещей еще въ сороковыхъ годахъ текущаго столѣтія можно заключить изъ того что самъ Шеллингъ, читая въ то время лекціи по философіи миѳологіи, не хотѣлъ для этого предмета воспользоваться даже скандинавскою *Эддою*: такъ казались ему странны и такъ далеки отъ классическихъ образовъ оригинальныя представленія сѣверной фантазіи. Напротивъ того въ наше время греческая миѳологія изслѣдуется не только на основѣ сравнительнаго изученія съ древнѣйшими преданіями арійскихъ народовъ, доносящимися до насъ изъ доисторической глубины, въ самыхъ раннихъ гимнахъ индійскихъ *Ведъ*, какъ это дѣлаетъ въ своемъ классическомъ сочиненіи профессоръ Велькеръ, * но даже и вообще изучается сравнительно съ разными низшими по развитію народностями, не принадлежащими къ поколѣнію народовъ индо-европейскихъ, напримѣръ съ Финнами и американскими дикарями, какъ это дѣлаетъ Шварцъ въ своемъ изслѣдованіи о происхожденіи миѳологіи, главнѣйше сосредоточенномъ на миѳологіи греческой. **

Какъ скоро наука перенесла свой интересъ отъ исторической личности къ народной массѣ, тотчасъ же должна была она принять другой методъ и задать себѣ новыя задачи. Народный бытъ, который съ нѣкотораго времени все больше и больше отмежевывалъ себѣ пространства въ исторіи того или дру-

---

* *Griechische Götterlehre.* Götting. 1857.

** *Der Ursprung der Mythologie, dargestellt an griechischer und deutscher Sage.* Berlin. 1860.

гаго изъ народовъ ознаменовавшихъ себя на поприщѣ историческаго развитія всего человѣчества, наконецъ становится самостоятельнымъ предметомъ *сравнительной науки*, которая, разрушая преграды историческаго обособленія народностей, изслѣдуетъ ихъ основные элементы и естественное ихъ развитіе, независимо отъ искусственныхъ слоевъ ихъ исторической цивилизаціи. Языкъ, религія, начатки семейнаго и общественнаго быта, народная поэзія и обычное право—вотъ главнѣйшіе предметы на которыхъ она сосредоточивается. Такимъ образомъ исторія уступаетъ мѣсто *этнографіи* философія исторіи сводится къ положительнымъ даннымъ сравнительной грамматики, сравнительной миѳологіи, сравнительной исторіи права и вообще къ сравнительному изученію народнаго быта, основанному на точныхъ статистическихъ данныхъ; эстетическая критика, дотолѣ основанная только на образцахъ, какъ лучшемъ цвѣтѣ исторической цивилизаціи, въ массѣ народныхъ безыскусственныхъ произведеній ищетъ новыхъ жизненныхъ законовъ, захватывающихъ вмѣстѣ съ внѣшнею формой все обиліе содержанія, въ ненарушимой связи народной словесности съ народнымъ бытомъ во всѣхъ его теоретическихъ и практическихъ проявленіяхъ.

Изученіе народности — эта *новая наука* XIX вѣка, несмотря на свою молодость, успѣла уже пройти черезъ цѣлый рядъ опытовъ, провѣренныхъ критикой. Зародившись въ нѣдрахъ романтизма, она усвоила себѣ сначала всю мечтательную прелесть этого поэтическаго направленія, которое особенно живо высказывалось въ любви и благоговѣніи къ своему родному. Этими чувствами вдохновлялся знаменитый Яковъ Гриммъ въ своихъ геніальныхъ изслѣдованіяхъ и открытіяхъ по германской старинѣ и народности; тѣ же чувства руководили незабвеннаго Шафарика, когда онъ собиралъ въ одну родную семью разрозненныя судьбою славянскія племена и закрѣплялъ ихъ союзъ въ одной общей имъ всѣмъ этнографической картѣ. Сентиментальныя увлеченія своею народностію, соотвѣтствовавшія складу умовъ сороковыхъ годовъ, должны были уступить мѣсто положительнымъ даннымъ сравнительной грамматики и сравнительной миѳологіи языковъ индо-европейскихъ, потому что эти науки, съ математическою точностью грамматическаго разбора, привели къ тѣмъ результатамъ что всѣ существенныя основы языка, быта семейнаго и племеннаго,

миѳологическихъ и поэтическихъ преданій—не принадлежатъ исключительно ни Славянамъ, ни Германцамъ, ни классическимъ народамъ, а составляютъ нераздѣльную собственность всей группы народовъ индо-европейскихъ или *арійскихъ*, и именно въ ту отдаленную эпоху живая память о которой сохранилась до нашихъ временъ въ древнѣйшихъ гимнахъ и обрядахъ священныхъ книгъ древне-индійскаго племени, извѣстныхъ подъ именамъ *Ведъ*. Такимъ образомъ изученіе своей народности—славянской или нѣмецкой — было расширено въ сравнительномъ изученіи съ народностями родственными, въ томъ ихъ раннемъ зародышѣ изъ котораго потомъ развѣтвились Индусы, Греки, Литва и другіе соплеменники.

Между тѣмъ ученая пытливость, не довольствуясь соплеменною областью индо-европейскою, направляла свою дѣятельность и на другія, чуждыя народности, каковы алтайскія, семитическія, народности дикарей Новаго Свѣта, и въ результатѣ изслѣдованій по этому предмету оказалось что бо́льшая часть преданій и сказаній которыя сначала признавались собственностью народовъ индо-европейскихъ встрѣчаются въ поразительно сходныхъ чертахъ—то въ финской *Калевалѣ*, то въ какомъ-нибудь миѳѣ или обрядѣ краснокожихъ дикарей Америки.

Въ народностяхъ, съ ихъ грубыми начатками ранней культуры, съ узкими условіями ихъ быта и понятій, привыкли съ давнихъ временъ видѣть только преграды которыми разобщаются между собою націи, а въ цивилизаціи, выработанной исторіей, полагали силу обобщающую народности, какъ напримѣръ, на Западѣ, племена кельтскія, романскія, германскія обобщались между собою посредствомъ католичества, съ папою и латынью, или посредствомъ политическихъ учрежденій, съ германскимъ императоромъ и феодализмомъ.

Этому искусственному обобщенію во имя цивилизаціи новая наука сравнительнаго изученія народностей старается дать твердую и широкую основу сродства первобытнаго, которое она открыла сначала въ родственной области народовъ арійскихъ, или индо-европейскихъ, и потомъ—въ самомъ широкомъ объемѣ сравненія народностей всего земнаго шара, наименовавши такое изученіе *народною психологіей*.

Въ теоретическомъ отношеніи эта сравнительная наука открываетъ ученымъ необъятное поприще дѣятельности въ изученіи религіи, философіи, права, нравовъ, поэзіи. Въ отноше-

ніи же практическомъ, она находитъ себѣ прямое соотвѣтствіе въ томъ сближеніи между націями которое все болѣе и болѣе облегчается удобствомъ и быстротою путей сообщенія, и которое годъ отъ году все болѣе даетъ себя чувствовать во всѣхъ этихъ международныхъ съѣздахъ, конгрессахъ, союзахъ, выставкахъ и другихъ проявленіяхъ народныхъ массъ, разширяющихъ такимъ образомъ свои интересы далеко за предѣлы узкаго пониманія народности.

I.

Сравнительное изученіе языковъ индо-европейскихъ съ достаточною ясностью удостовѣряетъ что Греки, Италійцы Кельты, Германцы, Литва и Славяне отдѣлились отъ своихъ азіятскихъ соплеменниковъ и ушли изъ своей восточной арійской прародины прежде нежели изъ быта пастуховъ перешли они къ быту земледѣльческому, прежде нежели въ ихъ первобытномъ жилищѣ установилась земледѣльческая культура. * Потому слова означающія бытъ этой культуры, напримѣръ, *орать*,** или пахать, общія всѣмъ европейскимъ сопле, менникамъ, не находятъ себѣ родственныхъ въ санскритѣ и зендѣ, и если европейское *орало* (или *рало*) дѣйствительно соотвѣтствуетъ въ санскритѣ слову имѣющему смыслъ лодки и весла, *** то уже изъ этого самаго слѣдуетъ заключить о той неопредѣленности какая въ арійской прародинѣ европейскихъ народовъ соединялась съ понятіемъ о трудѣ земледѣльца. По тому же самому объясненія земледѣльческаго характера германскаго громовника *Тора* или славяно-литовскаго *Перуна* (*Перкуна*) надобно искать спеціально на почвѣ уже европейской,

---

* Sick, *Vergleichendes Wörterbuch der Indogermanischen Sprachen*, 2-е изд. 1871, стр. 1054.

** Слав. *орати*, *рало* или *орало*, Гр. ἀρόω, ἄροτρον, Лат. *arare*, *aratrum*, Готск. *arjan*, Литовск. *arti*.

*** Въ *Ригведѣ*, aritra — лодка и весло. См. монографію Куна *Zur ältesten Geschichte d. indogerm. Völker*, у Вебера въ *Indische Studien* 1.353. Любопытно въ литовск. языкѣ довольно близкое созвучіе между *árti*—пахать и *irti*—грести веслами. Cuno, *Forschungen im Gebiete der alten Völkerkunde* 1871. I, 25. Дювернуа, *Система основныхъ элементовъ и формъ славянск. нарѣчій*. 1872, стр. 40.

а не индо-европейской. Индійскій громовникъ *Индра* первоначально чествуется въ интересахъ быта постушескаго, а не земледѣльческаго; онъ поитъ небесною влагой своихъ коровъ, а не хлѣбородную ниву.

Все же въ незаламятную еще эпоху, до своего раздѣленія, въ первобытномъ своемъ общеніи, народы индо-европейскіе, или точнѣе ранніе зародыши ихъ, до того уже успѣли развить свой бытъ, что, прошедши сообща чрезъ долгій періодъ темнаго варварства, въ кровосмѣсительномъ, звѣрскомъ нарожденіи племенъ, они, еще въ своей прародинѣ, мало-по-малу выработали благоустроенный семейный бытъ до такой полноты и точности что уже составили себѣ ясное понятіе объ *отцѣ* и *матери*, *сынѣ* и *дочери*, *братѣ* и *сестрѣ*, *свекрѣ*, *деверѣ*, *снохѣ* и другихъ терминахъ родства, которыя, за незначительными исключеніями, во всѣхъ языкахъ индо-европейскихъ звучатъ почти одинаково. Такого полнѣйшаго сродства въ языкахъ, безъ сомнѣнія, не могло бы быть, еслибы каждый изъ этихъ народовъ, уже по выходѣ изъ Азіи, своимъ собственнымъ путемъ доходилъ до семейнаго строя и до соотвѣтствующихъ этому строю понятій. * Надобно полагать что представленіе о власти и о нравственномъ подчиненіи ея авторитету выработалось не изъ враждебнаго отношенія побѣжденныхъ къ побѣдителямъ, а въ мирныхъ нѣдрахъ семьи, когда она, съ теченіемъ времени, сосредоточилась подъ главенствомъ отца. Потому-то *pater* ** значитъ собственно не отецъ отъ котораго раждаются дѣти, а *защитникъ*, *пастырь*, *господинъ*, и тотчасъ же, какъ скоро религіозное представленіе возвысилось до понятія о высшемъ божествѣ, это слово было перенесено и на него. Такъ въ самыхъ раннихъ памятникахъ индо-европейской миѳологіи, въ древнѣйшихъ гимнахъ индійскихъ *Ведахъ*, слово означающее *небо* (*dyaus*), когда употребляется въ смыслѣ божества, имѣетъ при себѣ слово отецъ, то-есть— *небо-отецъ* (*dyaus-pitar*), какъ у насъ говорится *мать-зем-*

---

* Кунъ, въ той же монографіи и за нимъ Шлейхеръ въ *Краткомъ очеркѣ доисторич. жизни сѣверо-вост. отд. индо-европ. яз.*, въ приложеніи къ VIII т. *Записокъ Академіи Наукъ*, 1865. — Проф. Лавровскаго *Коренное значеніе въ названіи родства у Славянъ*, въ прилож. къ XII т. *Записокъ Академіи Наукъ*, 1867.

** Санск. *pitar*, нѣм. *Vater* и пр.

ля, *мать-сыра-земля* (Греч. Δη — μήτηρ), или какъ у Грековъ *Зевсъ-отецъ* (Ζεύς πατήρ). Уже съ этою характеристическою примѣтой семейнаго авторитета вынесли свое божество Индо-Европейцы изъ Азіи, какъ это особенно видно изъ сродственнаго съ только-что приведеннымъ индійскимъ терминомъ, латинскаго слова *Ju-piter* (*Jovis*), что̀ значитъ тоже *небо-отецъ*.* Если съ одной стороны, самыя явленія природы, для возведенія ихъ въ божественный санъ, должны были получить семейный авторитетъ отца, то съ другой стороны, и отцы, отшедшіе изъ своей семьи, отцы усолшіе, въ свою очередь, съ незапамятныхъ временъ были уже причислены къ существамъ божественнымъ, въ такъ-называемомъ *родительскомъ раѣ*, у Индійцевъ еще—въ *жилищѣ отцовъ* (*pitri-lokam*), находящемся въ южныхъ предѣлахъ неба, въ царствѣ *Ямы*, который, какъ первый на землѣ человѣкъ, есть вмѣстѣ и первый родитель изъ всѣхъ отшедшихъ потомъ въ рай, и потому ему подчиненныхъ. По законамъ Ману, сынъ обязанъ чествовать своего отца не только при жизни его, но и по смерти—жертвами и другими обрядами, подобающими усолшимъ. ** Такимъ образомъ чествованіе отцовъ или дѣдовъ (польск. повѣрія о *дзядахъ*) не только возводитъ къ незапамятной эпохѣ обрядъ *родительской годовщины*, или поминовенія родителей, почему кое-гдѣ на Руси *родителемъ* называется каждый умершій, даже ребенокъ дѣвочка,—но вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ изслѣдователя къ тому заключенію что и самое понятіе о душѣ и ея безсмертіи составилось у народовъ индо-европейскихъ въ тѣснѣйшей связи уже съ благоустройствомъ семейнаго начала, и такъ какъ недавняя попытка Менцеля доказать присутствіе основой идеи о безсмертіи души у дохристіанскихъ народовъ *** вполнѣ оправдывается древнѣйшими преданіями въ индо-европейской миѳологіи о *напитѣ безсмертія*, глубоко вошедшемъ

---

* *Iu* (въ словѣ *Iu-piter*), вм. *dju*, и гр. Ζεύς, вмѣстѣ съ санск. *dyaus* происходятъ отъ общаго имъ корня *div*—свѣтить. Что и Юпитеръ и Зевесъ первоначально означали небо, явствуетъ изъ выраженій *sub Iove frigido*, Ζεύς ὗει (идетъ дождь).

** Donner, *Pindapitryajna*. Berlin. 1870.

*** Wolfgang Menzel, *Die vorchristliche Unsterblichkeitslehre*, въ двухъ частяхъ. 1870. Сравн. Rochholz, *Deutscher Unsterblichkeitsglaube* въ 1мъ томѣ его *Deutscher Glaube und Brauch*. 1867.

въ миѳы индійскіе, эранскіе, греческіе, германскіе; * то вмѣстѣ съ благоустройствомъ семьи, европейскіе народы вынесли изъ своей первобытной родины и еще болѣе прочную основу для цивилизаціи—въ великой идеѣ о безсмертіи души.

Впрочемъ, несмотря на несомнѣнныя свидѣтельства языка о первобытности правильнаго учрежденія семьи въ народахъ индо-европейскихъ, ихъ миѳологія представляетъ намъ самыя рѣзкія противорѣчія этому учрежденію во множествѣ миѳовъ о грубомъ кровосмѣшеніи братьевъ съ сестрами, родителей съ дѣтьми и о страшныхъ злодѣяніяхъ въ нѣдрахъ семьи, которыя однако трактуются въ миѳахъ не какъ преступленія оскорбляющія общественную нравственность, а какъ дѣла обыкновеннаго порядка вещей. Достаточно вспомнить о самой развитой, самой изящной миѳологіи, греческой, чтобы набрать сотни фактовъ въ подтвержденіе этой истины. Кронось самымъ гнуснымъ образомъ увѣчитъ своего отца Уранoса, прилагая къ нему казнь которой нѣкогда обрекали побѣжденныхъ безчеловѣчные ихъ побѣдители; ** тотъ же Кронось посягаетъ и на своего сына Зевса, котораго спасаютъ только хитростью; Гера не только супруга, но и сестра Зевса, какъ вообще и въ другихъ миѳологіяхъ принято за обычай что божественные супруги вмѣстѣ и братъ съ сестрою. Кромѣ того, Зевсъ имѣетъ и много другихъ супружескихъ связей, не только между посторонними женщинами, но и въ своей семьѣ, и нарождаетъ такимъ образомъ цѣлый рядъ миѳическихъ личностей, которымъ не вмѣняется въ безчестіе, казалось бы, незаконное ихъ происхожденіе. Отцы, устрашенные предсказаніемъ бѣды отъ своихъ дѣтей, обыкновенно велятъ ихъ забросить на съѣденіе дикимъ звѣрямъ, но дѣти, такъ или иначе, спасаются и причиняютъ смерть или бѣдствіе своимъ родителямъ. Это общее мѣсто въ сказаніяхъ почти всѣхъ народовъ мы встрѣчаемъ на классической почвѣ въ миѳахъ о Персеѣ,

---

* Инд. *сома*, эранск. *гаома*—и миѳическое дерево, и напитокъ изъ его листьевъ, напитокъ безсмертія, *амрита*, въ основѣ то же что̀ греч. *амброзія*, которой соотвѣтствуетъ вѣщій напитокъ германскаго Одина—*miodr*, залогъ примиренія между Асами и Ванами, и вмѣстѣ кровь вѣщаго Квасира.

** О скопленіи см. лингвистическія данныя Бенфея въ *Orient und Occident*, I, 188—190

Эдипѣ, Ромулѣ, Парисѣ; всѣ они были заброшены, и всѣ волею или неволею отомстили своимъ отцамъ. Персей убиваетъ Акризія, Эдипъ Лая, Ромулъ Амулія; Парисъ же становится виновникомъ гибели не только своего отца Пріама, но всей царственной его фамиліи и самой Трои. Къ отцеубійству миѳъ присоединяетъ иногда кровосмѣшеніе съ матерью, напримѣръ того же Эдипа съ Іокастою.

Мы увидимъ послѣ къ какимъ гипотезамъ прибѣгаютъ ученые чтобъ объяснить распущенность семейныхъ нравовъ, составляющую любимое содержаніе миѳовъ; теперь же для насъ достаточно и того чтобы выставить на видъ самый фактъ, — каковъ бы ни былъ его первоначальный смыслъ,—что миѳологическія личности въ своихъ дѣйствіяхъ рѣзко противорѣчатъ выводамъ сравнительной лингвистики, говорящимъ въ пользу твердыхъ началъ семейнаго быта, который будто бы былъ выработанъ народами индо-европейскими въ раннюю эпоху развитія ихъ языковъ и миѳологіи. Во всякомъ случаѣ народы переносили въ идеальную область миѳологіи тѣ семейныя и общественныя отношенія которыя видѣли въ своей дѣйствительности и, имѣя въ сознаніи зародыши идеи о благоустроенномъ семейномъ началѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ и въ жизни, и въ миѳологіи, проявляли постоянно шаткость этихъ началъ, выражавшуюся непрестанными отклоненіями отъ того нравственнаго идеала семьи который такъ точно и ясно былъ уже давно опредѣленъ въ самомъ языкѣ терминами: *мать*, *жена*, *братъ*, *свекоръ* и пр. Самое колебаніе семейныхъ нравовъ, такъ очевидно высказавшееся бросавшимся въ глаза противорѣчіемъ между языкомъ, который скрѣплялъ семейныя узы, и между миѳологіей, которая ихъ расторгала, это самое колебаніе уже очень рано должно было пробудить нравственное чувство и направить умъ критически отнестись къ жизни и ея идеаламъ въ миѳологіи и языкѣ. Результаты этого новаго духовнаго прогресса законъ скрѣпляетъ изреченіями суда и правды, а поэзія прилагаетъ къ старинамъ миѳамъ и сказкамъ, и не находя въ нихъ нравственной правды, горько оплакиваетъ заблужденія человѣческія, и изъ темной толпы кровосмѣсителей и дѣтей-изверговъ извлекаетъ трагическія личности Эдипа и Ореста.

Въ послѣдствіи мы еще обратимся къ этимъ и другимъ подобнымъ имъ личностямъ, чтобы показать какъ трактуетъ ихъ сравнительная наука, а теперь обращаемъ вниманіе читателя

только на эстетическій вопросъ о трагизмѣ. Не касаясь здѣсь ни идеи судьбы, которая сокрушаетъ свободу воли, ни другихъ собственно эстетическихъ теорій, я хочу указать на тотъ фактъ въ исторіи поэзіи которымъ она въ трагическомъ своемъ элементѣ естественно развивается изъ языка и миѳа. Не слѣпая судьба заставила Эдипа совершить отцеубійство и сочетаться на ложѣ съ матерью, а неурядица семейнаго быта, до идеала возведенная въ миѳологіи, и не тотъ Эдипъ который совершилъ эти злодѣянія искупаетъ ихъ въ великой трагедіи горькимъ раскаяніемъ, а Эдипъ обновленный въ сознаніи новаго поколѣнія, Эдипъ возрожденный въ своихъ бѣдствіяхъ, какъ высоконравственный идеалъ несчастнѣйшаго въ мірѣ человѣка. Эдипъ—кровосмѣситель принадлежитъ еще къ темнымъ личностямъ варварскаго быта, изъ котораго преданіе выдвинуло цѣлый рядъ сказочныхъ кровосмѣсителей, начиная отъ Іуды Искаріотскаго и папы Григорія до разныхъ дѣйствующихъ лицъ въ сказкахъ кипрскихъ, сицилійскихъ, финскихъ, въ италіянской легендѣ о Вергоньѣ и т. п. Эдипъ искупитель темныхъ дѣлъ—уже лицо новое, въ которомъ цивилизація протестуетъ противъ темнаго варварства прежнихъ временъ: * Трагизмъ, такъ же какъ и комизмъ, есть не только эстетическая форма для возсозданія жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимый шагъ въ нравственномъ прогрессѣ человѣчества, а въ древнѣйшую эпоху—это одинъ изъ естественныхъ выходовъ народа изъ первобытнаго варварства на путь цивилизаціи. Отсюда будетъ понятно почему для объясненія и такихъ классическихъ типовъ какъ Эдипъ или Орестъ сравнительная наука уже много сдѣлала въ разработкѣ быта и вѣрованій даже краснокожихъ дикарей Америки.

Но объ этомъ потомъ. Теперь мы стоимъ еще на благородной почвѣ племенъ индо-европейскихъ.

---

* Friedrich Lippold, *Ueber die Quellen der Gregorius Hartmans von Aue*, 1869.—Comparetti, *Edipo e la mitologia comparata*, 1867.—Ales. d'Ancona, *La leggenda di Vergogna—e la leggenda di Giuda*, въ XCIX № Болонскаго изданія *Scelta di curiosità litterarie* 1869. Рецензія Рейнг. Келлера, въ *Jahrbuch für rom. u. engl. litt.* т. XI, 1870 года, стр. 313.

II.

Для изученія первыхъ основъ индо-европейскихъ народностей имѣетъ значеніе не вся литература Индусовъ, а только ея древнѣйшіе начатки, ближайшіе по времени къ той отдаленной эпохѣ, когда эти народности выдѣлились изъ общей арійской массы. Такіе начатки, какъ сказано, предлагаютъ намъ *древнѣйшіе гимны* индійскихъ *Вѣдъ*. Очень недавно приступили ученые къ разработкѣ этихъ источниковъ, но уже и то немногое что̀ до сихъ поръ сдѣлано трудами Рота, Бенфея, Макса Мюллера, Гауга и другихъ лингвистовъ, открываетъ совершенно новый періодъ, далеко оставившій за собою то состояніе науки въ которомъ она находилась въ то время, когда Боппъ составлялъ свой сравнительный Глоссарій, а Яковъ Гриммъ свою нѣмецкую миѳологію.

Максъ Мюллеръ, этотъ увлекательнѣйшій популяризаторъ всевозможныхъ тонкостей сравнительной миѳологіи и сравнительной грамматики, какъ бы тонкости эти ни были спеціальны, такъ объясняетъ значеніе *Вѣдъ* въ своей сравнительной миѳологіи. * „Всѣ сказанія о Шивѣ, Вишну, Магадевѣ, Парвати, Кали, Кришнѣ и пр. поздняго происхожденія. Они возникли уже на индійской почвѣ (то-есть послѣ того какъ Индусы выдѣлились уже изъ общей индо-европейской семьи) и исполнены странныхъ фантастическихъ вымысловъ. Но между тѣмъ какъ позднѣйшая миѳологія Пуранъ и эпическихъ поэмъ (Рамаяны, Магабараты) не представляетъ почти никакого матеріала для занимающагося сравнительною миѳологіей, въ *Вѣдахъ* сохранился цѣлый міръ первобытной, естественной и удобопонятной миѳологіи. Миѳологія *Вѣдъ* для сравнительной миѳологіи имѣетъ то же самое значеніе какое санскритъ имѣетъ для сравнительной грамматики. Къ счастію, въ *Вѣдахъ* миѳологія не успѣла еще сложиться въ опредѣленную систему. Одни и тѣ же реченія употребляются въ одномъ гимнѣ какъ нарицательныя, въ другомъ—какъ имена боговъ. Одно и то же божество занимаетъ разныя мѣста, становится то выше, то

---

* См. переводъ г. Живаго, въ *Лит. русск. литер. и древн.*, изд. проф. Тихонравовымъ, т. 5. 1863.

ниже остальныхъ боговъ, то уравнивается съ ними. Все существо вѣдійскихъ боговъ такъ-сказать еще прозрачно; первоначальныя представленія изъ которыхъ возникли эти божественные типы еще совершенно ясны. Родословныя и брачныя связи боговъ еще не установились: отецъ иногда оказывается сыномъ, братъ — мужемъ; богиня которая въ одномъ миѳѣ является матерью въ другомъ играетъ роль жены. * Мѣнялись роли боговъ. Нигдѣ такъ рѣзко не чувствуется огромное разстояніе отдѣляющее древнія поэмы Индіи отъ самыхъ раннихъ начатковъ греческой литературы какъ при сравненіи еще не успѣвшихъ установиться, находящихся еще въ процессѣ броженія, вѣдійскихъ миѳовъ съ достигшими полнаго, окончательнаго развитія и уже разлагающимися миѳами, на которыхъ основана поэзія Гомера. Настоящая ѳеогонія арійскихъ племенъ — *Вѣды*, между тѣмъ какъ ѳеогонія Гезіода—не болѣе какъ искаженная карикатура первоначальнаго образа. Чтобъ убѣдиться въ какой степени духъ человѣческій—хотя ему отъ природы присуще сознаніе высшей божественной силы — неизбѣжно подчиняется неотразимому вліянію языка во всемъ что̀ касается сверхъестественныхъ и отвлеченныхъ представленій, слѣдуетъ читать *Вѣды*. Если хотите объяснить Индусу что боги которымъ онъ поклоняется—не болѣе какъ названія явленій природы,—названія, которыя мало-по-малу утратили собственный, первоначальный смыслъ, олицетворились, наконецъ были обоготворены,—чтобъ объяснить это Индусу, заставьте его читать *Вѣды*.“

„Отъ Востока свѣтъ“ (ex oriente lux). Этими словами, имѣющими силу и для изслѣдованія миѳовъ индо-европейской семьи народовъ, другой ученый начинаетъ свою монографію объ одной изъ болѣе загадочныхъ по своему миѳическому содержанію пѣсень древней *Эдды*. ** „Всѣ извѣстныя доселѣ ре-

---

* Это броженіе въ семейныхъ началахъ объясняется исторіей быта, какъ замѣчено выше и какъ объяснено будетъ подробнѣе потомъ. Сверхъ того можетъ-быть и въ самомъ языкѣ открываются слѣды этого первобытнаго броженія, какъ напримѣръ *дочь* (*дъщерь*) первоначально значитъ *доилица*, которая доитъ, кормитъ грудью, *сестра* вообще *своя женщина*, *братъ*—тотъ кто *держитъ*, *поддерживаетъ*, *заботится*.

** Ferdin. Iusti, *Ueber das eddische Lied von Fiölsvidr*, въ Бенфеевомъ изданіи *Orient und Occident*. II, 45.

лигіи, продолжаетъ онъ, греческая, германская, славянская, далеко не досягаютъ по древности самыхъ раннихъ источниковъ индійской религіи, содержащихся въ *Ведахъ*, которыя по своему происхожденію цѣлыми тысячелѣтіями древнѣе Гомера. Въ нихъ содержится древнѣйшая форма всѣхъ индоевропейскихъ религій, которая, какъ самая ранняя, должна быть признана и ближайшею къ формѣ первобытной. Тамъ господствуетъ еще первобытное чествованіе *свѣта*, по которому получили свои названія и сами боги. Среди явленій природы, такъ вѣрили тогда, живетъ самъ богъ, въ великомъ сводѣ, опирающемся на землю, въ которомъ смотритъ его *глазъ—солнце*, и въ которомъ онъ пасетъ своихъ *коровъ — облака*, дабы небесное *млеко* — плодотворный *дождь* орошалъ и земныя пастбища, на которыхъ пасутся животныя, это главное богатство нашихъ праотцевъ. Эти раннія поколѣнія, соединяя въ себѣ младенческую свѣжесть съ глубиною взрослаго возраста, не довольствовались тѣмъ чтобы всякому предмету въ природѣ только дать его имя, они съ благоговѣйнымъ изумленіемъ взирали на голубое небо и вѣчныя звѣзды: тамъ обитали ихъ боги, и въ цвѣтахъ на ихъ лугахъ и горахъ, и въ деревьяхъ ихъ лѣсовъ чудились имъ таинственныя вѣчныя существа. Особенно поразило фантазію древнихъ Индо-Европейцевъ и возбудило къ созданію множества миѳовъ явленіе *грозы*, этого великаго подвига природы который приводитъ въ неукротимую ярость и огонь, и вѣтры и воды. Будто бы дѣлаютъ набѣгъ враждебные духи, похищаютъ стада и запираютъ ихъ *въ пещеры — облака*; тогда коровы остаются недоенныя, а боги и люди лишаются на это время освѣжительной влаги—*амброзіи, плодотворнаго дождя*. Жара изсушаетъ поблекшій покровъ жаждущей земли; но вотъ является всемогущій богъ, и своимъ жезломъ разрушаетъ мѣдныя врата пещеры и спасаетъ оттуда коровъ для ихъ живительнаго удою. Такъ была проста, такъ извлекалась изъ самой жизни теологія нашихъ праотцевъ. Ихъ богатства состояли въ пастбищахъ, на которыхъ паслись ихъ стада; вымя сравнивали они съ облаками, которыя источали млеко и медъ; даже одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ ихъ скромномъ Олимпѣ занимала нѣкая корова,* которой по смыслу соотвѣтствуетъ рогъ

* По санскр. *апья іш*—непреоборимое желаніе, пища, жертва, корова.

изобилія. Молоко, масло, да напитокъ изъ меду—вотъ все чѣмъ они могли ублажать свое божество, призывая его на защиту своихъ хижинъ и стадъ, въ своихъ дѣтскихъ молитвахъ, которыя впрочемъ восходятъ до высоты пиндарическаго паренія, особенно когда касаются громоносной борьбы Индры съ враждебными силами."

Нисколько не имѣя намѣренія обременять общее обозрѣніе успѣховъ сравнительной науки миѳологическою терминологіей *Вѣдъ*, я привелъ эту идиллическую характеристику нѣмецкаго ученаго съ тою цѣлью чтобы дать понятіе читателямъ о той первобытной средѣ въ которой во всей простотѣ пастушескаго быта впервые раскрылось религіозное чувство нашихъ арійскихъ праотцевъ. Упорно медлить на этой первобытной почвѣ пастушескаго быта въ объясненіи миѳологіи народовъ уже собственно европейскихъ, значило бы не придавать значенія историческому прогрессу, который уже въ самыхъ языкахъ этихъ народовъ въ эпоху до-историческую выразился новымъ бытомъ земледѣльческимъ, такъ что этотъ бытъ сталъ и основою и центромъ ихъ миѳологическихъ представленій, и особенно у Германцевъ и Славянъ. Нѣтъ никакой возможности, безъ крайнихъ натяжекъ, сполна объяснять миѳы греческіе, германскіе или славянскіе пастушескою идилліей *Вѣдъ*, но самый способъ вѣдическихъ представленій природы, первобытность во взглядѣ на природу и на отношенія ея къ человѣку, это обоготвореніе ея явленій, присущее младенчеству всего человѣческаго рода—вотъ что̀ собственно важно въ представленіяхъ и въ языкѣ *Вѣдъ*, и тѣмъ болѣе что тѣ же представленія первоначально коренятся и въ языкахъ греческомъ, литовскомъ и другихъ европейскихъ.

Свѣтъ и тьма, жаръ и холодъ, засуха и дождь, восходъ и заходъ солнца, заря и луна и другія немногія явленія природы—вотъ та простѣйшая основа на которой въ языкѣ и представленіяхъ *Вѣдъ* коренятся всѣ прочія индо-европейскія миѳологіи. И съ этой точки зрѣнія весьма удовлетворительно удалось ученымъ, на основаніи вѣдійскихъ представленій природы, объяснить, напримѣръ, въ греческой миѳологіи первоначальное значеніе *Зевса*, *Урана*, Зарю—*Эосъ*, *Эринній*, *Орфея*, *Беллерофона* и друг., и придти къ тѣмъ результатамъ что Зевсъ первоначально не иное что̀ какъ небо, Уранъ же не только небо, но и море, Эриннія—утренняя заря, а Орфей и Беллерофонъ получили свое развитіе изъ эпитетовъ солнечнаго

божества или самого Индры, подателя свѣта и поразителя или убійцы враждебнаго существа, которое похищаетъ и свѣтъ и дождь.* Такъ объясняетъ Максъ Мюллеръ въ своихъ монографіяхъ,** изъ вѣдійскихъ источниковъ, греческіе миѳы о любви Орфея къ Эвридикѣ, о подвигѣ Беллерофона надъ чудовищною Химерою и многіе другіе, постоянно на основаніи первобытныхъ воззрѣній миѳологіи природы, и тѣмъ убѣдительнѣе кажутся его сближенія что съ глубокимъ изученіемъ языка *Вѣдъ* этотъ даровитый лингвистъ соединяетъ самое увлекательное остроуміе.

Особенно важную эпоху въ недавней исторіи сравнительной науки отмѣчаетъ собою изслѣдованіе Адальберта Куна *О низведеніи огня и напитка боговъ*, изданное въ 1859.*** Обогативъ науку множествомъ наблюденій надъ миѳологіей индо-европейскихъ народовъ, этотъ знаменитый лингвистъ указалъ первобытную вѣдійскую основу для греческаго *Прометея*, въ тѣснѣйшей его связи съ добываніемъ, посредствомъ тренія, такъ-называемаго *живаго огня*. *Агни* (наше *огонь*), богъ огня древнихъ Индійцевъ, снизошелъ на землю, но потомъ опять вознесся въ облака и скрылся въ пещеру. Оттуда его освободило одно божественное существо, дружественное людямъ, и даровало его первому человѣку — *Манусу*, который въ индійской космогоніи соотвѣтствуетъ еврейскому Ною. Этотъ благодѣтель человѣческаго рода именуется *Бгргу*—молнія.**** Представленіе о самомъ процессѣ зарожденія огня и свѣта *небеснаго* въ первобытную эпоху составилось на основаніи самыхъ раннихъ данныхъ народнаго быта, когда открытіе способа добывать огонь земной произвело великій переворотъ въ практической жизни. Первоначально огонь добывали посредствомъ тренія, какъ и теперь это водится у Славянъ и многихъ другихъ народовъ; для этого брали двѣ палки и терли ихъ другъ о

---

* Ζεύς = dyaus, Οὐρανός = Uaruna (въ *Вѣдахъ* зн. еще небо, особенно ночное, потомъ въ санск.—море). Ἠώς = ushas, Ἐρινύς = saranyû, Ορφεύς = ribhu или arbhu; Индра именуется убійцею *Вритры*, похитителемъ огня и небесной влаги.

** Essays von Max Müller, особенно во 2й части 1869 года.

*** *Die Herabkunft des Feuers und des Göttertranks.*

**** Отъ корня *гераджс*—свѣтить, блистать; того же происхожденія гр. φλέγω, лат. fulgeo, fulmen, flagro, нѣм. blitzen, blitz и пр.

дружку, или брали палку и втулку, и, вложивъ палку во втулку, повертывали въ ней палку или сверлили до тѣхъ поръ пока дерево загорится. Точно такъ представляли себѣ и происхожденіе молніи и солнца: будто бы богъ сверлитъ палкою облака, и является молнія, или колесо вертится на оси, и отъ трения втулка загорается: отсюда обычный образъ солнца въ видѣ колеса.*

Двѣ деревяшки употреблявшіяся у Индійцевъ для добыванія огня назывались *арани*, которыхъ качество и величина съ точностью были опредѣлены въ священныхъ правилахъ вѣдійской старины. Для выраженія добыванія огня посредствомъ тренія этими деревянными орудіями Индійцы употребляли одинъ глаголъ, звуки котораго повторяетъ все цивилизованное человѣчество въ имени одного изъ знаменитѣйшихъ божественныхъ типовъ греческой миѳологіи. Это глаголъ *матг* или *мантг*—трясти, вертѣть, тереть, сверлить, а также лахтать: такъ что добываніе огня и производство масла были первоначально сближены въ быту пастуховъ въ одномъ и томъ же словѣ. Отъ этого глагола происходитъ названіе одного изъ деревянныхъ орудій вытиранія огня, одного изъ двухъ *арани*—именно той палки или сверла которымъ вертятъ или сверлятъ добывая огонь: это *мантгара* или съ предлогомъ *пра*: *прамантга*. Именно этимъ-то орудіемъ высверливается огонь изъ облаковъ, низводится съ неба на землю. Въ греческой миѳологіи названіе орудія (*прамантга*) было перенесено на самого низводителя огня съ неба на землю, на его похитителя въ лицѣ *Прометея* (Προμηθεύς). ** Палка (νάρθηξ), въ которой спрятанъ Прометей похищенный имъ съ неба огонь, въ сущности есть не что иное какъ одно изъ орудій коимъ вытираютъ живой огонь (*арани, прамантга*).

Такъ какъ Прометей не только похищаетъ на землю небе-

---

* У Германцевъ *hveol* колесо, *fagra-hveol* (хорошее колесо)—солнце; у Индійцевъ колесо вообще образъ солнца, которое между прочимъ именуется и *глазомъ Варуны* (=Урана), то-есть еще неба, а не моря, которое потомъ уже Индійцы подчинили своему Варунѣ. По Сервію (ad Virg. eclog. VI, 42), Прометей похищаетъ молніеносный огонь adhibita ferula ad rotam solis.

** Иначе Προμαν̓θεύς, что̀ еще ближе къ санск. *Прамантга*: въ этомъ словѣ—*тг* есть не что̀ иное какъ греч. придыхательное θ или наша

ный огонь, но и творитъ человѣка, то, для полноты излагаемаго факта, необходимо, слѣдуя тому же Куну, обратить вниманіе на любопытнѣйшія данныя изъ вѣдійской старины, касающіяся тождества представленій о добываніи огня посредствомъ деревянныхъ орудій (арани) и о рожденіи человѣка. Такъ въ одномъ изъ гимновъ самой древней *Вѣды*, называемой *Ригвѣдой*, которымъ сопровождается обрядъ добыванія огня посредствомъ тренія—оба арани именуются производительными органами, а добываемый ими огонь — супружескимъ плодомъ. Въ обрядѣ при зажженіи жертвеннаго огня, тоже помощію тренія, въ другомъ мѣстѣ, нижнее дерево, или *подгнета*, называется богинею *Урваши*, а верхнее, или *возгнета*,* богомъ и ея супругомъ — *Пурураваcомъ*, которые оба, по толкованію Макса Мюллера, не иное что̀ какъ заря и солнце. Притомъ Урваши—одна изъ богинь *Апсарасъ*, и такъ же, какъ и эти богини, превращается въ водяную птицу (ати), въ родѣ утки или лебедя—типъ проходящій по баснословнымъ и эпическимъ сказаніямъ всѣхъ индо-европейскихъ народовъ, то въ видѣ Берты-Гусиная-Лапа, матери Карла Великаго, то Милюзины, то нашей Авдотьи Лиховидьевны—Бѣлой Лебеди.

Какъ Вельккеръ въ основу греческой миѳологіи полагаетъ древнѣйшимъ ея пластомъ—вѣдійскую древность, которой посвящаетъ цѣлую главу, такъ еще большія права на эту маститую первобытность имѣютъ миѳологіи значительно менѣе греческой развитыя, и слѣдовательно не успѣвшія, какъ греческая,

---

* Въ церковнослов. самое обычное слово для зажиганія огня *гнѣтити*, и съ предлогами *възгнѣтити* и *подъгнѣтити*, первоначально—давить, гнести, угнетать, а въ великорус. *гнести* — сдавливать, чесать, щекотать: отсюда верхнему и нижнему *арани*—у насъ вполнѣ соотвѣтствуютъ *возгнета* и *подгнета*. Въ областномъ языкѣ: *гнётья* (Псковск., Тверск.)—подгнеты, околки и щепы для растопки, *подгнетышъ* (тамъ же) — подложенная лучина для растопки дровъ и вообще осколокъ; *загнетъ*, *загнетка*—углубленіе въ переднемъ углу печи, куда загребаютъ уголья, горнушка. Отъ *гнѣтити*, у другихъ славянскихъ племенъ *нѣтити* или *нитити*, откуда *зничь* — огонь и притомъ священный. Замѣчательно что польское *нѣцић* (=гнѣтити) значитъ не только раздувать огонь, но и вообще возбуждать, пробуждать, вызывать наружу, какъ *крѣсити*—высѣкать огонь и воскрешать.

удалиться отъ простоты и грубости первоначальныхъ представленій, которыя онѣ удержали въ ихъ, такъ-сказать, самородномъ сырьѣ, въ очень незначительной обработкѣ, какъ это оказалось у Славянъ, и еще болѣе у Литвы, съ которою Славяне состоятъ въ болѣе родственной связи нежели съ прочими народами индо-европейскими.

Посмотрите, какъ воочію возникаетъ предъ нами вся эта вѣдійская первобытность, если обратимся къ нашимъ славяно-русскимъ преданіямъ, основаннымъ на вышеприведенномъ древне-арійскомъ обрядѣ. У насъ не только вытираютъ живой огонь, иначе *царь-огонь* (богъ *Агни*), какъ вытираютъ его и у другихъ народовъ, но и самые *арани* удержались въ терминахъ, *возгнеты* и *подгнеты*; мало того, мы доселѣ удержали первобытную связь добыванія огня съ подаяніемъ жизни, потому что слово *крѣсъ* значитъ не только огонь, и *крѣсити* не только выбивать или высѣкать огонь, добывать его или низводить (отсюда *крѣсиво*—огниво), но и воскрешать или давать жизнь. А такъ какъ по вѣдійскимъ представленіямъ, тѣмъ же процессомъ тренія или сверленія производится и огонь небесный и самое солнце, потому принимаетъ образъ колеса, которое воспламеняется, вертясь около своей оси; то и у насъ, не только какъ у Германцевъ и другихъ народовъ, на праздникъ солнца, въ Купальскую годовщину, вытираютъ живой огонь, зажигаютъ костры и спускаютъ съ горы въ рѣку горящее колесо, но и самая годовщина эта или лѣтнее солнцестояніе, въ церковно-славянскомъ языкѣ именуется *крѣсинами*, а у Сербовъ именно купальскій огонь—*крѣсомъ*. Мало того, какъ въ вѣдійскомъ священнослуженіи при добываніи огня возгнета и подгнета чествовались въ образѣ супружескаго союза Пурураваса и Урваши, такъ и въ купальскихъ обычаяхъ вообще индо-европейскихъ народовъ допускался, по обряду, любовный разгулъ молодежи обоего пола, значительно сглаженный уже въ нравахъ Германцевъ, * но до позднѣйшихъ временъ наблюдаемый у Русскихъ, согласно свидѣтельству *Стоглава* въ 24мъ вопросѣ: „Сходятся народи, мужи и жены и дѣвицы на нощь

---

* Wuttke, *Der deutsche Volksaberglaube*, 2е изд. 1869, § 38. Wolfg. Menzel, *Das Altdeutsche Sonnenleben*, въ Germania, Пфейффера, I, стр. 63 и слѣд. Rochholz, *Drei Gaugöttinen*, 1870, въ статьѣ о Вальпургѣ. Panzer, *Beitrag zur deutschen Mythologie*, 1, 211—212.

ное плещеваніе и на безчинный говоръ, на бѣсовскія пѣсни и плясаніе, и на богомерзкія дѣла, и бываетъ отрокомъ осквернение и дѣвкамъ растлѣніе. И егда нощь мимо идетъ, къ рѣцѣ тогда отходятъ крѣпціи и съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсніи, омываются водою.“ Ясно что это одно изъ тѣхъ *игрищъ межи селы* о которыхъ говоритъ еще лѣтописецъ Несторъ: тѣ бѣсовскія игрища, гдѣ молодые люди умыкали жены себѣ, „съ нею же кто совѣщашеся“. И если самый обрядъ чувственнаго сближенія суженыхъ между собою совершался подъ наитіемъ *крѣса* или низведенія на землю огня, то и самое рожденіе человѣка освящалось тоже крѣсомъ, по крайней мѣрѣ нареченіе новорожденнаго именемъ, которое, по исконному вѣрованію народовъ давало право на существованіе, налагало на раждающагося печать нравственнаго, личнаго бытія, влагало разумный смыслъ въ народившуюся массу. Въ этомъ отношеніи въ высшей степени любопытенъ обрядъ справляемый у Черемисовъ жрецомъ, когда онъ нарекаетъ имя новорожденному младенцу: онъ беретъ огниво (*крѣсиво*) и высѣкаетъ огонь (*крѣсъ*), приговаривая при каждомъ ударѣ разныя имена, и при которомъ изъ именъ высѣкается огонь, то и дается ребенку. *

Въ этомъ, казалось бы на первый взглядъ, безсмысленномъ обычаѣ грубаго племени, сосредоточиваются въ одинъ бытовой моментъ и древнѣйшія преданія *Вѣдъ*, воплотившіяся въ изящный типъ греческаго Прометея, и бѣсовскія игрища Купальской годовщины.

Совокупивши въ одно неразрывное цѣлое всѣ преданія тяготѣющія къ вѣдійскому обряду, достаточно ясно можно видѣть какъ односторонне и поверхностно понялъ Купальскую годовщину профессоръ Бестужевъ-Рюминъ въ своей, впрочемъ прекрасной въ другихъ отношеніяхъ, *Русской Исторіи*. ** Слѣдуя въ этомъ случаѣ г. Аѳанасьеву, *** онъ ограничивается

---

* Риттиха, Объ инородцахъ въ Казанской губерніи, въ *Матеріалахъ для этнографіи Россіи*, Казань, 1870, II, 191.

** Бестужева-Рюмина, *Русская Исторія*, 1872, I, 21—23.

*** „Этотъ поворотъ солнца (Sunnewende), выѣздъ его въ дальній зимній путь сопровождается народнымъ празднествомъ, пріуроченнымъ ко дню Іоанна Крестителя (24го іюня). Пламя костровъ, разводимыхъ въ навечеріе этого дня (Jöhannisfeuer) служитъ *символическимъ знаменіемъ знойнаго іюньскаго солнца*.“ „Когда наступали

только вообще солнечнымъ значеніемъ праздника и не только не обращаетъ никакого вниманія на бытовую сторону его въ тѣхъ бѣсовскихъ игрищахъ, которыми этотъ праздникъ такъ сильно укоренился въ народѣ, но даже и въ ссылкахъ на историческія свидѣтельства, какъ непристойную наивность, исключаетъ онъ намеки на грубые обычаи этихъ игрищъ. Впрочемъ чтобы видѣть какъ этотъ предметъ еще мало разработанъ у насъ во всей его основательности и полнотѣ сравнительнаго изученія, достаточно прочесть слѣдующія строки изъ монографіи Квашнина-Самарина *Очеркъ славянской миѳологіи*: * „Купальскій праздникъ, подобно Колядѣ и другимъ, сопровождался и отчасти сопровождается *немалымъ развратомъ*, который впрочемъ считался *религіозною обязанностью* и потому дѣйствовалъ на нравственность не такъ вредно (?) какъ можно бы это думать. Во всякомъ случаѣ многія изъ обрядныхъ бѣлорусскихъ пѣсень до того циничны что нѣтъ ничего удивительнаго если церковь постоянно возставала противъ подобныхъ игрищъ, тѣмъ болѣе что лѣтъ 200 или 300 тому назадъ языческій смыслъ обряда былъ, конечно, яснѣе чѣмъ теперь. Впрочемъ полагаемъ что пріапическія стороны въ поклоненіи Дажбогу (то-есть солнцу) были не всегда ему присущи и вѣроятно дѣло началось съ обрядовъ *болѣе чистыхъ* (?). Въ послѣдствіи же, *отъ символовъ* свадьбы легко *перешли* (?) *къ весьма не символическимъ дѣйствіямъ*.“ Стр. 255—6.

Если развратъ считался религіозною обязанностью, которая лѣтъ 300 тому назадъ еще явственно вытекала изъ обряда, съ

томительные жары и грозили полямъ и нивамъ засухою, а стадамъ и людямъ зловредными испареніями (заразою), Индусы вѣдійской эпохи обращались съ мольбою къ Индрѣ, призывая этого всесильнаго бога *сорвать съ небесной вершины солнечное колесо и погасить его палящіе лучи въ дождевыхъ потокахъ*. Такимъ образомъ поворотъ солнца на зиму былъ признанъ за одинъ изъ благотворныхъ подвиговъ бога-громовника и на Ивановскомъ празднествѣ сталъ обозначаться *скатываніемъ съ горы въ воду* обмазаннаго смолою и *зажженнаго колеса*: обрядъ и донынѣ совершаемый Славянами и Нѣмцами.“ *Поэт. воззрѣніе Славянъ на природу*, томъ 3й, 1869, стр. 710—718. Если-бы Бестужевъ-Рюминъ прибавилъ къ этому то что̀ у Аѳанасьева сказано въ I т. стр. 444, то ближе бы къ истинѣ характеризовалъ народную годовщину.

* Въ *Бесѣдѣ* на 1872, № 4.

его языческимъ смысломъ, то спрашивается: когда же и при какихъ обстоятельствахъ этотъ купальскій обрядъ, съ его религіозною обязанностію развратничать, составился? Конечно не въ XVI вѣкѣ, когда *Стоглавъ*, съ точки зрѣнія уже христіанскихъ цивилизованныхъ нравовъ, противъ этого разврата возстаетъ. Безъ сомнѣнія и не въ средѣ христіанскаго населенія древней Руси, ибо развратъ столько же противорѣчилъ таинству брака, столько и монашескому обѣту безбрачія. Итакъ, этотъ развратъ долженъ былъ входить, какъ составная часть, въ самый обрядъ языческій, и если онъ былъ религіозною обязанностью, то эта обязанность вмѣнялась принципами самой миѳологіи и зародилась въ жизни народа вмѣстѣ съ миѳомъ и языческимъ обрядомъ. Миѳъ Купальской годовщины Квашнинъ-Самаринъ понимаетъ согласно принятому въ сравнительной миѳологіи сближенію съ чествованіемъ солнца, у Германцевъ—Фрея, Фрикко или Фро, супруга Герды. * „Лада—морская царевна, говоритъ Квашнинъ-Самаринъ, это Афродита Грековъ, возлюбленная Аполлона-солнца, Герда Скандинавовъ, жена Фрея-солнца. Подобно тому какъ у насъ Герда долго мучаетъ Фрея и онъ добываетъ ее съ помощію слуги.... Купалу, продолжаетъ онъ, нельзя счесть ни за кого, кромѣ Лады, невѣсты солнца. Она изображается сидящею у берега на плоту, рвущею цвѣты въ саду Яна (Ивана), пирующею у него... Янъ-Купала есть праздникъ побѣды солнца, день его величайшаго могущества и свадьбы его съ Ладой—плодоносною землей. Толпами собираются Славяне къ рѣкѣ или озеру, въ тѣнь деревьевъ, зажигаютъ костры и поютъ священныя пѣсни до самаго утра, ожидая побѣдителя Дажбога (то-есть солнца). Страшныя заклятія грозятъ не принимающимъ участія въ торжествѣ.“ ** Въ бросаніи соломенной чучелы въ воду и въ спусканіи туда же

---

* Ссылаюсь на популярный компендіумъ Вуттке (*Der deutsche Volksaberglaube*, по 2му изд. 1869), который въ § 22 купальскіе огни пріурочиваетъ къ богу Фро, Froho или Fregr—богу *солнечнаго сіянія*, но не самаго солнца,—покровителя плодородія и брака.

** Перелагаю на великорусское произношеніе бѣлорусскую пѣсню по изд. Безсонова, стр. 47:

Кто нейдетъ на травку на зеленую,
На улицу на широкую,
Нехай (пусть) лежитъ колодою дубовою, и пр.

огненнаго колеса съ горы, Квашнинъ-Самаринъ видитъ символическое изображеніе свадьбы Солнца съ Ладою. „На зарѣ народъ погружается въ воду, очищаясь отъ грѣховъ, безъ которыхъ праздникъ рѣдко обходится.“ Этими словами авторъ присоединяетъ къ описанію миѳа и обряда вышеприведенную мораль о чистотѣ первобытныхъ нравовъ, въ которыхъ возникли и миѳъ и обрядъ.

Если нашъ Купальскій Иванъ есть не что иное какъ германскій Фро, то развратъ и грѣхи на празднествѣ этому божеству не только вполнѣ раздѣляли Славяне съ Германцами, но, по свидѣтельству Адама Бременскаго, * самое божество это у Германцевъ представлялось въ циническомъ символѣ, поощрявшемъ тотъ развратъ, который, по словамъ Квашнина-Самарина, считался и у Славянъ религіозною обязанностью. Этотъ же символъ, вполнѣ соотвѣтствующій у Индійцевъ мужскому *арани* или Пуруравасу, въ одной нѣмецкой хроникѣ 1268 года, ** приписывается какъ необходимая принадлежность обряду вытиранія живаго огня и скаканія черезъ костры,—обряду совершаемому въ Купальскую годовщину. Тотъ же символъ чувственной любви даетъ о себѣ знать въ швейцарскомъ преданіи, отзывающемся глубокою древностью, по которому добывать живой огнь по выше упомянутому способу называется *лишать дьявола мужской силы*; наконецъ тотъ же смыслъ любовнаго соединенія явствуетъ уже и изъ того что черезъ купальскій костеръ прыгаютъ *попарно*, парень съ дѣвушкой. Такимъ образомъ развратъ, соединенный съ религіозною обязанностію, у Славянъ и Германцевъ восходитъ чуть ли не къ маститой давности индійскихъ *Вѣдъ*.

---

* Исчисляя германскіе божества, онъ говоритъ о Фро (Fricco): „Tertius est Fricco pacem voluptatemque largiens mortalibus, cujus etiam simulacrum fingunt *ingenti Priapo*, si nuptiae celebrandae sunt sacrificia offerunt Fricconi.“ Слич. пріапическое изображеніе на Антверпенскихъ вратахъ у Вольфа (*Beiträge zur deutsche Mythologie*, I, табл. II, фиг. I), которое Рохгольцъ пріурочиваетъ къ Вальпургѣ, соотвѣтствующей нашей Купалѣ. *Drei Gaugöttinnen*, 1870, стр. 81—85.

** Quidam bestiales, habitu claustrales non animo docebant idiotas patriae ignem confrictione de lignis educere et simulacrum Priapi statuere, et per haec bestiis suocurere. На соборѣ, еще при Св. Бонифаціи, къ языческимъ обрядамъ отнесено вытираніе живаго огня: „de igne fricato de ligno“, нѣм. Notfyr.

Всѣ эти факты, давно уже объясненные Куномъ въ его изслѣдованіи о низведеніи огня, рѣзко противорѣчатъ той позднѣйшей морали которую хотятъ навязать русскому обряду въ ночь наканунѣ Купалы. Потому-то я вновь и обращаю вниманіе нашихъ ученыхъ на эту замѣчательную книгу. Не свадебные символы или разные языческіе и варварскіе обычаи, и доселѣ совершаемые въ простородныхъ свадьбахъ—были поводомъ къ такъ-называемому разврату Купальской ночи и другихъ веселыхъ годовщинъ, а наоборотъ, древнѣйшіе обряды, согласные первобытнымъ грубымъ нравамъ и раннимъ миѳологическимъ представленіямъ—какъ анахронизмъ, застряли въ современной жизни народа, и, потерявъ свой смыслъ, стали обязательною формальностью. Не свадебная игра въ похищеніе невѣсты, шутливо производимая дѣйствующими лицами подъ голосъ соотвѣтствующей тому пѣсни, была причиною дѣйствительнаго похищенія невѣстъ—обычая повсемѣстнаго на всемъ земномъ шарѣ, а наоборотъ, память объ этомъ обычаѣ удержалась доселѣ въ свадебной игрѣ и пѣснѣ. Не свадебный обычай молодыхъ бросать позадь себя кашу породилъ миѳъ, напримѣръ, о плодотворномъ бросаніи камней позадь себя Девкаліономъ и Пиррою, когда послѣ потопа они должны были сѣять людей, не эта безсмысленная игра, входящая въ обиходъ русской свадьбы, а напротивъ того, самъ миѳъ, какой бы онъ первоначально ни былъ, далъ нѣкогда поводъ къ свадебному обычаю, потерявшему потомъ свой смыслъ. Только съ этой точки зрѣнія можно понять весь составъ и всѣ подробности той наивной драмы которую и доселѣ простой народъ разыгрываетъ на свадьбѣ. Это не символическій источникъ для дѣйствительнаго разврата на Купальскую ночь, но невинная игра народной фантазіи, воспитанной многовѣковымъ язычествомъ.

Вопросъ на который я обращаю здѣсь вниманіе не относится спеціально къ ученому рѣшенію его въ интересахъ сравнительной миѳологіи и сравнительнаго изученія народной поэзіи. Вопросъ этотъ касается *нравственности народа вообще*, праздное глумленіе надъ которою и до сихъ поръ составляетъ одну изъ любимыхъ темъ нашей ученой литературы, какъ читатели могутъ убѣдиться изъ любопытной въ этомъ отношеніи статьи г. Костомарова „Великорусская народная пѣсенная поэзія“, въ *Вѣстникѣ Европы* за текущій годъ, въ

№ 6. * Впрочемъ объ этой статьѣ будетъ еще рѣчь впереди. Исходя съ точки зрѣнія *Кормчей книги*, Стоглавъ естественно видѣлъ въ народныхъ любовныхъ игрищахъ только распущенность нравовъ, служеніе сатанѣ. Между тѣмъ, несмотря на запрещенія и преслѣдованья церкви, Купальскія и другія годовщины, покровительствующія молодому разгулу, живутъ въ народѣ и понынѣ, и народъ умѣетъ приладить къ нимъ свою совѣсть, все же хоть нѣсколько очищенную обиходомъ церковныхъ правилъ. Можете назвать обычай такихъ годовщинъ варварствомъ, грубостію, первобытнымъ состояніемъ нравовъ, которой рисуютъ намъ путешественники по лѣсамъ Америки или Геродотъ въ описаніи дикарей Стараго Свѣта, но не навязывайте народу вашей книжной морали, не ходите къ его купальскимъ огнямъ въ бѣлыхъ перчаткахъ и лаковыхъ сапогахъ, и больше всего опасайтесь клеймить именемъ разврата и грѣха то что онъ, по обычаю, въ своемъ темномъ невѣжествѣ, совершаетъ, какъ снисходительно допускаете вы, по религіозной обязанности.

Тѣмъ и важны, не только въ ученомъ, но и вообще въ гуманномъ отношеніи, современныя открытія по сравнительному изученію народностей, что они мирятъ цивилизацію съ грубостью простаго народа, останавливаютъ отъ произнесенія надъ нею безусловно строгаго суда съ точки зрѣнія развитой нравственности, раскрываютъ элементы и историческіе пласты этой невѣжественной коры, которою въ теченіе столѣтій обростало человѣчество, и тѣмъ самымъ даютъ вѣрныя средства очистить народную жизнь отъ застарѣлыхъ на ней наростовъ. Впрочемъ объ этомъ будетъ еще рѣчь впереди, а теперь замѣчу только что грубость языческихъ обычаевъ, доселѣ ведущихся въ простонародьѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ той нравственной неурядицѣ которая указана была мною въ миѳахъ.

---

* Замѣтка направленная противъ странныхъ промаховъ этой статьи была напечатана въ № 173 *Московскихъ Вѣдомостей* текущаго года, подъ заглавіемъ: „Въ защиту великорусской народной поэзіи“.

III.

Возвратимся къ главной нити изложенія. На примѣрѣ Купальской годовщины, пользуясь результатомъ знаменитой книги Адальберта Куна, я желалъ показать читателямъ въ какой мѣрѣ еще и до сихъ поръ народная жизнь въ своемъ язычествѣ тяготѣетъ къ первобытной древности, которой ясную картину рисуютъ намъ оріенталисты по гимнамъ и религіознымъ обрядамъ индійскихъ *Вѣдъ*. Современные намъ дикари Новаго Свѣта, какъ увидимъ въ послѣдствіи, и теперь воочію представляютъ, въ своихъ нравахъ и обычаяхъ, то же, и можетъ-быть, еще въ большей первобытности, что̀ ученымъ вѣдистамъ живописуетъ ихъ древне-арійская литература.

Но, не сходя еще съ почвы индо-европейскихъ народностей, мы должны познакомиться съ тою теоріей которую составили вѣдисты для объясненія миѳологическаго развитія этихъ народностей. Въ этомъ отношеніи первое мѣсто отводимъ мы блистательнымъ гипотезамъ Макса Мюллера, указывая читателямъ на изданныя недавно болѣе популярныя его монографіи. * Слѣдующіе немногіе выводы даровитѣйшаго популяризатора всевозможныхъ научныхъ тонкостей достаточно могутъ познакомить всякаго съ общими положеніями этой теоріи.

Чтобы во всей ясности опредѣлить смыслъ какого бы то ни было миѳа, надобно пользоваться здравыми этимологическими его основами. Сравнительная филологія, произведя полную реформу въ грамматикѣ и словопроизводствѣ классическихъ языковъ, приложила этотъ принципъ къ правильному изученію классической миѳологіи, и отнынѣ никакой миѳъ не можетъ быть до конца объясненъ въ точности, пока не будутъ подвергнуты этимологическому разбору самыя имена дѣйствующихъ въ миѳѣ лицъ. Если мы читаемъ въ греческой миѳологіи что *Геліосъ* былъ братъ богинямъ *Эосъ* и *Селены*, то это не требуетъ еще никакихъ комментаріевъ. *Геліосъ* по-гречески значитъ солнце, *Эосъ*—утренняя заря, *Селена*—луна, и

---

* *Essays von Max Müller*, въ переводѣ на нѣм. языкъ со 2го англійск. изданія. *Leipzig* 1869—1872. См. во 2мъ томѣ стр. 135, 137, 140—151, 221.

безъ особеннаго напряженія поэтической фантазіи, легко можно догадаться какъ пришли къ тому чтобы породнить между собою эти три небесныя явленія. Но если мы читаемъ что Аполлонъ полюбилъ Дафну, что Дафна отъ него бѣжала и превратилась въ лавровое дерево, то смыслъ этой басни тогда только будетъ для насъ ясенъ, когда мы узнаемъ первоначальное значеніе Аполлона и Дафны. Извѣстно что Аполлонъ—богъ солнца, имя же Дафны безъ помощи сравнительной лингвистики объяснить нельзя, и только тогда мы поймемъ ея исторію, когда узнаемъ что первоначально самое слово *дафна*, по источникамъ вѣдійскимъ, должно было означать утреннюю зарю, собственно *горящая* или *пылающая*, равно какъ и лавровое дерево по-гречески называлось *дафною* же, какъ дерево, идущее на топливо. * Такимъ образомъ—утренняя заря и дерево, называющіяся однимъ и тѣмъ же словомъ, были сближены сказкою о превращеніи, вслѣдствіе естественнаго побѣга утренней зари, спасающейся отъ солнца, которое ее румянитъ пламенемъ своей любви. Еще примѣръ. Если мы читаемъ о томъ какъ Панъ ухаживаетъ за прекрасною Питисъ, а Борей изъ ревности кинулъ эту нимфу на скалу, гдѣ она и превратилась въ сосну, то стоитъ только представить себѣ горные утесы, покрытые соснами, чтобы понять смыслъ этой басни. *Борей* по-гречески значитъ сѣверный вѣтеръ, *Питисъ* (πίτυς)—сосна. Что же такое *Панъ*? Вѣроятно, какъ и Борей, тоже божество вѣтра, но въ болѣе нѣжномъ проявленіи этого воздушнаго движенія. Тотъ же Панъ является любовникомъ нимфъ: Эхо и Сиринксъ. Почему *Эхо* любитъ Пана, или *вѣтеръ*, не требуетъ объясненія. Что касается нимфы *Сиринксъ* (что̀ означаетъ по-гречески пастушью *дудку*), то о ней повѣствуется, будто она бѣжала отъ преслѣдованій Пана на рѣку Ладонъ, гдѣ и превратилась въ тростинку. Миѳологія извратила здѣсь историческую послѣдовательность событій; то-есть, вмѣсто того чтобы сказать: свистъ вѣтра въ прибрежномъ тростникѣ навелъ на изобрѣтеніе пастушей дудки, поэтъ напротивъ того говоритъ намъ что Панъ-вѣтеръ заигрывалъ съ нимфою Сиринксъ, и она, изъ стыдливости, превратилась въ тростинку. Но въ греческомъ языкѣ *Панъ* уже не имѣетъ зна-

---

* *Dahanâ* (въ *Вѣдахъ* одно изъ именъ утренней зари—*ahanâ* вм. *dahanâ*), отъ корня *dah*—горѣть. *Essays* II, 80—82.

ченія вѣтра, и чтобъ уразумѣть первоначальный смыслъ этого слова, лингвистика должна была прибѣгнуть къ санскриту. * Гдѣ-нибудь на прибрежныхъ скалахъ Греціи, покрытыхъ сосновымъ лѣсомъ, греческій поэтъ своимъ чуткимъ ухомъ подслушалъ жалобный шепотъ вѣтерка съ трепещущею сосною, и сравнилъ эту мирную сцену съ бурнымъ ландшафтомъ опустошенія, какое производятъ сѣверные вихри, и повѣствовалъ своимъ дѣтямъ о чудесахъ лѣса, и о бѣдненькой соснѣ (*питисъ*), какъ за нею ухаживаетъ Панъ-вѣтерокъ, и какъ, изъ ревности, сокрушаетъ ее вихрь-Борей.

Мы говоримъ о дняхъ и годахъ, какъ о предметѣ для всѣхъ самомъ понятномъ, и если выразимся что такой-то господинъ *губитъ свои дни и годы*, *убиваетъ свое время*, то не требуется никакого ученаго комментарія, чтобы понять эти общеупотребительныя фразы. Но первоначально было не такъ. День и ночь были когда-то еще мудреною загадкою для человѣчества: они не жили вмѣстѣ съ людьми въ ихъ дневныхъ трудахъ и въ ночномъ снѣ, не составляли нераздѣльнаго понятія, вмѣстѣ съ обыденностью человѣческой жизни, а, какъ чужаки, оба они приходили откуда-то и куда-то уходили, это были два брата, или братъ и сестра, мужъ и жена, наконецъ сынъ и мать, приходили они къ людямъ и приносили имъ свѣтъ или мракъ, радость или печаль, и чествовали ихъ тогда, какъ создателей всего живущаго, называли дѣтьми неба и земли и т. п. Въ древнемъ языкѣ Индіи вошелъ въ обычное употребленіе одинъ поэтическій образъ, если только можно такъ выразиться, по которому дни представляются въ видѣ *стада* самого *солнца*, причемъ приходъ и уходъ каждаго дня уподоблялся тому пастушьему порядку, какъ каждое утро стада, оставляя свои хлѣва, выходятъ на небесное пастбище, а къ ночи возвращаются восвояси. ** Число солнцевыхъ стадъ опредѣлялось числомъ дней, какое приписывалось тогда цѣлому году. Въ Греціи эта метафора была уже не вполнѣ понятна даже самому Гомеру; но

---

* Сокращено изъ санск. формы *pavana*—вѣтеръ, отъ корня *pu*—очищать.

** Можетъ быть то же первобытное воззрѣніе лежитъ въ основѣ двоякаго значенія слова *чреда*—и стада, и дневныхъ перемѣнъ, откуда *очередь*, въ южно-русскомъ *череда*—стадо.

все же онъ еще помнитъ что у Геліоса было семь стадъ, по пятидесяти быковъ въ каждомъ, такъ что 350 быковъ какъ разъ соотвѣтствуютъ 350 днямъ первоначальнаго года въ Греціи, точно такъ какъ въ 720 близнецахъ вѣдійскихъ насчитывается 360 сутокъ (дней и ночей) года Индусовъ. И если мы далѣе читаемъ въ Гомерѣ о томъ какъ неразумные спутники Одиссея потому не могли возвратиться на родину что перебили быковъ Геліоса, не встрѣчаемся ли мы съ тою же древнею пословицей, которую Гомеръ понялъ слишкомъ буквально, и потому только перевелъ ее въ область миѳологіи? Въ первоначальномъ выраженіи могло быть сказано не болѣе какъ то что Одиссей употребилъ всѣ свои усилія чтобы воротиться изъ долгаго странствія домой, товарищи же его понапрасну теряли время, *убивали дни*, то-есть *стада Геліоса*, *солнца*, и за то были наказаны, и ничего не могло быть естественнѣе что въ послѣдствіи, когда пришелъ въ забвеніе первоначальный смыслъ этой фразы, наказаніе ихъ было приписано той причинѣ что они дѣйствительно истребили быковъ на островѣ Ѳринакіи. Точно такъ же апостольскій подвигъ Св. Патрикія въ искорененіи *ядовитаго гнѣзда* ересей и язычества въ Ирландіи—былъ переведенъ на легенду о томъ какъ этотъ святой истребилъ всѣхъ змѣй до одной на этомъ островѣ, или собственное имя Св. Христофора (*Христоносца*) дало поводъ къ легендѣ о томъ что этотъ великанъ переносилъ Христа-Младенца черезъ потокъ, и изнемогъ было подъ неломѣрною тяжестью божественной ноши.

Ни языкъ, ни миѳологія первоначально не знаютъ отвлеченностей. Понятіе о времени и обоготвореніе его въ образѣ Кроноса у Грековъ или Зрвана у древнихъ Парсовъ принадлежатъ эпохѣ уже значительно развитой, хотя греческая ѳеогонія, уже какъ система, и потому явленіе позднѣйшее, и полагаетъ своего Кроноса отцомъ Зевса, между тѣмъ какъ Зевсъ, по лингвистической и миѳической генеалогіи, восходитъ, какъ замѣчено было выше, еще къ вѣдійскому небу, а Кронось есть уже мѣстное національное созданіе греческаго духа. Отвлеченное понятіе о времени, то-есть о его протяженіи въ прошедшемъ и будущемъ, было извлечено изъ наглядnаго представленія о днѣ съ его утромъ и вечеромъ. То что̀ прошло—это *вечеръ*, отъ котораго ушелъ переживаемый день; потому у насъ говорится *вчера*, *вечо̀ръ*; то что̀ будетъ или что̀ придетъ—это

утро, на встрѣчу которому идетъ переживаемый день; потому говоримъ *завтра*. Это наглядное, наивное представленіе о времени нашло себѣ соотвѣтственное выраженіе въ миѳическихъ образахъ *вечерней и утренней зари*, которые именно потому и составляютъ существенную принадлежность миѳологіи всѣхъ индо-европейскихъ народовъ, что служатъ изобразительными ступенями, по которымъ человѣкъ доходилъ до понятія о времени, составляющаго основное зерно для его умственнаго развитія. Какъ скоро составилось въ сознаніи это понятіе, тотчасъ же вмѣстѣ съ тѣмъ зараждается идея о необходимости или судьбѣ; потому-то у Германцевъ настоящее, прошедшее и будущее *—это Норны, дѣвы судьбы или классическія Парки; потому же и у насъ слово *рокъ* (отъ гл. *реку*) означаетъ и судьбу, и время, у Поляковъ годъ, а также срокъ, извѣстное пространство времени, условленное время, юридическій терминъ. А такъ какъ прошедшее и будущее, первоначально вчера и завтра, вечеръ и утро, впервые воплотились въ миѳическихъ образахъ вечерней и утренней зари, то переходъ вѣдійской *Сараньу*—утренней зари, ** въ греческую *Эринніо* (Ερινύς), богиню судьбы и возмездія, есть не болѣе какъ двѣ ступени одного и того же понятія, сначала на низшей, болѣе конкретной ступени, и потомъ на высшей, отвлеченной и нравственной. Такимъ образомъ сравнительная миѳологія убѣждаетъ насъ въ той истинѣ что миѳологическій процессъ которому подчинена была столько тысячелѣтій жизнь человѣчества послужилъ естественнымъ путемъ для его умственнаго и нравственнаго развитія. Это была вмѣстѣ и религія, потому что она возводила человѣчество въ міръ идей, указывая величайшую изъ нихъ въ божествѣ и безсмертіи, это была вмѣстѣ и поэзія, потому что поэзія, слагая свои образы въ миѳическихъ формахъ языка, каждую идею воплощала въ идеалъ, цѣнность котораго опредѣлялась ступенями развитія умственнаго и нравственнаго въ приближеніи къ идеѣ религіозной. Потому не должно ограничивать понятіе о миѳологіи только религіознымъ характеромъ и видѣть въ ней, какъ видѣли прежде, округленную систему ученія о богахъ и полубогахъ, нѣчто въ родѣ догмата

---

* Скавд. *Vurdh*, *Verdhandi* и *Skuld*.

** Также облако, вода, вѣтеръ.

исповѣданія. Это былъ не иное что̀ какъ способъ понимать вещи, умственный пріемъ для уразумѣнія, способъ мыслить и выражаться. Потому очень мѣтко самый языкъ, по счастливому выраженію философа, называютъ *поблекшею миѳологіей*. Поэзія собираетъ эти поблекшіе цвѣты, и орошая ихъ живою водой Одинова вѣщаго напитка, возсоздаетъ ихъ къ новой жизни, съ новымъ благоуханіемъ, въ которомъ ученый анализъ сравнительной науки старается открыть его первобытный, безпримѣсный ароматъ.

Какъ ни блистательны выводы къ которымъ приводитъ объясняемая мною теорія сравнительной миѳологіи, но чтобъ оставаться въ предѣлахъ достовѣрнаго, слѣдуетъ строго воздерживаться отъ тѣхъ увлеченій къ которымъ, по своей примѣнимости, легко можетъ она вести.

Вопервыхъ, такъ легко всякій миѳъ объяснить миѳологическою фразой, смыслъ которой уже былъ будто бы затерянъ даже для Гомера или Гезіода, такъ легко предаться своимъ личнымъ воззрѣніямъ и вложить ихъ въ общую формулу, подъ которую теорія подводитъ всякій миѳъ! Мы видимъ какъ нѣжные сумерки замираютъ предъ наступающею ночью, видѣли это и Греки, но вмѣстѣ съ Максомъ Мюллеромъ говорили: вотъ прекрасную Эвридику ужалила змѣя мрака, и Орфей отправляется въ страну мертвыхъ чтобы вывесть оттуда свою возлюбленную. Мы видимъ какъ заря, исчезнувъ на западѣ, показывается съ востока, видѣли то же самое и Греки, но ученая теорія заставляетъ ихъ при этомъ сказать: Эвридика возвращается на землю. Но когда съ восходомъ солнца пропадаетъ свѣтъ зари, Греки непремѣнно должны были сказать: Орфей слишкомъ рано обернулся чтобы взглянуть на свою возлюбленную, потому и былъ съ нею разлученъ навсегда. Еще примѣръ. Извѣстны народныя сказки о превращеніи прекрасной царевны или царевича въ лягушку—одна изъ странностей въ которыхъ высказывается капризный характеръ сказокъ, но въ которыхъ первоначально долженъ былъ быть какой-нибудь смыслъ. Пользуясь тою же теоріей, Максъ Мюллеръ въ этомъ превращеніи открываетъ миѳъ о солнцѣ, въ томъ его явленіи, когда оно ложится въ воду или встаетъ изъ воды. Назвать такое солнце лягушкою будто бы могъ какой-нибудь поэтъ, можетъ-быть рыбакъ по ремеслу, и потомъ это матафорическое выраженіе послужило зерномъ сказанія. Санскритское

названіе *лягушки* * —такъ предполагаетъ остроумный вѣдистъ— могло когда-нибудь употребляться для наименованія солнца, потому что это свѣтило, по нѣкоторымъ отношеніямъ своимъ, и въ Индіи, какъ въ Германіи, принималось за женщину. Въ послѣдствіи, когда это названіе солнца лягушкою устарѣло, стали разказывать уже собственно о лягушкѣ разныя исторіи, которыя только въ природѣ и имѣли свой смыслъ, когда именно относились къ солнцу, какъ и другія сказанія о герояхъ и героиняхъ, которыхъ солярный или солнечный характеръ не подлежитъ сомнѣнію. Такъ и въ санскритѣ находимъ мы сказаніе о томъ что лягушка была прекрасною дѣвицей и какъ однажды, когда она сидѣла у источника, ее подстерегъ нѣкоторый царь и пожелалъ ее себѣ въ супруги. Дѣвица согласилась, но подъ тѣмъ только условіемъ чтобы никогда ей не показывали ни капельки воды. Однажды захотѣлось ей пить, она попросила у мужа, а тотъ, забывъ зарокъ, подалъ ей воды, и лягушка тотчасъ же пропала. Разказъ этотъ, по принятой теоріи, будто бы развился изъ краткаго выраженія о солнцѣ, въ родѣ того что лягушка-солнце, взглянувъ на воду, умретъ, какъ мы сказали бы что солнце закатывается въ морскія воды, изъ которыхъ оно же поутру возстаетъ.

Шаткость, неточность, противорѣчіе и отсутствіе ясности служатъ достаточнымъ доказательствомъ что наука переходитъ здѣсь за границу положительныхъ фактовъ и теорія въ своей растяжимости невольно напрашивается на подобное же объясненіе всякой лиитической фразы. Если Гомеръ могъ забыть быковъ на индійскихъ пастбищахъ бога Индры, то почему было еще съ большимъ основаніемъ не предположить забвенія того же преданія въ болѣе близкіе къ намъ средніе вѣка и не усмотрѣть того же приносимаго въ жертву *быка* въ гибнущемъ *днѣ*, который умирая плачетъ въ этомъ заунывномъ звонѣ вечерняго колокола, о чемъ такъ поэтично подъ вечеръ мечтаетъ у Данта далекій странникъ, подобный спутникамъ Одиссея, воспоминая о своей родинѣ. **

---

* По-санскритски въ муж. родѣ *bheka*—лягушка и облако; для солнца М. Мюллеръ допускаетъ форму женск. рода *bhekî*.

** ....se ode squilla di lontano
Che paja il giorno pianger che si muore.
Purgator. VIII, 5—6.

Итакъ, по этой теоріи, бо́льшая часть миѳовъ есть не что̀ иное какъ болѣе или менѣе удачное толкованіе какой-нибудь миѳологической пословицы, которая первоначально, въ эпоху вѣдійскую, имѣла смыслъ нагляднаго представленія, напримѣръ, о днѣ, солнцѣ или зарѣ, но потомъ Грекамъ или Германцамъ стала уже непонятна и оказалась какъ бы загадкой, которую позднѣйшія поколѣнія старались разгадать по-своему. Съ этой точки зрѣнія вся греческая миѳологія представляется безсмысліцею, а ключъ къ открытію въ ней смысла затерянъ въ доисторическомъ мракѣ вѣдійскихъ преданій.

Вовторыхъ, самая эластичность миѳологическихъ представленій давала поводъ ученымъ, въ основѣ множества разнообразныхъ миѳовъ видѣть одно и то же, и особенно, напримѣръ, солнце, въ его различныхъ фазисахъ и явленіяхъ: солнце восходящее, заходящее, пылающее жаромъ, уступающее зимнему холоду, солнце возрождающееся весной и умирающее зимой и пр. Эдипъ и Персей убиваютъ своихъ отцовъ,—это солнце которое уничтожаетъ ночной мракъ. Эдипъ женится потомъ на своей матери—это тоже солнце, которое къ вечеру сливается съ свѣтомъ зари, отъ которой поутру возраждается: заря въ вечернемъ и утреннемъ своемъ видѣ—это и супруга и мать солнца, какъ Іокаста для Эдипа. И многіе другіе отцеубійцы разныхъ миѳологій—и Киръ, и Ромулъ—это тоже солнце, тотъ же Эдипъ или Персей. Вильгельмъ Телль, Робинъ Гудъ, даже Grand Weneur въ лѣсахъ Фотенебло—тотъ же богъ солнца, тотъ же сребролукій Аполлонъ, Одиссей поражающій стрѣлами жениховъ Пенелопы, или самъ маститый Индра, убійца Вритры.

Пусть будутъ все это разные виды одного и того же солнца, но много ли выиграетъ отъ того наука? Это такое же общее, безсодержательное опредѣленіе, какъ сказать что всѣ упомянутыя лица были герои, боги или полубоги, или что Патрикій, Христоферъ, Урсула, Вальпурга были причислены къ лику святыхъ. Важно не то что Одиссей или Вильгельмъ Телль стрѣляютъ, какъ стрѣляетъ и Аполлонъ-Солнце, а то что Одиссей побиваетъ жениховъ Пенелопы, а Вильгельмъ Телль, по приказанію тирана, съ которымъ онъ вступилъ въ борьбу—мѣтитъ въ цѣль помѣщенную на головѣ своего сына *. Эти

* Швейцарское сказаніе о стрѣлкѣ Теллѣ, относимое къ событію 1247 года, но въ своихъ раннихъ источникахъ мѣстныхъ не восходящее ранѣе XV вѣка, находитъ себѣ древнѣйшій первообразъ еще у

подробности входятъ въ самую глубь интереса которымъ поддерживалось въ преданіи то и другое сказаніе, и даютъ совершенно иной характеръ и тому и другому. Народъ повѣствовалъ объ Эдилѣ не ради того что видѣлъ въ немъ когда-то солнце, но потому что этотъ герой на своихъ плечахъ вынесъ преступленія стараго поколѣнія и умѣлъ ихъ великодушно искупить для блага поколѣніямъ будущимъ. Какъ стрѣлецъ-солнце Вильгельмъ Телль потерялъ бы до того свою личность, что уподобился бы нашему Дунаю, который, соперничая въ стрѣльбѣ съ своею женой, убиваетъ ее беременную, и чтобы спасти дѣтище, вырѣзываетъ его изъ ея утробы. Напротивъ того, стрѣлокъ альпійскій, для спасенія своей родины отъ тирана, готовъ принести въ жертву своего сына, стрѣляя, какъ у насъ Дунай, въ цѣль помѣщенную на родномъ существѣ, но не далъ промаха, какъ герой русскій. Стрѣльба — здѣсь общее мѣсто, и если объясненная мною теорія имѣетъ въ виду только *общія мѣста,* а не сущность миѳовъ, то мы можемъ отдать ей нѣкоторую справедливость, и то въ той лишь мѣрѣ, въ какой она принимаетъ участіе въ этомъ дѣлѣ, которое, какъ увидимъ дальше, объясняютъ ученые и другими путями.

Отцеубійство, кровосмѣшеніе и другія преступленія, совершаемыя миѳическими личностями—по этой теоріи—объясняются очень просто. Совершаютъ эти будто бы мнимыя преступленія не настоящіе люди, съ ихъ нравственными принципами, а явленія природы, подчиненныя законамъ физической необходимости. Не сынъ убиваетъ отца, а утренній свѣтъ

Саксона Грамматика въ датскомъ сказаніи о героѣ *Toko*, пріуроченномъ ко второй половинѣ X вѣка, ко времени короля Гаральда, который своимъ тиранствомъ возстановилъ противъ себя даже собственнаго своего сына Свено (Swein) и наконецъ былъ убитъ героемъ Toko. Такъ же какъ швейцарскій Телль, и этотъ герой, по приказанію тирана, сшибаетъ стрѣлою яблоко съ головы своего сына, такъ же готовъ былъ другою стрѣлою застрѣлить короля, еслибъ убилъ сына. Но этотъ подвигъ стрѣлка является въ датскомъ сказаніи въ ряду съ двумя другими богатырскими подвигами, въ коихъ уже трудно усмотрѣть солнечный миѳъ. Тотъ же Toko вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ на лыжахъ спуститься со скалы на море, и перевязать вмѣстѣ людей съ быками, чтобы тѣ и другіе соединенными силами отломили цѣлую скалу отъ берега Ютландіи. См. Karl Meyer, *Die Tellsage*, у Бэрча въ *Germanische Studien*. 1872 года, I, 165.

прогоняетъ ночную темноту; не сынъ оскверняетъ ложе своей матери, а солнце соединяется съ зарею. Можетъ-быть, первоначально это такъ и было; только теорія при этомъ выпускаетъ изъ виду субъективную сторону самыхъ составителей мифа. Чтобы перевести явленія природы на образы и отношенія своего житья-бытья, они должны были до нѣкоторой степени соображаться съ его порядками и правилами. По крайней мѣрѣ иначе не могло быть въ ту первобытную эпоху, когда мифъ во всей своей свѣжести наглядно возникалъ изъ живаго воззрѣнія на природу.

IV.

Разсмотрѣнная въ предшествующей главѣ лингвистическая теорія служитъ основою для такъ-называемой *миѳологіи природы*. Такая миѳологія дѣйствительно должна быть древнѣйшимъ слоемъ во всѣхъ народныхъ сказаньяхъ, вѣрованіяхъ и обрядахъ, и потому книга Шварца о *происхожденіи миѳологіи*, въ приложеніи къ греческимъ и германскимъ сказаніямъ, основанная на началахъ наглядnаго возсозданія явленій природы въ миѳахъ, и въ особенности явленій небесныхъ и воздушныхъ, внесла въ науку много существенныхъ результатовъ, поскольку миѳы въ ихъ первоначальныхъ зародышахъ группируются около немногихъ простѣйшихъ представленій природы *.

Какъ отличный знатокъ греческой миѳологіи и литературы, владѣющій обширною начитанностью въ классическихъ писателяхъ, Шварцъ, съ точки зрѣнія филологическихъ преданій объ изящномъ классицизмѣ, не рѣшается посягать на установившіяся, округленныя формы греческаго антроломорфизма, этого мастерскаго воплощенія миѳологическихъ преданій въ замкнутыхъ очертаніяхъ классическихъ типовъ Зевса, Аѳины, Ахиллеса и др. Онъ изслѣдуетъ только ранній, такъ сказать, первичный слой миѳологическихъ представленій природы, на которомъ потомъ возникли новыя созданія въ ихъ человѣкообразныхъ типахъ. Онъ слѣдитъ за наивными воззрѣніями грубѣйшаго вѣка и открываетъ различные пути, которые эти воззрѣнія ищутъ для своего выраженія, еще не въ человѣческихъ формахъ, а въ чудовищныхъ, звѣриныхъ. Его интере-

* Schwartz, *Der Ursprung der Mythologie*. Berlin, 1860.

суютъ не столько самъ Аполлонъ, Геркулесъ или Беллерофонъ, а тѣ зміи, львы, химеры и другія дивовища, изъ первобытной обстановки которыхъ выступаютъ потомъ свѣтлыя личности боговъ. Потому-то, будучи филологомъ по призванію, онъ не обинуясь сближаетъ греческіе миѳы съ баснями американскихъ дикарей и съ особеннымъ уваженіемъ относится къ финской *Калевалѣ*. Онъ вовсе не вѣдистъ, и результатами санскритской лингвистики пользуется изъ вторыхъ рукъ, преимущественно отъ друга своего, знаменитаго Адальберта Куна. Сказанія о животныхъ (Thierfabel), которыхъ высокое значеніе для народности опредѣлилъ еще Яковъ Гриммъ, Шварцъ разсматриваетъ какъ необходимую ступень, предшествующую въ миѳологическомъ процессѣ воплощенію въ человѣческомъ образѣ, такъ что народныя сказки о волкѣ и лисѣ и другихъ животныхъ, въ связи съ очевидными намеками на миѳологію природы въ изображеніи солнца, мѣсяца, вѣтра дѣйствующими лицами, по смыслу Шварцевой теоріи, надобно признать остатками этой переходной ступени, общей у всѣхъ народовъ, даже дикихъ, съ изящною миѳологіей Грековъ и Германцевъ. Кругъ воззрѣній автора достаточно явствуетъ изъ перечня самаго оглавленія его книги: божества—зміи и драконы, божества—кони, божества скотьи, божества—птицы, божества—рыбы.

День и ночь, весна, лѣто и зима, свѣтъ и мракъ, облака и особенно вѣтры и гроза—вотъ главные предметы составляющіе, по Шварцу, миѳологію природы. Взоры первобытнаго чествованія обращены къ небу, и спускаются на землю только для того чтобы къ родной землѣ прикрѣпить въ видѣ мѣстнаго сказанія тотъ первоначальный миѳическій вымыслъ который собственно относится къ небу и атмосферѣ. Въ миѳѣ первоначально нѣтъ настоящихъ, земныхъ горъ: это облака и тучи Гиганты, объявившіе войну небу, громоздятъ гору Оссу на Олимпъ, а на Оссу гору Пеліонъ, чтобы ближе штурмовать небесныхъ боговъ. Первоначально это не горы извѣстной мѣстности, названныя ихъ точными именами, это горы небесныя или облака, которыя воздвигаютъ другъ на друга сыновья бога бури, и осаждаютъ небо до тѣхъ поръ, пока не поразитъ ихъ громовая стрѣла Зевса. Въ томъ же небесномъ или облачномъ смыслѣ божества бури Посейдонъ и Аполлонъ сооружаютъ стѣны Трои, какъ Гефестъ жилища боговъ на Олимпѣ, или какъ подъ звуки Амфіоновой лиры (очевидное указаніе на вѣтеръ) совершается чудесное сооруженіе седмивратныхъ Ѳивъ, которыя,

по сказаніямъ, первоначально не иное что̀ какъ божественный чертогъ, куда на свадьбу Кадма собираются боги, гдѣ будто бы родился и самъ Зевсъ, наконецъ—Кадмея не только жилище Кадма, но и *островъ блаженныхъ*, соотвѣтствующій нашему сказочному *Острову Буяну*. Какъ греческіе гиганты громоздятъ горы, чтобы штурмовать небо, и вѣтры строятъ для греческихъ боговъ города и чертоги, такъ и для скандинавскаго Олимпа нанялся было строить городъ нѣкоторый великанъ, и въ плату за трудъ требовалъ себѣ солнце, мѣсяцъ и Фрею, но это условіе, грозившее богамъ гибелью, разстроило все предпріятіе. Если всѣ эти сближенія имѣютъ одну общую основу, то безъ сомнѣнія, сюда же еще съ большими правами можно отнести тотъ облачный городъ который, ни на небѣ, ни на землѣ, строитъ Сербская *Вила* *, тѣмъ болѣе что по болгарскимъ варіантамъ, болгарская *Самовила* сооружаетъ этотъ городъ, или крѣпость, изъ необычайныхъ живыхъ матеріаловъ, изъ удалыхъ молодцовъ, изъ красныхъ дѣвицъ и малыхъ дѣтей. ** Это уже нѣчто въ родѣ германской Валгаллы, куда Одинъ призываетъ къ себѣ падшихъ въ битвѣ воиновъ, и какъ Валгалла ломѣщалась на вершинѣ всемірнаго, небеснаго древа Иггдразилъ, такъ и городъ Вилы на *вѣтвяхъ* о́блака.

Если въ миѳѣ говорится о водахъ или морѣ, то по теоріи Шварца, это не настоящія воды на землѣ, а воды небесныя, что̀ до извѣстной степени можетъ быть оправдываемо лингвистическимъ толкованіемъ миѳа о греческомъ *Уранѣ*-небѣ, который въ древне-арійской формѣ *Варуна*, вообще у Индусовъ богъ моря, водъ, но первоначально и неба. То же воззрѣніе представляютъ намъ и финскія лингвистически-миѳологическія преданія. *Ильмень* (въ старину *Ильмерь*) не только собственное имя новгородскаго озера, но и озеро вообще—слово, безъ сомнѣнія, финское, употребленное въ смыслѣ воды или моря. Но *ильма* по-фински собственно значитъ воздухъ, весь міръ, небесный сводъ, атмосфера, и дочь воздуха *Ильматаръ* (собственно *Воздуховна*), въ началѣ вѣковъ, еще до сотворенія міра, возлежитъ въ морѣ, поднявъ изъ воды колѣнку; на ея колѣн-

---

* Вука Караджк. Српск. нар. пѣсме. 1, 151—2: городъ городила бѣлая Вила *на грану одъ облака*.

** См. въ Болгарск. пѣсняхъ, собранныхъ братьями Миладиновыми, Загребъ, 1861 года, *Самовилское сооруженіе* стр. 3, и варіантъ этой пѣсни на стр. 9.

кѣ морская птица вьетъ гнѣздо и кладетъ въ него то яйцо изъ котораго потомъ творится весь міръ.

Имѣя въ виду первобытное сродство представленій моря и неба, можно оправдать сближенія дѣлаемыя Шварцемъ между тѣми небесными или облачными городами и чертогами, и городами будто бы поглощенными моремъ или опустившимися на дно водъ, какъ *Винета* или *Аркона*, и время отъ времени всплывающими наружу: причемъ уяснится и самый миѳъ о Кадмеѣ, соединяющій въ себѣ представленіе города въ облакахъ и острова блаженныхъ на морѣ, а также и вообще вѣрованіе о томъ что души усопшихъ отправляются въ свои небесныя жилища, переправляясь въ ладьѣ по морю. Но когда ту же Винету Шварцъ сближаетъ съ тѣмъ пламеннымъ замкомъ въ которомъ Зигурдъ находитъ Валькирію Брунгильду, сближаетъ, между прочимъ, на томъ основаніи что въ подводномъ славянскомъ городѣ все пламенѣло драгоцѣнными металлами, и что дѣти на улицахъ играли серебряными монетами; то это сближеніе должно намъ служить только предостереженіемъ не слишкомъ увлекаться предвзятою теоріей въ дѣлѣ такомъ загадочномъ, какъ миѳологія, дающемъ открытое поле всевозможнымъ догадкамъ, которыя провѣрить критически нѣтъ никакой возможности, если догадки эти оторваны отъ твердой основы лингвистики и филологіи.

По теоріи Шварца, герои эпическихъ сказаній, въ своихъ первоначальныхъ зародышахъ, не только коренятся на общихъ представленіяхъ, изъ которыхъ возникаютъ и боги, но и составляя вмѣстѣ съ ними первоначально одну нераздѣльную группу, во многомъ могли удержать на себѣ болѣе первобытнаго характера, нежели боги; потому что эти послѣдніе, собирая къ одному центру общія понятія о какомъ-нибудь явленіи природы, напримѣръ какъ Аполлонъ—понятія о солнцѣ,—являются уже въ болѣе отвлеченномъ видѣ, нежели герои, какъ греческій Ахиллъ, которые будучи введены эпосомъ въ болѣе жизненныя историческія отношенія, тѣмъ легче могли сохранить въ своемъ характерѣ такія первобытныя черты миѳологическихъ представленій которыя эпическими пѣвцами были оставлены безъ развитія.

Къ такимъ чертамъ первобытнаго миѳа относитъ Шварцъ уязвимую *пяту* Ахилла, усматривая въ этой подробности ту же мысль что̀ въ хромотѣ Гефеста, въ пальцѣ Геркулеса, откушенномъ Немейскимъ львомъ, или пальцѣ который Орестъ

самъ себѣ откусилъ, когда его преслѣдовали черныя Эриніи, которыя послѣ того стали бѣлыми, далѣе, — въ уязвимыхъ подошвахъ ногъ индійскаго зміеубійцы Кришны, въ уязвимомъ пятнѣ на спинѣ германскаго зміеубійца Зигурды и т. п. Сюда же слѣдуетъ присовокупить скандинавское сказаніе о томъ какъ Торъ персносилъ Орвандиля черезъ ледяной потокъ въ кошелѣ, какъ Орвандиль, высунувъ изъ кошеля ногу, отморозилъ себѣ палецъ, — и наконецъ сербскія сказанія о томъ какъ дьяволъ вырвалъ у архангела клокъ мяса изъ-подъ стулни или Дукліянъ у Ивана Крестителя, и съ тѣхъ поръ у всѣхъ людей съ исподу стулни стала такая же выемка *.

Такое миѳическое увѣчье Шварцъ возводитъ къ темному преданью о томъ какъ Кроносъ серпомъ отрѣзалъ Урану его мужскую силу, отъ которой потомъ родилась въ морской пѣнѣ Афродита, а отъ пролитой при томъ крови—Эриніи и Гиганты и толкуетъ всѣ сказанные миѳы объ увѣчьи или ослабленіи силы наглядным представленіемъ объ ослабленіи или стиханіи грозы, послѣ того какъ столпившіяся тучи разрѣдятся грозою. Потому-то и белемниты называются въ народѣ то громовою стрѣлою, то *чортовымъ пальцемъ*; тѣмъ же самымъ объясняетъ Шварцъ и вышеприведенное выраженіе Швейцарцевъ—„лишить дьявола мужской силы“, сближая его съ миѳомъ объ увѣчьи Урана. Тотъ же родъ увѣчья, примѣненный къ женской натурѣ, мы встрѣчаемъ въ литовскомъ миѳѣ о богинѣ Лаумѣ, которая, отъ союза съ смертнымъ родивши мальчика, кормила его своею грудью, но разгнѣванный богъ отрѣзалъ ей сосцы, и, разнявъ ихъ на мелкія части, разсѣялъ по землѣ: это и есть чортовы пальцы или громовыя стрѣлки, которыя въ Литвѣ и доселѣ называются сосцами Лаумы (Laumes papas). Увѣчье, доходящее до лишенія мужской или женской силы, съ одной стороны, и отлавшій палецъ, называемый громовою стрѣлою—съ другой стороны, оправдываютъ толкованіе которое Шварцъ даетъ серпу, употребленному Кроносомъ въ увѣчьи Урана: это радуга. Литовская Лаума служитъ звеномъ соединяющимъ подробности миѳа. Радуга дѣйствительно приписывается въ Литвѣ той же Лаумѣ, какъ и громовыя стрѣлы: это ея *поясъ*, какъ и доселѣ называется ра-

* См. мои *Историч. Очерки*. I, 353. Вука Караджк. Срп. пѣсни II, 81—84. Безсонова *Калѣки Перехожіе*. III, 601 — 605.

дуга ло-литовски (Laumes justa), иначе поясъ небесный, и наконецъ—*небесный лукъ*, оружіе, соотвѣтствующее серпу Кроноса, и состоящее въ прямой связи съ *громовыми стрѣлками* *.

На общемъ преданьи объ увѣчьи, объясняемомъ грозою, Шварцъ возсоздаетъ первобытный миѳъ объ Ахиллѣ, предшествующій гомерическому типу этого героя. Высокую древность приписываетъ авторъ тому сказанію по которому мать Ахилла Ѳетида не только хотѣла своихъ дѣтей сдѣлать безсмертными, закаляя ихъ въ огнѣ (т. е. въ молніи), но и совсѣмъ ихъ сожигала въ немъ, какъ Кроносъ своихъ дѣтей поглощалъ. Крикъ Пелея спасъ Ахилла отъ сожженія, но кость отъ его пятки успѣла уже сгорѣть. Тогда Хиронъ выкалываетъ трупъ Дамиса, *быстрѣйшаго* изъ гигантовъ (какъ *быстроногій* Ахиллъ), и вставляетъ Ахиллу въ пятку кость этого гиганта. Въ послѣдствіи, когда Аполлонъ преслѣдовалъ Ахилла, у него изъ пятки выпала эта же самая кость, и если Гомеръ заставляетъ уже Париса смертельно ранить Ахилла въ пятку, то лодъ Парисомъ, какъ уже замѣтилъ и Преллеръ въ своей греческой миѳологіи (II, 308), надобно первоначально подразумѣвать Аполлона. Существенность этой черты увѣчья въ основномъ миѳѣ объ Ахиллѣ подтверждается, между прочимъ, и тѣмъ, что она, какъ наслѣдственная примѣта, какъ родимое пятно, дается и его матери. Именно къ Ѳетидіону, въ Ѳессаліи, пріурочивается сказаніе о томъ какъ божественный кузнецъ Гефестъ преслѣдовалъ своею любовью Ѳетиду, и когда не могъ ее догнать, бросилъ въ нее молотомъ и ранилъ именно въ пятку. Въ Ѳетидіонѣ она исцѣлилась, и самому урочищу дала свое имя. Такимъ образомъ изъ до-гомерической древности выступаетъ предъ нами первобытное божество Ахиллъ, рожденное отъ земли, какъ одинъ изъ гигантовъ, и кони его Ксантъ и Балій—тоже гиганты: Зефиру родила ихъ Гарпія Подарга на цвѣтущемъ лугу при волнахъ Океана. Къ могущественному покровительству гиганта — Ахилла прибѣгаетъ сама Гера, спасаясь отъ любовныхъ преслѣдованій Зевса, когда она еще не была супругою этого бога. Тотъ же божественный Ахиллъ, какъ первообразъ Кроноса, соединенный

---

* Шлейхера *Litauniса* стр. 31. *Черты изъ исторіи и жизни Лит. народа*, стр. 88.

узами брака съ Медеей, Ифигеніей или Еленой, продолжаетъ наслаждаться безсмертіемъ на островѣ блаженныхъ.

По теоріи Шварца, миѳъ о небесномъ явленіи въ послѣдствіи пріурочивается къ извѣстной мѣстности, *локализуется*, какъ, напримѣръ, представленіе о водахъ небесныхъ—къ той или другой рѣкѣ. Тогда выступаютъ на первый планъ уже мѣстныя, земныя отношенія дѣйствующихъ лицъ миѳа, который такимъ образомъ переходитъ уже въ мѣстное сказаніе, въ сагу. Чтобы не удаляться отъ того же ряда миѳовъ объ увѣчьѣ въ моментъ грозы, укажемъ на локализацію серпа, которымъ Кроносъ изувѣчилъ Урана. По одному сказанію, Кроносъ бросилъ или спряталъ этотъ серпъ на берегу Керкиры, первоначально Дрепанона, что̀ въ Сициліи. По другому сказанію тотъ же Дрепанонъ получилъ свое названіе будто-бы отъ серпа Деметры, которая бросила его на берегу Сициліи, когда отыскивала свою дочь Персефону, или Прозерпину. Этотъ серпъ будто-бы далъ ей самъ Гефестъ, чтобъ и самой жать и косить, и учить этому дѣлу Титановъ. Титаны, какъ Кроносъ или скандинавскій Одинъ, не иное что̀ какъ небесные косцы, и позднѣйшая сага пріурочиваетъ миѳическое орудіе къ извѣстному берегу Сициліи, на основаніи его *серповидной* формы, какъ у насъ подобная форма уподобляется луку въ словахъ *излучина* или эпическое *лукоморье*; и какъ въ Кроносовомъ серпѣ Шварцъ видитъ радугу, такъ въ Литвѣ это воздушное явленіе называется *лукомъ* небеснымъ, или у Нѣмцевъ дождевымъ (Regenbogen), согласно съ финскимъ миѳомъ о громовникѣ Ukko, вооруженномъ радугою съ громовыми стрѣлами.

V.

Я остановился на нѣкоторыхъ выдержкахъ изъ общеизвѣстной впрочемъ книги Шварца въ тѣхъ видахъ чтобы читателей неспеціалистовъ познакомить въ ориганалѣ съ тою теоріей миѳологіи природы которую довольно прочно водворилъ въ нашей ученой литературѣ г. *Аѳанасьевъ* своимъ богатымъ по содержанію сочиненіемъ: *Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу*, въ 3хъ томахъ, 1865 — 1869. Такое скромное названіе этого „опыта сравнительнаго изученія славянскихъ преданій и вѣрованій, въ связи съ миѳи-

ческими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ" — съ одной стороны объявляетъ что авторъ не имѣлъ притязанія на полную и округленную систему славянской миѳологіи, а съ другой даетъ намъ съ перваго разу понять что въ этомъ сочиненіи мы будемъ имѣть дѣло съ тѣми воззрѣніями на природу которыя Максъ Мюллеръ и другіе натуралисты миѳологіи полагаютъ въ основу своей теоріи, по которой уже въ самыхъ формахъ языка слѣдуетъ отыскивать зародыши миѳа, а въ народной поэзіи—его возсозданіе и дальнѣйшее развитіе. Достаточно сдѣлать нѣсколько выдержекъ изъ оглавленія этого сочиненій чтобъ убѣдиться съ какою строгою выдержанностью слѣдуетъ авторъ этой теоріи въ распредѣленіи своего обильнаго славяно-русскаго матеріала, который онъ неутомимо собиралъ по всевозможнымъ изданіямъ, изъ сборниковъ, мелкихъ монографій, изъ журнальныхъ статей, изъ губернскихъ вѣдомостей, и изъ множества другихъ затерянныхъ и забытыхъ источниковъ, которые онъ привелъ въ извѣстность, и расположилъ по рубрикамъ миѳологіи природы *. Самая

* А именно: I. Происхожденіе миѳа, методъ и средства его изученія. Слово и миѳъ. II. Свѣтъ и тьма. III. Небо и земля. IV. Стихія свѣта въ ея поэтическихъ представленіяхъ. V. Солнце и богиня весеннихъ грозъ. VI. Гроза, вѣтры и радуга.... Представленіе радуги лукомъ, дугою, аркою, серпомъ. VII. Живая и мертвая вода.... Напитокъ вдохновляющій поэтовъ; дождь. VIII. Ярило.... Представленіе молніи фаллюсомъ. IX. Илья-Громовникъ и огненная Марья. X. Баснословныя сказанія о птицахъ. XI. Облако-летучій корабль и громовой плугъ. XII. Баснословныя сказанія о звѣряхъ. Кони Солнца и Зари, Дня и Ночи. XIII. Небесныя стада: представленіе тучъ дойными коровами... Дождь и роса—молоко. XIV. Собака, волкъ и свинья XV. Перунъ. XVI. Вода: тучи—небесные колодцы, облачное небо—Океанъ... Островъ Буянъ—райская страна. XVII. Древо жизни и лѣсные духи: дождевая туча — древо жизни. XVIII. Облачныя скалы и Перуновъ цвѣтъ.... Тучи—города и крѣпости. XIX. Преданія о сотвореніи міра и человѣка. XX. Змѣй—олицетвореніе молніи... Змѣй пожиратель коровъ и дѣвъ. XXI. Великаны и карлики... всемірный потопъ... превращеніе великановъ въ камни... молнія—палецъ. XXII. Нечистая сила. XXIII. Облачныя жены и дѣвы: облака—женскія груди. Русалки... лебединыя дѣвы. XXIV. Души усопшихъ. XXV. Дѣвы судьбы. XXVI. Вѣдуны, вѣдьмы, упыри и оборотни. XXVII. Процессы о колдунахъ и вѣдьмахъ. XXVIII. Народные праздники: времена года... народный дневникъ... праздникъ весны... Купало, Кострома

свѣжесть и молодость славянской народности легко прилагалась къ теоріи первобытныхъ воззрѣній вѣдійскаго міросозерцанія, и авторъ на этомъ пути, по самому существу предмета—легко достигалъ, если не всегда истины, то большой вѣроятности; впрочемъ онъ не отвѣтчикъ за теорію и за сравнительные выводы, которые бралъ открыто и добросовѣстно изъ чужихъ рукъ, и если увлекался въ излишне усердномъ проведеніи теоріи воззрѣній на природу до такимъ подробностямъ быта и вѣрованій которыя вовсе не подходятъ подъ эту теорію, то и въ самыхъ увлеченіяхъ только слѣдовалъ вѣрно за своими западными учителями, со взглядами которыхъ я старался познакомить читателей. Все же то что̀ лежало на личной отвѣтственности автора, весь этотъ добросовѣстный трудъ въ собираніи неистощимо богатаго славяно-русскаго матеріала, составляетъ существенное и неоспоримое достоинство сочиненія, которое, благодаря этому качеству, надолго останется справочною книгой для всякаго занимающагося русскою народностью.

Пользуясь хорошими руководителями западной науки, г. Аѳанасьевъ усвоилъ себѣ вѣрный тактъ въ пониманіи и группированіи фактовъ народной поэзіи и преданій. Непонятно какъ послѣ его сочиненія возможны еще въ литературѣ такіе ненаучные, отсталые взгляды образцикъ которыхъ предложилъ недавно г. Костомаровъ въ своей статьѣ о великорусской народной поэзіи, по поводу сборника пѣсенъ г. Шейна. * Призываніе солнца и дождя въ дѣтскихъ пѣсняхъ, основанное, безъ сомнѣнія, на тѣхъ же первобытныхъ воззрѣніяхъ на природу, которымъ г. Аѳанасьевъ посвятилъ столько труда,—этотъ древнѣйшій мотивъ, проходящій по дѣтскимъ пѣснямъ чуть ли не всѣхъ европейскихъ народовъ ** и распространенный далеко

Ярило... Коляда.—Этою главой въ 3мъ томѣ оканчивается сочиненіе, прерванное, къ великой потерѣ для русской ученой литературы, преждевременною смертію трудолюбиваго автора. — Въ выдержкахъ изъ оглавленія читатели благоволятъ усмотрѣть тѣ взгляды и выводы съ которыми они уже частію познакомились въ изложенной мною теоріи миѳологіи природы, по Максу Мюллеру, Куну и Шварцу.

*Въ *Вѣстникѣ Европы* 1872 года № 6.

** *Rochholz, Alemannisches Kinderlied und Kinderspiel aus der Schweiz.* 1857, стр. 191—192. Bolza, *Canzoni popolari Comasche.* 1867; въ *Heidelb. Jahrb.* 1867, стр. 178 и слѣд., см. рецензію Либрехта,

за предѣлы народностей индо-европейскихъ, г. Костомаровъ называетъ только *дѣтскою болтовнею*, какъ кажется на томъ основаніи что призываніе это сопровождается разными дѣйствительно болтливыми прибаутками. * Историкъ Русскаго народа умѣлъ оцѣнить старинную заплату въ одной изъ великорусскихъ дѣтскихъ пѣсенокъ, поющихся и теперь: „Сквозь эту дѣтскую болтовню, говоритъ онъ, проглядываютъ слѣды древняго времени, въ одной, напримѣръ, дѣтской пѣсни встрѣчаемъ *тіуна*.“ Но и тіунъ, и многое другое изъ русской старины могло войти и удержаться въ пѣснѣ потому что самая пѣсня сложилась гораздо прежде этой мѣстной старины, которая въ свое время была еще новизною и налагала новыя заплаты на древнюю ткань, и какъ у насъ и до сихъ поръ дѣти боятся еще *тіуна*, такъ въ неаполитанскомъ населеніи дѣти же призываютъ солнышко обогрѣть *императора*, память о которомъ застряла въ ихъ дѣтской болтовнѣ, можетъ-быть, отъ временъ Фридриха II или Барбароссы, которому по берегамъ Неаполитанскаго залива народная молва приписываетъ разныя развалины. Что же касается до миѳологическаго смысла обращенія дѣтей къ солнцу, то это такая старая матерія, о которой, какъ русскому историку хорошо извѣстно, еще путешественникъ Олеарій слышалъ отъ гренландскихъ матерей, какъ именно ихъ дѣти, обращаясь къ солнцу, плачутъ, когда оно взошло ясно. **

Столько же странно отсутствіе всякаго научнаго такта и въ томъ что̀ г. Костомаровъ говоритъ о надгробныхъ причитаньяхъ или заплачкахъ изданныхъ въ сборникѣ г. Шейна. „Здѣсь, говоритъ онъ, точно такъ же, какъ и въ южно-русскихъ пѣсняхъ, поражаетъ насъ отсутствіе всякаго намека на христіанское понятіе о будущей жизни.“ „Главная тема причитаній, продолжаетъ онъ, свое собственное горе, котораго боится особа произносящая причитанье, вслѣдствіе смерти дорогаго лица. Замѣчательно недовѣрчивое и какъ бы враждебное отношеніе

который между прочимъ указываетъ на распространеніе по всей Европѣ другой дѣтской болтовни въ обращеніи къ улиткѣ, съ просьбою чтобы она высунула рога. Призыванія дѣтьми солнца у романскихъ и германскихъ народовъ см. у Шнеллера. *Märchen und Sagen aus Wälschtirol*, 1867, и рецензію на эту книгу Рейнсберга-Дюрингсфельда въ *Jahrbuch für roman. u. englische Lit.* 1867, стр. 344.

* *Вѣстникъ Европы* 1872 года, № 6, стр. 540.

** По переводу г. Барсова см. II, 154.

къ оставшимся живымъ." * Напротивъ того, гораздо замѣчательнѣе, мнѣ кажется, то что такія вещи говорятся въ нашей печати какъ разъ въ то самое время, когда г. Барсовъ ** въ своемъ драгоцѣнномъ изданіи предлагаетъ публикѣ цѣлый рядъ превосходныхъ поэмъ надгробнаго плача, которыя бьютъ ключомъ изъ неизсякаемыхъ источниковъ народной поэзіи, съ ея старобытными воззрѣніями, и въ своемъ широкомъ эпическомъ теченіи захватываютъ всѣ жизненные интересы, чуть ли не до вчерашняго дня. Откровенное, довѣрчивое отношеніе этого плача къ окружающей толпѣ, въ которой онъ ищетъ себѣ сочувствія, это гуманное безкорыстіе скорби, къ которой призываются всѣ и каждый, эти размашистые, широкіе очерки жизни и природы, въ обстановкѣ которыхъ сокращается личное горе, смиряясь предъ величіемъ Божьяго творенія и судьбы, эти переливы взволнованнаго чувства отъ тихой печали и умиленія сокрушенной души до криковъ отчаянія, которые наконецъ умолкаютъ предъ лицомъ смерти, внушающей идею о судѣ и правдѣ: все это до такой степени противорѣчитъ тупому эгоизму и такой же тупой враждѣ, которыми г. Костомаровъ характеризуетъ великорусскія причитанья что этотъ случай въ нашей ученой литературѣ можно цитовать какъ поучительный примѣръ опрометчиваго обобщенія, выведеннаго изъ слишкомъ ограниченнаго числа данныхъ. Не вина г. Шейна что онъ напечаталъ нѣсколько экземпляровъ менѣе удачныхъ причитаній: все что̀ живетъ въ народѣ должно быть приведено въ извѣстность. Но зачѣмъ было г. Костомарову спѣшить выводомъ?

Но возвратимся къ сочиненію г. Аѳанасьева, которое вообще рекомендуемъ внимательно читать всякому кто хочетъ усвоить себѣ болѣе правильный взглядъ на народность. Несмотря на бѣдность нашей ученой литературы, и такія крупныя въ ней явленія, какъ это сочиненіе, оказываютъ вліянія меньше нежели сколько бы слѣдовало ожидать. Примѣръ тому можно привести изъ недавно вышедшей книги г. Старо-

---

* *Вѣстникъ Европы*, тамъ же, стр. 584 и 585.

** *Причитанья сѣвернаго края*, собранныя Барсовымъ. 1872. По вопросу о будущей жизни, какъ она понимается въ причитаньяхъ, см. статью Покровскаго, по поводу этого сборника г. Барсова, въ *Православномъ Обозрѣніи* 1872 № 7.

женки, * въ которой, по поводу происхожденія средневѣковаго театра, говорится о разныхъ народныхъ обычаяхъ и играхъ, и между прочимъ объ англійскомъ обрядѣ съ лнемъ наканунѣ Рождества. „Послѣ захода солнца, говоритъ авторъ, молодежь, состоящая изъ членовъ семейства, прислуги и немногихъ близкихъ, съ пѣснями и музыкой вносила въ домъ огромный пень и сваливала его посрединѣ залы. Каждый изъ членовъ семейства долженъ былъ сѣсть на немъ, пропѣть пѣсню (Jule song) и вылить стаканъ элю въ честь великаго праздника. Послѣ этого полѣно разрубали на части, клали на самый большой каминъ, который въ старину находился всегда посрединѣ комнаты, и зажигали кускомъ дерева, сбереженнымъ отъ прошлаго года.“ Итакъ, это не что̀ иное какъ хорошо извѣстный Славянамъ сербскій обычай *бадняка* (какъ называется самый пень), соединяющійся у Болгаръ съ первобытнымъ обрядомъ вытиранія живаго огня, и авторъ *Предшественниковъ Шекспира*, хотя бы ради ясности для русскихъ читателей, непремѣнно упомянулъ бы о славянскомъ баднякѣ, еслибы справился съ сочиненіемъ г. Аѳанасьева. **

Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить что сочиненіе это оказало значительное вліяніе на одно очень важное изслѣдованіе по русской народной поэзіи, которое по своей основательности и полнотѣ далеко оставляетъ за собою все что̀ по этому предмету было у насъ писано. Я разумѣю книгу профессора Миллера *Илья Муромецъ и богатырство Кіевское*, 1869. *** По теоріи миѳологіи природы, авторъ усматриваетъ въ первоначальной основѣ нашихъ богатырскихъ типовъ миѳическія воззрѣнія на природу и характеризуетъ эти типы какъ божества свѣта въ ихъ борьбѣ съ мракомъ. Лѣса, горы и рѣки нашего эпоса онъ возноситъ на небо, и въ похожденіяхъ русскихъ богатырей ему чудятся первобытные подвиги нашихъ Перуновъ и Свароговъ, совершаемые тамъ высоко и далеко отъ Кіева и Новагорода, въ воздушныхъ заоблачныхъ пространствахъ. Конечно, если въ нашемъ богатырствѣ удержались ранніе

---

* *Предшественники Шекспира* 1872, стр. 8.

** *Поэтич. воззрѣнія Славянъ на природу* III, 733—739.

*** См. мою рецензію этой книги въ *Журналѣ Министр. Народн. Просвѣщ.* за 1871, и мой отзывъ въ Отчетѣ о XIV присужденіи наградъ графа Уварова.

элементы миѳологическіе, то приложеніе къ нему теоріи о миѳологіи природы будетъ имѣть столько же смыслу, какъ и приложеніе ея, въ книгѣ Шварца, къ сказаніямъ греческимъ и германскимъ. Но прежде чѣмъ внесены были эти сказанія подъ рубрики новой сравнительной теоріи, они были до мельчайшихъ подробностей разобраны исторически, особенно сказанія греческія, и мѣстное пріуроченіе или локализація миѳовъ о Кадмѣ и Ѳивахъ, о Ѳетидѣ и Ахиллѣ, о Гераклидахъ и Пелопидахъ и т. п., было уже давнымъ давно опредѣлено и доведено до ясности. Миѳологіи природы предоставлялось только подвести готовыя мѣстныя саги подъ общія рубрики воззрѣній на природу, чтобъ обобщить преданіемъ древне-арійскимъ разнообразіе греческой жизни и ея миѳологіи и поэзіи. Напротивъ того нашъ богатырскій эпосъ еще такъ мало изслѣдованъ въ отношеніи историческомъ и мѣстномъ, еще такъ мало указано наукою точекъ соприкосновенія его съ лѣтописью и родною землей, еще такъ мало обращено было вниманія на его *локализацію*, въ томъ смыслѣ, какъ локализуетъ греческіе миѳы Шварцъ, что только этимъ въ высшей степени важнымъ пробѣломъ въ изученіи русскихъ эпическихъ преданій слѣдуетъ объяснить возможность появленія въ нашей печати вовсе не научной гипотезы г. *Стасова* о томъ что нашъ богатырскій эпосъ, не имѣя себѣ въ русской жизни ни историческихъ, ни мѣстныхъ источниковъ, есть не что иное какъ неумѣлая, плохая передѣлка татарскихъ оригиналовъ. При такомъ состояніи науки, профессору Миллеру слѣдовало обратить преимущественное вниманіе не столько на миѳологію природы, которая сама собою явствуетъ въ сравнительномъ изученіи сказокъ всего земнаго шара, сколько на историческое и мѣстное пріуроченіе нашихъ эпическихъ миѳовъ. Онъ это вполнѣ чувствовалъ, почему и далъ своему сочиненію другое общее заглавіе: „Сравнительно критическія наблюденія *надъ слоевымъ составомъ* народнаго русскаго эпоса“—гдѣ подъ слоями надобно разумѣть и ту локализацію миѳа, которая изъ темной области миѳологіи выводитъ преданіе на историческую дорогу; но вмѣсто цѣлыхъ сотенъ томовъ по этому предмету въ отношеніи эпическихъ сказаній Греціи и Германіи, которые имѣли предъ собою Шварцъ или Уландъ,—г. Миллеръ, кромѣ кое-гдѣ оброненныхъ случайно немногихъ замѣтокъ, нашелъ для себя въ этомъ дѣлѣ только одного предшественника въ г. Майковѣ, диссертація

котораго объ историческомъ содержаніи нашего эпоса только въ настоящее время оцѣнена по достоинству.

Чѣмъ менѣе развита какая народность исторически, тѣмъ очевиднѣе въ ея поэзіи слѣды первобытныхъ миѳическихъ воззрѣній на природу. Коротенькія *литовскія* и *латышскія* пѣсенки, воспѣвающія миѳическую свадьбу мѣсяца или похожденія солнцевой дочери, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, еще и до сихъ поръ стоятъ на первобытной ступени вѣдійскихъ гимновъ, будто окаменѣлые осколки древне-арійскаго быта. * Но это пѣсни только лирическія, древнѣйшій слой народной поэзіи, состоящій въ связи съ самыми ранними обычаями и обрядами. Другой народъ, населяющій предѣлы нашего отечества, столько же первобытный, какъ и Литва, возсоздалъ свою миѳологію уже въ обширномъ циклѣ эпическихъ сказаній (рунъ). Это *Финны* съ своею *Калевалою*. Все существенное содержаніе этой поэмы исчерпывается миѳологіей природы, соотвѣтственно исконному коснѣнію самой жизни финскихъ племенъ, не успѣвшихъ дать историческое наслоеніе своимъ первобытнымъ миѳамъ о борьбѣ свѣта съ тьмою и о зарожденіи раннихъ начатковъ культуры, которое возводится къ космогоническому преданію о твореніи всего міра.

Что касается до русскаго богатырскаго эпоса, то онъ уже очень рано былъ оторванъ отъ своей миѳической основы и подчинился историческому и мѣстному пріуроченію въ лицѣ кн. Владиміра и его богатырей, отмѣченныхъ разными мѣстностями нашего отечества. Въ опредѣленіи эпическаго цикла греческихъ преданій филологи не могли довольствоваться даже такими всеобъемлющими поэмами, какъ *Иліада* и *Одиссея*, и отыскивали миѳы и сказанья у Геродота и другихъ историковъ, въ древнихъ схоліяхъ и комментаріяхъ, въ мѣстныхъ разказахъ и во многихъ другихъ источникахъ, какъ древнѣйшихъ, такъ и позднѣйшихъ, и всѣми этими источниками, иногда и довольно скудными, они признавали вовсе не лишнимъ восполнять и безъ того широкое теченіе Гомеровыхъ пѣсенъ, единственно съ тою цѣлью чтобъ возсоздать эпическое преданіе Греціи во всей его полнотѣ, и этимъ путемъ точнѣе объяснить его

* См. изданіе латышскихъ пѣсенъ Спрогиса, Вильна, 1868, стр. 298 и слѣд; литовскихъ—сборникъ Юшкевича, въ приложеніи къ XII тому *Записокъ Академіи Наукъ* 1867; сборникъ Фортунатова и Миллера въ *Извѣстіяхъ Московск. Университ.* за 1872.

подробности. Такъ и русскій эпосъ живетъ не въ одной только стихотворной формѣ устныхъ былинъ. Слѣды его явственны и въ мѣстныхъ преданіяхъ, которыми запечатлѣны урочища, напримѣръ, въ Муромѣ, преданіями объ Ильѣ-Муромцѣ, и въ легендахъ или житіяхъ нѣкоторыхъ святыхъ, напримѣръ, новгородскихъ, муромскихъ, и въ лѣтописныхъ сказкахъ, начиная отъ Несторовыхъ о перевощикѣ Кіѣ и древлянскомъ князѣ Малѣ, до рязанской сказки о Коловратѣ, ростовской о богатырѣ Александрѣ Поповичѣ, или суздальской о городѣ Кидежѣ. Лѣтописи, смотря по времени ихъ происхожденія, не одинаково относятся къ народному эпическому матеріалу: древнѣйшія, какъ Несторова, Волынская, Переяславская, Новгородская— еще служатъ для него источникомъ, предлагая развѣтвленіе эпическаго преданія на нѣсколько отдѣльныхъ потоковъ, которые частію входятъ и въ то эпическое содержаніе которое усвоено было стихотворными былинами. Лѣтописи позднѣйшія, по давнему убѣжденію въ историчности народнаго эпоса, уже сами пользуются былинами, какъ источникомъ, и окружаютъ историческаго князя Владиміра былинными богатырями, дѣлая имъ систематическій перечень, который уже самъ собою говоритъ объ очень позднемъ литературномъ пріемѣ, какъ это можно видѣть въ *Степенной Книгѣ* или въ *Лѣтописи* Никоновской. *

Мнѣ кажется, это отличіе между сырымъ эпическимъ матеріаломъ лѣтописей древнихъ и систематическимъ выборомъ изъ былинъ въ лѣтописяхъ позднихъ непремѣнно надобно имѣть въ виду чтобы не вдаться въ тѣ увлеченія, которыхъ не избѣжалъ г. Квашнинъ-Самаринъ въ своемъ изслѣдованіи *о русскихъ былинахъ въ историко-географическомъ отношеніи*. ** Авторъ слишкомъ довѣрчиво относится къ эпическому матеріалу раннихъ лѣтописей, признавая его за историческую истину, а въ перечняхъ Владиміровыхъ богатырей — въ лѣтописяхъ позднѣйшихъ, видитъ онъ не только свидѣтельства объ историческихъ личностяхъ, но даже свидѣтельства древнѣйшія, которыя почему-то не вошли въ Нестора и случайно уцѣлѣли въ позднѣйшихъ памятникахъ. Во всякомъ случаѣ изслѣдованіе это предлагаетъ нѣсколько дѣльныхъ дополненій

* Выдержки изъ лѣтописей см. у Бестужева-Рюмина, *О составѣ русск. лѣтоп.*, въ Приложеніи.

** Въ *Бесѣдѣ* за 1871, № 4.

къ рѣшенію вопроса о локализаціи и слоевомъ, историческомъ составѣ нашего эпоса, и по своему направленію, исключительно историческому, имѣетъ въ нашей ученой литературѣ свой смыслъ, поскольку возбуждаетъ сомнѣніе въ гипотезѣ миѳологіи природы, которой профессоръ Миллеръ въ своей книгѣ далъ мѣста больше нежели сколько бы слѣдовало.

Если теорія усвоенная г. Аѳанасьевымъ встрѣчаетъ немалыя препятствія въ приложеніи ея къ богатырскому эпосу, то тѣмъ болѣе она оказывается примѣнимою къ разработкѣ древнѣйшихъ основъ ранней бытовой лирики, въ пѣсняхъ, хороводахъ и обрядахъ, пріуроченныхъ къ народной годовщинѣ, къ народнымъ праздникамъ и къ обычному обиходу народной жизни, начиная отъ пѣсень дѣтскихъ, чрезъ свадебныя, и до надгробныхъ причитаній. Какъ г. Миллеръ, можетъ-быть, впалъ въ нѣкоторыя крайности, пользуясь изслѣдованіемъ г. Аѳанасьева, такъ г. Безсоновъ, * какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, не желая знать этого изслѣдованія, впрочемъ передающаго результаты современной науки, вдается въ одностороннее объясненіе народныхъ годовщинъ, сосредоточивая, напримѣръ, купальскій обрядъ къ миѳу о Кибелѣ, причемъ онъ, желая быть вполнѣ самостоятельнымъ, не обращаетъ никакого вниманія на изслѣдованіе пользующееся такою громкою извѣстностью, каково Адальберта Куна *О низведеніи огня и напиткѣ боговъ*.

VI.

По мѣрѣ того какъ сравнительная наука расширяла область сравниваемыхъ народностей, а вѣдисты углублялись въ первобытныя основы вѣрованій и обычаевъ, изслѣдователи, въ виду богатыхъ матеріаловъ, собираемыхъ путешественниками по лицу всей земли, естественно должны были придти къ мысли о необходимости сличить данныя добытыя изъ лингвистическихъ работъ надъ народностями историческаго міра, народностями семитическими и индо-европейскими, съ данными изъ быта дикарей Стараго и Новаго Свѣта, чтобы такимъ образомъ первобытность доисторической картины всего рода человѣческаго провѣрить первобытностью нравовъ, въ которой и

* Въ примѣчаніяхъ къ изданію *Бѣлорусскихъ пѣсенъ*, Москва, 1871.

доселѣ коснѣютъ дикари. Оказалось что сказки Готтентотовъ * или дикаго племени Зулу ** представляютъ столько же сродства со сказками нѣмецкими или славянскими, какъ и сказки кавказскихъ горцевъ, *** что миѳологія краснокожихъ Американцевъ предлагаетъ столько же существеннаго по вопросу о происхожденіи миѳологіи даже на классической почвѣ Греціи, какъ и финская *Калевала*, **** а грубый бытъ современныхъ намъ дикарей не только объясняетъ доселѣ остававшіяся необъяснимыми правдивыя сказанія Геродота о современныхъ ему варварахъ Стараго Свѣта, но и ведетъ къ уразумѣнію тѣхъ доисторическихъ переворотовъ въ семьѣ и родѣ-племени которыхъ слѣды въ классической жизни, миѳологіи и поэзіи открываютъ филологи. †

Еще братья Гриммы пользовались этою первобытною областью дикихъ народностей для сравнительнаго изученія миѳологіи и сказаній индо-европейскихъ, и особенно сказокъ. Понятно что такіе энциклопедисты въ сравнительной наукѣ какъ Феликсъ Либрехтъ, который какъ трудолюбивая пчела со всего міра собираетъ сходные между собою поэтическіе пріемы и миѳическія воззрѣнія и нанизываетъ ихъ на одну общую нить, постоянно должны обращаться къ этой богатой области для полноты своихъ сближеній. Но что особенно замѣчательно—и сами вѣдисты, ограничивающіе науку строгими лингвистическими и филологическими основаніями, не только не пренебрегаютъ этою областью, потому что не могутъ ее разрабатывать лингвистически, но и удѣляютъ ей часть своего вре-

---

* Felix Liebrecht, „Hottentotische Märchen“, въ журналѣ Lazarus und Steinthal, *Zeitschrift für Volkspsychologie und Sprachwissenschaft*, 1867, стр. 58 и слѣд.

** Max Müller, „Ammengeschichten der Zulus“, въ его *Essays*, II, стр. 186.

*** Въ *Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ*, четыре тома, Тифлисъ, 1868—1870.

**** Шварцъ для миѳологіи греческой и германской между прочимъ пользуется сочиненіемъ Миллера: *Geschichte der Amerikan. Urreligionen*, Basel, 1855.

† См. сочиненія Бахофена, о которыхъ будетъ рѣчь впереди. Waitz, *Antropologie der Naturvölker*, 1859 и слѣд. Tylor, *Researches into the early history of mankind*, 1865. Его же, *Primitive culture*, 1871. Лебока, *Начало цивилизаціи и первобытное состояніе человѣка*, въ русск. пер., Спб., 1871.

мени, столь дорогаго для открытій по древне-арійской древности. Когда въ 1861 году аббатъ Brasseur de Bourbourg издалъ *Popol Vuh* (священная книга и миѳы американской старины), Максъ Мюллеръ въ 1862 году составилъ объ этой книгѣ статью, въ которой касается любопытныхъ подробностей о гіероглифахъ, миѳологіи и космогоніи Индійцевъ центральной Америки. И въ послѣдствіи знаменитый вѣдистъ не оставлялъ безъ вниманія этого вопроса по сравнительному изученію, и въ 1865 году напечаталъ монографію о нравахъ и обычаяхъ дикарей, въ которой съ уваженіемъ отзывается о Тайлорѣ, Макъ-Леннанѣ, Лацарусѣ и другихъ ученыхъ по этому предмету. * Ясно что когда рѣчь идетъ о первобытности нравовъ, обычаевъ и воззрѣній, то вѣдисты не могутъ обойти своимъ вниманіемъ того что̀ въ дикомъ варварствѣ, можетъ-быть, еще предшествуетъ маститой давности арійскихъ *Вѣдъ*. Впрочемъ, такъ какъ наука еще не успѣла разработать самые языки дикарей, то этотъ предметъ, досель нуждающійся въ лингвистическихъ основаніяхъ, наука полагаетъ возможнымъ спасти отъ дилеттантской охоты до куріозовъ, съ одной стороны, вопросомъ объ *антропологіи* вообще, какъ это дѣлаетъ Вайцъ, съ другой—вопросомъ философскимъ, о такъ-называемой *психологіи народной*, которой посвящаютъ свой журналъ Лацарусъ и Штейнталь.

Говоря о первобытномъ состояніи народовъ индо-европейскихъ въ ихъ доисторическихъ зародышахъ, открываемыхъ въ языкѣ и текстахъ арійскихъ *Вѣдъ*, мы нашли во всѣхъ языкахъ этихъ народовъ глубоко вкоренившееся преданіе о семьѣ съ ея родственными развѣтвленіями, а въ основѣ миѳологическихъ воззрѣній на природу, слѣдуя Максу Мюллеру и другимъ лингвистамъ, мы усмотрѣли исконное у всѣхъ этихъ народовъ чествованіе свѣта, неба и солнца въ ихъ борьбѣ съ мракомъ и зловредными крайностями температуры: съ холодомъ и палящимъ зноемъ. При этомъ было обращено вниманіе на противорѣчія между намѣченными въ языкѣ принципами семейнаго благоустройства и между семейною неурядицей дѣйствующихъ лицъ въ миѳѣ, которая постоянно нарушаетъ эти принципы.

Обращаясь къ дикарямъ Стараго и Новаго Свѣта и сближая свѣдѣнія доставленныя путешественниками со свидѣтель-

* *Essays* I, 272, II, 223.

ствами древнихъ писателей, и особенно Геродота, мы открываемъ многія данныя которыя можно признать болѣе первобытными, нежели тѣ которыя сравнительная лингвистика извлекаетъ изъ самыхъ раннихъ свидѣтельствъ о первоначальномъ бытѣ и вѣрованіяхъ народовъ индо-европейскихъ. Эти народы, еще въ своей азіятской прародинѣ, достигли нѣкоторой степени культуры и потому вышли уже и тогда изъ первобытнаго состоянія дикости, между тѣмъ какъ бытъ и религія дикарей представляютъ намъ цѣлый рядъ ступеней, по которымъ человѣчество отъ скотскаго расположенія рода-племени постепенно восходило до строя семейнаго и общественнаго и отъ жестокихъ нравовъ звѣролововъ до земледѣльческой культуры, причемъ — соотвѣтственно образу жизни — слагались и развивались самыя понятія нравственныя и вмѣстѣ съ тѣмъ миѳологическія воззрѣнія.

Не имѣя намѣренія входить въ подробности этнографіи дикарей, я коснусь только нѣкоторыхъ выводовъ, необходимыхъ для моей цѣли. Въ противоположность вполнѣ развитой семейной терминологіи языковъ индо-европейскихъ (*отецъ*, *мать*, *сынъ*, *дочь*, *зять*, *свекоръ* и т. д.), основанной на точномъ понятіи о бракѣ, языки самыхъ грубыхъ дикарей, напримѣръ, на Сандвичевыхъ островахъ, вовсе не имѣютъ словъ для понятій о сынѣ и дочери, мужѣ и женѣ, и называютъ одними и тѣми же общими словами, соотвѣтствующими нашимъ *дитя* и *женщина*: первымъ безразлично — и *сына* и *племянника*, а вторымъ—и *жену* и *золовку* и вообще *сестру*. Этотъ кругъ понятій соотвѣтствуетъ тому скотскому нарожденію племенъ, въ которомъ не можетъ быть вопроса о различіи между братомъ и сестрою или между родителями и ихъ дѣтьми. На низшей ступени племеннаго нарожденія—дитя принадлежитъ не отцу и не матери, а всему племени. Первое юридическое опредѣленіе въ семьѣ обнаруживается отношеніемъ раждающей къ своимъ дѣтямъ. Чувство матери пробуждается ранѣе нежели чувство отца. На этой, второй ступени — дѣти принадлежатъ только матери, потому что могутъ быть и отъ разныхъ отцовъ, и наконецъ уже на болѣе высшей ступени—отецъ признаетъ того или другаго изъ нарожденныхъ въ племени дѣтей своимъ ребенкомъ, какъ наивно повѣствуетъ Геродотъ объ Эѳіопскихъ Аусеянахъ: „Когда дитя, рожденное отъ какой-либо женщины, подростетъ, тогда мущины въ собраніи своемъ, которое бываетъ черезъ каждые три мѣсяца, признаютъ его ребенкомъ того изъ нихъ

на кого онъ больше похожъ" (IV, 180). На этой ступени признанія отцомъ своего ребенка составился куріозный обычай, извѣстный до послѣдняго времени во Франціи подъ именемъ *la couvade* (faire la couvade) и состоящій въ томъ что когда у жены родится ребенокъ, то на постель родильницы ложится не она, а ея мужъ, и притворяется больнымъ. * Что обычай этотъ, несмотря на кажущуюся съ перваго взгляда его нелѣпость, имѣетъ существенное значеніе въ культурномъ отношеніи, видно уже изъ повсемѣстнаго его распространенія между народами Стараго и Новаго Свѣта. Новѣйшіе путешественники видали его у дикарей американскихъ, а изъ древнихъ писателей—Діодоръ Сицилійскій указываетъ его въ Корсикѣ, Аполлоній Родосскій—на Черномъ Морѣ (Argonaut II, 1009 — 1014), наконецъ, Страбонъ у Иберійцевъ сѣверной Испаніи (III, 4, 17)—драгоцѣнное свидѣтельство, указывающее на глубокую давность этого обычая, до позднѣйшаго времени удержавшагося на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, именно въ Испаніи, у Васковъ, въ Бискайи, и въ южной Франціи, въ Пиренеяхъ. Въ XIII вѣкѣ Марко Поло встрѣтилъ тотъ же обычай у одного изъ племенъ въ Китаѣ, а средневѣковая стихотворная повѣсть, или fabliau, повѣствуетъ какъ нѣкоторый король въ мукахъ родильницы лежитъ на постели (un lit et en couche), и какъ его гонятъ съ нея палкою, чтобъ онъ и самъ того не дѣлалъ и запретилъ бы дѣлать и другимъ во всемъ своемъ королевствѣ. Этотъ обычай, возведенный въ народностяхъ до обрядности, Тайлоръ объясняетъ тою мыслію что отношеніе отца къ его ребенку—не простое родство, но болѣе тѣсная физическая связь, выражаемая въ обрядѣ какъ бы болѣзнію самого отца, который будто бы на самомъ дѣлѣ разрѣшился отъ бремени. Къ этому слѣдуетъ прибавить что la couvade относится въ исторіи культуры именно къ тому періоду уже значительно развитаго семейнаго строя, когда мужъ не предъявилъ еще своего преобладающаго предъ женою господства надъ дѣтьми, когда онъ вполнѣ раздѣляетъ съ нею свой авторитетъ, и до того близко относится къ раждающемуся ребенку что уже въ самый моментъ рожденія признаетъ его своимъ, какъ бы раздѣляя съ родильницею ея муки. Геродотъ указываетъ только на

* Что вѣдійская лингвистика не чуждается и такихъ этнографическихъ куріозовъ, какъ *la couvade*, укажу на того же Макса Мюллера, который, слѣдуя Тайлору, входитъ въ подробности этого обычая, *Essays*. II, 244—247.

кажущіяся, фиктивныя причины, по которымъ отецъ признавалъ свое дѣтище; la couvade даетъ знать всѣмъ и каждому о полномъ убѣжденіи отца въ законномъ отъ него происхожденіи раждаемыхъ его женою дѣтей. Усыновленіе совершается не по совѣщанію мірской сходки, а въ самыхъ нѣдрахъ семьи, на болѣзненномъ одрѣ родильницы.

Если отношенія между дѣйствующими лицами въ миѳахъ позволительно объяснять принятыми въ самой жизни отношеніями семейными и общественными, то супружескія пары, составленныя изъ братьевъ и сестеръ, каковы Зевсъ и Гера, Фаунъ и Фауна, Сатурнъ и Опсъ, Океанъ и Ѳетида, шесть сыновей Эола и ихъ шесть сестеръ — будутъ вполнѣ соотвѣтствовать тому первобытному періоду, когда семья еще не выдѣлилась изъ нарождающагося племени, такъ что этимъ парамъ классической миѳологіи можно предпослать болѣе согласные съ бытомъ браки между братьями и сестрами въ миѳологіи американскихъ дикарей. * Что же касается до супруги Озириса, Изиды, то — будто по обычаю самаго грубаго быта—она ему не только сестра, но и дочь, даже мать.

По русскимъ былинамъ богатырь обыкновенно остается сиротою, безъ отца, при вдовѣ матери. „Матера вдова“ это общее мѣсто былинъ, которымъ удобно заслоняется отъ слушателей ламять объ отцѣ. Собственно говоря, былина не знаетъ и не хочетъ знать ничего объ отцѣ богатыря, и если говоритъ что онъ жилъ-былъ и послѣ вѣку долгаго переставился, то только для того чтобъ объяснить почему мать героя былина называетъ матерою вдовою. Въ большинствѣ случаевъ, богатырь не знаетъ своего отца или мало его помнитъ, и тѣмъ больше чествуетъ свою мать. Тѣ же отношенія героевъ къ матерямъ встрѣчаемъ въ эпической поэзіи и прочихъ славянскихъ племенъ, особенно у Сербовъ и Болгаръ. Выше и святѣе матери Сербъ не знаетъ ничего на землѣ. Лучшаго привѣтствія онъ не умѣетъ сказать своему знакомому, какъ пожелать чтобъ жива была его мать. Это та радостная для человѣка мысль, которая надѣляетъ въ славянскихъ пѣсняхъ юнаго героя не отцомъ, а матерью. Сочувствуя тому кто ра-

*I. Müller, *Geschichte der Amerikan. Urreligionen* 267, 306. Миѳы о кровосмѣшеніи дѣтей съ родителями см. Julius Braun, *Naturgeschichte der Sage* 1864, въ указателѣ подъ рубриками: „Vermälung eines Vaters mit der eigenen Tochter, — Vermälung einer Mutter mit dem eigenen Sohn.

дуется, Сербъ призываетъ къ участію и его мать: „весела его мать"—говоритъ онъ. Если выражаетъ о комъ сожалѣніе, онъ жалѣетъ вмѣстѣ и его мать: „жалкая его мать!" *

Въ упорномъ умалчиваньи русскихъ былинъ объ отцѣ героя—до нѣкоторой степени позволительно видѣть слѣдъ того первобытнаго порядка вещей, когда дѣти преимущественно принадлежали матери. По наивному свидѣтельству Геродота, мущины должны были принимать особыя мѣры чтобъ узнавать своихъ дѣтей, когда родство не было еще связано семейными узами. Эпосъ не могъ не отозваться на существенное явленіе того темнаго быта изъ глубины котораго идутъ и миѳъ и сказаніе. На низшей ступени сынъ не знаетъ ни отца, ни матери, это ступень скотскаго кровосмѣшенія, противъ котораго великій протестъ цивилизація выразила въ трогательной личности Эдипа. На ступени уже высшей, сынъ вырастаетъ при матери, но не знаетъ отца. Когда, совершая разные подвиги, онъ встрѣчается съ отцомъ, то оба не узнаютъ другъ друга, и несмотря на разныя развѣдыванья по примѣтамъ (какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго свидѣтельства Отца Исторіи) — сынъ вступаетъ въ отчаянный бой на смерть съ своимъ отцомъ, какъ Зорабъ съ Рустемомъ, Гудубрандъ съ Гильдебрандтомъ или какъ Сокольничекъ съ Ильею Муромцемъ.

Напрасно думали что Муромскій богатырь не былъ женатъ. Онъ старый, матерой человѣкъ. Онъ и женился по обычаю стародавнему, который онъ вынесъ на своихъ плечахъ изъ темной эпохи звѣринскихъ нравовъ Древлянъ и другихъ дикарей, и за то поплатился сыноубійствомъ.

Не случай, не сказочный общій пріемъ сблизилъ съ иранскимъ Рустемомъ и Германскимъ Гильдебрандомъ нашего Илью Муромца, ** а та же одинаковая степень семейной неурядицы, которая въ классической миѳологіи переженила братьевъ на сестрахъ. Очень можетъ быть что и обычай извѣстный подъ именемъ la couvade находилъ себѣ соотвѣтствіе въ преданьяхъ о мужеженскихъ типахъ, то-есть такихъ божествахъ

---

* „Жива ти е мати!" въ *Сербскомъ Словарѣ* Караджича подъ *мати*.—„Весела му майка!"—„Жалостна му майка!"—Сообщено профессоромъ Богишичемъ.

** Сравнительныя данныя см. у профессора Миллера, въ *Илья Муромецъ*, стр. 1 и слѣд.

мужскаго пола какъ германскіе Имиръ, Туискъ, или греческій Зевсъ, которые имѣютъ способность, какъ женщина, разрѣшиться отъ бремени.* Сюда же относятся миѳы о дважды рожденныхъ, сначала отъ матери, потомъ отъ отца, какъ Вакхъ—отъ Семелы, которая, будучи сожжена огнемъ, его не доносила; потомъ его донашиваетъ у своей колѣнки и возрождаетъ Зевсъ. Это какъ бы переводъ на миѳическій языкъ бытоваго обряда la couvade. Сюда относится и обрядъ усыновленія посредствомъ приложенія ребенка къ колѣнямъ.

По мѣрѣ того какъ развивается миѳологія, въ связи съ исторіею семьи, и въ миѳологіи и въ семьѣ забираетъ господство мужской элементъ, и отеческій авторитетъ семьи скрѣпляется авторитетомъ отца боговъ и людей: идея — какъ уже было замѣчено—лежащая въ основѣ самыхъ раннихъ воззрѣній и понятій всѣхъ индо-европейскихъ народовъ. Хотя между американскими дикарями вообще чествуется верховное божество мужскаго пола, однако, рядомъ съ нимъ, а кое-гдѣ, какъ остатокъ первобытнаго времени, оказывается высшимъ божествомъ существо женское—мать или прабабка боговъ и людей.** Краснокожіе Сѣверной Америки вѣруютъ что все сотворено женщиною, которая и управляетъ міромъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ. Индійцы Новыхъ Нидерландовъ при творцѣ или при мужской творческой силѣ, представляютъ себѣ и творческую силу женскую, какъ его супругу. Она существовала испоконъ-вѣку. Вначалѣ все было покрыто водою, и богиня, какъ финская Ильматаръ, спустилась съ неба на воду. Тогда подъ богиней образовалась земля и покрылась растеніями, и все болѣе и болѣе распространялась, по мѣрѣ того какъ убывала вода. Потомъ родила она оленя, медвѣдя и волка, кормила ихъ грудью и выростила, затѣмъ съ каждымъ изъ нихъ совокупились, и отъ того произошли прочія творенія и наконецъ человѣкъ. Вообще между краснокожими Сѣверной Америки распространено вѣрованіе что въ твореніи женщина предшествуетъ мущинѣ, то-есть что сначала была создана женщина, и потомъ уже явился на землѣ мущина. Такъ по одному очень грубому сказанію, творецъ сначала со-

---

* См. у Брауна *Naturgeschichte der Sage*, въ *Указателѣ* подъ *Mannweiblichkeit*.—Имиръ родитъ отъ себя пару великановъ—мужа и жену и еще сына; Туиско—родитъ самъ же собою сына Манна.

** I. Müller, *Gesch. d. Amerik. Urrel.* 314, 219, 229, 422.

здалъ женщину: изъ ея носа потекла на землю влага, * изъ которой образовался мущина и сталъ ея мужемъ. Понятно что первосотворенная женщина должна была чествоваться какъ богиня. Послѣ потопа, который американскіе дикари помнятъ такъ же хорошо какъ и другіе народы, земля населилась вновь будто бы тоже отъ женщины, а не отъ мущины. Дикари на верховьяхъ Миссури вѣруютъ что въ потопѣ погибли всѣ люди, за исключеніемъ одной дѣвицы. Ее спасла птица, перенесши ее на одну высочайшую скалу, торчавшую изъ-подъ воды. Тутъ отъ орла родила она двойни, отъ которыхъ и размножились потомъ на землѣ люди. ** Это опять напоминаетъ финскую Ильматаръ: она изъ воды поднимаетъ свою колѣнку—скалу, на которой птица гоголь вьетъ гнѣздо и кладетъ всемірное яйцо.

Вообще съ идеей о первобытномъ женскомъ божествѣ соединяется здѣсь мысль о расположеніи племенъ и притомъ въ первобытномъ, скотскомъ состояніи. Это нарожденіе безразличное, и звѣрей и людей. Богиня соединяется съ животными и родитъ не только людей, но и животныхъ вообще. По другому американскому миѳу, первая женщина совокупляется съ собакою, которая каждую ночь превращается въ юношу. Этотъ миѳъ у тѣхъ же дикарей состоитъ въ связи съ представленіемъ перваго человѣка въ видѣ волка, или и самого бога въ волчьемъ видѣ. Остатки тѣхъ же первобытныхъ преданій встрѣчаются и у другихъ народовъ, не только дикихъ, но и цивилизованныхъ, *** что̀ даетъ новую опору теоріи Шварца, расположившаго свою первоначальную миѳологію по рубрикамъ разныхъ животныхъ. Черные Киргизы (Кара-Киргизъ) объясняютъ свое имя *Киргизъ* тѣмъ что будто бы они происходятъ отъ *сорока дѣвицъ* (kirk-kize), которыя однажды, воротившись съ поля домой, не нашли никого изъ своихъ: безъ

---

* Эта наивная подробность, безъ сомнѣнія, состоитъ въ связи съ общераспространеннымъ у дикарей американскихъ вѣрованіемъ что во время чиханья изъ человѣка выходитъ какое-то сверхъестественное существо. Съ этимъ же въ связи повсемѣстный обычай здравствоваться при чиханьѣ.

** I. Müller, *Gesch. d. Amer. Urrel.* 108, 110, 111, 113.

*** Liebrecht, *Zur Sage von Romulus und den Welfen*, въ *Germania*, 1866, XI, стр. 166.

нихъ напали враги, все истребили, а скотъ увели. Дѣвицы нашли только одного рыжаго пса, отъ котораго и породили предковъ нынѣшнихъ Киргизовъ. Сюда же принадлежатъ различныя сказанія о народѣ Песьи-Головы. По китайскому сказанію, въ царствѣ собакъ люди имѣютъ собачье тѣло; ихъ головы покрыты длинною шерстью; они не одѣваются и рѣчь ихъ походитъ на собачій лай. Что же касается до ихъ женъ, то онѣ уже изъ породы человѣческой и понимаютъ языкъ китайскій. Онѣ уже одѣваются въ одежду, хотя и грубую. Мужья-собаки ѣдятъ все сырое, но женщины уже сырое варятъ. Планокарпини приводитъ подобную же сказку монгольскую. Сюда же относится сказка о рожденіи Аттилы отъ Венгерской царевны и пса, сказка которой у Іорнанда соотвѣтствуетъ подобная же о происхожденіи вообще Гунновъ отъ вѣдьмъ или вѣщихъ дѣвъ (Alirune) и отъ лѣшихъ или фавновъ. Отъ происхожденія людей и народовъ отъ животныхъ, съ которыми соединяется женщина, сказаніе перешло къ происхожденію героевъ или родоначальниковъ. Меровинги ведутъ свой родъ будто бы отъ дивовища Меревига (или Merefech), котораго супруга короля Клодія родила отъ морскаго чудовища, похожаго на быка. Сага о Вельфахъ (Gwelfi) почерпнула свое содержаніе изъ общераспространенной сказки о томъ какъ царица, въ отсутствіи своего супруга, родила 7, 9 или 12 человѣкъ дѣтей и какъ ея злая свекровь или злая сестра выдаетъ ихъ царю за слѣпыхъ щенятъ и т. д. Наконецъ римская волчица (lupercula) кормитъ своими сосцами Ромула и Рема (какъ лань или другое животное—заброшенныхъ Вельфовъ), и по смыслу сказанія родоначальники царственныхъ героевъ Рима ведутъ свое происхожденіе отъ волчихи, такъ точно и Вельфы, или Гвельфы, по первоначальному преданію, безъ сомнѣнія, были настоящими щенятами, и только въ позднѣйшемъ подновленіи, будто бы по клеветѣ выдаются только за щенятъ. Точно такъ же какъ по толкованію уже скептической исторіи Киръ родился не отъ собаки и Ромулъ и Ремъ не отъ волчицы, а будто бы этими звѣриными именами назывались обыкновенныя женщины которыя кормили ихъ своею грудью.

Всѣ эти миѳы и сказанія, первичными началами своими, тяготѣютъ къ тому грубѣйшему порядку вещей который болѣе или менѣе смутно сохранился въ памяти народовъ изъ первобытнаго періода скотскаго расположенія племенъ и кото-

рый въ очію до сихъ поръ представляется путешественникамъ у нѣкоторыхъ дикарей.

По этнографическимъ наблюденіямъ, въ грубыхъ племенахъ, бракъ коммунальный предшествуетъ браку личному. Съ учрежденіемъ этого послѣдняго состоитъ въ связи *умычка* или похищеніе невѣстъ изъ чужаго племени, вслѣдствіе чего жена и мужъ могли говорить на разныхъ языкахъ и не понимали другъ друга: обстоятельство въ высокой степени важное для исторіи языковъ. Безчеловѣчіе съ которымъ совершалась умычка однажды навсегда устанавливало тяжелыя отношенія между женою и мужемъ. Свобода женщины ранняго порядка вещей, когда распложалось племя—переходитъ въ тяжелое рабство. Женихъ-*чужанинъ*—постоянный эпитетъ и въ русскихъ свадебныхъ пѣсняхъ. При умычкѣ не обходилось безъ настоящей войны между племенами, память о чемъ глубоко вкоренена въ народномъ эпосѣ—о борьбѣ героевъ Калевы съ хозяйкой Похьёлы изъ-за невѣсты въ финской *Калевалѣ*, о похищеніи Сабинокъ Римлянами, о взятіи Трои, точно такъ какъ и доселѣ живетъ эта память въ свадебныхъ пѣсняхъ съ обрядами, въ которыхъ намекается на умычку. У американскихъ дикарей, когда женихъ похищаетъ себѣ невѣсту, ее защищаетъ родное племя, не только мущины, но толпы женщинъ, какъ амазонки, бросаются вслѣдъ похитителю и стараются отнять похищенную. Та же мысль что̀ и въ нашихъ хороводныхъ и другихъ обрядныхъ пѣсняхъ, въ которыхъ воспоминается открытая война между полками дѣвицъ и парней. Прямое указаніе на умычку можно видѣть въ свадебномъ обрядѣ дикарей Малайскаго полуострова. Собравшіеся на свадьбу становятся вокругъ, будто въ хороводѣ. Невѣстѣ даютъ отбѣжать впередъ и затѣмъ пускаютъ за ней жениха, и если онъ ее поймаетъ, она становится его женой, если же нѣтъ, то онъ теряетъ на нее всякое право. Этотъ обрядъ, вытекшій изъ самаго быта, эпосъ переводитъ на тысячи ладовъ состязанія жениха съ невѣстой, начиная отъ всевозможныхъ народныхъ сказокъ до величавыхъ типовъ германскаго Зигурда и Брингильды или русскаго Добрыни и Настасьи Микулишны. Такимъ образомъ, въ основѣ какъ эпическихъ сказаній, такъ и свадебныхъ пѣсенъ и обрядовъ, лежитъ историческій фактъ глубокой древности, и разныя подробности свадебнаго обряда и преданія — не пустые символы, случайно придуманные, а

прямыя воспоминанія изъ первобытной исторіи брака, болѣе и болѣе теряютъ для народа свой смыслъ. *

Замѣчательно что какъ въ первобытныхъ народахъ, такъ и въ культурныхъ, при правильно установившейся уже семьѣ, дѣвица до замужества пользуется свободой въ любовныхъ связяхъ съ мущинами, и это не только не вмѣняется ей въ порокъ, но даже составляетъ особенную честь, если она плѣняетъ многихъ, какъ свидѣтельствуетъ Геродотъ объ африканскихъ Гинданахъ (IV, 176), тогда какъ замужняя обязывается уже вѣрностью своему мужу. Тотъ же историкъ повѣствуетъ о Ѳракійцахъ: „За дѣвицами не смотрятъ, но оставляютъ ихъ на волѣ, жить съ кѣмъ сами хотятъ. Женъ же стерегутъ крѣпко и покупаютъ ихъ отъ родителей за большія деньги“ (V, 6). Именно этою ступенью развитія семейныхъ нравовъ объясняется то въ высшей степени странное явленіе въ народѣ христіанскомъ ва которое г. Якушкинъ обратилъ вниманіе въ губерніяхъ Псковской и Новгородской. ** На посидкахъ (серб. *прело*), дѣвицамъ дозволяется до того вольно держать себя съ мущинами что каждая вмѣняетъ себѣ даже въ честь имѣть любовника, или *дружня*, какъ тамъ говорятъ, что̀ вовсе не мѣшаетъ потомъ выйти ей замужъ за кого бы то ни было. Обыкновенно дружень становится въ послѣдствіи мужемъ. Этотъ обычай, какъ остатокъ старины, вообще уже противорѣчитъ общему строю русскаго быта, но чтобы вполнѣ объяснить его историческое значеніе и связать съ цѣлымъ періодомъ въ исторіи народнаго быта, слѣдуетъ отнестись къ болѣе грубому населенію инородцевъ, живущихъ въ сосѣдствѣ съ Русскими. „Вотяки, говоритъ г. Риттихъ, *** слишкомъ дорожатъ исключительно такими женщинами которыя способны къ дѣторожденію, мало уважая бездѣтныхъ. Такъ какъ они такую способность почитаютъ за главную въ женѣ, то *не рѣдко живутъ съ дѣвицами до брака* и женятся лишь тогда когда онѣ дѣлаются беременными. Разумѣется что этому препятствуютъ какъ духовныя, такъ и полицейскія власти. Но Вотяки того убѣжденія что гораздо было бы выгоднѣе, лучше

* См. классическое сочиненіе Макъ-Леннана, *Primitive marriage*, а также Edelstand du Mèril, *Des formes du mariage et des usages populaires etc*, въ его *Etudes*. 1862.

** *Путевыя письма*, стр. 35, 185.

*** Объ инородцахъ Казанской губерніи, въ *Матер. для этногр. Россіи*. 1870. II, 211.

и проще, украсть жену безъ калыма и *жить съ нею безъ всякаго брака*. Способная къ дѣторожденію женщина почитается у Вотяковъ одинаково какъ у Чувашъ. Она имѣетъ голосъ, помогаетъ мужу во всѣхъ работахъ, смотритъ за скотиною и *воспитываетъ дѣтей*. На послѣднее обстоятельство мужья обращаютъ особенное вниманіе, обвиняя во всемъ мать, если дѣти къ работѣ лѣнивы. Ужь съ ляти лѣтъ ихъ заставляютъ помогать отцу. Бывали случаи что Вотяки *бросали своихъ женъ изъ-за лѣности дѣтей*." О Чувашахъ говоритъ тотъ же авторъ: „Жена, хозяйка дома имѣетъ свое слово и мнѣніе, которыя *съ рожденіемъ дѣтей*, въ особенности *сына*, пріобрѣтаютъ тѣмъ большее значеніе. До рожденія сына Чувашенинъ зоветъ свою жену по имени или просто жена, но съ рожденіемъ его, она *получаетъ свой титулъ*: *мать Василья* или вообще первенца." *

Съ одной стороны, въ этомъ грубомъ бытѣ, который былъ не чуждъ и нашимъ предкамъ, мы находимъ историческое объясненіе былинному типу матерой вдовы, которая болѣе тѣсными узами связана съ сыномъ-богатыремъ, нежели его отецъ, и которая заботится о его воспитаніи и обыкновенно отдаетъ его въ наукъ; а съ другой стороны, въ этомъ же бытѣ слѣдуетъ искать ближайшаго оправданія сожительству молодежи обоего пола до брака и у насъ на Руси. Только на исторической основѣ этого быта, черезъ который прошло все человѣчество, можно объяснить ту распущенность нравовъ которая и до сихъ поръ допускается въ *Купальскую ночь*, какъ непремѣнный обрядъ. Маститое празднество, ведущее свое начало изъ глубины доисторической и сопряженное съ воспоминаніями о первобытномъ фактѣ добыванія живаго огня, и въ отношеніи жизни семейной сохранило до настоящаго времени явственный слѣдъ того древнѣйшаго періода въ исторіи семьи который переживаютъ и доселѣ Вотяки и другіе грубые племена. Къ Купальской ночи сосредоточивался идеалъ той свободы, тѣхъ радостей дѣвичьей жизни которыя оплакиваются въ свадебныхъ пѣсняхъ и противополагаются неволѣ замужества; потому что, какъ мы уже видѣли, свадебныя пѣсни и обряды ведутъ свое начало изъ того же грубаго періода въ исторіи перехода отъ коммунальнаго расложенія племени къ насильственному захвату или умычкѣ невѣстъ.

---

* Ibid. II, 70.

Отсюда явствуетъ что для точнаго и яснаго уразумѣнія свадебныхъ лѣсенъ и обрядовъ, необходимо ихъ понимать въ связи съ другими остатками доисторическаго быта и въ особенности съ обрядами такихъ годовщинъ которыя по самому смыслу своему сближаются съ нравами народной свадьбы. Разгулъ Купальской годовщины—это, выражаясь словами древняго лѣтописца—*игрище межю селы*, на которомъ молодые люди умыкали себѣ невѣсть, *съ нею же кто совѣщашеся*, это же вмѣстѣ и предварительное знакомство будущихъ супруговъ, котораго практическую пользу такъ цѣнятъ и до сихъ поръ грубые инородцы сѣверо-восточной Россіи.

Какъ мало еще изслѣдованъ русскій народный бытъ на основаніи сравнительнаго изученія народностей, показываетъ упомянутая выше статья г. Костомарова *Великорусская народная пѣсенная поэзія*. * Изъ фактической области этнографіи, съ ея статистическими и историческими данными, русскій историкъ переноситъ читателя на липтическій парнасъ блаженной памяти сонетовъ и мадригаловъ и услужливо рекомендуетъ наслаждаться въ великорусской народной поэзіи глубиною сердечной привязанности нѣжныхъ любовниковъ, сентиментальными ихъ вздохами и мечтательностью; но къ крайнему его удивленію ничего такого въ этой поэзіи не встрѣчаетъ, и приходитъ въ отчаяніе. „Глубокая сердечная привязанность и тѣмъ болѣе мечтательность—говоритъ онъ—вообще чужды великорусской поэзіи; въ самыхъ лучшихъ, дѣйствительно исполненныхъ поэзіи, любовныхъ лѣсняхъ, свѣтится сильно чувственность“. Строже Стоглава относится онъ къ дѣвичьей волѣ, уже по тому самому что съ болѣе цивилизованной точки зрѣнія, отъ крестьянской дѣвицы на посидѣлкахъ съ ея „дружнемъ“ ожидаетъ онъ благовоспитанности салоннаго общества, но встрѣчаетъ только грубый практическій взглядъ на жизнь, то-есть, взглядъ настоящій крестьянскій, и назидательно сокрушается надъ одною лѣсенкою, въ которой—„дѣвица съ молодцемъ находится въ самыхъ нѣжныхъ и любовныхъ отношеніяхъ, зная что она себѣ выйдетъ замужъ, а онъ женится на другой.“ Иное дѣло—пѣсни южно-русскія: онѣ какъ разъ подходятъ подъ липтику г. Костомарова, потому что въ нихъ—„взаимная любовь жениха и невѣсты играетъ главную роль, и свадебныя южно-русскія пѣсни имѣютъ

* *Вѣстникъ Европы*, за 1872 № 6.

колоритъ любовныхъ пѣсенъ, чего въ великорусскихъ совсѣмъ почти нѣтъ". То-есть вся бѣда великорусскихъ свадебныхъ пѣсенъ въ томъ что онѣ болѣе сохранили въ себѣ архаизмовъ старины, первобытности, правда—грубой, но для историка—драгоцѣнной, какъ это объяснили Макъ-Леннанъ, Эдельстанъ Дюмериль, Тайлоръ и другіе ученые. При взглядѣ г. Костомарова на народность и народную поэзію непремѣнно слѣдовало придти къ тому выводу какой онъ и дѣлаетъ о нравственности Русскаго народа вообще: „Если только пѣсни вообще считать правдивыми выраженіями народной души, то омерзительная и грязная картина въ которой Великорусскій народъ самъ изображаетъ свою семейную жизнь способна навести на самыя невыгодныя понятія о такомъ народѣ." *

Пусть же успокоится русскій историкъ въ пріятной увѣренности что онъ перестанетъ такъ отчаиваться и прогонитъ отъ себя эти черныя думы, какъ скоро взглянетъ на дѣло спокойнѣе, съ болѣе научной точки зрѣнія, то-есть, какъ скоро и къ народной поэзіи онъ приложитъ то непремѣнное правило исторической критики которымъ онъ привыкъ пользоваться въ своихъ историческихъ работахъ, а именно: отъ всякой эпохи требовать только того что̀ она можетъ дать, не навязывать позднѣйшихъ понятій періоду древнѣйшему и вообще не искать въ старинѣ того что̀ привыкли мы видѣть вокругъ себя. Народная поэзія—это тѣ же лѣтописи, только не записанныя, а пролѣтыя. Иное въ ней отзывается новизною, иное содержитъ остатки глубокой древности, какъ напримѣръ пѣсни свадебныя. Въ народной поэзіи наглядно выражается то причудливое наслоеніе историческихъ слѣдовъ разныхъ временъ и разныхъ поколѣній, изъ котораго органически слагается всякая народность, какъ это во всей подробности анализируетъ Эдуардъ Тайлоръ въ своемъ новомъ сочиненіи о *Первобытной культурѣ*. ** „По мѣрѣ соціальнаго развитія человѣчества—говоритъ этотъ этнографъ—наиболѣе вѣскія идеи и дѣла могутъ сохраниться до степени безсодержательнаго анахронизма. Первоначальный смыслъ постепенно вымираетъ,

---

* *Ibid* стр. 564, 563, 579, 572.

** *Primitive culture*. 1871 года I, 100.—Объ этомъ сочиненіи, столько важномъ для изученія всякой народности, см. статью г. Петрова въ журналѣ *Дѣло* за 1872 годъ № 3. Приводимую мною цитату см. на стр. 51—52.

каждое новое поколѣніе менѣе и менѣе удерживаетъ его въ памяти; наконецъ слѣдъ древней старины совершенно исчезаетъ изъ народнаго сознанія, и въ позднѣйшія эпохи этнографія старается уже, съ бо́льшимъ или меньшимъ успѣхомъ, возстановить первоначальный смыслъ этого анахронизма, складывая одно къ другому звенья разбросанныхъ или забытыхъ фактовъ. Дѣтскія игры, народныя присловья и поговорки, нелѣпые обычаи—въ практическомъ отношеніи могутъ быть не важны, но они не лишены важности для дѣла этнографической науки, потому что проливаютъ свѣтъ на нѣкоторые, весьма интересные періоды ранней культуры, тогда какъ жестокіе и нравственно возмутительные предразсудки существуютъ въ видѣ намековъ на первобытное варварство, унаслѣдованное, силою привычки, позднѣйшимъ и болѣе цивилизованнымъ человѣкомъ." Всѣ эти анахронизмы—не условные символы, которыхъ г. Костомаровъ ищетъ въ народной поэзіи, и не пустая болтовня, кромѣ которой онъ ничего не видитъ болѣе въ дѣтскихъ пѣсняхъ, наконецъ—и не „омерзительныя и грязныя картины", которыми онъ же брезгуетъ въ народной русской поэзіи, а просто-на-просто—это старыя погудки, которыя историческая народность въ теченіе столѣтій разыгрываетъ на новые лады, и до сихъ поръ не забывая основной, первоначальной темы этихъ погудокъ.

Народность менѣе гибкая удерживаетъ въ своемъ бытѣ и пѣсняхъ больше старины; народность смягченная разными историческими вліяніями болѣе подновляетъ старину на новый ладъ. Дѣйствительно, въ пѣсняхъ южно-русскихъ больше нѣжности, любовности, а въ великорусскихъ—больше практичности и чувственности. Изъ-за чего же тутъ горячиться и поднимать тревогу? Дѣло объясняется очень просто. Это значитъ что народъ Великорусскій въ свадебныхъ и семейныхъ пѣсняхъ, а частію и въ самомъ бытѣ, сохранилъ больше первобытности и грубости, потому-что, возрастая исторически, онъ глубже и крѣпче пускалъ корни и разростался шире, нежели населеніе южно-русское; вмѣстѣ съ тѣмъ въ своей исторической жизни онъ моложе, а въ поэзіи и обычаяхъ—слѣдовательно старше, потому что чѣмъ менѣе народъ развитъ, чѣмъ онъ свѣжѣе, тѣмъ болѣе сохраняетъ преданій высокой древности. Тутъ бѣды никакой нѣтъ. Пусть успокоится г. Костомаровъ и припомнитъ что и Франція и Германія, даже въ недавнія времена, представляли въ своемъ народномъ бытѣ

многія черты первобытной грубости, прямое объясненіе которыхъ этнографія находитъ и доселѣ въ жизни американскихъ и другихъ дикарей.

Русскій историкъ въ той же статьѣ * упрекаетъ г. Ральстона за то что въ своемъ сочиненіи о *Пѣсняхъ Русскаго народа* ** этотъ англійскій ученый слишкомъ довѣрчиво, безъ критической повѣрки, пользуется сборниками Терещенки и другихъ. Англійскій авторъ могъ бы отвѣтить въ свое оправданіе что онъ ожидаетъ этой повѣрки отъ спеціалистовъ русскихъ, но съ своей стороны, онъ сдѣлалъ бы г. Костомарову болѣе тяжелый упрекъ за то что пользуясь народными пѣснями для исторіи народнаго быта, русскій историкъ не пользуется тѣми критическими пріемами которые усвоены современною наукой для этого предмета. И замѣчательное дѣло—г. Ральстонъ, вооруженный ученными средствами современной науки по сравнительному изученію народностей, приходитъ къ выводамъ рѣшительно противоположнымъ мнѣнію г. Костомарова. „Предметъ моего труда—такъ заключаетъ свою книгу англійскій ученый—заставлялъ меня часто говорить о суевѣріи Русскаго народа. Но не по этому свойству, общему всему человѣчеству, мы должны составить себѣ понятіе о крестьянахъ, которые всегда отличались семейною любовью, уваженіемъ къ старшимъ, сочувствіемъ къ несчастнымъ,—которые сохранили въ теченіе вѣковъ, даже подъ гнетомъ системы крѣпостнаго права, чистое чувство правдивости (loyalty) и горячую любовь къ родинѣ.“

Будемъ надѣяться что успѣхи сравнительной этнографіи современемъ воспитаютъ и въ русскихъ ученыхъ болѣе ясный, широкій взглядъ на народность, и сдѣлаютъ невозможнымъ появленіе въ нашей литературѣ такихъ диковинныхъ образчиковъ пониманія вещей какой представляетъ намъ эта странная статья г. Костомарова. Наука воспитываетъ гуманность. Когда-нибудь будутъ же и русскіе писатели гуманно относиться къ окружающей ихъ средѣ!

---

* Стр. 586.

** Ralston, *The songs of the Russian people*. 1872.

VII.

Пользуясь упомянутымъ уже не разъ классическимъ сочиненіемъ Миллера, профессора теологическаго факультета въ Базелѣ, * я предложу нѣсколько данныхъ изъ первобытныхъ религій американскихъ дикарей, для того чтобы показать насколько необходимо знакомство съ миѳологіей дикихъ народовъ для сравнительнаго изученія миѳологическихъ и поэтическихъ преданій Славянъ и другихъ родственныхъ имъ индоевропейскихъ народовъ. Дѣло это до нѣкоторой степени облегчаетъ и самъ авторъ, постоянно ссылаясь на сказанія Индусовъ и народовъ классическихъ, гдѣ только первобытныя религіи дикарей даютъ къ тому поводъ. Сверхъ того, какъ замѣчено уже было выше, Шварцъ, въ своей книгѣ о происхожденіи миѳологіи, не разъ пользуется результатами богослова Миллера для сравнительнаго объясненія миѳовъ греческихъ и германскихъ.

Какъ въ отношеніи быта племеннаго и семейнаго, дикари стоятъ на ступени древнѣйшей, нежели та съ которой разошлись изъ своей азіятской прародины народы индо-европейскіе; такъ и миѳологія первобытныхъ племенъ въ своихъ раннихъ основахъ предлагаетъ намъ данныя которыя должны предшествовать самымъ древнимъ воззрѣніямъ арійскихъ народовъ, основаннымъ на поклоненіи солнцу и свѣту. Хотя миѳическіе подвиги изображаемые въ древнѣйшихъ гимнахъ *Вѣдъ* совершаются, какъ замѣчено выше, въ обстановкѣ быта пастушескаго, но народы европейскіе, въ своемъ развѣтвленіи по новымъ жилищамъ на Западѣ, уже вышли изъ общаго зародыша быта земледѣльческаго, что̀ неопровержимо доказывается замѣчательнымъ сродствомъ въ наименованіяхъ разныхъ терминовъ этого быта у всѣхъ упомянутыхъ народовъ. Земледѣліе условливается дѣйствіемъ солнца, потому народы земледѣльческой культуры преимущественно поклоняются этому свѣтилу. Бытъ пастушій, настолько развитой, какъ изображаютъ его вѣдійскіе гимны, также возлагаетъ свои надежды на атмосферическія перемѣны, зависящія отъ того же свѣтила. Такимъ образомъ, исходя отъ древне-арійской культуры, пастушеско-земледѣльческой, миѳологія природы естественно должна была

* *Geschichte der Amerikanischen Urreligionen.* 1855.

усвоить себѣ теорію *солярную*, или *солнечную* и усмотрѣть во множествѣ разнообразныхъ миѳовъ, какъ мы видѣли, одну и ту же основу древнѣйшихъ воззрѣній на солнце, въ его различныхъ явленіяхъ. Но рядомъ съ этимъ, у тѣхъ же народовъ индо-европейскихъ глубоко вкоренено преданіе о враждебности солнца къ первобытнымъ существамъ, населявшимъ нѣкогда землю, къ чудовищамъ, великанамъ или карликамъ, вообще къ древнему поколѣнію, которое должно было уступить мѣсто поколѣнію новому, съ его осѣдлымъ земледѣліемъ и чествованіемъ солнца. * Какъ при благоустройствѣ семейныхъ основъ, запечатлѣнномъ въ самыхъ языкахъ, миѳологія арійскихъ народовъ рисуетъ семейную неурядицу, которая объясняется бытомъ древнѣйшимъ; такъ и эти темные намеки на вражду поколѣнія первобытнаго къ солнцу—не что̀ иное какъ отголосокъ того же древнѣйшаго быта, въ которомъ и доселѣ пребываютъ дикари, не знающіе еще культуры пастушеско-земледѣльческой. Это звѣроловы, которые, по Миллеру, * чествуютъ не солнце, а мѣсяцъ, потому въ своихъ миѳахъ и изображаютъ его охотящимся за звѣрями, что̀ отъ древнѣйшаго быта удержалось и въ классическомъ типѣ Діаны. У дикарей Ботокудовъ такъ сильно вкоренено чествованіе мѣсяца что они отъ него ведутъ и солнце, и громъ съ молніей и вѣтры, прилагая его имя (*taru*) къ названію всѣхъ этихъ предметовъ. Космогоническіе миѳы европейскихъ народовъ о рожденіи дня отъ ночи или свѣта отъ тьмы имѣютъ болѣе полную и подробную обстановку въ представленіяхъ первобытныхъ племенъ, обитающихъ въ пещерахъ. Дакари Антильскихъ острововъ вѣруютъ что какъ люди, такъ и солнце съ мѣсяцемъ, родились въ пещерахъ и оттуда вышли на свѣтъ. Жители Колумбіи разсказываютъ что въ глубокой древности, пещеры, населенныя людьми, охранялъ нѣкоторый великанъ, не выпуская оттуда людей, чтобъ они не видѣли лучей солнца. Однажды ночью великанъ далеко отошелъ отъ пещеръ, и когда взошло солнце, онъ не успѣлъ вернуться, и отъ дѣйствія солнечныхъ лучей былъ превращенъ въ скалу. Послѣ того стали люди выходить изъ пещеръ ловить рыбу, но только по ночамъ, потому что боялись солнца, ибо, если при восходѣ оно кого заставало наружѣ, то превращало въ камень, въ животное или

---

* См. въ моихъ *Историч. Очеркахъ*. I, 387.

** *I. Müller, Gesch, d. Amir. Urr.* 254, 176, 179.

растеніе, точно такъ же какъ гибнутъ отъ солнца свѣтобоязливыя существа европейскихъ миѳовъ; напримѣръ, сербскій Троянъ отъ солнца растаялъ, скандинавскій карликъ Всезнайка превратился въ камень. Относящееся сюда же повѣствованіе Геродота объ одномъ дикомъ племени африканскомъ прикрѣпляетъ къ этому первобытному періоду одну подробность, сдѣлавшуюся общимъ мѣстомъ въ сказаніяхъ вышедшихъ изъ общаго источника съ греческимъ миѳомъ о великанѣ Полифемѣ. „Отъ Гарамантовъ также на десять дней пути, такъ повѣствуетъ Отецъ Исторіи (IV, 184), находится другой холмъ соли, и вода. Тутъ живутъ люди называемые Атарантами, которые изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ одни не имѣютъ собственныхъ именъ. Общее всѣмъ имъ имя есть Атаранты, а каждый порознь никакого имени не носитъ. Когда взойдетъ надъ ними солнце, они клянутъ его и поносятъ всякими ругательствами, за то что оно палитъ и ихъ самихъ, и ихъ земли.“ Итакъ, свѣтобоязнію и враждою къ солнцу охарактеризованъ здѣсь тотъ грубѣйшій періодъ звѣрскаго нарожденія, когда человѣческая личность еще не выдѣлилась изъ племени своимъ собственнымъ именемъ, періодъ отмѣченный въ цѣломъ рядѣ миѳовъ и сказокъ о томъ какъ первобытный великанъ или какое другое страшило имѣетъ еще неясное понятіе о собственномъ имени человѣка и попадаетъ въ обманъ, принимая за имя безсодержательное мѣстоименіе. * Хитроумный Одиссей называетъ себя Полифему мѣстоименіемъ *никто*, и тѣмъ спасается отъ мщенія его товарищей, когда ослѣпилъ его. Такъ же отдѣлывается лапландскій охотникъ отъ вѣдьмы, назвавшись мѣстоименіемъ *самъ*. Это же слово употребляетъ малорусская баба, обманомъ охолостивъ самого чорта. Къ общему мѣсту о безыменности здѣсь присовокуплена другая древняя черта, съ одной стороны соприкасающаяся съ преданіемъ о миѳическомъ увѣчьѣ Урана и другихъ, а съ другой—соотвѣтствующая швейцарскому изреченію: „лишить чорта мужской силы“—при вытираніи палками живаго огня. Замѣчательно что малорусскій чортъ, въ этомъ случаѣ, вполнѣ соотвѣтствуетъ врагу Индры,

* *Одиссея*, IX, 366 и слѣд.—Wilh. Grimm, *Die Sage von Polyphem*, въ *Abhandl. d. Königl. Akademie d. Wissensch. zu Berlin.* 1857. Лапландскую сказку см. у Либрехта, *Lappländische Märchen*, № 4, въ *Германіи* Барча. XV, 1870 стр. 161 и слѣд.—Малорус. сказку см. въ изданіи Рудченко, *Народи, южнорус. сказки.* 1869—1870, I, 54—56.

злобному Вритрѣ, котораго древнѣйшая изъ *Вѣдъ*, *Ригвѣда*, именно называетъ „лишеннымъ мужской силы“.*

Въ американскихъ сказаньяхъ мы остановились на первобытныхъ обитателяхъ пещеръ, откуда будто бы произошли и солнце и мѣсяцъ. Полифемъ и его великанскіе товарищи тоже живутъ въ пещерахъ, и туда собираютъ на ночь свои стада барановъ, какъ арійскій Индра своихъ небесныхъ коровъ въ облака, сказалъ бы вѣдистъ. Но для насъ эта подробность имѣетъ новое значеніе по сближенію мифа о Полифемѣ съ одною чеченскою сказкой.** Герой этой сказки, *Колой-Кантъ*,*** соединяетъ въ своемъ лицѣ пастуха-великана Полифема съ классическимъ Геркулесомъ, съ германскимъ Торомъ и нашимъ Ильею Муромцемъ. Какъ Полифемъ, живетъ онъ въ пещерѣ вмѣстѣ со своими стадами овецъ, одною рукой запирая входъ въ пещеру громаднымъ камнемъ, который едва могутъ сдвинуть 60 человѣкъ; какъ Геркулесъ отъ Омфалы, теряетъ онъ свою силу отъ сестры своего врага, который для этой цѣли нарочно сблизилъ ее съ великаномъ. Какъ нашъ Илья Муромецъ, онъ сначала сиднемъ сидитъ цѣлыя семь лѣтъ; какъ муромскій богатырь завалилъ рѣку Оку горою, такъ и кавказскій, продолжая работу Титановъ, нагромоздилъ на горѣ близъ Терека цѣлыя три скалы одну на другую. Наконецъ, какъ германскій Торъ имѣетъ при себѣ двухъ козловъ, на которыхъ ѣздитъ и которыхъ онъ однажды убилъ на ужинъ въ крестьянской семьѣ и потомъ собравъ кости вновь воскресилъ****, такъ и Колой-Кантъ не только имѣлъ при себѣ вѣщаго козла, отъ котораго и зависѣло все благосостояніе его безчисленнаго стада овецъ, но и какъ бы сливался герой этотъ въ одно существо съ животнымъ, которое носило то же имя *Колой-Кантъ*. Лишивъ героя его силы посредствомъ любви къ женщинѣ, его враги должны были окончательно его доконать зарѣзавъ вѣщаго козла. Но какъ германскій Торъ совершаетъ чудо надъ костями, такъ и Колой-Кантъ проситъ чтобъ

* Теодоръ Бенфей въ *Orient und Occident*, I, 188.

** Г. Ахріева, *Изъ Чеченскихъ сказаній*, стр. 4—7, въ *Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ*, т. IV, 1870.

*** *Кантъ*—по-чеченски зн. богатырь, герой; *Колой*—собственное имя одного аула.

**** Это же сказаніе о воскресеніи животнаго изъ его костей пріурочено къ легендамъ объ Апостолѣ Петрѣ, о Св. Германѣ, Иродіадѣ и др., см. Wolf, *Beiträge zur deutschen Mythol.* I, 88, 144.

ему дали бедряную кость его козла. Онъ сдѣлалъ изъ нея зурну, заигралъ на ней жалобнымъ голосомъ, и его друзья, услышавъ призывъ, явились на помощь и выручили его изъ смертной опасности. Итакъ къ миѳу о вѣщемъ козлѣ присоединяется здѣсь преданіе объ изобрѣтеніи музыки, которое въ свою очередь расходится по всему міру въ сказкахъ о поющихъ костяхъ.

Переходъ отъ миѳовъ дикаго, первобытнаго періода къ миѳамъ культурнымъ, по Миллеру, * обозначается сказаніями о происхожденіи героевъ и царственныхъ династій отъ солнца. Такъ перувіанскіе Инки ведутъ свой родъ отъ дѣтей солнца. Скиѳское преданіе о золотомъ плугѣ, на которомъ коренятся чешское сказаніе о царственномъ пахарѣ Премыслѣ и наше о Микулѣ Селяниновичѣ, ** находитъ себѣ широкій льедесталъ въ американскомъ обрядѣ, по которому ежегодно солнцевъ сынъ Инка предъ собравшимся народомъ вспахиваетъ землю золотымъ плугомъ, и такимъ образомъ наглядно свидѣтельствуетъ о высокомъ значеніи земледѣлія для культурнаго государства уже солнцепоклонниковъ. Кавказъ и въ этомъ случаѣ предлагаетъ соединительное звено для европейскихъ преданій съ далекою стариной. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ доселѣ совершается тамъ торжественный праздникъ *вывоза плуга въ поле.* *** Жители выбираютъ изъ своей среды хорошаго и набожнаго человѣка, чтобъ онъ первый вышелъ въ поле въ полномъ облаченіи пахаря, не съ тѣмъ чтобы дѣйствительно пахать, но только совершить обрядъ. Выбранный пахарь одѣвается въ овчинную шубу на выворотъ, на плеча беретъ обыкновенный горскій плугъ, а въ правую руку длинный кнутъ—погонять быковъ. За нимъ идетъ весь народъ. По прибытіи на мѣсто, пахарь запрягаетъ быковъ, а мулла читаетъ молитву, во время которой благоговѣйно стоятъ окружающіе. Затѣмъ пахарь дважды проводитъ быковъ съ плугомъ по полю, и потомъ ихъ отпрягаетъ.

Земледѣльческая культура и въ Америкѣ привела къ чествованію грома и выразилась въ миѳологіи типами соотвѣтствую-

---

* Стр. 305, 345.

** См. мои *Историч. Очерки.* I, 371. Котляревскаго о книгѣ Бергмана *Les Scythes etc*, въ *Лѣтописяхъ* Тихонравова, 1859, № 1й.

*** Абдулы Омарова, *Какъ живутъ Лаки*, стр. 29—30, въ *Сборникѣ свѣдѣній о кавказскихъ горцахъ*, т. III, 1870.

щими громовникамъ Тору, Перуну или Перкуну, напримѣръ, между бразильскими Индійцами, которые вѣруютъ что и самое земледѣліе изобрѣлъ богъ громовникъ. * Въ Перу рядомъ съ высшимъ божествомъ солнца чествуется богъ воздуха и неба въ качествѣ громовника. Какъ Зевсъ или Торъ, американскій громовникъ вооруженъ молніей или палицей, которою онъ поражаетъ великановъ и чудовищъ. Лингвистъ Кунъ, въ своемъ сочиненіи о низведеніи огня, даетъ особенное значеніе орлу, соколу или какой другой птицѣ, въ индо-европейскихъ миѳахъ о грозѣ, дождѣ, живомъ огнѣ и напиткѣ безсмертія. Въ космогоніи краснокожихъ также занимаетъ важное мѣсто миѳическая птица. Птица Великаго Духа представляется вообще какъ божество неба (вѣдійск. *dyaus*, греч. *Зевсъ*). Когда она хлопаетъ крыльями—производитъ громъ, когда она сверкаетъ своими глазами—блеститъ молнія, она же производитъ дождь. ** Иныя племена приписываютъ громъ именно миѳическому пѣтуху. По вѣрованію другихъ дикарей, громоносная птица искони носилась надъ водою. Однажды нырнула она въ воду, и тогда произошла земля: миѳъ соотвѣтствующій славяно-финскому о твореніи земли изъ горсти леска добываемаго птицею или какимъ другимъ миѳическимъ лицомъ со дна моря.

Вотъ нѣсколько сравнительныхъ данныхъ изъ быта и вѣрованій дикарей изъ той же знаменитой книги Куна о низведеніи огня. *** Дикари, какъ и народы арійскіе, чествуютъ огонь въ связи съ поклоненіемъ солнцу. Въ храмѣ солнца у Начезовъ неугасимо пылаетъ огонь въ трехъ кострахъ. Жители Канады пляшутъ кругомъ огня, какъ въ центральной Америкѣ черезъ огонь скачутъ. У Ирокезовъ есть праздникъ огня, совершаемый ежегодно, но не въ одно и то же время, а по назначенію шамановъ. Тогда повсюду въ жилищахъ гасятъ огонь, и въ знакъ печали, посыпаютъ пепелъ. Затѣмъ шаманъ вступаетъ въ кущу и воспламеняетъ новый (живой) огонь треніемъ двухъ палокъ (вѣдійск. *арани*) или высѣкаетъ огонь изъ кремня (нашъ *кремь*, *кресиво*—огниво). Днемъ и въ ясную погоду кое-гдѣ низводятъ на землю живой огонь помощію металлическаго

* У Миллера, стр. 256, 259, 270, 369,—120, 271,—56—57.

** Молнія, слетающая съ неба на землю, называется въ *Вѣдахъ* златокрылою птицей, огненною птицей, соколомъ. Kuhn, *Die Herabkunft des Feuers*, стр. 28.

*** У Миллера, стр. 54, 56, 62, 222, 271, 368, 391, 477, 519—520.

зеркала. Особеннаго развитія чествованіе огня достигло въ племени солнцепоклонниковъ Инковъ. Въ храмѣ солнца горѣлъ вѣчный огонь, который разъ въ году жрецы воспламеняли зеркаломъ, а въ ненастное время по первобытному способу—треніемъ палокъ. Это совершалось въ день самаго высшаго въ Перу празднества, зимою, въ іюнѣ, слѣдовательно соотвѣтственно нашему декабрю, когда солнце убываетъ до крайней степени и потомъ возраждается: потому на мѣстномъ нарѣчіи и называется эта годовщина выраженіемъ имѣющимъ смыслъ: „оно дѣлаетъ солнце и малымъ и великимъ“ (*citoc raymi*). Повѣрье это, очевидно, соотвѣтствуетъ у народовъ европейскихъ празднествамъ зимняго солоноворота, къ которымъ, между прочимъ, относится сербскій обрядъ *бадняка*, или сожигаемаго пня, наканунѣ Рождества Христова.

Отъ разложеннаго костра или сожигаемаго пня должно произойти новое или молодое солнце, новый богъ, или *божичъ*, какъ Сербы называютъ праздникъ Рождества Христова. Иначе этотъ же праздникъ, у южныхъ Руссовъ, представляется въ видѣ *огненнаго дива*, „огнемъ страшнаго“, которое — какъ поется въ одной колядкѣ—слѣдовало Апостолу Петру на руки взять и на столъ положить предъ самимъ Господомъ Богомъ, чтобы предъ всѣми святыми оно *сіяло*. Это странное представленіе, можетъ-быть перенесенное отъ горящаго бадняка, г. Костомаровъ совершенно справедливо объясняетъ тѣмъ „что праздникъ Рождества замѣнилъ языческія празднованія—возвращенія или возрожденія солнечной палящей силы.“ *

Наглядное объясненіе этого преданія, общаго всему человѣчеству, въ извѣстномъ періодѣ его развитія, предлагаетъ намъ одинъ миѳъ у Ацтековъ. Когда, чрезъ нѣкоторое время, погибло послѣднее солнце, по счету—четвертое, то герои и люди собрались около костра, чтобы произвести новое солнце. Кто изъ нихъ бросится въ костеръ и на немъ сгоритъ, тотъ и будетъ потомъ солнцемъ. Такъ и случилось.

Но чтобы вполнѣ понять основы изъ которыхъ этотъ миѳъ вышелъ, надобно его разумѣть въ связи съ однимъ въ высшей степени знаменательнымъ обрядомъ, совершаемымъ мексиканскими дикарями, въ предупрежденіе чтобы не погибло и это послѣднее, пятое солнце, и чтобы—когда окончится вѣкъ,

---

* Костомарова, *Историческое значеніе южно-рускаго народнаго пѣсеннаго творчества*, въ *Бесѣдѣ* на 1872, № 4, стр. 67.

извѣстное число лѣтъ по мексиканскому счету—не наступилъ конецъ міра, когда люди должны будутъ превратиться въ звѣрей, или, выражаясь языкомъ скандинавской Эдды, чтобы вмѣстѣ со всемірными сумерками или помраченіемъ свѣтлыхъ боговъ не наступилъ „вѣкъ волчій“, можетъ-быть, соотвѣтствующій *волчьему мѣсяцу*, какъ называется у европейскихъ народовъ пространство времени отъ ноября до февраля. * И такъ, въ ужасѣ отъ ожиданія конца вѣка, дикари во всѣхъ храмахъ гасятъ огни, бросаютъ все что̀ имѣютъ въ домахъ цѣннаго, будто прощаются съ жизнію, и проводятъ ночь въ потемкахъ, не смѣя зажигать огня. Затѣмъ, въ торжественной процессіи толпы народа идутъ на высокую гору, гдѣ должно совершиться великое чудо спасенія всего міра, и остаются въ ожиданіи до полуночи. Тогда на груди избраннаго плѣнника, обреченнаго на всесожженіе, вытираютъ двумя палками живой огонь, зажигаютъ имъ костеръ и бросаютъ въ него несчастную жертву. Поднимающееся вверхъ пламя возбуждаетъ всеобщую радость о спасеніи міра отъ гибели, и затѣмъ отъ священнаго костра новый огонь разносятъ по всѣмъ храмамъ и жилищамъ. При этомъ Миллеръ приводитъ греческій обычай, какъ на островѣ Лемносѣ возобновляли на домашнихъ очагахъ огонь, зажигая его съ жертвенника Аполлона въ Делосѣ. Можетъ-быть, читателямъ придутъ здѣсь на память наивные разказы средневѣковыхъ паломниковъ о томъ какъ въ Іерусалимѣ, въ пятницу на Страстной недѣлѣ, гасили огонь во всѣхъ храмахъ, и какъ потомъ толпы народа во множествѣ собирались съ незажженными свѣчами къ собору, и до самой полуночи съ воплемъ и плачемъ, сокрушенные сердцемъ, раскаиваясь въ своихъ грѣхахъ, ожидали въ страхѣ и трепетѣ великаго чуда сошествія на землю небеснаго огня, и когда онъ наконецъ сходилъ на избранныя лампады въ святилищѣ, тогда съ великимъ ликованіемъ всѣ зажигали отъ этого новаго огня свои свѣчи и возвращались съ нимъ въ свои дома. **

Связь живаго огня, сносимаго съ неба въ палкѣ (*партекс* Прометея), съ молніей—миѳъ карибскій выражаетъ въ образѣ упомянутой уже молніеносной птицы, которая будто бы

* Miklosich, *Die Slavischen Monatsnamen*, въ XVII томѣ *Denkschriften d. philosophisch. histor. classe d. Kaiserl. Akademie d. Wissensch.* 1867 въ текстѣ подъ № 27.

** Норова, *Путешествіе игумена Даніила ко Святой Землѣ*, 1864 стр. 138 и слѣд.; 183 и слѣд.

изводитъ молнію именно тѣмъ что дуетъ въ трость, чрезъ которую такимъ образомъ проходитъ огонь. Когда дикари впервые увидали ружье, то не иначе могли понять этотъ огнестрѣльный снарядъ, какъ съ точки зрѣнія своихъ миѳическихъ представленій. Такъ племена Ріо-де-Жанейро своего бога огня Камаруру почтили воплощеннымъ въ личности одного Англичанина, спасшагося на берегъ послѣ кораблекрушенія и имѣвшаго при себѣ ружье, по которому его называли также „человѣкомъ огня“, и высоко чествовали за все полезное чему научилъ онъ дикарей: такъ что доселѣ между туземцами есть фамиліи которыя ведутъ свой родъ отъ этого обоготвореннаго цивилизатора, который въ своемъ лицѣ исторически объясняетъ доисторическій переходъ представленій отъ обряда добыванія живаго огня до идеи о водвореніи благъ культуры подвигами первобытныхъ цивилизаторовъ, къ которымъ Греки отнесли идеальный образъ и своего Прометея.

Шварцъ, въ сочиненіи о происхожденіи миѳологіи,* для объясненія греческихъ и германскихъ миѳовъ объ Аполлонѣ, Локи и другихъ, удачно пользуется финскимъ сказаньемъ о богѣ Укко, который творитъ „новый огонь“. На тѣхъ же правахъ, сравнительная миѳологія можетъ дать самое широкое поле для изслѣдованія такого первобытнаго въ культурѣ факта, какъ добываніе огня, которое еще финикійскій Санхуніатонъ относилъ къ древнѣйшимъ изобрѣтеніямъ, отмѣтившимъ собою одинъ изъ самыхъ раннихъ періодовъ въ исторіи человѣчества. **

Не имѣя намѣренія входить въ подробности миѳологіи ди-

---

* Стр. 235—243.

** Не могу не замѣтить здѣсь кстати о той вовсе не научной легкости съ которою еще и до сихъ поръ относятся ученые къ народному быту. Такъ г. Стороженко, касаясь мимоходомъ купальскихъ костровъ, ограничиваетъ этотъ обрядъ только славянскими и германскими племенами. „Таковъ напримѣръ обычай зажиганія костровъ наканунѣ Иванова дня—говоритъ онъ—*общій германскимъ и славянскимъ племенамъ* и связанный съ вѣрованьемъ въ благодѣтельную силу священнаго огня.“ *Предшеств. Шекспира*, стр. 7. Почему было по крайней мѣрѣ не присовокупить сюда же племена *романскія*? — См. о купальскихъ обычаяхъ въ Италіи: De Gubernatis, *I fuochi di S. Giovanni*, а также Giuseppe Pitre, *Usi popolari Siciliani nella festa di S. Giavanni Battista*, въ *La Revista Europea*, 1871, іюль.

карей Новаго Свѣта и отсылая читателей къ книгамъ Миллера, Вайца и друг., для сравнительнаго изученія этого предмета съ миѳологіей арійскихъ народовъ, * я заключу свои выдержки нѣкоторыми любопытными данными въ дополненіе къ греческому миѳу о Девкаліонѣ и Пиррѣ, какъ они послѣ потопа бросаютъ позадь себя камни, изъ которыхъ потомъ раждаются люди. ** Данныя эти относятся къ космогоническимъ сказаньямъ, образцы которыхъ у Американцевъ были уже приведены выше. По одному карибскому сказанію, первый человѣкъ, спасшись отъ всемірнаго потопа, сотворилъ людей изъ камней, что̀ соотвѣтствуетъ преданіямъ и другихъ племенъ, называющихъ себя рожденными отъ камня, какъ напримѣръ Онеиды. *** По другому сказанію тоже Карибскаго племени на Ореноко, послѣ потопа, спасшись на высокой горѣ, нѣкоторые мужъ и жена рвали плоды съ пальмы и бросали ихъ назадъ черезъ голову, и отъ этихъ плодовъ народились люди заселившіе послѣ потопа землю. У Мексиканцевъ есть преданіе о томъ какъ возродился человѣческій родъ, только не послѣ потопа, а послѣ вѣка тьмы, наступившаго отъ погибели одного изъ солнцевъ. Сначала богъ съ своею супругой родили камень, или каменный ножъ, **** который потомъ палъ на землю и раздробился на куски. Изъ каменныхъ осколковъ произошло 1.600 героевъ. Далѣе къ этому преданію, общему съ греческимъ о Девкаліанѣ и Пиррѣ, присоединяется миѳъ о воскресеніи изъ костей, который мы уже слѣдили отъ Кавказа до Скандинавіи. А именно: народившіеся изъ каменьевъ герои пожелали имѣть подвластный себѣ родъ человѣческій, и для этого отыскали

---

* См. напримѣръ въ книгѣ Миллера: для миѳа о Данаѣ и о сербской Додонѣ, стр. 60; для народа Мирмидоновъ, стр. 180; для германской Валгалы и нашего острова Буяна, 138—139; для вѣщихъ рунъ, 134. Одинъ миѳъ о Манибозго содержитъ въ себѣ длинный рядъ подробностей, невольно напрашивающихся для сравненія и съ Ураномъ и Кроносомъ, и съ Зміеборцами, и съ героями въ родѣ Зигурда или Ахилла, уязвимыми только въ одно мѣсто, и съ миѳическими кладами (*hort*) и т. д. стр. 131—2. Для греч. Афродиты и финск. Ильматаръ, стр. 315, 515 и мн. др.

** Стр. 110, 229, 267, 517 — 518.

*** Отъ *онїа*—камень, *онїота-унгъ*—камнерожденные, или такъ-сказать—*каменевичи*.

**** Слич. вышеупомянутый миѳъ о серпѣ Крона или Деметры, брошенномъ на берегу Сициліи.

кости одного изъ людей погибшихъ въ уломянутой катастрофѣ. Добывъ кости, они пустили себѣ изъ жилы кровь и оросили ею кости, изъ которыхъ такимъ образомъ и произошли мальчикъ и дѣвочка, ставшіе потомъ родоначальниками новаго поколѣнія людей.

Въ заключеніе укажу на одну эпическую подробность, составляющую общее мѣсто въ нашихъ былинахъ, которая по своему происхожденію относится къ тому же грубому, первоначальному быту, какъ намъ рисуетъ его книга Миллера о первобытныхъ религіяхъ Американцевъ. Извѣстно что вырѣзывать сердце у падшаго врага было въ обычаѣ Скандинавовъ, точно такъ же какъ и наши богатыри и поленицы пластаютъ у побѣжденнаго бѣлую грудь и вынимаютъ сердце съ печенью: грубая черта нравовъ, исторически засвидѣтельствованная и нашими лѣтописями. * У американскихъ дикарей ** сердце и легкое или печень человѣческой жертвы считаются самою лучшею частію, которая предоставляется богамъ, или же главному жрецу, а руки и ноги начальнику племени, все же прочее народу. Кромѣ того на сердцѣ и легкомъ жрецы совершаютъ свои гаданья.

Итакъ, несмотря на всѣ успѣхи цивилизаціи снисканные человѣчествомъ въ теченіе тысячелѣтій своего историческаго возрастанія, какъ прежде, такъ и теперь, какъ у классическихъ народовъ древности, такъ и у европейскихъ народовъ второй половины XIX столѣтія — и въ быту народномъ и въ нравахъ и убѣжденіяхъ, и въ народной поэзіи — удержалось многое отъ грубой первобытности что̀ и доселѣ еще живетъ въ обычаяхъ дикарей Стараго и Новаго Свѣта. Ни идеальная красота греческихъ миѳовъ и поэзіи, ни желѣзная сила римскаго оружія и римскаго права, ни благотворный свѣтъ Евангелія не успѣли еще очистить убѣжденій и нравовъ отъ той закоснѣлой ветхости, отъ злобъ того ветхаго человѣка черты котораго изъ-подъ гладкаго уровня цивилизаціи неуклюже проглядываютъ и доселѣ, то въ безнравственномъ обычаѣ, изъ-поконъ вѣку прицѣпившемся къ свадебному обряду, то въ звѣрскомъ отношеніи дѣйствующихъ лицъ миѳа, передаваемомъ изъ рода въ родъ въ былинѣ и сказкѣ, то въ крайнемъ безсмысліи ка-

* Мои *Историч. Очерки* I, 264.—Рыбник. *Пѣсни* I, 71.—Въ *Ипат. сп. Лѣт.* „и убіенъ бысть, и *сердце его вырѣзаша*“. *Полн. Собр. Рус. Лѣт.* II, 192.

** Стр. 304, 476, 630, 633.

кой-нибудь дѣтской игры или столько же нелѣпаго суевѣрія взрослыхъ. Разъ прожитое человѣчествомъ надолго еще залегло во всемъ его нравственномъ существѣ, и какъ отсадокъ того стараго вина, которое не вливаютъ въ мѣхи новые, глубоко слустилось на самое дно народнаго быта. Такіе безсознательно застрявшіе въ жизни осколки старыхъ развалинъ, эти искаженныя временемъ окаменѣлости * давно отшедшаго міра, конечно, тормозятъ историческій прогрессъ народныхъ массъ, но все же не составляютъ они самаго существа народности исторически-развитыхъ націй.

Русскіе ученые, какъ мы видѣли, толкуютъ о какихъ-то грѣхахъ и развратѣ и объ омерзительныхъ картинахъ, въ которыхъ Русскій народъ будто бы изображаетъ свою семейную жизнь; но при этотъ они забываютъ о томъ какими красками другіе, и болѣе цивилизованные народы изображаютъ въ своихъ народныхъ сказкахъ семейные и общественные нравы, понятія и убѣжденія. И дѣйствительно, самое уже пребываніе сказки, съ ея чуть не долотолною обстановкой, среди современной образованности, заслуживаетъ серіознаго вниманія историка и этнографа. Всѣ эти нравственныя безобразія древнихъ миѳовъ, оправдываемыя только исторически, какъ грубѣйшіе анахронизмы, и доселѣ—какъ завѣтную святыню предковъ—бережетъ человѣчество въ своихъ сказкахъ, передавая ихъ изъ рода въ родъ и воспитывая въ нихъ нараждающіяся поколѣнія малыхъ дѣтей, которымъ матери и старухи не устаютъ разказывать эти сказки, не искусною рукою замалевывая дешевою моралью рѣзкіе очерки закоренѣлаго въ человѣческой памяти образа первобытной дикости, во всѣхъ этихъ наивныхъ разказахъ о звѣрскихъ жестокостяхъ и неслыханныхъ преступленіяхъ. Такими преданьями первобытной дикости, можетъ-быть, не скоро еще перестанетъ питаться та безсознательная, такъ-сказать, демоническая сторона человѣческой природы, которая, при всѣхъ успѣхахъ цивилизаціи, проявляется то въ чувственной безнравственности и въ поблажкѣ къ скотскому раздраженію страстей, то въ звѣрской жестокости, которая для своихъ истребительныхъ плановъ эксплуатируетъ великія изобрѣтенія новѣйшей науки и промышленности.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Ѳ. БУСЛАЕВЪ.

---

* Survivals, какъ называетъ эти анахронизмы Тайлоръ въ своей *Primitive Culture*.

МИЛИЦА

ПОВѢСТЬ ФР. НЕЧАСКА

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЧЕШСКАГО.

I.

Настала весна. Все оживаетъ, все раслускается и благоухаетъ. Дроздъ-пѣвунъ уже весело насвистываетъ свою однообразную пѣсенку; соловей заливается трелями, высоко въ облакахъ вторитъ ему жаворонокъ; а за ними и ворона каркаетъ: „яро! яро!“ * Фіалка, пробужденная отъ долгаго сна зефиромъ, встрепенулась, застыдилась что еще не одѣта и быстро начала надѣвать на себя сине-лиловое платьице; маргаритка позавидовала ей и тоже поскорѣе нарядилась въ яркіе цвѣта и гордо подняла голову. Солнце ласково окинуло теплымъ окомъ землю, и вся живописная Грубоскальская окрестность возродилась къ новой жизни.

Въ ближней рощѣ послышался легкій топотъ бѣгущей серны, которая, почуя весну, рѣзво прыгала съ камня на камень, и крутя головою, выдѣлывала прихотливые круги; неподалеку отъ нея стояла молодая поселянка, опершись на сукъ буковаго дерева, и съ дѣтскою радостью смотрѣла на свою шаловливую питомицу. Черные глаза красавицы живо слѣдили за всѣми ея

* По-чешски: весна! весна!

прыжками и затѣями; рѣзкій весенній вѣтеръ румянилъ смуглыя щеки дѣвушки и заигрывалъ съ ея глянцовитыми черными волосами, которые слегка прикрывалъ красненькій платочекъ. Но вдругъ набѣжало облако, и весеннее солнышко мигомъ спряталось; потянулъ холодный вѣтеръ; Милица осмотрѣлась кругомъ и начала звать свою серну: „Пора домой, *Минка*! Напрыгалась затѣйница! Пора на мѣсто!“

Серна подбѣжала къ ней, дѣвушка одною рукой обняла ее за шею, а другою гладила ея по головѣ, приговаривая: „Видишь какой вѣтеръ дуетъ! Пожалуй снѣгу дождемся, коли не дождя. Вотъ и солнышко спряталось!“ Милица поспѣшила домой, за нею побѣжала и серна. Вскорѣ полилъ сильный дождь, и дорога въ минуту разгрязнилась. Изъ рощи выбѣжали ребятишки, и подпрыгивая, шалуны кричали ей вслѣдъ: „Эй, Милица! Цыганка! Р-р-р-ръ.... Цыганка! Р-р-р-ръ!“

Они дразнили ее такъ потому что она рѣзко выговаривала букву р. Милица погрозилась на нихъ пальцемъ и молча озиралась, боясь чтобъ они не бросили въ ея серну камнемъ. Дождь сталъ проходить; она пошла тише. На дворѣ куковала кукушка; Милица пріостановилась и начала спрашивать:

— Кукушка, кукушка, много ли мнѣ лѣтъ жить? Разъ, два, три.... ну, ужь за двадцать пошла куковать! Это ужь слишкомъ много! Теперь скажи долго ли проживетъ моя серночка? Чу! пять лѣтъ. Ну, будетъ съ тебя, *Минка*! Три года прожила на свѣтѣ, да еще пять проживешь! А дѣдушка мой сколько проживетъ? Что жь ты молчишь? Да прокукуй же! Чу, одинъ—и только? Это ужасно! Неужели дѣдушка проживетъ только одинъ годъ! Ну, вотъ опять закуковала! Разъ, два, три, десять, пятнадцать.... О! да какъ мы всѣ долго будемъ жить.

И Милица, весело напѣвая пѣсню и прыгая съ кочки на кочку, побѣжала домой. Узенькая тропинка извивалась между скалами; она бережно приподняла свою синюю юпочку, чтобъ не изорвать и не испачкать грязью, сняла съ ногъ башмаки и чулки и такъ дошла до своей деревни, называемой Буковиною. Солнышко опять проглянуло; Милица спустилась къ пруду, на берегу котораго стоялъ большой домъ богатаго крестьянина Драгоневскаго, и присѣла на камешекъ. Ей стало жарко, быстрымъ движеніемъ она сорвала съ головы платокъ, бросила на траву и принялась мыть ноги. Густые волосы ея распустились по плечамъ, и такъ были они длинны что покрывали весь ея станъ, и концы ихъ окунались въ воду. Черезъ минуту ей

послышались чьи-то шаги, и она живо вскочила на ноги, чтобы скорѣе уйти, но увидя предъ собою Драгоневскихъ бабушку, осталась на мѣстѣ.

— Что ты это, неразумное дитя? Жизнь что ль тебѣ надоѣла? Въ такой холодной водѣ полощешь ноги. Такая ломота сдѣлается что мѣста не найдешь. Подожди до лѣта, тогда и купайся, какъ утка, только не здѣсь у дороги, подъ самыми нашими окнами. Да скажи на милость, зачѣмъ тебѣ вздумалось въ воду-то лѣзть? Иль хочешь какую комедію разыграть? Распустила черныя косы, какъ русалка, да засучила рукава по локоть, чтобъ выставить полныя ручки.... А Витъ небось изъ окна выглядываетъ.... да вздыхаетъ.... Знаю я васъ несмышленокъ!

— Что это вы говорите, бабушка? застыдилась молодая дѣвушка и съ недоумѣніемъ глядѣла на старуху.—Мнѣ и въ голову не приходило.... Право....

— Ну, ну! знаю я васъ.... Сама была молода.... лукаво улыбаясь продолжала бабушка, видя что слова ея сконфузили Милицу.—Ужь не даромъ ты сѣла тутъ.... Еще станешь тонуть.... на мелкомъ мѣстѣ, а нашъ добрякъ Витъ бросится вытаскивать тебя изъ воды.... А ты бы очнувшись вонзила въ него черные, угольные глаза свои, и чего добраго! ранила бы его сердечко.

— Бабушка, что вы говорите? Чѣмъ я заслужила это? краснѣя отъ негодованія вскрикнула дѣвушка, и глаза ея дѣйствительно засверкали.

Старуха любила подтрунить надъ молодежью, притворилась что не замѣтила огненнаго взгляда Милицы и продолжала прежнимъ суровымъ тономъ:

— Стыдись! Ты уже не маленькая! Красива уродилась, а ума мало набралась.

У Милицы навернулись слезы; тутъ бабушка перемѣнила тонъ, и гладя ея по лицу, приговаривала:—Сейчасъ и въ слезы, глупая какая! Я съ тобой пошутила. Знаю что ты дѣвка славная.... За дѣдушкой слѣпымъ хорошо ходишь. А теперь ноги застудишь, захвораешь, умрешь, Боже сохрани, а старика на кого покинешь? Ты у него одна, какъ порохъ въ глазу. Ему придется тогда съ тобой въ могилу ложиться.

У Милицы сквозь слезы мелькнула улыбка.

— Жаль мнѣ тебя, бѣдная сиротка! покачала головой бабушка.—Жаль, какъ родное дитя! Да вѣдь и дѣвка ты у насъ

славная. Только смотри, не вскружи голову нашему парню. Тогда я знаешь что̀ съ тобою сдѣлаю? Я твои черные глаза выцарапаю. Право слово выцарапаю. Да что̀ ты тутъ босая на камнѣ стоишь, словно вкопаная? На, вытри ноги-то себѣ!

Съ этими словами старуха сняла съ себѣ фартукъ и какъ бы въ сердцахъ бросила ей, прибавя, сквозь зубы:

— А то и вправду захвораешь.

Милица невольно повиновалась этому настойчивому голосу.

— Ну, теперь скорѣй бѣги домой! прибавила грозная старуха, толкнувъ въ спину озадаченную дѣвушку. — Чай дѣдушка заждался тебя. Да платкомъ увяжись хорошенько! Зазябнешь, волосы мокрые.

Во все это время серна стояла терпѣливо подлѣ своей молодой хозяйки и вмѣстѣ съ нею побѣжала домой.

II.

Идти было имъ не далеко. Мимо дома Драгоневскихъ дорога вела къ двумъ хижинамъ съ досчатыми крышами. Заходящее солнце красиво освѣщало эти бѣдныя жилища, живописно прижавшіяся, какъ гнѣздышко, къ сѣрымъ скаламъ, поросшимъ богатою растительностію. Въ одной изъ этихъ хижинокъ жила Милица, тутъ провела она счастливое время своего дѣтства. Позади этихъ хижинъ высились грозные утесы, испещренные узкими дорожками, изстари протоптанными пѣшеходами, и всѣ эти тропинки вели къ мѣстечку называемому *Грубая Скала*, откуда слышался звонъ колокола предъ вечернею молитвой. Жилище дѣдушки Илека было нѣсколько больше сосѣдняго; изъ оконъ его видны были поляны обработанной земли и большое строеніе надъ прудомъ, принадлежавшее Драгоневскимъ.

Первою заботой Милицы, очутившись дома, была серна; отворивъ хлѣвъ, она впустила туда свою любимицу, потомъ достала охапку свѣжаго заготовленнаго моха и разостлала его на доскахъ и положила въ ясли зеленой травы, приговаривая:—Будетъ съ тебя — довольно! Поужинай, да ложись спать, набѣгалась сегодня! Серна по обыкновенію протянула къ ней свою мордочку, и дѣвушка, почесавъ ей подъ шеей, сказала:—Вижу, вижу что ты благодаришь меня! и погладивъ ее, затворила хлѣвъ и вошла въ комнату.

У дубоваго стола сидѣлъ слѣпой старецъ, подпершись правою рукой и держа въ лѣвой палку, неизмѣнную спутницу его, съ которой не разставался ни на минуту. Рѣзкія морщины на лбу его свидѣтельствовали о многихъ заботахъ и думахъ. Одежда на немъ была бѣдная, состоящая изъ темно-синяго камзола и короткихъ, по колѣна, брюкъ, черные чулки и башмаки съ пряжками довершали его вседневный костюмъ. На передней стѣнѣ висѣли образа святыхъ и четки, немного поодаль прибита была большая полка, на которой лежало много книгъ въ изветшалыхъ переплетахъ, почему можно было судить что онѣ были часто въ употребленіи. На противоположной стѣнѣ висѣла желтая лакированная арфа, а у двери много мѣста занимала огромная изразцовая печка, съ каминомъ и плитой. Слѣпой по походкѣ узналъ внучку и сказалъ ей:

— Милица, ты что-то долго не возвращалась. — Впрочемъ, знаю что ты бѣгала по рощѣ съ *Минкой*, ей должно-быть тамъ понравилось.... а ты и рада этому.

— Да, дѣдушка, тамъ сегодня было хорошо.... отвѣчала молодая дѣвушка разсѣянно.

По звуку ея голоса слѣпой сейчасъ понялъ что внучка чѣмъ-нибудь встревожена; Милица, не дожидаясь разспросовъ дѣда, сама заговорила о своей бѣдѣ.

— Дѣдушка, мнѣ хочется разказать вамъ что-то. Долго таиться не могу. Тяжело на сердцѣ.

— Что случилось? Разказывай скорѣй! Что за несчастіе? И онъ въ нетерпѣніи привсталъ съ мѣста.

— Да, дѣдушка, именно несчастіе, большое несчастіе. Боюсь вамъ разказывать—будете бранить меня. Да надо облегчить душу.

— Ну, ну, не томи, разказывай скорѣй.

— Драгоневскихъ бабушка сказала мнѣ чтобъ я.... что я.... что она....

— Что сказала бабушка? Эта разумная женщина по пустякамъ словъ тратить не станетъ. Вѣрно не безъ причины.... съ нѣкоторою строгостью прибавилъ старикъ.

— Она сказала.... да право мнѣ стыдно повторять, она сказала чтобъ я стыдилась.

— Чего бы ты стыдилась? Говори!

— Она говорила: стыдись! ты такъ красива. Мнѣ и вправду стало стыдно.

— Глупенькая! разсмѣялся дѣдушка, — ты вѣрно не поняла

что она тебѣ хотѣла сказать. Ну это еще не велика бѣда! А какъ ты меня напугала! Поди, принеси книгу, которую вчера читала мнѣ. Найди тамъ страницу 51. Нашла что ли?

— Нашла.

— Ну, такъ читай.

Она начала: „Что есть наипрекраснѣйшаго въ природѣ? Посмотри на ясное человѣческое око, въ которомъ душа отражается, какъ въ зеркалѣ, на бѣлоснѣжное чело, обитель мыслей, на прелестныя, выгнутыя брови, пурпуровыя уста и стройное сложеніе, а если въ этомъ существѣ обитаетъ благородная душа, то прекраснѣе этого ничего нѣтъ въ природѣ. Въ прекрасномъ тѣлѣ прекрасная душа. Это верхъ совершенства, вѣнецъ созданія, это воплощенное божество.“

— Хорошо ли ты поняла смыслъ этихъ словъ? спросилъ старецъ.—Такъ видишь, должна ли ты была стыдиться.... Ну, теперь поди—приготовь поужинать.

Лицо Милицы прояснилось, она успокоилась и проворно начала готовить ужинъ. Во время ужина между прочимъ разговоромъ она разказала дѣдушкѣ что когда выпускали изъ хлѣва серну, на скалу взбирался какой-то незнакомый путешественникъ, остановился у ихъ садика и глядѣлъ на ихъ жилище, печально качая головой.

— Бѣдная хижина! говорилъ онъ: — Тебя какъ будто бурей вырвало изъ какой-нибудь деревни и занесло сюда въ это захолустье! Какъ мало удобной земли въ этихъ скалахъ и стремнинахъ! Чѣмъ питаются бѣдные люди? Конечно здѣсь живописная мѣстность, но все-таки природа слишкомъ скупа, не плодотворна...

— Меня это очень удивило, дѣдушка, сказала въ заключеніе молодая дѣвушка: — Что это онъ объ насъ такъ тужитъ? Чего намъ недостаетъ? Неправда ли, дѣдушка? Въ садикѣ у насъ довольно грушъ и черешни; въ грядкахъ моихъ родится картофель, морковь и другой овощъ.... Правда что огородъ лежитъ на косогорѣ, да что за бѣда? У меня ноги молодыя... Вѣдь мы ни въ чемъ не нуждаемся.

— Разумѣется, дитя мое! подтвердилъ старикъ спокойнымъ голосомъ:—Овощей у насъ довольно; а для козы и для серны трава есть. Чего немножко недостанетъ, арфа поможетъ намъ заработать. Вотъ и живемъ, слава Богу!

III.

Послѣ ужина, Милица пошла въ рощу, наломать хворосту для топлива на завтра; солнце уже сѣло за горами, но послѣдніе лучи его еще освѣщали вершины сосенъ на высотахъ. Съ сѣвера подулъ сильный вѣтеръ; деревья зашумѣли и закачались надъ ея головой; какой-то зловѣщій свистъ пронесся по лѣсу; Милица поспѣшила домой и пришедши затопила печку, чтобы дѣдушка не озябъ ночью. Но вѣтеръ завылъ въ трубѣ и вогналъ дымъ въ комнату.

— Оставь, не топи! Авось не замерзнемъ, сказалъ старикъ, собираясь ложиться въ постель.

Имѣя привычку оканчивать день молитвой, Милица предложила прочесть страницу изъ книги духовнаго содержанія.

— Сегодня читать не станемъ. Вѣтеръ такъ воетъ и свиститъ что заглушаетъ твой голосъ. Я же сталъ тугъ на ухо. Авось Господь милосердый сохранитъ нашу хижину—она стоитъ подъ навѣсомъ скалы.

Говоря это, дѣдушка Илекъ ощупью добрался до стѣнныхъ часовъ и заводя ихъ разговаривалъ самъ съ собою:

— Вотъ натянулъ пружину, далъ вамъ силы на цѣлый день, и пошли чокать. Такъ и человѣкъ—поѣстъ, отдохнетъ, освѣжится на воздухѣ и еще потянетъ на нѣсколько времени. Вотъ и буду заводить васъ каждый день, пока случай не попортитъ вашихъ пружинъ.... такъ и я буду маяться пока не подойдетъ мой часъ. Кто-то васъ будетъ заводить безъ меня? Милица, ты спишь? Слышишь какъ буря стучитъ и бьется въ окно? Пожалуй всю ночь не дастъ глазъ сомкнуть.

Милица вскочила съ постели и, завернувшись въ одѣяло, сѣла на кровать къ дѣдушкѣ. Вихрь крутилъ деревья, ломалъ сучья съ воемъ и трескомъ, несся по долинѣ и казалось хотѣлъ разрушить это убогое жилище, потрясая его до основанія. Утихнетъ, утихнетъ немножко.... только-что старикъ скажетъ: „Благодаря Бога, проходитъ!“ какъ вѣтеръ опять со страшнымъ шумомъ и трескомъ начнетъ все ломать на пути.

— Ну, кажется и скала не спасетъ нашу хижину! грустно прошепталъ дѣдушка Юрій, склонивъ голову. — Удары грома все чаще и чаще.... Какъ окна-то стучатъ!

Милица крѣпко держала руку дѣда, а другою гладила его сѣ-

дые волосы. Вдругъ что-то грохнулось со скалы на крышу хижины....

— Большая сосна упала надъ нами, должно-быть, вздрогнувъ промолвилъ старикъ.—Помилосердуй Господь, помоги намъ!

— Такой бури я еще не помню во всю мою жизнь! говорила испуганная дѣвочка.

Въ эту минуту быстро распахнулась наружная дверь—ее сорвало съ петель сильнымъ ударомъ вѣтра; вихрь закружился по избѣ; часы остановились.

— Послѣдній день насталъ! завопилъ слѣпой старикъ, привставъ на постели.

— Дѣдушка, теперь пожалуй всѣ гдѣзда разметало, каково молодымъ птичкамъ? Гдѣ имъ укрыться? Господи! Спаси птичекъ и серну мою! Ухъ! какой вѣтеръ!

— Милица! заложи окно периной, стекло вылетѣло! сказалъ дѣдушка, и вставъ, побрелъ ощупью къ двери; съ немалымъ усиліемъ онъ надѣлъ ее на петли; да мимоходомъ пустилъ маятникъ часовъ, и они опять застукали.

— Слава Богу, часы не испортились отъ вѣтра. Тронулъ маятникъ, и опять зачокали. Такъ и жизнь человѣческая. Сломаетъ его бѣда, кажется совсѣмъ погибаетъ, ни откуда никакого спасенья, а тамъ смотришь—малѣйшая помощь, онъ опять сталъ на ноги и пошелъ жить покойно.

Буря между тѣмъ все разражалась сильнѣе и порывистѣе, и надъ головой ихъ снова раздалось: трахъ! трахъ!

— Еще дерево упало. Боже ты мой!

Вслѣдъ за этимъ послышался ужасный трескъ: переднюю часть крыши раскрыло вѣтромъ и доски съ грохотомъ попадали подъ скалу.

— Это ужасно, милый дѣдушка! Что это такое! вскрикнула въ испугѣ Милица.—Какая страшная буря! Уйдемъ, дѣдушка, отсюда! Укроемся гдѣ-нибудь въ пещерѣ подъ скалой. Хижина упадетъ и насъ задавитъ.

— Въ ночную пору, въ лѣсу, въ ущельѣ скалъ, буря еще сильнѣе свирѣпствуетъ, отвѣчалъ старикъ, мысленно призывая имя Божіе.—Но потерпи немного, дитя мое. Что сильно, то не продолжительно, подождемъ съ часокъ, и ты увидишь, все пройдетъ.

И въ самомъ дѣлѣ буря мало-по-малу стала стихать, и къ разсвѣту все совершенно успокоилось въ природѣ.

— Вотъ и ураганъ прошелъ! разсуждалъ дѣдушка, — и опять

настала тишина, какъ будто ничего не бывало. Но что, я думаю, начудила эта буря! О-о-охъ!

— Ужь совсѣмъ свѣтло, дѣдушка, птички зачирикали. Вы бы отдохнули, родной.

— И такъ хочу прилечь.

И пошелъ къ своей постели, опираясь на руку внучки. А Милица, посидѣвъ немного у окна, подумала: „что-то съ моей серночкой?“ и побѣжала къ хлѣву. „Натерлѣлись чай съ козой-то, бѣдняги“. Но только лишь вышла за порогъ хижины, какъ увидѣла что Витъ Драгоневскій съ своимъ дворникомъ Мартыномъ привезли возъ тесу и принялись чинить ихъ крышу.

— Дѣдушка, дѣдушка! закричала она, снова вбѣгая въ избушку.—Погляди-ка? Витъ съ Мартыномъ кроютъ нашу крышу.

— Вознагради Господь Богъ этихъ добрыхъ людей! воскликнулъ слѣпой, набожно скрестивъ руки на груди и поднявъ къ небу свой угасшій взоръ.

Хижина была скоро готова и поправлена.

— Позови ко мнѣ, внучка, добрѣйшаго Вита, чтобъ я его поблагодарилъ, съ чувствомъ произнесъ старикъ.

Милица, взглянувъ въ окно, увидѣла что Витъ скорыми шагами удаляется.

— Дѣдушка, да онъ ушелъ! отвѣчала она. — Остался только Мартынекъ съ возомъ.

— Экой какой! съ умиленіемъ прошепталъ старецъ.—Ну, да благословитъ его Матерь Божія!

Мартынекъ между тѣмъ подбѣжалъ къ воламъ, на которыхъ привезены были доски, и началъ жарить ихъ бичомъ, потому что они стояли не покойно, трогались съ мѣста, отмахиваясь хвостами отъ оводовъ. Услышавъ визгъ кнута, старикъ встревожился.

— Что это за привычка у этихъ людей постоянно бить бѣдное безсловесное животное! съ неудовольствіемъ ворчалъ старикъ, и обратясь ко внучкѣ, велѣлъ позвать къ себѣ Мартынка.

Мартынъ вошелъ въ избу съ бичомъ въ рукѣ и громкимъ голосомъ развязно привѣтствовалъ старика:

— Здорово, дѣдушка Илекъ! Какъ поживаете?

— Спасибо тебѣ, родимый мой, помаленьку! Большую вы мнѣ съ хозяиномъ оказали услугу; благодарю отъ души. И вотъ теперь вмѣсто угощенья, я дамъ тебѣ хорошее нравоученіе, оно тебѣ пригодится. Иногда это имѣетъ больше цѣны нежели грошъ на водку, а у меня теперь кстати нѣтъ его. У

тебя, Мартынекъ, не пустая голова, ты хитрецъ и кажется умѣешь грамотѣ—не такъ ли?

— Извѣстно дѣло, умѣемъ. На вашей избѣ виситъ доска, на ней написано ваше имя и тысяча восемьсотъ тринадцатый годъ.

— Молодецъ! Фундаментально умѣешь читать. Я ужь тебѣ сказалъ что ты хитрецъ. Послушай меня и смотри, не проронн словечка. Былъ одинъ французскій философъ — знаешь ли ты что такое философъ?

— Ну, разумѣется.... Это, какъ говорится, фокусникъ.... или фигляръ.

Старикъ улыбнулся и прибавилъ:

— Ну, оно хоть и не совсѣмъ такъ....

— А, а! теперь знаю, знаю! Постойте—это книжный человѣкъ.

— Да, въ родѣ того, положимъ. Вотъ этотъ философъ сидѣлъ однажды и писалъ свое сочиненіе. Безотвязная муха безпрестанно садилась ему на носъ и мѣшала заниматься. Шъ!... шъ!... отгонялъ, отгонялъ ее, ничего не беретъ. Опять прилетѣла, сѣла на лобъ и лѣзетъ въ глаза. Разсерженный философъ не сталъ однако убивать муху, а поймалъ и отнесъ ее къ окну, выпустилъ на волю и сказалъ: „Летай тамъ себѣ на просторѣ. Міръ великъ, обоимъ намъ съ тобою будетъ мѣсто.“ Ну, что теперь скажешь на это, Мартынекъ? Коли тотъ муху пожалѣлъ, какъ же ты воловъ не жалѣешь?

Мартынекъ стоитъ, молча вертя шляпу въ рукахъ; слѣпой думаетъ: „Ну, не напрасно упало доброе сѣмя, парень исправится“, и говоритъ ему:

— Теперь поди съ Богомъ, голубчикъ! Надѣюсь что съ этихъ поръ ты будешь щадить бѣдное животное.

Дворникъ не заставилъ повторить приглашеніе выдти изъ комнаты, но на порогѣ обернулся и, ухмыляясь, проворчалъ:

— Еслибы мы, въ нашемъ Драгоневскомъ домѣ, должны были ловить всѣхъ мухъ, да каждую особенно подносить къ окну, да еще поговорить съ нею, тогда бы намъ ничего другаго не пришлось дѣлать цѣлый Божій день.

Сказавъ это, онъ самодовольно улыбнулся и важно вышелъ изъ избы. Сѣвъ на возъ, онъ громче прежняго свистнулъ бичомъ по воламъ.

„Вотъ тебѣ и мой философъ!“ подумалъ старикъ и грустно улыбнулся.

Въ эту минуту вбѣжала Милица и со слезами объявила дѣдушкѣ что не знаетъ куда дѣлась ея серночка.

— Погибла гдѣ-нибудь, бѣдняжка, во время бури. У хлѣвушка дверь сорвало вѣтромъ, говорила молодая дѣвушка.

И старикъ не успѣлъ еще сказать ей утѣшительнаго слова, какъ она схватила съ веревочки шейный платокъ и быстро бросилась вонъ изъ комнаты. Пошла по дорогѣ къ Троскамъ. „Серна не побѣжитъ противъ вѣтра“, думала она, „а верхушки деревьевъ, вырванныхъ съ корнемъ, всѣ лежатъ по этому направленію“. И съ ужасомъ останавливалась по дорогѣ, при видѣ всѣхъ опустошеній которыя надѣлала буря въ эту ночь. Около Грубоскальскаго кладбища сломало бурей нѣсколько кудрявыхъ сосенъ и многіе кресты съ могилъ были сорваны. „Но гдѣ моя *Минка*?“ съ сокрушеніемъ повторяла она, „если забѣжала въ большой лѣсъ, тогда и искать нечего! Одичаетъ въ лѣсу и присоединится къ другимъ сернамъ“. И призадумалась тутъ Милица: „Если такъ, то Богъ бы съ ней, по крайней мѣрѣ будетъ жить на свободѣ. Лишь бы только не попалась подъ ружье охотника.“

Черезъ минуту опять принялась кликать: „*Минка*? Гдѣ ты? Зачѣмъ ты меня такъ пугаешь? *Минка*, куда ты убѣжала?“ и голосъ ея далеко раздавался по лѣсу.

Утомленная Милица сѣла на пень чтобъ отдохнуть, не переставая громко кликать серну; вдругъ послышался легкій трескъ между сучьями, и выставилась мордочка бѣглянки. Милица вскрикнула отъ радости и протянула къ ней обѣ руки. Серна выскочила изъ-за кустовъ и начала къ ней ласкаться. Возвращаясь домой, въ сторонѣ около тропинки, по которой шла молодая дѣвушка, она увидѣла Вита, но онъ сейчасъ скрылся за деревьями. „Чудакъ какой! Опять спрятался!“ подумала Милица и отвернувшись продолжала разговаривать съ своею любимицей.

IV.

Послѣ грозы небо выяснилось; полевыя работы закипѣли; полуразвернувшіяся почки на деревьяхъ изливали смолистый, пріятный запахъ. Дѣдушка Илекъ сѣлъ у окна и, съ наслажденіемъ вдыхая душистый воздухъ, прислушивался къ пѣнію птицъ и забавлялся какъ ребенокъ, заставляя скворку, клѣтка котораго висѣла на ближайшемъ суку, выговаривать имя Милицы. Вблизи слѣпому послышались чьи-то шаги; подошелъ фабрикантъ Веверка, дядя Вита, и спросилъ: каково поживаетъ дѣдушка Илекъ?

— Ночь была бурная, продолжалъ онъ, опершись на подоконникъ, — у васъ, на Буковинѣ, я слышалъ, буря не мало набѣдокурила.

— Крышу у насъ снесло, да благодаря вашему племяннику Виту, отвѣчалъ растроганнымъ голосомъ старикъ, — мы съ Милицей опять подъ кровомъ живемъ.

— Какъ не помочь? Дѣло сосѣдское, сказалъ Веверка съ важною осанкой.—Вѣдь тутъ старъ да малъ живетъ. Ну, а гдѣ внучка-то твоя, черноглазая красавица?

— Побѣжала въ лѣсъ серну ловить. Бѣдное животное испугалось бури и выбѣжало изъ хлѣва. Дѣвочка ударилась въ слезы. Привыкла къ этому животному. Какъ быть?

— Понятное дѣло. Я шелъ мимо и вздумалъ васъ тутъ провѣдать — живы ли?

— Благодаря Бога, ничего! Живемъ.

— Ну, такъ прощайте. Счастливо оставаться.

— Спасибо за вниманіе, сказалъ дѣдушка и подумалъ: „да свѣтъ не безъ добрыхъ людей“.

Веверка пошелъ далѣе по дорогѣ къ Троскамъ, а на встрѣчу ему идетъ Милица съ серной. Лицо ея сіяетъ удовольствіемъ. Веверка улыбаясь поздравилъ ее съ радостью.

Она скорыми шагами вошла къ дѣдушкѣ и съ торжествомъ объявила что нашла свою бѣглянку.

— Эта *Минка*-плутовка, говорила она, садясь подлѣ дѣда,— забрела такъ далеко, чуть не до Обровскаго холма. Мнѣ не мало было хлопотъ съ ней. Но все-таки я рада.

— Ты чай устала, гоняясь за нею, глупенькая?

— Немножко, дѣдушка, да это ничего. Однако надо идти въ огородъ и подумать о садикѣ.

И вотъ она съ заступомъ въ рукѣ проворно работаетъ около яблонь, сливъ и черешень; окопала розовый кустъ, привязала его къ колышку, насажала подсолнечниковъ, потомъ отправилась въ поле на полосу, готовить гряды подъ картофель, зелень и другія овощи. Не успѣла окончить работы, какъ увидѣла что къ ихъ жилищу подходитъ молотильщикъ Окринекъ, изъ Киселёвска. Онъ присланъ былъ отъ управляющаго имѣніемъ, барона Классодольскаго, звать на вечеринку, которую онъ обыкновенно давалъ крестьянамъ въ началѣ весны. Само собою разумѣется что дѣдушку Илека приглашали съ арфой.

— Пообѣдаемъ, Милица, да и собирайся! сказалъ слѣпецъ, настраивая свой инструментъ.

И они скоро отправились въ Киселевскъ. Милица по обыкновенію несла арфу.

— Весною рѣчка Либунька широко разливается по полямъ, сказалъ дѣдушка при поворотѣ дороги. — Пойдемъ вѣрнѣе на Пелешаны, тамъ есть лавы. Въ бродъ объ эту пору потокъ не перейдешь ни какимъ образомъ.

— Конечно, дѣдушка, лучше! Мы сейчасъ повернемъ налѣво, къ Чортовой Рукѣ.

Такъ издревле называлась скала, о которой шла въ народѣ какая-то страшная, средневѣковая легенда, о какомъ-то забулдыгѣ, запродавшемъ, какъ водится, душу чорту. Но вернемся къ слѣпому старику и его граціозной внучкѣ. Они пошли по узкой тропинкѣ, которая лежала около этой грозной скалы.

— Усталъ я, сяду отдохнуть у кленоваго моста! сказалъ утомившійся старикъ. — А ты взойди-ка на горку, полюбуйся на видъ, который оттуда открывается.—Любилъ я очень бывало эту мѣстность.

Молодая дѣвушка, поставивъ арфу около него, пошла къ церкви которая стояла неподалеку отъ Вальштейнова замка, осмотрѣлась съ восхищеньемъ кругомъ, и глаза ея остановились на Корконошской горѣ, гдѣ еще лежалъ снѣгъ, а тутъ представился ей во всемъ величіи своемъ и Ештетъ, вершина котораго покрыта темнымъ лѣсомъ; она взглянула внизъ, и огромныя сосны показались ей мелкимъ кустарникомъ.

— Что, хорошо? спросилъ дѣдушка, когда заслышалъ что Милица вернулась.

— Ахъ! какъ хорошо, дѣдушка! воскликнула она, — пожить бы около этой церкви!

— Однако пойдемъ дальше. Нечего время терять.

И они снова отправились въ путь. Дорога шла окраиной молодаго лѣсочка, въ которомъ жило несмѣтное множество птицъ; пѣніе ихъ сливалось съ журчаніемъ потока, серебрившагося посреди густой зелени. Въ воздухѣ стояла пріятная свѣжесть и благоуханіе.

— Я полагаю, внучка, что Либунька разлилась. Посмотри-ка можно ли пройти, спросилъ дѣдушка Илекъ, когда они подошли къ берегу рѣки.

— Вода велика, но все-таки, я думаю, можно будетъ по лавамъ перебраться довольно безопасно.

Милица положила арфу на берегъ, взяла слѣпаго старика за

руку и бережно перевела на ту сторону. Послѣ того вернулась за арфой. Когда они подходили къ Киселевскому двору, солнце уже было близко къ закату, послѣдніе лучи его падали на верхушки стройныхъ тополей, которые вели къ ратейнѣ. * Стемнѣло. У деревьевъ засвѣтили фонари. Поселяне сходились со всѣхъ окрестныхъ деревень въ ратейну, которую освѣтили и по стѣнамъ уставили лавками и столами. Средина была оставлена для танцевъ.

V.

Гости собрались. Ратейна наполнилась народомъ. Пришелъ старшій молотильщикъ Окринекъ, и увидѣвъ дѣдушку Илека, сталъ надъ нимъ подтрунивать.

— Мое вамъ нижайшее почтеніе! говорилъ онъ съ нѣкоторою иронією.—Ахъ! какъ ты сегодня вырядился: Ботинки съ старомодными пряжками, долгополый синій кафтанъ и гладко-причесанные сѣдые волосы. Гляньте-ка, братцы! и на арфѣ новая лента. Кто это тебѣ ее повязалъ? Навѣрное Милица. А калачей съ козьимъ сыромъ хочешь? Я могу ихъ достать сколько душѣ угодно. Разставляй карманъ шире!

— Да оставь ты его въ покоѣ! прикрикнулъ Недолилъ на своего товарища Окринька. — Разсердишь старика, онъ и играть намъ не станетъ. Разъ ужь онъ откинулъ такую штуку.

Тутъ въ разговоръ впутался румяный парень съ кудрявою головой и напустился съ своей стороны на Окриньку, который стоялъ храбро подбоченясь и не спуская глазъ съ Милицы.

— Ну, что ты выпятилъ на нее свои кошачьи глаза.... и лукаво улыбаясь, прибавилъ:—Придираешься, знаемъ за что. Что Милица съ тобой танцовать не пошла прошлое воскресенье. И старику не даешь покоя....

Милица, скромно прижавшись къ плечу слѣпца, робкимъ голосомъ сказала имъ, не давъ закончить рѣчи:

— Мы лучше уйдемъ съ дѣдушкой, если вамъ помѣшали....

— Какъ можно! закричало нѣсколько голосовъ:—Будьте покойны! Мы этого шалопая въ бараній рогъ скрутимъ.

— Досталось вамъ скрутить меня! хорохорился парень: — Еще не доросли до того, подождите!... и съ легкою, хвастливою

---

* Большая горница, въ которой обѣдаютъ рабочіе въ лѣтнюю пору.

улыбкой прибавилъ:—Ужь коли черныя очи меня не скрутили.... такъ вамъ до меня не добраться.

Милица съ досадой отвернулась отъ него. Дѣдушка притворяется будто не слышитъ что̀ болтаетъ молодежь.

Вошелъ управляющій и важнымъ тономъ сказалъ:

— Ну, теперь начинайте, братцы!

Дѣдушка Илекъ заигралъ вальсъ; честная компанія пустилась въ плясъ, и ссора была забыта.

— Что̀ это за дерзость! снова раздался голосъ Окриньки:—Я старшій молотильщикъ и мнѣ первому начинать танцы; а тутъ какой-то шаршавый недоросль вздумалъ мою честь оскорбить.

— Тише, тише! сказалъ наконецъ слѣпой музыкантъ,—не то я сейчасъ перестану играть.

Задорный Окринекъ замолчалъ, и балъ продолжался. Посѣтителей все прибывало: изъ Пелешанъ, съ Грубой Скалы, изъ Вискры; пришли и сынки зажиточныхъ крестьянъ-собственниковъ, въ числѣ ихъ и Витъ Драгоневскій изъ Буковины. Только было всѣ растанцовались, какъ снова отворилась дверь и появились еще болѣе важные гости: лѣсничій барона, въ праздничномъ одѣяніи, съ бѣлымъ пером на шляпѣ. Вмѣстѣ съ нимъ вошелъ грубоскальскій управляющій, разодѣтый въ лухъ и прахъ, напомаженъ и надушенъ. А тутъ показался и косой письмоводитель барона съ лорнеткой на носу. Они усѣлись отдѣльно, всѣ вмѣстѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ, и подбоченясь свысока глядѣли на деревенскую публику. Поселяне, не слишкомъ довольные ихъ присутствіемъ, начали перешептываться между собою: „Что̀ за чудо, дескать, бывало и не замѣчали что мы здѣсь веселимся, а теперь расфранченные сами сюда пожаловали...“ Окринекъ бойко подскочилъ къ этимъ великолѣпнымъ гостямъ и какъ лиса сталъ осматривать ихъ съ ногъ до головы и прислушиваться къ разговору который они вели между собою. Повертѣлся около нихъ и подбѣжалъ къ Илеку сообщить что изъ рѣчей ихъ онъ понялъ что самъ баронъ будетъ сюда.

Въ самомъ дѣлѣ вскорѣ послышался стукъ подъѣзжающей къ крыльцу кареты, и баронъ показался въ дверяхъ. При его появленіи всѣ гордыя лица нашихъ именитыхъ посѣтителей мгновенно преобразились; они быстро вскочили съ своихъ мѣстъ и униженно начали кланяться предъ барономъ, и все время держали себя на вытяжкѣ, съ робкимъ подобострасті-

емъ. Баронъ томными, полузакрытыми глазами окинулъ все собраніе и привѣтливо раскланялся съ поселянами. Это былъ мущина среднихъ лѣтъ, блѣдный, худощавый, но красивый и съ благородною осанкой. Взглядъ его остановился на слѣпомъ старикѣ игравшемъ на арфѣ. Замѣтивъ этотъ взглядъ, управляющій какъ стрѣла полетѣлъ къ дѣдушкѣ Илеку и строгимъ голосомъ закричалъ:

— Что̀жь ты не кланяешься его сіятельству, старый медвѣдь!

Старикъ кротко и вѣжливо отвѣчалъ:

— Васъ, господинъ управляющій, я узнаю по вашему благородному обращенію и умнымъ словамъ, но какимъ образомъ, не имѣя зрѣнія, я могу видѣть въ какой сторонѣ находится баронъ. Вмѣсто него я поклонился бы пожалуй кому-нибудь изъ его слугъ.

— Грѣха бы не было, еслибъ и слугѣ его поклонился, заносчиво произнесъ управляющій.—А ты чего тутъ глядишь, дерзко обратился онъ къ Милицѣ.—Ты имѣешь быстрые глаза и сверкаешь ими какъ угольями? Ты должна всѣмъ кланяться, коли хочешь съ дѣдушкой заработать копѣйку.

Милица чрезвычайно сконфузилась, изъ-подлобья бросила на него жгучій взглядъ, полный презрительнаго негодованія, и потупясь, сѣла такъ что изъ-за дѣдушки почти ея не было видно публикѣ.

— Не велика птица.... неотесанная крестьянка... продолжалъ озлобленно управляющій.

— Какъ! Моя внучка Милица неотесанная крестьянка? вскрикнулъ старикъ, закипѣвъ гнѣвомъ.—Развѣ она не достаточно учтива съ кѣмъ-нибудь? Если она не дворянка по роду, то надѣюсь что благородна въ чувствахъ и поступкахъ.

— Благородная, высокородная! засмѣялся управляющій:— дворянка изъ буковинской избушки, которая ждетъ чтобъ ей изъ милости бросили двадцать крейцеровъ.

Дѣдушка Илекъ, блѣдный какъ смерть, весь дрожалъ, потупя голову. Расходившійся управитель не замѣтилъ что баронъ давно стоитъ позади него и видитъ его обращеніе съ слѣпымъ старикомъ и его беззащитною внучкой.

— Съ какой стати ты обижаешь этихъ людей? остановилъ его баронъ.

Услыша голосъ своего господина, управляющій задрожалъ какъ осиновый листъ и въ одно мгновеніе спрятался въ толпу. Желая доказать свое вниманіе бѣдной дѣвушкѣ, лицо которой

выражало чувство оскорбленнаго самолюбія, баронъ пригласилъ ее на танецъ. Увидя что онъ вальсируетъ съ Милицей, управляющій и косой письмоводитель начали перешептываться между собой: „Это ужь слишкомъ демократично... танцовать съ мищенкой!.. Онъ себя срамитъ, нашъ-то...“ прибавилъ конторщикъ. Но простой народъ остался очень доволенъ поступкомъ барона; крестьяне, искренно любуясь Милицей, говорили, переглядываясь между собой: „Словно графиня какая танцуетъ! Да и красива-то какъ, въ этомъ красномъ платочкѣ на шеѣ!“

Витъ глядѣлъ на нее и краснѣлъ отъ восторга. Баронъ побылъ на этомъ крестьянскомъ балѣ еще съ полчаса, посмотрѣлъ какъ веселятся простолюдины, и уѣзжая, распорядился чтобъ было сдѣлано народу хорошее угощеніе, чтобы всѣ были довольны. „Многія лѣта барону!“ грянуло нѣсколько голосовъ вдругъ; дѣдушка ударилъ въ струны, и цѣлый хоръ подхватилъ: „Многія лѣта!“ Старикъ до того оживился что, передавъ арфу Милицѣ, пустился плѣть, подплясывая:

Ужь какъ будетъ у Лимбурка
Суха лила зеленѣть!...

За нимъ и другіе; пѣли, плясали, прищелкивая пальцами, и веселью не было конца.

— Страшакъ! Сыграй, дѣдушка, страшакъ! упрашивали его „дивчата“.

И дѣдушка заигралъ любимый, національный танецъ „страшакъ“. Всѣ поларно пустились кружиться, и останавливаясь, постукивали въ тактъ ногою и грозили другъ другу пальцами, потомъ опять, схватившись за руки, кружились и вертѣлись до упада. Таковъ страшакъ у деревенскихъ. Витъ рѣшился наконецъ подойти къ Милицѣ и робко пригласилъ ее на этотъ танецъ. Но едва протанцовалъ съ ней первую фигуру страшака, какъ бабушка Драгоневская сдѣлала ему знакъ рукой, и онъ, поклонившись Милицѣ, подошелъ къ старухѣ; та пошептала ему что-то и сейчасъ же увела его изъ ратейны. Милица поглядѣла ему вслѣдъ, ей показалось странно и какъ-то обидно что не дали Виту кончить съ нею танецъ. Она пошла и сѣла опять около дѣдушки и все время отказывалась отъ танцевъ.

Было уже три часа утра, когда окончился деревенскій балъ и всѣ разошлись. Но Милицѣ съ слѣпымъ дѣдушкой было не удобно идти ночью домой, и потому они остались ночевать въ Киселевскѣ.

VI.

Утромъ дѣдушка Илекъ почувствовалъ что кто-то его тормошитъ за рукавъ.

— Кто это? спрашиваетъ старикъ съ просонья, и не получивъ никакого отвѣта, повернулся на другую сторону и хотѣлъ опять уснуть, какъ почувствовалъ что маленькая дѣтская ручка теребитъ его за волосы.

— Да кто же это? снова спросилъ старикъ, приподнимаясь на постель.

— Это я, отвѣтила тоненькимъ голоскомъ маленькая Розарка.—Здѣсь Маринька и Тоничекъ.

— Ахъ! вы милыя дѣтушки! ласково заговорилъ старикъ.

— Вижу что вамъ хочется послушать какую-нибудь сказочку. Ну, дѣлать нечего—садитесь.

Самъ между тѣмъ надѣлъ свой синій кафтанъ и собрался разказывать сказку. Въ одну минуту блѣденькая Маринька и толстякъ Тоничекъ оба очутились у него на колѣняхъ, а маленькая Розарка до тѣхъ поръ карабкалась къ нему на плечо, пока онъ не ухитрился и ее усадить къ себѣ на руки.

— Ну, какую же вамъ разказать сказку, про мышей, либо про кошекъ?

— Про мышей! про мышей! закричали дѣти въ одинъ голосъ.

И дѣдушка, подумавъ съ минуту началъ:—Жила была мышка, по бабушкѣ называлась она Морщинкой... Кто-же это, дѣти, къ двери-то подошелъ?

— Это нашъ дворникъ! позволь и ему послушать сказку, просили дѣти. — Мы ходили съ нимъ недавно за ягодами и онъ намъ разказывалъ сказку про пѣтушка... такую хорошую.

— По мнѣ пускай слушаетъ. Ну, такъ вотъ — у мышки Морщинки была тетка, которая постоянно жила у ней, конечно, въ мышиной норѣ. И такъ у Морщинки съ теткой была прехорошенькая коморка. Напосили онѣ туда моху, соломки, и постлали себѣ постельку. Снѣгъ не заходилъ туда и дождь не проливалъ. Эта коморка была глубоко въ скалѣ; лѣтомъ было тамъ прохладно, а зимою тепло, особенно когда мышки покрывались мягкими шубками изъ гусинаго луха, который онѣ набирали около пруда. Весною мышки выходили изъ

норки и питались въ рощѣ корешками, а лѣтомъ запасали себѣ на зиму кормъ; собирали по полю колосья, горохъ, чечевицу. И такъ жили долго и спокойно. Однажды мышка-тетушка послала свою племянницу на добычу; ждетъ-пождетъ свою Морщинку, а Морщинка не возвращается ни вечеромъ, ни на другой день; совсемъ пропала, да только! „Эта бѣдокурка, эта шалунья, думаетъ тетушка, вѣрно забѣжала въ замокъ, а тамъ котъ Замарашка поймаетъ ее и скушаетъ. Сколько разъ я говорила Морщинкѣ берегись ты этого злаго Замарашки, а она неразумная не послушалась меня и теперь ужь ея нѣтъ на свѣтѣ.“ Тетушка побѣжала искать ее по рощѣ, по лугамъ, по канавкамъ. Нигдѣ не было Морщинки; сердечко у тетушки такъ билось, что даже зубки стучали. Прошелъ день, другой, третій. Мышка-тетушка плачетъ, горюетъ каждую минуту что осталась на бѣломъ свѣтѣ одинешенька и начала было уже обдумывать чтобъ ей, на старости лѣтъ, идти въ какую-нибудь другую семью,—одной жить тошно... какъ вдругъ слышитъ около норы что-то зашустѣло на сухихъ листьяхъ, глядь! анъ Морщинка предъ ней! и торопится разказывать: „Ну, тетушка, то-то я всего напилась, наѣлась самыхъ дорогихъ печеній. Пойдемте со мною, тетушка, я отведу васъ туда, бросимъ мы нашу противную нору и будемъ тамъ бѣгать по чистой кухнѣ и всего имѣть вдоволь. Не будемъ больше таскаться по полю, собирать колосья и въ рощѣ выкапывать корешки.“ Тетушка сѣла на заднія лапки, вертитъ ушами и сначала она сердито посмотрѣла на вертушку-племянницу; но та ужь очень прельстила ее сладкими печеньями... и кончилось тѣмъ что мордочка у тетушки прояснилась и глаза заблестѣли радостью. „Пожалуй, говоритъ, попробуемъ, какой вкусъ въ этихъ печеньяхъ“, а сама ужь облизывается. „Ну такъ пойдемте скорѣй“. И тетушка надѣла свой новый чепчикъ съ кружевцомъ.

— Дѣдушка! прервала разказчика бѣлокурая Маринька: — у мышки развѣ есть чепчикъ?

— Не прерывай дѣдушку! закричалъ на нея толстый Тоничекъ, слушавшій, не переводя дыханія, сказку о Морщинкѣ.

И дѣдушка продолжалъ.

— Чепчикъ съ кружевцами и чисто вымытое платьице; а на шею надѣла красненькую ленточку и пошла. Дорогой Морщинка уговариваетъ свою робкую и довѣрчивую тетушку.

„вотъ наступятъ для насъ счастливые годы, и умирать не захочется“. И обѣ онѣ тихонько проскользнули въ Грубоскальскій замокъ. Бѣжали тихо и осторожно около стѣнки и прокрались въ кухню, и тетушка увидала тутъ чего только душа желаетъ, вытаращила глаза, поводитъ носикомъ и такъ ужь всѣмъ довольна, что у нихъ даже голова закружилась. „Что жь вы, тетушка, не кушаете? Смотрите, вотъ тутъ курникъ, а тутъ сдобный пирогъ посыпанный сахаромъ“. И тетушка принялась ѣсть пироги, а Морщинка не даетъ ей покоя, схватила за лапочку и тащитъ къ миндальному печенью; только тетушка успѣла лизнуть печенья, какъ та соблазняетъ ее саломъ и сливочнымъ масломъ. Мышка-тетушка и говоритъ: „Ты хитрячка, Морщинка, мы тутъ хорошо поживемъ, надо думать“. А Морщинка улыбается и такъ-то оплетаетъ сливочное масло, что только чепчикъ на головѣ трясется, и говоритъ Теперь, тетушка, зови не зови отсюда, ужь я ни за что не пойду въ нашу несчастную нору. Что мы глупыя прежде не догадались найти дорожку къ замку. По зернышку въ полѣ собирали и кормились тѣмъ. Сколько нужды натерпѣлись! сколько лишеній! А здѣсь жили бы какъ господа.“ Не успѣла она это выговорить, какъ вдругъ за стѣной раздалось Гамъ! гамъ! гамъ! Мышки переполошились и попрятались кто куда попало—одна вскочила въ банку, другая юркнула подъ миску. Гамъ! гамъ! гамъ! опять залаялъ Султанъ. Кухарка прибѣжала въ кухню и стучитъ половою щеткой. „Навѣрное тутъ были мыши! Султанъ, ищи ихъ! поймай и раздави хорошенько лапой!“ А мышки притаились и дышать не смѣютъ. Долго осматривала кухню кухарка, а Султанъ совался носомъ по угламъ. „Вѣрно убѣжали подъ полъ, проклятыя! Пойдемъ, Султанъ!“И вышли изъ кухни. Лишь только они ушли, Морщинка выглянула изъ-подъ миски еле жива. „Тетушка, шепчетъ она, не будетъ больше трогать сала, уйдемъ скорѣй!“ Тетушка вылѣзаетъ изъ банки, вся вымазанная масломъ и безъ чепчика; лапки у нея дрожатъ и голова отъ страха трясется. А Султанъ за стѣной опять: Гамъ! гамъ! гамъ! „Пойдемъ, Морщинка, побѣжимъ проворно домой. Кабы мнѣ сахарныя горы сулили, я бы ни за что въ замкѣ не осталась!“ говоритъ тетушка, едва переводя дыханье. И вотъ онѣ осторожно выбрались изъ кухни и безъ оглядки помчались домой. Какъ пришли въ свою норку, говорятъ: „Слава Тебѣ, Господи! Мы въ безопасности! Здѣсь насъ никто не тронетъ. Нѣтъ, я вижу, гораздо лучше сидѣть

въ нашей простой комнаткѣ около гороху, чѣмъ въ замкѣ около сдобныхъ пироговъ и печенья, да слышать какъ подлѣ тебя рявкаетъ это чудовище Султанъ: гамъ! гамъ! гамъ! Нѣтъ ужь меня теперь въ тотъ замокъ и калачомъ не заманишь!" размышляетъ вслухъ тетушка, а племянница сидитъ пристыженная и чуть не плачетъ. Вотъ и сказкѣ конецъ.

— Какъ же, дѣдушка, спрашиваютъ дѣти, а за челчикомъ-то пошла мышка въ замокъ?

— Нѣтъ, она ужь туда и не заглянетъ больше, отвѣчалъ дѣдушка, улыбаясь.

Въ это время проснулась Милица, одѣлась и стала собирать дѣдушку въ путь. Вышли за ворота, а имъ на встрѣчу Окринекъ.

— Ну, дѣдушка Илекъ, какъ-то вы перейдете ло лавамъ, сказалъ онъ, ловко подступая бочкомъ къ Милицѣ:—такой дожжикъ лилъ всю ночь что Либунька разлилась бѣда какъ!

— Дѣлать нечего! Какъ-нибудь побредемъ.

— Не проводить ли васъ? вызвался Окринекъ, какъ ловкій малый.

Милица толкнула подъ бокъ дѣдушку, шепнувъ:—Не нужно, одни пойдемъ.

И дѣдушка Илекъ отвѣчалъ:

— Благодарю. Мы и одни дойдемъ. Богъ милостивъ.

Окринекъ злобно проворчалъ что-то и, нахлабучивъ шапку на глаза, отошелъ прочь, а дѣдушка со внучкой пошли въ свою деревеньку Буковину. Въ самомъ дѣлѣ Либунька такъ разлилась что клокотанье ея волнъ слышалось уже издалека нашимъ путникамъ. Когда подошли они къ лавамъ, то старикъ спросилъ не снесло ли ихъ и какъ высоко поднялась вода.

— Лавы еще не затоплены, отвѣчала Милица, вода не достала до нихъ на четверть локтя.

— Такъ поспѣшимъ скорѣй, тутъ только двѣ дощечки. Правда, онѣ довольно широки. Я бы ни мало не боялся, еслибъ тутъ были жордочки чтобъ ухватиться. Смотри, внучка, будь осторожна, въ полую воду какъ разъ поскользнемся оба.

Положивъ арфу на берегъ, молодая дѣвушка съ замираніемъ сердца взяла дѣда за руку, и превозмогая свой страхъ, старалась твердымъ голосомъ доказать ему что она вовсе не боится, но бѣдный слѣпецъ чувствовалъ какъ тряслись ея руки. Они однако прошли благополучно.

— Теперь побѣгу за арфой! сказала Милица. Но дѣдушка сталъ убѣдительно упрашивать ее не ходить на ту сторону:

— Подождемъ! кричалъ онъ:—Авось кто-нибудь пойдетъ и захватитъ арфу.

— Нѣтъ, дѣдушка, долго бы намъ пришлось ждать. Вода все прибываетъ. Лучше поспѣшу.

Съ этими словами Милица побѣжала по лавамъ. Дѣдушка кричитъ ей вслѣдъ:

— Неравно голова закружится, брось арфу въ воду и спасай себя!

Милица успѣла перейти на ту сторону и схватить арфу; не медля ни минуты пошла назадъ, и достигла уже до половины, какъ взглянула невольно на клокотавшія у ногъ ея волны и почувствовала что голова начинаетъ кружиться, но стараясь сохранить равновѣсіе, шла мѣрнымъ шагомъ далѣе. Около берега лавы уже были покрыты пѣной, ноги ея скользили, арфа перетягивала и до ея слуха долетаетъ голосъ дѣдушки: „Брось арфу и спасай себя". У Милицы потемнѣло въ глазахъ и лавы начали кружиться. Она сдѣлала нѣсколько отчаянныхъ шаговъ, поскользнулась и упала. Старикъ вскрикнулъ, но къ счастію, нашелъ въ себѣ довольно силы чтобъ ощупью спуститься подъ лавы, гдѣ Милица лежала безъ чувствъ подлѣ воды на лескѣ. Съ невыразимымъ страхомъ, онъ началъ брызгать ей въ лицо водою, растирая ей пульсъ и виски, и съ большимъ трудомъ привелъ ее въ чувство: она очнулась и хотѣла привстать, но руки ея замерли на арфѣ, которую она крѣпко держала, чтобы не уронить въ воду. Не сообразя въ первую минуту что̀ съ нею произошло, она говорила:

— Дѣдушка, что̀ это у меня руки-то закостенѣли? Не могу шевельнуться съ мѣста.

Старикъ съ безпокойствомъ началъ растирать ей руки и согрѣвать дыханьемъ. А Милица, мало-по-малу пришедши въ себя и видя тревожное состояніе дѣдушки, постаралась ободрить его и съ улыбкой сказала:

— Не бойтесь, дѣдушка, руки-то не бѣда, имъ ничего не сдѣлается, а вотъ спасибо что арфа не разбилась. Этому надо порадоваться.

— Что мнѣ арфа? Была бы ты здорова, моя пташка!

— Ужь мнѣ лучше стало, дѣдушка, пойдемте домой скорѣй! торопила его Милица, и отдохнувъ нѣсколько минутъ, они встали, и чтобъ избѣжать гористой дороги, повернули на Пелешаны. На этотъ разъ старикъ не далъ нести ей арфу. Дорожка шла низиной, вся окаймленная незабудками; Милица нарвала ихъ въ

фартукъ и идучи сплела два вѣнка; одинъ положила на арфу другимъ украсила шляпу дѣдушки. Всю дорогу смѣялась и шутила.

Старикъ былъ счастливъ что внучка опять весело защебетала. Пришелъ онъ въ свою хижину, усѣлся въ свое старческое кресло съ кожаною подушкой и отворилъ окно; а скворка съ яблони кричитъ: „Здравствуй, дѣдушка!“ Хорошо показалось ему дома, особенно когда Милица запѣла своимъ звучнымъ голоскомъ веселую народную пѣсенку, которая живо напоминала ему его молодость. Онъ внутренно поблагодарилъ Бога. Свѣтлы были его думы въ эту минуту, онъ не замѣтилъ какъ подошелъ часъ обѣда. Милица между тѣмъ проворно все изготовила.

— Дѣдушка, похлебка на столѣ! сказала она, выводя старика изъ тихой, пріятной задумчивости.

— Такъ скоро? удивился онъ.—Ну, давай обѣдать, внучка!

VII.

Первою заботой Милицы послѣ обѣда было посмотрѣть что дѣлаютъ ея серночка и говорунъ скворецъ, не терпѣли ли они голода безъ нея? Не случилось ли съ ними какой бѣды? Отворила хлѣвъ и всплеснула руками отъ удивленія: у серны лежало много свѣжей травы и нарѣзаннаго ломтиками картофеля; побѣжала въ садикъ, сняла клѣтку скворушки, глядитъ— и у него также прорасть червячковъ и насыпано сѣмячко.

— Ой, ай, ай! да у васъ тутъ всего вдоволь! А я было собиралась прощенья просить что такъ надолго васъ бросила... болтала молодая дѣвушка съ своими питомцами:—Кто же это однако объ васъ позаботился? Добрый тотъ человѣкъ...

И ей на память пришелъ Витъ. Она задумалась и вспомнила что на вечеринкѣ въ Киселевскѣ онъ спрашивалъ у дѣдушки когда тотъ думаетъ вернуться домой. Дѣдушка отвѣчалъ: да ужь думаю ночевать здѣсь... Куда мнѣ, слѣпому, ночью, да въ дождикъ плестись ломили?.. Милица, услыша это, жалобно сказала: „а моя бѣдная серна останется безъ свѣжаго корма!“ Витъ не пролустилъ этихъ словъ мимо ушей. Не забылъ навѣстить ея любимцевъ. Такое вниманіе со стороны Вита очень тронуло Милицу. Она отворила клѣтку, выпустила скворушку полетать на волѣ, и серну побѣгать на свободѣ. Серна запрыгала и начала весело кружиться, поматывая сво-

ею складною головкой, а скворка сѣлъ на вѣтку, да и кричитъ во всеуслышаніе: *Скворушка панъ! Скворушка панъ!*

— Сюда, сюда! манитъ его Милица, подставляя руку; онъ прилетѣлъ къ ней и давай щипить ей пальцы:—Вижу что ты наказываешь меня, плутишко, за то что я такъ долго не выпускала тебя на волю... Совсѣмъ забыла своего милаго скворушку... да!—да!.. толковала она съ нимъ; вдругъ птица вспорхнула и сѣла на верхушку молодой яблонки, да сидя тамъ и кричитъ: *Милица, гдѣ ты? Милица, гдѣ ты?* Она въ отвѣтъ подняла головку, улыбается и щелкаетъ пальцами, приговаривая:—Скворушка умникъ! Скворушка умникъ! Да вдругъ и вспомнила что ей много еще работы въ полѣ. „Хороша я хозяйка! укоряетъ она себя:—съ козой прыгаю, со скворцомъ разговоръ веду, а грядки стоятъ, да дожидаются меня!“ И она, схвативъ заступъ, проворно побѣжала въ огородъ.

Послѣ работы въ грядахъ, она крѣпко уснула ночью; рано утромъ разбудилъ ее стонъ дѣдушки. Милица тревожно вскочила съ постели, подбѣжала къ старику и нагнувшись надъ нимъ спрашивала: не заболѣлъ ли онъ? Не дать ли ему капель?

— Нѣтъ, моя пташка, я, слава Богу, здоровехонекъ, только мнѣ сейчасъ приснилась твоя покойная мать, моя бѣдная дочь Волюша. И грустно мнѣ стало что она въ такой красѣ и молодости покинула Божій свѣтъ...

— Дѣдушка—голубчикъ! Хочешь я тебѣ напеку твоихъ любимыхъ лепешекъ съ макомъ? перебила его внучка, придумывая чѣмъ бы разсѣять печальныя мысли разгрустившагося старика.

Онъ понялъ ея намѣреніе, подозвалъ ее поближе и поцѣловалъ въ голову.

— Поди напеки, моя умница! Ты давно не угощала своего дѣдушки лепешками съ макомъ.

И стараясь улыбнуться внучкѣ, шепталъ про себя: „Какъ человѣкъ-то слабъ! Сейчасъ и ролоть!..“

Лепешки какъ и всегда удались какъ нельзя лучше; дѣдушка ѣлъ да похваливалъ.

— Да что я въ самомъ дѣлѣ выдумалъ горевать? тихо говорилъ дѣдушка, какъ бы про себя:—Не оставилъ меня Господь до конца! Далъ мнѣ тебя, мое дитя, въ утѣшеніе.

— Дѣдушка, на дворѣ такъ хорошо послѣ грозы, солнышко свѣтитъ такъ привѣтливо и ласточки опять прилетѣли вить гнѣздышко. Это тѣ которыя жили у насъ подъ стрехой; ихъ

гнѣзда были разорены тою страшною бурей. Право, дѣдушка, лойдемте на воздухъ, хотя къ Орлиной Скалѣ.

— Что̀ жь ложалуй, лойдемъ! Я сяду плесть корзинку, а ты нарѣжешь мнѣ тамъ хорошихъ прутиковъ.

— Вчера я много ихъ заготовила; вамъ въ недѣлю не сплесть. Я лучше возьму что-нибудь шить; бѣльемъ мы лообносились.

— Ну, какъ знаешь, внучка.

И не долго сбираясь, они отправились рощей по направленію къ Орлиной Скалѣ. Усѣлись тамъ около песчаной дорожки, на травѣ. Милица сняла съ головы платокъ, и двѣ черныя косы упали ей на плеча. На ней была бѣлая какъ снѣгъ сорочка, застегнутая на груди залонкой, съ лышными за локоть приподнятыми рукавами, коротенькая синяя юпочка и черный корсетикъ выложенный краснымъ шнуркомъ; кромѣ того бѣлые чулки и маленькія „черевички“ обхватывали ея стройную ножку. Росту она была немного больше средняго, сложенія очень правильнаго; при малѣйшей улыбкѣ блестѣли бѣленькія зубы ея и не рѣдко яркій румянецъ загорался на нѣсколько смугломъ лицѣ ея. Выраженіе лица ея было по большей части серіозное, даже какъ будто суровое, а иногда и гордое; рѣчь отрывиста и своеобразна; но когда улыбка озаряла эти строгія черты, то эта дѣвушка становилась необыкновенно привлекательна.

— Дѣдушка, спросила она, поднявъ вверхъ свою хорошенькую головку и устремивъ глаза въ мрачное ущелье, у подножія котораго они мирно пріютились:—Отчего это скала носитъ названіе Орлиной? я никогда не видала здѣсь никакихъ гнѣздъ.

— Это названіе ей дано въ глубокую старину, дитя мое. Если хочешь, я тебѣ разкажу это преданіе. Нѣкогда въ этомъ ущельѣ свили гнѣзда орлы... Да кто это лодходитъ къ намъ? логляди, я слышу чьи-то шаги на лескѣ.

Милица обернулась и шепчетъ дѣдушкѣ:

— Это Витъ Драгоневскій.

— Будь благословенно имя Господа Іисуса Христа! сказалъ Витъ, поровнявшись съ ними.

— Во вѣки аминь, отвѣчалъ дѣдушка Илекъ, и прибавилъ:—Куда это ты пробираешься, мой другъ! На вечеринку что ли?

– Я былъ на мельницѣ и теперь иду домой.

— Коли не очень спѣшишь, присядь къ намъ, логоворимъ на досугѣ.

Витъ втайнѣ былъ очень доволенъ этимъ приглашеніемъ и не заставилъ себя долго упрашивать. Не смѣя взглянуть на Милицу, онъ сѣлъ подлѣ нея, какъ будто случайно. Широкая грудь его высоко поднималась, быть-можетъ отъ усталости, но вѣрнѣе, отъ душевнаго волненія; онъ снялъ шляпу, и тряхнувъ свѣтлорусыми кудрями, вытеръ платкомъ бѣлый лобъ, рѣзко отличавшійся отъ загорѣлыхъ щекъ. Бросая украдкой восторженные взгляды на Милицу, онъ робко потуплялъ глаза, всякій разъ какъ встрѣчалъ ея холодно искрившійся взглядъ.

— Вотъ я было сталъ разказывать внучкѣ легенду объ этой скалѣ, началъ старикъ.—Слыхалъ-ли ты ее, Витъ?

— Не помню, дѣдушка, можетъ-быть и слыхалъ. Да все равно разкажите. Я радъ слушать.

— Ну, такъ вотъ слушайте оба теперь. Во времена оны завелось тутъ орлиное гнѣздо и столько ихъ разродилось что сосѣднимъ деревнямъ не было отъ нихъ покоя. Эти страшныя птицы спускались какъ стрѣлы на землю и похищали ягнятъ, козлятъ и даже дѣтей и наводили ужасъ на жителей. Начали они придумывать какъ бы извести этихъ кровожадныхъ птицъ и усовѣтовались такъ: если выищится такой отважный человѣкъ, который бы полѣзъ въ эти гнѣзда на неприступной высотѣ и истребилъ бы птицъ, то дать ему большую награду. Смотрите въ эту разщелину, гдѣ сходятся двѣ скалы—видите тамъ едва замѣтную для простаго глаза перекладинку? Такъ слушайте дальше. Долго никто не находилъ средства подступиться къ орламъ. Въ это время въ тюрьмѣ Грубоскальскаго замка содержался преступникъ, и когда дошелъ до него слухъ объ этомъ происшествіи, то онъ объявилъ что берется разорить гнѣзда, съ условіемъ чтобы выпустить его на свободу Привели преступника; народъ былъ убѣжденъ что это невозможная вещь: если онъ вскарабкается какимъ-нибудь образомъ, то птицы исщиплютъ его, и онъ долженъ будетъ свалиться мертвымъ на землю. Преступникъ началъ готовиться къ дѣлу; велѣлъ натесать кольевъ и набить на нихъ желѣзные оконечники. Когда они были сдѣланы, онъ сталъ выжидать удобной минуты, когда орлы вылетятъ на добычу, чтобы достигнуть до вершины. Онъ проворно взобрался по кольямъ, какъ по лѣстницѣ,

упирая ихъ остріемъ въ скалы, которыя тутъ, какъ видите, сходятся очень близко. Вкарабкавшись такимъ образомъ до самой вершины, онъ проворно повыкидалъ изъ гнѣздъ только-что высиженныхъ дѣтенышей, не теряя времени, спустился внизъ живъ и здоровъ. Народъ, который толпился тутъ чтобы посмотрѣть на это чудное зрѣлище, тотчасъ же убилъ орлятъ и побросалъ ихъ въ воду. Прилетѣли орлы, и не найдя дѣтенышей, цѣлыхъ трое сутокъ увивались около пустыхъ гнѣздъ, испуская жалобный писк; наконецъ вся стая взвилась и улетѣла съ страшными, неистовыми криками. Съ тѣхъ поръ этихъ хищниковъ не видали въ нашей сторонѣ; а преступникъ не только получилъ свободу, но и большое награжденіе отъ народа.

Въ то время какъ старикъ разказывалъ легенду, Витъ чертилъ что-то тросточкой на пескѣ. Милицу взяло любопытство посмотрѣть что онъ чертитъ и она увидѣла—два сердца и надпись: *одно страдаетъ, другое не знаетъ.* Милица, увидя это, вся вспыхнула, въ глазахъ ея мелькнулъ грустный упрекъ, съ оттѣнкомъ гордаго негодованья. Ей въ эту минуту живо представилось какъ на послѣдней вечеринкѣ Драгоневская бабушка схватила его за рукавъ и потащила домой, когда онъ началъ танцовать съ нею.

— Дѣдушка, не пора ли намъ? сказала Милица, выразительно сдвинувъ свои черныя брови:—Мнѣ еще надо хлѣбы растворить, а ужь вечеряетъ.

— Ну что жь, пойдемъ, Милица!

Она живо встала и помогла дѣдушкѣ приподняться. Витъ тоже всталъ, поклонился ей; она сухо отвѣчала ему на поклонъ и уходя энергически затоптала ногой нарисованныя сердца.

Молодаго человѣка какъ льдомъ охватило; онъ напряженно смотрѣлъ имъ вслѣдъ и долго стоялъ потуля голову, не трогаясь съ мѣста, съ болью въ душѣ, когда она уже скрылась изъ глазъ.

Злой и разстроенный вернулся Витъ домой. Сѣлъ къ окну подпершись рукой и не отвѣчалъ ни на какіе вопросы семейныхъ. Накрыли столъ; Витъ отказался отъ ужина и грустно насвистывая пошелъ на верхъ въ свою комнату. Мать и бабушка многозначительно переглянулись между собой.

— Я говорила вамъ, матушка, что не даромъ онъ тамъ прилѣпился около этого слѣпаго старика.

— Разумѣется, дѣло ясно какъ день. Вскружила ему голову, размышляла бабушка.—Она, правду сказать, дѣвушка хорошая, да ужь больно бѣдна.

— Да и всѣ называютъ ее Цыганкой, какъ хотите, это непріятно.

— Бросьте вы бабьи сплетни! крикнулъ на нихъ самъ Драгоневскій, отецъ Вита:—Что вамъ помѣшала сирота? Какой дѣвкѣ слово промолвилъ, такъ думаете что сейчасъ и свататься хочетъ. Извѣстно, человѣкъ молодой, ему съ черноглазою красавицей поболтать пріятно.

— Да она не больно говорлива, замѣтила бабушка.—Видала я какъ она молодцовъ-то отпуживаетъ. А все-таки Виту не пара.

А Витъ между тѣмъ, не раздѣваясь, прилегъ на кровать и думалъ крѣпкую думушку. Больно ему было холодное обращеніе Милицы, перекидывалъ онъ и такъ и сякъ: можетъ отъ робости дѣвичей, стыдится; а можетъ и кто другой ей болѣе по-сердцу пришелся. „Нѣтъ, ужь надо мнѣ добиться толку,. рѣшаетъ онъ, завтра же скажу ей что у меня на душѣ. Откажетъ, такъ и буду знать что несчастнымъ человѣкомъ родился на свѣтъ. А коли пойдетъ за меня? Да что напрасно тѣшить себя пустою надеждой.“

Не смыкалъ онъ глазъ во всю эту ночь: какъ ни старался ломериться съ мыслію что Милица будетъ принадлежать другому, потому что его не любитъ—не могъ. Онъ чувствовалъ что пережить того не въ состояніи. Однако во что бы ни стало надо узнать истину, такъ или иначе, думаетъ влюбленный юноша и съ самаго утра подстерегаетъ Милицу чтобы поговорить съ нею наединѣ.

VIII.

Чтобы не подать повода къ разнымъ толкамъ между сосѣдями, Витъ уже не посѣщалъ болѣе дѣдушку Илека съ тѣхъ поръ какъ подросла его внучка. Теперь когда онъ положилъ себѣ узнать отъ нея окончательно рѣшеніе своей участи, какъ мы уже сказали выше, онъ съ самаго утра бродилъ по Грубоскальской рощѣ, въ надеждѣ съ нею встрѣтиться. Прошли два мучительные часа, которые показались Виту за нескончаемыя сутки, наконецъ вдали мелькнула ея красненькая косыночка,

съ замираніемъ сердца онъ прижался къ дереву и ждалъ чтобъ она подошла поближе. Не испугать же ее въ самомъ дѣлѣ выскочивъ изъ-за кустовъ, разсуждалъ онъ, глядя какъ она собираетъ сухіе сучья для топлива.... Подходить или нѣтъ? гадаетъ онъ, и видя наконецъ что она связала вязанку и собралась идти домой, онъ рѣшился показаться ей.

— Не помочь ли вамъ донести вязанку? предложилъ онъ, раскланиваясь съ Милицей.

— Нѣтъ, зачѣмъ? Я сама донесу, отвѣчала она съ легкимъ наклоненіемъ головы, направляясь въ другую сторону.

Тяжко и больно стало ея поклоннику. Сердце его переполнилось горечью.

— Вотъ вы какія гордыя! Не хотите принять отъ меня ни малѣйшей услуги, задушевнымъ голосомъ проговорилъ Витъ.— За что я вамъ такъ противенъ? Не грѣхъ вамъ было вчера растоптать мое сердце!

Она улыбнулась, и на лицѣ ея выступилъ яркій румянецъ но вскорѣ оно опять приняло строгое выраженіе, и почти отвернувшись отъ него она проговорила:

— Никогда и рѣчи не заводи объ этомъ со мною! И такъ твоя бабушка грозитъ выцаралать мнѣ за тебя глаза. Вѣрно ей кажется что я добиваюсь твоего расположенія.... Да и ты самъ можетъ полагаешь что меня легко зальстить? Много о себѣ думаешь.... Гордишься что твои голубые глаза такъ прекрасны. Небо еще прекраснѣе, незабудки еще синѣе. Ты думаешь что ты такой высокій, стройный, живой; моя серна еще стройнѣе тебя и проворнѣе. Не воображай что я лучше тебя никого не видала.

Глаза ея то потуплялись, то загарались и смотрѣли въ сторону; лицо блѣднѣло. Витъ былъ такъ озадаченъ этою выходкой что не нашелся возражать ей. Ему почти былъ непонятенъ смыслъ ея упрековъ.

— Чтобъ я никогда ничего не слыхала о твоемъ сердцѣ! вскрикнула чуть не со слезами Милица, и бросивъ вязанку дровъ, какъ стрѣла исчезла въ чащѣ кустарниковъ.

„Опять все тѣ же рѣчи! Опять остался не при чемъ!“ думалъ молодой человѣкъ, и сѣвъ на пенекъ, горестно охватилъ руками голову. „Нѣтъ, не родился я для счастья!“ Не зналъ онъ какъ убить время, чѣмъ размыкать жгучее горе.... Сидѣть въ бездѣйствіи было ему невыносимо. Онъ пришелъ домой, взялъ ружье и отправился на охоту. Домашніе ждутъ его день, ждутъ другой, и начали уже не на шутку безпокоиться о немъ.

Когда Милица бѣжала домой, то издали, на поворотѣ тропинки, видѣла какъ Витъ сидѣлъ закрывъ лицо руками, погрузившись въ тяжелую думу. Ей стало смертельно досадно на самое себя. „Зачѣмъ я его такъ оскорбляю? упрекала она себя, онъ всегда добръ и внимателенъ къ дѣдушкѣ и ко мнѣ. На меня никогда не сердится, прощаетъ всѣ мои дерзкія выходки.“ Но она вдругъ одумалась и начала припоминать колкія слова его бабушки. „Если буду ласкова съ Витомъ, вспало ей на мысль, она подумаетъ что я льщусь на его богатство. Нѣтъ, Господь съ ними, съ Драгоневскими! Не стану больше думать о нихъ....“

Но съ той поры Милица во многомъ измѣнилась. Какъ ни старалась она быть попрежнему веселою и безпечною, какъ ни суетилась около хозяйства и въ огородѣ, и даже пѣла дѣдушкѣ его любимыя пѣсни, но все какія-то безотчетно тревожныя мысли тѣснились въ ея сердцѣ, оно не рѣдко сжималось доселѣ невѣданною грустью, предъ нею мелькало задумчивое лицо Вита и слышались его слова: „За что вы меня такъ ненавидите?“

Прошло еще нѣсколько однообразныхъ дней. Витъ ей больше не встрѣчался нигдѣ. Милица какъ ни усиливалась, никакъ не могла отогнать отъ себя внезапно ожившія въ ея памяти воспоминанія дѣтства, когда она ходила въ школу вмѣстѣ съ Витомъ. Обижалъ ли кто маленькую дѣвочку, Витъ являлся ей на помощь и такъ горячо защищалъ ее что никто и пикнуть не смѣлъ послѣ того. Въ особенности онъ ужасно сердился когда кто-либо смѣлъ называть ее Цыганкой. Серна ея весела и прыгаетъ попрежнему; скворка выучилъ еще новыя слова. „Будь уменъ! Поцѣлуй меня!“ кричитъ онъ всякому встрѣчному-поперечному, сидя у ней на плечѣ; но ничто не радуетъ, не утѣшаетъ какъ въ былое время. Она часто отвѣчаетъ не впопадъ на слова дѣдушки и разъ какъ то вмѣсто табатерки подала ему тыкву. Старикъ разсмѣялся, покачивая головой, а Милицѣ стало ужасно совѣстно.

IX.

День стоялъ жаркій, душный, ни одинъ листокъ не шевелился на деревьяхъ, вся природа въ мертвой тишинѣ ожидала чего-то грознаго. Милицѣ случилась крайняя необходимость побывать въ ближайшемъ мѣстечкѣ Троскахъ, чтобы запастись струнами для арфы, которыя продавалъ органистъ тамошней

церкви Св. Іосифа. Дѣдушкѣ предстояло играть на другой день въ Палешанахъ. Скоро подулъ вѣтеръ. Дорогой ей встрѣтился почтенный священникъ отецъ Арнольдъ, изъ Грубоскальска, съ требникомъ въ рукѣ. Онъ опирался на большую трость съ бѣлымъ набалдашникомъ. Шляпа его съ широкими полями, по случаю сильнаго вѣтра, была привязана черною тесьмой подъ бороду; длинные сѣдые волосы его развѣвались по воздуху; онъ шелъ крупными шагами, постукивая въ каменистую дорогу мѣднымъ наконечникомъ своей толстой трости. Поровнявшись съ Милицей онъ ласково сказалъ ей:

— Куда ты, дитя мое, идешь? Видишь какія тучи сбираются кругомъ; будетъ ужасная буря.... Вернись-ка домой! Еслибы не призывала меня обязанность, я бы не шевельнулся изъ дому въ такую сомнительную погоду. Барометръ очень упалъ, стоитъ на бурѣ.

— Нѣтъ, батюшка, не безпокойтесь. У меня ноги молодыя, я живо сбѣгаю въ Троски. Надо струнъ купить для арфы.

— Если такъ, да благословитъ тебя Богъ.

Милица благополучно добѣжала до мѣстечка, запаслась струнами и собралась въ обратный путь. Жена органиста уговаривала ее переждать грозу, но Милица знала что дѣдушка будетъ очень тревожиться, да притомъ она опоздала бы готовить ужинъ. Итакъ она рѣшилась идти домой, тѣмъ болѣе что дождь еще не накрапывалъ. „Я могу пройти цѣликомъ, мимо Рараховой скалы, это будетъ вдвое ближе“, думала она, удваивая шаги; но вѣтеръ повернулся и сильно подулъ съ той стороны откуда шла грозная туча; тотчасъ же начали падать крупныя капли дождя. Сверкнула яркая молнія и загремѣлъ ударъ грома; а Милицѣ остается еще болѣе версты до дому. Удары повторялись чаще одинъ за другимъ и раскаты ихъ разносило по воздуху горное эхо, потрясая громадныя скалы. Дождь лилъ какъ изъ ведра. Она чувствуетъ что промокаетъ до костей, и какъ шла по косогору почти непроходимыми мѣстами, кочками поросшими мохомъ и перерѣзанными тихо журчащимъ ручейкомъ, то незамѣтно зашла въ трясину, въ которой вязли ея ноги. Ей вдругъ вспомнилось что неподалеку оттуда подъ грудой камней есть пещера, гдѣ можно укрыться отъ дождя и вѣтра, противъ котораго ей трудно было бороться; она сдѣлала еще нѣсколько шаговъ; порывъ вѣтра сорвалъ съ головы ея платокъ и унесъ въ углубленіе утесовъ. Милицѣ стало жаль новенькаго платочка. Къ счастію она

увидѣла что онъ застрялъ на вѣткѣ чернобыльника, выросшаго въ трещинѣ утеса; она потянулась за платкомъ, поскользнулась и упала въ такую глубину, изъ которой ей не было никакой возможности вылѣзти. Страшный крикъ вырвался изъ груди ея, она въ отчаяніи начала звать на ломощь, но голосъ ея терялся въ глубинѣ пропасти; юная жертва должна была умереть съ голоду. Описывать ли ужасъ которой овладѣлъ молодою дѣвушкой?

Собиравшіе земляничку ребятишки, застигнутые дождемъ, пустились со всѣхъ ногъ бѣжать домой, какъ вдругъ услышали отчаянный крикъ и въ ту же минуту на высотѣ мелькнула женская фигура и исчезла.

— Знать свалилась въ „Мышиную дыру“, сердечная! пожалѣлъ старшій мальчикъ.

— Скажемъ на деревнѣ, можетъ и спасуть, рѣшили между собою дѣти и удвоили свой бѣгъ. Лишь вбѣжали на горку къ дому Драгоневскихъ, который былъ крайній, какъ всѣ въ одинъ голосъ закричали: „Женщина провалилась между скалъ, въ „Мышиную дыру“. Бабушка сидѣла въ это время у окошка, и узнавъ о случившемся несчастіи, засуетилась. „На бѣду Мартына нѣтъ дома!“ заговорила добрая старуха и бросилась наверхъ звать внука. Витъ, въ ту же минуту набросивъ на плечи камзолъ, захватилъ веревочную лѣстницу и побѣжалъ къ тому мѣсту на которое указали ребятишки. Дорогой ему невольно пришло на мысль: „ужь не *она* ли это погибаетъ тамъ? Не мудрено! Милица такая отважная, карабкается по горамъ какъ дикая серна“. Пришедши скорыми шагами къ такъ-называемой въ народной легендѣ „Мышиной дырѣ“, Витъ началъ сильнымъ голосомъ окликать, и вдругъ послышался тихій стонъ въ скалахъ; еще съ большею энергіей бросился молодой человѣкъ въ ту сторону откуда исходилъ голосъ. Наконецъ достигъ до ущелья и заглянулъ въ глубину его, опираясь на палку набитую желѣзнымъ оконечникомъ. Каковъ былъ его ужасъ, когда онъ увидалъ Милицу! При видѣ Вита она такъ радостно вскрикнула что у молодаго человѣка невольно дрогнуло сердце отъ невыразимаго счастія что онъ можетъ ее спасти. Мигомъ бросилъ ей веревочную лѣстницу, по которой она живо вскарабкалась наверхъ. Бѣдная дѣвушка была вся въ слезахъ; почувствовавъ себя внѣ опасности, дрожащимъ голосомъ воскликнула·

— Только Богъ одинъ можетъ вознаградить тебя за то что ты спасъ мнѣ жизнь.

И взглядъ полный восторженной благодарности, горячій и яркій какъ вечерняя звѣзда, глубоко проникъ въ его душу; онъ былъ самъ не свой, хотѣлъ говорить, но она въ одно мгновеніе помертвѣла, зашаталась и лишилась чувствъ. Витъ схватилъ ее на руки и съ этою драгоцѣнною ношей направился къ ручью, струившемуся по долинѣ. Прыскалъ ей водою въ лицо и былъ такъ счастливъ, когда она раскрыла глаза и свободно вздохнула. Онъ поднялъ ее и тихо повелъ за руку домой. Молчанье между ними длилось довольно долго, наконецъ Милица едва слышнымъ голосомъ проговорила:

— Я знаю, Витъ, что ты добрый, честный человѣкъ и любишь меня.... Если ты думаешь что будешь счастливъ со мною, такъ иди къ дѣдушкѣ—сватайся!

— Ты не шутишь, Милица? Мнѣ не вѣрится что-то.

— Нѣтъ, не шучу. Если тебѣ не запретятъ родные, то я согласна, сказала дѣвушка, остановивъ на немъ спокойно довѣрчивый взглядъ.

— Такъ это правда? Ты согласна? Неужто это не сонъ? И молодой человѣкъ съ восторгомъ обнялъ ее. Но черезъ минуту взволнованнымъ голосомъ произнесъ:—Теперь прощай, моя радость! Я не хочу чтобъ насъ видѣли вмѣстѣ. И опрометью побѣжалъ домой, напѣвая веселую пѣсню. Голосъ его долго раздавался какъ флейта по воздуху и замиралъ мало-по-малу въ отдаленіи. Когда онъ умолкъ, Милица вздохнула и, какъ бы пробудясь отъ сна, начала соображать все что случилось съ нею. Жгучія мысли не давали ей покоя. „Я сама не узнаю себя, мучительно думала она, какъ это я рѣшилась сказать ему: приходи свататься за меня!... О, Господи! Что это со мною? Какая порядочная дѣвушка скажетъ мущинѣ: иди, сватайся за меня!“ Ей было страшно за свои слова; она потупила голову и съ минуту простояла въ раздумьи. „Но что я! вдругъ одумалась она.—Чего я опасаюсь? Развѣ я не знаю Вита? Еслибъ я сказала какому-нибудь другому парню, тогда могла бы отдать себя на посмѣшище. Но Витъ такой добрый и благородный и.... прибавила она краснѣя, и кажется любитъ меня всею душой.“ При этой мысли она нѣсколько успокоилась и поспѣшила домой. Проходя мимо Драгоневскихъ, она увидѣла у воротъ Мартына, который чинилъ телѣгу; онъ слышалъ объ ея несчастіи, оскалилъ свои длинные клыки и подсмѣиваясь надъ ней спрашивалъ:

— Что, Цыганка, каково въ „Мышиной дырѣ“? Чѣмъ тебя мыши подчивали? Небось у нихъ обѣдъ-то лучше чѣмъ у васъ?

Милица прошла мимо не говоря ни слова: ей было не до того! Вся мысль ея была поглощена: что-то скажетъ дѣдушка на новость которую она имѣла сообщить ему. Съ сильнымъ замираніемъ сердца она отворила дверь; старикъ вскрикнулъ отъ радости, узнавъ ее по походкѣ, и съ безпокойствомъ сталъ разспрашивать гдѣ она находилась въ бурю. Милица разсѣянно и нескоро отвѣчала на его вопросы, все придумывая какъ бы объявить дѣдушкѣ. Онъ уже нѣсколько дней замѣчалъ что Милица что-то вдругъ измѣнилась. Сначала ему приходило на мысль не больна ли она, но видя что его дѣвочка ни на что не жалуется и домашнія работы исполняетъ попрежнему, нѣсколько разъ подзывалъ къ себѣ, ощупывалъ голову и руки и удостовѣрясь что она совершенно здорова, терялся въ догадкахъ, не зная чему приписать такую перемѣну въ ней. „Да что я не разспрошу ее хорошенько! упрекаетъ онъ себя.—Вѣдь она ни въ чемъ отъ меня не таится.“

— Внучка, да что съ тобой? началъ онъ нерѣшительно.—Съ нѣкоторыхъ поръ ты право сама на себя не походишь. Бывало съ утра до ночи щебечешь и распѣваешь, какъ птичка, а нынѣ отъ тебя путемъ и слова не добьешься. Христосъ надъ тобой! Ужь нѣтъ ли у тебя какой кручины?

— Замужъ выхожу, дѣдушка! вдругъ объявила Милица безъ всякаго предисловія.

— Замужъ? испуганно вскрикнулъ слѣпой старикъ.—Такъ вдругъ? Неожиданно? Это ужасно! А меня слѣпаго дѣдушку хочешь покинуть? Заживо въ гробъ положить?

Съ этими словами онъ печально опустилъ голову на грудь, потомъ поднялъ кверху свои потухшіе глаза и дрожащимъ голосомъ продолжалъ:

— Впрочемъ отчего же и не такъ? Лишь бы за добраго человѣка, я препятствовать не намѣренъ. О, никогда, никогда Я помню что случилось съ твоею матерью. Благословлю тебя и на свадьбѣ твоей заиграю на арфѣ и пропою, и будетъ это моя послѣдняя пѣсня.... погребальная.

У Милицы ручьями катились по лицу слезы и, сдерживая рыданья, она тихо проговорила:

— Зачѣмъ же, дѣдушка? Я не пойду замужъ, если вы не захотите того.... Распоряжайтесь мною такъ какъ для васъ лучше. Мнѣ съ вами такъ хорошо! И мнѣ ничего не надо. Я

хочу чтобы только вы были покойны. Я потому согласилась идти за Вита что и вы его любите. Онъ завтра придетъ свататься.

— Какъ, за Вита! прервалъ ее старикъ.—За Вита Драгоневскаго? воскликнулъ онъ, не вѣря своимъ ушамъ.—Поди, поди сюда, моя дорогая внучка! Дай мнѣ обнять тебя. Знаешь ли ты какое счастіе посылаетъ тебѣ Господь?

— Такъ ты доволенъ, дѣдушка, мой милый? говорила дѣвушка, цѣлуя его руку.

— Такъ доволенъ что не знаю какъ Бога благодарить.... Теперь вотъ что сдѣлай! продолжалъ старикъ, отирая ея слезы:— Найми поскорѣй вымыть полъ и вычисти мой камзолъ съ желтыми луговицами; да приготовь башмаки съ пряжками. А сернѣ повяжешь на шею ленту красную съ бѣлымъ,—вѣдь это наши чешскіе цвѣта. А я настрою арфу и встрѣчу Вита самымъ торжественнымъ маршемъ.

Сказавъ это, старикъ, съ легкостію юноши, побѣжалъ въ другую комнату и вынесъ оттуда тщательно завернутую въ ветошь маленькую шкатулочку и торопливо открылъ ее; вынулъ изъ нея серьги съ крупными брилліантами и золотой браслетъ, и съ сіяющимъ лицомъ подалъ ихъ внучкѣ, говоря:

— Вотъ тебѣ память послѣ твоей покойной матери. Эти драгоцѣнныя вещи были ея собственностью, теперь онѣ принадлежатъ тебѣ. Я сберегъ ихъ для самаго торжественнаго дня твоей жизни, именно когда ты будешь вѣнчаться.

Потомъ вынулъ медальйонъ осыпанный дорогими каменьями на золотой цѣпочкѣ и, показывая его Милицѣ, сказалъ:

— Это портретъ твоего отца....

Милица дражащими руками взяла портретъ, подняла его къ губамъ и потомъ долго всматривалась въ незнакомыя ей черты. А дѣдушка, прохаживаясь по комнатѣ, весело пѣлъ:

Вотъ какъ будетъ у Лимбурка
Суха липа зеленѣть....

X.

Скоро начались приготовленія къ сговору. Подоконники, скамейки и полъ мыли дресвой; со стѣнъ, образовъ и книгъ тщательно сметали пыль; даже клѣтку скворца и хлѣвъ серны вычистили какъ къ Свѣтлому празднику. Пока происходятъ здѣсь всевозможныя приготовленія, заглянемъ къ Драгоневскимъ.

Какъ только Милица дала свое согласіе Виту, онъ сейчасъ прибѣжалъ домой и объявилъ что желаетъ жениться на Милицѣ и проситъ благословенія у родителей и другихъ членовъ семейства, именно: у бабушки и дяди Веверки, который былъ его крестный отецъ. Родители Вита хотя и колебались нѣсколько въ первую минуту, но готовы были согласиться; но дядя и бабушка такъ и бросились на Вита.

— Вотъ новость какую выдумалъ! заговорили они въ одинъ голосъ:—за тебя и не такая невѣста пойдетъ.

— Дѣвушку эту упрекнуть не въ чемъ, тихо возразила мать Вита:—и умомъ и красотой взяла, смирная, благочестивая....

— А все-таки ему не пара! запальчиво доказывалъ Веверка.—Ты знаешь, сестра, что нашъ родъ изстари въ почетѣ у добрыхъ людей....

— Достаточкомъ тоже Господь благословилъ, вставилъ свое словцо отецъ Вита, такъ если думаешь жениться....

— Мы тебѣ и не такую невѣсту найдемъ, бойко прибавилъ дядя, расхорохорившись,—а первую во всемъ околоткѣ. А эта, Господь ее вѣдаетъ, можетъ и вправду цыганскаго происхожденія. Еще пожалуй и незаконная. Отца ея никто у насъ въ глаза не видалъ. Такъ какъ знать!

— Нѣтъ, дитятко, не дѣло ты вздумалъ, вступились отецъ съ матерью, убѣжденные повидимому доводами Веверки:—дядя и бабушка говорятъ сущую правду, вѣдь ты у насъ одинъ, какъ порохъ въ глазу, да и у крестнаго тоже нѣтъ дѣтей; хоть онъ и дядя приходится, а любитъ тебя какъ сына роднаго.... Подумай хорошенько, послушайся добраго совѣта.... Мы тебя неволить не станемъ.... а все-таки разсуди самъ....

— Разумѣется.... Коли люди прозвали ее Цыганкой!... Что жь она тебѣ за жена?....

Во все это время Витъ сидѣлъ, повѣся голову, и когда всѣ окончили, онъ всталъ, тряхнулъ русыми кудрями и выпрямясь началъ не слѣша:

— Конечно воля родительская.... противъ вашего желанія я никогда не смѣлъ поступать.... Не желаете? И не надо! Только одно скажу вамъ, батюшка съ матушкой, и вамъ бабушка и крестный мой, что невѣсты искать мнѣ не трудитесь и даже никогда и рѣчи объ этомъ не заводите. Если ужь судьбѣ не угодно было чтобъ я женился на той которая мнѣ мила съ дѣтскихъ лѣтъ, послѣ этого о женитьбѣ мнѣ и не поминайте.

Сказавъ это, молодой человѣкъ поклонился всѣмъ и скорыми

шагами ушелъ къ себѣ на верхъ. Старики въ недоумѣніи глядѣли другъ на друга и молчали. У каждаго было тяжело на сердцѣ, наконецъ не выдержалъ этой пытки отецъ жениха и заговорилъ тихо-сдержаннымъ голосомъ:

— По мнѣ такъ лучше бы благословить..... Положимъ, дѣвушка бѣдная, безъ приданаго.... да я и самъ за женою ни крейцера не взялъ, да слава Богу, отъ этого нашъ домъ не оскудѣлъ; напротивъ—достатокъ умножился.

— Правда, правда, поддакивала мать: — ложалуй и богачку возьмешь и роду почетнаго, да ему будетъ не къ сердцу. Кто ихъ узнаетъ нынѣшнихъ дѣвицъ! Пожалуй и намъ будетъ не въ радость.... А эту дѣвушку мы знаемъ сызмала, какъ свои пять пальцевъ.

Дядя Веверка молча барабанилъ пальцами по столу, а бабушка проворно вскочила и на цылочкахъ побѣжала вверхъ по лѣстницѣ, которая вела въ комнату ея баловаинаго внука. Черезъ пять минутъ старушка вернулась, утирая глаза фартукомъ и взволнованнымъ голосомъ проговорила:

— Онъ ужь съ роду такой!... Коли задумалъ что.... грубить не станетъ, будетъ молчать.... а ужь доведетъ тебя до того что сдѣлаешь по немъ....

Присутствующіе грустно переглянулись между собою.

— Ну, что жь вы всѣ молчите? продолжала бабушка настойчивымъ тономъ.—Мнѣ внукъ, а вамъ сынъ.... какъ вы хотите такъ и будетъ.

— Да вотъ теперь что братецъ скажетъ?... обратилась къ Веверкѣ мать жениха.

Въ это время отецъ вскочилъ со стула и съ безпокойствомъ началъ ходить по комнатѣ, заложивъ руки за спину и опустивъ голову на грудь.... Веверка же прикидывался человѣкомъ упрямымъ и съ сильнымъ характеромъ и потому, махнувъ рукою, какъ бы нехотя прогремѣлъ своимъ басомъ:

— Эхъ! съ вами живо не сваришь! Какъ хотите такъ и ладьте. Ваше дѣтище.... Если невѣста вамъ мила.... такъ хоть сейчасъ пойдемте сватать.

— Разумѣется надо кончить поскорѣй это дѣло, живо засуетилась бабушка:—что парня-то надрывать? На него поглядѣть жалко. Я въ щелку посмотрѣла — сидитъ, охватя голову руками, словно къ смерти приговоренный.

— Нечего тутъ разсуждать! съ твердою рѣшимостью сказалъ наконецъ хозяинъ дома.—Помолимся, да и начнемъ дѣло. Позовите Вита. Я его благословлю.

Мать побѣжала и привела своего милаго сынка. Витъ бросился отцу въ ноги и всѣхъ поочередно началъ обнимать со слезами благодарности. Тутъ же было рѣшено идти на другой день сватать Милицу.

Вечеромъ явился къ дѣдушкѣ Илеку слуга Драгоневскихъ Мартынекъ съ извѣстіемъ что его хозяева придутъ завтрашній день на сговоръ; увидя Милицу, онъ низко ей поклонился и чуть-чуть руки не поцѣловалъ; переминаясь съ ноги на ногу и съ запинаньемъ онъ сталъ просить у будущей своей хозяйки прощенія что самъ-дескать не знаетъ какъ у него сорвалось съ языка грубое слово и униженно просилъ ее не поломнить прошлаго.

Милица, улыбаясь, снисходительно кивнула ему головою и вышла вонъ изъ избы. Когда ушелъ Мартынекъ, дѣдушка бодро всталъ, опираясь на палку, и попросилъ Милицу подать ему шляпу.

— Куда вы, дѣдушка, хотите идти? спросила его съ удивленіемъ внучка: — Ужь смеркается, отъ Тросекъ показывается мѣсяцъ. Куда намъ идти?

— А вотъ увидишь какъ придемъ. Что тутъ разспрашивать? Живо вернемся назадъ.

Милица, не смѣя противорѣчить дѣдушкѣ, накинула на плеча платокъ и подала ему руку. Они вышли изъ дому. Старикъ повернулъ по дорогѣ къ Грубой Скалѣ. „Куда это такъ поздно мы бредемъ?“ думаетъ въ недоумѣніи Милица, и за Мытною дырой повернула-было машинально къ Грубоскальскому замку, но старикъ замѣтилъ это, съ свойственною слѣпымъ догадливостію, и поспѣшилъ остановить дѣвушку, говоря:

— Нѣтъ, дитя мое, пойдемъ дальше.... Туда за Троски.

— Да тамъ ужь нѣтъ никакого строенія, возразила Милица— за сосновою рощей кладбище.

— Вотъ туда-то мнѣ и надо, отвѣчалъ старикъ грустнымъ голосомъ.

Тропинка повернула направо, прямо къ сельскому кладбищу, и Милица отворила деревянныя скрилучія ворота. Мѣсяцъ блѣдно озарялъ это тихое пристанище мертвыхъ, фантастическій свѣтъ его ярко отражался на бронзовыхъ крестахъ могилъ. Подулъ вѣтерокъ, деревья закачались, листья начали таинственно перешептываться, какъ бы ловѣдая другъ другу о чемъ говорятъ между собою цвѣты выросшіе на могилахъ. Невольный трепетъ пробѣжалъ по жиламъ у Милицы, она плотно

прижалась къ дѣдушкѣ, который ощупью брелъ къ дорогимъ ему могилкамъ. Они остановились. Милица со слезами припала къ праху матери, чтобъ излить чувства охватившія ея душу. Мѣсяцъ скрылся за облака, какъ бы не желая быть свидѣтелемъ этой печальной картины. Деревья сильно зашумѣли. Дѣдушка, услыша молитвенный шепотъ Милицы, молча остановился неподалеку отъ нея и тоже началъ молиться про себя. У Милицы душа была такъ переполнена разнообразными ощущеніями что она проливала горячія слезы надъ могилою матери и сама не замѣчала того какъ тихій шепотъ ея становился все громче и громче, и наконецъ дрожащимъ голосомъ она воскликнула: „Матушка! дорогая матушка! Не суждено мнѣ было увидѣть тебя и услышать слова материнской ласки; но я знаю что ты любишь меня и тамъ, надъ звѣздами, въ предѣлахъ Всемогущаго, по мановенію котораго трепещетъ всеселенная! Упроси Верховнаго Судію живыхъ и мертвыхъ, чтобъ Онъ далъ намъ съ дѣдушкой благой успѣхъ въ нашемъ дѣлѣ, чтобы все устроилось къ лучшему!“

— Да, дитя мое, съ жаромъ сказалъ старикъ, — важная, рѣшительная минута настаетъ для тебя. Если Господь благословитъ тебя счастливымъ бракомъ, то будь всю жизнь благодарна этимъ добрымъ людямъ, которые предпочли тебя богатымъ невѣстамъ. Мужу будь во всемъ вѣрною помощницей; а дѣти будутъ—воспитай ихъ въ страхѣ Божіемъ и внушай любовь къ отечеству. Пусть въ семьѣ твоей изъ рода въ родъ не замолкнетъ чешскій языкъ. Много пострадала твоя мать что покинула родину. Да, не привелъ меня Господь порадоваться на нее. Тебѣ отчасти извѣстна печальная судьба ея краткой жизни. Пусть она послужитъ тебѣ вѣчнымъ урокомъ. Я привелъ тебя сюда нарочно чтобы въ виду этихъ дорогихъ могилъ ты дала обѣщаніе ни въ чемъ не отступать отъ моихъ совѣтовъ. Путь жизни моей можетъ-быть уже коротокъ.

Тутъ Милица опустилась на колѣни, и набожно скрестивъ на груди руки, склонила голову къ дѣдушкѣ, тихо промолвивъ:

— Благословите меня, дѣдушка!

Старецъ положилъ руки на голову и началъ громко читать молитву, призывая благодать Божію на Милицу и на весь ея родъ.

Въ эту минуту мѣсяцъ блеснулъ изъ-за облака и озарилъ эту трогательную картину.

XI.

На другой день Милица встала до восхода солнца, ей худо спалось въ эту ночь. Мысль что нынѣ должна рѣшиться ея участь, ожиданіе чего-то неизвѣстнаго въ будущемъ невольно волновало ея душу. До сихъ поръ жизнь ея текла безпечно, однообразно и тихо подъ крылышкомъ добраго дѣдушки, которому она она въ свою очередь служила опорой и покровительницей. Она чувствовала съ малыхъ лѣтъ какъ ея жизнь дорога слѣпому старцу, и это сознаніе давало ей бодрость и обязывала къ нравственному совершенствованію. Дѣдушка Илекъ своими разказами и примѣрами незамѣтнымъ образомъ развивалъ лучшія силы ея чуткой впечатлительной натуры и воспитывалъ въ тѣхъ понятіяхъ подъ которыми слагаются твердыя правила. Съ тѣхъ поръ какъ старикъ лишился зрѣнія, къ нимъ переселилась родственница-вдова, лѣтъ около пятидесяти, которая помогала имъ въ хозяйствѣ и выучила Милицу женскимъ рукодѣльямъ. Милицѣ уже было четырнадцать лѣтъ, когда добрая старушка отдала Богу душу. Искренно пожалѣвъ и поплакавъ надъ ея прахомъ, стали жить одни, слѣпой старикъ и юная смышленая дѣвочка, не хуже прежняго, за нею не стояла работа, да и онъ не бросалъ своей арфы, а еще какъ будто все совершенствовался. При потерѣ зрѣнія удивительно утончается слухъ и развиваются музыкальныя способности.

Изъ исторіи своей матери, покрытой нѣкоторою таинственностію, она знала только то что ея мать не размысливъ о послѣдствіяхъ покинула отца и мать и родную сторону, увлеклась иностранцемъ и не долго жила съ нимъ въ чужомъ, далекомъ краѣ. По смерти мужа, отецъ привезъ ее сюда въ Буковину, и вскорѣ она сама съ горя умерла, давъ жизнь Милицѣ.

Со смерти матери дѣдушка замѣнилъ ребенку нѣжнѣйшую мать и заботливаго отца; и такъ они жили мирно и счастливо подъ кровомъ этой бѣдной хижины; рѣзвая серна и говорунъ скворка дополняли ихъ семейную обстановку.

„Что-то нынѣшній день составитъ для меня въ будущемъ? думала про себя невѣста Вита, — что бы я дала за то чтобы мнѣ сказалъ кто-нибудь что меня ожидаетъ?

Проходя случайно мимо зеркала, она остановилась, и ей

мелькнула мысль что еслибы въ зеркалѣ представилось ей какъ въ картинѣ что̀ будетъ съ нею черезъ годъ и что̀ черезъ десять лѣтъ! „Вѣроятно увидѣла бы я что сижу возлѣ дѣдушки, мечтала она, то задумываясь, то усмѣхаясь, и на стѣнѣ попрежнему виситъ арфа, у окна клѣтка скворушки, и серна въ своемъ хлѣвушкѣ стоитъ. Или ложалуй—вижу я себя на Драгоневскомъ дворѣ, я кормлю изъ рукъ своихъ цыплятъ и утятъ или въ полѣ убираю пшеницу вмѣстѣ съ рабочими. Вдругъ очутилась бы я въ какомъ-нибудь великолѣпномъ замкѣ, окруженная роскошью, какъ баронесса Класодольская.“

При этой мечтѣ Милица чуть не расхохоталась и прошептала: „Эгс! Куда я забралась? А всего скорѣе то что лѣтъ черезъ десять я пойду съ дѣдушкой изъ корчмы въ корчму собирать милостыню.“ И опять взглянувъ въ зеркало прошептала: „Что̀ же я тамъ вижу? Простую деревенскую дѣвушку, съ загорѣлымъ лицомъ, эту бѣдняжку изъ буковинской избушки, которая носитъ за дѣдушкой арфу, чтобы заработать нѣсколько крейцеровъ. Да, хорошо что человѣкъ не можетъ заглянуть впередъ въ свое будущее! вздохнула она. Если увидишь себя счастливымъ, то привыкнешь къ этому и будешь неблагодаренъ, а если наоборотъ, то прежде времени будешь сокрушаться. Да Господь все такъ устроитъ что лучше ничего нельзя придумать для человѣка!“

Дѣдушка Илекъ еще спалъ. Милица вышла на воздухъ чтобъ освѣжить голову и на порогѣ остановилась въ изумленіи. Подъ окномъ стояли двѣ стройныя очищенныя елки, разукрашенныя лентами и увѣшанныя духами, помадою и другими принадлежностями женскаго туалета. „Кто это поставилъ мнѣ эти два *мая*!“ * воскликнула молодая дѣвушка и не безъ удовольствія тихо промолвила: „это навѣрное Витъ!“ И сявъ подарки съ елки, положила ихъ на подоконникѣ и сама побѣжала на верхъ скалы чтобы видѣть восхожденіе солнца. Едва первые лучи его блеснули на горизонтѣ, какъ вся природа торжественно встрепенулась. Въ кустарникѣ, поднявъ головку, залѣла малиновка; къ ея нѣжной, меланхолической пѣснѣ скоро присоединились звонкіе голоса другихъ пернатыхъ жите-

---

* По народному обычаю крестьянскій парень избравшій дѣвушку ставитъ въ маѣ мѣсяцѣ подъ ея окнами украшенную елку. Такая елка называется *маемъ*.

лей лѣсовъ; и быстро составился полный хоръ, и воздухъ огласился восхитительною гармоніей. Облитая лучами утренняго солнца, Милица стояла на вершинѣ Обровскаго утеса; вѣтеръ игралъ ея черными волосами, и задумчивый взглядъ былъ обращенъ на востокъ; созерцая сводъ небесный, она думала: „Солнце взошло ясно и весело и на небѣ ни одной тучки. Дай Богъ чтобъ и этотъ день такъ же свѣтло для меня кончился!“ Въ эту минуту на ея лѣвый рукавъ сѣла Божія коровка: Милица поймала ее осторожно, и посадивъ на лѣвый мизинецъ, приговаривала.

Божія коровка,
Красненька головка,
Полети въ ту сторону,
Гдѣ я вѣкъ жить буду.

Коровка полетѣла прямо къ дому Драгоневскихъ. Милица улыбнулась ей вслѣдъ.

Полагая что дѣдушка проснулся, она поспѣшила домой, по дорогѣ зашла въ часовню, и упавъ на колѣни, долго и горячо молилась. Дѣдушка между тѣмъ всталъ въ самомъ веселомъ расположеніи духа, шутилъ и улыбался, а у Милицы стало какъ-то легче на сердцѣ.

Приготовленія къ сговору были кончены, накрыли столъ бѣлою скатертью, положили на него хлѣбъ-соль, по старинному обычаю, и принарядившись, начали ожидать почетныхъ гостей.

— Дѣдушка! Я завѣшу арфу и уберу книги.... Что ихъ выставлять какъ будто напоказъ? Для Драгоневскихъ они не имѣютъ никакой важности, не правда ли?

— Вотъ еще прятать! Зачѣмъ это? Моя единственная утѣха поиграть на арфѣ, да послушать твоего чтенія изъ этихъ дорогихъ для меня книгъ. Съ какой стати я сталъ бы прятать ихъ?

Милица по обыкновенію не противорѣчила ему. Итакъ все было приправлено, приготовлено, и дѣдушка со внучкою сидѣли молча въ ожиданіи Драгоневскихъ. Въ комнатѣ царствовала полная тишина, только котъ грѣясь на солнышкѣ, отражавшемъ рамы оконъ на бѣломъ полу, потягивался и мурлыкалъ.

— Что ты тутъ развалился? сказала молодая дѣвушка, нѣжно толкнувъ его ногой.—Сейчасъ гости придутъ. Тебѣ тутъ не мѣсто. Говорятъ, кошки коварны и при нихъ сватовства не начинаютъ.

Котъ, нехотя переваливаясь, убрался подъ кровать, а Милица взглянувъ въ окно закричала:

— Идутъ! идутъ! Цѣлая процессія! Бабушка разрядилась какъ на Свѣтлый праздникъ! Въ шелковомъ платкѣ, затканномъ золотыми мушками, сорочка съ кружевомъ и красные чулки. Отецъ Вита въ долгомъ сѣромъ сюртукѣ и высокихъ сапогахъ. А мать Вита — вотъ такъ ужь разфрантилась! Въ ларчевомъ челчикѣ.... бархатный корсетикъ, вышитъ золотымъ шнуромъ, коротенькая зеленая юлка, съ черною отдѣлкой на подолѣ. А Витъ съ огромнымъ букетомъ въ рукахъ: Съ ними и дядя Веверка!

Тутъ Милица засмѣялась и сказала:

— Еслибы вы видѣли, дѣдушка, какъ они важно выступаютъ, заложа руки за спину, съ озабоченнымъ лицомъ, какъ будто готовятся сейчасъ говорить проповѣдь.

Милица перебирая всѣ эти подробности какъ бы хотѣла тѣмъ затушить тревожное чувство, которое овладѣло ею. Чувство понятное каждому въ подобную роковую минуту.

Дѣдушка Илекъ пробрался ощупью къ столу и тамъ чинно усѣлся. Черезъ минуту за дверью послышались голоса: сваты перекорялись кому прежде войти и что говорить. Отворяется дверь, и бабушка Драгоневскихъ съ поклономъ вошла въ хижину, а за нею и всѣ остальные. Послѣ обычнаго привѣтствія, она обратилась къ дѣдушкѣ съ слѣдующими словами:

— Знаешь ли, панъ Илекъ, кого я къ тебѣ привела?

— Васъ я узнаю по голосу, но кто съ вами остальные, того не могу знать, потому что не вижу, съ улыбкою отвѣчалъ старикъ, приглашая дорогихъ гостей садиться.

Тутъ бабушка назвала всѣхъ по имени и послѣ прибавила съ разстановкой:

— А это вотъ мой любезный внукъ Витъ, котораго я на своихъ рукахъ вынянчила, и онъ, могу сказать, исправный молодой человѣкъ, будущій владѣлецъ и единственный наслѣдникъ всего нашего имѣнія.... и женихъ.... Витъ, да промолви дѣдушкѣ что-нибудь, чтобъ онъ зналъ что ты здѣсь.

— Мое вамъ нижайшее почтеніе! сказалъ Витъ, учтиво кланяясь старику.

— Очень радъ! очень радъ! прошу покорно садиться! радушно приглашалъ Илекъ, подавая ему руку:—А ты, Милица, давай хлѣбъ-соль на столъ, да принеси-ка намъ пива прохладиться.

— Не далеко прошли, не проголодались, замѣтилъ отецъ жениха.

— Для препровожденія времени не мѣшаетъ чѣмъ-нибудь заняться, возразилъ дѣдушка, обращаясь къ гостямъ съ привѣтливою улыбкой.

И опять водворилось молчаніе. Разговорчивый дядя Веверка, чтобы какъ-нибудь занять общество, началъ:

— Погодка установилась прекрасная.

— И яровое поле зазеленѣло отлично, прибавилъ за нимъ самъ Драгоневскій,—конечно не мѣшало бы немножко и дождичка.... да авось Богъ дастъ соберется.

— Для землевладѣльца, разумѣется, и маленькій дождикъ много значитъ, сказалъ на это дѣдушка Илекъ:—лѣтомъ хозяину не мало заботы и хлопотъ; но за то Богъ дастъ по осени у него сердце радуется—куда ни оглянется, все свое на цѣлую зиму; да еще колѣйку хорошую выручитъ.

— Нечего сказать! Благодаримъ Господа! вступилась въ свою очередь бабушка:—Однѣ курочки нынѣшнюю весну двѣ кадушки яицъ нанесли....

Затѣмъ старуха какъ бы сконфузилась что похвасталась, и понизивъ голосъ, продолжала:

— Разумѣется мы люди простые, деревенскіе, и невѣсту ищемъ по себѣ тоже изъ простаго званія, какъ и сами.

— Не знаю что̀ вы разумѣете подъ словомъ простое званіе! вступился горячо Илекъ, котораго затронули слабую струну.—По-моему доля земледѣльца наиприкраснѣйшая. Первое то, что земледѣлецъ, изучая природу, всегда мыслію своею ближе къ Богу и онъ болѣе чѣмъ кто-либо видитъ неизчислимые дары Творца и дивится премудрости всего созданнаго. Весною око его радуется на всходы полей и цвѣты; лѣтомъ на плоды и тучные колосья; осенью, благословляя Бога, онъ нагружаетъ свои житницы и живетъ цѣлую зиму во всемъ довольствѣ у семейнаго очага, самъ себѣ паномъ, и жизнь его такимъ образомъ постоянно обновляется временами года. Работая въ полѣ съ восходомъ солнца, онъ слушаетъ лѣніе птицъ, а вечеромъ, созерцая сводъ небесный, наблюдаетъ теченіе свѣтилъ...

Много бы еще распространился старикъ на эту тему, еслибы не прервалъ его панъ Веверкъ, который поскорѣй желалъ приступить къ дѣлу. Философскія размышленія старика всѣ слушали съ глубокимъ вниманіемъ и только повременамъ молча изъявляли ему сочувствіе легкимъ наклоненіемъ головы.

— Разумна и правдива ваша рѣчь, говорить нечего, вы у насъ человѣкъ ученый, сказалъ Веверка, взъерошивая кверху густые волосы, которые постоянно нависали ему на лобъ:— Я съ вами согласенъ: земледѣлецъ дѣйствительно важенъ въ своемъ назначеніи.... Я самъ хоть и фабрикантъ, но всякому положенію отдаю справедливость.... Но что касается нашего посѣщенія.... какъ бы это вамъ покороче объяснить?... Мы пришли, такъ-сказать, по старинному обычаю что называется на *сговоры*. Итакъ, почтеннѣйшій панъ Илекъ, позвольте узнать, будете ли вы согласны отдать вашу прекрасную внучку за моего достойнаго племянника Вита Драгоневскаго?

При этихъ словахъ, Милица схватила кружку со стола и убѣжала въ другую комнату; а Витъ, робко склонивъ свою кудрявую голову, безъ милосердія мялъ въ рукахъ великолѣпный букетъ, приготовленный для невѣсты. Милица вернулась, но начатый разговоръ еще не кончился. Ярко пылали щеки молодой дѣвушки и черные глаза блестѣли какъ звѣздочки; едва переводя дыханіе, она тихо присѣла подлѣ матери Вита, не смѣя поднять глазъ.

— Считаю за большую честь и даю мое согласіе! произнесъ торжественно дѣдушка Илекъ.

— Ну, вы, бабушка, что скажете? обратился къ ней Веверка.

— Я тоже согласна, отвѣчала бабушка:—знать Господь судилъ этимъ дѣтямъ принадлежать другъ другу.

— А вы? обратился Веверка къ отцу жениха:—Вашъ голосъ долженъ быть первымъ.

— Я соглашусь съ тѣмъ на чемъ рѣшитъ моя супруга, мать жениха.

— Я тоже согласна, отвѣчала мать жениха:—Коли невѣста мила моему сыну, а мнѣ еще милѣй.

Послѣ этихъ словъ слѣпецъ всталъ и съ важностію, которую требовала торжественная минута, началъ:

— Такимъ образомъ, значитъ—всѣ согласны; невѣсту и жениха спрашивать нечего; ихъ взаимныя чувства намъ извѣстны. Теперь помолимся и благословимъ ихъ.

— Позвольте! дѣло не къ спѣху! прервалъ дядя Веверка:— Позвольте имѣть честь и мнѣ высказать мое мнѣніе.

— Сдѣлайте одолженіе, поклонился старикъ и опять полѣзъ на свое прежнее мѣсто.

Дядя жениха началъ такъ:

— Намъ извѣстно что невѣста небогата, это еще не бѣда; благосостояніе человѣческое въ рукахъ Божіихъ; гордиться имѣніемъ мы не должны. Мы знаемъ что Милица дѣвушка скромная и прекрасная, набожна и прилежна къ работѣ; а ужь эти черные очи—едва ли что̀ можетъ сравняться съ ними? Но видите ль, господа, когда и корову покупаютъ, то спрашиваютъ какой она породы. Теперь остается еще одинъ, очень важный вопросъ: кто былъ отецъ невѣсты? Здѣсь ее всѣ называютъ *Несторка*, *Цыганка*. Что̀ это значитъ? Скажите истинную правду: какого она происхожденія и законная ли она дочь вашей Божены? Если же нѣтъ, то признаюсь....

При этомъ Веверка, по обыкновенію, взъерошивъ волосы, продолжалъ, сдвинувъ брови:

— Если вы ставите во что-нибудь мое слово, то я сказалъ бы что крестнику и племяннику согласія не даю на такой бракъ, за который бы пришлось стыдиться нашему роду, который много лѣтъ въ почетѣ у добрыхъ людей.

Окончивъ свою рѣчь, Веверка тяжело вздохнулъ, и вытирая платкомъ лобъ, многозначительно поглядѣлъ на своихъ, которые подтвердили въ одинъ голосъ:

— Мы также одного мнѣнія съ братцемъ.

А женихъ, сидя молча, побѣднѣлъ какъ полотно, и букетъ сильно затрясся въ рукѣ его.

— Я понимаю васъ, отвѣчалъ спокойно старикъ,—и уважая вашу осторожность, сейчасъ готовъ повѣдать вамъ безъ утайки все что̀ касается рожденія моей внучки, и началъ слѣдующій разказъ.

XII.

— Здѣсь на Грубоскальскѣ всѣ вообще называютъ меня дѣдушкой изъ Буковчанъ; настоящая же моя родина въ Ильмѣ, въ Корконошскихъ горахъ, близъ Высокаго. Когда я былъ еще малымъ ребенкомъ, отецъ мой говаривалъ съ грустнымъ упрекомъ: „Я вижу, парень, изъ тебя толку не выйдетъ, врядъ ли выйдетъ изъ тебя порядочный работникъ“. И усовѣтовались съ матерью посылать меня въ школу въ Высокое. „Тамъ, говорила покойница матушка, такой строгій учитель, и такъ сѣчетъ дѣтей что только брызги летятъ!“ Вотъ я

началъ ходить въ школу; учитель музыки полюбилъ меня и сказалъ чтобъ я заходилъ къ нему на квартиру, чтобъ я могъ послѣ классовъ играть на его инструментѣ. Помню, одинъ разъ я пришелъ къ нему, его не было дома; добрая жена его позволила мнѣ одному побренчать на фортепьянахъ и попѣть; и я до того заигрался что и не замѣтилъ какъ промелькнулъ маленькій осенній день и настали сумерки. Увидя что на дворѣ темнѣетъ, я опрометью побѣжалъ домой; снѣгъ валилъ хлопьями, и я въ потьмахъ сбился съ дороги; кружусь по мелколѣсью, а никакъ не нахожу пути въ нашу деревню; а у самого руки коченѣютъ; роняю изъ рукъ книги и гитару—которую мнѣ купилъ отецъ на ярмаркѣ за прилежаніе къ наукамъ. Я до того передрогъ, что началъ уже поглядывать гдѣ бы мнѣ сѣсть въ затишьѣ, чтобъ защититься отъ морознаго вѣтра, и залѣзъ подъ кустъ. Уже меня началъ клонить сонъ, и я бы вѣроятно замерзъ, еслибы не услышалъ отцовскаго голоса и воплей матери. Они пошли искать меня по мелколѣсью, видя что я не возвращаюсь домой. Я вылѣзъ изъ-за куста и бросился на шею плачущей матери. „Охъ, ты, глупый мальчишка!“ бранила меня матушка, нѣжно укутывая въ свою куцавѣйку. — Извините меня, господа! кажется я слишкомъ увлекаюсь подробностями. Итакъ, послѣ того я началъ учиться еще съ большимъ прилежаніемъ; такъ что родители отдали меня въ Прагу, и тамъ окончивъ гимназическій курсъ, получилъ мѣсто учителя въ Марквартицахъ и Собатаи. Но не судилъ мнѣ Господь быть долго при этомъ дѣлѣ; зрѣніе мое, слабое отъ рожденія, было такъ плохо, что будучи еще молодымъ человѣкомъ я съ трудомъ разбиралъ ученическія тетрадки; наконецъ совершенно былъ не въ состояніи занимать учительскую должность. Я оставилъ школу и женился на Богумилѣ, которую вы всѣ хорошо знали. Въ приданое я получилъ этотъ домикъ, садикъ и небольшую полоску земли. Но все это однако не могло обезпечить нашего существованія, и мы съ женою завели скотинку, то-есть лошадь и корову, и начали торговать молокомъ. Это предпріятіе удалось намъ какъ нельзя лучше. Тутъ обрадовалъ насъ Господь дѣтищемъ: родилась у насъ дочь Божена. И такъ мы жили, какъ говорится, прилѣваючи. Каждый день съ разсвѣтомъ я отправлялся съ молокомъ черезъ Пелешаны въ Турновъ; выручка была хорошая.... Такъ незамѣтно прошло осьмнадцать лѣтъ. На бѣду у меня снова разболѣлись глаза, и покойная Богумила сама начала ѣздить въ городъ про-

давать молоко. Глаза заживали медленно, этимъ временемъ моя бѣдная жена сама расхворалась, простудилась, схватила лихорадку и слегла въ постель. Тутъ мы принуждены были посылать съ продажею наше единственное дѣтище Божену. Въ городѣ она, вмѣстѣ съ сосѣдними поселянками, садилась на каменныхъ ступенькахъ, противъ Францисканскаго монастыря, и ожидала покупателей. Надо вамъ сказать что Божена была жива, какъ порохъ, ловка и на все способна, ну, хоть въ ушко вдѣнь. Лучше ужь никто бывало не сумѣетъ распѣнить молока. Что ни привезетъ, мигомъ распродастъ и прежде всѣхъ вернется домой. Но однажды.... это было въ понедѣльникъ, въ самый Духовъ день... Божена изъ Турнова не воротилась. Ужь и обѣденное время прошло—ея нѣтъ! Ждемъ-пождемъ—глядимъ свечерѣло. Вышли мы ей навстрѣчу въ Пелешаны, а ея все нѣтъ и не бывало. Цѣлую ночь мы съ покойницей не сомкнули глазъ. На утро, чѣмъ свѣтъ, я отправился въ Турновъ отыскивать мою заблудшую овцу. Тамъ встрѣтился мнѣ кумъ Верихъ и грустно покачавъ головою сказалъ: „Жаль мнѣ васъ, Илекъ! Помоги вамъ Господь перенести это горе!“ Отъ него я узналъ что моя дочь Божена убѣжала съ какимъ-то военнымъ, который, говорятъ, давно уже переглядывался съ нею изъ перваго этажа. Какъ она появится бывало на каменныхъ ступеняхъ, онъ сейчасъ „высунется изъ окна и начнетъ съ „нею балясы точить, да и не удивительно — ваша дочь такая „красавица что здѣсь во всемъ околоткѣ ей нѣтъ ровной! Вче„ра, говорятъ, она сама понесла къ нему молоко, да такъ тамъ „и осталась. Сколько ни кричали ей въ окно товарки, что по„купатели торгуютъ у ея воза молоко, она какъ будто оглохла „и онѣмѣла. Вчера подъ вечеръ мы видѣли какъ она уѣхала „изъ Турнова съ этимъ самымъ военнымъ. Лошадку вашу и „посуду съ молокомъ дворникъ поставилъ вонъ тамъ подъ на„вѣсъ, и вы отъ него можетъ-быть получите еще какія-нибудь „подробности объ этомъ злодѣѣ.“ Я бросился туда и тамъ только могъ добиться что этотъ военный былъ чужестранецъ, и больше ничего я не провѣдалъ. Тутъ меня взяла такая злоба, что я самъ не понималъ что дѣлаю, началъ какъ безумный бѣгать по Турнову. Тамъ опять остановилъ знакомый мясникъ, Свобода, спрашивая: „гдѣ находится ваша дочка Божена?“ Я съ досадою отвѣчалъ: „Не знаю!“—„Здѣсь всѣ говорятъ что она убѣжала съ какимъ-то военнымъ, который увезъ ее Богъ вѣсть куда.“ Я мрачно потупилъ голову, не смѣя поднять глазъ на

добрыхъ людей, и стыдился долѣе оставаться въ Турновѣ, бросился скорѣе домой. За-городомъ догналъ меня столяръ Тома, остановилъ свою лошадь и закричалъ мнѣ: „Правда что ваша дочь убѣжала съ военнымъ?“ Я не отвѣчалъ ни слова, надвинулъ на глаза шапку и бѣгу безъ оглядки что было мочи. Мнѣ казалось что лѣсъ насмѣшливо шумѣлъ надъ моею головой; Либунька тоже какъ будто журчала съ упрекомъ, воронья карkали, какъ бы поддразнивая меня, вѣтеръ по скаламъ шумѣлъ завывая, все окружающее казалось мнѣ сливается въ одинъ страшный гулъ, изъ котораго мнѣ ясно выдѣлялось только одно: *убѣжала съ военнымъ*. Вхожу въ свою хижину, а жена съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ спрашиваетъ: „гдѣ Божена? что случилось съ нашею Боженой? Не заболѣла ли она вдругъ?“ Я не имѣлъ силы утаить отъ нея истину и съ болью, съ отчаяньемъ вскрикнулъ: *Убѣжала съ военнымъ*! Моя жена схватила себя за волосы и бросилась вонъ. Я опомнился, и опасаясь новаго несчастія, бросился вслѣдъ за нею. Она, точно злымъ духомъ гонима, ухватясь за голову, бѣжала съ неимовѣрною быстротою, по рощѣ, и по горамъ. Я насилу нашелъ ее: сидитъ несчастная между скалъ въ ущельѣ, съ мутнымъ безсмысленнымъ взглядомъ и хохочетъ. Я зову ее домой, а она одно мнѣ твердитъ: *убѣжала съ военнымъ*! Я взялъ ее на руки и насильно потащилъ домой. Дорогой попробовалъ убѣждать ее, говорилъ все что въ голову приходило: „Не убивайся! опомнись! Кто потерялъ имущество, тотъ ничего не потерялъ, кто потерялъ честь, тотъ много потерялъ: кто потерялъ силу воли, для того все потеряно“ Она нѣсколько утихла. Слава Богу, есть надежда—авось опомнится, думаю себѣ, входя съ нею въ избушку. А она моя голубушка тихо сѣла въ уголокъ и въ самомъ дѣлѣ послѣ обильныхъ слезъ пришла мало-по-малу въ себя и начала въ голосъ причитать. „Дорогое ты мое дитятко, красота моя ненаглядная! Для того-ль я его возростила, взлелѣяла? Думала я что ты по красотѣ своей и разуму попадешь замужъ за богатаго крестьянина, а ты, безстыдница, безбожная, убѣжала съ солдатомъ!“ Послѣ этихъ воплей она опять нѣсколько поутихла и кинулась въ постель. Но это успокоеніе было обманчиво, какъ тишина предъ бурей. Моя Богумила снова начала бредить и впала въ безпамятство. Видно ей бѣдняжкѣ все представлялась Божена; больная протягивала обѣ руки и съ радостною улыбкой повторяла: „Подойди ко мнѣ, моя милая дочка!

подойди мое безцѣнное сокровище!“ и схвативъ подушку, прижимала къ сердцу и твердила: „Вѣдь ты у меня добрая, по„слушная; я всегда знала что ты не сдѣлаешь никакой глупо„сти. Бѣдненькая, заблудилась въ лѣсу, а мнѣ со страху Богъ „знаетъ что̀ пришло на умъ. Подойди ко мнѣ! Что̀, глупенькая „стоишь у дверей? Боишься? думаешь что я буду бранить „тебя! Подойди! и поцулай мою голову.... она вся въ горячихъ „угольяхъ!“ И вслѣдъ за тѣмъ больная начала метаться по постели. А у меня, глядя на нее, сердце разрывалось. Въ умѣ у меня постоянно было то что я долженъ опять отправиться въ Турновъ и хорошенько развѣдать слѣды моей бѣглянки, но какъ я могъ оставить больную жену, за которою я принужденъ былъ ежеминутно смотрѣть? Она не приходила въ себя и все бредила дочерью. Еслибъ я зналъ хоть имя этого обольстителя, кажется бросился бы за нимъ въ глубину морскую и живаго бы не выпустилъ изъ рукъ. Но вопросъ: Гдѣ онъ? Гдѣ моя дочь? и я становился въ тупикъ. Трудно передать словами что̀ я пережилъ въ тѣ минуты. Напрасно я ждалъ что моя бѣдная Богумила придетъ въ себя; пострадавъ восемь дней, она скончалась, и послѣднія слова ея были: „убѣжала съ солдатомъ“. Послѣ погребенія вступилъ я одинъ въ хижину.... До сихъ поръ дрожь пробѣгаетъ по жиламъ моимъ, когда я вспоминаю то чувство которое тогда овладѣло мною. Огляпулся—кругомъ все пусто, все осиротѣло; ринулся ничкомъ на лавку и не знаю сколько времени я пролежалъ въ этомъ положеніи, только помню что̀ сосѣдъ Черногусъ теребитъ меня за плечо и подаетъ мнѣ письмо изъ Бѣлграда. Открылъ, гляжу на подпись: *ваша покорная дочь Божена.*

(*Окончаніе въ слѣд. №*)

ГРАФЪ АЛАРКОСЪ*

I

По цѣлымъ днямъ въ печали и тоскѣ
Сидитъ въ своемъ покоѣ инфантина;
Чуждается она подругъ веселыхъ:
Докучно ей ихъ нѣжное участье —
Бѣжитъ она, завидя издалека
Ихъ рѣзвую и шумную толпу,
И прячется отъ ихъ пытливыхъ взоровъ.
Никто узнать не можетъ инфантину:
Гдѣ взглядъ ея, исполненный огня,
И дѣвственныхъ ланитъ румянецъ нѣжный,
И алыхъ устъ спокойная улыбка?
Блѣдна, худа, съ потухшими очами
Одна въ саду въ аллеѣ отдаленной,
Потуля взоръ, она уныло бродитъ
Иль на скамью упавъ въ изнеможеньи
Старается сдержать въ груди рыданья
И втайнѣ льетъ потоки горькихъ слезъ.
Въ то время былъ въ походѣ противъ Мавровъ
Король, отецъ прекрасной инфантины,
И дочь ждала его нетерпѣливо,
Но съ ужасомъ и трепетомъ сердечнымъ
О встрѣчѣ съ нимъ желанной помышляла:

* Основаніемъ этому стихотворенію послужилъ древній испанскій романсъ изъ сборника народныхъ испанскихъ романсовъ, извѣстнаго подъ именемъ *Romancero*.

Ужасная, мучительная тайна
И день и ночь ея томила душу
И жаждала она скорѣй открыться
Передъ отцомъ, но будто лютой лытки
Она ждала съ тоскою неутѣшной
Признанія минуты роковой.
И вотъ война окончена. Со славой
И радуясь побѣдамъ и добычѣ,
Король въ свою Толеду возвратился,
Но лишь взглянулъ на дочь свою,—какъ сразу
Блескъ радости съ лица его исчезъ,
И сердце въ немъ наполнилось тревогой.
Прослушалъ онъ, съ тоскливымъ нетерпѣньемъ,
Привѣтствія вельможъ и царедворцевъ,
И къ дочери вошелъ въ опочивальню.
Наединѣ оставшись съ инфантиной,
Онъ ей сказалъ.—Скажи мнѣ что̀ съ тобой,
Дочь милая? Меня приводитъ въ ужасъ
Твой странный взоръ—безжизненный, убитый...
Скажи, какой заботой иль кручиной
Ты мучишься?
— Моя кручина — скука!
Сказала дочь, потупя скорбно очи.
— Что̀ жизнь моя? одна и та же сказка,
Которую я слышу съ дѣтскихъ лѣтъ,
И ужь давно на память затвердила:
День нынѣшній сулитъ мнѣ точно то же
Что̀ подарилъ вчерашній, а на завтра
Я жду съ тоской точь-въ-точь такой же скуки
Которою томилася сегодня.
И такъ весь вѣкъ! Весенья тутъ не много.
А между тѣмъ всѣ сверстницы мои
Давно нашли мужей себѣ по сердцу
И радости семейныя вкушаютъ.
Лишь я одна обречена судьбой
Состарѣться въ моемъ печальномъ дѣвствѣ.

КОРОЛЬ.

А кто-жь тому виной? не ты ль сама?
Къ несчастію до нынѣшняго дня
О бракѣ ты и слышать не хотѣла:

Вокругъ тебя толпились женихи
Достойные тебя и по рожденью,
И по красѣ, и по отвагѣ бранной,
Но ото всѣхъ ты взоръ свой отвращала
Съ презрѣніемъ и гордостью холодной.
Тому назадъ всего еще два года,
Какъ сватался усердно за тебя
Сынъ короля Венгерскаго: годъ цѣлый
Онъ у меня въ Толедѣ прогостилъ
И всѣхъ плѣнилъ умомъ своимъ и сердцемъ.
Тебѣ бы онъ былъ парой по всему:
Сынъ короля—его прямой наслѣдникъ,
Красивъ, уменъ, и доблестенъ, и молодъ.
И что же? ты съ упорствомъ своенравнымъ
Его мольбамъ горячимъ не вняла;
Ты не вняла моимъ совѣтамъ нѣжнымъ,
И гордый принцъ, отказомъ оскорбленный,
И удрученъ отверженной любовью,
Въ отечество вернулся со стыдомъ
И дни скончалъ замученный тоскою.
Вотъ твой женихъ послѣдній!... А теперь...
Межь сыновей державныхъ государей
Нѣтъ жениховъ: одни уже женаты,
Другимъ еще пора не наступила
И помышлять о сватовствѣ и бракѣ.
А изъ моихъ сановниковъ и грандовъ
Нѣтъ никого кто бъ былъ тебя достоинъ.
Лишь есть одинъ межь ними, за кого
Отдать тебя я могъ бы, какъ за ровню,
Мой царскій санъ и родъ мой не унизивъ.
Я говорю про графа Аларкóса:
Онъ равенъ намъ и даже выше насъ
По своему рожденію — по крови
(Вѣдь родъ его древнѣе моего).
Къ тому же онъ такъ честенъ, благороденъ,
Такъ преданъ мнѣ, мой храбрый, добрый рыцарь!...
Но онъ уже два года какъ женатъ,
И сталъ отцомъ. Кого же, дочь моя,
Ты изберешь въ мужья себѣ?

ИНФАНТИНА.

Его.

КОРОЛЬ.

Кого его?

ИНФАНТИНА.

Да графа Аларкоса.

КОРОЛЬ.

Ты шутишь? Да?

ИНФАНТИНА.

Нѣтъ, не шучу, отецъ.
Сказала я тебѣ и повторяю
Что Аларкóсъ на мнѣ жениться долженъ.

КОРОЛЬ.

Въ умѣ ли ты? Ты бредишь какъ въ горячкѣ....
Вѣдь я сказалъ—да ты ужь это знала
И безъ меня—что графъ давно женатъ.

ИНФАНТИНА.

Такъ повели немедля, государь,
Ему съ его женою разойтися.

КОРОЛЬ.

Нѣтъ, дочь моя, теперь я вижу ясно
Что разумъ твой затмился.... Ты больна,
Ты разговоръ вести не можешь связно.
Отложимъ же до времени нашъ споръ:
Тебѣ теперь покой всего нужнѣе.

ИНФАНТИНА.

Да, государь, покой давно мнѣ нуженъ.
Два мѣсяца ужасныхъ протекло
Съ тѣхъ поръ какъ я молитвой и слезами
Хочу покой душевный возвратить,
Но тщетно все: тоска грызетъ мнѣ сердце,
Душа моя отчаянья полна,
И чувствую я ненависть и злобу
Къ себѣ самой, и къ людямъ, и къ природѣ,
И вся горю какъ бы въ огнѣ геены.
И ты одинъ лишь властенъ, государь,
Мнѣ возвратить покой, и миръ, и счастье.
Да, можешь ты твоимъ единымъ словомъ

Конецъ моимъ мученьямъ положитъ:
Скажи его,—и твой вассалъ послушный
Донъ Аларкосъ предстанетъ всенародно,
Какъ мой женихъ, предъ брачнымъ алтаремъ
И въ вѣрности мнѣ вѣчной поклянется.
Тогда съ моей измученной души
Спадетъ тоски и горя гнётъ желѣзный
И наконецъ вздохну свободно я,
Спасенная отъ участи ужасной.
Но если мнѣ не суждено судьбой
Назвать себя женою Аларкоса,—
Тогда.... тогда, молю тебя, отецъ,
Скорѣй бери любимый свой кинжалъ
И сердце мнѣ пронзи однимъ ударомъ.
Не то позоръ ужасный, нестерпимый
Меня, тебя и родъ нашъ заклеймитъ....

КОРОЛЬ.

Молчи, молчи, безумная! Мнѣ страшно
Внимать тебѣ. Хоть рѣчь твоя безумна,
Но, кажется, какъ будто смыслъ въ ней есть.
Какъ будто въ ней мелькаетъ правды проблескъ....
О, нѣтъ, о, нѣтъ, въ ней правды быть не можетъ!...
Но кажется.... Ахъ, это мнѣ ужасно!...
Мнѣ кажется что будто темно, смутно
Въ твоихъ рѣчахъ я что-то понимаю;
Но я боюсь понять ихъ совершенно.

ИНФАНТИНА.

О, если ты еще не понялъ смысла
Моихъ рѣчей, такъ выслушай меня,
Но выслушай безмолвно, терпѣливо.
Тому назадъ два мѣсяца (въ то время
Ты уже былъ въ походѣ противъ Мавровъ)
Донъ Аларкосъ въ любви открылся мнѣ.
Конечно я любовь его отвергла;
Но онъ, въ душѣ надежды не теряя,
Горячими мольбами безпрерывно
Преслѣдовалъ безжалостно меня
И клялся мнѣ что изъ любви ко мнѣ
Жену свою онъ навсегда оставитъ.
Я наконецъ повѣрила ему

И на мольбы докучныя склонилась.
А Аларкосъ лишь одержалъ побѣду,
Какъ охладѣлъ ко мнѣ: все рѣже, рѣже
Мы съ нимъ съ тѣхъ поръ наединѣ видались
И наконецъ совсѣмъ меня онъ кинулъ.
И вотъ теперь, встрѣчаяся со мной,
Блѣднѣетъ онъ, трепещетъ, и со страхомъ
Взоръ отъ меня мгновенно отвращаетъ.
А между тѣмъ любовь его ко мнѣ
Не безъ слѣдовъ прошла, и скоро, скоро
Позоръ меня покроетъ навсегда.
И ежели союзъ священный брака
Не освятитъ слѣдовъ любви безбрачной,
То рѣшено: родныя волны Тахо,
Иль ножъ, иль ядъ, хранимый мной давно,
Помогутъ мнѣ избавиться отъ жизни.

Такъ наконецъ своей печали тайну
Передъ отцомъ открыла инфантина.
Полуживой, блѣднѣющій, безмолвный
Стоялъ король предъ дочерью преступной,
Признаніе ужасное услышавъ.
И долго онъ опомниться не могъ
Отъ грознаго, нежданнаго удара.
Межъ тѣмъ, вперивъ недвижный взоръ въ отца,
Ждала его рѣшенья инфантина.
Пришедъ въ себя, онъ наконецъ воскликнулъ:
— Несчастная, сгубила ты навѣки
И честь мою и самоё себя:
Теперь ничто, ничто спасти не можетъ
Отъ вѣчнаго позора и безчестья
Тебя, меня и все мое потомство....
Все силюсь я понять и не могу,
Какъ Аларкосъ въ душѣ своей рѣшился
На гнусное такое преступленье?
Онъ обольстилъ дочь друга своего!
Нѣтъ рыцаря честнѣй и благороднѣй
Во всей странѣ Испанской благородной;
Его душа открытая, прямая
Отъ дѣтскихъ лѣтъ всегда была чужда
Обмана, лжи, и лести, и лукавства.
Честь женщины всегда для Аларкоса

Завѣтною святынею была:
Онъ никому бывало не позволитъ
И темными намеками заочно
Честь дѣвушки невинной оскорбить,
Хотя бы съ ней всю жизнь онъ не встрѣчался
И зналъ ее едва-едва по слуху.
И вотъ теперь, какъ тать лукавый, подлый,
Похитилъ онъ дѣвическую честь
У дочери дряхлѣющаго старца,
Властителя и друга своего,
Коварно въ ней разсудокъ омрачивъ
Отравою рѣчей преступно-льстивыхъ.
Онъ съ дѣтскихъ лѣтъ остался сиротой,
Я замѣнилъ отца ему, и что же?
Какъ за мою любовь онъ отплатилъ мнѣ?
Нѣтъ, право, я повѣрить не могу
Чтобъ Аларкосъ на это былъ способенъ.

ИНФАНТИНА.

Но если онъ такъ честенъ, благороденъ,
Такъ высоко, такъ свято почитаетъ
Честь женщины, какъ ты передо мною
Его теперь представилъ, то тѣмъ легче
Уговорить его на бракъ со мной.
Конечно онъ, подумавъ хоть немного,
Пойметъ что долгъ на немъ лежитъ священный
Возстановить честь женщины несчастной,
Самимъ же имъ погубленной безчестно,
Честь дочери, честь отрасли послѣдней
Властителя и друга своего.

КОРОЛЬ.

Но я тебѣ сказалъ и повторю
Еще сто разъ что это невозможно:
Графъ Аларкосъ не можетъ развестись
Съ своей женой безъ позволенья папы,
А нынѣшній властитель Ватикана
И строгъ и крутъ и ревностно хранитъ
Церковные уставы. Но положимъ
Что можетъ-быть удастся какъ-нибудь
Намъ умолить, умилостивить старца,
И выманить согласье на разводъ.

Но, дочь моя, на это нужно время,
Быть-можетъ мы годъ цѣлый въ перепискѣ
И въ подкупахъ важнѣйшихъ кардиналовъ
И хлопотахъ различныхъ провлачимъ
Чтобъ получить желаемую буллу.
А между тѣмъ день роковой настанетъ
И огласитъ предъ свѣтомъ безпощаднымъ
Вѣсть о твоемъ паденіи преступномъ.

ИНФАНТИНА.

Нѣтъ, нѣтъ никто во вѣки не узнаетъ
Здѣсь на землѣ моей ужасной тайны:
Она умретъ съ тобой и съ Аларкосомъ:
Рѣшилась я, тебѣ я повторяю,
Окончить жизнь свою самоубійствомъ,
Чтобъ не дожить до роковаго дня....
Но не къ тому клоню теперь я рѣчи.
Хочу спросить тебя я, государь,
Ужели намъ необходимо надо
Выпрашивать у папы въ Ватиканѣ
Разводную для графа Аларкоса?
Ужели нѣтъ у насъ другаго средства
Его навѣкъ избавить отъ жены?

КОРОЛЬ.

Конечно, нѣтъ.

ИНФАНТИНА.

Подумай, можетъ-быть
Мы путь иной отыщемъ къ нашей цѣли,
Вѣрнѣйшій путь.

КОРОЛЬ.

Другаго нѣтъ пути.

ИНФАНТИНА.

Есть, государь.

КОРОЛЬ.

Какой же путь, скажи мнѣ?

ИНФАНТИНА.

Послушай, я слыхала часто съ дѣтства,
Какъ говорилъ и ты, и твой отецъ
И наши всѣ родные и вассалы,
Что честь всего дороже на землѣ,
Что для нея всѣмъ жертвовать должны мы,

И что когда на ней лежитъ пятно,
Должны его мы смыть во что̀ бъ ни стало:
Должны въ себѣ мы подавить всѣ чувства —
Любовь, вражду и дружбы нѣжный голосъ,
И страхъ грѣха и совѣсти угрозы,
И жалости тоску, и состраданье —
Все умертвить въ душѣ что̀ намъ мѣшаетъ
Стереть съ себя безславія пятно.

КОРОЛЬ.

Все это такъ, все это говорилъ я,
И говорю, и буду говорить,
И подтвержу слова мои на дѣлѣ:
На все, на все пойду я безъ боязни,
Чтобъ честь свою спасти!... Иль я не рыцарь,
Не дворянинъ и не Испанецъ кровный?

ИНФАНТИНА.

Что рыцарь ты въ душѣ — всѣ это знаютъ.
Нѣтъ никого храбрѣй тебя въ бою,
Нѣтъ никого кто бъ былъ великодушнѣй
Съ врагомъ, когда онъ проситъ о пощадѣ,
Нѣтъ никого кто бъ былъ вѣрнѣе слову,
Разъ данному, хотя-бъ и въ полушутку,
Какъ ты отецъ — ты всѣхъ честнѣй, всѣхъ лучше,
Всѣхъ доблестнѣй и всѣхъ мудрѣе въ свѣтѣ.
Но у тебя одинъ есть недостатокъ —
То̀ доброта чрезмѣрная твоя:
Она въ тебѣ до слабости доходитъ.
Сознайся самъ, исчислить даже трудно
Всѣхъ тѣхъ воровъ, убійцъ и казнокрадовъ,
Судомъ на казнь правдиво осужденныхъ,
Которыхъ ты, разжалобленъ ихъ воплемъ,
Помиловалъ, по слабости сердечной.
Ни чьихъ ты слезъ не можешь перенесть.
И лишь слезу замѣтишь на рѣсницѣ,
Хотя-бъ она притворная была,
Уже ты самъ чуть сдерживаешь слезы
И долгъ святой судьи позабываешь,
И всякую готовъ исполнить просьбу
И все простить, чтобъ только не видать
Передъ собой слезящагося ока.

Всегда тебѣ, отецъ, я удивлялась:
Ты яростенъ, какъ левъ, на полѣ брани,
И робокъ, слабъ, какъ женщина, внѣ боя.
И вотъ теперь я доброты твоей,
Какъ грознаго чудовища страшуся:
Боюся я, она тебя отклонитъ
Исполнить долгъ — высокій долгъ священный —
Честь дочери единственной спасти.

КОРОЛЬ.

Ты на меня клевещешь, инфантина,
И злобно ты и дерзко ты клевещешь!
Что жь, развѣ я слезливая старуха
Или дитя, и упаду я духомъ
Въ тотъ мигъ когда суровый долгъ велитъ
За мѣры мнѣ суровыя приняться?
Скажи, чего ты требуешь теперь:
Исполню все, и ты тогда увидишь
Что не къ одной я жалости способенъ.
Сумѣю я быть строгимъ, непреклоннымъ,
Сумѣю быть безжалостнымъ, жестокимъ,
Когда того потребуетъ мой долгъ.
Не вѣришь ты?

ИНФАНТИНА.

Желала бы я вѣрить.

КОРОЛЬ.

Такъ говори скорѣй чего ты хочешь,
А тамъ, повѣрь, сама увидишь ясно
Что ты глупа, что двадцать слишкомъ лѣтъ
Съ отцомъ своимъ видаясь каждый день,
День каждый съ нимъ бесѣдуя глазъ на глазъ,
Не знала ты его до сей поры!

ИНФАНТИНА.

Итакъ теперь рѣшаюсь я сказать
Къ какому ты прибѣгнуть долженъ средству,
Чтобъ отъ жены избавить Аларкоса.
То средство.... я боюсь его назвать:
По добротѣ своей ты ужаснешься....

КОРОЛЬ.

Нѣтъ, говори, и говори мнѣ смѣло.

ИНФАНТИНА.

Убійство....

КОРОЛЬ.

Какъ? убійство, дочь моя?

ИНФАНТИНА.

Да, тайное убійство, государь,
Оно должно избавить Аларкоса
Отъ брачныхъ узъ.

КОРОЛЬ.

Какъ? Умертвить графиню!

ИНФАНТИНА.

Да, умертвить жену его....

КОРОЛЬ.

Жену!
Но вѣдь она невинна передъ нами.

ИНФАНТИНА.

Сбылось чего боялась я заранѣ:
Трепещешь ты: ужь жалостью дрожитъ
Въ тебѣ твое чувствительное сердце.

КОРОЛЬ.

О нѣтъ, клянусь, не жалостью смущаюсь
Я въ этотъ мигъ: повѣрь, другое чувство
Всю внутренность во мнѣ приводитъ въ трепетъ:
Я не хочу свершить несправедливость
И женщину невинную убить.
Чтобъ доказать тебѣ что не страшуся
Я кровь пролить, готовъ я Аларкоса,
Хоть онъ мнѣ другъ, на поединокъ вызвать.
Хоть я всегда любилъ его какъ сына,
Но дряхлая рука моя не дрогнетъ
Когда мечомъ прадѣдовскимъ моимъ
Я проколю и грудь ему и сердце.
А отчего? А оттого что онъ
Передо мной и предъ тобой виновенъ.
Но не могу я умертвить спокойно
Невинное и кроткое созданье.

ИНФАНТИНА.

Прекрасныя слова, отецъ мой добрый,
Прекрасныя и правила и чувства

Ты высказалъ, мой рыцарь благородный!
Но мнѣ теперь не до высокихъ чувствъ.
Что̀ пользы мнѣ, когда ты Аларкоса
По-рыцарски убьешь на поединкѣ?
Сокроешь ли ты тѣмъ мое безчестье?
Ты у меня отнимешь только средство
Сокрыть его. Пойми же наконецъ
Что только бракъ торжественный, законный
Съ виновникомъ паденья моего
Отъ глазъ людскихъ сокроетъ мой позоръ.

КОРОЛЬ.

То правда, но.... противно думать мнѣ
Что брачный твой союзъ купить я долженъ
Цѣною жизни женщины безвинной.

ИНФАНТИНА.

Такъ выбирай, отецъ чадолюбивый,
Кого изъ насъ въ живыхъ ты хочешь видѣть —
Меня ль, твою единственную дочь,
Иль женщину совсѣмъ тебѣ чужую.
Скорѣе мнѣ свой выборъ объяви,
Чтобъ я могла скорѣй покончить съ жизнью....
И я теперь скажу тебѣ заранѣе
Что ты ничѣмъ меня не оградишь
Отъ гибели; что никакія мѣры
Не преградятъ мнѣ путь къ самоубійству.
Пусть у меня отнимутъ ножъ и ядъ,
Пусть, заковавъ желѣзной цѣпью руки,
Меня въ тюрьму подземную запрутъ,
За тяжкіе желѣзные затворы,
Но даже тамъ, съ недвижными руками.
Я совершить смогу самоубійство:
Уста мои откажутся упорно
И питіе, и пищу принимать,
И смертію голодной я погибну.
То, говорятъ, мучительная смерть,
Ужасная, но я снесу всѣ муки,
Все вытерплю чтобъ честь свою спасти.
Я чувствую, во мнѣ течетъ не даромъ
Кровь праотцевъ прославленныхъ моихъ,
Съ веселіемъ главы свои сложившихъ,

Чтобы своимъ геройствомъ возвеличить
И вознести честь рода своего,
Чтобъ съ гордостью ихъ поздніе потомки
Носили ихъ прославленное имя
И берегли какъ бы зеницу ока.
Во мнѣ одной ихъ духъ теперь живетъ,
Ко мнѣ одной ихъ кровь теперь взываетъ
Спасти ихъ родъ отъ вѣчнаго позора;
Во мнѣ одной есть мужество и сила
Идти на все во имя нашей чести.
Я женщина, но смертію моею
Я докажу что правъ былъ древній царь,
Когда сказалъ что иногда мужами
Являются въ минуты бѣдствій жены,
И слабыми, трусливыми женами
Становятся мущины передъ ними....
О, я хочу, я жажду умереть,
И мучиться хочу я передъ смертью,
Чтобъ искупить мое паденье мукой,
Чтобъ наказать себя за ту минуту,
Когда, горя огнемъ безумной страсти,
Разъ во всю жизнь я женщиной явилась
И слабости постыдной поддалась.
И среди мукъ ни жалобы, ни стона
Не вырвется—клянусь—изъ устъ моихъ.
Услышишь ты лишь злобныя проклятья—
Проклятія презрѣннымъ, слабымъ людямъ
Не смѣвшимъ мнѣ подать спасенья руку
Въ бѣдѣ моей!

КОРОЛЬ.

Тебя не узнаю я....
Ужасныя ты рѣчи говоришь....
Какъ бѣшено сверкаютъ въ этотъ мигъ
Твои глаза огнемъ какимъ-то адскимъ;
Лицо твое искажено отъ злобы....
Меня твой видъ приводитъ въ содроганье—
Ужасна ты отъ головы до ногъ,
Какъ будто бы въ тебя вселился демонъ;
Но чувствую, въ твоихъ рѣчахъ и взглядахъ
И голосѣ какая-то есть сила:—

Нездѣшняя то сила,—сила злая
И темная,—и я уже не властенъ
Бороться съ ней: мнѣ чудится, она
Уже мою всю душу охватила ...
Смѣшалися во мнѣ всѣ чувства, мысли,
Слабѣетъ духъ, разсудокъ померкаетъ:
Я чувствую что вмѣстѣ я съ тобою
Тону душой въ грѣхѣ твоемъ, какъ въ бѣздне.
Ахъ, говори скорѣе, дочь моя,
Что̀ дѣлать мнѣ? Какое преступленье
Я совершить тебѣ въ угоду долженъ?
Убійство? Да?... убить графиню?...

ИНФАНТИНА.

Нѣтъ,
Своей рукой ты не свершишь убійства:
Пусть Аларкосъ его свершаетъ самъ.

КОРОЛЬ.

Какъ, Аларкосъ убить графиню долженъ,
Свою жену? Но это невозможно:
Онъ не пойдетъ на грѣхъ такой ужасный!

ИНФАНТИНА.

Вели ему; какъ вѣрный твой вассалъ
Обязанъ онъ повиноваться слѣпо
Тебѣ во всемъ. Онъ долженъ непремѣнно
Самъ умертвить свою жену.

КОРОЛЬ.

Ужасно!...
Я не могу никакъ понять, откуда
Въ тебя могла такая мысль вселиться—
Безбожная, чудовищная мысль.

ИНФАНТИНА.

Уже давно въ тиши ночей безсонныхъ
Обдумала я замыселъ мой смѣлый
И свыклась съ нимъ, такъ свыклась что теперь
Уже его не въ силахъ я покинуть.
И вотъ что̀ я придумала тогда:
Донъ-Аларкосъ постулитъ такъ: онъ ночью
Жену свою въ ея постели тайно

Подушками задушитъ, чтобъ на трупѣ
Насилія слѣдовъ не видно было.
Потомъ, когда взойдетъ уже заря,
Подыметъ онъ въ дому своемъ тревогу,
И воплями и криками разбудитъ
Всѣхъ слугъ своихъ и съ плачемъ имъ объявитъ
Что, пробудясь поутру, онъ нашелъ
Свою жену въ постели уже мертвой.
И всѣ рѣшатъ что вѣрно отъ удара
Скончалася прекрасная графиня.
И такъ какъ графъ слыветъ примѣрнымъ мужемъ,
То никогда не вздумаетъ никто
Подозрѣвать его въ женоубійствѣ.

КОРОЛЬ.

Ну, дочь моя, обдумала хитро
Ты замыслъ свой: не вдругъ, но понемногу
Ты черноту грѣховную его
Передъ отцомъ обманутымъ открыла.
Какъ медленно, путемъ мнѣ неизвѣстнымъ
Ты съ крутизны въ потьмахъ меня влекла,
И привлекла теперь въ такую пропасть,
Откуда нѣтъ ужь выхода! Сначала
Повѣрилъ я, какъ отрокъ простодушный,
Что вправду ты, по женской простотѣ,
Нелѣпою надеждой утѣшалась,
Что можетъ графъ сейчасъ жену оставить
И подъ вѣнецъ сейчасъ идти съ тобой.
Но вижу я къ чему клонилась хитрость:
То былъ подходъ лукавый и искусный,
Чтобы не вдругъ меня ошеломить,
На гнустное злодѣйство вызывая.
Но, дочь моя, какъ ни хитеръ твой замыслъ,
Но Аларкосъ его разрушитъ въ прахъ:
Въ сообщники къ тебѣ онъ не пойдетъ
И палачомъ жены своей не будетъ.

ИНФАНТИНА.

А я тебѣ заранѣ говорю
Что если ты осмѣлишься предъ нимъ
Все вымолвать что вымолвить ты долженъ,
То онъ твою исполнитъ волю слѣпо.

КОРОЛЬ.

Что̀ жь долженъ я сказать ему?

ИНФАНТИНА.

Ты скажешь
Что онъ свершилъ такое преступленье
Которому нѣтъ имени и мѣры.
„Тебя считалъ я другомъ, Аларкосъ,
До сей поры—такъ скажешь ты ему—
Надежнѣйшимъ и преданнѣйшимъ другомъ,
Но самый злой изъ всѣхъ моихъ враговъ
Такого зла не сдѣлалъ мнѣ изъ мести,
Какое ты по дружбѣ совершилъ.
Считалъ тебя я подданнымъ примѣрнымъ,
Считалъ тебя отчизны вѣрнымъ сыномъ,
Готовымъ все на жертву принести,
Чтобы спасти честь царственнаго дома
И вмѣстѣ съ ней честь родины своей.
И вотъ теперь ты сдѣлалъ преступленье,
Которое на вѣкъ предъ цѣлымъ свѣтомъ
Безчестіемъ великимъ запятнаетъ
Меня, мой домъ, страну и весь народъ.
Итакъ теперь ты долженъ, Аларкосъ,
Великою, неслыханною жертвой,
Которая бъ равнялась предъ тобою
Твоей винѣ, спасти отъ поношенья
Все что̀ тебѣ всего дороже въ жизни.“
Затѣмъ, отецъ, объявишь ты ему
Какую онъ принесть обязанъ жертву.
Конечно онъ придетъ сначала въ ужасъ;
Но соберись ты съ мужествомъ и силой
И съ твердою рѣшимостью скажи:
„Донъ-Аларкосъ, конечно ты привязанъ
Къ своей женѣ; она, какъ говорятъ,
Предоброе, простое существо—
Хорошая кормилица, хозяйка;
Но сто̀итъ ли—скажи по правдѣ мнѣ—
Она того чтобъ за нее ты предалъ
Спокойствіе и честь своей отчизны;
А ты предашь, предашь свою отчизну

На жертву смутъ, когда не согласишься
На жертву ей жену свою принесть.
Подумай самъ, когда народъ узнаетъ
Какимъ его позоромъ небывалымъ
Покрыла дочь властителя его,
Властителя, вождя, за коимъ слѣпо
Онъ шелъ всегда съ довѣрчивостью дѣтской,—
Противъ меня возстанетъ полстраны,
Польется кровь въ войнѣ междуусобной,
И, пользуясь раздорами и бунтомъ,
На насъ пойдутъ злодѣи наши Мавры
И, можетъ-быть, опять какъ въ дни былые
Поработятъ Испанію они.
Кто-жь дастъ отвѣтъ предъ совѣстью своей,
Передъ людьми и предъ судомъ небеснымъ
За бѣдствія, за гибель всей страны?
Ты Аларкосъ,—и на твою главу
Обрушатся со всѣхъ сторонъ проклятья
Всѣхъ истинныхъ отечества сыновъ!
Скажи, ужель жена тебѣ дороже
Великаго и славнаго народа?
Что̀ смерть для ней? Лишь нѣсколько мгновеній
Тоски и мукъ: за нихъ ее за гробомъ
Ждетъ вѣчное небесное блаженство
И съ нимъ вѣнецъ подвижницы святой—
Подвижницы, пожертвовавшей жизнью
Чтобы спасти отъ гибели милліоны."

Вотъ, государь, что̀ долженъ ты сказать
Чтобы вѣрнѣй подѣйствовать на умъ
И, главное, на сердце Аларкоса.
О, знаю я глубоко это сердце,
И все что̀ я тебѣ теперь сказала
Подѣйствуетъ глубоко на него.
Отечество, долгъ подданнаго, честь—
Все это тѣ могучія слова
Которыя его подвигнуть могутъ
На все, на все!

КОРОЛЬ.

Все это я скажу.
Но есть въ твоей рѣчи такое слово
Которое я произнесть не въ силахъ—

Какъ вымолвить языкъ мой ухитрится:
„Донъ-Аларкосъ, убей свою жену?!“
Какой тиранъ свирѣпый, изступленный
Когда-либо такое повелѣнье
Могъ произнесть?

ИНФАНТИНА.

Я знала, государь,
Что этихъ словъ ты вымолвить не въ силахъ
По добротѣ несказанной твоей,
И потому придумала заранѣ
Какъ поступить чтобы тебя избавить
Отъ устнаго сношенья съ Аларкосомъ.
Согласенъ ли ты къ графу написать
Своей рукой письмо? Я продиктую
Тебѣ его, и сказано въ немъ будетъ
Все то что̀ я сейчасъ тебѣ сказала.
Согласенъ ли?

КОРОЛЬ.

Конечно легче мнѣ
Такимъ путемъ на зло его подвигнуть:
Полтяжести съ души моей спадетъ.
Подай скорѣй бумагу и перо—
Спѣши, пока еще я не успѣлъ
Опомниться отъ грознаго хаоса
И думъ и чувствъ, который подняла ты
Въ моей душѣ: опомнюсь,—и мгновенно
Замретъ во мнѣ преступная рѣшимость....
И что̀ жь тогда?... Диктуй же мнѣ письмо.

II.

Графъ Аларкосъ садился на коня:
Нарочно онъ въ Толеду пріѣзжалъ
Чтобъ короля въ его столицѣ встрѣтить
И съ новою побѣдою поздравить.
И лишь успѣлъ онъ встрѣтить короля
И свой привѣтъ сказать ему сердечный,
Какъ ужь спѣшилъ въ свой древній дальній за́мокъ
Къ женѣ своей и дѣтямъ возвратиться;
Но лишь вложилъ онъ ноги въ стремена,

Какъ ко дворцу его примчался всадникъ—
То былъ гонецъ съ письмомъ отъ короля.
Предчувствіе недобраго чего-то
Вдругъ холодомъ ему объяло душу.
Онъ снялъ печать и пробѣжалъ письмо,—
И блѣдностью смертельною покрылось
Его лицо...
Былъ свѣтелъ майскій вечеръ;
Еще заря вечерняя блистала,
Когда путемъ далекимъ утомленъ
И скорбію глубокой удрученный,
Донъ-Аларкосъ завидѣлъ замокъ свой.
И вздрогнулъ онъ, и сердце въ немъ упало,
И полились вдругъ слезы изъ очей
Въ тотъ мигъ когда онъ издали увидѣлъ
Стоящую высоко на балконѣ
Жену свою съ младенцемъ на рукахъ.
„Несчастная, воскликнулъ онъ невольно,
Несчастная, какъ встрѣчусь я съ тобой?
Какъ я взглянуть въ лицо тебѣ посмѣю?
Какъ я снесу твой радостный, твой свѣтлый
Безпечный взоръ, когда ко мнѣ на грудь
Ты бросишься въ порывѣ чувствъ священныхъ,
Какъ къ своему защитнику и другу....
О что тогда я сдѣлаю? Ужели
Въ тотъ страшный мигъ во мнѣ достанетъ силы
Тебя обнять хладѣющей рукой,
Рукой уже готовой къ преступленью
И лобызать Іудинымъ лобзаньемъ?“
Издалека прекрасная графиня
Завидѣла супруга своего
И кинулась стремительно на встрѣчу.
Но лишь она приблизилась къ нему
И встрѣтились ихъ взоры, какъ мгновенно
Она предъ нимъ въ испугѣ отступила
И будто вдругъ на мѣстѣ замерла.
И блѣдными устами прошептала:
„Другъ, жизнь моя, что сдѣлалось съ тобой?
Тебя бѣда какая-то постигла;
Тебя узнать едва-едва могу я:
Какъ будто ты лишь всталъ съ одра болѣзни
Иль вырвался изъ пытки самой страшной:

Ты исхудалъ, ты постарѣлъ.... о Боже—
Не вѣрю я глазамъ—ты посѣдѣлъ!
О говори скорѣе что̀ случилось.

ГРАФЪ АЛАРКОСЪ.

Войдемъ, войдемъ скорѣе въ домъ, графиня.
Я утомленъ—я отдохнуть хочу.

ГРАФИНЯ.

Но говори скорѣе что̀ случилось.

ГРАФЪ.

Нѣтъ, не теперь!...

ГРАФИНЯ.

Но я тебя молю!

ГРАФЪ.

О замолчи.... О другъ безцѣнный мой,
Не говори ни слова ради Бога.
Твой ласковый, твой нѣжный, кроткій голосъ
Упреками мнѣ сердце поражаетъ,
Какъ острый ножъ.
И смолкла передъ мужемъ
Покорная и кроткая графиня.
И вотъ вошелъ въ свой за́мокъ Аларкосъ
И видитъ онъ: ужь къ ужину накрытъ
Въ столовой столъ и два на немъ прибора;
Передъ однимъ изъ нихъ поставленъ кубокъ—
Прадѣдовскій любимый кубокъ графа.
„Несчастная! Она ждала меня!“
Подумалъ графъ, и заструились слезы
Вновь по его ланитамъ помертвѣлымъ.
Поспѣшно онъ закрылъ лицо платкомъ,
Какъ будто потъ и пыль съ него стирая;
Но тщетно онъ сокрыть старался слезы
Отъ глазъ жены.
— Ты плачешь, другъ мой бѣдный,
Она ему сказала, и рыдая
На грудь къ нему упала.
— Полно плакать!...
Садись скорѣе ужинать.... ужь время.
Проговорилъ въ смятеньи Аларкосъ,
Не зная самъ что̀ говоритъ.

Умолкла

Опять его смиренная графиня
И сѣла съ нимъ за столъ. Безмолвенъ, мраченъ
Донъ-Аларкосъ за ужиномъ сидѣлъ;
Онъ до вина и пищи не касался,
Весь погруженъ въ мучительную думу.
И наконецъ, какъ будто что-то вспомнивъ,
Всталъ съ мѣста онъ и поступью нетвердой
Съ послѣшностью прошелъ въ опочивальню.
Вошла туда съ нимъ вмѣстѣ и графиня.
Тамъ въ уголку подъ шелковой завѣсой
Младенецъ ихъ слалъ въ мягкой колыбели.
Затрепеталъ отецъ и взоръ потупилъ,
Нечаянно взглянувъ на колыбель;
Потомъ онъ дверь рукой дрожащей заперъ,
И медленно приблизившись къ графинѣ,
Ей голосомъ прерывистымъ сказалъ:
—Прости меня.... Ахъ, еслибы ты знала
Что̀ ждетъ тебя, и какъ несчастна ты!

ГРАФИНЯ.

Могу ль я быть несчастлива, мой милый?
Вѣдь я жена твоя: иного счастья
Не надо мнѣ.

ГРАФЪ.

О, больше я не въ силахъ
Передъ тобой таиться!... Знай, графиня,
Ты умереть должна!

ГРАФИНЯ.

Какъ? Умереть!...

ГРАФЪ.

Да, съ жизнію разстаться ты должна.
Ужь часъ твоей кончины наступаетъ....
Ужь онъ насталъ.... Прощай, мой другъ несчастный!
Прости меня!

ГРАФИНЯ.

О, Боже!... Другъ мой милый,
Мнѣ страшно, я дрожу, я леденѣю,
Какія ты ужасныя слова
Мнѣ говоришь...: Я умереть должна!?

ГРАФЪ.

Должна, должна сегодня же, теперь же....
Такъ повелѣлъ король, нашъ государь.

ГРАФИНЯ.

Король? но что жь я сдѣлала ему?

ГРАФЪ.

Ты ничего; но я предъ нимъ виновенъ!
Моя вина равняется измѣнѣ....
Но вотъ письмо ко мнѣ отъ короля.
Прочти его, и ты поймешь какъ тяжко
Виновенъ я предъ нимъ и предъ тобой.

ГРАФИНЯ.

Передо мной?!

ГРАФЪ.

Да.... Прочитай письмо.

ГРАФИНЯ *(прочитавъ письмо).*

О, низкая и злая инфантина!
Такъ это ей, ей смерть моя нужна!
Презрѣнная! Она оклеветала
Предъ старикомъ отцомъ своимъ тебя.
Ты обманулъ, ты обольстилъ ее!
Какая ложь! Лишь дряхлый нашъ король,
Впадающій ужь въ дѣтство, могъ повѣрить
Столь дерзостной, безбожной клеветѣ.
Мой Аларкосъ кого-нибудь обманетъ!
Мой Аларкосъ способенъ обольщать,
Иль завлекать, коварствовать, лукавить!!
Но всякій кто хоть разъ, хоть вскользь увидѣлъ
Лицо его и взглядъ или хоть поступь,
Тотъ во всю жизнь повѣрить не дерзнетъ
Что Аларкосъ способенъ на коварство.
Нѣтъ, нѣтъ, виной всему она сама.
Какъ въ свѣтѣ дня увѣрена я въ этомъ!
Хоть ни о чемъ доселѣ я не знала,
Но, кажется, что вижу я теперь,
Какъ, возгорѣвъ къ тебѣ постыдной страстью,
Соблазнами коварными она
Тебя завлечь въ свои старалась сѣти;
Сама, сама тебѣ на шею висла

И грѣшными лобзаньями своими
Въ твоей душѣ стыдливой, чистой, честной
Насильственно желанья разожгла—
И вовлекла лобзая въ преступленье.
Проклятье ей, проклятье ей, змѣѣ!
Пускай мое проклятье тонкимъ ядомъ
Проникнетъ ей въ завистливое сердце
И совѣсти горящимъ, острымъ жаломъ
Сожжетъ ее, изсушитъ, изведетъ,
Пусть тѣнь моя ночь каждую....

ГРАФЪ.

Постой!
Не изрекай проклятій передъ смертью!...
Прости врагамъ, да ненависть и злоба
Твоей души на мигъ не осквернятъ.
Останься ты кротка, чиста, безгрѣшна,
Какой была всю жизнь: пусть въ мигъ твой смертный
Душа твоя, какъ чистая голубка,
Къ Всевышнему на небо воспаритъ.

ГРАФИНЯ.

Какъ, развѣ ты.... Какъ, развѣ неизбѣжно
Я умереть должна?

ГРАФЪ.

Да! Неизбѣжно!

ГРАФИНЯ.

Но если я къ ногамъ твоимъ паду
И обнимать твои колѣни стану,
И слезы лить,—ты пощадишь меня?

ГРАФЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! Повѣрь, я не могу, не властенъ....
Вѣдь знаешь ты что всякія мученья
Я за тебя съ веселіемъ приму....
Но я теперь не властенъ надъ собой.

ГРАФИНЯ.

Но если я начну кричать, и крикомъ
Перебужу всѣхъ въ домѣ,—что тогда?

ГРАФЪ.

Но ты письмо читала, такъ припомни
Что сказано въ концѣ.

ГРАФИНЯ.

Ахъ Боже, Боже!
Тамъ сказано.... я вспомнила теперь!...
Я вспомнила что смерть за ослушанье
Тебѣ грозитъ. О, да, теперь конечно
Я умереть должна.... Да, я теперь готова,
Да, я теперь желаю умереть,
И смертный мигъ мнѣ больше ужь не страшенъ....
Но погоди! Что̀ станется теперь
Съ несчастными малютками моими?
Молю тебя, мой другъ, ни на минуту
Ты въ домѣ ихъ своемъ не оставляй,
А отошли съ надежнымъ человѣкомъ
Къ сестрѣ моей: у ней вѣдь нѣтъ дѣтей,
А къ нашимъ такъ привязана она,
Что матерью имъ будетъ самой нѣжной.
Готовъ ли ты мою исполнить просьбу?

ГРАФЪ.

Клянусь тебѣ ее исполнить свято.

ГРАФИНЯ.

Теперь, мой другъ, готова къ смерти я....
Нѣтъ, погоди: ты слышишь: пробудился
Малютка нашъ прекрасный: плачетъ онъ.
Позволь его мнѣ грудью покормить
Въ послѣдній разъ; потомъ мою молитву
Въ послѣдній разъ я совершу предъ Богомъ,
Прося въ грѣхахъ прощенья, а потомъ....
Потомъ, мой другъ, простимся мы на вѣки! ... *

---

* Французскій переводчикъ и истолкователь сборника народныхъ испанскихъ романсовъ въ предисловіи къ романсу *Графъ Аларкосъ* старается доказать, посредствомъ историческаго объясненія нравовъ эпохи, что умерщвленіе жены Аларкоса самимъ Аларкосомъ, по повелѣнію короля, не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго. Онъ говоритъ слѣдующее: „Предлагая читателямъ этотъ разказъ, мы считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ о двойственномъ характерѣ власти которою пользовались испанскіе короли въ средніе вѣка. Какъ политическіе властители государства, испанскіе короли имѣли только ограниченную власть, противъ которой не разъ возставали сильные вассалы. Но какъ верховный судья, испанскій король, внѣ своей политической дѣятельности — въ своихъ частныхъ сношеніяхъ съ

III.

По площадямъ и улицамъ Толедо
Между дворцомъ и церковью соборной
Стоялъ народъ громадою сплошной:
Со всѣхъ концовъ столицы королевской,
Изъ ближнихъ селъ, и городовъ и замковъ,
Толпы гражданъ, монаховъ, поселянъ,
И рыцарей, и странниковъ, и нищихъ
Стеклись сюда къ дню свадьбы инфантины
На празднество роскошное взглянуть.
Но сумраченъ былъ видъ толпы народной
И видѣлась на лицахъ изумленныхъ
Тревожнаго, тяжелаго вопроса,
И скорбнаго недоумѣнья тѣнь.
И сдержанный, глухой какой-то ропотъ
По временамъ въ народѣ проносился,
Какъ моря шумъ зловѣщій передъ бурей:
Извѣстіемъ нежданнымъ озадаченъ
Былъ весь народъ: еще не смолкли толки
Въ устахъ его о смерти непонятной,
Постигшей вдругъ супругу Аларкоса,
Какъ снова вѣсть нежданная промчалась,
Что Аларкосъ помолвленъ съ инфантиной.
Ужъ собрался въ палатахъ короля
Почетный сонмъ всей знати королевства:
Сановники, вельможи, царедворцы,
Всѣ въ золотѣ и камняхъ самоцвѣтныхъ,
Стояли тамъ блестящею толпой
И царственной невѣсты ожидали,
Чтобъ въ шествіи торжественномъ, всѣмъ сонмомъ
Сопровождать ее до алтаря.

подданными, обладалъ неслыханно широкими правами: онъ имѣлъ надъ каждымъ изъ своихъ вассаловъ власть почти безграничную, власть какую имѣлъ въ то время отецъ семейства надъ своими дѣтьми; онъ распоряжался какъ хотѣлъ не только ихъ имуществомъ и ихъ жизнью, но даже ихъ *совѣстью*. Обращаясь къ романсу *Графъ Аларкосъ*, мы просимъ читателей не терять изъ виду нашей замѣтки". (Romancero espagnol traduction complète par Damas Hinard, tome 2, *Comte Alarcos*).

Замѣчательно что Лопе де-Вега, сдѣлавъ изъ *Графа Аларкоса* піесу, назвалъ ее *Плачевная необходимость*.

И вотъ она предстала передъ ними
Худа, блѣдна какъ призракъ, но прекрасна —
Исполненъ былъ спокойствія, величья
И гордости ея блестящій взоръ
И на устахъ холодныхъ, ломертвѣлыхъ
Привѣтная виднѣлася улыбка.
Но лишь она явилася въ дверяхъ,
Какъ странное какое-то смущенье,
Таинственный, всѣмъ непонятный ужасъ
Собраніемъ внезапно овладѣли,
Какая-то мучительная тяжесть
Всѣмъ на душу мгновенно налегла, —
И тишина повсюду гробовая
Настала вдругъ: какъ будто инфантина
Давила всѣхъ присутствіемъ своимъ.
Когда жь она, прошедъ передъ толпой
Черезъ весь залъ, сокрылася изъ виду, —
То вырвался у всѣхъ въ одно мгновенье
Изъ груди вздохъ: какъ будто вся толпа
Вдругъ вырвалась на свѣжій, вольный воздухъ
Изъ душнаго подземнаго затвора.
Вотъ двинулся къ собору отъ дворца
Торжественно вѣнчальный поѣздъ пышный;
Раздвинулись народныя толпы
Предъ царственной невѣстою, — и вмигъ
Всѣ головы предъ нею обнажились
И раздались было кой-гдѣ въ народѣ
Привѣтственные клики въ честь ея,
Но замерли застѣнчиво и робко.
И двигался блестящій поѣздъ брачный
По площадямъ и улицамъ Толедо
Среди толпы и мрачной и безмолвной,
Какъ шествіе печальныхъ похоронъ.
А между тѣмъ день ясный помрачался:
Надъ поѣздомъ по небу подвигалась
Вся черная, какъ траурный покровъ,
И грозная, какъ гнѣвъ небесный, туча
И слышались вдали раскаты грома.
И все сильнѣе слышались они,
И все росла, росла по небу туча
И наконецъ задвинула все небо,

И вотъ, когда достигъ до церкви поѣздъ
И поднялась на паперть инфантина, —
Вдругъ съ яростью завылъ свирѣпый вихрь
И ринулся, взметая пыль, по стогнамъ.
И потряслись со трескомъ и со звономъ
Желѣзные листы церковной кровли,
И молнія змѣею исполинской
Изъ черныхъ тучъ надъ папертью сверкнула, —
И гулъ и трескъ удара громоваго
Какъ бы потрясъ весь храмъ и всю окрестность.
И трепетомъ холоднымъ тотъ ударъ
Отозвался въ груди преступной дѣвы:
Она едва-едва не пошатнулась,
Едва-едва не вскрикнула отъ страха,
Но въ тотъ же мигъ собою овладѣвъ,
Съ осанкою свободной, величавой
И съ прежнею улыбкой на устахъ,
Вступила въ храмъ, блистая красотою.
Ужъ тамъ стоялъ донъ-Аларкосъ. Ужасенъ
Былъ видъ его; никто бъ не могъ узнать
Въ немъ прежняго красавца молодаго —
Въ короткій срокъ изсохло, пожелтѣло
И рѣзкими морщинами покрылось
Его лицо, и кудри побѣлѣли
И развились, и впалые глаза
Свѣтилися болѣзненнымъ огнемъ
И, будто бы въ безуміи, блуждали
По сторонамъ. Увидѣвъ инфантину,
Онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ, и невольно,
И ужаса и отвращенья полонъ,
Закрылъ глаза рукой и отшатнулся....
И пробѣжалъ въ толпѣ чуть слышный шопотъ,
И взоры всѣхъ пытливо и тревожно
На жениха съ невѣстой устремились;
Но близь него стоявшій царедворецъ,
Склонясь къ нему съ холодно-строгимъ видомъ,
Сказалъ ему для всѣхъ не слышно что-то;
Тогда, пришедъ въ себя, графъ Аларкосъ
Дрожащею и хладною рукою
Повелъ свою невѣсту къ алтарю.

Тогда предсталъ, блистая въ облаченьи,
На встрѣчу имъ служитель алтаря,
И раздались подъ сводами собора
Величественно-мощные раскаты
И переливы стройные органа,
И пѣніе согласныхъ голосовъ, —
И начался святой обрядъ вѣнчанья.
Но лишь успѣлъ священникъ произнесть
Призваніе Господней благодати,
Какъ молнія по церкви въ полумракѣ
Пылающимъ потокомъ пролилась, —
И грянулъ громъ. И молнія опять,
Все облила волной дрожащей свѣта
И снова громъ за молніей ударилъ,
И молнія вновь вспыхнула, и снова
За нею громъ раздался, и за громомъ
Вновь молнія всю церковь осіяла.
И молнія за молніей сверкая,
Въ одинъ потокъ слилася безконечный,
И каждое мгновенье громъ за громомъ
Катился вслѣдъ, и громы всѣ слилися
Въ одинъ глухой и непрерывный гулъ,
И заглушилъ ихъ рокотъ звукъ органа,
И пѣніе молитвенное клира,
И возгласы священника. Всѣ въ страхѣ
И трепетѣ чего-то ожидали.
И вотъ когда священникъ возгласилъ
Послѣднія великія слова,—
И таинство великое свершилось, —
Въ тотъ мигъ какъ бы разверзлись небеса
Изъ края въ край, и цѣлымъ моремъ свѣта
И пламени на землю вдругъ дохнули,
И грянулъ громъ съ такою силой лютой
Что дрогнулъ весь соборъ до основанья,
И грянули надъ нимъ и загудѣли
Громадные колокола всѣ разомъ.
И обуялъ всѣхъ ужасъ въ то мгновенье:
У всѣхъ глаза закрылися невольно,
И мысль одна у каждаго мелькнула,
Что часъ его послѣдній наступилъ.
Но грозное мгновенье миновало, —

И обмерли отъ ужаса всѣ снова:
Графъ Аларкосъ недвижный, бездыханный
Лежалъ у ногъ второй своей жены.

IV.

Въ монастырѣ пустынномъ и смиренномъ
Кончалася въ страданьяхъ и тоскѣ
Монахиня. Съ распятіемъ въ рукахъ
Стоялъ предъ ней монахъ, подвижникъ строгій,
И исповѣдь ея въ молчаньи слушалъ.
— Святой отецъ! такъ говорила старцу
Монахиня.—Мои грѣхи велики:
Уже три дня и три безсонныхъ ночи
Борюся я въ мученьяхъ нестерпимыхъ
Со смертію; но эти муки легче
Грѣховъ моихъ. Ты ужаснешься, старецъ,
Когда я ихъ открою предъ тобой.
Хоть ты живешь давно вдали отъ міра,
Но шумъ молвы грѣховной, злоязычной,
И въ келію затворника, какъ воздухъ,
Какъ солнца лучъ, врывается сквозь щели.
Такъ вѣрно ты ужь слышалъ не однажды
Разказъ о томъ какъ смертію внезапной
Скончалася графиня Аларкосъ,
Какъ мужъ ея вѣнчался съ инфантиной
И молніей былъ въ церкви пораженъ,
И какъ король нашъ доблестный и добрый,
Услышавъ вѣсть о смерти Аларкоса,
Отъ горести сошелъ за нимъ въ могилу.
И знаешь ты что послѣ смерти мужа,
Вдругъ скрылася куда-то инфантина,
И что никто не знаетъ гдѣ она.
Такъ знай, она теперь передъ тобою!
Ужь десять лѣтъ какъ со ступеней трона
Я въ эту келью бѣдную сошла,
Чтобъ замолить грѣхи мои предъ Богомъ:
Отецъ святой, ты слышалъ что народъ
Подозрѣвалъ меня въ убійствѣ тайномъ,
И вѣрно ты народную молву
Счелъ клеветой; такъ знай что гласъ народа,

На этотъ разъ, былъ вправду Божьимъ гласомъ.
Трепещешь ты! Тебѣ, святому старцу,
И видъ одинъ преступницы ужасенъ;
Но долженъ ты съ терпѣньемъ христіанскимъ
Моихъ страстей и беззаконій повѣсть
Всю выслушать.
Зерномъ всѣхъ преступленій,
Всѣхъ темныхъ дѣлъ моихъ была любовь—
Безумная любовь къ донъ-Аларкосу.
Донъ-Аларкосъ былъ сирота, и съ дѣтства
Былъ взятъ отцомъ моимъ на воспитанье;
Какъ братъ съ сестрой, мы вмѣстѣ съ нимъ росли.
Ужь съ дѣтскихъ лѣтъ любви къ нему глубокой
Въ моей душѣ зародышъ разростался,
Но ужь съ тѣхъ поръ слѣпая, злая гордость
Во мнѣ въ борьбу съ любовію вступила.
Донъ-Аларкосъ былъ старѣе меня,
Но я его въ своей держала власти:
Онъ мнѣ во всемъ безъ спору подчинялся....
Меня любилъ онъ горячо и нѣжно;
Но всѣ его сердечные порывы,
Всѣ нѣжныя слова его и взгляды
Встрѣчала я насмѣшкой ядовитой—
Безжалостно ему терзала сердце
Притворною холодностью моей.
Обидно мнѣ, неловко, стыдно было,
По гордости моей неумолимой,
Открыть предъ нимъ любовь мою хоть взглядомъ,
И за нее сама передъ собой
Я въ гордости униженной краснѣла:
Казалось мнѣ постыднымъ униженьемъ
Кому-нибудь всѣмъ сердцемъ покориться.
А между тѣмъ я чувствовала ясно
Что всей душой моею непреклонной
Покорена навѣки Аларкосу.
О, какъ тогда я жаждала, стремилась
Исторгнуть страсть изъ сердца моего,
Чтобъ чувствовать себя свободной, сильной,
Чтобы царить надъ всѣми безгранично
Своей красой, и властвовать и двигать
Сердцами всѣхъ по прихоти моей!

Ко мнѣ текли толпами женихи,
Но съ гордою холодностью суровой
Я ихъ мольбы отвергла навсегда.
Вотъ наконецъ и скромный Аларкосъ,
Преодолѣвъ застѣнчивость и робость,
Мнѣ предложить рѣшился руку. Долго
Въ моей душѣ съ любовью страстной, жгучей,
Боролася упорно злая гордость.
И гордость верхъ надъ страстью одержала:
Донъ-Аларкосъ отказъ мой получилъ.
Онъ долго былъ въ отчаяньи; однако
Съ своей судьбой онъ какъ-то примирился
И въ бракъ вступилъ съ красавицей извѣстной,
Подругою и сверстницей моей.
Тогда во мнѣ вскипѣли съ новой силой
И поднялись и гордость и любовь:
Онѣ теперь въ борьбу ужь не вступали,
Но заключивъ союзъ противъ меня,
Едва совсѣмъ мнѣ разумъ не затмили.
„Онъ могъ ее, ее мнѣ предпочесть,
Твердила я въ какомъ-то изступленьи,
И ревностью и злобою сгарая,
Онъ предпочесть мнѣ смѣлъ кого-нибудь!
Онъ могъ меня забыть для новой страсти!
Онъ могъ снести отказъ мой и не умеръ
Съ отчаянья, и, потерявъ меня,
Утѣшился: женившись на другой.“
Средь этихъ мукъ, я наконецъ рѣшилась,
Чтобъ успокоить страждущую гордость,
Во что бъ ни стало вырвать Аларкоса
Изъ сладостныхъ супружескихъ объятій
Соперницы ликующей моей,
И вновь его къ ногамъ моимъ повергнуть.
Вотъ наконецъ мигъ роковой насталъ:
Открылась я въ любви предъ Аларкосомъ,
И въ тотъ же мигъ въ груди его проснулась
И вспыхнула и охватила душу
Насильственно подавленная страсть.
И сталъ молить, сталъ требовать упрямо
Онъ тайнаго свиданія со мной
И въ вѣрности до гроба мнѣ поклялся.

Но не могла рѣшиться долго я
Идти на грѣхъ—на вѣкъ лишиться чести,
А, главное, хотя на мигъ единый
Предъ кѣмъ-нибудь душою преклониться
И показать покорность Аларкосу.
Къ тому жь тогда такъ было мнѣ отрадно,
Такъ сладостно его томить и мучить
Отказами суровыми моими.
Но наконецъ ему я отдалась,
И съ той поры, какъ бы по волбшеству,
Донъ-Аларкосъ внезапно измѣнился:
Онъ охладѣлъ ко мнѣ, онъ избѣгалъ
Свиданія со мной и сталъ онъ мраченъ,
Терзаемый унынъемъ и тоской.
Раскаянье и совѣсти мученья
Смѣнили въ немъ любви преступной пылъ.
Онъ чувствовалъ теперь себя преступнымъ
Предъ доброю и вѣрною женой;
Его душѣ возвышенной и чистой
Казалося противно, ненавистно
Притворствовать всечасно передъ ней—
Ласкать ее, тая въ душѣ измѣну.
И онъ меня покинулъ навсегда;
Но навсегда осталося со мною
Безчестіе; лишь бракомъ съ Аларкосомъ
Могла его отъ свѣта я сокрыть
Тогда-то я пошла на преступленье
И женщину невинную, святую,
Руками мужа, преданнаго ей,
Ей милаго, безжалостно убила.
Я думала что этимъ преступленьемъ
Уже совсѣмъ достигла я до цѣли
Всѣхъ тайныхъ думъ и темныхъ ковъ моихъ:
Я думала что бракъ мой съ Аларкосомъ
Спасетъ меня передъ судомъ людскимъ
Отъ вѣчнаго безславія,—и что̀ же?
Небесный судъ разрушилъ въ мигъ единый
Всѣ замыслы мои: донъ-Аларкосъ
Мнѣ мужемъ былъ всего одно мгновенье,
И смерть его, карающей десницей
Сорвавъ покровъ съ безчестья моего,

Меня на судъ предъ свѣтомъ выставляла....
О, какъ тогда скорбѣла горько я,
Что не меня казнилъ огонь небесный:
Тогда любви моей постыдной тайну
Я унесла бъ съ собой во мракъ могилы.
Отецъ святой, я знаю какъ ужасенъ,
Какъ черенъ грѣхъ мнѣ душу тяготящій;
Но десять лѣтъ и день и ночь въ молитвѣ
Смиренно лью я слезы покаянья;
Ужь десять лѣтъ казню и изнуряю
Я плоть свою: желѣзныя вериги,
Мнѣ истерзавъ изнѣженное тѣло,
Впились въ него, вросли въ него глубоко
И тяжестью своею сокрушили,
Разрушили мнѣ силы молодыя.
Молю тебя, святой отецъ, молю
Мнѣ отпустить мой грѣхъ. Мнѣ страшно, страшно
Съ нимъ умереть,—предстать въ загробный міръ
Здѣсь на землѣ тобою осужденной:
Я вся дрожу, я млѣю, волосъ дыбомъ
Становится на головѣ моей,
Хладѣетъ кровь и меркнетъ свѣтъ въ глазахъ,
Когда себѣ хотя на мигъ представляю
Какая казнь мнѣ за грѣхи мои
Готовится за гробомъ въ жизни вѣчной.
О, отпусти мнѣ ихъ, молю тебя;
Когда въ тебѣ и къ грѣшницѣ есть жалость,
То ты хотя изъ жалости спаси
Несчастную безпомощную душу:
Довольно я и на землѣ страдала.
Скорѣй, скорѣй, молю тебя, простри
Ты надо мной прощающую руку....
Скорѣй, скорѣй, быть-можетъ мигъ послѣдній
Приблизился: мнѣ мнится что злой ангелъ
Ужь за душой моей сюда пришелъ
И надъ моимъ склонился изголовьемъ:
Я чувствую какъ огненнымъ дыханьемъ
Его уста ужь вѣютъ надо мной....
Еще лишь мигъ,—и онъ уже исхититъ
Мою грѣхомъ опутанную душу!..

Что жь медлишь ты, святой отецъ?! Спаси,
Спаси меня"!...
И грѣшница, рыдая,
Въ отчаяньи себѣ ломала руки
И съ воплями взывала о прощеньи
Къ духовнику. Но духовникъ сѣдой,
Признаніемъ нежданнымъ потрясенный,
Трепещущій, разгнѣванный и блѣдный,
Предъ грѣшницей великою стоялъ
И въ ужасѣ глаза потупивъ въ землю,
Молчаніе въ раздуміи хранилъ.

Б. АЛМАЗОВЪ.

НОВАЯ МАГДАЛИНА.

РОМАНЪ

ВИЛЬКИ КОЛЛИНЗА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

СЦЕНА ПЕРВАЯ. ХИЖИНА НА ГРАНИЦѢ.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Мѣсто дѣйствія—Франція.

Время—осень 1870 года, достопамятнаго года войны между Франціей и Германіей.

Дѣйствующія лица: капитанъ Арнольдъ, офицеръ французской арміи; Сюрвиль, хирургъ при французскомъ госпиталѣ; Ветцель, хирургъ при нѣмецкой арміи; Мерси Меррикъ состоящая при французскомъ госпиталѣ въ качествѣ сестры милосердія и Грація Розберри, странствующая особа возвращающаяся въ Англію.

ГЛАВА I.

Двѣ женщины.

Была темная ночь. Дождь лилъ какъ изъ ведра.

Поздно вечеромъ отрядъ Французовъ случайно встрѣтился съ отрядомъ Нѣмцевъ у небольшой деревни Лагранжъ, близь нѣмецкой границы. Воспослѣдовала свалка, и Французы одолѣли непріятеля. На время по крайней мѣрѣ нѣсколько сотъ Нѣмцевъ были вытѣснены за границу. Дѣло было ничтожное,

случившееся вскорѣ послѣ нѣмецкой побѣды при Вейссенбургѣ, и газеты почти не обратили на него вниманія.

Капитанъ Арнольдъ, начальствовавшій французскимъ отрядомъ, сидѣлъ одинъ въ хижинѣ принадлежавшей деревенскому мельнику. Капитанъ читалъ при свѣтѣ сальной свѣчки нѣсколько разрозненныхъ депешъ отнятыхъ у непріятеля. Огонь въ большомъ каминѣ почти потухъ, и догоравшіе угли освѣщали слабымъ красноватымъ свѣтомъ часть комнаты. На полу лежало нѣсколько пустыхъ мѣшковъ мельника; въ углу противъ капитана стояла деревянная кровать мельника; стѣны были увѣшаны раскрашенными гравюрами мельника, представлявшими счастливую смѣсь религіозныхъ и семейныхъ сюжетовъ. Дверь между этою комнатой и сосѣднею кухней была сорвана съ петель и употреблена вмѣсто носилокъ на уборку раненыхъ съ поля битвы. Они лежали теперь въ сосѣдней кухнѣ на попеченіи французскаго хирурга и англійской сестры милосердія. Кусокъ грубой холстины прикрывалъ, вмѣсто двери, отверстіе между двумя комнатами. Другая дверь, выходившая изъ спальни на дворъ, была заперта, какъ и деревянный ставень единственнаго окна. На всѣхъ аванпостахъ стояли часовые въ удвоенномъ числѣ. Французскій капитанъ не пренебрегалъ никакими предосторожностями чтобъ обезпечить себѣ и своимъ людямъ спокойную ночь

Все еще погруженный въ чтеніе бумагъ, изъ которыхъ онъ повременамъ дѣлалъ выписки, капитанъ Арнольдъ былъ внезапно потревоженъ приходомъ доктора. Сюрвиль вышелъ изъ кухни, задернулъ за собою холстинный занавѣсъ и подошелъ къ столу у котораго сидѣлъ его начальникъ.

— Что вамъ надо? спросилъ капитанъ рѣзко.

— Только предложить вамъ одинъ вопросъ, отвѣчалъ Сюрвиль.—Можемъ ли мы разчитывать на безопасную ночь?

— Для чего это вамъ надо знать? спросилъ капитанъ подозрительно.

Хирургъ указалъ на кухню, гдѣ лежали раненые.

— Бѣдняги безпокоятся, сказалъ онъ. — Они опасаются неожиданнаго нападенія и спрашиваютъ могутъ ли они разчитывать на нѣсколько часовъ покоя. Какого вы мнѣнія на этотъ счетъ?

Капитанъ пожалъ плечами. Докторъ настаивалъ.

— Вы должны знать, сказалъ онъ.

— Я знаю что въ настоящее время деревня въ нашихъ рукахъ, но кромѣ этого ничего не знаю, отвѣчалъ капитанъ.—

Вотъ бумаги непріятеля. (Онъ поднялъ ихъ и, говоря нетерпѣливо встряхивалъ). Въ нихъ я не нашелъ никакого извѣстія на которое могъ бы положиться. Вопреки ожиданіямъ, главный отрядъ Нѣмцевъ, въ десять разъ превосходящій насъ числомъ, находится можетъ-быть ближе къ этой деревнѣ чѣмъ главный отрядъ Французовъ. Заключеніе выведите сами. Мнѣ больше нечего сказать.

Послѣ такого неутѣшительнаго отвѣта капитанъ всталъ, окуталъ голову большимъ капюшономъ своей шинели и зажегъ сигару у свѣчки.

— Куда вы? спросилъ докторъ.

— Обойти аванлосты.

— Такъ эта комната не будетъ нужна вамъ нѣсколько времени?

— Нѣсколько часовъ. Вы думаете перевести сюда часть вашихъ раненыхъ?

— Я думаю перевести сюда англійскую даму, отвѣчалъ Сюрвиль.—Кухня не совсѣмъ удобное мѣсто для нея. Здѣсь ей было бы лучше, и сестра милосердія могла бы посидѣть съ ней.

Капитанъ Арнольдъ насмѣшливо улыбнулся.

— Обѣ онѣ красивыя женщины, сказалъ онъ, — а докторъ Сюрвиль женщинъ любитъ. Пусть переходятъ сюда, если не боятся остаться тутъ наединѣ съ вами. — Подойдя къ выходной двери, капитанъ остановился и взглянулъ недовѣрчиво на свѣчку. — Скажите вашимъ дамамъ чтобъ онѣ не простирали своего любопытства за предѣлы этой комнаты, обратился онъ къ доктору.

— Что это значитъ?

— Видали ли вы когда-нибудь женщину которая могла бы устоять противъ искушенія взглянуть въ окно? спросилъ капитанъ?—Рано или поздно вашимъ дамамъ придетъ фантазія отворить этотъ ставень. Скажите имъ что я не желаю чтобъ огонь указалъ Нѣмцамъ мою главную квартиру. Какова погода? Дождь все еще идетъ?

— Льетъ.

— Тѣмъ лучше. Нѣмцы не найдутъ насъ.

Съ этимъ утѣшительнымъ замѣчаніемъ онъ отперъ дверь и ушелъ.

Докторъ приподнялъ холстинный занавѣсъ и обратился въ кухню.

— Миссъ Меррикъ, имѣете вы возможность отдохнуть немного?

— Я теперь свободна, отвѣчалъ тихій голосъ, проникнутый глубокою грустью, выразившеюся даже въ трехъ словахъ.

— Такъ идите сюда, продолжалъ докторъ,—и ведите съ собой англійскую даму. Тутъ спокойная комната, которая отдается вамъ на время въ полное распоряженіе.

Онъ отдернулъ занавѣсь, и двѣ женщины вошли.

Впереди шла сестра милосердія, высокая, стройная, граціозная, одѣтая въ форменное платье изъ опрятной темной матеріи, съ чистымъ полотняннымъ воротничкомъ и рукавчиками и съ краснымъ крестомъ Женевской конвенціи вышитымъ на лѣвомъ плечѣ. Блѣдная и печальная, съ выраженіемъ лица и манерами краснорѣчиво свидѣтельствовавшими о затаенномъ страданіи, съ врожденнымъ благородствомъ въ манерѣ держать голову, съ врожденнымъ величіемъ во взглядѣ большихъ сѣрыхъ глазъ и въ изящныхъ чертахъ лица, она была неотразимо прекрасна при всякихъ обстоятельствахъ и во всякомъ одѣяніи. Молодая особа вошедшая съ нею была смуглѣе и меньше и обладала наружностью объяснявшею учтивую заботливость о ней доктора. Человѣчество единодушно признало бы ее необыкновенно красивою женщиной. Она была одѣта въ сѣрый плащъ, окутывавшій ее съ головы до ногъ, и носила его съ граціей сообщавшей особую прелесть этому незатѣйливому и уже поношенному одѣянію. Медленность ея движеній и нерѣшительность въ тонѣ голоса, когда она благодарила доктора, свидѣтельствовали о сильной усталости. Она робко окинула темными глазами полуосвѣщенную комнату и не отходила отъ сидѣлки, съ видомъ ребенка нервы котораго сильно потрясены какимъ-нибудь недавнимъ испугомъ.

— Прошу васъ помнить только одно, *mesdames*, сказалъ докторъ, — вы не должны открывать ставень, чтобъ не видно было огня въ окнѣ. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ мы тутъ совершенно свободны и постараемся устроиться поудобнѣе. Успокойтесь, сударыня, и положитесь на покровительство Француза, преданнаго вамъ.

При послѣднихъ словахъ онъ поднесъ руку Англичанки къ губамъ. Въ то мгновеніе когда онъ цѣловалъ ее, холстинный занавѣсь приподнялся опять. Вошелъ госпитальный служитель и объявилъ что одна изъ перевязокъ спала и раненый истекаетъ кровью. Докторъ, покоряясь судьбѣ съ самымъ

недовольнымъ видомъ, опустилъ руку прелестной Англичанки и ушелъ въ кухню. Двѣ женщины остались вдвоемъ.

— Не хотите ли сѣсть, сударыня? спросила сидѣлка.

— Не называйте меня сударыней, дружески возразила молодая особа.—Мое имя Грація Розберри. А васъ какъ зовутъ?

Сестра милосердія поколебалась.

— У меня не такое красивое имя какъ у васъ, отвѣчала она нерѣшительно.—Называйте меня Мерси Меррикъ, прибавила она послѣ минутнаго раздумья.

Не выдуманное ли это имя? Не связано ли съ ея настоящимъ именемъ какой-нибудь печальной извѣстности? Миссъ Розберри не замедлила задать себѣ эти вопросы.

— Какъ мнѣ благодарить васъ! воскликнула она съ жаромъ,— за ваше родственное участіе ко мнѣ?

— Я только исполнила мой долгъ, возразила Мерси Меррикъ немного холодно.—Не говорите объ этомъ.

— Я не могу не говорить. Въ какомъ состояніи была я когда французскіе солдаты прогнали Нѣмцевъ? Моя карета была остановлена, лошади уведены, сама я находилась въ незнакомой странѣ, ограбленная, безъ денегъ и багажа и промокшая до костей. Я обязана вамъ пріютомъ въ этомъ домѣ, я обязана вамъ платьемъ которое на мнѣ, я умерла бы отъ страха и лишеній еслибы не вы. Чѣмъ могу я отблагодарить васъ за такія услуги?

Мерси поставила стулъ для своей гостьи возлѣ стола капитана и сѣла сама немного поодаль на старый сундукъ въ углу комнаты.

— Могу я предложить вамъ одинъ вопросъ? спросила она отрывисто.

— Тысячу вопросовъ, если угодно, воскликнула Грація. Она взглянула на потухающій огонь и на смутно виднѣвшуюся фигуру своей собесѣдницы, усѣвшейся въ самомъ темномъ углу комнаты. — Эта жалкая свѣча едва свѣтитъ, сказала она нетерпѣливо. — Она скоро совсѣмъ потухнетъ. Нельзя ли какъ-нибудь сдѣлать эту комнату повеселѣе? Выйдите изъ вашего угла. Спросите еще дровъ и свѣчей.

Мерси осталась въ своемъ углу и покачала головой.

— Свѣчей и дровъ здѣсь не найти, отвѣчала она. — Надо покориться, если даже придется остаться въ потемкахъ. Скажите мнѣ, продолжала она, возвысивъ немного свой спокой-

ный голосъ,— какъ рѣшились вы переѣхать границу въ военное время?

Голосъ Граціи задрожалъ, когда она отвѣчала на вопросъ. Ея минутное оживленіе пропало.

— Мнѣ крайне необходимо вернуться въ Англію, сказала она.

— Одной? Развѣ у васъ нѣтъ никого кто могъ бы проводить васъ?

Грація опустила голову.

— Я покинула моего единственнаго защитника, моего отца, на англійскомъ кладбищѣ въ Римѣ, отвѣчала она просто. — Мать моя умерла нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Канадѣ.

Едва виднѣвшаяся фигура сестры милосердія измѣнила положеніе. Она вздрогнула при послѣднихъ словахъ миссъ Розберри.

— Вы знаете Канаду? спросила Грація.

— Знаю хорошо, былъ краткій и неохотно данный отвѣтъ.

— Были вы когда-нибудь близъ Портъ-Логана?

— Я одно время жила въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Портъ-Логана.

— Когда?

— Нѣсколько времени тому назадъ.

Сестра милосердія отодвинулась дальше въ уголъ и перемѣнила разговоръ.

— Ваши родные въ Англіи вѣроятно очень безпокоятся о васъ? сказала она.

Грація вздохнула.

— У меня нѣтъ родныхъ въ Англіи. Трудно найти существо такое одинокое какъ я. Мы покинули Канаду, когда отецъ мой сталъ хворать, и по совѣту доктора переѣхали въ Италію. Послѣ его смерти я осталась не только одинокою, но и бѣдною.

Она замолчала и вынула небольшой кожаный портфель изъ кармана сѣраго плаща, который одолжила ей сестра милосердія.

— Мои надежды на будущее, продолжала она,—заключаются въ этомъ маленькомъ портфелѣ. Здѣсь единственное сокровище которое мнѣ удалось скрыть, когда у меня отняли все остальное.

Мерси едва разглядѣла портфель въ сгущавшейся темнотѣ комнаты. — Есть въ немъ деньги? спросила она.

— Нѣтъ; только нѣсколько фамильныхъ бумагъ и письмо отца, рекомендующее меня одной пожилой женщинѣ въ Англіи, его дальней родственницѣ, которую я никогда не видала. Она

согласилась принять меня въ качествѣ компаньйонки и чтеца. Если я не попаду въ Англію безъ задержки, кто-нибудь другой займетъ это мѣсто.

— У васъ нѣтъ никакихъ другихъ ресурсовъ?

— Никакихъ. Моимъ образованіемъ пренебрегали, мы вели уединенную жизнь на дальнемъ Западѣ. Я вовсе неспособна быть гувернанткой и вполнѣ завишу отъ этой женщины, которая принимаетъ меня ради моего отца.

Она положила портфель обратно въ карманъ, и окончила свой небольшой разказъ такъ же просто какъ начала его.

— Моя исторія печальна, не правда ли? спросила она.

Голосъ сестры милосердія отвѣчалъ ей неожиданно и рѣзко слѣдующими странными словами:

— Бываютъ исторіи печальнѣе вашей. Есть тысячи несчастныхъ женщинъ которыя ничего лучшаго не желали бы какъ быть на вашемъ мѣстѣ.

Грація изумилась.

— Что же вы находите завиднаго въ моемъ положеніи?

— Вашу незапятнанную репутацію и вашу надежду имѣть честное занятіе въ порядочномъ домѣ.

Грація повернулась на своемъ стулѣ и взглянула съ изумленіемъ въ темный уголъ комнаты.

— Какъ вы это странно говорите! воскликнула она.

Отвѣта не послѣдовало. Темная фигура на сундукѣ не шелохнулась. Грація, повинуясь безсознательному побужденію, встала, и взявъ свой стулъ, приблизилась къ сестрѣ милосердія.

— Не было ли чего-нибудь романическаго въ вашей жизни? спросила она.—Почему вы посвятили себя ужаснымъ обязанностямъ которыя исполняете здѣсь? Вы интересуете меня невыразимо. Дайте мнѣ вашу руку.

Мерси подалась назадъ и отказалась дать руку.

— Развѣ мы не друзья? спросила Грація съ изумленіемъ.

— Мы не можемъ быть друзьями.

— Почему?

Сестра милосердія не отвѣтила. Грація вспомнила перѣшимость съ какою она сказала свое имя, и вывела новое заключеніе.

— Не ошибусь я, спросила она съ жаромъ,—если предположу что вы какая-нибудь переодѣтая знатная особа?

Мерси засмѣялась тихимъ и горькимъ смѣхомъ.

— Я знатная особа! сказала она насмѣшливо. — Ради Бога, перемѣнимъ разговоръ.

Любопытство Граціи было сильно возбуждено. Она настаивала на своемъ.

— Опять прошу васъ, сказала она убѣдительно, — будемъ друзьями.

Говоря это, она ласково положила руку на плечо Мерси. Мерси сбросила ея руку такъ грубо что самая терпѣливая женщина вышла бы изъ терпѣнія. Грація отодвинулась съ негодованіемъ.

— О, какъ вы жестоки! воскликнула она.

— Напротивъ, отвѣчала сестра милосердія непреклоннымъ тономъ.

— Развѣ хорошо отталкивать меня? Я разказала вамъ мою исторію.

Сестра милосердія отвѣчала съ раздраженіемъ.

— Не вызывайте меня на откровенность. Вы раскаетесь.

Грація не приняла предостереженія.

— Я довѣрилась вамъ, сказала она.—Съ вашей стороны не великодушно вызвать меня на откровенность и не отплатить мнѣ тѣмъ же.

— Такъ вы хотите знать мою исторію? сказала Мерси Меррикъ. — Вы ее узнаете. Сядьте.

Сердце Граціи забилось быстрѣе въ ожиданіи того что̀ ей предстояло узнать. Она подвинула свой стулъ ближе къ сундуку на которомъ сидѣла сестра милосердія. Мерси твердою рукой поставила стулъ на прежнее мѣсто.

— Подальше отъ меня, сказала она рѣзко.

— Почему?

— Подальше, повторилъ твердый голосъ. — Подождите, пока не выслушаете того что̀ я разкажу вамъ.

Грація покорилась, не сказавъ болѣе ни слова. Съ минуту длилось молчаніе. Потухавшая свѣча на мгновеніе вспыхнула яркимъ свѣтомъ и озарила Мерси, сидѣвшую, облокотясь локтями на колѣна и спрятавъ лицо въ рукахъ. Въ слѣдующую минуту въ комнатѣ воцарилась тьма, и сестра милосердія заговорила.

ГЛАВА II.

Магдалина новѣйшаго времени.

— Когда была жива ваша мать, случалось вамъ когда-нибудь ходить съ ней вечеромъ по улицамъ большаго города?

Этими странными словами Мерси Меррикъ начала свой разказъ, вынужденный у нея Граціей Розберри. Грація отвѣчала просто:

— Я не понимаю васъ.

— Я выражу это иначе, сказала сестра милосердія. Неестественная жесткость въ ея голосѣ исчезла, онъ сталъ попрежнему нѣженъ и грустенъ.—Вы вѣрно читаете газеты какъ всѣ другіе, продолжала она.—Случалось вамъ когда-нибудь читать о вашихъ несчастныхъ ближнихъ, о голодныхъ отверженцахъ общества которыхъ нужда довела до грѣха?

Все еще въ изумленіи, Грація отвѣчала что она читала о такихъ людяхъ часто, какъ въ газетахъ, такъ и въ книгахъ.

— Слыхали ли вы что для такихъ голодающихъ и грѣшныхъ ближнихъ вашихъ женскаго пола существуютъ пріюты учрежденные для того чтобъ исправлять и спасать ихъ отъ погибели?

Изумленіе Граціи уступило мѣсто тревожному предчувствію.

— Странные вопросы, сказала она.— Что вы хотите сказать?

— Отвѣчайте мнѣ, настаивала сестра милосердія.—Слыхали вы о такихъ пріютахъ? Слыхали вы о такихъ женщинахъ?

— Слыхала.

— Отодвиньте вашъ стулъ немного подальше отъ меня.

Она остановилась. Ея голосъ, не теряя своей твердости, упалъ до своихъ нижайшихъ тоновъ.

— Я нѣкогда была въ числѣ этихъ женщинъ, сказала она спокойно.

Грація вскочила съ тихимъ крикомъ и остановилась пораженная, неспособная произнести слова.

— Я была въ пріютѣ, продолжалъ нѣжный, грустный голосъ.—Я была и въ тюрьмѣ. Хотите вы теперь быть моимъ другомъ? Хотите вы сѣсть рядомъ со мной и взять мою руку?

Она подождала отвѣта, но не дождалась.

— Теперь вы знаете что вы были неправы назвавъ меня жестокою, добавила Мерси.

Послѣ этихъ словъ Грація овладѣла собой и рѣшилась заговорить.

— Я не хотѣла обидѣть васъ, начала она въ смущеніи.

Мерси Меррикъ прервала ее.

— Вы не обижаете меня, возразила она безъ малѣйшаго оттѣнка неудовольствія въ голосѣ.—Я привыкла ставить себя къ позорному столбу за свое прошлое. Иногда я спрашиваю себя: одна ли я была во всемъ виновата, не обязано ли было общество придти мнѣ на помощь, когда я была еще ребенкомъ продававшимъ спички на улицѣ, потомъ трудолюбивою дѣвушкой, и когда я падала въ обморокъ надъ шитьемъ по недостатку пищи? (Ея голосъ задрожалъ въ первый разъ. Она помолчала съ минуту и овладѣла собой.) Теперь поздно толковать объ этомъ, сказала она покорно. Общество беретъ на себя исправить меня, но общество не хочетъ принять меня опять какъ равную. Вы видите меня здѣсь въ честной должности, терпѣливо и покорно дѣлающею добро какое я только въ состояніи сдѣлать. Но все безполезно. Какъ здѣсь, такъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ то что̀ я *теперь* не можетъ загладить того чѣмъ я *была*. Три года тому назадъ я сдѣлала все что̀ можетъ сдѣлать искренно раскаявшаяся женщина. Но все напрасно. Сто́итъ только приподнять занавѣсъ съ моего прошлаго, чтобы люди даже очень добрые начали сторониться отъ меня.

Она подождала опять. Не скажетъ ли ея собесѣдница хоть одно утѣшительное слово? Нѣтъ! Миссъ Розберри была поражена, миссъ Розберри была смущена.

— Мнѣ очень жаль васъ, было все что̀ могла сказать миссъ Розберри.

— Меня всѣ жалѣютъ, отвѣчала сестра милосердія кротко.— Всѣ добры со мной. Но потерянной чести не воротишь. Никогда! никогда! воскликнула она въ порывѣ страстнаго отчаянія. Но минуту спустя она уже опять владѣла собою. — Разказать вамъ все что̀ я вынесла? продолжала она.—Хотите выслушать исторію Магдалины новѣйшихъ временъ?

Грація отступила на одинъ шагъ. Мерси поняла ее.

— Я не скажу вамъ ничего такого чего вамъ не слѣдуетъ знать, сказала она.—Дѣвушка въ вашемъ положеніи неспособна понять испытанія и борьбу которыя я пережила. Я начну мою исторію съ пріюта. Начальница выпустила меня съ рекомендаціей которую я вполнѣ заслужила, съ рекомендаціей

исправившейся женщины. Я оправдала оказанное мнѣ довѣріе, я сдѣлалась честною служанкой. Но однажды моя хозяйка — добрѣйшая хозяйка какую можно себѣ представить — призываетъ меня и говоритъ: „Мерси, мнѣ жаль васъ, но я напрасно взяла васъ изъ пріюта. Никто не хочетъ служить въ одномъ домѣ съ вами. Я должна отказать вамъ.“ Я вернулась къ начальницѣ, такой же доброй женщинѣ. Она обошлась со мною какъ родная мать. „Мы попробуемъ снова, Мерси, не унывайте.“ Вы знаете что я была въ Канадѣ?

Грація, вопреки самой себѣ, начала интересоваться разказомъ. Она отвѣтила съ чѣмъ-то похожимъ на участіе въ тонѣ голоса, и сѣла опять на свой стулъ, поставленный въ приличномъ отдаленіи отъ сундука.

Сестра милосердія продолжала.

— Слѣдующее мое мѣсто было въ Канадѣ. Хозяйка моя была жена одного офицера-эмигранта. Это были тоже добрые люди, и въ ихъ домѣ жизнь моя была спокойна и пріятна. Я спрашивала себя: возвращено ли утраченное положеніе въ обществѣ? Загладила ли я прошлое? Хозяйка моя умерла. У насъ явились новые сосѣди. Между ними была одна молодая женщина, и хозяинъ мой задумалъ жениться вторично. Я имѣю несчастіе (въ моемъ положеніи это несчастіе) быть красивою женщиной. Я обращаю на себя вниманіе. Новые сосѣди начали разспрашивать обо мнѣ. Отвѣты моего хозяина не удовлетворяли ихъ, но наконецъ они узнали кто я. Опять старая исторія. „Мерси, я очень сожалѣю. Насъ съ вами не хотятъ оставить въ покоѣ. Мы невинны, но дѣлать нечего, намъ надо разстаться.“ Я лишилась мѣста и оставила Канаду, вынесши оттуда только одно полезное пріобрѣтеніе, пригодившееся мнѣ здѣсь.

— Какое?

— Наши ближайшіе сосѣди были Французы, и я выучилась говорить по-французски.

— Вы отправились опять въ Лондонъ?

— Куда же кромѣ Лондона могла я отправиться безъ рекомендаціи? грустно возразила Мерси. — Я возвратилась къ начальницѣ пріюта. Въ то время въ пріютѣ свирѣпствовала эпидемическая болѣзнь. Я сдѣлалась сидѣлкой. Одинъ изъ докторовъ влюбился въ меня и готовъ былъ жениться на мнѣ. Я, какъ честная женщина, должна была сказать ему правду. Съ этихъ поръ я не видала его болѣе. Старая исторія! Мнѣ на-

доѣло повторять себѣ: нѣтъ возможности загладить прошлое! Я впала въ отчаяніе, въ безнадежное отчаяніе, ожесточающее сердце, и кончила бы, можетъ-быть, самоубійствомъ или возвратомъ къ прошлому, еслибы не одинъ человѣкъ.

Голосъ ея, спокойный и ровный въ началѣ разсказа, задрожалъ опять. Она замолчала, подъ вліяніемъ старыхъ впечатлѣній и чувствъ пробудившихся при ея послѣднихъ словахъ. Не забыла ли она что она въ комнатѣ не одна? Грація не нашла другаго средства удовлетворить любопытство какъ только заговорить самой.

— Кто былъ этотъ человѣкъ? спросила она.—Какъ доказалъ онъ вамъ свою дружбу?

— Доказалъ мнѣ свою дружбу? Онъ даже не зналъ о моемъ существованіи!

Такой странный отвѣтъ, конечно, только усилилъ любопытство Граціи.

— Вы сейчасъ сказали ... начала она.

— Я сейчасъ сказала что онъ спасъ меня, и вы услышите какимъ образомъ. Въ одно воскресенье нашъ пріютскій священникъ почему-то не могъ сказать проповѣдь. Его замѣнилъ незнакомый намъ проповѣдникъ,еще совсѣмъ молодой человѣкъ. Имя его Юліанъ Грей, какъ сказала намъ начальница. Я сидѣла въ заднихъ рядахъ скамеекъ, въ тѣни галлереи, гдѣ онъ не могъ меня видѣть. Онъ выбралъ текстомъ своей проповѣди слова: „Болѣе радости будетъ на небесахъ объ одномъ грѣшникѣ кающемся, чѣмъ о девяносто девяти правѣдникахъ не нуждающихся въ покаяніи“. Не могу сказать что думали другія женщины объ его проповѣди; между нами не было ни одной съ сухими глазами. Что же касается меня, я была тронута до глубины души. Безотрадное отчаяніе мое смягчилось отъ одного его голоса, слова его воскресили меня. Съ этихъ поръ я покорилась своей горькой участи и стала смиренною женщиной. Я можетъ-быть могла бы даже сдѣлаться счастливою женщиной, еслибы рѣшилась поговорить съ Юліаномъ Грей.

— Что же помѣшало вамъ поговорить съ нимъ?

— Я боялась.

— Боялись? Чего?

— Боялась сдѣлать мою горькую участь еще горьче.

Женщина способная сочувствовать ей поняла бы можетъ-быть смыслъ этихъ словъ. Грація была только смущена ея признаніемъ, и Грація ничего не поняла.

— Я не понимаю васъ, сказала она.

Мерси не видала другаго исхода какъ сказать правду въ прямыхъ словахъ. Она вздохнула и отвѣтила:

— Я боялась что онъ заинтересуется моими страданіями и что я взамѣнъ отдамъ ему мое сердце.

Полнѣйшее отсутствіе симпатіи къ ней со стороны Граціи безсознательно выразилось самымъ яснымъ образомъ.

— Вы! воскликнула она съ невыразимымъ изумленіемъ.

Сестра милосердія медленно встала. Она поняла что простерла свою откровенность дальше чѣмъ слѣдовало.

— Вы удивлены? сказала она.—О, сударыня, вы не знаете чрезъ какія грубыя испытанія можетъ пройти женское сердце и остаться неиспорченнымъ. Пока я не знала Юліана Грея, мущины внушали мнѣ только ужасъ. Не будемъ больше говорить объ этомъ. Юліанъ Грей теперь для меня не болѣе какъ воспоминаніе, отрадное воспоминаніе. Мой разказъ конченъ. Вы хотѣли узнать мою исторію и узнали.

— Я не слыхала какъ вы попали сюда, продолжала Грація съ неестественною учтивостью.

Мерси перешла комнату и медленно сгребла въ кучу послѣдніе угли въ каминѣ.

— У начальницы пріюта есть друзья во Франціи имѣющіе вліяніе въ госпиталяхъ. При такихъ обстоятельствахъ не трудно было помѣстить меня сюда. Здѣсь я могу быть полезна обществу. Рука моя такъ же ловка, слова утѣшенія такъ же отрадны тѣмъ несчастнымъ (она указала на комнату гдѣ лежали раненые) какъ еслибъ я была одной изъ почтеннѣйшихъ женщинъ. И если случайная пуля сразитъ меня во время войны.... тѣмъ лучше! Общество отдѣлается отъ меня самымъ приличнымъ образомъ.

Она глядѣла на угасавшіе угли и думала можетъ-быть что точно такъ же скоро угаснетъ ея жизнь. Изъ одного состраданія слѣдовало заговорить съ ней въ эту минуту. Грація подумала, сдѣлала шагъ впередъ, остановилась и вышла изъ затрудненія сказавъ самую тривіальную изъ всѣхъ общихъ фразъ съ которыми одно человѣческое существо можетъ обратиться къ другому.

— Если я могу сдѣлать что-нибудь для васъ.... начала она и остановилась. Фраза осталась неоконченною. У миссъ Розберри хватило настолько участія къ погибшей женщинѣ которая спасла и пріютила ее чтобъ почувствовать что нѣтъ надобности продолжать.

Сестра милосердія подняла свою благородную голову и медленно подошла къ холстинному занавѣсу, намѣреваясь возвратиться къ своимъ обязанностямъ. „Миссъ Розберри могла бы протянуть мнѣ руку“, подумала она съ горечью. Нѣтъ! Миссъ Розберри стояла въ отдаленіи не зная что сказать.

— Что можете вы сдѣлать для меня? спросила Мерси, доведенная до минутной вспышки негодованія холодною учтивостью Граціи.—Можете вы сдѣлать меня другимъ существомъ? Можете вы возвратить мнѣ имя и положеніе невинной женщины? О еслибъ я была на вашемъ мѣстѣ! Еслибъ у меня была ваша репутація и ваши виды на будущее!—Она положила руку на грудь и постаралась овладѣть собою. — Оставайтесь здѣсь, сказала она, а я возвращусь къ моимъ обязанностямъ. Я позабочусь чтобъ ваше платье было высушено и чтобъ вы могли сбросить мое какъ можно скорѣе.

Съ этими грустными словами, сказанными безо всякой горечи, она направилась къ кухнѣ, но вдругъ замѣтила что шумъ дождя уже стихъ. Она опустила занавѣсъ, вернулась назадъ и, отворивъ ставень, выглянула въ окно.

Луна свѣтила тусклымъ свѣтомъ сквозь влажную атмосферу, дождь пересталъ, благодѣтельная темнота, скрывавшая французскую позицію отъ нѣмецкихъ аванпостовъ, исчезала съ каждою минутой. Черезъ нѣсколько часовъ (если ничего не случится) миссъ Розберри будетъ въ состояніи пуститься въ путь. Черезъ нѣсколько часовъ начнетъ разсвѣтать.

Мерси подняла руку чтобъ закрыть ставень. Не успѣла она запереть его, какъ на одномъ изъ отдаленныхъ постовъ раздался ружейный залпъ. За первымъ, почти безъ промежутка, раздался второй, громче и ближе. Мерси остановилась со ставнемъ въ рукѣ и ждала затаивъ духъ что будетъ дальше.

ГЛАВА III.

Нѣмецкая граната.

Третій залпъ раздался возлѣ самаго дома. Грація содрогнулась и въ испугѣ подошла къ окну.

— Что значитъ эта стрѣльба? спросила она.

— Сигналы съ аванпостовъ, отвѣчала спокойно сестра милосердія.

— Не въ опасности ли мы? Не возвратились ли Нѣмцы?

На вопросы эти отвѣтилъ докторъ Сюрвиль. Въ ту минуту когда миссъ Розберри говорила, онъ приподнялъ занавѣсъ и заглянулъ въ комнату.

— Нѣмцы идутъ на насъ, сказалъ онъ.—Ихъ авангардъ уже виденъ.

Грація опустилась на ближайшій стулъ, дрожа съ головы до ногъ. Мерси подошла къ доктору и предложила ему рѣшительный вопросъ:

— Защищаемъ мы позицію?

Докторъ покачалъ головой.

— Невозможно! Мы по обыкновенію одинъ противъ десяти.

На дворѣ послышался рѣзкій бой французскаго барабана.

— Это бьютъ отступленіе, сказалъ докторъ.—Капитанъ нашъ неспособенъ перемѣнять свои рѣшенія. Намъ предоставляется заботиться самимъ о себѣ. Черезъ пять минутъ мы должны уже быть внѣ этой деревни.

Ружейная пальба не прекращалась пока онъ говорилъ. Авангардъ Нѣмцевъ атаковалъ французскіе аванпосты. Грація схватила руку доктора.

— Возьмите меня съ собой! воскликнула она. — О, милостивый государь, я уже потерпѣла отъ Нѣмцевъ. Не покидайте меня если они возвратятся.

Докторъ не потерялся въ такомъ положеніи. Онъ прижалъ къ груди руку хорошенькой Англичанки.

— Не бойтесь ничего, сударыня, сказалъ онъ, съ такимъ видомъ какъ будто готовъ былъ разбить всю германскую силу своею непобѣдимою рукой. — Подъ вашею ручкой бьется сердце Француза. Преданность Француза ваша защита.

Грація опустила голову на его плечо. *Monsieur* Сюрвиль чувствовалъ что заявилъ себя. Онъ взглянулъ ободрительно на Мерси. Она тоже была красивая женщина. Другое плечо Француза было къ ея услугамъ. Къ несчастію въ комнатѣ было темно, и взглядъ пропалъ даромъ. Мерси думала о безпомощныхъ раненыхъ и спокойно напомнила доктору объ его обязанностяхъ.

— Что дѣлать съ больными и ранеными? спросила она.

Сюрвиль пожалъ плечомъ, тѣмъ плечомъ которое было свободно.

— Легко раненыхъ мы возьмемъ съ собой, сказалъ онъ,— остальныхъ придется оставить. О себѣ не безпокойтесь, сударыня. Для васъ будетъ мѣсто въ повозкѣ съ поклажей.

— И для меня тоже, сказала Грація умоляющимъ голосомъ.

Непобѣдимая рука Француза обвилась вокругъ таліи молодой дѣвушки и отвѣчала ей безмолвнымъ пожатіемъ.

— Возьмите ее съ собой, сказала Мерси. — Мое мѣсто съ несчастными которыхъ вы оставите здѣсь.

Грація слушала съ изумленіемъ.

— Подумайте какой опасности вы подвергаетесь оставшись здѣсь, сказала она.

Мерси указала на свое лѣвое плечо.

— Обо мнѣ не безпокойтесь, сказала она.—Красный крестъ защититъ меня.

Вторичный бой барабана напомнилъ увлекающемуся доктору что онъ долженъ былъ немедленно возвратиться къ своимъ обязанностямъ главнаго директора госпиталя. Онъ довелъ Грацію до стула и прижалъ обѣ ея руки къ своей груди.

— Ждите здѣсь пока я не приду за вами, прошепталъ онъ.— Не бойтесь ничего, мой обворожительный другъ. Скажите себѣ: „Сюрвиль олицетвореніе чести. Сюрвиль преданъ мнѣ!“ Онъ ударилъ себя въ грудь. Онъ опять забылъ о темнотѣ въ комнатѣ и бросилъ взглядъ невыразимой преданности къ своему обворожительному другу. — *A bientôt!* воскликнулъ онъ, и поцѣловавъ свою руку, исчезъ.

Въ то мгновеніе когда за нимъ опустился холстинный занавѣсъ, ружейная стрѣльба внезапно и величественно покрылась ревомъ пушекъ. Минуту спустя, въ саду дома мельника, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окна лопнула граната.

Грація упала на колѣни съ крикомъ ужаса. Мерси, не потерявъ самообладанія, подошла къ окну.

— Луна взошла, сказала она. — Непріятель бомбардируетъ деревню.

Грація встала и подбѣжала къ ней, ища защиты.

— Уведите меня! воскликнула она.—Насъ убьютъ здѣсь. Она остановилась и взглянула внимательно на высокую черную фигуру сестры милосердія стоявшую неподвижно у окна. — Желѣзная вы! воскликнула она.—Неужели ничто не въ состояніи испугать васъ?

Мерси грустно улыбнулась.

— Развѣ мнѣ страшно лишиться жизни? отвѣчала она.—Развѣ у меня есть что-нибудь для чего стоило бы жить?

Ревъ пушекъ вторично потрясъ хижину. Опять граната разорвалась на дворѣ, на противоположной сторонѣ дома.

Ошеломленная шумомъ, въ комическомъ ужасѣ, Грація охватила руками сестру милосердія и прижалась къ женщинѣ которой минутъ пять предъ тѣмъ не хотѣла протянуть руку.

— Гдѣ тутъ безопаснѣе? воскликнула она.—Куда мнѣ спрятаться?

— Могу ли я знать гдѣ упадетъ слѣдующая граната? отвѣчала Мерси.

Непоколебимое спокойствіе одной повидимому сводило съ ума другую. Оставивъ сестру милосердія, Грація дико оглянула комнату, ища выхода. Она сунулась въ кухню, но попятилась назадъ, испуганная шумомъ и суматохой сопровождавшими перенесеніе раненыхъ въ повозку. Оглянувъ опять комнату, она увидала дверь выходившую наружу и бросилась къ ней съ крикомъ радости. Едва коснулась она ручки двери, какъ раздался третій залпъ пушекъ.

Отступивъ шагъ назадъ, Грація машинально подняла руки къ ушамъ. Въ то же мгновеніе третья граната влетѣла въ комнату сквозь крышу и разорвалась возлѣ двери. Мерси отскочила невредимо отъ окна. Горящіе обломки гранаты жгли деревянный полъ, и среди ихъ, едва видная въ дыму, лежала неподвижная фигура Граціи. Даже въ эту страшную минуту сестра милосердія не потеряла присутствія духа. Поспѣшивъ къ мѣсту съ котораго она только-что сошла и гдѣ лежали мѣшки мельника, она схватила два изъ нихъ и, покрывъ ими дымившіяся мѣста пола, затоптала огонь. Послѣ этого она опустилась на колѣни предъ неподвижнымъ тѣломъ дѣвушки и подняла ея голову.

Ранена она или убита?

Мерси подняла ея руку, и пока она тщетно щупала, въ комнату вбѣжалъ испуганный докторъ Сюрвиль, узнать не потерпѣли ли женщины отъ гранаты.

Мерси подозвала его къ себѣ.

— Посмотрите опасно ли она ранена, сказала она, уступая ему свое мѣсто.

Опасеніе доктора за его прекрасную паціентку выразилось въ краткомъ проклятіи.

— Снимите съ нея плащъ, сказалъ онъ, ощупывая ея шею — Бѣдный ангелъ! Она падая повернулась. Тесемка обмоталась вокругъ ея горла.

Мерси сняла плащъ. Онъ остался на полу, когда докторъ поднялъ на руки Грацію.

— Принесите свѣчку, сказалъ онъ съ нетерпѣніемъ.—Вамъ дадутъ ее въ кухнѣ. Онъ пощупалъ пульсъ, но рука его дрожала, онъ былъ внѣ себя. — Боже правдный! воскликнулъ онъ. — Волненіе лишаетъ меня силъ. Мерси подошла къ нему со свѣчой. Свѣтъ обнаружилъ на головѣ Англичанки страшную рану причиненную осколкомъ гранаты. Манеры доктора Сюрвиля мгновенно измѣнились. Выраженіе безпокойства на его лицѣ исчезло, профессіональное спокойствіе мгновенно измѣнило его какъ маска. Чѣмъ былъ теперь предметъ его удивленія? Неподвижнымъ бременемъ на его рукахъ, ничѣмъ болѣе.

Перемѣна въ его лицѣ не осталась незамѣченною сестрой милосердія. Ея большіе сѣрые глаза внимательно слѣдили за нимъ.

— Рана опасна? спросила она.

— Не трудитесь держать свѣчку, былъ хладнокровный отвѣтъ.—Все кончено. Я не могу помочь ей.

— Она убита?

Докторъ Сюрвиль кивнулъ утвердительно и погрозилъ кулакомъ по направленію къ аванпостамъ.

— Проклятые Нѣмцы! воскликнулъ онъ, и посмотрѣвъ на мертвое лицо, покорно пожалъ плечами.—Случайность войны, сказалъ онъ, поднявъ тѣло и положивъ его на кровать.—Слѣдующею жертвой будете можетъ-быть вы или я. Кто знаетъ? мнѣ противно думать о проблемѣ человѣческой участи!

Онъ повернулся и выразилъ свое отвращеніе, плюнувъ на осколокъ гранаты.

— Мы должны оставить ее тутъ, продолжалъ онъ.—Нѣкогда она была прелестная дѣвушка, теперь она ничто. Уйдемте, миссъ Мерси, пока еще не поздно.

Онъ предложилъ руку сестрѣ милосердія. На дворѣ послышался скрипъ уѣзжавшей повозки, въ отдаленіи возобновился рѣзкій бой барабана. Отступленіе началось.

Мерси отдернула холстинный занавѣсъ и увидала что леди съ самыми опасными ранами остается безъ всякой помощи на произволъ судьбы. Она отказалась взять руку Сюрвиля.

— Я уже сказала вамъ что останусь здѣсь, отвѣчала она.

Monsieur Сюрвиль поднялъ руки съ учтивымъ протестомъ. Мерси задернула занавѣсъ и указала на выходную дверь.

— Уходите, сказала она.—Я рѣшилась.

Даже въ эту минуту Французъ не измѣнилъ себѣ. Онъ отретировался съ неподражаемою граціей и достоинствомъ.

— Сударыня, сказалъ онъ,—вы героиня. Съ этимъ прощальнымъ комплиментомъ, онъ поклонился, приложивъ руку къ сердцу, и ушелъ.

Мерси осталась одна съ мертвымъ тѣломъ.

Послѣдній шумъ шаговъ, послѣдній скрипъ повозки замеръ въ отдаленіи. Наступившая тишина не нарушалась болѣе стрѣльбой съ непріятельскихъ позицій. Нѣмцы знали что Французы отступаютъ. Пройдетъ еще нѣсколько минутъ, и они займутъ деревню. Приближеніе ихъ будетъ слышно. Между тѣмъ тишина въ домѣ была ужасна. Даже раненые, оставленные въ кухнѣ, ждали своей участи безмолвно.

Оставшись одна, Мерси прежде всего взглянула на кровать.

Двѣ женщины встрѣтились во время первой схватки въ сумеркахъ. Разлученныя потомъ обязанностями сестры милосердія, онѣ соединились опять только въ комнатѣ капитана. Знакомство ихъ было кратковременно и не обѣщало обратиться въ дружбу. Но роковая катастрофа возбудила въ сердцѣ Мерси сочувствіе къ ея соотечественницѣ. Она взяла свѣчу и подошла къ тѣлу дѣвушки убитой на ея глазахъ.

Она стояла у постели, глядя въ тишинѣ ночи на спокойное мертвое лицо.

Лицо было замѣчательное, такое лицо что разъ увидавъ его (живое или мертвое) нельзя было забыть его. Лобъ былъ необыкновенно низокъ и широкъ, разстояніе между глазами необыкновенно широко, ротъ и подбородокъ необыкновенно малы. Мерси пригладила нѣжными руками растрепанные волосы и поправила смятое платье. „Минутъ пять тому назадъ“, подумала она, „я мечтала какъ хорошо было бы быть на твоемъ мѣстѣ. Теперь я желала бы быть на твоемъ мѣстѣ.“

Тишина начала тяготить ее. Она медленно перешла на другую сторону комнаты.

Плащъ на полу, ея собственный плащъ который она дала надѣть миссъ Розберри, привлекъ ея вниманіе. Она подняла его, стряхнула и повѣсила его на стулъ. Потомъ, оставивъ свѣчку на столѣ, подошла къ окну и стала прислушиваться, ожидая услышать первые звуки приближенія непріятеля. Тихій шелестъ листьевъ было все что она усышала. Она отошла отъ окна и сѣла въ задумчивости къ столу. Все ли она сдѣлала что слѣдуетъ сдѣлать во имя христіанской любви для умершей?

Мерси припомнила свой разговоръ съ своею несчастною соотечественницей. Миссъ Розберри сказала цѣль своего возвращенія въ Англію. Она упоминала о родственницѣ которую никогда не видала и которая ждетъ ее. Надо увѣдомить объ ея смерти ея единственнаго друга. Кто это сдѣлаетъ? Некому было сдѣлать это кромѣ самой Мерси, которая осталась теперь въ домѣ единственною свидѣтельницей катастрофы.

Она взяла плащъ со стула, на который повѣсила его, и вынула изъ кармана кожаный портфель который показывала ей Грація. Чтобъ узнать адресъ по которому слѣдовало написать въ Англію надо было открыть портфель и разсмотрѣть бумаги. Мерси открыла портфель, подъ вліяніемъ необъяснимаго отвращенія къ взятому на себя дѣлу.

Минутное размышленіе убѣдило ее однако что ея опасеніе неосновательно. Еслибъ она и не притронулась къ портфелю, какъ къ неприкосновенной чужой собственности, то Нѣмцы, конечно, не поцеремонятся осмотрѣть его, и они едва ли возьмутъ на себя трудъ написать въ Англію. Чьимъ глазамъ приличнѣе осмотрѣть бумаги покойной леди,—глазамъ ли муцинъ и чужестранцевъ или глазамъ ея же соотечественницы? Сомнѣнія Мерси прекратились. Она опорожнила на столъ содержимое портфеля.

Этотъ ничтожный поступокъ рѣшилъ всю будущую участь ея жизни.

ГЛАВА IV.

Искушеніе.

Прежде всего обратили на себя вниманіе Мерси нѣсколько писемъ перевязанныхъ лентой. Чернила которыми были написаны адресы выцвѣли отъ времени. Въ этихъ письмахъ, адресованныхъ попеременно къ полковнику Розберри и къ досточтимой мистрисъ Розберри, заключалась переписка между мужемъ и женой въ то время когда военныя обязанности полковника принуждали его отлучаться изъ дому. Мерси снова перевязала письма и перешла къ лежавшимъ по порядку за ними бумагамъ.

Онѣ состояли изъ немногихъ листковъ сколотыхъ вмѣстѣ булавкой и озаглавленныхъ (женскимъ почеркомъ): „Мой дневникъ въ Римѣ“. Краткій осмотръ показалъ что журналъ былъ

написанъ самой миссъ Розберри и былъ главнымъ образомъ посвященъ описанію послѣднихъ дней жизни ея отца.

Послѣ того какъ Мерси вложила обратно въ потфель дневникъ и корреспонденцію, на столѣ осталось одно только письмо. На незапечатанномъ конвертѣ былъ слѣдующій адресъ: *Леди Джанетъ Рой, Мабелеторпъ-Гаусъ, Кенсингтонъ, Лондонъ*. Мерси вынула письмо изъ открытаго конверта. Первыя строки прочтенныя ею извѣстили ее что она нашла рекомедательное письмо полковника, съ которымъ его дочь по прибытіи въ Лондонъ представится своей покровительницѣ.

Мерси прочла письмо до конца. Писавшій говорилъ что это послѣднее усиліе умирающаго человѣка. Полковникъ Розберри съ нѣжностью описывалъ достоинства своей дочери и съ сожалѣніемъ говорилъ о ея недостаточномъ образованіи, приписывая это обстоятельство винѣ денежныхъ потерь, принудившихъ его уѣхать въ Канаду бѣднымъ человѣкомъ. Затѣмъ слѣдовали горячія изъявленія благодарности обращенныя къ леди Джанетѣ. „Я обязанъ вамъ“, говорилось въ заключеніе письма, „тѣмъ что умираю съ спокойною душой на счетъ будущности моей дорогой дѣвочки. Вашему великодушному покровительству я поручаю единственное сокровище которое я оставляю на землѣ. Во всю вашу долгую жизнь вы благородно пользовались вашимъ высокимъ положеніемъ и вашимъ богатствомъ, какъ средствами дѣлать добро. Я увѣренъ что вамъ въ послѣдствіи зачтется, въ числѣ вашихъ многихъ добрыхъ дѣлъ, и то что вы успокоили послѣднія минуты стараго солдата, открывъ ваше сердце и вашъ домъ его безпріютному ребенку.“

Этими словами кончалось письмо. Мерси положила его на столъ съ тяжелою думой. Какой случай потеряла бѣдная дѣвушка! Знатная и богатая женщина ожидала принять ее къ себѣ,—женщина столь милосердая и великодушная что душа отца была спокойна въ минуту смерти на счетъ участи дочери,—а дочь лежала здѣсь, недоступная добротѣ леди Джанеты, не требующая помощи леди Джанеты!

Письменныя принадлежности французскаго капитана оставались на столѣ. Мерси перевернула письмо такъ чтобы написать на послѣдней пустой страницѣ онаго извѣстіе о смерти миссъ Розберри. Она обдумывала въ какихъ выраженіяхъ сдѣлать это, когда до ея слуха донеслись жалобные голоса изъ

сосѣдней комнаты. Оставленные раненые солдаты стонами просили помощи.—бодрость духа наконецъ покинула ихъ.

Она вошла въ кухню. Крикъ радости привѣтствовалъ ея появленіе,—одинъ видъ ея успокоилъ солдатъ. Она переходила отъ одной соломенной постели къ другой, подавая имъ надежду ободрительными словами, утишая ихъ страданія искусными и нѣжными руками. Они цѣловали края ея чернаго платья, называли ее ангеломъ-хранителемъ, между тѣмъ какъ прекрасная женщина ходила между ними и наклоняла надъ ихъ жесткими изголовьями свое нѣжное соболѣзнующее лицо.

— Я буду съ вами когда придутъ Нѣмцы, сказала она, уходя отъ нихъ, чтобы вернуться къ неоконченному еще ею письму.—Не бойтесь. бѣдняжки! Ваша сидѣлка не покинетъ васъ.

— Да благословитъ васъ Богъ, сударыня, отвѣчали солдаты.

Еслибы пальба возобновилась въ эту минуту, еслибъ граната поразила ее на смерть въ минуту когда она помогала удрученнымъ, какой христіанинъ въ своемъ сужденіи усомнился бы объявить что этой женщинѣ уготовано мѣсто въ небѣ? Но если война окончится, и она останется въ живыхъ, гдѣ будетъ для нея мѣсто на землѣ? Что ее ожидаетъ? Гдѣ ея домъ?

Она возвратилась къ письму. Но вмѣсто того чтобы сѣсть и писать, она стояла у стола, разсѣянно глядя на клочокъ бумаги.

Странная фантазія пришла ей на умъ при входѣ въ комнату; она сама слегка улыбнулась надъ ея нелѣпостію. Что еслибъ она попросила леди Джанету Рой дозволить ей занять мѣсто миссъ Розберри? Она встрѣтилась съ миссъ Розберри въ критическихъ обстоятельствахъ и сдѣлала все что можетъ сдѣлать женщина чтобы помочь другой женщинѣ. Въ этомъ обстоятельствѣ заключалось, можетъ-быть, слабое право на вниманіе, если леди Джанета не имѣла въ виду другой компаньйонки и читальщицы. Положимъ она осмѣлилась бы предложить свои услуги, что сдѣлала бы благородная и милосердая леди? Она написала бы ей въ отвѣтъ: „Пришлите рекомендаціи о вашемъ характерѣ, и я посмотрю что можно сдѣлать.“ Ея характеръ! Ея рекомендаціи! Мерси горько улыбнулась и сѣла писать въ самыхъ короткихъ словахъ все что требовалось отъ нея—простое изложеніе фактовъ.

Нѣтъ! Она не могла написать ни одной строчки. Ея фантазія не выходила у нея изъ головы. Наперекоръ ей самой, въ ея воображеніи рисовались картины блеска Мабельторпъ-

Гауза, удобствъ и роскоши окружавшихъ въ немъ живущихъ. Еще разъ она подумала о случаѣ потерянномъ для миссъ Розберри. Несчастная дѣвушка! Какой пріютъ былъ бы открытъ для нея, еслибы только граната упала въ окно вмѣсто того чтобы упасть на дворъ!

Мерси отодвинула отъ себя письмо и стала нетерпѣливо ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Но и этимъ она не могла преодолѣть ложнаго направленія своихъ мыслей. Ея умъ отстранялся отъ однихъ безплодныхъ размышленій только затѣмъ чтобы тотчасъ заняться другими. Теперь она смотрѣла впередъ на свое собственное будущее. Что ее ожидаетъ (если она останется въ живыхъ) по окончаніи войны? Опытъ прошедшаго изображалъ ей съ безпощадною вѣрностію печальную сцену. Куда бы она ни пошла, что бы она ни дѣлала, конецъ всегда былъ одинъ и тотъ же. Ея красота возбуждала любопытство и удивленіе; о ней освѣдомлялись; открывалась исторія ея прошедшаго; общество милостиво сожалѣло о ней; общество великодушно дѣлало для нея подписку; и всегда, во всѣ годы ея жизни, одинъ и тотъ же результатъ въ концѣ—тѣнь прежняго позора, окружающая ее какъ бы заразой, отчуждающая ее отъ другихъ женщинъ, налагающая на нее, даже послѣ того какъ она заслужила себѣ прощеніе предъ Богомъ, печать неизгладимаго позора въ глазахъ мущины: вотъ что ее и впредь ожидало! А ей минуло всего двадцать пять лѣтъ; она была въ полномъ цвѣтѣ здоровья и силы; она могла прожить еще пятьдесятъ лѣтъ!

Она снова остановилась у кровати, снова взглянула въ лицо трупа.

Для чего граната поразила женщину имѣвшую нѣкоторую надежду въ жизни и пощадила женщину не имѣвшую никакой надежды? При этой мысли ей пришли на память слова сказанныя ею Граціи Розберри. „Ахъ, еслибъ и я имѣла такой же случай какъ вы! Ахъ, еслибъ я имѣла вашу репутацію и вашу будущность!“ И вотъ случай потерянъ, и эта завидная будущность разбита! Мысль о такомъ концѣ, при полномъ сознаніи своего собственнаго положенія, способна свести съ ума. Съ горькою насмѣшкой отчаянія она наклонилась надъ безжизненнымъ лицомъ и заговорила, какъ будто лежавшая могла ее слышать: „О, еслибы вы могли быть Мерси Меррикъ“, сказала она съ тоской, „а я могла бы быть Граціей Розберри, *теперь!*“

Какъ только уста ея произнесли эти слова, она тотчасъ же выпрямилась. Она стояла у кровати, дико вперивъ глаза въ пустое пространство; голова ея горѣла; сердце билось такъ сильно что душило ее. „Еслибы вы могли быть Мерси Меррикъ, а я могла бы быть Граціей Розберри, теперь!“ Во мгновеніе ока мысль эта приняла новое развитіе въ умѣ. Во мгновеніе ока убѣжденіе въ этомъ поразило ее какъ электрическимъ ударомъ. *Она можетъ быть Граціей Розберри если пошлетъ!* Рѣшительно ничто не мѣшаетъ ей представиться леди Джанетѣ Рой вмѣсто Граціи и подъ именемъ Граціи.

Чѣмъ она рискуетъ? Гдѣ слабая сторона этого плана?

Грація сама говорила ей что она и леди Джанета никогда не видали другъ друга. Ея друзья въ Канадѣ; ея родственники въ Англіи умерли. Мерси также хорошо знала, какъ и она, мѣсто гдѣ она жила, мѣсто называемое Пертъ-Логанъ. Мерси остается только прочесть рукописный дневникъ, чтобы быть въ состояніи отвѣчать на какіе-либо вопросы касательно поѣздки въ Римъ и смерти полковника Розберри. Ей не придется изображать образованную леди: Грація сама говорила ей о своемъ недостаточномъ образованіи, и письмо отца ея также прямо указывало на это. Все, буквально все было въ пользу погибшей женщины. Люди съ которыми она имѣла дѣло въ лазаретѣ ушли и не вернутся болѣе. Ея собственная одежда надѣта въ эту самую минуту на миссъ Розберри, одежда замѣченная именемъ ея: Мерси. Одежда миссъ Розберри, замѣченная *ея* именемъ, сушится въ сосѣдней комнатѣ и въ рукахъ Мерси. Наконецъ-то предъ нею открытъ путь чтобъ избѣгнуть невыносимаго униженія ея настоящей жизни. Что за будущность предъ нею! Новая личность которая можетъ показываться гдѣ угодно! новое безупречное имя! новое прошедшее, о которомъ весь свѣтъ можетъ освѣдомляться сколько угодно! Ея лицо покрылось румянцемъ, ея глаза блистали; она никогда еще не бывала такъ неотразимо прекрасна какъ въ эту минуту, когда новое будущее открывалось предъ нею, сіяющее новою надеждой.

Она подождала минуту, пока она могла взглянуть на свой дерзкій замыселъ съ другой точки зрѣнія. Что въ немъ дурнаго? что говорила ея совѣсть?

Во первыхъ, относительно Граціи. Какой вредъ она причиняла женщинѣ умершей? Отвѣтъ былъ въ самомъ вопросѣ.

Никакого вреда не было для этой женщины. Никакого вреда для ея родственниковъ. Ея родственники также умерли.

Вовторыхъ, относительно леди Джанеты. Если она будетъ вѣрно служить своей новой госпожѣ; если она будетъ исполнять свои новыя обязанности съ честью; если она будетъ рачительна къ поученіямъ и признательна за доброту, — если, однимъ словомъ, она будетъ всѣмъ тѣмъ чѣмъ она можетъ и постарается быть въ небесномъ прибѣжищѣ этой новой жизни, какой вредъ она сдѣлаетъ этимъ леди Джанетѣ? Опять таки отвѣтъ былъ въ самомъ вопросѣ. Она можетъ и постарается дать леди Джанетѣ поводъ благословлять тотъ день когда она впервые вступитъ въ ея домъ.

Она схватила письмо полковника Розберри и уложила его въ портфель вмѣстѣ съ другими бумагами. Случай былъ въ ея рукахъ; всѣ шансы были въ ея пользу; ея совѣсть не говорила ничего противъ дерзкаго плана. Она рѣшила: „Я сдѣлаю это“.

Что-то покоробило ея тонкое чувство, что-то возмутило ея лучшія побужденія, когда она положила портфель въ карманъ своего платья. Она рѣшилась, а все не была спокойна; она не вполнѣ была увѣрена что допросила свою совѣсть какъ слѣдуетъ. Что если она положитъ портфель снова на столъ и подождетъ пока ея волненіе остынетъ, и тогда она трезво обсудитъ замышляемый планъ своимъ сознаніемъ правды и неправды.

Она подумала объ этомъ—и поколебалась. Прежде чѣмъ она могла вторично подумать объ этомъ, въ ночной тиши послышался отдаленный топотъ людскихъ шаговъ и лошадиныхъ копытъ. Нѣмцы вступили въ деревню! Черезъ нѣсколько минутъ они появятся въ домѣ; они потребуютъ чтобъ она сказала кто она такая. Ей некогда ждать пока она успокоится. Что же она изберетъ: новую жизнь Граціи Розберри или прежнюю жизнь Мерси Меррикъ?

Она въ послѣдній разъ взглянула на кровать. Для Граціи все покончено; въ ея рукахъ воспользоваться будущностью Граціи. Ея рѣшительная натура, вынужденная на немедленный выборъ, ухватилась за смѣлый планъ. Она осталась при рѣшимости занять мѣсто Граціи.

Топотъ шаговъ Нѣмцевъ все приближался. Слышны были голоса офицеровъ, произносившихъ слова команды.

Она сѣла у стола, съ твердостью ожидая что будетъ.

Врожденный инстинктъ ея пола обратилъ ея глаза на ея

одежду прежде чѣмъ появились Нѣмцы. Окинувъ взглядомъ все ли въ порядкѣ, она остановила глаза на красномъ крестѣ нашитомъ на ея лѣвомъ плечѣ. Въ одну минуту она сообразила что костюмъ сидѣлки могъ подтвергнуть ее излишней опасности. Онъ свидѣтельствовалъ о ея общественномъ положеніи; онъ могъ повести къ допросамъ въ послѣдствіи, и допросы могли изобличить ее.

Она осмотрѣлась кругомъ. Сѣрый плащъ, который она ссудила Граціи, обратилъ на себя ея вниманіе. Она взяла его и завернулась въ него съ головы до ногъ.

Только-что она успѣла накинуть на себя плащъ, какъ услыхала стукъ отворяющейся наружной двери, говоръ голосовъ на неизвѣстномъ языкѣ и бряцанье оружія въ задней комнатѣ. Ждать ли ей пока ее замѣтятъ, или показаться самой? Для ея характера было менѣе мучительно показаться чѣмъ ждать. Она встала чтобъ идти въ кухню. Холщевой занавѣсъ, какъ только она протянула къ нему руку, былъ быстро поднятъ съ другой стороны, и три человѣка встрѣтились съ нею въ открытой двери.

ГЛАВА VI.

Нѣмецкій хирургъ.

Младшій изъ трехъ иностранцевъ, судя по его чертамъ, цвѣту лица и манерамъ, былъ повидимому Англичанинъ. Онъ былъ въ военной шапкѣ и военныхъ сапогахъ, но остальная одежда его была штатская. За нимъ стоялъ офицеръ въ прусскомъ мундирѣ, а за офицеромъ третій посѣтитель, старѣйшій по лѣтамъ изъ всѣхъ трехъ. Онъ также былъ въ мундирѣ, но его наружность не изобличала военнаго человѣка. Онъ хромалъ на одну ногу, былъ сутуловатъ, и вмѣсто шпаги при бедрѣ держалъ въ рукахъ палку. Бросивъ пристальный взглядъ сквозь большія очки, похожія на двухъ черепахъ, сначала на Мерси, потомъ на кровать, потомъ вокругъ всей комнаты, онъ обратился съ циническимъ спокойствіемъ въ манерахъ къ прусскому офицеру и прервалъ молчаніе.

— Женщина больная на кровати; другая женщина при ней, и никого больше въ комнатѣ. Есть ли надобность, майоръ, ставить здѣсь караулъ?

— Никакой надобности, отвѣчалъ майоръ.—Онъ повернулся на каблукахъ и вышелъ въ кухню. Нѣмецкій хирургъ, движимый

инстинктомъ своей профессіи, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ направленіи къ постели. Молодой Англичанинъ, глаза котораго оставались прикованными къ Мерси, задернулъ холщевой занавѣсъ надъ дверью, и почтительно обратился къ ней по-французски:

— Если осмѣлюсь спросить, вы Француженка? сказалъ онъ.

— Я Англичанка, отвѣтила Мерси.

Хирургъ услыхалъ отвѣтъ. Остановясь на пути къ кровати, онъ указалъ пальцемъ на лежавшую на ней фигуру и сказалъ Мерси по-англійски, съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ.

— Могу ли я быть здѣсь полезенъ?

Его манера была иронически вѣжлива, его рѣзкій голосъ звучалъ сардонически и монотонно. Мерси въ ту же минуту получила отвращеніе къ этому ковыляющему безобразному старику, грубо глядѣвшему на нее въ свои большія черепашьи очки.

— Вамъ нечего дѣлать, сэръ, сказала она коротко.—Госпожа эта была убита, когда ваши войска бомбардировали этотъ домъ.

Англичанинъ обернулся и взглянулъ съ сожалѣніемъ на кровать. Нѣмецъ усладилъ себя щепотью табаку и задалъ другой вопросъ:

— Было ли дѣло осмотрѣно врачомъ? спросилъ онъ.

Мерси нелюбезно ограничила отвѣтъ необходимымъ: да.

Нѣмецкій хирургъ былъ не такой человѣкъ чтобы смущаться нелюбезностью дамы. Онъ продолжалъ допрашивать.

— Кто осматривалъ тѣло? спросилъ онъ затѣмъ.

Мерси отвѣчала:

— Докторъ бывшій при французскомъ лазаретѣ.

Нѣмецъ проворчалъ презрительное неодобреніе всѣмъ Французамъ и всѣмъ французскимъ учрежденіямъ. Англичанинъ воспользовался первымъ случаемъ чтобы снова обратиться къ Мерси:

— Дама эта ваша соотечественница? спросилъ онъ вѣжливо.

Мерси подумала прежде чѣмъ отвѣтить ему. При той цѣли какую она имѣла въ виду, могли быть важные поводы чтобы говорить съ величайшею осторожностью о Граціи.

— Я полагаю, сказала она.—Мы встрѣтились здѣсь случайно. Я ничего про нее не знаю.

— Ни даже ея имени? спросилъ нѣмецкій хирургъ.

Рѣшимость Мерси не дошла до того чтобы дать Граціи свое собственное имя. Она прибѣгла къ простому отрицанію.

— Ни даже ея имени, упрямо отвѣтила она.

Старикъ посмотрѣлъ на нее еще грубѣе прежняго, подумалъ про себя и взялъ свѣчу со стола. Онъ снова заковылялъ къ постели и сталъ молча разсматривать лежавшее тѣло. Англичанинъ продолжалъ разговоръ, не скрывая болѣе участія которое онъ чувствовалъ къ стоявшей предъ нимъ прекрасной женщинѣ.

— Извините меня, сказалъ онъ,—вы слишкомъ молоды чтобы быть одной въ военное время и въ такомъ мѣстѣ.

Неожиданный шумъ въ кухнѣ избавилъ Мерси отъ необходимости тотчасъ же отвѣчать ему. Она услыхала голоса раненыхъ, жалобно возражавшіе противъ чего-то, и грубую команду иностранныхъ офицеровъ приказывавшую имъ молчать. Великодушные инстинкты женщины мгновенно одержали верхъ надъ личными соображеніями связанными съ присвоеннымъ ею себѣ положеніемъ. Не думая о томъ что она можетъ изобличить себя какъ сидѣлку при французскомъ лазаретѣ, она тотчасъ отдернула занавѣсъ чтобы войти въ кухню. Нѣмецкій часовой загородилъ ей дорогу и увѣдомилъ на своемъ языкѣ что посторонніе не пускаются. Англичанинъ вступился, вѣжливо спросивъ ее имѣетъ ли она особенную цѣль, желая войти въ кухню.

— Бѣдные Французы! воскликнула она съ жаромъ, и сердце ея разрывалось при мысли что она забыла о нихъ.—Бѣдные раненые Французы!

Нѣмецкій хирургъ подошелъ отъ кровати и заговорилъ прежде чѣмъ Англичанинъ успѣлъ сказать слово.

— Вамъ нѣтъ дѣла до раненыхъ Французовъ, крякнулъ онъ самыми рѣзкими нотами своего голоса. — Раненые Французы мое дѣло, а не ваше. Они *наши* плѣнные, и ихъ переводятъ въ *наши* лазаретъ. Это говорю вамъ я, Игнатій Ветцель, начальникъ медицинскаго штаба. Помолчите. И обратясь къ часовому, онъ прибавилъ по-нѣмецки:—Опусти занавѣсъ, и если женщина будетъ настаивать, оттолкни ее рукой въ эту комнату.

Мерси пыталась возражать. Англичанинъ почти гедьно взялъ ее за руку и отвелъ отъ часоваго.

— Сопротивляться безполезно, сказалъ онъ.—Нѣмецкая дисциплина никогда не дѣлаетъ уступокъ. Вамъ нѣтъ ни малѣйшей надобности безпокоиться о Французахъ. Лазаретъ подъ управленіемъ хирурга Ветцеля устроенъ превосходно. Я отвѣчаю за то что съ ними будутъ обращаться хорошо. Говоря это,

онъ видѣлъ слезы на ея глазахъ; его удивленіе къ ней все болѣе возрастало. „Добра такъ же какъ и прекрасна“, подумалъ онъ.—„Что за прелестное созданіе!“

— Ну! сказалъ Игнатій Ветцель, глядя въ очки строго на Мерси,—довольны ли вы? И замолчите ли вы?

Она уступила: настаивать, очевидно, было безполезно. Но безъ отпора нѣмецкаго хирурга, ея преданность къ раненымъ еще могла бы удержать ее на пути на который она вступила. Еслибъ она могла только вновь погрузиться душой и тѣломъ въ доброе дѣло ухода за больными, то оно дало бы ей достаточно силы чтобъ устоять противъ искушенія. Роковая строгость нѣмецкой дисциплины оборвала послѣднюю нить за которую держались ея лучшія побужденія. Ея лицо было безучастнымъ когда она гордо отошла отъ хирурга Ветцеля и сѣла въ кресла.

Англичанинъ послѣдовалъ за нею и возобновилъ вопросъ о ея настоящемъ положеніи.

— Не думайте чтобъ я хотѣлъ васъ понапрасну встревожить, сказалъ онъ.—Повторяю, вамъ нѣтъ надобности безпокоиться о Французахъ, но есть важный поводъ для безпокойства о васъ самихъ. На разсвѣтѣ возобновится битва вокругъ этой деревни; вамъ въ самомъ дѣлѣ надо бы быть въ болѣе безопасномъ мѣстѣ. Я офицеръ англійской арміи, и меня зовутъ Горацій Гольмкрофтъ. Я былъ бы счастливъ быть чѣмъ-нибудь вамъ полезенъ, а я *могу* быть полезенъ, если вы позволите. Вы путешествуете? осмѣлюсь спросить.

Мерси тѣснѣе закуталась въ плащъ, закрывавшій ея одежду сидѣлки, и молча совершила первый открытый обманъ. Она утвердительно кивнула головой.

— Отправляетесь ли вы въ Англію?

— Да.

— Въ такомъ случаѣ я могу добыть вамъ пропускъ черезъ нѣмецкія линіи и тотчасъ же отправить васъ въ путь.

Мерси посмотрѣла на него съ нескрываемымъ удивленіемъ. Его сильное участіе въ ней сдерживалось въ самыхъ строгихъ предѣлахъ благовоспитанности. Онъ несомнѣнно былъ джентльменъ. Въ самомъ ли дѣлѣ должно его понимать такъ какъ онъ говорилъ?

— Вы можете дать мнѣ пропускъ черезъ нѣмецкія линіи, повторила она. — Вы должно-быть пользуетесь необыкновеннымъ вліяніемъ, сэръ, чтобы сдѣлать это.

Мистеръ Горацій Гольмкрафтъ улыбнулся

— Я пользуюсь вліяніемъ которому никто не можетъ противиться, отвѣтилъ онъ,—вліяніемъ печати. Я служу здѣсь военнымъ корреспондентомъ одной изъ нашихъ большихъ англійскихъ газетъ. Если я попрошу офицера командующаго отрядомъ, онъ дастъ вамъ пропускъ. Онъ здѣсь недалеко отъ этого дома. Что вы на это скажете?

Она напрягла всю свою рѣшимость,—не безъ труда, даже теперь,—и поймала его на словѣ.

— Я съ благодарностію принимаю ваше предложеніе, сэръ.

Онъ сдѣлалъ шагъ въ направленіи къ кухнѣ и остановился.

— Лучше будетъ если обратиться съ этою просьбой, по возможности, секретно, сказалъ онъ.—Меня спросятъ, если я пройду чрезъ эту комнату. Нѣтъ ли другаго выхода изъ дома?

Мерси указала ему на дверь ведущую на дворъ. Онъ поклонился и оставилъ ее.

Она украдкой взглянула на нѣмецкаго хирурга. Игнатій Ветцель опять стоялъ у кровати, наклонясь надъ тѣломъ и повидимому погруженный въ разсмотрѣніе раны нанесенной гранатой. Инстинктивное отвращеніе Мерси къ этому старику усилилось въ десять разъ теперь, когда она осталась одна съ нимъ. Она отвернулась отъ него и стала глядѣть въ окно на лунный свѣтъ.

Совершила ли она обманъ? Едва ли еще. Она сказала про себя что возвращается въ Англію, и только. До сихъ поръ не было никакой необходимости которая принуждала бы ее явиться въ Мабельторпъ-Гаузъ на мѣсто Граціи. Еще есть время обдумать ея рѣшеніе; еще есть время написать отчетъ о происшествіи, какъ она предполагала, и отправить его съ портфелемъ леди Джанетѣ Рой. Положимъ, она окончательно рѣшилась бы поступить такимъ образомъ, что же станетъ съ нею когда она снова очутится въ Англіи? Ей не было другаго выбора какъ обратиться снова къ начальницѣ пріюта. Ей ничего не оставалось дѣлать какъ возвратиться въ пріютъ!

Пріютъ! Начальница пріюта! Какія воспоминанія связанныя съ этими словами являлись безъ зову и занимали первое мѣсто въ ея мысляхъ? О комъ она думала въ этомъ чуждомъ мѣстѣ и въ эту критическую минуту ея жизни? О человѣкѣ чьи слова нашли доступъ въ ея сердце, чье вліяніе подкрѣпило и ободрило ее въ часовнѣ пріюта. Одна изъ лучшихъ его проповѣдей была спеціально посвящена Юліаномъ Греемъ предостереженію прихожанъ къ коимъ онъ обращался противъ унижающаго

вліянія лжи и обмана. Слова съ которыми онъ обращался къ несчастнымъ женщинамъ бывшимъ вокругъ него, слова сочувствія и одобренія, ни отъ кого прежде ими не слышанныя, припомнились Мерси Меррикъ, какъ будто бы она ихъ слышала часъ тому назадъ. Она страшно поблѣднѣла, когда эти слова теперь снова убѣждали ее. „О! прошептала она про себя, думая о своемъ намѣреніи и планѣ; что я сдѣлала? что я сдѣлала?“

Она отвернулась отъ окна съ нѣкоторою смутною идеей въ умѣ послѣдовать за мистеромъ Гольмкрофтомъ и позвать его назадъ. Взглянувъ снова на кровать, она встрѣтилась глазами съ Игнатіемъ Ветцелемъ. Онъ шелъ къ ней чтобы сказать что-то, держа въ рукѣ бѣлый платокъ,—платокъ который она дала Граціи.

— Я нашелъ это у нея въ карманѣ, сказалъ онъ.—Здѣсь написано ея имя. Она должно-быть ваша соотечественница. Онъ прочелъ буквы замѣченныя на платкѣ съ нѣкоторымъ затрудненіемъ;—ея имя—Мерси Меррикъ.

Его уста сказали это, а не ея. *Онъ* далъ ей это имя.

— Мерси Меррикъ — вѣдь это англійское имя? продолжалъ Игнатій Ветцель, устремивъ глаза прямо на нее.—Такъ что ли?

Воспоминанія о Юліанѣ Греѣ начали слабѣть въ ея умѣ. Одинъ настоятельный и жгучій вопросъ теперь занималъ главное мѣсто въ ея мысляхъ. Должна ли она поправить заблужденіе Нѣмца? Наступило время заговорить и заявить о своей личности, или промолчать и вступить на путь обмана.

Горацій Гольмкрафтъ снова вошелъ въ комнату, въ то время какъ глаза хирурга Ветцеля все еще были устремлены на нее, ожидая отвѣта.

— Я не преувеличивалъ своего вліянія, сказалъ онъ, указывая на небольшой лоскутокъ бумаги въ рукѣ.—Вотъ пропускъ. Есть у васъ перо и чернила? Мнѣ надо написать на бланкѣ.

Мерси указала на письменныя принадлежности на столѣ. Горацій сѣлъ и опустилъ перо въ чернила.

— Прошу васъ не подумайте чтобъ я желалъ вмѣшиваться въ ваши дѣла, сказалъ онъ.—Но я принужденъ сдѣлать вамъ одинъ или два вопроса. Какъ ваше имя?

Неожиданная дрожь охватила ее. Она оперлась на конецъ кровати. Все ея будущее существованіе зависѣло отъ отвѣта. Но она не была въ состояніи произнести ни слова.

Игнатій Ветцель еще разъ ее выручилъ. Его крикливый го-

лось раздался въ наступившую паузу молчанія какъ разъ во время. Онъ съ упорствомъ держалъ платокъ предъ ея глазами. Онъ упрямо повторялъ:

— Мерси Меррикъ вѣдь англійское имя,—такъ что ли?

Горацій Гольмкрофтъ взглянулъ на него изъ-за стола.

— Мерси Меррикъ, сказалъ онъ.—Кто это Мерси Меррикъ?

— Хирургъ Ветцель указалъ на трупъ на постели.

— Я узналъ ее по платку. сказалъ онъ.—Эта леди, кажется, была настолько нелюбопытна что не потрудилась узнать имя своей соотечественницы.—Онъ сдѣлалъ этотъ насмѣшливый намекъ на Мерси тономъ который былъ почти подозрителенъ, и взглянулъ на нее почти презрительно. Ея живой характеръ тотчасъ же оскорбился невѣжливостію направленою противъ нея. Раздраженіе минуты—такъ часто самые ничтожные поводы руководятъ важнѣйшими человѣческими дѣйствіями — рѣшило ея выборъ. Она гнѣвно обернулась спиной къ грубому старику и оставила его въ заблужденіи что онъ узналъ имя умершей женщины.

Горацій снова принялся писать на бланкѣ.

— Извите меня за настойчивость моего вопроса, сказалъ онъ.—Вы сами теперь знаете какова нѣмецкая дисциплина. Позвольте же узнать какъ ваше имя?

Она отвѣчала небрежно, съ вызывающимъ видомъ, не сознавая вполнѣ того что она дѣлала:

— Грація Розберри, сказала она.

Но едва губы ея произнесли эти слова, какъ она готова была дать все что имѣла, чтобы взять ихъ назадъ.

— Миссъ? допросилъ Горацій улыбаясь.

Она могла отвѣтить ему только наклоненіемъ головы.

Онъ написалъ: „Миссъ Грація Розберри“, подумалъ съ минуту и потомъ прибавилъ вопросительно: „возвращающаяся къ своимъ друзьямъ въ Англіи?“ Ея друзья въ Англіи! Сердце Мерси перелоилось. Она молча дала утвердительный отвѣтъ новымъ наклоненіемъ головы. Онъ вписалъ эти слова послѣ ея имени и засыпалъ пескомъ мокрыя чернила.

— Этого достаточно, сказалъ онъ, вставая и подавая Мерси пропускъ.—Я самъ посмотрю какъ вы пройдете сквозь караулы и постараюсь устроить чтобы васъ отправили по желѣзной дорогѣ.

Гдѣ вашъ багажъ?

Мерси указала на входную дверь дома.

— Въ сараѣ около дома, сказала она.—Онъ не великъ, и

я могу сама приготовить его, если часовой пропуститъ меня черезъ кухню.

Горацій указалъ на бумагу въ ея рукѣ.

— Вы можете идти куда вамъ угодно теперь, сказалъ онъ.— Долженъ ли я подождать васъ здѣсь или на дворѣ?

Мерси бросила недовѣрчивый взглядъ на Игнатія Ветцеля. Онъ возобновилъ свой безконечный осмотръ тѣла лежащаго на кровати. Еслибъ она оставила его одного съ мистеромъ Гольмкрофтомъ, то кто знаетъ что̀ могъ сказать про нее ненавистный старикъ. Она отвѣтила:

— Подождите меня на дворѣ, пожалуста.

Часовой при видѣ пропуска посторонился и отдалъ честь. Всѣ французскіе плѣнные были выведены изъ кухни, гдѣ оставалось не болѣе полдюжины Нѣмцевъ, большею частію спящихъ. Мерси взяла одежду Граціи Розберри, сушившуюся въ углу, и направилась въ сарай, представлявшій простую деревянную пристройку, прислоненную къ стѣнѣ дома. У входной двери она встрѣтила другаго часоваго и ему также показала пропускъ. Она обратилась къ этому солдату съ вопросомъ: понимаетъ ли онъ по-французски? Онъ отвѣчалъ что немного понимаетъ. Мерси дала ему небольшую монету и сказала:

— Я пойду въ сарай уложить мой багажъ. Будьте такъ добры постеречь чтобы никто не ломѣшалъ мнѣ.

Часовой поклонился въ знакъ того что онъ понялъ о чемъ его просятъ. Мерси исчезла въ темной внутренности сарая.

Оставшись одинъ съ хирургомъ Ветцелемъ, Горацій обратилъ вниманіе на стараго чудака, попрежнему все еще наклоненнаго надъ англійскою леди убитою гранатой.

— Есть что-нибудь замѣчательное, спросилъ онъ,—въ смерти этой несчастной женщины?

— Ничего особеннаго для газеты, возразилъ циникъ, продолжая свой осмотръ внимательнѣе прежняго.

— Но интересно для доктора, а? сказалъ Горацій.

— Да, интересно для доктора, былъ грубый отвѣтъ.

Горацій добродушно принялъ намекъ заключавшійся въ этихъ словахъ. Онъ вышелъ изъ комнаты въ дверь ведущую на дворъ и сталъ ждать на дворѣ очаровательную Англичанку, какъ она ему поручила.

Оставшись одинъ и бросивъ сперва осторожный взглядъ вокругъ себя, Игнатій Ветцель раскрылъ верхнюю часть одежды

Граціи и приложилъ лѣвую руку къ ея сердцу. Вынувъ другою рукой изъ кармана своего сюртука небольшой стальной инструментъ, онъ приложилъ его осторожно къ ранѣ, приподнялъ кусочекъ раздробленной и вдавленной кости черепа и ожидалъ результата.

— Ага! воскликнулъ онъ, обращаясь съ ужасающею веселостью къ лежавшему подъ его руками бездыханному созданью.— Французъ говоритъ что вы умерли, моя голубушка, такъ что ли? Французъ шарлатанъ! Французъ оселъ!

Онъ поднялъ голову и позвалъ, обратясь къ кухнѣ: „Максъ!“ Заспанный молодой Нѣмецъ, прикрытый фартукомъ отъ подбородка до самыхъ ногъ, поднялъ занавѣсъ и ждалъ приказаній.

— Принеси мнѣ мой черный мѣшокъ, сказалъ Игнатій Ветцель.

Отдавъ это приказаніе, онъ радостно потеръ руки и весь отряхнулся, какъ дѣлаютъ собаки.

— Теперь я вполнѣ счастливъ, прокаркалъ страшный старикъ, бросая искоса пылающіе взгляды на кровать.—Голубушка моя, мертвая Англичанка, я не согласился бы пропустить встрѣчу съ вами за всѣ сокровища въ мірѣ. Ха, ха! Чортовъ братъ, французскій шарлатанъ, ты называешь это смертью, вотъ какъ! Я называю это пріостановкой жизни отъ давленія на мозгъ.

Максъ вошелъ съ чернымъ мѣшкомъ.

Игнатій Ветцель выбралъ два страшные инструмента, новенькіе и блестящіе, и прижалъ ихъ къ своей груди.

— Дѣточки мои, сказалъ онъ, какъ будто это въ самомъ дѣлѣ были его дѣти.—Милыя дѣточки, принимайтесь-ка за работу! Онъ обратился къ своему помощнику:—Помнишь ли, Максъ, сраженіе при Сольферино и австрійскаго солдата которому я сдѣлалъ операцію надъ раной на головѣ.

Помощникъ вытаращилъ свои сонные глаза; онъ былъ очевидно заинтересованъ.

— Помню, сказалъ онъ,—я держалъ свѣчу.

Хирургъ подошелъ къ кровати.

— Я не доволенъ результатомъ операціи при Сольферино, сказалъ онъ.—Съ того самаго времени мнѣ хотѣлось сдѣлать другой опытъ. Правда, я спасъ жизнь человѣка, но мнѣ не удалось возвратить ему вмѣстѣ съ тѣмъ и разсудокъ. Можетъ-быть была какая-либо ошибка въ операціи, а можетъ-быть

это зависѣло и отъ самого человѣка. Какъ бы то ни было, но онъ остался сумашедшимъ и умретъ такимъ. Взгляни сюда, Максъ, на эту милую молодую женщину на кровати. Вотъ случай который мнѣ былъ нуженъ, такой же случай какъ и при Сольферино. Ты опять будешь держать свѣчу, мой милый; стань здѣсь и смотри во всѣ глаза. На этотъ ратъ я постараюсь спасти и жизнь и разсудокъ.

Онъ засучилъ обшлага своего сюртука и началъ операцію. Когда его страшные инструменты коснулись головы Граціи, раздался голосъ ближайшаго часоваго, окликнувшій Мерси при ея первыхъ шагахъ на пути въ Англію:

— Пропустите англійскую даму!

Операція продолжалась Послышался болѣе слабо голосъ слѣдующаго часоваго:

— Пропустите англійскую даму!

Операція кончилась. Игнатій Ветцель молча поднялъ руку и приложилъ ухо ко рту паціентки.

Первое дрожащее дыханіе возвращающейся жизни колыхнуло уста Граціи Розберри и коснулось морщинистой щеки старика.

— Ага! воскликнулъ онъ.—Милая дѣвушка! Вы дышите, вы живы!

Когда онъ это говорилъ, въ послѣдній разъ донесся голосъ часоваго на концѣ нѣмецкой цѣпи, на этотъ разъ едва слышный:

— Пропустите англійскую даму!

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ СЦЕНЫ.

СМѢСЬ

I. ОЧЕРКИ ФИНЛЯНДСКОЙ ВОЙНЫ 1808 ГОДА. Давно кѣмъ-то сказано что Русскимъ ихъ военная исторія знакома гораздо меньше чѣмъ подвиги Французовъ и Нѣмцевъ. Многіе ли знаютъ подробности Сѣверной войны, приведшей насъ къ Полтавѣ? Дѣйствія въ войну 28го и 29го годовъ еще ждутъ своего историка, съ войной 1831 года большинство русскихъ людей познакомилось только въ концѣ 60хъ годовъ, и то по переводу съ нѣмецкаго. Лучшимъ трудомъ по исторіи русскихъ военныхъ учрежденій до Петра служитъ пятнадцатилѣтній трудъ прусскаго улана Брикса, незадумавшагося посвятить нѣсколько лѣтъ на изученіе русскаго языка. Впрочемъ нельзя сказать чтобъ у насъ не было военно-историческихъ сочиненій, но по большей части все это крайне блѣдно и сухо. Марши, контръ-марши, очерки сраженій—и только. Изнанка войны, люди, обстоятельства, военная система,—все что вліяетъ на военныя дѣйствія и диктуетъ полководцу то или другое рѣшеніе или маневръ, все это остается нетронутымъ, отчасти быть-можетъ именно потому что мы поспѣшили приступить къ общимъ изслѣдованіямъ прежде нежели изслѣдованы и собраны факты. Въ послѣднее время наши военно-историческія работы принимаютъ другой характеръ: разработка подробностей привлекаетъ особое вниманіе, появляются исторіи полковъ, монографіи отдѣльныхъ эпизодовъ. Нашлись и талантливые работники, къ которымъ на дняхъ присоединился и извѣстный нашъ романистъ В. В. Крестовскій,

занимающійся внимательною разработкой исторіи Ямбургскаго полка. Часть труда уже появилась въ *Военномъ Сборникѣ*, и мы считаемъ небезынтереснымъ для читателей привести нѣсколько отрывковъ изъ описанія Финляндской войны 1808 года набросаннаго рукою талантливаго разсказчика.

„Война въ Финляндіи, по свидѣтельству одного изъ участниковъ, во время самаго разгара своего, не привлекла къ себѣ взоровъ ни гражданъ, ни военныхъ людей. Не до того было общему любопытству, утомленному огромнѣйшими (для того времени) событіями въ Моравіи и въ Восточной Пруссіи, чтобы заниматься войной въ которой число сражавшихся едва ли доходило до числа убитыхъ и раненыхъ въ одномъ изъ сраженій предшествовавшихъ войнъ. Къ тому же первая половина ея ничѣмъ не была ознаменована, какъ вооруженною прогулкою нашихъ войскъ почти до границъ Лапландіи, покореніемъ Свеаборга, первоклассной крѣпости, слабою канонадой и нескокомъ нѣсколькихъ сотенъ казаковъ. Надо замѣтить что и средства доставившія намъ такія важныя пріобрѣтенія мало привлекали общее вниманіе. Въ то время сильно поговаривали въ обществѣ что *Свеаборгъ взорванъ золотою бомбою*. За то увѣренность въ легкомъ завоеваніи этого края такъ усилилась что когда сосредоточенный непріятель напалъ на разбросанныя по клочкамъ войска наши; когда вспыхнула война народная; когда подвозы съ пищей и зарядами прекратились отъ набѣговъ жителей; когда пожары разлились по неизмѣримому пространству лѣсовъ, сквозь которые надлежало намъ пробиваться; когда каждый шагъ впередъ и назадъ требовалъ всеминутныхъ пожертвованій жизнію, тогда мирные соотечественники наши не хотѣли вѣрить слухамъ доходившимъ до нихъ, и, въ заблужденіи своемъ, приглашали воиновъ этой тяжкой кампаніи письмами на удовольствія и веселіе столицы. А между тѣмъ русская кровь орошала финскія тундры, запекалась на скалахъ по нимъ разсѣянныхъ!... А между тѣмъ эти воины проводили жизнь подъ сѣвернымъ инеемъ, среди океана вѣковыхъ лѣсовъ, на берегахъ пустынныхъ озеръ, гонясь, по словамъ очевидца, за славою, которой не было отголоска въ отечествѣ!“....

„Скажемъ *гдѣ*, съ *кѣмъ* и *какъ* приходилось намъ бороться въ этой войнѣ, столь оригинальной, столь непохожей на обыкновенныя войны театромъ которыхъ служитъ Европа. Взгляните на карту Финляндіи—и вамъ съ перваго взгляда станетъ понятна вся трудность войны въ столь своеобразной мѣстности. Финляндія—это непрерывная трясина, усѣянная скалами, высокими, вездѣ почти недоступными и будто взгроможденными одна на другую; поверхность ея покрыта болотами

и безчисленнымъ множествомъ озеръ, и обширныхъ, и малыхъ, изъ которыхъ одни соединяются съ другими посредствомъ протоковъ, ручьевъ и рѣкъ. Небольшія долины между скалами завалены валунами, булыжникомъ, обломками гранитныхъ скалъ и пересѣкаются быстрыми ручьями и потоками, которые прядаютъ по камнямъ и часто образуютъ красивые каскады. Дороги направляются въ видѣ радіусовъ къ малому числу центровъ и рѣдко гдѣ имѣютъ между собою поперечныя сообщенія. Лѣса громадны и часто совсѣмъ непроходимы.—„Это самый живой образъ дикости“, разказываетъ очевидецъ, участвовавшій въ Финляндской войнѣ: вѣковыя деревья удивительной вышины и объема, сжатыя въ иныхъ мѣстахъ въ одну массу, а кое-гдѣ рѣдкія, дозволяющія взору проникать на далекое разстояніе, закрываютъ небо. Огромные камни и высокія скалы, покрытыя мхомъ или поросшія кустарникомъ, выглядываютъ какъ привидѣнія изъ чащи лѣса.“

„Чѣмъ болѣе погружаешься въ глубину этой области“, разказываетъ Денисъ Давыдовъ, „тѣмъ болѣе видишь что нравы народа, „оттѣняясь мало-по-малу, сливаются наконецъ съ суровою и мрачною „его обителью“....

„Финскіе поселяне, а въ особенности Карелы и жители Саволакса, всѣ безъ исключенія отличные стрѣлки, умѣющіе пользоваться каждымъ кустомъ и камнемъ. Это люди привыкшіе бить вертлявую бѣлку не иначе какъ въ носъ, чтобы не попортить шкуру. Лѣсовики и вмѣстѣ съ тѣмъ прибрежные поселенцы своихъ обширныхъ и бурныхъ озеръ, они, сдѣлавъ охоту и рыбный промыселъ главнѣйшими источниками своего скуднаго существованія, всю жизнь свою закалили въ безпрестанныхъ трудахъ и предпріятіяхъ, требующихъ дерзкой отваги и умѣнья обращаться съ оружіемъ. Въ каждой хижинѣ непремѣнно имѣлись и ружья, и старыя, дѣдовскія рогатины— и вотъ, по первому зову ласторовъ, стали составляться сильныя числомъ и отвагой банды пѣшихъ и конныхъ ратниковъ. Части регулярныхъ войскъ, вмѣстѣ съ офицерами и солдатами, распущенными по домамъ послѣ сдачи Свартгольма, явились организаторами и инструкторами этихъ бандъ, которыми предводительствовали и ласторы, и ландманы, и тѣ же офицеры. Душою всего дѣла былъ знаменитый Сандельсъ, засѣвшій въ своей неприступной Тайвольской берлогѣ. Одна Карелія, по замѣчанію князя Долгорукова, могла выставить отъ 15 до 20 тысячъ довольно искусныхъ стрѣлковъ. Главная агитація шла въ Пелисскомъ, Иломанцкомъ и Либелицкомъ приходахъ, гдѣ дѣйствовалъ энергическій либелицкій ласторъ Винтеръ. Всѣ остальные приходы Кареліи спѣшили присоединиться къ тремъ

вышесказаннымъ. Каждое воскресенье, послѣ обѣдни, пасторъ обыкновенно выходилъ къ народу и, въ церкви же, объявлялъ по очередному списку что жители такихъ-то деревень имѣютъ отправиться такого-то числа къ сборному мѣсту на смѣну жителей деревень такихъ-то. Отвѣтомъ на такое заявленіе была всегда полная готовность. Впрочемъ, между бывшими уже въ ополченіи находилось много охотниковъ, которые соглашались оставаться въ отрядахъ вмѣсто вновь прибывавшихъ, съ тѣмъ условіемъ чтобы получать продовольствіе отъ этихъ послѣднихъ."

Указавъ трудности кампаніи, которую графъ Буксгевденъ, въ одномъ изъ донесеній своемъ государю, охарактеризовалъ „войною вандейскою", г. Крестовскій продолжаетъ:

„Но еще мало всего этого. Кромѣ усилій и трудовъ которые переносилъ нашъ солдатъ, онъ терпѣлъ еще величайшую нужду — голодъ и холодъ. Изъ Петербурга безпрерывно высылали хлѣбъ, но къ войску доставляли его весьма рѣдко: партизаны отбивали транспорты, вслѣдствіе слабости ихъ прикрытія; но неизмѣримо хуже и вреднѣе партизановъ были наши собственные провіантскіе чиновники, отправлявшіе въ голодную сторону, къ голодному войску, кули набитые вмѣсто муки мусоромъ, и радуясь, когда непріятель отбивалъ наши подвижные магазины, потому что въ такихъ случаяхъ они избѣгали повѣрки и отчетовъ. Наши строевыя лошади вовсе отвыкли отъ овса, да и травы не всегда можно было достать имъ вдоволь. При крайнемъ недостаткѣ въ обуви, въ одеждѣ и въ боевыхъ зарядахъ, солдаты питались почти исключительно грибами, болѣли и умирали отъ диссентеріи, но дрались вездѣ и всегда прекрасно и—что весьма замѣчательно—были бодры и веселы, о чемъ съ удивленіемъ и уваженіемъ свидѣтельствуютъ очевидцы. Всѣ недостатки замѣняла храбрость".

Понятно каковъ долженъ быть характеръ войны съ такимъ народомъ, въ такой странѣ и при такихъ условіяхъ. Вотъ нѣсколько примѣровъ: 23го сентября, въ восемь часовъ утра, отряду отданъ приказъ поскорѣе поѣсть каши и живо изготовится къ походу. Къ 10 часамъ отрядъ уже выступилъ. Двигались форсированнымъ маршемъ цѣлый день и послѣ короткаго ночлега, подъ дождемъ, среди поля, продолжали движеніе къ Энко.

„Около полуночи, находясь уже недалеку отъ цѣли, мы думали тотчасъ же завязать бой, какъ вдругъ багровое зарево пожара, озарившее впереди деревушку Усти-Калтимо, рушило наши надежды. Огненные языки охватили со всѣхъ сторонъ большой и высокій мостъ, перекинутый черезъ одинъ изъ протоковъ Пелиса. Пришлось поневолѣ остановиться.... Непріятель, доводя насъ до изнуренія отъ усилій и усталости, словно дразнилъ и издѣвался надъ нами, ускользая изъ-подъ рукъ и бросая намъ

на пути всяческія препятствія. Гдѣ бы скорѣй настичь его, да сойтись грудь съ грудью, а тутъ, среди ночи, въ ужасную непогодь, туши пожаръ, разметывай просмоленныя бревна и доски и тотчасъ же строй сызнова, возстановляй, не медля ни минуты, каждый аршинъ едва лишь потушенной настилки и связей, чтобы не дать врагу окончательно ускользнуть—впредь до другой благопріятной ему минуты. Эта работа отнимаетъ у насъ четыре часа времени, а непріятель тѣмъ часомъ переправляется впереди черезъ бѣшеный Пелисъ. Возстановивъ кое-какъ мостъ, мы чуть не бѣгомъ спѣшимъ въ Энно и.... не находимъ тамъ уже ни одного вооруженнаго человѣка. Гдѣ же противникъ?... А тамъ, говорятъ, на томъ берегу, ожидаетъ васъ хоть сію минуту, подъ прикрытіемъ своихъ батарей, уже заранѣе у него приготовленныхъ. Наши крайне утомлены, но отдыхать некогда: надо заготовлять матеріалъ, чтобы строить плоты; надо выбрать выгоднѣе позицію для своихъ двухъ орудій, установить ихъ, какъ слѣдуетъ, для наиболѣе успѣшнаго дѣйствія; надо разсыпать стрѣлковъ по удобнымъ мѣстамъ, чтобы прикрыть огнемъ ихъ свои работы и предстоящую переправу....

„Вотъ молніей вспыхнулъ и грохнулъ на томъ берегу выстрѣлъ.... другой, третій.... пули въ потьмахъ зажужжали мимо ушей—и пошла потѣха за брустверами!... Съ разсвѣтомъ весь потребный лѣсъ былъ уже перетащенъ къ берегу и рабочіе приступили къ связкѣ плотовъ, а непріятельская потѣха все еще продолжалась: пули безпрестанно летали надъ головами.... Цѣлый день мы строили плоты, которые къ вечеру были готовы и дали намъ возможность, переправившись, пуститься далѣе, по дорогѣ къ мѣстечку Пелисъ. Но едва сдѣлали мы какихъ-нибудь пять верстъ, какъ у деревни Гаполаксъ насъ ожидало повтореніе вчерашней исторіи: опять мостъ былъ уничтоженъ, опять надо чинить его—опять скучная работа на цѣлую ночь! Только утромъ 26го числа мы получили возможность двинуться впередъ; но и что это была за возможность! Мы шли съ остановками на каждомъ шагу: большія сосны и березы, поваленныя поперегъ дороги, и гранитныя глыбы — „отломки каменныхъ горъ“, по выраженію Гернгроса—навороченныя на нашъ путь рукою непріятеля, заставляли насъ каждый шагъ впередъ покупать цѣною самыхъ тяжкихъ усилій и трудовъ, причемъ нашимъ драгунамъ приходилось играть роль піонеровъ.“

Какова иногда бывала эта переправа на плотахъ черезъ горные ручьи и рѣчки—поясняетъ другой случай.

„Выступая (14го августа) изъ Каверо, отрядъ захватилъ съ собою оттуда три большихъ и пять малыхъ лодокъ, и эти суда съ невѣроятными усиліями, гдѣ на колесахъ, а гдѣ и на плечахъ, были перетащены въ виду

и пріятеля по узкой горной тропѣ, которая вдобавокъ чуть не на каждомъ шагу была искусственно испорчена и затрудняема всевозможными способами. Лодокъ однако было недостаточно для переправы цѣлаго отряда.... Въ сжиданіи новыхъ средствъ, наши солдаты растаскали по бревнамъ одно нежилое строеніе въ Тайполе и стали собственными подручными средствами мастерить себѣ изъ этого матеріала восемь большихъ плотовъ. Съ той стороны рѣки, какъ разъ противу нашего бивуака, и притомъ на самомъ берегу, выглядывали на насъ шведскія пушки изъ двухъ амбразуръ прочно построенной батареи; нѣсколько другихъ батарей фланкировали и защищали ее съ прилегающихъ высотъ, и между этими укрѣпленіями довольно часто показывались большія и густыя колонны непріятеля.... Самое трудное и опасное для насъ заключалось въ переправѣ.... Рѣка Целисъ-Альфъ наполнена камнями, которые то скрываются подъ водою, то высовываются изъ нея торчащими и острыми глыбами; вода съ шумомъ и необыкновенною быстротою стремится по наклону между этими камнями, крутясь и прыгая пѣнистыми волнами и образуя множество каскадовъ и водоворотовъ. По данному сигналу, наши плоты и лодченки, одновременно пущенные по теченію, стремительно несутся внизъ, ежеминутно сталкиваясь боками съ гранитными глыбами, колотясь дномъ о подводные камни и борясь съ захлестывающими волнами; но люди наши, обдаваемые холоднымъ дождемъ брызговъ и кипящею пѣной, подъ горячимъ и частымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля, съ акомпаниментомъ пушечнаго грома, не отвѣчая на выстрѣлы, ретиво дѣйствуютъ одними только баграми, да веслами, отпихиваясь, отталкиваясь отъ камней и, съ помощью подхватывающей волны, кое-какъ соскальзываютъ съ подводныхъ капкановъ, лавируютъ между каскадами и водоворотами и, наконецъ, на израненыхъ, полуразбитыхъ и заливаемыхъ водою лодкахъ пристаютъ къ тремъ пунктамъ противоположнаго берега, какъ разъ въ то самое время которое имъ было заранѣе предназначено для успѣшнаго выполненія задачи. Вся эта отважная, молодецкая и, надо сознаться, крайне рискованная переправа, съ силами сравнительно ничтожными, была выполнена, какъ выразился Гернгросъ въ своемъ донесеніи, „съ быстротою молніи“. У насъ были раненые, но утонули только двѣ лошади, закрученныя въ водоворотахъ, изъ которыхъ онѣ не могли выбиться. Еще одна минута—и на противномъ берегу уже сверкали склоненные русскіе штыки и раздавалось громкое *ура!*“

Но и среди почти нечеловѣческихъ трудовъ русскій солдатъ остался вѣренъ себѣ. Вотъ живое тому доказательство.

„Погода въ сентябрѣ стояла убійственная. Росистыя холодныя

ночи начались еще съ августа; но тогда хоть въ полдень изрѣдка показывалось солнце и просушивало наши сырые бивуаки. Съ сентября же термометръ упалъ весьма низко; зашумѣли студеные сѣверо-восточные вѣтры, отъ которыхъ стономъ стонали дремучіе финляндскіе лѣса; засѣлъ мелкій, скучный, нескончаемый дождь и въ нѣсколько сутокъ превратилъ всѣ тропинки и дороги въ подобіе непроходимыхъ топей.... По этимъ-то дорогамъ отрядъ дѣлалъ ежедневно усиленные пятидесятиверстные переходы безъ роздыховъ, находя всѣ мосты сломанными, всѣ средства къ переправѣ уничтоженными. Весь обозъ и часть патронныхъ ящиковъ отстали отъ корпуса на сорокъ верстъ и подвигались впередъ крайне медленно съ особымъ небольшимъ прикрытіемъ. Предвидя затрудненія на переправахъ, князь Долгорукій распорядился захватить съ собою изъ Іоензу нѣсколько канатовъ, брусьевъ, якорей и разнокалиберныхъ рыбачьихъ лодокъ, которыя были поставлены на колеса. Эти лодки, вмѣстѣ съ орудіями и зарядными ящиками, солдатамъ нашимъ приходилось большую часть пути перетаскивать на собственныхъ плечахъ. Каждый мостъ требовалъ болѣе или менѣе продолжительной починки для движенія обозовъ, а войска, не теряя времени, переходили, гдѣ была возможность, въ бродъ или вплавь, а не то при помощи жердей кое-какъ перебирались черезъ потоки съ камня на камень, съ осколка на осколокъ, между которыми съ шумомъ прыгали и катились кипучіе каскады. Грязь по колѣно въ низменныхъ, болотистыхъ долинахъ и скольскій мшистый гранитъ по нагроможденнымъ скаламъ, а по лѣсамъ пни, да корчи, да нарочно повзленныя деревья черезъ дорогу — вотъ каковъ былъ этотъ путь отъ Іоензу до Тайволы, путь пятидесятиверстныхъ переходовъ безъ роздыха!... И что же? русская пѣсня бойко и весело раздавалась по финскимъ лѣсамъ и ущельямъ.... Люди были изнурены, но пѣли, перестрѣливаясь мимоходомъ съ отступавшими отрядами противника — пѣли и оживляли себя бойкою шуткой среди всѣхъ трудовъ и усилій, перетаскивая на себѣ пушки и скользя надъ краями глубокихъ обрывовъ. Къ удивленію, не было ни больныхъ, ни отсталыхъ. Долгоруковъ свидѣтельствуетъ что хотя люди и приходили въ изнуреніе, „но отмѣнное желаніе вступить въ сильный бой съ непріятелемъ заставляло ихъ всѣ труды переносить съ веселіемъ“. Военный министръ потомъ благодарилъ князя особымъ письмомъ и особымъ приказомъ всѣхъ шефовъ и командировъ полковъ, „за соблюденіе точнаго военнаго порядка во время этого движенія“, причемъ было поставлено на видъ именно неимѣніе больныхъ и отсталыхъ.“

А между тѣмъ уже и съ октября настали морозы, а въ ноябрѣ

жестокая зима была во всей своей силѣ. Сѣверный вѣтеръ жегъ, какъ пламя. Рѣдко у кого щеки не были покрыты струпьями, которые являлись слѣдами отмораживанья, и нельзя было уберечься, потому что каждое дуновеніе обжигало кожу на лицѣ. На бивуакахъ люди, бывало, закроются кучами снѣга, въ родѣ вала, подложатъ подъ ноги пуки сосновыхъ сучьевъ, разведутъ большой огонь и спятъ себѣ — насколько возможно — „покойно“; даже переодѣвались, перемѣняли бѣлье, дѣлали свой туалетъ и брились все тутъ же, при жестокомъ морозѣ. Дежурные должны были обходить бивуакъ и будить офицеровъ и солдатъ, чуть лишь замѣтятъ признаки отмораживанья. Тогда они вскакивали и поспѣшно натирали лицо снѣгомъ. Кто могъ достать оленью шкуру, тотъ обвязывалъ ею ноги. Иные дѣлали родъ маски изъ той же шкуры, чтобы закрывать ознобленное лицо, вымазавъ его сперва жиромъ. Но хуже всего было въ тѣ ночи, когда приходилось стоять на аванпостахъ, въ жестокую стужу, да еще на открытомъ мѣстѣ. Огня ужь тутъ развести было невозможно, и людямъ приходилось, закрывшись отъ сѣвернаго вѣтра срубленными вѣтками елокъ, въ видѣ вѣера, плясать, то-есть перепрыгивать всю ночь съ ноги на ногу, размахивая руками.“

II. ПОЖАРЪ ЭСКУРІАЛА. 1го октября новаго стиля пожаръ грозилъ истребить одинъ изъ знаменитѣйшихъ европейскихъ памятниковъ—величественный дворецъ и монастырь Эскуріала, построенный Филиппомъ II, въ разстояніи около 30 миль къ сѣверо-западу отъ Мадрида. По обширности зданіе это, какъ говорятъ, величайшее во всемъ свѣтѣ, и хотя оно не особенно изящно по архитектурѣ, но для Испанцевъ оно было предметомъ гордости и называлось ими восьмымъ чудомъ свѣта. И дѣйствительно, оно вмѣщаетъ въ себѣ всѣ характеристическія черты испанской цивилизаціи, будучи въ одно и то же время монастыремъ и дворцомъ, коллегіей и музеемъ, библіотекой и церковью, подъ которой находится склепъ для погребенія испанскихъ королей. Для Испанцевъ онъ былъ историческимъ памятникомъ славы, величія и побѣдъ Испаніи, а для остальнаго цивилизованнаго міра онъ имѣлъ цѣну по многимъ собраннымъ въ немъ драгоцѣннымъ предметамъ искусствъ и по своей рѣдкой библіотекѣ. По счастію пожаръ былъ вскорѣ же ограниченъ небольшою частію этого обширнаго зданія, и библіотека, коей онъ угрожалъ немедленною опасностію, была вся спасена.

Эскуріалъ построенъ Филиппомъ II во исполненіе обѣта даннаго имъ во время битвы при Сенъ-Кантенѣ, воздвигнуть великолѣпнѣйшій монастырь въ честь Св. Лоренца, чье имя праздновалось въ этотъ день, если войска его одержатъ побѣду. Союзныя испанскія и англій-

скія войска одержали побѣду надъ Французами, и шесть лѣтъ спустя по возвращеніи въ Испанію, Филиппъ заложилъ зданіе, постройка коего окончена была 21 годъ спустя. По мысли самого Филиппа II, зданіе построено въ формѣ четыреугольной рѣшетки, на которой, по преданію, былъ замученъ Св. Лоренцо, и представляетъ параллелограммъ имѣющій 744 фута въ длину и 580 футовъ въ ширину. Въ срединѣ оно раздѣлено на множество продолговатыхъ дворовъ, представляющихъ отверстія между полосами рѣшетки, а на четырехъ углахъ возвышаются башни, изображающія какъ бы ножки опрокинутой рѣшетки. Всѣ зданія, соединенныя въ одно цѣлое, построены изъ сѣраго гранитнаго камня и имѣютъ около 60 футовъ въ вышину, башни же вышиною въ 200 футовъ. Рукоятку рѣшетки образуетъ королевскій дворецъ, зданіе около 460 футовъ въ длину, выдающееся изъ средины одной изъ сторонъ параллелограмма. Центральное строеніе, вокругъ коего расположена вся эта обширная совокупность зданій, есть великолѣпный храмъ построенный по образцу храма Св. Петра въ Римѣ. Онъ стоитъ въ центрѣ параллелограмма и имѣетъ форму греческаго креста, съ великолѣпнымъ куполомъ въ срединѣ, вышиною въ 330 футовъ, и высокими башнями на концахъ. Храмъ этотъ имѣетъ 374 фута въ длину и 230 въ ширину и раздѣленъ на семь притворовъ, умощенныхъ чернымъ мраморомъ, а стѣны повсюду покрыты порфиромъ, яшмой и безконечно разнообразными мраморами, а также статуями испанскихъ королей. Въ церкви находится 40 капеллъ, въ каждой изъ коихъ есть алтарь; потолокъ ея покрытъ фресками Джордано, изображающими живописную исторію христіанства. Всѣ путешественники бывавшіе въ Испаніи отзываются что церковь эта есть торжество архитектуры, поражающее зрителя своею величественною простотой. Королевскій склепъ помѣщается подъ главнымъ алтаремъ. Лѣстница изъ полированнаго мрамора ведетъ между стѣнъ изъ желтой яшмы въ восьмиугольную комнату, имѣющую 36 футовъ ширины и 38 футовъ въ вышину. На восьми стѣнахъ изъ чернаго мрамора находятся 26 нишей, въ каждой изъ коихъ помѣщается черный мраморный саркофагъ. Шестнадцать изъ нихъ уже наполнены, а остальные остаются еще пустыми. Здѣсь погребаются только монархи Испаніи, сами они по правую сторону алтаря, а супруги ихъ по лѣвую. Другія же лица королевскаго дома погребаются въ часовнѣ называемой „пантеономъ инфантовъ“. Библіотека помѣщалась надъ лицевою стороной залы называемой *Patio de los Reyes*. Это большая комната со сводами, имѣющая 194 фута въ длину, 32 въ ширину и 36 въ вышину. Въ ней было первоначально, какъ говорятъ, до 30.000 печатныхъ экземпляровъ и около 5.000

манускриптовъ; во время французскаго вторженія библіотека для безопасности была перемѣщена въ Мадридъ, но по возвращеніи оной въ Эскуріалъ, когда опасность войны миновала, оказалось что около третьей части книгъ были безвозвратно утеряны. Библіотека эта, по числу книгъ, далеко уступаетъ многимъ другимъ знаменитымъ европейскимъ библіотекамъ, но она замѣчательна по многимъ рѣдкимъ и малоизвѣстнымъ сочиненіямъ. Въ числѣ рѣдкостей этой коллекціи считаются экземпляръ Апокалипсиса, принадлежавшій императору Конраду въ 1039 году; весьма древній экземпляръ Корана и большое число греческихъ, еврейскихъ и арабскихъ манускриптовъ. Коллекція арабскихъ манускриптовъ была захвачена вмѣстѣ съ однимъ мавританскимъ судномъ капитаномъ Педро де-Лара, въ царствованіе Филиппа III. Они принадлежали къ библіотекѣ мавританскаго короля Зидара, который предлагалъ 60.000 дукатовъ за выкупъ ихъ, но Филиппъ III отказался отъ выкупа. Къ рѣдкостямъ также принадлежитъ знаменитая золотая рукопись, *Codice Aureo*, состоящая изъ 168 пергаментныхъ листовъ, на коихъ золотыми буквами начертаны четыре Евангелія, предисловіе и письма Св. Іеронима и каноны Евсевія. Экземпляръ замѣчателенъ тѣмъ что буквы въ немъ *не написаны*, а вырѣзаны изъ тонкихъ пластинокъ настоящаго золота и приклеены особаго рода клеемъ такъ крѣпко что ни одна изъ нихъ не отпала по прошествіи осьми столѣтій. Вѣсъ золота въ этихъ буквахъ считается въ 17 фунтовъ.

Этой-то библіотекѣ, заключающей въ себѣ малоизвѣстныя еще произведенія испанской литературы въ лучшій періодъ ея исторіи, грозила серіозная опасность. Загорѣлась отъ молніи одна изъ башенъ и сгорѣла довольно большая часть зданія, обнимающая всѣ верхніе этажи коллегіи или семинаріи. Пожаръ, раздуваемый сильнымъ вѣтромъ, продолжался 36 часовъ и быстро направлялся къ библіотекѣ, но благодаря энергическимъ усиліямъ жителей селенія Эскуріала и подоспѣвшей помощи изъ Мадрида, былъ потушенъ, не успѣвъ причинить ни малѣйшаго вреда великолѣпному потолку библіотеки, покрытому лучшими фресками во всемъ зданіи. Но еще прежде окончанія пожара изъ библіотеки были вынесены всѣ книги и манускрипты, изъ коихъ ни одинъ экземпляръ не утраченъ. О ревностномъ участіи жителей въ спасеніи библіотеки можно судить изъ того что въ ночь пожара въ залѣ ея помѣщалось 14.661 экземпляръ книгъ и рукописей, и все это было вынесено и сложено въ нижніе этажи. Женщины съ такимъ же усердіемъ помогали спасенію драгоцѣнностей какъ и мущины. Даже по прибытіи изъ Мадрида войскъ и инженеровъ жители Эскуріала продолжали соперничать съ ними въ тушеніи пожара. Весь убытокъ

отъ пожара оцѣнивается въ 4 милліона реаловъ, то-есть въ милліонъ франковъ, и король Амедей объявилъ что онъ принимаетъ исправленіе сгорѣвшей части зданія на счетъ своихъ собственныхъ частныхъ средствъ. Кромѣ рѣдкой библіотеки, въ Эскуріалѣ находится и много драгоцѣнныхъ предметовъ искусствъ, хотя многіе изъ нихъ были безвозвратно утрачены во время разграбленія его Французами въ 1808 году. Но и до послѣдняго времени онъ былъ весьма богатъ произведеніями кисти древнихъ мастеровъ. Въ немъ были, напримѣръ, три картины Рафаэля, въ томъ числѣ знаменитая *Madona de la Pesca*; двѣ картины Леонардо да-Винчи; шесть картинъ Тиціана, одна изъ коихъ, *Тайная вечеря*, украшала столовую. Произведеніями же Тинторетто, Гвида, Павла Веронезе и другихъ, Эскуріалъ былъ преисполненъ. Въ самой библіотекѣ находилось нѣсколько книгъ оригинальныхъ эскизовъ Рафаэля, Микель-Анджело, Тиціана, Альбрехта Дюрера, Брейгеля и другихъ великихъ мастеровъ. Эскуріалъ уже не разъ прежде подвергался пожарамъ, и пожаръ настоящаго года седьмой по счету со времени окончанія зданія въ 1584 году. Приводимъ кстати перечень прежнихъ пожаровъ.

1. 21го іюля 1587 года молнія зажгла башню называемую *La Botica*, и пожаръ распространился до ризницы.

2. 3го сентября 1590 года молнія ударила въ башню называемую *Las Campanas*, и проникнувъ въ хоры, убила монаховъ, находившихся на молитвѣ. Пожаръ, впрочемъ, былъ вскорѣ потушенъ, не причинивъ большаго вреда.

3. 7го іюля 1671 года. Это былъ самый сильный пожаръ выдержанный зданіемъ. Причина его осталась неизвѣстною. Около 50 тоннъ расплавленнаго свинца и другихъ металловъ было собрано въ развалинахъ. Потребовалось восемь лѣтъ для перестройки разрушенной части зданія.

4. 1го сентября 1744 года. Молніей была зажжена *La Campana*, и сгорѣли четыре стороны *Patio*, включая госпиталь, богадѣльню, лекарню и кладовую, съ большимъ запасомъ пшеницы, муки, ячменю, гороху и бобовъ.

5. 8го октября 1767 года. Отъ безпечности женщины въ дворцовой кухнѣ приключился пожаръ, послѣ коего перестройка погорѣвшихъ частей стоила болѣе 100.000 франковъ.

6. Въ 1826 году отъ неизвѣстной причины случился пожаръ, продолжавшійся 18 часовъ, уничтожившій *Torre de las Damas* и угрожавшій большою опасностью церкви.

7. Наконецъ пожаръ 1го октября настоящаго года, случившійся отъ молніи.

Замѣчательно что хотя бо́льшая часть этихъ пожаровъ произошли отъ молніи, но до сихъ поръ никто не подумалъ защитить этотъ національный памятникъ громоотводами отъ повторенія подобной опасности. Монастырь помѣщающійся въ Эскуріалѣ уже не имѣетъ прежнихъ богатствъ, ибо его ежегодный доходъ въ 200.000 франковъ былъ конфискованъ вмѣстѣ съ другими монастырскими доходами.

III. ПРАЗДНИКЪ ВЪ ІЕДДО. Подъ этимъ заглавіемъ помѣщено въ *Temps* слѣдующее любопытное письмо изъ Іеддо:

„Вамъ уже извѣстно что открылась желѣзная дорога изъ Йокагамы въ Синагаву, предмѣстье Іеддо.... Поѣздъ несется мимо нѣсколькихъ *miacs* (храмовъ), скрытыхъ въ маленькой священной рощѣ. Японское божество какъ бы удаляется въ глубину своего святилища при видѣ варварскаго чудовища, и бонзы, стоя на порогѣ своихъ очаровательныхъ жилищъ, съ чувствомъ глубокаго презрѣнія, смѣшаннаго съ ненавистью, глядятъ какъ летитъ на всѣхъ парахъ геній Запада, ихъ низвергнувшій. На этотъ разъ поѣздъ везъ посѣтителей на праздникъ бывшій близъ Іеддо въ Гіуоко-Баши. Я тотчасъ велѣлъ нанять себѣ жонку, куда помѣщены были столъ, стулья, цыновки, всѣ принадлежности обѣда, и пригласилъ нѣсколькихъ пріятелей (всѣхъ вмѣстѣ было 13 человѣкъ); въ пять часовъ мы снялись съ якоря. Защищенные отъ жгучаго солнца шатромъ, который мои koskaicы (служители) искусно раскинули надъ нами, мы помѣстились на обширной палубѣ, и поѣхали по большому каналу Іеддо, между тѣмъ какъ за нами слѣдовали жонки съ группами молодыхъ дѣвушекъ. Бо́льшая часть этихъ жонокъ, изобрѣтенныхъ для такого рода удовольствій, снабжена каютами, придающими имъ видъ венеціанскихъ гондолъ, но къ счастью для любознательнаго путешественника, глазъ можетъ проникнуть и внутрь и видѣть разнообразныя семейныя картины. Лодочники, вооруженные длиннымъ шестомъ, въ глубокомъ молчаніи толкаютъ впередъ вашу лодку, и только ночью, въ видахъ предупрежденія, кричатъ хриплымъ голосомъ. Мы проѣхали Нигенъ-Баши, Іеддо-Баши, и приблизились къ обширному торговому кварталу. Праздникъ уже начался, судя по всѣмъ окружавшимъ насъ лицамъ, которыя сіяли удовольствіемъ. Куда ни взглянешь, вездѣ искренняя радость, невозмутимое веселье: такъ-то забавляется эта еще столь юная нація! Наконецъ мы въѣхали въ Йокагаву, большую рѣку, и по-

плыли вверхъ на парусахъ. По обѣимъ берегамъ ея тѣснился народъ въ блестящихъ одеждахъ, дѣти въ пунцовыхъ платьяхъ съ чѣмъ-то въ родѣ митры изъ вороньихъ перьевъ на головахъ. Мосты покрыты были толпами людей, а каналы идущіе справа отъ насъ изъ Гондго наполнены лодками. Въ особенности живописно, одни за другими, рисовались вдали мосты, усыпанные гуляющими. Между тѣмъ мы тихонько двинулись впередъ, и картина вокругъ насъ перемѣнилась. Со всѣхъ сторонъ плыли лодки похожія на нашу, но болѣе низкія, иныя открытыя, другія закрытыя цыновками и драпировкой. Всѣ сидѣвшіе на нихъ люди имѣли такой довольный, привѣтливый видъ, что невольно хотѣлось пожелать имъ добраго вечера. Въ одной жонкѣ помѣщалась купеческая семья, старики, дѣти, словомъ, всѣ были въ сборѣ. Они были просто одѣты, такъ какъ пріѣхали для того чтобы видѣть, а не для того чтобъ ихъ видѣли. Въ другой жонкѣ сидѣли князья съ своими безупречно нарумяненными и великолѣпно одѣтыми женами. На передней части одной жонки устроены были подмостки, на которыхъ танцовщицы исполняли танецъ въ родѣ качучи, необыкновенно граціозный. Костюмъ ихъ вполнѣ соотвѣтствовалъ ихъ стройнымъ движеніямъ. Какъ и въ Венеціи, ступени сада покрыты водой. Тамъ можно встрѣтить высшую аристократію, министровъ, князей и т. д. Вдоль берега устроены были эстрады, завѣшанныя драпировкой, террасы чайнаго дома тоже предлагали готовые пріюты. Чайный домъ этотъ особенно привлекъ наше вниманіе, и мы забавлялись, глядя какъ куріозно раскланиваются Японцы съ своими знакомыми. Болѣе важныя лица наклоняются такъ чтобы воображаемые снурки (ихъ нѣкогда носили на головѣ, различной длины, смотря по достоинству носившаго) касались земли. Люди низшаго званія садятся на корточки и упираются лбомъ въ землю, въ такой позѣ разговариваютъ со мной мои коскаисы и разнощики. Мы бросили якорь предъ чайнымъ домомъ. За невозможностью достать тамъ японскаго супу, мы довольствовались взятой съ собой провизіей, въ особенности когда увидѣли что Японцы ѣдятъ шарики изъ варенаго рису, обернутые рыбьею чешуей или бамбуковымъ корнемъ, и съ приправой разныхъ пряностей. Наши хозяева и лодочники готовили себѣ кушанье на задней части лодки, а мы пили за здоровье проѣзжавшихъ мимо насъ, на что намъ отвѣчали взрывомъ смѣха и благодарности. Между тѣмъ стало смеркаться. Нѣсколько свѣжій вѣтеръ, сопровождавшій закатъ солнца, смѣнился теплою, чудною ночью.

„Мы сняли палатку, и глазамъ нашимъ представилось волшебное

зрѣлище. Каждая изъ этихъ пятнадцати тысячъ лодокъ зажгла фонарь изъ цвѣтной бумаги, такъ что фонари эти, самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ, размѣровъ и формъ, образовали различные узоры, кресты, треугольники, причемъ они слегка колебались надъ водой, словно міріады свѣтящихся насѣкомыхъ. Такой праздникъ смѣло можетъ выдержать сравненіе съ подобнымъ праздникомъ въ Венеціи или на Невѣ. Послѣдовавшій за тѣмъ фейерверкъ не представлялъ ничего необычайнаго, но необычайны были видъ всего этого и восторгъ всѣхъ присутствовавшихъ, крики, безпрестанно раздававшіеся, и музыка не переставшая гремѣть отовсюду, а еще того замѣчательнѣе порядокъ, несмотря на такое громадное стеченіе лодокъ, и необыкновенная вѣжливость Японцевъ, отъ которыхъ никогда не услышишь грубаго слова. Наконецъ мы снова возвратились ко входу въ большой каналъ, и насъ окружила тьма, изрѣдка прорѣзываемая мелькавшими фонарями лодокъ, которыя насъ опередили. Описаніе этого праздника достаточно свидѣтельствуетъ о томъ какъ охотно пользуются Японцы всякимъ случаемъ чтобы повеселиться."

IV. АРХЕОЛОГІЯ И ФОТОГРАФІЯ. Нынѣшнимъ лѣтомъ въ Англіи сдѣланъ замѣчательный опытъ, заслуживающій подражанія въ другихъ странахъ. Мы хотимъ сказать объ изданной г. Гаррисономъ превосходной коллекціи фотографій съ замѣчательнѣйшихъ предметовъ собранныхъ въ Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Этотъ музей сокровищъ искусствъ и древности признается всѣми за лучшій и полнѣйшій во всемъ мірѣ. Въ немъ памятники труда рукъ человѣческихъ могутъ быть изучаемы въ хронологическомъ порядкѣ, начиная отъ отдаленныхъ вѣковъ, когда первобытные люди обитали въ пещерахъ и чертили на обломкахъ костей грубыя изображенія жившихъ еще тогда на землѣ мамонтовъ, до того вѣка который хотя и почитается нами за древній, но есть, собственно говоря, новѣйшій періодъ всемірной исторіи, когда величайшіе изъ скульпторовъ изощряли свой талантъ на обработкѣ греческаго мрамора. Нужно ли говорить что подобныя коллекціи имѣютъ цѣну не для однихъ записныхъ археологовъ или артистовъ. Не меньшее значеніе имѣютъ онѣ, если не большее для историка, этнолога, антрополога. Историческія изслѣдованія прежнихъ вѣковъ получили новый толчокъ и озарились новымъ свѣтомъ съ открытіями египетскихъ, ассирійскихъ и вавилонскихъ древностей, и безъ тѣсной связи филологіи съ археологіей прошедшее рода человѣческаго представлялось бы въ весьма неясномъ видѣ нашему воображенію. Для частныхъ лицъ собирать кол-

лекціи предметовъ необходимыхъ для ихъ изученія — работа почти непреодолимая. Сознаніе безсилія такихъ разрозненныхъ усилій и создало національныя коллекціи, гдѣ всякій желающій можетъ изучать нужные для него подлинные образцы древностей. Но не говоря уже о томъ какъ трудно бываетъ въ короткое время ориентироваться въ лабиринтѣ этихъ богатыхъ сокровищницъ, ознакомиться съ ними въ должномъ порядкѣ, много требуется времени для посѣщенія ихъ, и не всѣ имѣютъ средства для заграничныхъ путешествій съ этою благородною цѣлью. Вотъ это-то неудобство и задумалъ устранить г. Чарлзъ Гаррисонъ, страстный и свѣдущій археологъ, который, принявъ на свой счетъ всѣ расходы, успѣлъ убѣдить попечителей Британскаго музея дозволить ему снять фотографіи со всего что̀ есть наиболѣе рѣдкаго и замѣчательнаго въ музеѣ, и такимъ образомъ издалъ роскошную коллекцію изъ 929 превосходныхъ фотографій, раздѣленную на семь серій и доступную для всѣхъ, потому что тотъ кто не въ состояніи или не желаетъ пріобрѣсти полную серію, можетъ покупать и любую отдѣльную фотографію за умѣренную цѣну двухъ шиллинговъ. Эта выгода усиливается еще тѣмъ что къ изданію приложенъ каталогъ указывающій отдѣленія въ какихъ могутъ быть найдены требуемые экземпляры. Предметы съ коихъ сняты фотографіи были выбраны при содѣйствіи хранителей различныхъ отдѣловъ музея, которые также участвовали и въ составленіи каталоговъ. Предисловіе самого г. Гаррисона и объясненія фотографій каждаго отдѣла, составленныя хранителями оныхъ, сами по себѣ служатъ важнымъ пособіемъ при изученіи. Образовательное значеніе этихъ фотографій г. Гаррисонъ справедливо объясняетъ въ своемъ предисловіи, говоря объ египетской исторіи: „Пусть учитель какой-либо школы или коллегіи попробуетъ разказать ученику хронологію египетскихъ династій, и предметъ покажется вялымъ, скучнымъ и неинтереснымъ; пусть онъ прибѣгнетъ къ помощи превосходныхъ словарей изданныхъ докторомъ Смитомъ, и интересъ значительно усилится; но поясните уроки памятниками хранящимися въ европейскихъ музеяхъ, и предметъ пріобрѣтетъ глубочайшій интересъ. Пусть памятники заключающіеся въ каждомъ европейскомъ музеѣ будутъ старательно изучены и сравнены, и въ результатѣ значительно улучшится наше знаніе исторіи человѣка, въ его прогрессивномъ движеніи отъ жизни дикаря къ состоянію цивилизаціи.“ Самыя фотографіи исполнены съ большою отчетливостью и артистическимъ пониманіемъ дѣла г. Томсономъ, и по своей величинѣ, отъ 10 до 12 дюймовъ въ длину и отъ 8 до 10 дюймовъ въ ширину, вполнѣ могутъ дать достаточное понятіе

объ изображаемыхъ предметахъ. Вся коллекція, какъ сказано выше, раздѣлена на слѣдующіе семь отдѣловъ, въ хронологическомъ порядкѣ: 1) доисторическій и этнографическій; 2) египетскій; 3) ассирійскій; 4) греческій; 5) этрусскій и римскій; 6) британскій и средневѣковой; 7) отдѣлъ печатей государей, корпорацій и пр., составляющій подотдѣленіе средневѣковаго отдѣла. Первые три отдѣла, по рѣдкости и сравнительной малоизвѣстности, по замѣчанію газеты *Times*, едва ли не самые интересные. Въ первомъ отдѣлѣ, напримѣръ, весьма интересно сравнить этнографическіе образцы привезенные капитаномъ Кукомъ и его преемниками изслѣдовавшими острова Тихаго Океана съ сохранившимися древностями Мексики, Перу и Центральной Америки. Памятники древней цивилизаціи Египта, бывшей въ полномъ развитіи уже за 20 столѣтій до Р. Х., особенно замѣчательны въ томъ отношеніи что, благодаря особенно счастливому климату, въ коемъ неизвѣстно разрушительное вліяніе дождя, въ числѣ египетскихъ древностей сохранилось много предметовъ легко подвергающихся порчѣ и гибели. Египетская мебель, ткани и папирусы сохранились почти невредимыми, между тѣмъ какъ гораздо позднѣйшіе папирусы Геркуланума и Помпеи найдены совершенно почернѣвшими какъ обгорѣлая бумага. По прошествіи четырехъ тысячъ лѣтъ египетскіе феллахи откапываютъ изъ гробницъ образцы египетскаго искусства въ столь же свѣжемъ, неизмѣненномъ видѣ какъ будто бы они сейчасъ только вышли изъ рукъ артиста. Эти поучительные предметы представляютъ весьма важное пособіе для пониманія египетской исторіи, и фотографическая коллекція представляетъ лучшіе заключающіеся въ Британскомъ музеѣ образцы скульптуры, живописи, оружія, мебели, рукописей и другихъ предметовъ. Въ числѣ ихъ можно упомянуть о любопытныхъ портретныхъ изваяніяхъ царей Тотмеса III, Аменофиса III и Рамезеса II, съ его семитическими чертами лица. Не менѣе важны и интересны произведенія гончарнаго искусства, не говоря уже объ изящныхъ алебастровыхъ вазахъ, которыя вывозились въ Ассирію, Персію и Грецію, для украшенія дворцовъ Сарданапала, Ксеркса и Мавзола. Упомянемъ далѣе объ образцахъ особеннаго египетскаго фаянса или фарфора, который отличается блескомъ своихъ красокъ и въ свое время такъ же былъ распространенъ, какъ артистическая роскошь, на всѣхъ рынкахъ Средиземнаго моря, какъ въ позднѣйшее время былъ распространенъ въ Европѣ китайскій фарфоръ. Не менѣе замѣчательно тонкое матовое разноцвѣтное стекло, на коемъ написаны годъ царствованія и имя царя Тотмеса III, жившаго задолго до основанія Финикіянами ихъ городовъ, и которое слѣдовательно опровергаетъ преданіе объ

изобрѣтеніи стекла Финикіянами. Ассирійскія и вавилонскія древности, коллекція коихъ въ Британскомъ музеѣ есть единственная въ мірѣ и которыя впервые извлечены были стараніями сэръ-Генри Роулинсона и Леярда, представляютъ не менѣе интересный отдѣлъ. Здѣсь находятся халдейскіе архивы, прочнѣйшіе папирусовъ, ибо они вылѣплены изъ глины, а также рельефы и украшенія ассирійскихъ и вавилонскихъ дворцовъ. Здѣсь можно видѣть старшаго Сарданалала и его побѣды; Салманазара, принимающаго дипломатическій корпусъ и приношенія подарковъ и дани; войны Саргона; тріумфы Сеннахериба, и львиное сердце Ассурбанипала,—послѣднее изображеніе неподражаемое по удивительной вѣрности исполненія и рисунка. Ни греческія, ни египетскія изображенія львовъ не могутъ сравняться со ассирійскимъ. Не менѣе живописны сцены изображающія Сеннахериба строящаго свой дворецъ, или принимающаго побѣжденныхъ Іудеевъ, или преслѣдующаго враговъ. Изображенія лошадей не уступаютъ изображенію льва и вполнѣ вѣрны природѣ. О греческихъ галлереяхъ Британскаго музея достаточно сказать что съ ними не можетъ сравниться ни одинъ европейскій музей, ни по обширности, ни по красотѣ экземпляровъ, и потому этотъ отдѣлъ фотографической коллекціи будетъ имѣть большую цѣну для изучающихъ классическія древности. Римскій отдѣлъ далеко не такъ многочисленъ и важенъ какъ коллекціи Ватикана и Лувра, но и въ немъ встрѣчаются хорошіе экземпляры римской скульптуры, болѣе замѣчательныя по своему достоинству чѣмъ по многочисленности. Коллекція британскаго и средневѣковаго отдѣла болѣе поучительна чѣмъ интересна въ артистическомъ отношеніи. Коллекція печатей также представляетъ интересъ для историка. Г. Гаррисонъ выражаетъ надежду что изданная имъ коллекція 929 образцовъ лучшихъ и замѣчательнѣйшихъ экземпляровъ хранящихся въ Британскомъ музеѣ можетъ быть только началомъ ряда другихъ подобныхъ же коллекцій, которыя такимъ же образомъ дадутъ возможность всѣмъ желающимъ ознакомиться съ сокровищами музеевъ Парижа, Берлина, Вѣны, Мюнхена, Дрездена, однимъ словомъ, всѣхъ городовъ гдѣ только существуютъ какія-либо коллекціи.

V. ТРАНСВААЛЬСКАЯ РЕСПУБЛИКА. Подъ этимъ названіемъ въ Южной Африкѣ возникла новая республика, основанная голландскими колонистами, боэрами (boers), занимавшими сначала Капскую Землю, нынѣ составляющую колонію Англичанъ. Приводимъ нѣсколько свѣдѣній объ этой республикѣ изъ *Revue maritime et coloniale*:

Боэры, не желая подчиняться владычеству Англичанъ, нагрузили

свое имущество на повозки и, собравъ свои семьи, двинулись въ путь со всѣмъ багажомъ и стадами, затѣмъ чтобъ основать новую колонію. Правительство выслало войско для покоренія ихъ, но они упорно сопротивлялись, защищаясь то отъ войскъ, то отъ нападавшихъ на нихъ дикарей. Наконецъ въ 1842 году они поселились въ Наталѣ, откуда, три года спустя, послали въ Капъ извѣщеніе о томъ что они образовали республику подъ покровительствомъ Голландіи. Въ 1855 году главный начальникъ колоніи отправилъ къ губернатору Ингамбане (въ Мозамбикѣ) письмо съ предложеніемъ прислать къ нему бѣлаго человѣка для переговоровъ объ установленіи торговыхъ сношеній между обѣими странами. Губернаторъ охотно принялъ это предложеніе и назначилъ въ республику представителя Португаліи. Изъ рапорта португальскаго вице-консула видно что населеніе республики въ 1861 году простиралось до 2.500 семействъ.

Жители республики исповѣдуютъ протестантскую вѣру. У нихъ всего три европейскіе пастора, пребывающіе въ Преторіи, въ Муарифирѣ и въ Лиденбургѣ, но въ двухъ другихъ округахъ находятся храмы, куда въ извѣстное время пасторы ѣздятъ крестить, произносить проповѣди и отправлять религіозныя церемоніи. Остаются они тамъ два воскресенья. Остальное время каждый глава семейства по воскресеньямъ читаетъ вслухъ Библію. Воскресный отдыхъ всѣми соблюдается строжайшимъ образомъ. При каждой церкви находятся служители, обязанные получать подаянія на покупку вещей для церковной службы и на поправку храма. Всѣ жители умѣютъ читать настолько что разбираютъ Библію, но пишутъ обыкновенно очень дурно. Женщины большею частію образованнѣе мущинъ и сами учатъ своихъ дѣтей читать и писать, если у нихъ нѣтъ учителя. Каждый юноша имѣющій повозку, стадо воловъ (обыкновенно 8—10 штукъ) и ружье для охоты за слонами, имѣетъ право вступить въ бракъ; онъ немедленно выбираетъ себѣ молодую дѣвушку, и бракъ заключается. Жители больше занимаются ремеслами, чѣмъ земледѣліемъ, такъ какъ они едва обрабатываютъ земли настолько, насколько нужно для содержанія семьи, и часто случается что въ половинѣ года они принуждены покупать себѣ пшеницу или маисъ, за недостаткомъ своего собственнаго хлѣба. За то между ними встрѣчаются превосходные слесаря, плотники, кузнецы, каменьщики, кирпичники. Что касается до башмачнаго ремесла, то рѣдкій африканскій Голландецъ не сумѣетъ сшить себѣ обуви. Между ними есть тоже хорошіе оружейные мастера. Земледѣліе ограничивается здѣсь посѣвомъ пшеницы и маиса. Плоды и овощи растутъ въ изобиліи, какъ напримѣръ, виноградъ, персики,

фиги, апельсины, арбузы, картофель, турецкіе бобы, индійскій перецъ и лукъ. Лошади продаются по весьма дорогой цѣнѣ, такъ какъ онѣ необходимо должны пройти чрезъ извѣстную болѣзнь, которая убиваетъ бо́льшую часть изъ нихъ, и потому лошадь перенесшая эту болѣзнь сто́итъ вдвое противъ той у которой ея не было. Цѣны колеблются между 30—80 фунт. стерл., а между тѣмъ рѣдкій житель не имѣетъ лошади, но животныя эти здѣсь не отличной породы. Конституція 13го февраля 1850, подписанная президентомъ Преторіусомъ, главнокомандующимъ Гоэменомъ и двѣнадцатью членами, выбранными отъ національнаго совѣта, заключаетъ въ себѣ 222 статьи. Конституція эта гласитъ: Нація не желаетъ расширенія территоріи, развѣ въ томъ только случаѣ, еслибы того потребовали интересы республики, и тогда это совершилось бы на основаніяхъ самой строгой справедливости. Доступъ на территорію республики открытъ всякому кто согласенъ подчиниться ея законамъ, и всѣ граждане равно пользуются покровительствомъ своего государства. Невольничество и торгъ невольниками воспрещаются. Законодательная власть ввѣрена національному совѣту, высшей власти въ государствѣ, въ составъ коего входятъ представители народа, избранные гражданами, имѣющими право вотировать Исполнительный совѣтъ состоитъ изъ президента и четырехъ членовъ. Этотъ совѣтъ и представляетъ на разсмотрѣніе національнаго совѣта списокъ всѣхъ служащихъ. Національный совѣтъ состоитъ по крайней мѣрѣ изъ двѣнадцати членовъ, не моложе 30 лѣтъ и не старше 60. Каждый изъ нихъ обязанъ, до того времени, пробыть три года избирателемъ, членомъ голландской общины, жить въ республикѣ и имѣть недвижимое состояніе. Члены выбираются на два года. Собраніе возобновляетъ каждый годъ одну половину своего состава. Президентъ исполнительнаго совѣта выбирается на пять лѣтъ. Согласно 73 статьѣ конституціи республики, президентъ національнаго совѣта долженъ представлять собранію бюджетъ доходовъ и расходовъ республики, съ указаніемъ средствъ для покрытія дефицита или же съ планомъ наиболѣе полезнаго употребленія тѣхъ излишковъ какіе остались отъ дохода. 10го сентября 1860 года президентъ Ж. Гроблеръ представилъ слѣдующій неутѣшительный бюджетъ: Общая сумма расходовъ 88.336, сумма дохода 76.568, дефицитъ 11.768 риксдалеровъ. *

* Риксдалеръ равняется 5 франкамъ 70 сантимамъ

ПОПРАВКА. Въ августовской книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, текущаго года, въ статьѣ „Синопъ“ замѣчены слѣдующія опечатки: въ примѣчаніи къ стр. 778 напечатано: вице-адмиралъ Кирсяновъ; слѣдуетъ читать: вице-адмиралъ *Корниловъ*; на стр. 770, стр. 4я снизу, вмѣсто *бѣдный*, слѣд. чит. *бѣдовый*.

При семъ № прилагается для иногородныхъ каталогъ журналовъ и періодическихъ изданій книгопродавца Императорскаго Двора Э. МЕЛЬЕ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМЪ СТО ПЕРВЫЙ.

СЕНТЯБРЬ.

Стр.

Изъ-за благъ земныхъ. Романъ въ трехъ частяхъ Часть первая. *В. Г. Авсѣенко.* 5

Воспоминанія объ эпизодахъ изъ моей частной и служебной дѣятельности (1834—1850). Гл. XIX—XXI. *Петербургскаго Старожила.* 104

Война и революція. Очерки нашего времени. Гл. I—III. *В. П. Безобразова.* 157

Борьба съ протестантскими идеями въ Петровское время и князъ Михаилъ Кропоткинъ. *Н. Покровскаго.* . . 203

Синьйора Корнилія. Новелла Сервантеса. Переводъ съ испанскаго. *А. К.* 235

Воронъ. Разказъ. *Н. Боева.* 270

Скорбные листы Крымской кампаніи. *Н. И. Соловьева.* . 297

Смѣсь. I. Съѣздъ британскихъ естествоиспытателей.—II. Французская Ассоціація Споспѣшествованія Наукамъ.—III. Настоящее положеніе Японіи.—IV. Венгерскіе Сербы. — V. Необыкновенная рукопись.—VI. Французское общество въ 1675 году.—VII. Римскій форумъ. — VIII. Смерть А. С. Грибоѣдова. . 372

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

До горькаго конца. Романъ. Миссъ Браддонъ. Переводъ съ англійскаго. Гл. XV—XIX.

ОКТЯБРЬ.

Стр.

Матеріалы для исторіи Кавказской войны. *А. Зиссермана.* 409

Изъ-за благъ земныхъ. Романъ въ трехъ частяхъ. Часть вторая. *Г. В. Авсѣенко.* 459

Воспоминанія объ эпизодахъ изъ моей частной и служебной дѣятельности (1834—1860). Гл. XXII—XXIII. *Петербургскаго Старожила* 555

„Я видалъ иногда, ранней лѣтней порой." Стихотвореніе. *Ц—ва.* 614

Экономическая корреспонденція. *Густава де-Молинари.* 615

Сравнительное изученіе народнаго быта и поэзіи. Гл. I—VII. *Ѳ. И. Буслаева.* 645

Милица. Повѣсть Фр. Нечаска. Переводъ съ чешскаго. Гл. I—XII. 728

Графъ Аларкосъ. Стихотвореніе. *Б. Н. Алмазова.* . . . 778

Новая Магдалина. Романъ. Вильки Коллинза. Переводъ съ англійскаго. Гл. I—IV. 812

Смѣсь: I. Очерки Финляндской войны 1808 года.—II. Пожаръ Эскуріала.—III. Праздникъ въ Іеддо.—IV. Археологія и фотографія. — V. Трансваальская республика. 847

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

До горькаго конца. Романъ. Миссъ Браддонъ. Переводъ съ англійскаго. Гл. XX—XXIV.

Въ Конторѣ Университетской Типографіи (Катковъ и К°), въ Москвѣ, на Страстномъ бульварѣ, и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ поступила въ продажу книга:

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ

ЛОМОНОСОВА,

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ЕГО ПОРТРЕТА,

ИСПОЛНЕННАГО ГЕЛІОТИПІЕЮ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Н. ЛЮБИМОВА,

профессора Московскаго Университета.

Цѣна 1 рубль.

Содержаніе этой книги слѣдующее:

I и II. Дѣтство Ломоносова.—Бѣгство въ Москву.—Ученіе въ Спасской школѣ.—III. Вызовъ въ Академію Наукъ.—IV и V. Пребываніе за границею.—VI. *Ода на взятіе Хотина* и *Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства.*—VII. Возвращеніе въ Россію и вступленіе въ Академію.—VIII и IX. Первые академическіе труды Ломоносова.—X и XI. *Реторика* Ломоносова.—*Вольфіанская экспериментальная физика.*—XII и XIII. Духовныя стихотворенія и похвальныя оды.—XIV и XV. Похвальныя слова Ломоносова.—XVI и XVII. Ломоносовъ и Пушкинъ какъ выразители народнаго сознанія по отношенію къ Петру Великому.—Поэма *Петръ Великій.*—XVIII и XIX. Рѣчи Ломоносова ученаго содержанія.—Наблюденія Рихмана и Ломоносова надъ электричествомъ облаковъ.—XX и XXI. Смерть Рихмана.—Академическій актъ 1753 года.—XXII. Разборъ рѣчи Ломоносова *О явленіяхъ воздушныхъ.*—Общія замѣчанія о его ученыхъ заслугахъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемое сочиненіе вызвано желаніемъ доставить воспитанникамъ старшихъ классовъ Лицея Цесаревича Николая и вообще учащемуся юношеству пособіе при изученіи эпохи въ исторіи нашего образованія отмѣченной трудами Ломоносова. Наши отцы высоко чтили произведенія перваго русскаго поэта, ученаго и оратора, и носили въ своей памяти его возвышенную рѣчь, его стихи, мѣткія и остроумныя выраженія, обороты слова и мысли, всегда оригинальные и сильные, нерѣдко вдохновенные. Желательно чтобъ это доброе преданіе сохранили и наши дѣти. Для поддержанія его, быть-можетъ, не будетъ лишнею книга въ которой,—набрасывая очеркъ поучительной жизни и стараясь сдѣлать правдивую оцѣнку трудовъ Ломоносова, безъ фальшиваго освѣщенія и безъ преувеличенія, но съ сознаніемъ ихъ истинно великаго для насъ значенія, — составитель имѣлъ главнымъ образомъ въ виду извлечь изъ произведеній Ломоносова и пояснить то что составляетъ вѣчный вкладъ, внесенный имъ въ умственный капиталъ своего народа. Наиболѣе оригинальную часть книги представляетъ разборъ ученыхъ трудовъ Ломоносова какъ натуралиста, по сравненію съ трудами другихъ ученыхъ его эпохи.

Въ обзорѣ произведеній авторъ придерживался хронологическаго порядка, соединяя, впрочемъ, вмѣстѣ разборъ однородныхъ сочиненій. Обозрѣніе трудовъ ученаго содержанія въ настоящей части доведено до 1754 года. Выдавая ее въ свѣтъ до полнаго окончанія сочиненія, авторъ руководился отчасти тѣмъ обстоятельствомъ что она представляетъ уже значительную долю труда, а отчасти желаніемъ выдать ее въ настоящую минуту, когда повсюду въ нашемъ отечествѣ только-что отпраздновано двухсотлѣтіе рожденія Петра. Есть много похвальныхъ словъ великому Преобразователю. Но едва ли не краснорѣчивѣйшее изъ нихъ—самъ Ломоносовъ. Сынъ обновленной Россіи, онъ живое похвальное слово обновителю. Наконецъ, имя Ломоносова связано съ именемъ Петра еще и тѣмъ что Ломоносовъ и Пушкинъ есть истинные выразители народнаго сознанія о Петрѣ.

Онъ оглянулъ комнату полнымъ отчаянія взглядомъ. Что значило бы для него всякое другое несчастіе въ сравненіи съ утратой единственной дочери?

— И вотъ для чего я работалъ, пробормоталъ онъ, проводя рукой по лбу, какъ бы стараясь собраться съ мыслями,—вотъ для чего везло мнѣ счастіе. Онъ подумалъ немного и прибавилъ послѣдне:—Вы вѣроятно пытались узнать что случилось съ ней. Не могли же вы только ѣсть, пить и спать, когда она не имѣла можетъ-быть никакого пріюта и скиталась какъ отверженная.

— Мы сдѣлали все что было въ нашихъ силахъ, Ричардъ, отвѣчала опять мистрисъ Джемсъ за себя и за мужа, который только смотрѣлъ на брата съ безмолвнымъ сожалѣніемъ.— Джонъ Вортъ не хотѣлъ сказать намъ ничего о мистерѣ Вальгрэ, но самъ ѣздилъ къ нему въ Лондонъ и прямо обвинилъ его въ томъ что онъ увезъ нашу Грацію. Но мистеръ Вальгрэ сказалъ что ничего не знаетъ о ней и не видалъ ея съ тѣхъ поръ какъ уѣхалъ отъ насъ.

— Человѣкъ способный соблазнать такого ребенка не остановится предъ ложью. Никого другаго вы не подозрѣваете?

— Никого.

И мало-по-малу, Ганна Редмайнъ разказала всю исторію пребыванія Губерта Вальгрэва въ Брайервудѣ. Онъ былъ дѣйствительно внимателенъ съ Граціей, сказала она, но не внимательнѣе чѣмъ былъ бы всякій другой мущина ежедневно видающійся съ очень хорошенькою дѣвушкой. Съ начала до конца онъ держалъ себя какъ джентльменъ. Мистрисъ Редмайнъ особенно упирала на этотъ пунктъ. Затѣмъ послѣдовало неизбѣжное признаніе что Грація начала видимо тосковать когда уѣхалъ мистеръ Вальгревъ и что никому не пришло въ голову сопоставить эти два факта. Пришлось разказать и исторію съ медальйономъ.

Ричардъ Редмайнъ во время этого разказа сидѣлъ неподвижный какъ статуя. Сердце его пылало затаеннымъ гнѣвомъ противъ людей допустившихъ дочь его погибнуть. Онъ былъ увѣренъ что они могли спасти ее, что она погибла вслѣдствіе ихъ безпечности. Но онъ говорилъ мало. Такое горе какъ его не ищетъ выраженія въ словахъ.

Когда ветушка Ганна кончила свой разказъ, прерванный только нѣсколькими словами робко вставленными дядей

Джемсомъ, Ричардъ Редмайнъ рѣзко поднялся съ мѣста и надѣлъ шляпу.

— Неужели вы хотите идти куда-нибудь такъ поздно, Ричардъ? воскликнула его невѣстка взглянувъ на часы. Было половина десятаго, поздній часъ въ Брайервудѣ.

— Я пойду къ Джону Ворту и заставлю его дать мнѣ отчетъ въ его поступкахъ.

— Не будьте слишкомъ суровы съ нимъ, Ричардъ, сказала мистрисъ Джемсъ умоляющимъ тономъ.—Онъ не зналъ что это случится.

— Щадить его! Не ожидаете ли вы, погубивъ мою дочь, что я могу быть нѣженъ съ кѣмъ-нибудь изъ васъ? Щадить человѣка который ввелъ въ мой домъ негодяя, рекомендовавъ его какъ честнаго человѣка! Жаль что прошло время когда люди убивали своихъ враговъ какъ собакъ.

— Вспомните, Ричардъ, что онъ старый человѣкъ и что онъ былъ всегда вашимъ другомъ.

— Я буду помнить мою дочь. Чего вы такъ перепугались? Я его пальцемъ не трону. Развѣ я помогъ бы моей дочери, еслибы сдѣлалъ что-нибудь съ нимъ? Я хочу отыскать ее и увезти на другой конецъ міра. Неужели вы думаете что ея поступокъ уменьшилъ мою любовь къ ней? Дайте мнѣ только обнять ее, а за остальное я ручаюсь. Нѣтъ такого человѣка который могъ бы разлучить насъ, хотя бы онъ былъ ея мужъ.

Онъ вышелъ изъ дому. Была тихая лѣтняя ночь. Небо было усѣяно звѣздами, горѣвшими не яркимъ блескомъ тѣхъ свѣтилъ которыя Редмайнъ привыкъ видѣть въ послѣднее время, но тихимъ, кроткимъ свѣтомъ, тронувшимъ его до глубины души. О милый семейный садъ, въ которомъ онъ былъ такъ счастливъ съ своею погибшею дочерью! Спокойный видъ окружающаго усилилъ его страданіе до невыносимой степени. Ничто не измѣнилось, только ея не было. Онъ ускорилъ шаги, какъ бы стараясь убѣжать отъ своего горя, вышелъ въ калитку, прошелъ мягкій, благовонный лугъ и вышелъ на тропинку по которой Грація шла къ своей погибели.

Кингсбери еще бодрствовалъ. Было десять часовъ, когда Ричардъ Редмайнъ проходилъ по выгону, но въ лавкѣ еще мерцалъ тусклый огонекъ, и три общественныя зданія, составлявшія величественный треугольникъ, были полны жизни.

Какъ знакомо и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ чуждо казалось пріі-

ѣзжему все окружающее! Долго ли былъ онъ въ отсутствіи,— полстолѣтія или только недѣлю? Какъ монотоненъ казался ему этотъ міръ въ сравненіи съ тѣмъ въ которомъ онъ жилъ въ послѣднее время. Казалось что все тѣ же деревенскіе бездѣльники слетничаютъ у отворенной двери трактира, все тѣ же грязныя фигуры стоятъ съ трубками въ зубахъ прислонясь къ дверямъ косякамъ, все тѣ же даже лошади пьютъ у колоды.

Онъ представилъ себѣ какъ онъ пришелъ бы на это самое мѣсто, къ этимъ самымъ людямъ, еслибъ у него не случилось никакого несчастія, какъ шумно они встрѣтили бы его, съ какимъ интересомъ окружили бы его, какъ героя, какъ онъ сталъ бы разказывать въ кружкѣ любопытныхъ друзей исторію своихъ похожденій.

Онъ прошелъ мимо нихъ незамѣченный и вышелъ на лужайку на которой стоялъ домъ мистера Ворта, одинъ изъ красивѣйшихъ домиковъ въ Кингсбери, съ блестящими зелеными ставнями, съ чистымъ каменнымъ крылечкомъ и съ большою мѣдною доской на двери.

Управляющій былъ неженатъ и съ тѣхъ поръ какъ достигъ зрѣлаго возраста сидѣлъ все на одномъ и томъ же стулѣ, все на одной и той же сторонѣ своего очага и такъ рѣдко принималъ гостей что всѣ другіе стулья стояли по нѣсколько лѣтъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ, прислоненные спинками къ стѣнамъ небольшой квадратной гостиной. Самъ хозяинъ пользовался въ своемъ домѣ только угломъ у камина, гдѣ курилъ свою трубку, и небольшою желѣзною кроватью на верху, на которой спалъ. Обѣдалъ онъ въ кухнѣ, такъ какъ въ Кингсбери гостиная считалась слишкомъ священнымъ мѣстомъ для обыденной жизни, а для должностныхъ занятій имѣлъ небольшую контору, помѣщавшуюся въ особой пристройкѣ къ его дому, въ которой онъ разчитывалъ рабочихъ и писалъ письма на истертой и залитой чернилами конторкѣ.

Въ пристройкѣ горѣлъ огонь, и Редмайнъ подошелъ прямо къ стеклянной двери, повернулъ ручку и вошелъ въ комнату.

Джонъ Вортъ задумчиво разсматривалъ связку бумагъ при свѣтѣ лампы. Когда дверь отворилась, онъ оглянулся и вздрогнулъ, какъ бы увидалъ привидѣніе.

— Рикъ, воскликнулъ онъ.—А я думалъ что вы въ Австраліи.

— Вы надѣялись что я останусь тамъ навсегда, злобно возразилъ фермеръ.—Иначе вы едва ли осмѣлились бы ввести въ мой домъ негодяя, погубившаго мою дочь.

Управляющій вскочилъ со стула, покраснѣвъ до корней своихъ сѣдыхъ волосъ.

— Еслибы кто другой сказалъ мнѣ то что̀ вы сказали сейчасъ, онъ не устоялъ бы на мѣстѣ, отвѣчалъ онъ.

— Я хочу знать кто этотъ человѣкъ и по какому праву вы ввели его въ мой домъ, продолжалъ Редмайнъ, не обративъ повидимому ни малѣйшаго вниманія на слова мистера Ворта.

— Человѣкъ котораго я ввелъ въ вашъ домъ джентльменъ. Я не имѣлъ основанія опасаться что его пребываніе у васъ принесетъ какой-нибудь вредъ и не имѣю права сказать что оно принесло вредъ. Онъ не признаетъ себя виновнымъ въ исчезновеніи вашей дочери, и я не имѣю никакихъ доказательствъ противъ него. Онъ уѣхалъ изъ Брайервуда за два мѣсяца до ея побѣга.

— Кто онъ? Скажите мнѣ только кто онъ? воскликнулъ Ричардъ Редмайнъ, не отходя отъ двери, какъ бы для того чтобъ управляющій не могъ уйти не сказавъ ему всего что̀ онъ хотѣлъ знать.

— Вы знаете уже все что̀ я могу сказать вамъ, отвѣчалъ Вортъ.—Я ѣздилъ въ городъ чтобы поговорить съ нимъ объ этомъ дѣлѣ и прямо обвинилъ его въ томъ что онъ увезъ ее, но онъ также прямо отказался отъ всякаго участія въ этомъ дѣлѣ. Я не позволю безпокоить его опять по тому же поводу. Мнѣ очень грустно за васъ, Ричардъ Редмайнъ, и клянусь вамъ что я любилъ Грацію какъ родную дочь, но я не хочу быть орудіемъ какой-нибудь непріятности между нимъ и вами.

— Вы хотите сказать что не укажете мнѣ какъ найти его?

— Конечно нѣтъ. Онъ былъ уже обвиненъ въ похищеніи вашей дочери и не призналъ себя виновнымъ. Что̀ вы можете послѣ этого сдѣлать?

Ричардъ Редмайнъ улыбнулся улыбкой заставившею содрогнуться его собесѣдника.

— Какъ вы думаете, что̀ можетъ сдѣлать отецъ у котораго украли его дочь? спросилъ онъ.—Но это до васъ не касается. Я спрашиваю у васъ только кто онъ и гдѣ я могу найти его.

— Если вы будете допрашивать меня до дня страшнаго суда, вы не узнаете отъ меня ничего. Человѣкъ этотъ джентльменъ, и я не считаю его способнымъ на такую подлость. И по какому праву взводите вы на него такое чудовищное обвиненіе? Ваша дочь была самая хорошенькая дѣвушка въ нашей сторонѣ и могла имѣть десятокъ поклонниковъ.

— Моя дочь была непорочна какъ младенецъ, воскликнулъ фермеръ.

— Это я знаю, но тѣмъ не менѣе она могла склониться на убѣжденія какого-нибудь влюбленнаго джентльмена, обѣщавшаго жениться на ней. И очень можетъ быть что ея возлюбленный сдержалъ свое слово, и она теперь счастлива.

— Этого быть не можетъ, сказалъ Ричардъ Редмайнъ со злобой.—Она не стала бы скрываться отъ тѣхъ кто ее любитъ, еслибы... еслибы не стыдилась показаться имъ. Но я не стану тратить слова попустому, когда дѣло идетъ о моей дочери. Я отыщу ее. Какъ бы низко она ни пала, для отцовскаго сердца она будетъ всегда выше всего въ мірѣ. Но больно подумать что такой цвѣтокъ растоптанъ ногами негодяя. Прощайте, Джонъ Вортъ. Я двадцать лѣтъ считалъ васъ моимъ другомъ, но сегодня вы показали мнѣ что̀ такое дружба. Еслибы не ваши сѣдины, я выжалъ бы изъ васъ отвѣтъ какъ воду изъ мокрой тряпки. Неужели вы надѣетесь помѣшать мнѣ отыскать злодѣя? Еслибы Лондонъ былъ въ двадцать разъ больше, я отыскалъ бы его. Еслибъ онъ уѣхалъ на другой конецъ свѣта, я отыскалъ бы его. Будьте въ этомъ увѣрены, Джонъ Вортъ, и когда я отыщу его, вы объ этомъ услышите.

Онъ вышелъ изъ комнаты такъ же рѣзко какъ вошелъ, а управляющій остался у своей конторки, съ опущенными въ землю глазами, нервно крутя бумагу, и съ видомъ человѣка терзаемаго совѣстью. Онъ любилъ Грацію Редмайнъ и былъ друженъ съ ея отцомъ, но онъ считалъ своимъ долгомъ защитить Губерта Вальгрева, даже если онъ дѣйствительно виновенъ. А кто могъ поручиться что онъ виноватъ? Доказательствъ противъ него никакихъ не было, а самъ онъ отвергъ обвиненіе. Мистеръ Вортъ усиленно упиралъ на послѣдній пунктъ, хотя въ душѣ придавалъ ему мало значенія.

— Если человѣкъ не хочетъ сознаться что онъ убійца, нѣтъ пользы спрашивать у него куда онъ дѣвалъ орудіе которымъ убилъ, сказалъ Джонъ Вортъ своей знакомкѣ и

повѣренной своихъ тайнъ, пожилой женщинѣ привязанной къ нему узами долгой дружбы и родства.

— Непріятное положеніе, пробормоталъ онъ, усаживаясь опять предъ своими бумагами и стараясь сосредоточить мысли на занятіи отъ котораго оторвалъ его Ричардъ Редмайнъ.— И все это слѣдствіе того что я оказалъ услугу молодому человѣку. Мнѣ слѣдовало знать наперед что сближеніе съ нимъ не поведетъ къ добру. Но онъ казался такимъ контрастомъ своего отца, такимъ степеннымъ, трудолюбивымъ человѣкомъ. Я имѣлъ полное право ожидать что ему можно довѣриться.

ГЛАВА XX.

Что хотите вы сообщить мнѣ?

Когда Ричардъ Редмайнъ освоился съ своею утратой и началъ привыкать видѣть Брайервудъ безъ Граціи, хотя его домъ все еще производилъ на него впечатлѣніе мѣста въ которомъ лежитъ покойникъ, онъ рѣшился подвести итогъ тѣмъ немногимъ фактамъ которые ему удалось вылытать отъ мистрисъ Джемсъ.

Все что она могла сообщить ему имѣло для него мало значенія. Она настаивала на томъ что бдительно охраняла честь своей племянницы и не замѣчала за своимъ жильцомъ ничего дурнаго.

— Въ первыя три недѣли послѣ его пріѣзда къ намъ я не спускала глазъ съ Граціи, сказала она, оправдываясь предъ братомъ своего мужа, обвинявшимъ ее въ безпечности.—Я боялась что онъ вскружитъ ей голову глупыми комплиментами.

— Только въ первыя три недѣли! возразилъ Ричардъ съ горечью.—А потомъ вы закрыли глаза и уши и предоставили ему говорить и дѣлать что угодно.

— Потомъ я дѣйствительно слѣдила за ними ужь не такъ пристально, Ричардъ. Я знала что Грація хорошая дѣвушка, а онъ казался такимъ безукоризненнымъ джентльменомъ. Онъ былъ лѣтъ на пятнадцать старше ея и повидимому не интересовался ни чѣмъ кромѣ своихъ книгъ.

Мистрисъ Джемсъ разсказала ему нѣкоторыя событія минувшаго лѣта и представила ихъ въ такомъ видѣ какъ смотрѣла на нихъ сама. Однажды они устроили пикникъ, сказала

она,—и мистеръ Вальгри былъ внимателенъ съ Граціей, но не особенно. Вечеромъ съ ней сдѣлался обморокъ, и мистеръ Вальгри былъ очень огорченъ и принялъ въ ней большое участіе. Вскорѣ послѣ своего отъѣзда изъ Брайервуда онъ прислалъ ей прекрасный золотой медальйонъ, въ благодарность за вниманіе къ нему ея тетки. Изъ такихъ голыхъ фактовъ Ричардъ Редмайнъ долженъ былъ вывести какое угодно заключеніе.

Онъ могъ вывести только одно заключеніе: что дочь его пропала и что жилецъ мистрисъ Джемсъ былъ единственный человѣкъ котораго она могла полюбить.

Разспросы показали ему что средства употребленныя его братомъ и женой его брата для отысканія Граціи были самыя ничтожныя. Джемсъ ѣздилъ въ Лондонъ и совѣтовался тамъ съ своимъ школьнымъ товарищемъ, стряпчимъ самаго темнаго разряда, который отослалъ его въ одну частную контору для справокъ. Хозяинъ конторы сказалъ ему: „объявите въ газетахъ“ и протянулъ алчную лапу за деньгами, но Джемсъ Редмайнъ рѣшительно отказался отъ его предложенія. Онъ не хотѣлъ чтобы все Кентское графство узнало что племянница его сбилась съ пути. Хозяинъ конторы сказалъ ему что въ объявленіи можно употребить такія выраженія которыя будутъ поняты только его племянницей, но Джемсъ остался непреклоненъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ упрямо.—Если вы не можете отыскать мою племянницу не печатая ея имени въ газетахъ, я буду ждать возвращенія ея отца, и ручаюсь вамъ что онъ не замедлитъ найти ее.

Простодушный Джемсъ имѣлъ самое высокое мнѣніе о братѣ своемъ Ричардѣ. Все возможное для смертнаго человѣка было, по его мнѣнію, возможно и для Рика.

Первымъ дѣломъ Ричарда Редмайна было напечатать въ *Times*, въ двухъ другихъ лондонскихъ ежедевныхъ газетахъ и въ двухъ еженедѣльныхъ кентскихъ изданіяхъ слѣдующее объявленіе:

„Грація. Отецъ твой дома. Возвратись или напиши Любовь и прощеніе.“

Объявленіе появлялось день за днемъ, недѣля за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ. Читатели сначала соображали что оно значитъ, потомъ привыкли къ нему, наконецъ начали считать его такою же необходимою частью своей газеты какъ имя и

адресъ издателя въ концѣ послѣдняго столбца. А пока они соображали, удивлялись и привыкали, Ричардъ Редмайнъ ходилъ по лондонскимъ улицамъ въ долгіе лѣтніе дни и до глубокой осени отыскивалъ свою дочь и ея соблазнителя.

Онъ даже не зналъ имени человѣка котораго искалъ. Мистрисъ Джемсъ никогда иначе не называла своего жильца какъ мистеръ Вальгри и выдала его за мистера Вальгри брату своего мужа. Когда онъ попросилъ ее написать его имя, она сдѣлала нѣсколько попытокъ, но каждый разъ путалась въ лабиринтѣ согласныхъ. Такого же труда стоило бы ей написать заглавіе прозаическихъ твореній Джона Мильтона.

— Почемъ мнѣ знать какъ пишется его имя! воскликнула она наконецъ, видя что изъ всѣхъ ея комбинацій ничего не выходитъ.—Я не видала какъ оно пишится и никогда не была сильна въ правописаніи. А могу вести какіе угодно счеты и не ошибиться ни на копѣйку, но сложить имя которое я не видала написаннымъ было для меня всегда китайскою грамотой. Я знала что его зовутъ Вальгри, и съ меня этого было довольно.

И Ричардъ Редмайнъ искалъ человѣка по имени Вальгри, искалъ безуспѣшно, но съ непоколебимымъ упорствомъ и съ надеждой на успѣхъ, хотя руководствовался только поверхностнымъ словеснымъ описаніемъ его наружности. Между тѣмъ даже мистеръ Вальгревъ исчезъ съ лица земли, насколько имя есть представитель человѣка, уступивъ мѣсто Г. В. Гаркросу, въ Мастодонтъ Кресчентѣ, Гросвеноръ-Плесъ, извѣстному за человѣка женившагося на дочери стараго Валлори. Его профессіональная репутація не была еще такъ значительна чтобы затмить богатство его жены.

Не будемъ останавливаться на этой тяжелой эпохѣ въ жизни Редмайна. Этотъ энергичный человѣкъ, вернувшійся изъ своего двухлѣтняго добровольнаго изгнанія, гордый и торжествующій, былъ еще не разбитъ, но въ его темныхъ волосахъ показалась сѣдина, вокругъ блестящихъ сѣрыхъ глазъ образовались глубокія морщины, на лицѣ появился отпечатокъ утомленія. Онъ долго надѣялся вопреки безнадежной дѣйствительности, но наконецъ и его надежда стала истощаться.

Онъ не удовольствовался своимъ объявленіемъ въ лондонскихъ и континентскихъ газетахъ, но напечаталъ его въ *Galignani* и въ нѣсколькихъ другихъ заграничныхъ изданіяхъ, и напечаталъ такимъ крупнымъ шрифтомъ что трудно было предпо-

ложить что его можно не замѣтить, а способна ли была Грація, замѣтивъ его, не внять просьбѣ отца?

Вскорѣ послѣ своего возвращенія въ Англію онъ написалъ мистеру Спеттингу, прося его отыскать всѣ письма приходившія на его имя до и послѣ его отъѣзда изъ Австраліи и прислать ихъ ему. Спеттингъ исполнилъ его просьбу и прислалъ ему вычурное письмо Джемса Редмайна съ увѣдомленіемъ о побѣгѣ его дочери, но письма которое Грація сама обѣщала написать отцу не оказалось.

Между тѣмъ, въ продолженіи всего этого горькаго періода уменьшенія надежды и усиленія отчаянія, Ситные Луга, новое помѣстье которое предназначалось быть отрадою и гордостью преклонныхъ лѣтъ Ричарда Редмайна, оставались въ запустѣніи и давали пріютъ только пріѣзжимъ и охотникамъ. Необходимо было заняться имъ не теряя времени, опредѣлить границы, насадить изгороди и вообще водворить порядокъ тамъ гдѣ все было плодородною пустыней. Сознаніе этой необходимости было второстепеннымъ источникомъ безпокойства для Ричарда Редмайна. Хотя всѣ его мечты и планы уже разрушились, но въ лучшія минуты онъ еще надѣялся что они осуществятся, если онъ найдетъ свою дочь, и тогда его мучила мысль что плодотворная земля купленная на деньги заработанныя въ потѣ лица пропадаетъ даромъ.

Онъ рѣшился наконецъ послать туда брата съ его семействомъ. Онъ не могъ не сознаться что Джемсъ и его неотесанные сыновья сдѣлали безъ него чудеса въ Брайервудѣ. Чего не сдѣлаютъ они на болѣе богатой почвѣ? Съ Брайервудскою фермой онъ справится самъ. Онъ останется ждать въ ней свою заблудшую дочь и содержать въ порядкѣ для нея ея комнату, въ которой она жила съ дѣтства до роковаго дня своего побѣга.

Однажды вечеромъ, пріѣхавъ на нѣсколько часовъ въ Брайервудъ изъ Лондона, онъ высказалъ брату свой планъ въ присутствіи всего семейства и, съ горечью вспоминая свои несбывшіеся планы, описалъ имъ яркими красками свое австралійское имѣніе. Въ первую минуту его предложеніе привело мистрисъ Джемсъ въ ужасъ, а остальные члены семейства не смѣли высказать свое мнѣніе въ ея присутствіи. Какъ! Покинуть Брайервудъ и свою родину и уѣхать жить съ красными Индійцами или съ кѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ, пожалуй

съ неграми. Она скорѣе согласилась бы умереть съ голоду чѣмъ взять въ ротъ пищу къ которой прикасался негръ.

Ричардъ Редмайнъ объяснилъ что негритянскій элементъ не будетъ входить въ дѣло, что первобытные обитатели Австраліи дѣйствительно темны на видъ, но рѣдко встрѣчаются въ окрестностяхъ Ситныхъ Луговъ и что для полевыхъ работъ можно брать ирландскихъ эмигрантовъ.

— А Ирландцы развѣ лучше негровъ! воскликнула мистрисъ Джемсъ. — Довольно и того что приходится имѣть съ ними дѣло во время уборки хмѣля.

Однако мало-по-малу, когда планъ помѣстья со всѣми отмѣтками, предположеніями и разчетами сдѣланными бѣднымъ Ричардомъ во время обратнаго пути былъ разложенъ на столѣ и внимательно разсмотрѣнъ Джемсомъ и двумя его сыновьями, которые могли имѣть свои мнѣнія, но не смѣли высказывать ихъ, когда величина и великолѣпіе имѣнія и распорядительность необходимая чтобъ управлять имъ были поняты Ганной Редмайнъ, она начала слушать съ возрастающимъ интересомъ и предлагать вопросы то объ одной, то о другой части земли и о расположеніи дома.

— Да, это было бы славнымъ началомъ для мальчиковъ, пробормоталъ Джемсъ, замѣчая что жена колеблется.

— Славное начало для бѣганья съ утра до ночи съ ружьемъ за дикими звѣрями, сказала презрительно мать мальчиковъ.— Станутъ они тамъ работать!

Мистрисъ Джемсъ считала своимъ материнскимъ долгомъ говорить о своихъ сыновьяхъ не иначе какъ самымъ презрительнымъ тономъ. Точно такъ же, безъ сомнѣнія, относилась Корнелія къ своимъ Гракхамъ въ ихъ юношескомъ возрастѣ.

Но въ этотъ разъ замѣчаніе ея было не безосновательно. При мысли объ охотѣ на дикихъ звѣрей лица юношей просіяли широкими, восторженными улыбками.

— Вотъ славно-то было бы, Чарли! воскликнулъ старшій.— Здѣсь старый Вортъ въ кои-то вѣки дастъ намъ подстрѣлить кролика въ Клеведонскомъ паркѣ, а въ томъ краю мы стали бы стрѣлять дикихъ буйволовъ, кенгуру и еще Богъ знаетъ что. Не правда ли, дядя?

— Въ томъ краю! воскликнулъ Ричардъ Редмайнъ, одушевившись при воспоминаніи о далекой странѣ гдѣ онъ былъ счастливъ.—Въ томъ краю у васъ будетъ такая охота какой не имѣли короли и ихъ бароны, когда половина Англіи была

покрыта лѣсомъ, и крестьянинъ подъ страхомъ смерти не смѣлъ убить оленя. Въ Австраліи вы можете купить хорошую лошадь за пять фунтовъ. Вы никогда не узнаете что̀ такое жизнь, друзья мои, если не поживете подъ Южнымъ Крестомъ.

— Желала бы я знать какова молочня въ этихъ Ситныхъ Лугахъ, сказала въ раздумьи мистрисъ Джемсъ.

Юноши толкнули другъ друга подъ столомъ, видя что мать сдается.

— Теперь тамъ по этой части нѣтъ ничего особеннаго, отвѣчалъ Ричардъ Редмайнъ,—но я не пожалѣлъ бы сотни фунтовъ на улучшеніе скотнаго двора.

Мысль о молочнѣ построенной по ея собственному плану была столь же соблазнительна для мистрисъ Джемсъ какъ для ея сыновей охота на дикихъ звѣрей. Брайервудская молочня состояла изъ щелей и угловъ, говорила она; въ ней негдѣ было повѣсить кошку. Образцовая молочня была всегда ея любимою мечтой, и если что-нибудь могло побудить ее переплыть море и переселиться въ другую часть свѣта, то это только надежда имѣть молочню построенную по ея собственному плану.

Послѣ долгихъ переговоровъ о затрудненіяхъ казавшихся сначала непреодолимыми, Ганна Редмайнъ согласилась на переселеніе, а за ней согласилось и все ея семейство. Молодые люди были съ самаго начала за переселеніе; отецъ ихъ выразилъ согласіе съ покорностью хорошо выдрессированнаго мужа. Если Ганна согласна, то онъ не будетъ противорѣчить, сказалъ мистеръ Джемсъ; онъ надѣется быть полезнымъ брату въ качествѣ его управляющаго, пока Рикъ не пріѣдетъ самъ въ свое имѣніе; морское путешествіе его немного пугаетъ, но онъ предъ этимъ не остановится, тѣмъ болѣе что самъ Рикъ былъ въ Австраліи и вернулся здравъ и невредимъ. Словомъ, онъ согласился исполнить все чего желали братъ его и жена.

Прежде чѣмъ окончилось вечернее совѣщаніе, рѣшено было что Джемсъ и его семейство постараются собраться въ путь какъ можно скорѣе и отправятся въ Ситные Луга, гдѣ поселятся какъ полновластные хозяева и будутъ управлять имѣніемъ безконтрольно, пока Ричардъ Редмайнъ не отыщетъ свою дочь—онъ говорилъ объ этомъ какъ о фактѣ несомнѣнномъ—и не пріѣдетъ съ ней въ свой новый домъ. Но пріѣздъ

его, сказалъ онъ, не долженъ смущать Джемса и Ганну. Въ Ситныхъ Лугахъ хватитъ мѣста для двухъ семействъ.

— Мы до сихъ поръ были друзьями, Джемсъ, и впередъ постараемся не ссориться. Ты будешь управлять моимъ имѣніемъ и брать значительную долю доходовъ себѣ, а когда я пріѣду, ты сдѣлаешься моимъ партнеромъ, и мы будемъ дѣлить доходы пополамъ.

Все семейство единодушно поблагодарило его за такое щедрое предложеніе. Молодые люди, удалившись въ свою каморку подъ крышей, были такъ возбуждены перспективой переселенія что не чувствовали ни малѣйшаго расположенія ко сну и готовы были сейчасъ же начать укладывать свои пожитки въ старые деревянные сундуки.

— Развѣ нѣтъ сухопутной дороги въ Австралію, Джекъ? спросилъ младшій.

Старшій отвѣчалъ что вѣроятно нѣтъ.

— Жаль, сказалъ Чарли.—Хорошо было бы проѣхать половину пути на верблюдахъ.

Спустя мѣсяцъ послѣ этого совѣщанія, мистеръ и мистрисъ Джемсъ Редмайнъ съ сыновьями и со всѣми пожитками отплыли въ Австралію, послѣ прощальнаго посѣщенія замужней дочери, пріѣзжавшей въ Брайервудъ оплакивать исчезновеніе своего рода съ почвы которая вспоила и вскормила его. Чинфильдскій кондитеръ, пріѣхавъ за женой, выразилъ самые честолюбивые виды на великую колонію. Онъ сознался что чувствуетъ въ себѣ способность совершить великія дѣла въ Новомъ Свѣтѣ, что у него есть уже планы касающіеся улучшенія завариванія чая и кофе въ связи съ жареніемъ бобовъ, не говоря уже о приготовленіи дорсетскаго масла, къ чему онъ имѣетъ особое призваніе, но что все это можетъ быть исполнено въ болѣе обширной сферѣ чѣмъ Чепфильдъ, гдѣ предразсудки и узкоуміе потребителей заглушаютъ всякій порывъ его генія.

Они уѣхали. Ричардъ Редмайнъ стоялъ на набережной въ Гравесендѣ и провожалъ ихъ глазами, пока корабль не превратился въ черную точку на голубомъ горизонтѣ. Тогда онъ почувствовалъ что остался одинъ въ этой части свѣта, одинъ съ своею дочерью.

Годъ подошелъ къ концу прежде чѣмъ истомилось мужество несчастнаго отца и его увѣренность въ самомъ себѣ, но въ пасмурные декабрьскіе дни, послѣ стольнихъ несбывшихъ-

ся надеждъ и тщетныхъ поисковъ, начала ослабѣвать его надежда найти дочь и ея соблазнителя. До сихъ поръ онъ ни съ кѣмъ не говорилъ о своемъ горѣ, ни къ кому не обращался за совѣтомъ и надѣялся только на самого себя. Онъ хотѣлъ сохранить тайну своей дочери, хотѣлъ избавить ее отъ стыда. Никто кромѣ его домашнихъ не зналъ ни адреса его лондонской квартиры, темной комнаты въ третьемъ этажѣ, ни причины его пребыванія въ Лондонѣ. Онъ заплатилъ всѣ свои долги и поблагодарилъ своихъ кредиторовъ за терпѣніе, но избѣгалъ встрѣчаться съ своими кингсберійскими друзьями и знакомыми. Онъ старался по возможности держаться въ сторонѣ отъ всѣхъ кто его зналъ. Но по прошествіи шести мѣсяцевъ, потраченныхъ на безплодные поиски, онъ наконецъ убѣдился что его мужественное сердце и сильныя руки недостаточны для дѣла которое онъ взялъ на себя. Тогда онъ отправился къ адвокату, котораго уже нѣсколько зналъ, и объяснилъ ему свое дѣло, сказавъ что человѣкъ отыскивающій свою дочь его другъ.

— Молодая дѣвушка, сказалъ онъ,—скрылась изъ своего дома и съ тѣхъ поръ о ней нѣтъ никакихъ извѣстій. Какъ долженъ поступить ея отецъ?

Мистеръ Смузи, адвокатъ и членъ фирмы Смузи и Геббъ, въ Грей-Иннѣ, задумчиво потеръ подбородокъ.

— Давно ли скрылась молодая особа? спросилъ онъ.

— Тринадцать мѣсяцевъ тому назадъ.

— Давненько! Вашему другу слѣдовало бы приняться за дѣло пораньше.

— Онъ ищетъ ее уже шесть мѣсяцевъ.

Мистеръ Смузи взглянулъ пристально на своего кліента изъ-подъ своихъ густыхъ сѣрыхъ бровей и заподозрилъ его тайну.

— Какъ же онъ искалъ ее?

— Онъ искалъ ее вездѣ: во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ, въ церквахъ, въ театрахъ, въ паркахъ, на улицахъ, въ омнибусахъ, въ лавкахъ, искалъ съ утра до ночи, день за днемъ, недѣлю за недѣлей, мѣсяцъ за мѣсяцемъ, искалъ до тѣхъ поръ пока не ослабѣлъ тѣломъ и духомъ.

— Боже мой! воскликнулъ адвокатъ съ удивленіемъ.—Другъ вашъ могъ жить на одной улицѣ съ своею дочерью и не встрѣтиться съ ней цѣлый годъ. Онъ просто сумасшедшій. Искать женщину въ Лондонѣ безъ всякаго плана и системы!

Легче сыскать иголку въ стогѣ сѣна. Вашъ другъ потерялъ голову, Редмайнъ.

— И было отъ чего потерять голову, отвѣчалъ фермеръ спокойно.

— Отъ души жалѣю его. Но возвратимся къ дѣлу. Почему другъ вашъ знаетъ что его дочь въ Лондонѣ? Почему знаетъ онъ что она не въ Нью-Йоркѣ?

— Онъ имѣетъ основаніе полагать что она въ Лондонѣ. Человѣкъ котораго подозрѣваютъ въ томъ что онъ уговорилъ ее бѣжать живетъ въ Лондонѣ.

— Но что же это значитъ? Если вы... если другъ вашъ знаетъ имя этого человѣка, почему онъ не обратится прямо къ нему?

— Подозрѣваемый человѣкъ отказывается отъ всякаго участія въ побѣгѣ моей дочери....

Редмайнъ внезапно остановился и покраснѣлъ до ушей.

— Тайна выдана, сказалъ онъ.—Пропавшая дѣвушка моя дочь, мистеръ Смузи. Вы сохраните мою тайну. Я хочу избавить мою дочь отъ скандала.

— Я отгадалъ это прежде чѣмъ вы сказали десятокъ словъ, замѣтилъ адвокатъ дружески успокоительнымъ тономъ.—Лицо ваше выражаетъ слишкомъ много волненія для человѣка говорящаго о дѣлѣ своего друга. Чѣмъ откровеннѣе вы будете со мной, тѣмъ скорѣе я найду возможность помочь вамъ.

Послѣ этого Ричардъ Редмайнъ разказалъ въ немногихъ словахъ о своемъ несчастіи, а адвокатъ выслушалъ его съ серіознымъ, но не безучастнымъ лицомъ.

— Имѣете вы основаніе полагать что этотъ мистеръ Вальгри обманулъ вашу дочь, то-есть не исполнилъ своего обѣщанія жениться на ней? спросилъ онъ, когда Редмайнъ кончилъ.

— Только то что дочь моя не даетъ знать о себѣ. Еслибы... еслибы все обстояло благополучно, она не оставила бы отца своего въ сомнѣніи. Она знала какъ горячо я любилъ ее. И развѣ человѣкъ намѣревающійся поступить честно увезъ бы дѣвушку тайно изъ роднаго дома, когда онъ могъ сдѣлать ей предложеніе открыто?

— Обстоятельства дѣла и молчаніе дѣвушки дѣйствительно не обѣщаютъ ничего хорошаго, сказалъ мистеръ Смузи.—Вы говорите что въ письмѣ было сказано что бракосочетаніе

будетъ въ Лондонѣ,—кстати, вы должны дать мнѣ копію съ этого письма;—пробовали ли вы узнать была ли такая свадьба?

— Какъ же могъ я это узнать?

— Спросить печатно и предложить награду за достовѣрныя свѣдѣнія.

— И объявить всему свѣту о безчестіи моей дочери!

Мистеръ Смузи слабо улыбнулся. Какъ будто всему свѣту было дѣло до дочери кентскаго фермера.

— Вы конечно не могли бы напечатать такое объявленіе не назвавъ имени дѣвушки, сказалъ онъ,—и очень можетъ быть что это повредило бы ея репутаціи. Напечатаннаго не уничтожишь. По моему мнѣнію, мистеръ Редмайнъ, вамъ надо обратиться къ какому-нибудь частному слѣдователю.

— Мой братъ Джемсъ уже обращался къ одному слѣдователю, но безъ всякаго результата.

— Намъ нѣтъ дѣла до того что сдѣлалъ вашъ братъ. Я знаю человѣка который сумѣетъ помочь вамъ, если это только возможно. Онъ началъ свою дѣятельность въ одно время со мной и девять лѣтъ занимался адвокатурой въ небольшомъ городкѣ на западѣ Англіи, но потомъ началъ пить, лишился работы и пріѣхалъ въ Лондонъ, гдѣ сдѣлался частнымъ слѣдователемъ. Онъ и теперь пьетъ, но это не мѣшаетъ ему быть такимъ дѣльнымъ человѣкомъ какихъ мало. Если хотите, я приглашу его завтра утромъ къ себѣ, и мы всѣ вмѣстѣ переговоримъ о вашемъ дѣлѣ.

— Мнѣ осталось только положиться на васъ, отвѣчалъ Редмайнъ.—Я долго надѣялся что сумѣю самъ отыскать свою дочь, но наконецъ убѣдился что эта задача мнѣ не по силамъ. Я чувствую что еще нѣсколько мѣсяцевъ такой безплодной работы сведутъ меня въ могилу.

Мистеръ Смузи замѣтилъ что отцы и дочери въ рукахъ Провидѣнія и что надо покориться Его волѣ.

— Какъ! воскликнулъ Редмайнъ.—Вы хотите чтобъ я смотрѣлъ на себя и на дочь свою какъ на двѣ шашки на шахматной доскѣ, какъ на предметы не имѣющіе своей воли. А я говорю вамъ что я найду мою дочь и отниму ее у негодяя который укралъ ее у меня.

— Да поможетъ вамъ Богъ, другъ мой, сказалъ адвокатъ набожнымъ тономъ, — но вы разсуждаете не по-христіански.

— Я пересталъ быть христіаниномъ съ тѣхъ поръ какъ вернулся въ Англію и не нашелъ моей дочери, отвѣчалъ Редмайнъ

На слѣдующее утро онъ имѣлъ свиданіе съ мистеромъ Кенделемъ, частнымъ слѣдователемъ. Мистеръ Кендель былъ высокій, костлявый человѣкъ, лѣтъ сорока, съ темными, коротко остриженными волосами, съ длиннымъ, краснымъ носомъ, съ блестящими и черными какъ уголь глазами, съ чисто выбритымъ лицомъ и съ такою респектабельною наружностью какую только допускалъ вышеупомянутый красный носъ. Въ сравненіи съ этимъ умнымъ человѣкомъ Ричардъ Редмайнъ былъ неопытнымъ младенцемъ.

Мистеръ Кендель написалъ нѣсколько замѣтокъ въ своей памятной книжкѣ и въ заключеніе свиданія сказалъ съ видомъ человѣка знающаго путь къ цѣли:

— Если такая свадьба была въ Лондонѣ, я буду это знать черезъ недѣлю; если гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ въ Англіи, я обѣщаю узнать это въ теченіе двухъ недѣль.

И дѣйствительно, черезъ двѣ недѣли Кендель написалъ Редмайну что насколько онъ можетъ судить, въ Англіи не было свадьбы Граціи Редмайнъ, и что онъ уже поручилъ благонадежнымъ людямъ навести справки на континентѣ, и въ скоромъ времени надѣется знать положительно была ли такая свадьба гдѣ-нибудь за границей. Между тѣмъ онъ отыскивалъ мистера Вальгри, но до сихъ поръ еще не нашелъ никого сколько-нибудь подходящаго подъ описаніе подозрѣваемаго джентльмена и носящаго его имя.

Редмайнъ съ досадой бросилъ письмо.

„Легко говорить о томъ чего не сумѣлъ сдѣлать“, проворчалъ онъ. „Джемсъ былъ, кажется, правъ, говоря что частные слѣдователи ни на что не годны.“

Онъ не отвѣтилъ на письмо Кенделя и продолжалъ свои собственные поиски. Рождество пришло и прошло. Для Ричарда Редмайна оно отличалось отъ обыкновенныхъ дней только благовѣстомъ колоколовъ на полсотнѣ англійскихъ колоколенъ. Но, Боже, съ какимъ страданіемъ вспоминалъ онъ праздникъ Рождества въ Брайервудѣ; лицо своей дочери, сіявшее среди остролистника и омелы; незатѣйливыя развлеченія, тихія семейныя радости!

„Будемъ ли мы опять сидѣть когда-нибудь вмѣстѣ у нашего очага, я и Грація?“ думалъ онъ.

Какъ ни горька была для него эта неизвѣстность объ участи дочери, ожидавшее его извѣстіе было еще горьче. Въ одно мрачное январьское утро, недѣль пять спустя послѣ

перваго свиданія Редмайна съ мистеромъ Кенделемъ, разсыльный мальчикъ изъ конторы Смузи и Гебба принесъ ему записку, которою его приглашали придти немедленно въ Грей-Иннъ.

Онъ тотчасъ же послѣдовалъ за посланнымъ и былъ прямо введенъ въ пріемную мистера Смузи. Адвокатъ стоялъ грѣясь предъ каминомъ; мистеръ Кендель стоялъ у стола предъ небольшою связкой газетъ.

— Имѣете вы какія-нибудь извѣстія для меня? спросилъ съ волненіемъ Ричардъ Редмайнъ, подходя прямо къ сыщику.

— Не торопитесь, мой милый Редмайнъ, сказалъ адвокатъ успокоивающимъ тономъ. — Кендель полагаетъ что имѣетъ для васъ извѣстіе, но оно самаго печальнаго свойства, если дѣйствительно касается васъ. Я долженъ предупредить васъ чтобы вы готовились къ худшему.

— Боже мой! воскликнулъ Редмайнъ.—Неужели случилось то чего я такъ опасался? Неужели дочь моя погубила себя?

— Нѣтъ, это было бы уже слишкомъ печально. Сядьте пожалуста, успокойтесь. Мы, можетъ быть, ошибаемся.

— Число то же самое, сказалъ Кендель.—Миссъ Редмайнъ покинула домъ одиннадцатаго ноября.

— Страдала дочь ваша болѣзнію сердца, мистеръ Редмайнъ?

— Нѣтъ, насколько мнѣ извѣстно. Мать ея умерла внезапно отъ болѣзни сердца, двадцати лѣтъ отъ роду. Да что вы не говорите прямо! Умерла моя дочь?

— Мы имѣемъ основаніе этого опасаться, но повторяю что мы, можетъ-быть, ошибаемся. Не лучше ли вамъ прочесть эти параграфы, Кендель? Пусть мистеръ Редмайнъ узнаетъ худшее.

Мистеръ Кендель началъ развертывать газеты съ несовсѣмъ спокойнымъ видомъ. Онъ привыкъ обнаруживать печальныя событія, но настоящее дѣло казалось ему выходящимъ изъ ряда обыденныхъ семейныхъ несчастій. Внимательное лицо Редмайна, блѣдное до самыхъ губъ, свидѣтельствовало о необычайномъ страданіи.

— Миссъ Редмайнъ, началъ онъ дѣловымъ тономъ,—покинула домъ рано утромъ одиннадцатаго ноября, и съ тѣхъ поръ до настоящаго времени вы не получали о ней никакихъ извѣстій. На дняхъ, имѣя надобность заглянуть въ старыя газеты, по другому дѣлу, я случайно напалъ на извѣстіе о внезапной смерти молодой особы, которая пріѣхала въ Лондонъ

изъ провинціи одиннадцатаго ноября, за часъ до своей кончины. Ей было девятнадцать лѣтъ и звали ее Граціей. Прочесть вамъ отчетъ о слѣдствіи?

— Прочтите.

Слово это вышло какимъ-то хрипомъ изъ его блѣдныхъ, сухихъ губъ.

Мистеръ Кендель прочелъ одинъ за другимъ нѣсколько параграфовъ изъ различныхъ газетъ. Въ одной изъ нихъ, въ небольшой еженедѣльной газетѣ, издававшейся въ Гайгетѣ, происшествіе было описано подробнѣе чѣмъ во всѣхъ другихъ.

— Онъ назвалъ себя Вальшемъ, а молодую дѣвушку своею сестрой, замѣтилъ Редмайнъ, когда Кендель кончилъ.

— Нѣтъ ничего страннаго если при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ онъ скрылъ свое настоящее имя и свои отношенія съ молодою особой, отвѣчалъ Кендель.—Я не утверждаю что эта дѣвушка была ваша дочь, совпаденія не рѣдкость въ нашемъ мірѣ, но ея имя, лѣта, день ея кончины одинаковы съ именемъ, лѣтами и днемъ побѣга вашей дочери. Даже первыя буквы его имени одинаковы съ первыми буквами имени мистера Вальгри. Но подумайте, мистеръ Редмайнъ, что какъ ни тяжело идти по слѣдамъ вашей дочери чтобъ остановиться, можетъ-быть, у могилы, было бы еще тяжелѣе найти ее въ положеніи которое хуже смерти.

Такая рѣчь была цѣлымъ взрывомъ чувства со стороны мистера Кенделя; его сердце, еще не совсѣмъ высушенное алькоголемъ, было глубоко тронуто безмолвнымъ отчаяніемъ отца, выразившимся только страшною перемѣной въ лицѣ и голосѣ.

— Намѣрены ли вы воспользоваться этими газетными извѣстіями, мистеръ Редмайнъ? спросилъ адвокатъ.

— Да, я провѣрю ихъ, а потомъ пойду по слѣдамъ убійцы моей дочери, отвѣчалъ Редмайнъ.

Онъ сѣлъ къ столу и записалъ въ свою письменную книжку имя слѣдователя производившаго слѣдствіе о смерти Граціи и нѣкоторыя подробности слѣдствія. Мистеръ Кендель смотрѣлъ на него пока онъ писалъ и удивлялся твердости его руки.

— Продолжать мнѣ мои розыски по вашему дѣлу, мистеръ Редмайнъ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, я буду продолжать ихъ самъ. Я скорѣе всѣхъ рѣшу дочь ли моя была эта дѣвушка, а въ случаѣ неудачи обра-

щусь опять къ вамъ. Я заплачу вамъ за то что вы сдѣлали для меня.

— Благодарю васъ, мистеръ Редмайнъ, и жалѣю отъ всего сердца что мнѣ пришлось оказать вамъ такую печальную услугу. Кстати: есть ли у васъ портретъ вашей дочери? Онъ помогъ бы вамъ рѣшить вопросъ.

— Есть, отвѣчалъ Редмайнъ, положивъ руку на грудь. Онъ постоянно носилъ портретъ Граціи, съ тѣхъ поръ какъ разстался съ ней, въ боковомъ карманѣ сюртука, хотя этотъ портретъ былъ только плохая фотографическая карточка, представлявшая дорогое лицо, которому недоставало красокъ и жизни, придававшихъ красоту оригиналу.

Рѣшено было что Редмайнъ отправится въ Гайгетъ, отыщетъ коронера свидѣтельствующаго мертвыя тѣла и провѣритъ газетныя извѣстія.

Онъ отыскалъ коронера, отыскалъ и доктора который былъ приглашенъ въ коттеджъ когда Грація лежала мертвая въ объятіяхъ своего возлюбленнаго. Отъ доктора онъ выслушалъ подробное описаніе наружности дѣвушки, ея красиваго овальнаго лица, съ рыжевато-темными волосами и съ маленькою родинкой подъ подбородкомъ.

Сомнѣнія не осталось что то была его Грація. Онъ прослѣдилъ ее до конца ея краткаго странствія. Всѣ его планы разрушились, всѣ его мечты о новой жизни въ прекрасномъ австралійскомъ помѣстьи оказались несбыточными. Увы! если онъ увидитъ когда-нибудь опять свою дочь, то не въ этомъ мірѣ. На землѣ ему уже нечего было искать.

„Кромѣ человѣка погубившаго ее, сказалъ онъ себѣ.—Не дай мнѣ, Господи, умереть не расквитавшись съ нимъ.“

Онъ пошелъ въ домъ въ которомъ умерла его бѣдная дочь. Съ того времени въ домѣ перемѣнилось нѣсколько жильцовъ, но на доскѣ висѣвшей въ хорошенькомъ маленькомъ садикѣ было объявлено что квартира опять свободна.

Редмайнъ вошелъ въ домъ и побывалъ въ маленькой гостиной въ которой она упала пораженная внезапною смертью, побывалъ и въ спальнѣ въ которой она лежала въ своемъ послѣднемъ непробудномъ снѣ. Онъ смотрѣлъ на мѣсто ея кончины съ отчаяніемъ не имѣвшимъ выраженія ни въ слезахъ, ни въ порывахъ гнѣва, ни въ проклятіяхъ, хотя въ душѣ его было чувство горьче проклятій противъ человѣка погубившаго его дочь.

„Кендель былъ, кажется, правъ, думалъ онъ стоя предъ

бѣлою постелью и воображая на ней Грацію со скрещенными на груди руками, — можетъ-быть дѣйствительно лучше что она умерла и избѣгла постыдной участи которую готовилъ ей ея возлюбленный. Надо благодарить Бога что она не сдѣлалась его любовницей. Но какъ было бы хорошо соединиться съ ней опять и начать вмѣстѣ новую жизнь!"

За домомъ присматривала старая, полуглухая женщина, съ однимъ плечомъ выше другаго.

— Я помогла класть ее въ гробъ, бѣдняжку, сказала она плаксивымъ тономъ, когда Редмайнъ сталъ разспрашивать ее о молодой дѣвушкѣ внезапно скончавшейся въ этомъ домѣ немного болѣе года тому назадъ.

— Такъ вы видѣли ее? воскликнулъ Ричардъ Редмайнъ.

— Еще бы! Я видѣла и его послѣ ея смерти. Онъ былъ тоже блѣденъ какъ мертвецъ и такъ спокоенъ что страшно было смотрѣть. Странное дѣло! Нанимая домъ онъ сказалъ что нанимаетъ его для своей молодой жены, а на слѣдствіи выдалъ ее за свою сестру. Но кто бы она ни была, онъ очень любилъ ее. Я была въ домѣ за часъ до ихъ пріѣзда, помогая служанкамъ убирать комнаты. Посмотрѣли бы вы какія вещи онъ сюда прислалъ, сколько цвѣтовъ и фруктовъ и разныхъ роскошей. А фортепіано было просто картина. Да, кто бы она ни была, онъ ее очень любилъ.

— Такъ пусть воспоминаніе о ней преслѣдуетъ его всю жизнь и отравитъ его послѣднія минуты на смертномъ одрѣ, пробормоталъ Ричардъ Редмайнъ.

Старуха была слишкомъ глуха чтобъ разслышать это проклятіе. Она начала опять описывать красоту покойницы.

— А каковъ былъ собой этотъ человѣкъ? спросилъ Редмайнъ.

— Мистеръ Вальшъ?

— Да, мистеръ Вальшъ.

— Довольно красивый господинъ. Высокій, темноволосый, постарше ея лѣтъ на десять, если не больше.

— Не знаете ли вы куда дѣвался онъ послѣ слѣдствія?

— Нѣтъ, не знаю. Онъ заплатилъ мѣсячную плату за квартиру, уложилъ всѣ шелковыя платья, туфли и все тому подобное въ большой чемоданъ, велѣлъ положить его на крышу кареты и уѣхалъ. Извощикъ знаетъ куда отвезъ его, а намъ почемъ же знать?

— И извощика не знаете?

— Нѣтъ, сударь, извощикъ былъ взятъ съ улицы. Мистеръ Вальшъ платилъ щедро. Кухаркѣ и горничной онъ заплатилъ за цѣлый мѣсяцъ, заплатилъ и мнѣ. А какія были похороны! Съ похоронными каретами и съ перьями на каретахъ и лошадяхъ! Онъ за все заплатилъ, и никто его не разспрашивалъ. А исторія эта все-таки загадочна. Что-нибудь да было между ними что̀ сразило бѣдняжку.

— Она умерла отъ разбитаго сердца, когда узнала что довѣрилась негодяю. Это ясно, сказалъ Редмайнъ болѣе самому себѣ чѣмъ старухѣ, глухія уши которой, однако, разслышали два слова.

— Разбитое сердце, повторила она.—Да, это правда, то же самое говорила и горничная, когда мы чесали волосы покойницы. Онъ что-то сказалъ ей вскорѣ послѣ ихъ пріѣзда что̀ разбило ея бѣдное сердце.

Часа два спустя, въ сумерки, Ричардъ Редмайнъ пришелъ одинъ на тихое Гетериджское кладбище, которое находилось на разстояніи только пятнадцати миль отъ Лондона, но принадлежало деревнѣ стоявшей въ сторонѣ отъ большой дороги.

„Я увѣренъ что на могилѣ ея нѣтъ никакого памятника“, съ горечью думалъ Ричардъ Редмайнъ, бродя между скромными могильными камнями.—„Никто не поставитъ памятника въ воспоминаніе о своемъ грѣхѣ.“

Но онъ ошибся. Не въ безыменной могилѣ лежала Грація Редмайнъ. Онъ подошелъ наконецъ къ большой плитѣ изъ сѣраго полированнаго гранита, съ надписью въ три строчки:

„Грація.

„Умерла 11го ноября 186—19 лѣтъ.

„Увы! Увы!“

Элитафію короче этой трудно было придумать.

„Желалъ бы я знать гдѣ онъ будетъ погребенъ, когда придетъ его время“, подумалъ Ричардъ Редмайнъ. „Но, клянусь Богомъ, я убью его когда мы встрѣтимся.“

ГЛАВА XXI.

Мистеръ и мистрисъ Гаркросъ жили въ одномъ изъ новѣйшихъ домовъ, одной изъ новѣйшихъ частей города. Бываютъ люди которые инстинктивно любятъ старыя, обросшія мохомъ жилища, которые скучаютъ безъ узкихъ оконъ и красныхъ кирличныхъ фронтоновъ, временъ королевы Анны, и

готовы вытерпѣть какія угодно неудобства, если знаютъ что въ столовой дома въ которомъ они живутъ происходили оргіи кудрявыхъ любимцевъ реставраціи, а въ лучшихъ спальняхъ жили дамы въ фижмахъ и вуаляхъ, люди которые способны спокойно улыбаться, когда вода просачивается сквозь крышу ихъ дома, если этотъ домъ слыветъ любимымъ дворцомъ Анны Болень, Генриха VIII, или Елизаветы.

Августа Валлори не принадлежала къ числу этихъ поклонниковъ старины. Ея понятія, симпатіи и антипатіи были самыя современныя. Домъ не могъ быть слишкомъ новымъ для нея. Она любила стѣны съ только-что высохшею штукатуркой, любила выбирать сама каждый кусокъ обоевъ и знать что простые смертные никогда не жили подъ крышей покрывавшей ея избранную голову.

— Я терпѣть не могу жить въ домѣ въ которомъ уже кто-нибудь жилъ до меня, говорила она,—въ особенности если въ стѣнахъ есть шкафы: въ нихъ всегда остается запахъ.

Вслѣдствіе этого когда Губертъ Вальгревъ предъ свадьбой предложилъ нанять домъ между Гросвеноръ-Скверомъ и Паркъ-Леномъ,—въ Брукъ-Стритѣ или въ Грикъ-Стритѣ, напримѣръ, миссъ Валлори отвѣчала:

— Нѣтъ, мой милый Губертъ. Всѣ эти дома стары какъ Лондонъ и переполнены тараканами и всякими ужасами.

Мистеръ Вальгревъ рѣшился замѣтить что классъ общества наполняющій эту часть города едва ли сталъ бы жить въ сообществѣ съ тараканами.

— Оставимъ въ сторонѣ таракановъ, Губертъ. Я знаю что въ Брукъ-Стритѣ живутъ люди пускающіе къ себѣ жильцовъ. Возможно ли чтобы мы съ вами жили.... Какъ это ужасное выраженіе? Бокъ-о-бокъ? Да, бокъ-о-бокъ съ наемными квартирами. Напротивъ, въ новой части улицы на земляхъ маркиза Вестминстера....

Мистеръ Вальгревъ поморщился.

— Отвратительные новые дома, сказалъ онъ.

— Иными словами, вы чувствуете отвращеніе къ чистотѣ и порядочности. Вы сказали почти то же самое. Близъ Гросвеноръ-Плеса мы можемъ найти домъ въ которомъ мнѣ не стыдно будетъ принимать моихъ знакомыхъ, а у насъ будутъ конечно вечера, Губертъ.

— Вечера, милая моя? Конечно. Я поставлю себѣ долгомъ проводить вечера дома, если вы этого желаете.

— Я совсѣмъ не то говорю. Я надѣюсь что вы будете дома въ послѣобѣденное время, если мы не будемъ никуда приглашены, но я говорю объ еженедѣльныхъ званыхъ вечерахъ

— О „вторникахъ“ или „четвергахъ“, сказалъ мистеръ Вальгревъ, поморщившись опять. — Неужели это вамъ нравится, Августа? Быть обязаннымъ сидѣть дома въ извѣстный вечеръ, зажигать безконечное число свѣчей и встрѣчать толпы гостей, входящихъ какъ бы исполняя общественную обязанность и не надѣясь что ихъ накормятъ;—неужели вы думаете, Августа, что игра стóитъ свѣчъ? Не слишкомъ ли это скучная забава?

— Не знаю почему вы думаете что мои гости будутъ приходить какъ по обязанности, сказала миссъ Валлори оскорбленнымъ тономъ. — Я надѣюсь что они будутъ приходить добровольно.

— О, конечно, настолько добровольно, насколько это возможно, но все же, по моему мнѣнію, это скучная затѣя. Ломай цѣлую недѣлю голову, придумывай гдѣ бы достать что-нибудь новенькое, какого-нибудь пьяниста, напримѣръ, который превзошелъ своими фокусами всѣхъ другихъ пьянистовъ, или литератора только-что напечатавшаго книгу имѣвшую успѣхъ, или астронома открывшаго новую планету, или адвоката первенствовавшаго въ послѣднемъ сенсаціонномъ дѣлѣ, чтобы гостямъ было на кого посмотрѣть. Не шутя, Августа, неужели намъ нельзя будетъ отдѣлываться двумя или тремя обѣдами и баломъ въ теченіи сезона?

— Я не понимаю что̀ вы хотите сказать своимъ „отдѣлываньемъ“, Губертъ. Я всегда рада видѣть моихъ друзей и надѣюсь что они рады видѣть меня.

Мистеръ Вальгревъ пожалъ плечами съ видомъ учтиваго равнодушія, что̀ онъ всегда дѣлалъ когда хотѣлъ положить конецъ спору съ своею невѣстой.

Домъ былъ нанятъ въ Мастодонъ-Кресчентѣ, по контракту на семь лѣтъ, домъ небольшой въ сравненіи съ другими домами этой части города. Въ верхнихъ этажахъ было только девять спаленъ, три ванныя и нѣсколько узкихъ корридорчиковъ, называвшихся уборными. Въ нижнемъ этажѣ была по обыкновенію столовая, а рядомъ съ ней мрачный склелъ, предназначавшійся быть библіотекой и кабинетомъ хозяина. Бельэтажъ былъ занятъ гостиными, мало чѣмъ отличавшимися отъ гостиныхъ Акрополисъ-Сквера. По крайней мѣрѣ

Губертъ Вальгревъ не замѣтилъ никакой разницы, когда пріѣхалъ съ своею будущею женой посмотрѣть что̀ сдѣлалъ молодой меблировщикъ съ домомъ въ которомъ ему предстояло прожить семь слѣдующихъ лѣтъ. Еслибъ этотъ домъ былъ нанятъ на недѣлю, онъ не могъ бы смотрѣть на него равнодушнѣе чѣмъ смотритъ теперь.

— Довольны ли вы, Губертъ? спросила миссъ Валлори, высказавъ свое мнѣніе о коврѣ и изгнавъ стулъ или два.

— Если вы довольны, Августа, то и я доволенъ. Всѣ такія гостиныя похожи какъ двѣ капли воды одна на другую. Въ лѣтнемъ домѣ сэръ-Даніэля Дунди въ Ричмондѣ нѣтъ вовсе гостиной. Ея мѣсто занимаетъ большая библіотека съ италіянскимъ окномъ, выходящимъ на Темзу, и еслибъ я убиралъ домъ по своему вкусу, я не сдѣлалъ бы гостиной. Самую большую комнату въ домѣ я сдѣлалъ бы библіотекой, но еслибы судьба обрекла меня имѣть много знакомыхъ, я сталъ бы принимать ихъ въ цвѣточной комнатѣ.

— Надѣюсь что въ этомъ домѣ вы будете въ состояніи удовлетворить свои вкусы, сказала Августа. — И мнѣ хотѣлось бы чтобы вы говорили о немъ не такимъ равнодушнымъ тономъ какъ будто это чужой домъ.

— Лондонскій домъ не имѣетъ индивидуальности; по крайней мѣрѣ новый лондонскій домъ, возразилъ мистеръ Вальгревъ. — Что̀ бы мы у себя ни сдѣлали, я готовъ поручиться что мы найдемъ то же самое у сосѣда. Мнѣ кажется что я могъ бы войти въ любую столовую на этой улицѣ, сѣсть и считать себя дома, пока не вошелъ бы незнакомый лакей.

Они перешли во второй этажъ и осмотрѣли главную спальню, потомъ уборную мистрисъ Гаркросъ, будуаръ мистрисъ Гаркросъ, ванную мистрисъ Гаркросъ. Уборная и ванная мистера Гаркроса помѣщались обѣ въ одной комнатѣ въ верхнемъ этажѣ, куда вела задняя лѣстница, такъ какъ парадная внезапно прерывалась у втораго этажа. Къ счастію мистеръ Вальгревъ-Гаркросъ былъ не сибаритъ. Онъ не протестовалъ противъ задней лѣстницы.

— Мнѣ очень жаль что тебѣ отвели уборную въ верхнемъ этажѣ, Губертъ, сказала Августа.—Но иначе нельзя было бы расположить удобнѣе мои комнаты. Будуаръ безполезенъ, если онъ не рядомъ съ уборной. *En revanche*, я совсѣмъ отдаю вамъ библіотеку и даже велѣла сдѣлать въ ней вентиляцію для куренья.

— Это очень внимательно съ вашей стороны, Августа. Я радъ имѣть комнату въ которой могу выкурить сигару. Я перенесу въ нее часть моихъ книгъ изъ Темпля, лишь только мы поселимся здѣсь.

Они ходили изъ комнаты въ комнату. День былъ сѣрый, дождливый, омрачавшій самые веселые предметы, и Губертъ Вальгревъ сталъ до странности молчаливъ пока его невѣста сидѣла въ своемъ нарядномъ будуарѣ, нѣсколько напомнившемъ ему другую комнату, оживленную птицами и цвѣтами въ такой же мрачный ноябрьскій день.

Его невѣста была такъ погружена въ разсматриваніе своихъ апартаментовъ что не замѣтила происшедшей въ немъ перемѣны. Миссъ Валлори была въ духѣ: меблировщикъ угодилъ ей какъ нельзя болѣе. Она была довольна употребленіемъ своихъ денегъ; она гордилась этимъ домомъ какъ никогда не гордилась домомъ отца; она была искренно привязана къ человѣку за котораго выходила замужъ и надѣялась что эта красивая обстановка и ея богатство будутъ полезны для его профессіональной карьеры. Безучастіе мистера Вальгрева она принимала за манеру обращенія, за напускное равнодушіе. Она никогда не сомнѣвалась въ искренности его привязанности къ ней. Могъ ли онъ желать отъ жены больше того что̀ находилъ въ ней—красоту, образованіе, богатство.

Мистеръ Вальгревъ принялъ имя Гаркроса въ началѣ лѣта, но свадьба была осенью, блестящая свадьба въ одной изъ самыхъ модныхъ церквей Вестъ-Энда. Медовый мѣсяцъ молодые провели въ Шотландіи, любуясь красотами природы со свойственною имъ обоимъ холодностію, и вернулись въ Лондонъ въ ноябрѣ. Губертъ Гаркросъ подчинился почти безпрекословно рутинному образу жизни своей жены. Она не была къ нему такъ требовательна какъ были бы многія женщины въ ея положеніи, но она вышла замужъ съ твердымъ намѣреніемъ блистать въ обществѣ. Какъ миссъ Валлори, она была только дочь богатаго стряпчаго, всегда болѣе или менѣе стѣсненная въ своихъ стремленіяхъ ограниченнымъ значеніемъ своего отца; сдѣлавшись мистрисъ Гаркросъ, она стала богатою женой человѣка стоявшаго на широкой дорогѣ къ отличіямъ и почувствовала что ея общественное положеніе обезпечено. Самое лучшее общество должно будетъ отворить ей свои двери, когда ея мужъ заставитъ говорить о

себѣ, а въ ожиданіи этого блага она довольствовалась тѣмъ что была важною особой въ своемъ кружкѣ.

Новая жизнь Губерта Вальгрева, полная мелочныхъ формальностей и церемоній, которыми онъ тяготился до крайности, была не семейною жизнію. Мистрисъ Гаркросъ любила общество и посвятила свои лучшіе годы выѣздамъ и пріемамъ. Кругъ ея знакомыхъ, съ помощію еженедѣльныхъ вечеровъ, быстро увеличивался. Губертъ Гаркросъ тяготился новыми лицами, были ли то люди желавшіе вести съ нимъ непремѣнно дѣловой разговоръ и восхвалявшіе его блестящую аргументацію въ томъ или другомъ дѣлѣ, или тенора и сопрано изъ любителей, не отходившіе отъ большаго рояля, или послѣднія знаменитости въ томъ или другомъ родѣ. Онъ былъ всегда свѣтскимъ человѣкомъ, но у него былъ свой идеалъ семейной жизни, вовсе не похожій на его жизнь въ великолѣпномъ домѣ, гдѣ единственная комната въ которой онъ чувствовалъ себя свободно былъ мрачный склепъ со сводами и съ окномъ выходившимъ на мощеный дворъ и на высокую стѣну, но онъ покорился и присутствовалъ на обѣдахъ жены, высиживалъ всѣ новыя піесы въ модныхъ театрахъ, тратилъ часа два на оперу въ каждый вечеръ своего абонемента, посѣщалъ всѣ картинныя выставки въ Вестъ-Эндѣ и даже цвѣточныя, когда позволяли дѣла.

Онъ, однако, не жаловался, когда занятія его усложнялись и освобождали его отъ такихъ выѣздовъ, и мало-по-малу, отговариваясь дѣлами, совсѣмъ отсталъ отъ образа жизни своей жены. Она жалѣла что онъ не можетъ проводить съ ней больше времени, такъ какъ ей необходимо было чтобъ онъ сдѣлался великамъ человѣкомъ; она не отрывала его отъ занятій и выѣзжала большею частію безъ него, съ спокойнымъ сознаніемъ что она самая красивая и лучше всѣхъ одѣтая женщина въ своемъ кружкѣ общества. Она тратила на свой туалетъ около тысячи фунтовъ въ годъ и считала себя исполнявшею свою обязанность относительно Бога и своихъ ближнихъ, когда клала соверенъ на тарелку послѣ проповѣди или подписывала пять фунтовъ на дѣтскій пріютъ.

Супружеская жизнь ихъ была не отрадная жизнь. Прошло болѣе двухъ лѣтъ послѣ ихъ свадьбы, а у нихъ еще не было ребенка, который освятилъ бы ихъ союзъ. Невинное лицо младенца не оживляло скучнаго великолѣпія ихъ дома, и странно что Губертъ Гаркросъ, вся жизнь котораго была основа-

на на самой эгоистической философіи, принималъ это къ сердцу и тяготился своимъ бездѣтствомъ. Ему казалось что онъ совсѣмъ иначе чувствовалъ бы себя въ своемъ домѣ, еслибъ имѣлъ маленькихъ дѣтей.

Свои мрачныя думы по этому поводу онъ часто прерывалъ циническимъ смѣхомъ.

„Для чего мнѣ нуженъ сынъ?“ спрашивалъ онъ себя. „Что могу я передать ему? Имя не отличенное ничѣмъ кромѣ дешевой извѣстности которую я пріобрѣту для него, кровь эгоиста и прошлое которое хуже чѣмъ еслибы его совсѣмъ не было. И когда дѣти стали бы подростать, развѣ ихъ чистые глаза не разглядѣли бы того чего не видитъ ихъ мать,—холодности и безсердечности нашего союза. Нѣтъ, лучше остаться бездѣтнымъ чѣмъ увидать дѣтей своихъ краснѣющими за отца.“

Но мистеръ Гаркросъ нисколько не ошибся въ своихъ разчетахъ, женившись на дочери Вильяма Валлори и наслѣдницѣ Стефена Гаркроса. Деньги жены значительно повысили его профессіональное положеніе. Нѣтъ, кажется, репутаціи болѣе полезной какъ слыть за богатаго человѣка. Карета мистрисъ Гаркросъ, ложа мистрисъ Гаркросъ, вечера мистрисъ Гаркросъ, даже ананасы и персики на обѣдахъ мистрисъ Гаркросъ въ началѣ мая доставили Губерту Гаркросу болѣе клiентовъ чѣмъ онъ могъ сосчитать. Его клеркъ пересталъ принимать незначительныя дѣла, и однажды лѣтомъ, находясь съ женой въ Рейдѣ, мистеръ Гаркросъ отказался отъ очень выгоднаго дѣла, на томъ основаніи что погода слишкомъ тепла для того чтобы заниматься адвокатурой, и этотъ отказъ былъ для него выгоднѣе тысячнаго дѣла. Человѣкъ знающій когда полезно поважничать знаетъ путь къ успѣху, и мистеръ Гаркросъ въ первые годы своей женитьбы шелъ быстро впередъ; его имя стало извѣстнымъ именемъ, и люди искали его помощи какъ вѣрной защиты. Онъ не былъ шумнымъ адвокатомъ, ни выспреннимъ ораторомъ, но обладалъ хорошимъ голосомъ, спокойнымъ тономъ, мягкими манерами и его сарказмы всегда попадали въ цѣль. Онъ былъ замѣчательно во всемъ успѣвавшій человѣкъ, счастливецъ, какъ его называли. Имѣть Гаркроса на своей сторонѣ было почти ручательствомъ въ успѣхѣ.

Были минуты въ его жизни когда онъ увѣрялъ себя что онъ счастливъ, что жизнь его полна и что то чего въ ней недостаетъ такой вздоръ о которомъ не стóитъ и думать. Сидя

иногда за своимъ обѣденнымъ столомъ въ кругу любезныхъ гостей и сознавая что ему удивляются, завидуютъ, немногіе можетъ-быть любятъ его, онъ начиналъ думать что въ жизни его есть все что̀ составляетъ счастіе. Но вслѣдъ за такими минутами наступало разочарованіе, домашній очагъ казался унылымъ, несмотря на свое великолѣпіе, а общество нелюбимой жены наводило на размышленіе о томъ что̀ могло бы быть и что̀ было.

Что же касается мистрисъ Гаркросъ, она была вполнѣ довольна. Она пользовалась обществомъ мужа насколько это позволяли его профессіональныя занятія. Ея образъ жизни былъ его образомъ жизни, а если онъ иногда бывалъ принужденъ проводить много времени внѣ дома, она не жаловалась. Мистрисъ Гаркросъ не была ревнива, вопервыхъ потому что мужъ не давалъ ей поводовъ къ ревности, вовторыхъ потому что сама она не могла допустить чтобы другая женщина могла произвесть впечатлѣніе на человѣка котораго она удостоила своимъ выборомъ.

Мужъ ея не всегда имѣлъ возможность быть ея провожатымъ, но она рѣдко являлась въ общество одна. Уэстонъ Валлори былъ всегда къ ея услугамъ. Онъ считалъ честью и удовольствіемъ сохранить у мистрисъ Гаркросъ должность ручной кошки, которую онъ такъ хорошо исполнялъ у миссъ Валлори. Уэстонъ привозилъ ей новѣйшія фотографіи для ея портфелей, Уэстонъ отыскивалъ знаменитыхъ людей для ея вечеровъ, Уэстонъ помогалъ ей составлять списки гостей для ея обѣдовъ, Уэстонъ составлялъ *меню*, словомъ, Уэстонъ имѣлъ необыкновенное призваніе ко всѣмъ мелочнымъ занятіямъ, которыми пренебрегалъ Губертъ Гаркросъ. Послѣдній видѣлъ что Уэстонъ ухаживаетъ за его женой и не мѣшалъ ему. Это избавляло его отъ излишнихъ хлопотъ, а ревновать Августу ему и въ голову не приходило. Она была выше подозрѣній.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ супружества не было нѣсколькихъ часовъ задушевнаго разговора между мужемъ и женой. О дѣтствѣ и юности Губерта Вальгрева, объ его молодости съ ея испытаніями и соблазнами, Августа не знала ничего. Она не способна была сильно интересоваться тѣмъ что̀ было до нея, но раза два пробовала разспросить своего мужа объ его прошломъ.

— Я думаю, ни одна жена не знаетъ такъ мало о своемъ мужѣ какъ я о тебѣ, Губертъ, сказала она тономъ жалобы.

— Потому что рѣдкій человѣкъ можетъ разказать такъ мало о своемъ прошломъ какъ я, жалобно возразилъ мистеръ Гаркросъ. — Нѣкоторые люди имѣютъ исторію, я никакой. Моя юность прошла въ Рогби и въ Кембриджѣ въ безпрерывной работѣ. Я много трудился, милая Августа, и это все мое прошлое. Если въ моей жизни должны быть необычайныя событія, они еще впереди.

Мистрисъ Гаркросъ была замужемъ цѣлый годъ, прежде чѣмъ проникла въ квартиру своего мужа въ Темплѣ. Однажды лѣтомъ, когда ей неожиданно пришла фантазія дать обѣдъ въ тотъ же день, она сѣла въ карету и отправилась прямо въ Темпль. Ее ввели безъ доклада въ пріемную мужа. Мистеръ Гаркросъ стоялъ облокотясь на конторку и съ утомленнымъ видомъ перелистывалъ какое-то тяжебное дѣло. Онъ съ невыразимымъ удивленіемъ поднялъ глаза на жену.

— Августа! воскликнулъ онъ.—Я такъ же мало ожидалъ увидать здѣсь тебя какъ принцессу Марію или какую-нибудь другую столь же важную особу. Развѣ въ Кресчентѣ землетрясеніе, или что-нибудь въ этомъ родѣ?

— Я пригласила нѣсколько человѣкъ знакомыхъ на обѣдъ, Губертъ, и хотѣла предупредить тебя чтобы ты обѣдалъ дома. Какая славная квартира! А я думала что въ Темплѣ все грязно и безобразно.

— Не вездѣ, душа моя. Нѣкоторые изъ насъ дерзаютъ жить удобно. Не хочешь ли хересу съ содовою водой? Вѣдь у меня тутъ свой погребъ.

— Ты знаешь что я не пью вина до обѣда. Какая славная картина, воскликнула она, увидавъ картину надъ каминомъ.— Это портретъ? Славное лицо, но въ немъ есть что-то непріятное.

— Мнѣ жаль что оно тебѣ не нравится, Августа, отвѣчалъ спокойно мистеръ Гаркросъ.—Это портретъ моей матери.

— Въ самомъ дѣлѣ! Ты такъ скрытенъ относительно своего родства, что долженъ простить мнѣ мои слова. Лицо очень красиво, конечно, но я не вижу въ немъ ни малѣйшаго сходства съ тобою.

— Сходства никакого нѣтъ. Я имѣю честь походить на отца и его предковъ.

— Съ какой насмѣшкой ты это говоришь. Можно подумать что твой отецъ былъ очень дурной человѣкъ.

— Я и не говорю что онъ былъ хорошій человѣкъ. Я знаю о немъ только то что онъ былъ расточительный негодяй и что онъ пожалъ плоды своей расточительности, что случается не со всѣми подобными ему негодями.

— О, Губертъ, можно ли такъ говорить!

— Это неприлично, не правда ли? Всякій отецъ долженъ быть безупречнымъ въ глазахъ своего сына. Знаешь, Августа, что у меня тяжелое прошлое и что для насъ обоихъ лучше не касаться его. Я не могу говорить объ отцѣ хладнокровно.

— Какъ угодно. Но скажи мнѣ, почему мистрисъ Вальгревъ нарисована въ такомъ странномъ костюмѣ?

— Не знаю, можетъ-быть это ея фантазія, а можетъ-быть мода того отдаленнаго времени. Я былъ слишкомъ малъ тогда чтобъ обратить вниманіе на костюмъ. Эта картина наслѣдственная и единственная которою я обладаю.

Мистрисъ Гаркросъ обошла комнату, осмотрѣла полки съ книгами, каминъ съ разставленными на немъ ленковыми трубками, ящиками для сигаръ и табаку, съ часами въ формѣ скелета и термометромъ въ виды иглы Клеопатры, посмотрѣла на красивый видъ изъ окна и осталась не совсѣмъ довольна что мужъ ея имѣетъ комнату много лучше той которая была отведена ему въ Мастодонъ-Кресчентѣ. Она, однако, не сдѣлала никакого замѣчанія по этому поводу и уѣхала сильно заинтересованная картиной надъ каминомъ.

ГЛАВА XXII.

Сильное впечатлѣніе.

Какъ замокъ спящей красавицы пробудился внезапно отъ своего долгаго сна, такъ и Клеведонъ въ одинъ прекрасный лѣтній день, пять лѣтъ спустя послѣ смерти Граціи, вышелъ изъ своего оцѣпенѣнія и зажилъ новою жизнью. Болтовня служанокъ, стукъ обойщиковъ, столяровъ и каменьщиковъ, шумъ и суета съ чердака до погреба, разчистка стараго сада, лай собакъ и гулъ человѣческихъ голосовъ съ ранняго утра до поздней ночи нарушали торжественную тишину окрестныхъ лѣсовъ.

Сэръ-Френсисъ Клеведонъ возвращался домой. Тетка его

наконецъ умерла, назначивъ его своимъ единственнымъ наслѣдникомъ, и онъ намѣревался переселиться въ Клеведонъ лишь только домъ станетъ обитаемымъ. Мистеръ Вортъ былъ на ногахъ цѣлые дни, ходя по дому и по службамъ съ записною книжкой въ рукахъ и съ карандашомъ за ухомъ, во все вмѣшиваясь, всѣмъ указывая и отдавая приказанія направо и налѣво. Ему предписано было не производить никакихъ дорого стоящихъ улучшеній, а только вычистить и починить все старое. Отдѣлать заново Клеведонскій домъ стóило бы двадцать тысячъ франковъ, и сэръ-Френсисъ, которому предстояло жить на семь тысячъ въ годъ, не въ состояніи былъ истратить разомъ полную сумму. Да онъ объ этомъ и не мечталъ. Ему хотѣлось переселиться въ Клеведонъ какъ можно скорѣе и исправлять постепенно, сообразуясь съ своимъ вкусомъ и потребностями.

Итакъ, крысы были изгнаны изъ своихъ удобныхъ жилищъ за старыми панелями, лауки и майскіе жуки были сметены съ изящныхъ карнизовъ, по всему дому распространился запахъ краски и лаку, полы и лѣстницы были натерты до того что стало опасно ходить по нимъ, старыя кровати украсились новыми занавѣсками, въ лучшихъ комнатахъ были разостланы новые ковры, и незначительные проблески новѣйшей моды въ меблировкѣ комнатъ появились между псевдоклассическими вещами временъ регентства и старою орѣховою и дубовою мебелью временъ королевы Анны. Меблировка нѣсколькихъ большихъ комнатъ относилась очевидно къ царствованію Елизаветы и не подвергалась съ тѣхъ поръ никакимъ измѣненіямъ. Что же касается жилыхъ комнатъ, убранство ихъ измѣнялось при каждомъ ихъ обладателѣ и въ результатѣ получилась необыкновенная пестрота и разнообразіе.

Тѣмъ не менѣе это былъ прекрасный благородный старый домъ, одинъ изъ тѣхъ домовъ въ которые входишь съ благоговѣніемъ, какъ въ церковь. Такое же впечатлѣніе произвелъ онъ и на сэръ-Френсиса, когда тотъ въ первый разъ вошелъ въ него, подъ руку съ сестрой своей Сибиллой, и въ сопровожденіи раскраснѣвшагося, взволнованнаго Джона Ворта.

Дойдя до верхней ступеньки каменной лѣстницы, которая вела изъ парадной двери Клеведона, сэръ-Френсисъ остановился на минуту, чтобъ окинуть взглядомъ паркъ и окрестные

лѣса и дать взглянуть на себя группамъ поселянъ, фермеровъ и рабочихъ, собравшихся посмотрѣть на его прибытіе и порадовать его дружескою встрѣчей.

Каковъ же былъ человѣкъ котораго они увидѣли? Онъ былъ молодъ, высокъ и строенъ, съ смуглымъ цвѣтомъ лица и правильными чертами, съ блестящими сѣрыми глазами и съ привѣтливою улыбкой, обнаруживавшею рядъ блестящихъ бѣлыхъ зубовъ. Дѣвушка которую онъ держалъ подъ руку была вовсе не похожа на него. Маленькая и хорошенькая, она напоминала собою фарфоровую куклу. Онъ былъ Клеведонъ до мозга костей, говорили друзья его семейства, а бѣдная Сибилла была вся въ мать.

— Я очень благодаренъ вамъ, сказалъ онъ обращаясь съ веселою улыбкой къ поселянамъ и думая какъ все это похоже на сцену изъ оперы. Онъ молодой графъ или баронъ, поселяне его преданные вассалы.—Но я право не знаю чѣмъ я могъ заслужить ваше расположеніе. Можетъ-быть современемъ, если одни изъ васъ найдутъ во мнѣ добраго помѣщика, другіе добраго сосѣда, я буду имѣть больше правъ на такой дружескій пріемъ. Не знаю найдется ли боченокъ пива въ нашихъ погребахъ, но если найдется, онъ будетъ поданъ вамъ немедленно.

— Мы вчера привезли большой запасъ изъ Блекфрайерса и я вышлю имъ боченокъ если прикажете, сказалъ мистеръ Вортъ.

— Конечно. Но какъ тебѣ нравится Клеведонъ, Сибилла?

— Онъ такъ хорошъ какъ я и не воображала, отвѣчала дѣвушка тихимъ голосомъ.—Какъ долго мы мечтали объ этомъ днѣ, и дѣйствительность даже превзошла наши ожиданія. Еслибы только мама была съ нами, прибавила она грустно.

— О, да, Сибилла, ея отсутствіе какъ будто отняло солнечный свѣтъ у нынѣшняго дня, отвѣчалъ сэръ-Френсисъ, и оба замолчали, и это молчаніе, этотъ внезапный перерывъ въ ихъ радости былъ невольною данью усопшей матери.

Мистеръ Вортъ между тѣмъ вытеръ лобъ краснымъ платкомъ и не дождавшись чтобъ его начали разспрашивать пустился въ объясненія.

— Я старался держаться вашихъ инструкцій, сэръ-Френсисъ, началъ онъ спѣшнымъ, дѣловымъ тономъ,—но въ нѣкоторыхъ мелочахъ принужденъ былъ отступить отъ нихъ. Занавѣсы желтой гостиной, напримѣръ, были просто неприличны,

THE UNIVERSITY OF ILLINOIS AT CHICAGO
3 8198 324 295 326